

Т.И. Хорхордина

*Российская
наука об архивах*

История. Теория. Люди

Российский государственный гуманитарный университет

Т.И. Хорхордина

*Российская
наука об архивах*

История

Теория

Люди

Москва
2003

УДК 651.5
ББК 79.3
Х 82

Художник
Михаил Гуров

ISBN 5-7281-0670-6

© Т.И. Хорхордина, 2003
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2003

Оглавление

<i>Введение</i>	7
<i>Глава 1. Историко-теоретический анализ ключевых архивоведческих понятий</i>	11
Обоснование герменевтического подхода	13
Герменевтика понятия "архив"	21
Герменевтика понятий "архивоведение" и "наука об архивах"	43
<i>Глава 2. От эмпирического архивоведения к основам науки об архивах</i>	83
Эмпирическое архивоведение	86
Архивоведение петровской Руси: истоки и последствия	
Генерального регламента	108
Н.В. Калачов и традиционное архивоведение	145
Архивная наука и Д.Я. Самоквасов	203
Завершение периода традиционного архивоведения и попытки изменить государственную политику в области архивного дела на научной основе	232
<i>Глава 3. Классическое архивоведение</i>	243
Классическое архивоведение как ступень развития науки об архивах	245
А.С. Лаппо-Данилевский и гуманитарные основы классического архивоведения	252
Союз российских архивных деятелей и классическое архивоведение	286
А.С. Николаев и роль историко-архивной общественности в становлении и развитии классического архивоведения	360
Кружок архивных работников им. А.С. Лаппо-Данилевского	453
<i>Заключение</i>	479
<i>Примечания</i>	483

Введение

В условиях становления цивилизации нового типа исследование проблем возникновения и развития науки превратилось на рубеже XX и XXI вв. в один из важнейших процессов человеческого самопознания. Многие зарубежные и отечественные исследователи: философы, историки, социологи, науковеды, историографы, книговеды, источниковеды — усматривают суть происходящих глобальных перемен в нарастающих темпах всеохватывающей информатизации человеческого сообщества, что радикально влияет на характер *парадигмы* научного знания.

Глубинную суть произошедших изменений испанский философ, социолог и культуролог Хосе Ортега-и-Гассет в одной из своих работ, написанных в середине 50-х годов прошлого века, выразил следующим образом: "...Теперь нас интересуют не сюжеты, а герои, не действия, а лица... Подобный перенос внимания совпадает с переворотом в физике и особенно в философии, который начался лет двадцать тому назад.

Со времен Канта вплоть до 1990 г. преобладало ярко выраженное стремление убрать из теории субстанции, заменив их функциями.

И в Греции, и в эпоху Средневековья считалось: *operari sequitur esse*, т. е. действия — следствие и производное от сути.

Идеал XIX века прямо противоположен: *esse sequitur operari*, т. е. суть — не более как совокупность действий или функций.

Быть может, теперь мы вновь возвращаемся от действий к лицам, от функций к субстанциям"¹.

Действительно, гуманитарные науки в целом совершают поворот от регистрации функций к анализу и поиску сути, субстанции предметов и явлений. Казалось бы, это не может не коснуться и архивоведческой науки — не только ее содержания, но и толкования историками и архивоведами ряда исходных, базовых терминов, в частности таких, как "архивы", "архивоведение", "наука об архивах" и др. И тем не менее архивоведение как наука в целом остается в стороне от наметившегося процесса.

Скажем больше, попытки многих архивоведов отвергнуть поисковый, проблемный характер науки об архивах отражают несоответствие подобных взглядов современной парадигме научного мировоззрения, в соответствии с которой, как писал выдающийся современный науковед В.В. Налимов, "мы переходим сейчас в новую фазу культуры — культуру вопросов, в которой ответом на вопросы будут не утверждающие высказывания, а новые, более глубоко сформулированные вопросы"².

Отечественное архивоведение вступило в XXI столетие отягощенное комплексом требующих своего решения задач теоретического характера. В то же время в процессе становления и развития оно накопило богатый опыт, углубленный анализ которого на уровне современного научного знания должен обогатить наше представление о некоторых фундаментальных, теоретических, базовых понятиях науки об архивах. К сожалению, сам принцип исследования *истории и теории* архивного дела в своей целостности, т. е. исследование *истории архивоведческой мысли*, пока не получил в отечественном архивоведении достаточного распространения, хотя и является, на наш взгляд, самым перспективным направлением развития науки об архивах на современном этапе.

Таким образом, без проведения исследований, основывающихся на современной парадигме научных знаний, нельзя анализировать то, что принято обозначать как “наука об архивах”, “теория архивного дела”, или “архивоведение” в широком смысле слова. За весь столетний период существования науки об архивах (с конца XIX в. и вплоть до защиты В.Н. Автократовым в 1980 г. докторской диссертации под названием “Теоретические проблемы советского архивоведения. 1960–1970-е годы”) в России так и не появилось ни одного полноценного обобщающего труда по общетеоретическим проблемам архивоведения.

Как неоднократно подчеркивал на исходе прошлого столетия в своих выступлениях перед представительными сообществами историков и архивистов руководитель Федеральной архивной службы России В.П. Козлов, весьма актуальной является проблема “реальной неразработанности архивоведения как науки или научной дисциплины”, предусматривающая необходимость преодоления своеобразного “комплекса неполноценности архивистов в оценках сферы своей деятельности”, поскольку они, как “ботаники прошлого”, только страстно коллекционируют и описывают внешний вид растений, так и не сумев постичь истинный смысл их существования и развития³.

Нужно признать, что в настоящее время положение меняется к лучшему, правда, медленно, явно не успевая за темпами изменения общенаучной парадигмы.

Предполагаемое исследование ставит перед собой следующие задачи:

выявить и обосновать периодизацию непрерывного процесса научно-теоретического осмысления истории архивного дела в России;

дать оценку научному вкладу виднейших историков-архивистов и архивоведов в процессе становления и развития отечественной науки об архивах;

определить закономерности развития архивоведческой мысли в контексте изменения роли и места архивов в общественной и государственной системе России.

Исходя из этого, главная цель работы — подключение читателя к совместным поискам связи между архивами и имманентно присутствующим человеку стремлением к самопознанию, выраженным в увековечении памяти о себе, о своем месте в пространственно-временном континууме.

Архивы на каждом новом витке общественного и государственного развития формировались людьми в соответствии с их собственными представлениями об архивно-учрежденческих функциях. Таким образом, в архивоведческой мысли нашла свое специфическое проявление *исследовательско-гносеологическая*, т. е. активно-познавательная, функция человеческого разума. В ней выразилась *объективно-субъективная* сторона жизнедеятельности архивов: архивные фонды как объективная субстанция, т. е. органически целостные образования, включались в субъективную сферу централизованного выявления, комплектования, систематизации, классификации и хранения документов, а также организации процессов их использования и управления ими. Активная роль при таком подходе отводится государству и его специализированным структурам. Исторические архивы, созданные с научными целями, были отделены от текущих архивов. Обслуживанию архивами исторической науки при этом придавалось приоритетное значение.

В данном исследовании становление и развитие науки об архивах анализируются как своеобразный творческий процесс, который представляет собой специфическое явление в контексте *цивилизационного* подхода к познанию истории человечества, а архивы соответственно — как своеобразное *произведение культуры*, неотъемлемая и существенная результирующая часть непрерывно протекающих глобальных цивилизационных процессов. Для такого анализа характерно объединение онтологического и феноменологического подходов. Его мы соотносим с началом формирования в настоящее время *фундаментальной науки об архивах*.

Создание архивов в предлагаемом контексте — один из способов сохранения и приумножения культурного наследия нации, его неповторимой самоценности и одновременно часть общечеловеческого движения от хаоса, варварства и господства разрушительных инстинктов к разумному порядку, духовности и осознанному стремлению к созиданию. В связи с этим отношение к судьбам архивов оценивается в качестве существенного критерия степени культурного (цивилизационного) развития нации, характера и уровня ее самосознания.

Мы принципиально и осознанно, в том числе исходя из понимания необходимости соблюдения *этических* основ профессии архивиста, выступаем за возрождение на современном этапе научного знания доксографического принципа построения исследований. Речь идет о возврате к античному принципу максимально точной передачи мнений предшественников *до того*, как приступить к изложению

своего собственного понимания или толкования одного и того же предмета.

Доксография (взглядописание) предполагает сочетание изложения теоретических постулатов (мнений) с кратким жизнеописанием, поскольку без постижения процесса научного творчества нельзя с достаточной глубиной оценить его результаты. Ведь жизнь ученого, как правило, и есть его творчество.

Современная научная парадигма возвращает нас к необходимости соблюдать такое единство, поскольку вне историко-культурного контекста (“духовной экологии”) невозможно объективно и всесторонне осмыслить отдельно взятое явление. Кроме того, немаловажным фактором, определяющим необходимость использования доксографического метода, явилось вполне объяснимое желание заполнить многочисленные лакуны и белые пятна в сегодняшних учебных пособиях по архивоведческим и историко-архивным дисциплинам в части, касающейся рассказа о личном вкладе в науку людей, смыслом жизни которых было сохранить и приумножить архивное наследие России.

От многих из них остались в историографии архивного дела только фамилия, имя, отчество да скобки с датами рождения и смерти. У некоторых нет даже этого, и нам приходилось восстанавливать их жизненный путь на основании архивных источников или косвенных данных.

Таким образом, *главная научная цель исследования* — выявление в результате историко-теоретического анализа основы современного архивоведения как специфической системы научных знаний о самоценном социально-культурном значении архивов, органически связанных с человеческой мыследеятельностью, о содержательном наполнении динамического процесса изменения роли и места архивоведения в комплексе гуманитарных наук, а также о взаимообусловленности истории архивоведческой мысли общим состоянием государственного и культурного строительства в отдельно взятой стране (на примере России) и в процессе самопознания (авторerefлексии) человека в целом.

История архивоведческой мысли в России должна стать достоянием истории нашей страны и всего человечества. Для этого есть все объективные предпосылки. Не случайно в бытность свою генеральным секретарем Международного совета архивов Ш. Кечкемети еще летом 1996 г., незадолго до XIII Международного конгресса архивов в Пекине, оценивал Россию как “страну, где больше всего размышляют над фундаментальными вопросами архивистики”, и отмечал “поразительное напряжение мысли по сравнению с другими странами”

Наше исследование мы рассматриваем как посильный вклад в решение этой комплексной задачи, стоящей перед отечественным сообществом архивоведов-исследователей в целом.

Глава 1

Историко–теоретический анализ ключевых архивоведческих понятий

Обоснование герменевтического подхода

Актуальность исследования сущности ключевых архивоведческих терминов на различных этапах существования общества и государства определяется тем, что соответствующие смысловые изменения объективно отражают уровень развития исторического сознания и самосознания нации на том или ином этапе. В более широком понимании изменения в трактовке и использовании категориального, понятийного и терминологического аппаратов науки в целях полного постижения **сущностной** природы мира имманентно присущи динамической, открытой системе научных знаний. Как писал А.Ф. Лосев, сам термин “сущность” имеет свою длинную историю, в настоящее время «под сущностью мы понимаем *смысл, значение, ответ на вопрос: “Что это такое?”*»¹. Если нам нужна, например, сущность дома, то она будет заключаться в том, что это есть сооружение, предназначенное для защиты человека от атмосферных явлений... Сущность эту можно назвать и смыслом, значением, идеей. Однако “смысл” мы условимся понимать как момент сущности. Это будет, как мы сейчас увидим, сущность в своем бытии. То же – более узкое – понимание будет относиться у нас к “значению”¹.

В данном семантическом контексте мы используем и заимствованное из хайдеггеровско-гадамеровской категориальной системы понятие *герменевтика*, которое в рамках нашей монографии сводится к онтологическому и гносеологическому (эпистемологическому) определениям сущности отраженного в термине предмета или явления. Мы исходим из того, что в целостной системе научных знаний именно герменевтический подход определяет специфику гуманитарных наук по сравнению с естественными.

Отделивший философскую герменевтику от филологической В. Дильтей формулировал задачу новой науки как “интерпретацию сохранившихся в тексте остатков человеческой жизни”, но само понятие “философская герменевтика” впервые употребил в своих лекциях еще в 1919–1923 гг. М. Хайдеггер. Согласно дильтеевской трактовке его взглядов термины в сжатом виде есть результат объективизации жизни, и именно это делает возможным научное исследование человеческой жизни в ее развитии². В свою очередь, Ханс-Георг Гадамер развил собственную концепцию герменевтики не

только как метода гуманитарных наук, но и как своеобразной онтологии.

Таким образом, в рамках нашего исследования герменевтическое прочтение ключевых понятий архивоведения не сводится к простой необходимости достигнуть одинакового понимания используемых в дальнейшем терминов.

Задача герменевтического истолкования того или иного понятия гораздо шире. В конечном счете она заключается в себе необходимость дать ответ на вопрос: “Что есть то, о чем шла речь” Приведем известный совет Платона: “Во всяком деле... надо для правильного его обсуждения начинать с одного и того же: требуется знать, что же именно подвергается обсуждению”³. О том же писал, касаясь герменевтики слова, и А.Ф. Лосев: “Самое главное — это сущность вещи, ее самое самб. Кто знает сущность, самое самб вещей, тот знает все. Самое главное — это знать не просто внешнее и случайное, но знать основное и существенное, то, без чего не существуют вещи...”⁴. Речь идет не об узколингвистическом подходе к анализу генезиса и употреблению определенного термина, а об определении динамики его сущностной (существенной) стороны, специфически проявившейся в конкретно-исторических условиях. В этом состоит концептуальная разница между нашим подходом и теми принципами, которые положены в основу разработки различных терминологических словарей и государственных стандартов⁵. Для них важно не исследование процесса изменения смыслового наполнения определенного термина, а жесткая фиксация его нормативного значения, употребляемого в определенной профессиональной сфере.

Аналогичный подход мы можем констатировать и в современной отечественной архивоведческой литературе. Приведем отдельные примеры из немногочисленных работ, посвященных исследованию процесса возникновения и динамики изменения ключевых понятий архивоведения. Отметим сразу, что документоведение, источниковедение и археография в сфере собственной терминологии работают более активно. Так, в источниковедении активно используются специальные исследования С.С. Илизарова «О формировании термина “исторический источник” в русской научной литературе XVIII в.»⁶ и М.Р. Кикнадзе «О связи терминологических разысканий с интерпретацией источников»⁷, в археографии — работа С.В. Чиркова «О применении термина “археография” в начале XX в.»⁸. Бурю страстей вызвала статья В.П. Козлова “Теоретические основы археографии с позиций современности”⁹, в которой предприняты попытки преодолеть несоответствие традиционной археографической терминологии новым реалиям и разработать

современную концепцию археографии с соответствующей ей новой терминологией. В дискуссии уже приняли участие В.А. Черных ("Еще раз об объекте и предмете археографии"), Ю.С. Воробьева ("Теоретическое осмысление принципов отбора важно, но терминология требует обсуждения"), Б.Г. Литвак ("Несколько слов о статье В.П. Козлова и откликах на нее"), Е.В. Старостин ("Терминологическая интервенция"), И.В. Поздеева ("Новая концепция эдиционного архивоведения"), Г.И. Королев ("В очередной раз об археографии"), С.М. Каштанов ("О предмете и объекте археографии (Некоторые замечания по поводу статьи В.П. Козлова)") и Ю.В. Несерович ("К вопросу о предмете археографии и типологии документальных публикаций"). Затронутые вопросы, в том числе и терминологического характера, продолжают волновать специалистов, пробуждая их творческую мысль. Участники дискуссии признают актуальность обсуждения терминологии как одной из важных основ системного знания, поскольку "на рубеже третьего тысячелетия остро необходимо... осмысление места и роли, задач и методов многих научных и научно-практических дисциплин, прошедших в XX веке сложный и порой противоречивый путь"¹⁰.

В современном архивоведении (не считая работы В.Н. Автокротова "Теоретические проблемы отечественного архивоведения", в которой автор в основном обосновывает собственный терминологический аппарат исследования) этому вопросу посвящены лишь несколько страниц в изданных малым тиражом в 80-х годах работах Б.С. Илизарова "Роль документальных памятников в общественном развитии" и "О формировании терминов "архив", "архивный документ" в их современной интерпретации"¹¹, а также часть монографии и несколько статей основателя специальной учебной дисциплины "Архивоведческое терминоведение" Э.И. Ханпиры¹². Кроме перечисленных работ, трудно привести названия других аналогичных историко-теоретических исследований, а тем более дискуссий, приближающих нас по своему характеру к познанию сущности (в понимании этого слова Лосевым) архивоведческих понятий в зависимости от изменения среды их бытования.

Наиболее активный в прошлом разработчик терминологического аппарата архивоведения Б.С. Илизаров, касаясь опубликованного в конце 90-х годов проекта поправок к Закону об архивах 1993 г., писал: «Как и в действующем законе, в новом проекте, статье 1, даны основные архивоведческие понятия, которыми пользуются авторы. Я помню, сколько было сломано копий в далеких 70–80-х годах, когда широко дискутировались такие понятия, как "архив", "государственный ар-

хив”, “документ”, “архивный документ”, “архивный фонд страны” и целый ряд других. Эта проблема постоянно обсуждалась и тогда, когда я возглавил самую первую группу по разработке инициативного авторского проекта Закона об архивах и архивном фонде СССР, работавшую в 1989–1991 гг. Та же самая терминологическая проблема решалась и во время разработки действующего ныне закона. Тогда же и были приняты трактовки терминов и понятий, которые, на мой взгляд, отражают не только современный уровень теоретической и философской мысли. Разработчики нового закона на это все наплевали и вернулись к допотопным трактовкам 50–60-х годов»¹³.

Как видим, проблема архивоведческой терминологии по-прежнему остается актуальной. К сожалению, в настоящее время Б.С. Илизаров, Э.И. Ханпира и некоторые другие архивоведы отошли от активной работы в историко-теоретическом архивоведении и сфере архивной терминологии. Видимо, это помешало автору приведенной выше оценки дать развернутую научную аргументацию своей точки зрения. На наш взгляд, в данном случае бесплоден спор на лингвистическом уровне. Необходимо именно герменевтический анализ понятийного аппарата современного архивоведения, который бы выявил объективную обусловленность изменения трактовки того или иного ключевого понятия конкретно-историческими условиями их бытования. Субъективная составляющая оценки той или иной формулировки или дефиниции не должна затмевать смысл естественно-исторического процесса, который объективно проявляется в категориальном и понятийном аппарате науки. С нашей точки зрения, открытые научные дискуссии по указанной проблематике должны составлять одну из важных сторон предмета современного теоретического архивоведения сегодня. К сожалению, по нашим наблюдениям, соответствующие направления исследований если и не прекратили своего существования, то, во всяком случае, не охватывают широкой массы всех заинтересованных лиц: от ученых-исследователей до историков-исследователей и архивистов. А главное — из терминологических споров полностью устранен исторический фон. Например, информационная заметка члена терминологической группы Международного совета архивов И.А. Курниковой под названием “Готовится новый терминологический словарь” открывается фразой: “Работа над новой, третьей по счету, редакцией словаря архивной терминологии МСА близится к завершению”¹⁴. Она цитирует слова руководителя группы Бьерна Линда, смысл которых сводится к тому, что “поиски философского камня архивной терминологии имеют длинную и време-

нами многострадальную историю” Решительным противником создания общей терминологии выступил еще в 1958 г. президент Британского общества архивистов сэр Хилари Дженкинсон. Он, как пишет Курникова, в доказательство привел “несколько забавных примеров абсурдности перевода *основных архивных терминов* (выделено нами. — Т. Х.) с одного языка на другой”

С нашей точки зрения, вопрос о правоте Х. Дженкинсона остается открытым, если только речь не идет о чисто лингвистической задаче перевода термина как лексической единицы с одного языка на другой, причем в данном случае задача под силу филологам.

Упрощенное отношение к проблематике становления и развития архивной терминологии приводит к отрицательным последствиям как в истории и теории, так и в практике архивного дела. В трудах по архивоведению начиная с конца 20-х годов прошлого века практически отсутствуют работы по исследованию понятийного аппарата в архивистике. Исчезает даже принятый в фундаментальных трудах раздел с разъяснением применяемой автором терминологии. Последним примером такого рода, пожалуй, может служить изданное в Ленинграде в 1935 г. практическое руководство Г.А. Князева “Теория и техника архивного дела”¹⁵. Автор, в свое время определивший поисковый характер деятельности так называемого кружка им. А.С. Лаппо-Данилевского и выступавший в начале 20-х годов как один из активнейших участников ленинградской комиссии по выработке определения *фонда*, вынужден был ограничиться в данном издании констатацией того, что “архивная терминология... только в советский период в нашей стране подверглась разработке и уточнению”, хотя и оговаривается, что “некоторые термины имеют условное значение”¹⁶.

О невнимании к научно-терминологической стороне архивной теории и практики свидетельствует история публикации основополагающего документа отечественной истории архивного дела советского периода, которую приводит в одном из своих исследований Е.В. Старостин: «Полный текст ленинского декрета о реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР от 1.06.1918 г., — пишет он, — *впервые* приведен в книге итальянского архивиста Серафино Пистолезе “Европейские архивы с XI века до наших дней” (Рим, 1934). *Им же даны пояснения некоторых терминов, употребляемых в декрете*» (выделено нами. — Т. Х.)¹⁷. Отметим, что споры о некоторых применяемых в декрете основных терминах велись в конце 80-х годов прошлого века и не завершены в отечественном архивоведении до сегодняшнего дня, поскольку носят отнюдь

не узколингвистический, а более широкий, философско-герменевтический характер.

Недооценка значения исследований понятийного аппарата в архивистике не только отрицательно сказывается на уровне научно-теоретических разработок, но и наносит вполне ощутимый вред современному архивному делу в целом. Приведем в доказательство один, но типичный для сегодняшнего дня пример. Начальник отдела Госархива Волгоградской области, преподаватель Волгоградского государственного университета канд. ист. наук Е.В. Булюлина уже несколько лет ведет инициативное научное исследование, о характере которого она рассказывает так: «Приступая к занятиям по архивоведению, я прошу студентов письменно ответить на вопрос, что такое архив. По завершении курса им предлагается также ответить на вопрос, в чем, по их мнению, состоит значение архивов и архивных документов. Студенты-документоведы на вопрос *“что такое архив?”* чаще всего отвечают следующим образом: “место (учреждение), где хранятся документы, сданные организацией на определенный срок, по истечении которого они уничтожаются” Однако очень много таких ответов: “архив – место для хранения старых документов” либо “документов, в которых нет практической надобности”, “ненужных документов”». Автор, ссылаясь на собственный опыт, делает неутешительный вывод: “Думаю, не ошибусь, если скажу, что любой работник архива, особенно связанный с учреждениями – источниками комплектования, не раз слышал подобную фразу от руководителей организаций и чиновников разного уровня. Что же получается? Прошло четверть века, а в представлении многих вчерашних школьников об архивах ничего не изменилось”¹⁸.

Автор, ссылаясь на то, что XIV Международный конгресс архивов, состоявшийся в Севилье (Испания) летом 2000 г., рекомендовал “поддерживать университеты в деле открытия начального курса архивоведения для студентов, изучающих право, менеджмент, социологию, обществоведение и историю”, придает этой рекомендации еще более широкое значение: “По нашему мнению, – пишет она, – подобные курсы архивоведения должны быть обязательны для всех гуманитарных вузов. В процессе обучения студенты должны не только получить представление об архивах как о феномене общечеловеческой культуры, части социальной памяти общества, но и выработать навыки ведения самостоятельной исследовательской работы в архивах”¹⁹. Как явствует из статьи, в ходе дискуссии о точной дефиниции отдельно взятого архивоведческого термина вырастает понимание истинной сущности архивов, которая заключа-

ется в том, что они являются “хранилищами источников объективной истины о человеческой истории”, “духовным, социальным и культурным опытом человечества, накопленным многими поколениями”

Один из студентов, уже прослушавших курс обучения, написал: «Ключевое слово, которое может охарактеризовать понятие “человечество”, — это память. Архивы — это и есть память. Память и преемственность обеспечивают бессмертие всего человечества в целом и каждого из нас». Мысли волгоградской архивистки и архивоведа были адресованы не только читателям “Вестника архивиста” Они были озвучены ею на научно-практической конференции “Изменяющаяся Россия и российские архивы на рубеже веков”²⁰, организаторами которой выступили совместно Федеральная архивная служба России и Российское общество историков-архивистов. Вряд ли хоть кто-нибудь из участников форума остался равнодушным, слушая эти слова.

Такое внимание было вызвано, с нашей точки зрения, объективным отражением в статье и выступлении Булюлиной различных уровней понимания сущности архивов, связанных с особенностями современной общественной ситуации, в которой, как констатирует автор названной статьи, трансформация образа архивов, сложившегося в общественном сознании, происходит крайне медленно²¹. Но было бы слишком просто добиться замены одного определения архивов другим и предложить студентам заучить новое, более современное.

О сложности многозначного термина “архивы” и остроте проблематики, обусловленной необходимостью концептуального осмысления новейшего законодательного определения Архивного фонда Российской Федерации, убедительно говорил на международной научной конференции “Архивный фонд РФ: феномен, мифы и реальность” современный архивовед, заместитель председателя правления Центрального совета Российского общества историков-архивистов В.А. Тюнеев. Смысл его доклада передает само название: “АФ России: реальность и абстракция”²².

Это название, на наш взгляд, отражает сложную природу сущности архивов, дуалистическое единство, сочетание, а не противопоставление абстрактного и реального, одинаково присутствующих им по самой природе, но проявляющихся по-разному, в зависимости от определенных условий меняющейся среды социального бытования архивов.

Ситуация, которая мешает достижению обоснованного консенсуса в истолковании одного из ключевых понятий для современной гуманитарной системы научных знаний, является

на самом деле мнимой, поскольку сложилась именно в результате неадекватной герменевтики таких ключевых в контексте нашего исследования понятий, как “архив”, “архивоведение”, “наука об архивах”, а также отсутствия конкретного историко-теоретического анализа динамического процесса изменения их смыслового наполнения.

Попытаемся заполнить эту лакуну.

Герменевтика понятия “архив”

Считается общепринятым фактом, что впервые термин “архив” был введен в широкое употребление Петром I. При этом традиционно делается ссылка на главу XIV “О архивах” утвержденного им 28. 02. 1720 г. «Генерального регламента, или Устава, по которому государственные коллегии, також и все оных принадлежащие к ним канцелярии и контор служители... поступать имеют». Однако четкое определение понятия “архив” в главе отсутствует.

Как будет показано в главе “От эмпирического архивоведения до возникновения науки об архивах”, в эпоху Петра I в России появились не первые архивы как таковые, а учреждения, специально предназначенные для хранения определенных “книг, документов, дел, учиненных регистратур”, с изъятием из перечня тех, которые и после трехлетнего срока должны быть оставлены при конторах и канцеляриях, если будут сочтены необходимыми “для справочных нужд” Если и можно говорить здесь о начале архивного дела, то оно ограничивается только узаконением специфической роли архивов в ведомственном делопроизводстве.

В этом смысле политика Петра I в сфере архивного дела вполне укладывается в рамки попыток тотальной регламентации жизни в России XVIII в., в соответствии с которой, как отмечал академик М.М. Богословский, каждый подданный “обязан был нести установленную указами службу государству”, должен был “жить не иначе, как в жилище, построенном по указанному чертежу, носить указанное платье и обувь, предаваться указным увеселениям, указным порядком и в указных местах лечиться, в указных гробах хорониться и указным образом лежать на кладбищах...”²³. Отметим сразу, что идея тотальной регламентации жизни как человека, так и адекватно отражающих систему его самосознания архивов была изначально утопичной. Нереализованной оказалась даже вполне рациональная и ценная по своей направленности идея Петра I о централизации управления разрозненными архивами за счет сведения их в два суперархива.

Иначе говоря, архивы остались своеобразным складом бумаг “до востребования”, причем ведомства не выпустили из своих рук производимые ими же документы, предпочитая скорее уничтожить их, чем тратить силы и средства на упорядоче-

ние бесполезных в практическом отношении бумаг. Именно в таком узковедомственном смысле теперь рассматривается то, что при приказной системе делопроизводства было частью государственной казны (“хранил царских”) наравне с другими ценностями государя и государства, а в монастырях и в частных коллекциях хранилось как древняя общенациональная или местная святыня археологического характера.

Подобное раздвоение смысла понятия “архивы” в бюрократическом (европейском) и бытовом пластах русской культуры — характерный признак архивного дела России в XVIII в., что является предметом специального рассмотрения в разделе, посвященном истокам и последствиям Генерального регламента Петра I.

С другой стороны, можно отметить примечательный факт: из поля зрения архивоведов выпала действительно *первая научная дефиниция*, которую дал архиву Василий Никитич Татищев в известном труде “Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской”. Знаменательно, что ученый приступил к работе над ним в начале 30-х годов XVIII в., одновременно с началом написания своего основного исторического труда — многотомной “Истории Российской”²⁴.

Свое обращение к лексикографии Татищев объяснил тем, что при работе с иностранными словарями при подготовке “Истории Российской” он столкнулся с большими трудностями: “...хотя оные великим прилежанием и достаточною наукой збираны, но что русских предел касается, то не токмо десятой части в них нет, но паче сколько есть, едва один артикул найдется ль, чтобы правильное и достаточное описание было”²⁵.

Итак, в “Лексиконе...” Татищева содержится “правильное и достаточное описание” понятия “архив”:

*“Архив, греческое, значит место такое, где государственные письма нужные яко тайные, тако и явные хранятся. Определенный же к надзиранию оных архиварий именуется”*²⁶.

С нашей точки зрения, это первое научное (историко-юридическое) определение сущности архивов как места хранения “государственных писем”, которое поднимает роль и значение архивов до общегосударственного уровня. Во всяком случае, оно намного превосходит принятое в современном архивоведении толкование слова “архив” как производного от “Archēion” (греч. — “дворец правителя”, “присутственное место” и т. д.). Правильнее было бы рассматривать отныне его этимологию в контексте отечественной истории от полисемантического “Archē”, отнюдь не ставя между двумя противоположными, как небо и земля, понятиями знак равенства, как это

делает, например, Е.В. Старостин в работе "Архивы России: методологические аспекты архивоведческого знания"²⁷.

Более убедительной, по нашему мнению, является версия Б.С. Илизарова. Он, ссылаясь на Древнегреческо-русский словарь под ред. С.И. Соболевского (М., 1958. Т. 1. С. 243) и Этимологический словарь русского языка М. Фасмера (М., 1964. Т. 1. С. 90), еще в 1987 г. пришел к следующему умозаключению: «Можно предположить, что русское слово "архив" через ряд ступеней происходит от древнегреческого "архэ" — *начало*, а также *основание, причина, первооснова, конец, предел*, от которого ведут происхождение два однокоренных слова "архайос" и "архэйон". В свою очередь, от этих слов как в греческом, так и в латыни, а через них и в современных языках, стали образовываться два класса терминов. Слово "архэйос" употребляется в значении "древний". Оно вошло в такие слова, как археография, археология, археоптерикс и др. Слово "архэйн" соответствовало значению — быть первым, начинать, главенствовать, иметь высшую степень чего-либо. От него же ведет происхождение и древнегреческое слово "архэйон" — правительственная палата, присутственное место, городская ратуша, т. е. учреждение, осуществляющее власть, *но не архив* (выделено нами. — Т. Х.). И уже от этого слова произошло латинское "*архивум*" — хранение документов в учреждении»²⁸.

Вполне логично предположить, что во времена Петра I составители главы "О архивах" в Генеральном регламенте опирались именно на однозначную латынь, а точнее — на производные от нее термины, заимствованные у стран с протестантской культурой (скорее всего, из шведского или немецкого языков), а не на чуждую им по мировоззрению греческую *полисемантику*. Если рассматривать понятие "архив" в таком расширительном смысле, то нельзя отрицать того, что архивы (если не по форме, то по содержанию) возникли и существовали задолго до Петра. Он просто попытался построить на бюрократической основе умозрительно-рациональную систему архивов при коллегиях. Думать иначе означало бы, на наш взгляд, фетишизацию термина и подмену существа явления его внешней формой.

Отсюда важное значение дефиниции В.Н. Татищева, которой подчеркивается более широкое, *общегосударственное*, а не узковедомственное понимание сущности понятия "архив".

Во всех серьезных историко-архивоведческих исследованиях (от Н.Н. Оглоблина и И.Л. Маяковского до наших современников) не случайно имеются разделы, посвященные архивам допетровской Руси. Так, в известных трудах Н.В. Бржостовской, В.Н. Самошенко, Е.В. Старостина и Б.С. Илизарова, не говоря уже об учебных пособиях и программах, анализ ар-

хивов, как правило, начинается с главы “Архивы в рабовладельческих государствах древнего мира”, “Архивы в древних государствах Передней Азии” и т. п.²⁹ Кроме того, И.Л. Маяковский принципиально настаивал в конце 40-х годов на включении в курс истории архивного дела России главы, посвященной “архивам Урарту”. Очевидно, столь неоднозначное отношение к датировке генезиса архивов связано с полисемантическойностью самого термина.

Именно со времен Генерального регламента Петра I берет начало устойчивая, дошедшая до наших дней тенденция сводить многозначный (по-гречески) термин “архивы” к однозначному (по-немецки) его определению как места хранения “ненужных” документов. Филология и лингвистика здесь смыкаются теснейшим образом с культурологией и историей государственности. Косвенным подтверждением обоснованности такого предположения может служить выдержка из работы историка немецких архивов В. Лозе, который, подчеркивая специфический для Германии характер организации системы госархивов, писал: “Во все эпохи германской истории вплоть до XIX в. архив считался составной частью канцелярии или регистратуры. Его единственной задачей было служить местом, где собирались документы, хранение которых являлось необходимым для защиты и выяснения прав и притязаний государства или княжеского рода”³⁰.

Изучение ряда русских энциклопедий дореволюционного периода показывает, что понятие “архивы” везде однозначно трактуется как учреждение, предназначенное для хранения государственных (в трактовке Татищева) документов³¹.

В популярной в дореволюционное время энциклопедии — Энциклопедическом словаре под ред. проф. И.Е. Андреевского³² статья “Архивы” была написана самим главным редактором энциклопедии Иваном Ефимовичем Андреевским, который опирался на научное наследие Н.В. Калачова. Она была помещена в т. 2, полутоме 3, вышедшем в 1890 г., на с. 255–256. Ей предшествовали статьи, отражавшие настоящий прорыв в архивоведении в целом и, в частности, в архивной терминологии: “Архивариус или архивист” (с. 252), “Архивное право” (с. 252–253), “Архивоведение, или Наука об архивах” (с. 253–254). И.Е. Андреевский впервые как бы “расшифровывает” заключенный в русском бинарном деривате от латинско-греческого оригинала потайной двуединый смысл слова “архивы”. Давая свой вариант перевода латинского *archivum* как “письмохранилище” и совмещая оба греческих понятия (“*archeios*” — старый и “*arche* = *principium*”), он дает затем производному от них синтетическому русскому понятию “архивы”

два толкования: широкое ("в обширном смысле") и узкопрофессиональное ("в тесном смысле"). Тем самым, как думается, он заложил основу понимания дуалистической природы архивов, которые одновременно актуализируются и как результат "стремления сохранить следы своих мыслей и деяний... для будущих потомков", и как "установление, создавшееся или устраивающееся с целью хранения письменных документов" Подробнее вклад Андреевского в становление классической науки об архивах мы проанализируем в соответствующем разделе гл. 2 нашего исследования.

Сегодня нам важно отметить, что принципиально новая в историко-теоретическом плане архивоведческая идея И.Е. Андреевского о неразрывности, говоря современным языком, служебно-функциональной и научно-культурной сторон в определении архивов осталась незамеченной составителями последующих словарных статей.

Дефиниции архивов даются в них как состоящие из двух и более неравных в функциональном отношении частей. На первом месте идет всегда "учрежденческое" определение, практически не меняющееся со времен Петра Великого, на втором — упоминается некая "совокупность документов, образовавшихся в результате деятельности учреждений, обществ и отдельных лиц" В большей или меньшей степени это характерно также для всех научно-справочных изданий советского периода, где находили возможным помещать статьи по архивоведческой тематике. Так, Большая Советская Энциклопедия (БСЭ) (гл. ред. О.Ю. Шмидт. 1-е изд.: т. 1—65. 1926—1947; 2-е изд. под ред. С.И. Вавилова и Б.А. Введенского, т. 1—51. 1950—1958) поместила статьи об архивах, авторство которых принадлежало крупнейшим специалистам и историкам-архивоведам того времени. Например, статья "Архив" в БСЭ первого издания принадлежит И.Л. Маяковскому³³, во втором издании — В.Д. Стырову, Г.А. Князеву, И.Л. Маяковскому и В.В. Макакову³⁴. В Советской исторической энциклопедии (т. 1. 1961) помещена статья "Архивы" за подписью Г.А. Белова и В.В. Макакова.

Для настоящего времени характерно постепенно нарастающее усложнение трактовки понятия "архивы" за счет механического подсоединения к дефиниции все более новых определений. Типичным примером может служить выдержка из Словаря иностранных слов³⁵: "Архив [лат. Archivum]: 1) Учреждение, где хранятся старые документы, письма, памятники и другие документальные материалы; 2) Отдел учреждения, предприятия, где хранятся старые документы, оконченные производством дела и т. п.; 3) Совокупность рукописей, писем,

снимков и т. д., относящихся к деятельности какого-либо учреждения или лица” То есть восторжествовало именно латинское понимание сущности термина “архив”, а более широкое греческое — отбрасывается.

Современные профессиональные архивоведы склонны, не объясняя явные расхождения со словарными дефинициями XIX в., давать определение архива, просто ссылаясь на ГОСТ 16487–70. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения (с. 2). “Архив — это учреждение или его структурная часть, осуществляющая прием, хранение документов и организующая их использование в политических, научных, народно-хозяйственных, социально-культурных и иных целях” Такое определение приводит без комментариев, например, З.В. Крайская в работе “Организация архивного дела в СССР”³⁶. Легче всего было бы ограничиться простой констатацией этого факта, что и делают практически все современные авторы словарей и учебных пособий.

Игнорирование проблемы, однако, не снимает вопроса о ее существовании. Так, Э.И. Ханпира в учебном пособии по спецкурсу “Архивоведческое терминоведение” термину “архив” посвящает отдельный (43-й) параграф. Он начинает с того, что констатирует наличие у данного термина одновременно нескольких значений: “Архив — это и учреждение (или структурное подразделение учреждения) для хранения документов и организации пользования ими, это и совокупность документов, хранящихся в каком-либо учреждении, в какой-либо организации или у какого-либо лица, это и специальные книги, непериодические издания, в которых публикуются исторические документы... это, наконец, само архивохранилище”³⁷.

В итоге подробного анализа преимуществ и недостатков каждого из приведенных определений автор приходит к выводу, что «в архивной терминологии целесообразно употреблять термин “архив” только в одном его значении, а именно лишь в смысле учреждения (или структурного подразделения), специально занятого хранением документов и организацией пользования ими». Тем, кто в данном случае задается вопросом, как однозначно назвать “архивы, хранящиеся вне учреждений”, Ханпира рекомендует прибегнуть к термину “личный документальный фонд”³⁸.

Итак, делает он заключительный вывод (ссылаясь при этом на Краткий словарь современной архивной терминологии социалистических стран (изд. 1982 г.) и на ГОСТ 1647– 83) — расширительное понимание и использование термина “архив” ненормативно, и такое употребление влечет за собой понижение статуса термина “архив” до простого “терминоэлемента”³⁹.

Как видим, уже 20 лет назад ситуация была предельно ясна. Тем не менее в энциклопедических и толковых словарях и других научных изданиях по-прежнему фигурирует определение слова "архив" в его нескольких значениях. Из этого следует, что чисто филологический подход, не основанный на исследовании изменения смыслового наполнения термина в зависимости от среды его бытования, не дает нужного результата. Он как бы внеисторичен и потому невыполним. Тем более, как следует из работ исследователей "устных" и "электронных" архивов, современное понимание этого термина допускает возможность их существования как "нефизической, неосязаемой совокупности знания, еще не оформленного документально... То есть, архивом может быть и память (индивидуальная и коллективная), и традиция (вербальная и невербальная), и наследие, короче, весь комплекс связей настоящего с прошлым"⁴⁰.

Как же на основании столь различного и во многом даже противоположного подхода к пониманию существа ключевого для науки об архивах понятия делать выводы о генезисе архивов? Самый простой выход — игнорировать противоречия. Однако это неизбежно приводит к произволу в определении стадий развития архивов и архивного дела.

В опубликованных в последнее время работах Е.В. Старостина приведена хронологическая таблица, в соответствии с которой, "несмотря на разные формы развития письменности, в культурной истории человечества можно выделить четыре крупные эпохи: 1. Эпоха устных архивов (... до рубежа 4–3 тыс. до н. э.). 2. Эпоха глиняных архивов (рубеж 4–3 тыс. до начала н. э.). 3. Эпоха архивов на бумажных носителях (начало н. э. — XX в.). 4. Эпоха компьютерных архивов (XXI в. ...)"⁴¹. При таком делении пропадают очень важные нюансы, связанные, в частности, с особенностями развития цивилизационных процессов на Земле. Так, навсегда ушедшие 5–6 тысяч лет тому назад "устные архивы" продолжают существовать, и даже не в метафорическом смысле, а реально, в связи с чем представитель Нигерийского национального архива Ю.О.А. Ессе обратился недавно к представителям мирового архивного сообщества внести коррективы в европеоцентристское определение архива и предложил свою концепцию, в соответствии с которой "устные архивы" имеют те же цели, задачи и функции, что и письменные, и они даже признаны "некоторыми правительствами и учеными как очень важная часть культурного наследия нации наравне с письменными архивами". Это говорилось в 1996 г. на Международном конгрессе архивистов в Пекине⁴². Таким образом, эпоха "устных архивов" продолжает существовать и в наши дни.

Аналогичные возражения вызывает и предложение выделить в периодизации отдельную эпоху “глиняных архивов”. Дело в том, что традиции составления исторических документов на различного типа носителях: бамбук, шелк, золотые пластины, каменные стелы, береста (не только на Руси, но и, например, в Индии) и даже на различных типах кож (включая человеческую, что относится к странам древней Америки) — имеют свою многовековую историю. Она исследуется книговедами самых разных стран⁴³. В свою очередь, архивоведы-египтологи относят к архивам “многочисленные надписи, барельефы и рисунки, расположенные на стенах пирамид, храмов, гробниц, на саркофагах, гробах, обелисках, победных камнях и пограничных плитах, на статуях, скалах, скарабеях, сосудах и т. п., в которых даются подробные жизнеописания правителей более чем 30 династий царей, знатных лиц, сведения об их походах, завоеваниях, победах, экспедициях, о пожертвованиях храмам, строительстве, декретах, указах, договорах и других официальных и частных документах”⁴⁴. При этом архивные собрания, как отмечается здесь же, хранились не только в храмах и дворцах правителей, но и в многочисленных общественных архивах, в том числе в собраниях, принадлежавших сcribeам (писцам) и частным лицам. В этой связи, по-видимому, можно констатировать бесперспективность научной периодизации архивов по типу носителей письменной информации. Не говоря уже о господствующей в “не-европейских” культурах концепции параллельного существования устных и письменных традиций аккумуляирования и трансляции знаний, даже по отношению к России такой подход показывает свою ограниченность.

Отметим выявленный современными историками и культурологами феномен существования в XX (!) в. берестяных книг, повторяющих структуру древнего летописания. Так, историки В. Долматов и А. Смирнов опубликовали в 1994 г. результаты исследования обнаруженного в глухой сибирской деревне Колпашево целого фонда рукописных книг, созданных на бересте, в том числе своеобразного “дневника” на старославянском языке и “записных книжек”, отражающих кругозор их авторов с 1923 по 1929 г. и в более поздние годы: “11 декабря 1923 года. Мороз и холодно и маленечко снежок махонькой... 3 мая 1925 года. Шибко тепло. Озеро без малого все объехали. Косачи токуют. По озеру утки плавают и мы ездим” и т. д.⁴⁵

Из поля зрения современных архивоведов полностью выпал интересный с точки зрения различной герменевтики сущности архивов их сохранившийся до наших дней древнееврейский вариант, который также может существенно повлиять на подход к периодизации истории архивов. Так, под названием

"гениза" (евр. — архив) исторически сложился тип специальных хранилищ в синагоге, куда передавались вышедшие из употребления по различным причинам (ветхость, наличие повреждений и т. п.) свитки Торы, религиозные книги и отрывки из них, документы общины и принадлежащие ей предметы богослужения, а также комплексы тайных, запрещенных или оскверненных книг или предметов. Обычно гениза устраивалась в полу ниши или апсиды перед ковчегом со свитками Торы. Когда хранилище наполнялось, содержимое вынимали и с соответствующим ритуалом хоронили на кладбище⁴⁶.

Для доказательства связанной с неоднозначностью термина "архивы" неопределенности научной периодизации их истории напомним, что современный философ Мишель Фуко активно использует термин "ментальный архив", а его классический труд, изданный в 1969 г., называется "Археология знания"

Предложенная Е.В. Старостиным хронологическая схема вызывает определенное смущение и тем, что здесь же, под одной обложкой, без всяких оговорок помещена работа того же автора под названием "Методология архивов: периодизация", в которой он дает несколько иную схему, построенную "на основе двух генетически присущих архивам основных функций — хранения и использования документов" Первый этап теперь охватывает временные рамки с момента зарождения архивов до XVI — начала XVII в., второй — с XVI—XVII вв. по рубеж XIX—XX вв., третий — с рубежа XIX—XX вв. по настоящее время. По отношению к России, не выпадавшей в целом из общего социокультурного процесса, рамки первого этапа были, по мнению автора, несколько сдвинуты, и его начало датируется X—XVI, XVII вв.⁴⁷ С такой хронологической схемой периодизации процесса развития в Европе и в России можно было бы согласиться, но очень трудно сделать выбор в пользу одного из предложенных автором двух вариантов.

Иначе говоря, разное толкование понятия "архив" даже в пределах научного творчества одного автора может привести к явно не совпадающим результатам.

Одним из немногих исключений в этом смысле является статья С.О. Шмидта "Исторические корни профессии историка-архивиста: отечественный опыт", датированная 1996 г.: «Словом *архив* обозначают и документальные материалы, отложившиеся в результате деятельности учреждения или отдельных лиц. Но *самое употребительное значение* (выделено нами. — Т. Х.) слова *архив*... хранилище документальных материалов, т. е. учреждение (или его структурная часть), функциями которого являются прием, учет, хранение таких документов, состав-

вление к ним справочного аппарата и организация их использования... “Архивы” в первом значении становятся нам доступны, как правило, только тогда, когда оказываются в архивохранилище и воспринимаются нами уже как “архивный фонд”» (или в просторечии — просто фонд).

Трактуя понятие “архивы” в первом, т. е. не в самом употребительном, значении слова, С.О. Шмидт напоминает, что академик Д.С. Лихачев еще в книге 1947 г. справедливо характеризовал летописи как архивы, поскольку они представляют собой “сочинения исторические (даже историко-литературные)... и эстетические, и в то же время справочные и подтвердительные...”⁴⁸. То есть с самого момента возникновения они совмещают разные функции: для практических нужд и как памятник истории и культуры (пример: “Повесть временных лет” и другие летописи).

На наш взгляд, точка зрения С.О. Шмидта не только убедительно соотносит время возникновения архивов на Руси с периодом возникновения основ ее государственности и национально-культурной самобытности, но и намечает объективный подход к пониманию двойственной природы и сущности архивов. В самом деле, если рассматривать их только как систему специализированных вспомогательных учреждений при централизованных органах государственной власти, то такого рода архивы возникли при Петре I. Этимологический анализ данного термина в этом случае сводится к латинскому корню “archivum” и древнегреческому “archeion”, которые в лексикографических трудах, специально посвященных русскому языку петровского времени, трактуются однозначно (это относится и к другим терминам из понятийного аппарата архивного дела той эпохи): “*Архив* [от греч. archeion] — присутственное место. *Архивы* — канцелярские письма... *Документ* — доказательство. *Камер-архив* — место, где помещается архив. *Канцелярия* — приказ”⁴⁹.

Отметим, что, судя по “Лексикону...” В.Н. Татищева и словарю Н.А. Смирнова, в Петровскую эпоху достаточно четко разделялись понятия “архив” как присутственное место, т. е. учреждение, и “архивы” как канцелярские письма. К сожалению, в работах позднейших авторов, включая современные историко-теоретические исследования Е.В. Старостина, эта разница не принимается во внимание. “Архив” однозначно трактуется как присутственное место, хотя определяющим в контексте исследования архивов как таковых должен стать более широкий и древний предикат (определение) “письма”, относящийся к денотату (определяемому) “архивы”. Такая точка зрения находит свое подтверждение в трудах одного из крупных архивоведов-исследователей XIX в. Н.Н. Оглоблина. В своей

основной работе "Провинциальные архивы в XVII в. Очерк из истории архивного дела в России" он однозначно утверждает: «Название "*архив*" было совершенно незнакомо XVII веку... Собрания старых и новых дел не носили тогда особенного названия... Только в некоторых источниках пришлось встретить указания на то, что иногда собранию документов усвоилось в то время одно общее название, именно — "*письмо*" (*писмо*)»⁵⁰.

Следовательно, с герменевтической точки зрения не совсем корректно напрямую сводить толкование в русском языке термина "архив" к греческому "архэйон" в его латинизированном, т. е. суженном, понимании как присутственное место.

Принципиальное различие здесь состоит в том, что архивы никогда и нигде в допетровской Руси не являлись присутственным местом в его принятом в исторической науке понимании. Они не могли в системе административных органов управления государством выступать как самостоятельное учреждение, что составляет суть понятия "присутственное место". Приведем следующее рассуждение В.О. Ключевского из его работы "Терминология русской истории": "Строй древнерусского управления представляет три преемственно сменявшиеся системы, которые отличались между собой большей или меньшей выработкой учреждений... В первом периоде мы не замечаем ни постоянных ведомств, ни даже постоянных должностей, но есть придворные звания, носители которых являются с характером особых поручений: *дворский, покладник, казначей*. Людям, которые носили эти придворные звания, князь поручал разнообразные правительственные дела, *еще не успевшие сложиться в постоянные ведомства* (здесь и выше выделено нами. — Т. Х.). В удельные века придворные звания превращаются в постоянные должности... Но при постоянных должностях не видим еще постоянных присутственных мест... Сановник, управляющий известным ведомством, не является во главе постоянного присутственного места, а единолично, большей частью посредством устных распоряжений ведет порученные ему дела, он правительственный приказчик князя, но при нем еще нет *приказа*. В Московское время единоличные постоянные поручения превращаются в постоянные присутственные места, главные правительственные приказчики превращаются в начальников приказа"⁵¹.

Таким образом, делает вывод Ключевский, процесс развития управления в древней Руси представляет собой "**процесс постепенного обособления правительственных органов**. Сначала один орган исправляет разнообразные дела, потом органы специализируются: каждый из них подает постоянно одни и те же дела, наконец, эти органы расчлняются: орган, ведавший по-

стоянно известные дела, разрастается в целое присутственное место, состоящее также из отдельных органов, ведающих каждый свои дела, имеющих каждый свое отправление”⁵².

Важное методологическое значение приведенного выше вывода В.О. Ключевского состоит в том, что он объясняет отсутствие специального термина для тех собраний бумаг, которые Петр I назовет архивами (они как бы есть везде и в то же время их нет ни в одном конкретном месте хранения, они как бы нужны всем — и в то же время у них постоянно меняются хозяева), и их прикладной, справочный характер, если смотреть на них с точки зрения административно-управленческой функции. В эпоху Петра и во все последующее время — вплоть до осознания архивоведами необходимости разделять научно-историческое и прикладное значение архивных документов — архивное дело в целом не могло не иметь сугубо эмпирического характера, а сами архивы представляли собой нечто среднее между ведомственной библиотекой и местом для хранения ненужных бумаг.

Достаточно ли такое канцелярское понимание термина “архив” для понимания его сути? С точки зрения лингвистики, этимологии — допустимо, но только в определенном контексте. С точки зрения герменевтики понятия “архив” — нет, поскольку логически приводит к отдаленным негативным последствиям. Так, пагубность узкоканцелярской трактовки сущности архивов выявляется в просторечном, бытовом понимании термина “архив”, которое едва ли не первым зафиксировал В.И. Даль в Толковом словаре великорусского языка: “*Архива* ж., или *архив* м. — место хранения старых письменных дел и бумаг, склад, куда передаются все оконченные, решенные на бумаге дела и переписка, письмохранилище, письмосклад, писемник, бумажница”⁵³.

Аналогичное толкование слова “архив” приведено и в академическом Словаре церковно-славянского и русского языка...⁵⁴. Такое ограниченное представление оказалось удивительно живучим.

Судя по произведенным в начале главы наблюдениям нашей современницы — архивоведа Булюлиной, да и по нашему собственному опыту общения со студентами, оно характерно для большей части абитуриентов гуманитарных вузов и выпускников сегодняшних средних учебных заведений, не говоря уже о широких кругах общественности, включая чиновников высшего ранга. В теоретическом плане пришедшее к нам с Запада при Петре I толкование было закреплено в работах советских документоведов, начиная, видимо, с Н.В. Русинова, который сразу после революции 1917 г. начал публиковать цикл работ, в которых доказывал, что архив есть прямое продолжение регистратуры⁵⁵.

В 40-е годы прошлого столетия эти взгляды развил на теоретическом уровне создатель "документоведения" как самостоятельной научной дисциплины К.Г. Митяев. К нему приблизились и те авторы, которые исходили и исходят из признания примата технологической стороны архивного дела над историко-культурной, или, в нашей терминологии, "онтической", надвременной.

Оговоримся, что приоритет учрежденческого (делопроизводственного) аспекта в трактовке сущности архивов имел свое положительное значение, поскольку именно он лег в основу провиенциалпринципа и системы неделимости фондов. Но при его абсолютизации он ведет к редукции понятия "архив", искажению сути профессиональной работы архивиста и недооценке значения науки об архивах в целом. Так, Русинов настаивал на том, что для полного успеха архивной реформы «недостаточно овладеть собственно *архивами* действующих учреждений... а нужно также подчинить компетентному контролю и руководству самое "*деловодство*" учреждений, иначе — "архивы текущего делопроизводства"...⁵⁶.

Симптоматично, что если выступление Русинова в 1923 г. было опубликовано на последних страницах журнала, а первое место в нем занимали научно-теоретические статьи виднейших русских историков-архивоведов С.В. Рождественского, И.В. Пузино, Д.Н. Егорова и других, то уже в 1926 г. его работы на делопроизводственные темы публикуются на первом месте сразу в двух выпусках "Архивного дела". Это лишний раз подтверждает тот факт, что к концу 20-х годов вместе с тенденцией к тотальной бюрократизации госаппарата и становлением командно-административной системы управления государством происходит изменение во взглядах на цели и задачи науки об архивах. Приоритет в исследованиях роли, места и структуры исторических архивов, сложившихся естественно-историческим путем (т. е. "архивов как таковых", если пользоваться терминологией И.Л. Маяковского), уступает в архивоведении поиску унифицированной системы "классификации бумаг и формирования из них дел".

Как указывал один из популярных и многочисленных в эти годы сборник материалов по НОТ: "Мы пишем деловые бумаги не для историков и не в интересах будущих архивариусов. Ведь 95 % бумаг, это наше бестолковое канцелярское бумагомаранье, через год вообще нужно послать на бумажные фабрики в перedelку на оберточную бумагу. Чего уж тут думать об историках и архивах!"⁵⁷. Оспаривая этот "административный" тезис по форме, но не по существу, Русинов выдвинул характерный для того времени аргумент. Прочитируем дослов-

но: “Автор цитированной статьи упустил из виду то обстоятельство, что каждый архив, прежде, нежели он попадет в руки настоящего историка, служит уже историческим источником для администрации того самого учреждения, которому архив принадлежит. Администратор учреждения, обращающийся в свой архив за справкой по поводу фактов прошлого, есть, в сущности, тоже, в своем роде, историк”⁵⁸. Но в лучшем случае чиновник может создавать архивы, отвечающие интересам своего ведомства. Это станет именно “ведомственной” историей, образцами которой начиная с 30-х годов прошлого века переполнится историописательская литература.

Отмеченный нами поворот, точнее, возврат к петровскому пониманию архивов, был впервые законодательно оформлен Декретом ВЦИК от 30. 01. 1922 г. На Центрархив РСФСР было возложено “непосредственное заведование архивами высших государственных учреждений в г. Москве и Ленинграде и общее руководство постановкой архивной части текущего делопроизводства в правительственных учреждениях РСФСР”, сфера действия которого затем распространяется на всю архивную систему (см. в этой связи Правила постановки архивной части делопроизводства в государственных, профессиональных и кооперативных учреждениях и предприятиях РСФСР. М., Центрархив, 1925).

Исторические истоки отождествления архивов с второстепенным продолжением ведомственного делопроизводства лежат, как показывает проведенный нами анализ, в регламентных документах петровского времени, когда “архива” стала официально рассматриваться как хранилище “ненужных” деловых бумаг справочного характера. Ограниченное понимание сущности архивов как общедоступного склада ведомственных бумаг и связанное с ним аналогичное понимание существа работы архивистов дожили до наших дней и характеризуют, в частности, недавний “бум”, нашествие дилетантов в архивы в поисках отдельных, вырванных из исторически сложившегося архивного фонда “документов — сенсаций”, создающих искаженное представление о действительности. Ценность архивных документов в этом случае подменяется его конъюнктурной полезностью, а научный характер работы архивиста игнорируется. Ярчайший пример такого подхода приводится в интервью заместителя руководителя Росархива В.А. Еремченко, который представлял Государственную архивную службу России в трагические дни октября 1993 г. в комиссии по передаче имущества Верховного Совета и комиссии по восстановлению здания и сооружений Дома Советов. Касаясь некоторых публикаций в “Российской газе-

те" и в ряде других средств массовой информации, он отмечал: «Что касается статьи архивиста А.Г. Черешни о документах, найденных в Белом Доме... то, полагаю, и вся ее направленность, и заголовок могут у постороннего человека сформировать превратное впечатление о том, кто такие архивисты и чем они вообще занимаются. Вчитайтесь — "Компромат на депутатов нашли архивисты в тайниках Белого Дома" — вот, оказывается, в чем была наша цель: не выполнение профессионального долга по спасению документов, а поиск компромата в тайниках»⁵⁹.

Именно ведомственно-потребительское отношение к архивам как к прямому продолжению регистратуры постепенно привело к представлению о периферийной роли архивов в жизни общества и государства, а следовательно, и к недооценке Государственной архивной службы России в системе административных органов управления.

Таким образом, делопроизводственная трактовка сущности архивов, как видно из последующего развития научного архивоведения, начиная с трудов Н.В. Калачова и его единомышленников и заканчивая сформулированной В.Н. Автократовым теорией фонда, с учетом радикального изменения научной парадигмы гуманитарного знания в наши дни, уже недостаточна. Приведем одно из определений архива, которое отражает существо функционального подхода к дефиниции архивов. В брошюре издания 1930 г. ее автор — управляющий Центрархивом ТАССР С.Т. Филиппов — пишет: "Наверное, не все смогут в точности определить, что такое архив и для чего он нужен. Цель моя — помочь ответить на эти вопросы.

Дело в том, что, во-первых, ни один человек не может вполне положиться на свою память и ему приходится много записывать,

Во-вторых, не всегда можно подтвердить свои слова свидетельскими показаниями и приходится ссылаться на сохранившиеся записи и документы...

Вот тут-то и встречаешься с необходимостью поискать нужный материал и следы работы предшественников в собрании делопроизводственных бумаг, которые и называются архивами"⁶⁰.

Историки и архивоведы, призывающие (как это делает, например, С.О. Шмидт) приводить различие между архивами как собранием документов, предназначенных для удовлетворения практических нужд, и документами как самоценными и целостными феноменами культуры, интуитивно учитывают другую семантику греческого корня "архэ", который также вошел в состав русского понятия "архив".

Полагаем уместным напомнить, что в философском смысле понятие “архэ” использовалось в трудах древнегреческих мыслителей как “отправная точка, начало чего-либо в пространственном или временном смысле”, “начало как зачин, причина чего-либо”⁶¹. Специально исследовавший смысл этого сложного понятия и его эволюцию А.Ф. Лосев так суммировал герменевтическое наполнение слова “архэ”: “это нечто лишенное оптических границ и формы, из которого только путем образования границ, разделения на чувственно-самостоятельные предметы возникает что-то, а именно — мир...” И далее: “Взор философов падает не на частные явления бытия, с их мимолетными и пестрыми началами и концами, но на бытие в целом... *Arché*, основное начало бытия...это то, из чего состоит все сущее, из чего оно происходит впервые и во что оно конечным образом разрешается, что пребывает как *неизменная сущность* в изменении своих состояний”⁶². Словом “*arché*” открываются в греческом изводе Евангелия от Марка и Иоанна, причем второму (“В начале было Слово”) соответствует глубокий смысл, присутствующий в церковно-славянском переводе и утраченный в современном русском языке: “Исходи бе Слово”, т. е. в корневой фонеме присутствует одновременно и звучание “конец”

Таким образом, мы исходим из того, что на смену господствовавшей на всем протяжении Нового времени в теории познания гносеологической парадигмы в современную науку возвращается онтологическое понимание проявлений сущностей бытия как совокупного “нечто”, “вещи-в-себе”, универсальной первоосновы. Для нас важно, что именно в этом смысле (“первооснова”, “исток”) употреблялось Парменидом, Анаксимандром и некоторыми другими античными авторами многозначное слово “*архэ*”.

Подведем некоторые итоги.

Применяемый нами в данном исследовании метод целостного рассмотрения предметов и явлений одновременно в онтологическом, гносеологическом и социально-историческом разрезах помогает по-новому раскрыть сложную структуру термина “архив”

Прочитаем теперь выдержку из полного определения термина “архэ” из “Философского энциклопедического словаря”, которое доказывает справедливость нашего подхода: «Уже у Платона “архэ” употребляется в значении: 1) *онтологического* (выделено нами. — Т. Х.) принципа (ср. схоластич. *Principium reale*) и 2) начало познания, гносеологического принципа (ср. *Principium cognoscendi*)... Аристотель впервые дает семантическое описание “архэ” и различает: 1) эпистемологическое зна-

чение (у Аристотеля эпистема обозначает научное знание. — Т. Х.) и 2) онтологические начала ("начала сущности"... или "принципы бытия", то же, что причины. В дофилософском словоупотреблении (начиная с Гомера): 1) отправная точка, начало чего-либо в пространственном или временном смысле, 2) начало как зачин, причина чего-либо, 3) начало как начальство, власть, главенство»⁶³.

Социально-исторический подход предполагает рассмотрение эволюции герменевтики корневого элемента в термине "архив" как признака его органического, "живого" характера.

Здесь можно провести параллель с различными представлениями о том, являются ли социальные науки науками в полном смысле слова, т. е. совокупностью точных, упорядоченных знаний, применимых не только к отдельным социальным группам, государственным режимам или идеологиям, но и к системе познания человека в целом.

В первом случае социология является социометрией, прикладной дисциплиной, поставляющей сырье для исследователей, во втором — она саморазвивающаяся фундаментальная наука гуманитарного характера. Если рассматривать историю архивов как часть истории госучреждений, то науки о самооценности архивов не может быть по определению.

Она может являться в лучшем случае "архивометрией" (термин Б.С. Илизарова), составной частью информатики, а в худшем — прикладной, отраслевой научно-учебной дисциплиной, которая сводится к изучению истории изменения системы управления архивами и усовершенствования правил археографической подготовки архивных документов. При таком, вненаучном, подходе отдельные "деревья" (документы, архивохранилища, управленческая система) заслоняют от нас "лес" (архивы как результат естественно-исторического образования целостных фондоорганизмов) и мы знаем все больше о все меньшем.

Именно подобное понимание приводит к искаженному восприятию сути архивов некоторыми потребителями, включая историков-исследователей, которые идут в архивы с целью *вырывать* (=вырывать) факты. Сетую на то, что архивы им не полностью доступны, они не отдают себе отчета в том, что просто неправильно формулируют вопросы к архивам, и в этом случае не архивы (или часть архивных документов) кто-то скрывает ("закрывает") от них, а сами архивы как бы "закрываются" от неинтересного для них историка.

Иначе говоря, если бы сущность была тождественной явлению, то отпала бы необходимость в науке. Достаточно было бы только описывать внешние характеристики отдельных предметов или явлений природы. Так и происходило на эмпириче-

ской стадии миропознания и саморефлексии человека. Но описательно-позитивистский подход оказался недостаточным и был дополнен требованием увидеть за явлениями их первооснову, выявить и определить закономерности и ведущие тенденции их саморазвития, т. е. выделить в архивах их “архэ”

Если понимать термин “саморазвитие” как самоорганизацию, то архивы представляют собой наглядную синергетическую модель, анализ которой должен проводиться в рамках единства бытия и становления. При этом архивы рассматриваются как система, в которой определенная динамика внешних воздействий может нарушать равновесность и создавать качественно новые состояния. Принципиальным для синергетического подхода является признание того факта, что внешнее действие учитывается обязательно как пропущенное через внутреннюю природу самой системы, стимул к ее самоорганизации в новых условиях, а не как однозначно навязанная извне другая определенность. При таком подходе внешнее воздействие лишь обеспечивает условия перехода в состояние неустойчивости и формирования в неопределенности новой структуры. Тем самым выявляется действительная автономность системы, мера ее способности к саморазвитию⁶⁴. В этом отличие целостно-онтологического (синергетического) рассмотрения существа динамики развития архивов от административно-учрежденческого (феноменально-функционального) подхода, при котором внутренняя цель изменения системы задается извне, а не формируется в самой системе, в соответствии с ее собственной природой. “Можно сказать, — писал Г. Хакен, — что в определенном смысле мы приходим к своего рода обобщенному дарвинизму, действие которого распространяется не только на органический, но и на неорганический мир”⁶⁵.

Вне целостно-онтологического подхода, с нашей точки зрения, нельзя ни понять, ни объяснить суть дуалистической природы архивов, отмеченной Н.В. Калачовым, первопричину процесса расширения их содержания, выявленного И.Л. Маяковским, и в результате создать фундаментальную теорию архивов, без которой нельзя говорить о подлинной науке об архивах. Точно так же нельзя сформулировать законы естественно-исторического развития архивных фондов, т. е. развития архивоведческой мысли “поверх” официальных рамок и ограничений, определить коренное различие в “полезности” и “ценности” документов и т. п. Теория неизбежно будет сведена к перечислению и заучиванию официальных указов, постановлений, инструкций, правил, методических указаний и т. п. актов внешних, т. е. властных, структур, хотя часто именно в силу несоответствия внутренней природе самих архивов они

оставались полностью или частично нереализованными. В таком подходе мы опираемся на опыт многих ученых, работающих в смежных областях гуманитарного знания. Современные издатели ежегодника "Архэ" культурно-логического (sic! — Т. Х.) семинара РГГУ под одноименным названием предпослали содержательной части своего издания следующее толкование этого понятия: "Начало — чем начинается бытие или действие, один из двух пределов, между коими заключено бытие, вещественное либо духовное... Первые и главные истины науки, основания ее, основы знания"⁶⁶.

Исходя из такого толкования корневого смысла понятия "архив", хотя бы в качестве рабочей гипотезы, можно прийти к выводу, что истоки архивов нужно искать на этапе, когда *homo sapiens* научился передавать свой опыт и знания от поколения к поколению, т. е. на стадии возникновения феномена коллективной памяти. Ее самой эффективной формой стала письменность (и другие способы фиксирования информации) как хранилище продуктов деятельности речемыслительных механизмов, как инструмент увековечивания *духовных* (аксиологических) и *когнитивных* (праксеологических) ценностей человечества.

Отметим, что если исходить из такого понимания, то уже при рождении письменности были заложены истоки двойной функции архивов. В одних определениях подчеркивается эзотерический (тайный, мистический, *самодостаточный*) смысл феномена "письмена", при использовании которого «сообщение может быть обращено к другому или к самому себе (запись на память, т. н. *меморат*), но, строго говоря, не предполагает неременной дешифровки, то есть понимания сообщения в том же смысле, в каком оно характеризовало самого автора (знание кода)... Письмена понимались как сакральные знаки, которые связаны с высшими и тайными смыслами... и противостоят сфере профанического, явного, сугубо материального... В иудейском мистическом трактате "Книга творения" обсуждается вопрос о том, что мир состоит из чисел и букв (ср. языковое единство пары *читать* — *считать*)... Изобретатели алфавита как родоначальники культурной традиции... нередко считались святыми (ср. Месроп Маштоц, Кирилл и Мефодий, Стефан Пермский и др.), что является продолжением жреческой традиции изобретения и заботы о письменах, о священных текстах, о книге»⁶⁷. С другой стороны, письменность (письмо) определяется как "знаковая система фиксации речи, позволяющая с помощью начертательных (графических) элементов закреплять речь во времени и передавать ее на расстояние"⁶⁸.

Если наша гипотеза верна (а она требует специального исследования на междисциплинарном уровне), то из нее следу-

ет основной, на наш взгляд, *историко-генетический закон архивообразования*: архивы возникают в истории человечества в конце IV — начале III тысячелетия до н. э. (Египет, Месопотамия) как неотъемлемый формообразующий фактор упорядочения в документе представлений человека о мире и о себе. Подобный подход требует, как писал Ю.Н. Афанасьев, изменения “сложившегося матричного представления о знании и науке”, в рамках которого “доныне господствует западная матрица, [то есть], как бы само собой разумеется, что она и есть матрица для всех культур”. Особенно остро при этом стоит проблема трансляции знаний: важнейшей составляющей их являются архивы. Таким образом, вопрос о роли и месте устных архивов в широком контексте решается совсем не так, как предлагается в традиционном архивоведении на Западе и в современной отечественной науке об архивах.

Приведем примеры из цитируемой работы Ю.Н. Афанасьева. Он доказывает принципиальную трудность отделения устной культуры запоминания от письменной: “Так, в арабском мире с древних времен письменная и устная культуры существуют параллельно. Так, африканское общество культивирует каждый канал, по которому транслируется знание. Так, Израиль демонстрирует уникальный пример возрождения исчезнувшего государства благодаря тому, что две тысячи лет оно существовало устно, на словах... Так и у нас в годы тоталитаризма культура транслировала и *запоминала* (выделено нами. — Т. Х.) важнейшую информацию о самой себе...”⁶⁹.

Следовательно, учитывая ограниченность европоцентристского взгляда на приоритет утилитарно-функциональной стороны архивов, мы опираемся на восточное понимание конструкции языка в целом, которая повторяет конструкцию *памяти и внутреннего универсума*, что составляет глубинную сущность архивов.

Архивы при целостно-онтологическом рассмотрении выступают не только (и даже не столько) как система, ориентированная на фиксацию внешней, событийной картины мира. Они сами по себе представляют не ограниченную пространством и не имеющую начала и конца во времени саморазвивающуюся картину внутреннего мира человека. Это не источник знания о духовной (или психической, если следовать терминологии А.С. Лаппо-Данилевского и его школы) стороне личности, а само целостное знание в непрерывном процессе его становления и развития.

В рамках предлагаемой нами концепции архивы являются своего рода аналогом культуры человека, если только следовать определению культуры, которое дал в своих трудах

Ю.М. Лотман: "Под культурой, — писал он, — я понимаю... тот механизм коллективной памяти, коллективного сознания, который сопутствует человечеству на протяжении всей его истории"⁷⁰.

При подобном понимании документы любого вида и происхождения в рамках отдельно взятого архива как системы первого уровня выступают как осмысленные фразы (фонды).

В свою очередь, архивы первого уровня виртуально составляют совокупный архив второго уровня. В нем зафиксировано состояние системы "личность — общество — государство" на конкретно-историческом этапе их развития. Такой архив сочетает в себе характеристики самоценности (совокупная память), полезности (совокупный опыт) и непрерывности (совокупное познание). На высшем уровне архивы образуют интегральное единое архивно-информационное поле, формирующееся по собственным объективным законам параллельно с формированием и развитием человеческого самосознания.

В статье "От архивоведения к архивософии? К постановке проблемы" (Труды ИАИ. 1996. Т. 33. С. 177—192) мы уже выдвигали аргументацию в пользу целесообразности изучения многоуровневого феномена архивов в целостном единстве их онтологической, гносеологической и социально-культурной функций. В рамках настоящего исследования важно констатировать, что сформулированное нами в названной статье определение архивов как "совокупной информационной... многоуровневой системы" латентно присутствует во всех трудах архивоведов, не ограничивающих рамки своих исследований выполнением узкотехнологических задач. Более того, именно с достижением такого уровня понимания мы связываем переход от эмпирического к классическому периоду в развитии отечественного архивоведения, в частности и к генезису науки об архивах в целом. В предложенной нами гипотезе находит научное отражение явление, которое впервые зафиксировал, но не дал ему теоретического истолкования И.Л. Маяковский в 1926 г.: "Понятие архива в течение всего периода развития архивистики не оставалось неизменным. В его эволюции определенно заметна тенденция к расширению своего объема"⁷¹.

Раскрытая с использованием герменевтического метода глубинная сущность архивов как самоценного явления, имманентно присущего процессу развития самоидентификации и самосознания личности, общества и государства, помогает объяснить ряд частных проблем, в том числе и чисто прикладного характера.

Придание приоритетного значения последним, официальным редакциям управленческих документов основано на

упрощенной трактовке архивов как продолжения регистратур и является характерной чертой функционального подхода. В методологическом плане такой подход — проявление не свойственной современной парадигме научного знания тенденции к абсолютизации лишь одной из сторон целостного и развивающегося по собственным законам системного явления “архив”, объективно обуславливая на протяжении многовекового существования архива разное смысловое наполнение как указанного термина, так и производных от него понятий (“архивистика”, “архивоведение”, “архивное дело” и др.). В работе “Архивы России. Методологические аспекты архивоведческого знания” Е.В. Старостин, подробно проанализировав использование этих понятий в современной архивоведческой литературе, назвал ситуацию вокруг них “терминологической пляской”, а причину явления однозначно свел к проявлению “амбиций их изобретателей” и “известному терминологическому импрессионизму”⁷².

С нашей точки зрения, такая оценка исключает исторический подход к изучению генезиса научной и профессиональной терминологии, сводит *герменевтику* ключевых понятий к необъяснимым казусам лингвистики и психологии. Тем самым суть проблемы остается принципиально необъяснимой, а появление и исчезновение терминов остается за пределами исторического анализа и науки в целом, хотя, как доказано науковедением, терминологический аппарат не возникает сам по себе. Его изменение отражает смену научной парадигмы в конкретно-исторических условиях, объективно определяющих разное смысловое наполнение устоявшихся понятий.

Вне герменевтического подхода к исследованию внутренних и внешних факторов, влияющих на процесс становления системы научных знаний, выраженной в понятиях, терминологический спор становится бесплодным, а терминологическая “пляска”, если использовать выражение Е.В. Старостина, превращается в “дурную бесконечность”

Мы показали, как по-разному раскрывается термин “архив” в онтологическом, гносеологическом и социально-культурном аспектах и насколько необходимо сочетать их для полного раскрытия сущности явления, определяемого термином “архив” Для предлагаемого исследования рассмотрение понятийного аппарата архивоведения непосредственно связано с историей генезиса, становления и развития отечественной науки об архивах. Поэтому остановимся на этом аспекте научной авторефлексии подробнее.

Герменевтика понятий “архивоведение” и “наука об архивах”

Ситуация с ключевыми для нашего исследования понятиями “архивоведение” и “наука об архивах” сложилась еще более парадоксальная, чем с их исходным термином “архивы”. Для определения динамики изменения в их смысловом наполнении прежде всего необходимо установить трактовку самого исходного понятия “наука” как отличительного признака современной цивилизации.

Проведенный анализ соответствующих статей в философских словарях и энциклопедиях показывает, что термин “наука” отличается многозначностью. В Философском энциклопедическом словаре *наука* определяется как «сфера человеческой деятельности, функцией которой является выработка и теоретическая систематизация объективных знаний о действительности... Понятие “наука” включает в себя как деятельность по получению нового знания, так и результат этой деятельности — сумму полученных *к данному моменту* научных знаний, образующих в совокупности научную картину мира... Развитию науки свойствен кумулятивный характер: на каждом этапе она суммирует в концентрированном виде свои прошлые достижения, и каждый результат науки входит неотъемлемой частью в ее *общий фонд*, он не перечеркивается последующими успехами познания, а лишь переосмысливается и уточняется... Преемственность науки обеспечивает ее функционирование как *особого вида “социальной памяти человечества”* (здесь и выше выделено нами. — Т. Х.), теоретически кристаллизующей прошлый опыт познания действительности и овладения ее законами»⁷³.

Отметим, что введенное Б.С. Илизаровым и активно использующееся вплоть до настоящего времени определение архива как социальной памяти человечества логически приводит к отождествлению его с фундаментом, общей основой (*общим фондом*) научных знаний, а архивоведение в широком смысле предстает всеобъемлющей наукой о формировании основ социальной памяти.

В середине XX в. было доказано, что все науки имеют эмпирический базис. Он является необходимой первичной стадией развития системы научных знаний. Нет и не может быть таких процессов познания, в которых исследователь получает свои результаты только в сфере чистого мышления. Представи-

тели конкретных наук имеют объектом познания не метод или набор методов, применяемых для решения конкретных научных проблем в своей отрасли знаний, а элементы строения природы, общества или протекающих в них процессов. Но на первой, эмпирической, стадии научные знания в конкретных науках проявляются только в форме описания изучаемых объектов, которые определяются в терминах, отражающих существующую стадию развития науки в целом. Используемые при этом методы исследования, как правило, выбираются на интуитивном уровне. После фиксации на стихийно-эмпирическом уровне результатов накопленного опыта наступает стадия постановки и разработки определенной модели познания в целях его объяснения и прогнозирования. Она оформляется в системах научных теорий и концепций, отражающих сложившийся в конкретно-исторических условиях определенный парадигмальный уровень знания.

Как указывает Философский энциклопедический словарь, "в науке можно выделить эмпирический и теоретический уровни исследования и организации знания. Элементами эмпирического знания являются факты, получаемые с помощью наблюдений и экспериментов и констатирующие качественные и количественные характеристики объектов и наблюдений... Формирование теоретического уровня науки приводит к качественному изменению эмпирического уровня"⁷⁴.

В основу нашего деления истории науки об архивах на эмпирическую и классическую стадии ее развития лежит именно такое понимание стадийного развития общенаучного знания, принятое современным академическим сообществом. Их смешивание, что покажет последующий анализ, составляет основу существующих разногласий в определении архивоведения как самостоятельной научной дисциплины. Для развития науки необходимо достижение однозначной фиксации всеми исследователями достигнутых результатов, т. е. их точности и воспроизводимости. В гуманитарных науках при этом возникает острая потребность в точной фиксации значений терминов, достижении информационной однозначности используемых учеными и специалистами понятий.

Отсюда следует вывод о важности объективного исследования постоянно меняющегося языка науки в целом и терминологического аппарата каждой из конкретных научных дисциплин в частности.

Изменения меняющегося тезауруса (словаря) науки отражают объективные процессы увеличения объема наших знаний о познаваемом объекте или проникновения на более глубокие уровни их строения, что неизбежно приводит к дифференциа-

ции объектов познания, ранее составляющих область исследования одной науки, на несколько относительно самостоятельных объектов познания. В результате творчество ученых-исследователей одной специальности становится главным условием творческой деятельности исследователей в других отраслях науки.

Именно эти процессы обусловили дифференциацию на прикладные и теоретические дисциплины историографии, источниковедения, книговедения, документоведения, археографии и т. д. Аналогичным образом, с нашей точки зрения, эволюционировала и наука об архивах, которая в соответствии с двойственной природой изучаемого объекта (*архивов* как системы хранилищ документов и *архивов* как общенаучной основы самопознания человека) прошла этапы становления от эмпирической стадии до классической, а в наши дни все отчетливее приобретает черты самостоятельной и самоценной фундаментальной науки в системе гуманитарных научных дисциплин, методико-прикладная часть которой ("технологическое архивоведение") входит в нее как одна из важных, но производных от основной ее составных частей. Так действует на междисциплинарном уровне объективный закон преемственности знаний, необходимым условием проявления которого является свобода научного творчества, т. е. обеспечения естественного процесса эволюции научных знаний в конкретно-исторических условиях.

Один из крупнейших биохимиков XX в. Дж. Сент-Дьердь писал, что "для меня наука — прежде всего сообщество людей, которые не знают преград во времени и пространстве. Я живу в коллективе, членами которого являются Ньютон и Лавуазье, индийский или китайский ученый мне ближе, чем сосед-сапожник. Основные моральные принципы этого сообщества просты: взаимное уважение, интеллектуальная честность и добрая воля"⁷⁵.

Изложенные нами постулаты основаны на выводах современных историков науки и методики научного познания⁷⁶.

Особенное значение при нашем понимании характера, места и роли научных знаний в современном мире и двойственного характера архивоведения имели статьи Ю.Н. Афанасьева "Автономия кентавра", А.Н. Барулина "Язык мой — враг мой, язык мой — драг мой", Д.Н. Хубовой "Быть познанным — значит иметь свидетеля" и других авторов, вошедших в сборник работ кафедры истории науки РГГУ⁷⁷.

Сложность, многоаспектность и многоуровневый характер науки, а также стадийность в становлении ее познавательной сущности объективно породили целую гамму ныне суще-

ствующих дефиниций архивоведения и неоднозначность определения хронологических рамок его развития. В процессе работы над источниками мы установили, как это ни парадоксально, что понятие “наука об архивах” (“архивная наука”) появилось почти на полстолетия раньше, чем оно датируется в отечественном архивоведении (данное понятие до сих пор относят к работам Н.В. Калачова). При изучении Плана о приведении в лучшее устройство архивов вообще, представленного при рапорте главноуправляющему Комиссией по составлению законов князю П.В. Лопухину бароном Густавом Андреевичем Розенкампом и датированного 8.04. 1820 г., в предпоследнем, четвертом, пункте было сказано: “Для сего определить сведущих людей, кои бы могли усовершенствовать себя в так называемой *архивной науке*” (выделено нами. — Т. Х.)⁷⁸. Отметим, что именно в таком контексте использует аналогичный термин С.О. Шмидт: “Там где предполагалось длительное хранение [документальных материалов], вырабатывались постепенно и правила описания документов, проверки их подлинности — так формировались предпосылки и первичные основы ВИД и *архивной науки*” (выделено нами. — Т. Х.)⁷⁹.

А.Н. Макаров, автор первой (и оставшейся единственной) специальной работы “Проект архивной реформы бар. Г.А. Розенкампа” (1820), опубликованной в журнале “Исторический архив”⁸⁰, не считал нужным упомянуть или привести выдержку из данного варианта плана, содержащего первую дату употребления понятия “архивная наука”

Нам же, в контексте герменевтического анализа, это кажется чрезвычайно важным. Ведь если наука об архивах отождествляется только с выработкой правил описания и определения их подлинности, то такой подход ведет к искажению и ограничению смысла деятельности архивиста. В конечном счете так и начался процесс разрушения целостного понимания сущности науки об архивах, свойственного, например, работам Н.В. Калачова.

В результате искаженной герменевтики природы самого термина проф. И.Е. Андреевский в статье “Архивоведение, или Наука об архивах”, помещенной в Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, привел *без перевода* наравне с русскими, формально синонимическими словами (на самом деле омонимическими) их немецкие эквиваленты “Archivwissenschaft” и “Archivkunde”. Отметим, что свой курс лекций он однозначно называл “Наука об архивах”.

В 1904 г. А.П. Воронов попытался свести оба немецких термина к русским понятиям “архивовѣдѣніе” (через два “ятя”) и “архивоведение”. Первое (Archivwissenschaft — нем.,

science des archives — фр.) было истолковано им как наука, которая имеет в виду две задачи:

1) выработать основы наилучшего и наипростейшего устройства и ведения архивов, обеспечивающих не только сохранность материалов, но и удобство пользования ими в интересах научных и деловых;

2) сделать содержание архивов известным и ввести его в научный оборот не только для своего народа, но и в международный. Эти задачи осуществляются путем изучения настоящего и прошлого положения архивов в различных государствах образованного мира.

Та часть архивоведения, которая говорит об основах наилучшего устройства и ведения архивов, называется архивоведением (Archivkunde, Service des archives)⁸¹.

С нашей точки зрения, такое раздвоение понятий оказалось не слишком удачным. Оно соответствовало интуитивному — на эмпирическом уровне — пониманию сложности исходного термина "архив", а также неопределенности предмета и объекта самой науки об архивах, находившейся на первой стадии своего становления. Правда, В.Н. Автократов в своих неопубликованных заметках находил такое разделение "актуальным для начала XX века и даже изящным в своем двухсоставном построении", поскольку «наличие в обоих терминах корня "архив (о)"... подчеркивало общность изучаемого объекта, а различие орфографии и ударений обращало внимание на то, что это — слова с неодинаковым смысловым значением, имеющие в виду разные предметы исследования: "...вѣдѣние" — знания, наука, "...ведѣние" — в основе своей, практическую деятельность»⁸². Но существование заимствованного двухсложного иноязычного понятия с недостаточно ясным толкованием, которое определялось только различной русской орфографией, оказалось недолговечным. Это в конечном счете привело к его замене аморфным термином "теория и практика архивного дела" и, что более важно, сказалось негативным образом на дальнейшем развитии науки об архивах.

Начнем с того, что на судьбу "архивоведения" (как термина, так и самой обозначаемой им науки) самым драматическим образом повлияла реформа русской орфографии, проведенная в 1918 г. Поскольку именно критике этой реформы была посвящена первая научная работа Д.С. Лихачева, за которую в основном он и был приговорен в феврале 1928 г. к пяти годам заключения в концентрационном лагере на Соловках, предоставим слово ему.

В работе "Медитации на тему о старой, традиционной, освященной, исторической русской орфографии, попорнанной и

искаженной врагом церкви Христовой и народа Российского, изложенные в трех рассуждениях Дмитрием Лихачевым февраля 3 дни 1928 г.” будущий академик, которому в ту пору было 20 лет, горячо выступил против отмены ряда букв русского алфавита. Особенный протест у него вызвало устранение буквы “ять” (Ѣ с черточкой в верхней части). Он считал ее «чрезвычайно полновесной буквой, о любви к которой русских писцов свидетельствует большое количество различных начертаний... От себя же мы прибавим, — пишет Д.С. Лихачев, — что “Ѣ” в ее древнейшем начертании символизирует церковь... Если имя есть сама вещь, то кто станет отрицать непосредственную связь между начертанием слова и предметом, который оно должно символизировать? ...Разве случайно, что через “Ѣ” пишутся исконно русские слова и по большей части православно-церковные: *въра, въчность, вънец*, а не *черг* или *пекло*. Не погасла ли в стране нашей въра от того, что мы стали писать ее через “е”?»⁸³.

Мы не беремся ответить, как и насколько повлияла отмена буквы “ять” на судьбу православной веры в нашей стране. Отметим только, что автор счел нужным в возрасте 85 лет, спустя 64 года после написания “Медитации...”, выступить с текстом этого доклада в Пушкинском Доме Академии наук России и опубликовать его, сопроводив предварительными замечаниями в книге 1992 г. издания. Однако представляется очевидным, что для архивоведения отмена буквы “Ѣ” (ять) оказалась роковой. Дело в том, что все дореволюционные архивоведы, начиная с И.Е. Андреевского, достаточно четко различали два омонима: “архивовѣдѣние” и “архивоведение”

Положение резко изменилось в 1918 г. В статье “О наших орфографических ранах”, датированной 1952 (!) г., русский философ-эмигрант Иван Александрович Ильин привел слово “архивоведение” в длинном перечне «типических примеров безобразия и бессмыслиц, вдвинутых в русскую культуру произвольной отменой буквы “Ѣ” (“ять”)». Касаясь двух омонимов слова “архивоведение”, И.А. Ильин поясняет их смысл так: “надо уметь не только изучать архивы, но и правильно вести их” И далее приводит пример правописания (курсы по архивовѣдѣнїю и архивоведенїю) и “кривописания” (курсы по архивовѣдѣнїю и архивоведѣнїю)⁸⁴. Изначально “кривописание” термина определило трудное существование самой науки об архивах.

Последней, на наш взгляд, из выявленных попыток сохранить целостность понятия “архивоведение” на двуязычной основе является статья В. Попова “Архивоведение, или Наука об архивах”. В ней утверждалось: «Архивоведение, или наука об

архивах, сложившаяся уже в XVIII столетии (аргументов в пользу этой датировки в статье нет. — Т. Х.) и получившая в новейшее время, вследствие преподавания ее в археологических школах, точную обработку, имеет задачи: 1) доставить всем категориям архивов путем научного разъяснения их существа и значения единство и цельность, 2) привести их к положению учреждений международных или всемирных посредством разъяснения методов пользования ими и установления сношений между центральными управлениями исторических архивов различных государств. Та часть науки об архивах, которая разъясняет эти две задачи, в немецкой литературе носит название архивной науки в тесном смысле слова (*Archivwissenschaft*), 3) изложить главнейшие основы правильного, удобного устройства того или другого архива и наилучших методов хранения актов, составления инвентаря, описей и т. п. Эта часть науки, в отличие от первой, в немецкой литературе называется "*Archivkunde*" Но так как все три задачи находятся в теснейшей внутренней связи, то и обе части этой науки составляют одно нераздельное целое — науку об архивах»⁸⁵. В этом причудливом смешении идей Андреевского и Воронова, о которых речь пойдет в соответствующих разделах, у Попова есть одно рациональное зерно — признание неразделимой целостности науки об архивах. К сожалению, отечественное архивоведение начало с середины 20-х годов прошлого века развиваться односторонне. Поэтому таким нелегким сегодня представляется обсуждение вопроса о его генезисе. Каждый раз нужно уточнять: о каком из архивоведений идет речь?

Что конкретно понимается под наукой об архивах? Прежде чем попытаться дать свой вариант ответа на эти фундаментальные вопросы, следует привести краткий обзор мнений современных авторов.

Несмотря на то что в последнее время ряд авторитетных исследователей⁸⁶ датируют время возникновения архивоведения как науки с невероятной точностью (цитируем дословно: «В 1869 г. на I Археологическом съезде в Москве Н.В. Калачов выступил с докладом "Архивы", положившим начало русскому архивоведению. В основанном им в 1878 г. Петербургском археологическом институте Калачов преподавал "основания науки об архивах" После смерти Калачова... И.Е. Андреевский... опубликовал во втором томе Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона статью "Архивоведение, или Наука об архивах"»), вопрос о генезисе науки об архивах по-прежнему остается открытым.

В самом деле, если наука об архивах, по мнению А.Д. Степанского и его единомышленников, возникла в сере-

дине XIX в., то куда она периодически “исчезает”? Почему, например, в 1918 г. крупнейший знаток России в области истории и теории архивного дела И.Л. Маяковский счел нужным выступить с призывом о ее создании?

Приведем хрестоматийную выдержку из его “Исторического очерка архивного дела в России” (Пг., 1920) – курса лекций. Он обращался к слушателям архивных курсов при Петроградском археологическом институте с призывом: “1. Пора серьезно признать, что русское архивное дело есть наука, 2. Как наука оно должно в своих пределах обладать самодовлеющим значением, а не быть в лучшем случае *ancilla historiae*, в худшем же слугою канцелярий”. Менее известна, хотя еще более актуальна, другая мысль И.Л. Маяковского, согласно которой на протяжении всей истории архивного дела в России, включая и “до-Калачовское”, и “Калачовское”, и “пост-Калачовское” время, именно “вследствие отсутствия научного взгляда на архивное дело драгоценные документы погибали в таком огромном количестве, что до нашего времени дошла от них лишь ничтожная часть”⁸⁷. Речь не идет о том, кто более прав: А.Д. Степанский и почти все историки и теоретики архивного дела или И.Л. Маяковский. В свете современной синкретической научной парадигмы вполне могут оказаться правильными оба ответа. Здесь следует отметить слабую научную разработку понятийного аппарата, поскольку речь идет о неоднозначном понимании самого термина “наука об архивах” (“архивоведение”), чем и обусловлен разный ответ на вопрос о генезисе научных знаний об архивах.

Таким образом, разная степень герменевтической глубины понимания соответствующих терминов и понятий составляет суть проблемы, которую предстоит попытаться решить в данном исследовании.

Начиная с 20-х годов наблюдаются попытки вообще отказать от терминов “архивоведение” или “наука об архивах”. Впервые на это обратил внимание В.Н. Автократов⁸⁸. Он указал, что в работе “Теория археографии” ее автор Н.Ф. Бельчиков, критикуя Самоквасова, одновременно выступал и против Маяковского за его стремление рассматривать архивоведение как самостоятельную область научного знания. Владимир Николаевич Автократов, очевидно, имел в виду следующее положение из работы Бельчикова: “Схоластичность [Самоквасова] ярко сказалась в том, что архивоведение мыслится им не как организация, построение архивной действительности, не опыт, не практика, а как какой-то фетишизированный знак (наука), как удаленная от современности, от практической жизни, область, но руководящая, однако, архивной практикой... Естест-

веннее, казалось бы, представлять дело архивисту-практику, каким был Д.Я. Самоквасов, наоборот, что теория отражает практику, что практика порождает теорию. Но этого не было. В свете своего мировоззрения (идеологизм) Д.Я. Самоквасов этого не знал, не видел и не понимал и того, что нет никакой самодовлеющей *архивной науки*” (выделено автором. — Т. Х.)⁸⁹.

Отметим, что сам Бельчиков сделал все возможное, чтобы запутать свою собственную трактовку архивоведения. С одной стороны, он писал: “Если другим покажется, что мы спорим здесь о словах (архивоведение или археография) или если кого устрашает термин археография, — мы охотно уступим в отношении термина” С другой — он полностью отрицал необходимость и возможность существования самостоятельной науки об архивах, растворяя ее содержание в понятии “архивное дело”, которое он определял следующим образом: «В общем понятии “архивное дело” мы мыслим всю организационную, правовую, инструктивную и управленческую работу, связанную с архивно-производственной практикой и средствами ее осуществления (архивохранилищами, фондами, личным составом и т. д.). В это же общее понятие мы включаем и архивно-производственную работу, связанную непосредственно с документом и его обработкой в пределах хранилища, которую мы полагаем естественнее всего определить термином *археография*... Археография является научно-организационной деятельностью по разборке, систематизации и описанию (всякого вида) архивных материалов... Все эти стороны архивного дела живут взаимно, влияют друг на друга, оказывают влияние и на ту область, которая является предметом нашего рассмотрения — т. е. археографию (ее практику и теорию)»⁹⁰.

Вскоре после выхода в свет “Теории археографии” и практически единодушного неприятия ее со стороны архивистов **Николай Федорович Бельчиков** (1890–1979) полностью оставил архивоведение и прожил долгую жизнь, связав ее с литературоведением. В 1953 г. он был избран членом корреспондентом АН СССР. Основные работы его посвящены творчеству Ф.М. Достоевского, Н.Г. Чернышевского, Г.В. Плеханова.

Примечательный факт: именно Бельчикову принадлежит, по-видимому, первая попытка *научного* обоснования права на жизнь аморфного термина “практика и теория” архивного дела, который просуществовал долгие десятилетия в стенах МГИАИ и на страницах архивоведческой литературы. Введение, написанное Ф.И. Долгих и К.И. Рудельсон, к учебному пособию “Теория и практика архивного дела в СССР”⁹¹ открывается определением: “...архивоведение... представляет комплексную *научную* дисциплину, объединяющую несколько спе-

циальных дисциплин: теорию и практику архивного дела, историю и организацию архивного дела, археографию, архивное право, архивоведческое терминоведение, научную организацию труда и экономику архивных учреждений, архивную статистику.

Теория и практика архивного дела — основная из научных дисциплин, входящих в понятие архивоведения. Она разрабатывает принципы и методы отбора и организации документов, подлежащих архивному хранению, способы хранения, обеспечивающие полную сохранность материалов, систему информации о содержании документов, организацию их всестороннего использования, а также организацию работы архивных учреждений... Как и всякая область научных знаний, теория и практика архивного дела к предмету своего изучения относит историю развития процессов и способов работы с архивными документами с момента их возникновения в нашей стране и за рубежом, а также вопросы организации научной и практической работы архивных учреждений⁹² (выделено нами. — Т. Х.).

Дефиниция явно не создана для ее внимательного чтения. Отметим лишь путаницу с определениями “комплексная”, “научная”, “специальная”, “основная научная” дисциплины, “входящая в понятие”, отнесение к предмету “всякой области научного знания” процессов работы с архивными документами, исключение истории архивного дела из теории и практики архивного дела, но включение в нее “истории... способов работы с архивными документами”, которые (способы или документы?) рождаются одномоментно “в нашей стране и за рубежом” и т. п.

Сегодня важно подчеркнуть близость определения Ф.И. Долгих и К.И. Рудельсон к исходным постулатам Н.Ф. Бельчикова. Однако еще более существенна другая принципиальная сторона процитированного из “Теории археографии” исходного определения, на которое тут же обратил внимание известный историк и знаток российских архивов С.К. Богоявленский. Выступив с критикой концепции Н.Ф. Бельчикова и процитировав его витиеватое определение “архивное дело”, он указал: «Мы ожидали бы, что автор из двух понятий термина остановит свое внимание на понятии “архивное”, а между тем его заинтересовало больше определение, которое применимо ко всякому централизованному производству, если вместо “архивное” поставить: коженное, соляное и т. п. Конечно, определить, что архивное дело есть архивное строительство, значит не дать никакого определения... Может быть, автор напрасно занялся определением термина, не столько научного, сколько бытового, притом же имеющего несколько значений»⁹³. В этом же номере журнала “Архивное дело”

помещена рецензия ленинградского архивиста И.Н. Третьякова, обратившего внимание на следующий факт: Н.Ф. Бельчиков не привел ни одного определения главных научных терминов, "глубоко вошедших в архивный обиход и срочно нуждающихся в научном оформлении" С другой стороны, М.С. Селезнев, спустя 30 лет, в статье "Предмет и вопросы советской археографии" отметил, что работа Н.Ф. Бельчикова, несмотря на отдельные недостатки, все же представляет научный интерес, так как в ней высказан ряд верных соображений относительно теории и практики архивного дела⁹⁴.

Столь большое внимание работе Бельчикова мы уделяем потому, что она явилась, по существу, этапной работой советского периода, посвященной разбору фундаментальных проблем архивоведения и завершившейся в итоге полным отрицанием его самостоятельного научного значения. Отметим, что к этому времени относится начало попыток отнести архивоведение к числу других комплексных дисциплин — от истории (в качестве одной из вспомогательных исторических дисциплин) до археологии. В одной из публикаций 1927 г. утверждалось, что термин "археология" в широком понимании должен включать ряд историко-археологических дисциплин, а именно: архивоведение, нумизматику, дипломатику, историю архитектуры и т. д.⁹⁵ Это довольно экзотический пример явной тенденции к ограничению статуса архивоведения как самостоятельной научной дисциплины. Можно было бы списать утверждение автора на его гипертрофированное представление о предмете собственной науки, но это далеко не единичный факт в массовой и специальной литературе тех лет.

К такому выводу помимо цитированных выше работ Бельчикова, Гелаха и некоторых других авторов приводит нас и проведенный в рамках данного исследования контент-анализ комплекта журналов "Архивное дело" с № 1 (1923) по № 58 (1941).

Мы установили неуклонное снижение удельного веса научно-теоретических исследований, которые вытесняются, начиная с № 3—4 (1926), публикациями типа "Положения и циркуляры", "Декреты, циркуляры, инструкции", "Официальная часть", "Практика" и т. п. Первые номера были ознаменованы публикацией таких значимых историко-теоретических работ, как "Историк—археограф—архивист" С.В. Рождественского, "Образование архивиста на Западе" Д. Егорова, "Архивисты Голландии о приведении в порядок и описании архивов" И.А. Голубцова с комментированным переводом и анализом изданного в 1898 г. классического труда С. Мюллера, И. Фейта и Р. Фруина "Руководство для упорядочения и описания ар-

хивов", а также публикацией подборки документальных материалов "Архивная терминология" с изложением взглядов ленинградских архивистов и замечаниями на них В.В. Шереметевского⁹⁶. Но уже с 5-го выпуска к ведущим публикациям наряду с вышеуказанными официальными документами начинают относить материалы типа "Топографические указатели к архивным фондам", "Учет архивной работы", "Выбор зданий под архивохранилище" и т. д.

Вряд ли случайным совпадением можно объяснить то, что буквально накануне произошедшего "переворота" в ориентации публикационной политики журнала в его двух выпусках (№ 2 и № 3–4 за 1925 г.) были опубликованы программные статьи руководителя Главархива М.Н. Покровского под названиями соответственно "Политическое значение архивов" и "Архивное дело в Рабоче-крестьянском государстве"

Напомним основные тезисы обеих статей, поскольку, как показывает последующий анализ, именно они способствовали ликвидации архивоведения как науки и подмене ее теорией и практикой архивного дела.

В выступлении на открытии 21 декабря 1924 г. архивных курсов при Центрархиве РСФСР, опубликованном в "Архивном деле", М.Н. Покровский заявил (приведем выдержку, чрезвычайно важную в контексте последующего — на протяжении нескольких десятилетий — отрицания за архивоведением статуса самостоятельной науки): "Теперь, товарищи, из совокупности всего, что я говорил, вы поймете, почему нам нужны такие курсы, где бы преимущественно марксисты и коммунисты готовились технически овладеть нашими архивами. Мне остается только напомнить вам, что говорил Владимир Ильич... об истории техники, а *архивное дело — техника* (выделено нами. — Т. Х.)... Всей этой техникой необходимо овладеть, только не думайте, что это ужасно трудное дело. Наши археологические институты создавали прежде целые архивные отделения, где учились по 3–5 лет. Это было просто некоторое раздувание своего собственного дела, естественное, поскольку этим делом ведали теоретики-специалисты, которые смотрели на жизнь в лупу и которым казалась всякая мелочь важной... Вот почему мы считаем, что годичного курса за глаза достаточно, чтобы подготовить человека вполне к выполнению его задачи, а задача эта в теперешней обстановке является прежде всего задачей политической"⁹⁷.

Конкретизируя характер этих задач по отношению к архивистам, Покровский свел их к двум. Первую он назвал разборкой перенакопления, т. е. определением того, что из очень старых документов можно в настоящее время уничтожить. Он

пояснил — лет через 50 такое уничтожение будут считать, вероятно, варварством, но сейчас иначе поступить нельзя. Разборка документов — одна из очередных задач Центрархива.

В отсутствие научной теории экспертизы ценности документов такое участие Центрархива вылилось в грандиозные по своей разрушительной силе макулатурные кампании, ход и последствия которых рассмотрен нами подробно в монографии "История Отечества и архивы"⁹⁸. Второй задачей Покровский назвал выявление в архивах и публикацию тех документов, которые представляют собой "то оружие, при помощи которого рабочий класс вел, ведет и будет вести борьбу со своим классовым противником"⁹⁹.

Выступая в марте 1925 г. на съезде архивных деятелей РСФСР, М.Н. Покровский еще более политизировал содержание архивоведения: "Пустыми являются всякие страхи, будто коммунизм может где-нибудь, и в частности в архивах, убить науку. Наоборот. Коммунизм, идущий под знаменем научного социализма, т. е. под знаменем наиболее совершенного, передового обществоведения, — а архивы хранят главным образом документы по обществоведению — этот коммунизм самым плодотворным образом может и должен подействовать на всякую науку и в особенности на архивную работу, и он уже подействовал"¹⁰⁰.

Итак, наука об архивах отождествляется с архивной работой, от которой "уже прет здоровым коммунистическим духом" (выражение Покровского), и сводится к "коммунистическому обществоведению". Теперь даже вопросы архивной техники отходят на задний план; главная задача архива — "должен [своими публикациями] выполнять известную политическую работу"¹⁰¹. Таким образом была разрушена научно-теоретическая основа архивоведения, и оно превратилось в некое подобие узкопонимаемой эдиционной археографии, т. е. в издание сборников тенденциозно подобранных документов и выдержек из них, иллюстрирующих те или иные руководящие политические тезисы.

Типичной для такого отношения к архивоведению является статья С. Маркова "К итогам научной работы архивных органов в 1940 г.", опубликованная в предпоследнем довоенном номере журнала "Архивное дело". В ней вся научная работа органов за два года сводится к перечню изданий сборников документов, "отражающих триумфальное шествие советской власти на всей территории Советского Союза". Характерна для публикаций подобного рода концовка статьи С. Маркова: "Борьба за дальнейшее повышение идейного и политического содержания научной работы во всех без исключения архивных

планах должна протекать на основе выполнения указаний XVIII партсъезда и XVIII партконференции, а также указов Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня и 10 июля 1940 г. об укреплении трудовой дисциплины и всемерном улучшении организации труда... Залогом наших успехов является то внимание, которое партия, правительство и наш народный комиссар т. Берия оказывают нашей работе”¹⁰². Примечательно, что в этом же номере в одном и том же разделе “Научно-методический отдел” публикуются статьи проф. С.Б. Веселовского “Вопросы научного описания писцовых, дозорных и переписных книг Московского государства XVI–XVII столетий” и инженера Н. Крапухина “Единая система учета и хранения технических материалов”

Таким образом, с середины 20-х годов архивоведение как *наука об архивах* политизируется, вытесняется на периферию отечественной истории, сводится к эдиционной археографии и к разработке и изложению технических правил, нормативов и инструкций.

Последней работой, в которой вопросы архивной терминологии выделены в особый раздел, предвещающий, как это должно быть свойственно фундаментальному исследованию, весь последующий анализ, является, по нашим наблюдениям, изданная в 1935 г. книга Г.А. Князева “Теория и техника архивного дела”¹⁰³. Раздел занимает сравнительно небольшой объем (18 страниц из 122), перенасыщен техническими и устаревшими терминами (наряд, разряд, сборник — единица хранения, и т. п.), но в нем не упоминается понятие “архивоведение”. По отношению к другим терминам, по словам Н.А. Фомина, первого рецензента этой работы, “при значительном уточнении их значения... ему (Князеву) все же не удалось в необходимой степени разрешить этот вопрос”¹⁰⁴.

Отметим, что Г. Чабров, выступивший в середине 30-х годов против применения принципа происхождения в советском архивном деле, одновременно отозвался об архивоведении как о “неуклюжем” термине.

В 1940 г. И.Ф. Колесников констатировал окончательное разделение, а точнее разрушение, целостного содержательного наполнения термина “архивоведение”: «Будучи вспомогательной исторической дисциплиной для истории, архивоведение в своем целом, т. е. история архивов и архивного дела (архивоведение в узком смысле слова “Archivwissenschaft”) и “теория и техника архивного дела” (архивоведение, Archivkunde), является основной в архивной работе, так же, как история учреждений, с которой оно тесно связано происхождением архивов»¹⁰⁵.

Одна из последних серьезных попыток определить теоретическое наполнение термина "архивоведение" была предпринята К.Г. Митяевым и другими участниками конференции историков-архивистов СССР, состоявшейся 1—3 июня 1943 г. В стенографическом отчете о работе конференции, который хранится в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ)¹⁰⁶, нами выявлен комплекс документов, свидетельствующих о плодотворной работе в этом направлении коллектива Историко-архивного института (частично результаты нашли свое отражение в учебном пособии К.Г. Митяева (1946), машинописная копия которого с правкой И.Л. Маяковского хранится в Центральном муниципальном архиве г. Москвы¹⁰⁷. Интересно, что здесь же находится 3-страничный положительный отзыв на работу Митяева и Маяковского, подписанный 4 ноября 1944 г. начальником Главного архивного управления генералом И.И. Никитинским).

Мы впервые вводим в научный оборот достаточно репрезентативные выдержки из доклада Митяева и выступлений некоторых делегатов исходя из следующих соображений:

1. Работа конференции была в целом показателем высокого уровня отечественной архивоведческой мысли, которого она объективно достигла к середине 40-х годов.

2. Без анализа содержательного наполнения ряда архивоведческих понятий и терминов, которое они получили на конференции, их герменевтический анализ был бы неполным и даже искажающим реальную картину становления и развития науки об архивах в советский период.

3. В отечественном архивоведении, если не считать обзорной статьи В.В. Цаплина, опубликованной в журнале "Отечественные архивы" к пятидесятилетию со дня проведения конференции¹⁰⁸, и нескольких его более ранних сообщений, нет аналитических исследований на эту тему.

4. Перспективы опубликования материалов конференции, несмотря на их большую историческую и научную ценность, представляются нереальными, а доступ к ним, в силу особенностей хранения (стенограмма работ конференции находится в отделе личных фондов РГАЭ, а другая, "официальная" часть хранится в ГАРФ¹⁰⁹), ограничен для широкого круга исследователей.

5. Практически все архивные деятели, которые упоминаются в приводимых нами выдержках из стенографических записей выступлений участников конференции, являются протагонистами отдельных доксографических очерков в нашем исследовании (М. Собакин, Н.Н. Бантыш-Каменский, Н.В. Калачов, Д.Я. Самоквасов, А.С. Лаппо-Данилевский и др.).

6. И, наконец, мысль о преемственной связи советского архивоведения с наукой об архивах прошлых столетий, которая объединяет все выступления, является концептуальной базой нашего исследования.

Итак, как следует из материалов конференции, доцент Историко-архивного института К.Г. Митяев выступил на конференции сразу же после торжественно-официального выступления начальника ГАУ (с июля 1941 г. по январь 1944 г. — УГА) генерала И.И. Никитинского с докладом “Развитие советского архивоведения за 25 лет”

После дежурно-традиционных указаний на то, что архивная теория возникла в результате Декрета от 1 июня 1918 г., Митяев — впервые за многие десятилетия! — назвал среди имен “предшественников, которых могут с гордостью отметить в дни своего юбилея советские архивисты”, имена А. Почайнова, М. Собакина, Н.Н. Бантыш-Каменского, А.Ф. Малиновского, П.М. Строева, Н.В. Калачова, Д.Я. Самоквасова и многих других. Причиной “крайней неравномерности разработки отдельных проблем архивоведения” он назвал “децентрализацию архивного дела, которая, парализуя возможность научного общения, распыляя научные силы, делала неосуществимым создание системы научных представлений в области архивоведения” На первом этапе развития русского архивоведения, по мнению Митяева, “центральной фигурой является ученый археограф. Работа над актовым материалом предопределила и развитие на русской почве целого цикла так называемых вспомогательных исторических дисциплин, составивших вместе с археографией начальное ядро архивоведения”.

С нашей точки зрения, введенный термин (“начальное ядро архивоведения”) чрезвычайно удачен. С учетом того, что Митяев определяет его хронологические границы XVIII — второй половиной XIX в., это полностью совпадает с нашим понятием “эмпирическое архивоведение”

Нужно отдать должное научной эрудиции Митяева, который определил проект Собакина, появившийся в XVIII в., как “первую ласточку в постановке новых проблем архивоведения, главным образом в отношении организации документальных материалов и внутреннего устройства архивов” К сожалению, позднее, вплоть до появления работ А.В. Чернова и Г.А. Дреминой по истории РГАДА в конце 50-х годов, его имя вновь исчезает из историко-архивоведческой литературы, и на смену ему на первый план выходит имя Г.-Ф. Миллера.

К.Г. Митяев затем перечисляет имена крупнейших теоретиков-архивоведов, заложивших основу теории архивного дела в дореволюционной России: Н.В. Калачова, Д.Я. Самоквасова,

С.А. Белокурова, В.В. Шереметьевского, А.С. Николаева, Н.Н. Оглоблина и И.Л. Маяковского (сам Маяковский не только присутствовал на этой конференции, но и слушал доклад Митяева, участвовал в подготовке конференции и даже выступил на ней. — Т. Х.). Вывод Митяева достаточно неожиданный, если следовать логике приводимых им фактов: "Дореволюционные ученые не создали архивоведения как определенной системы знаний" Но он вполне укладывается в русло мифа, согласно которому наука об архивах возникла только после "ленинского" декрета от 01.06.1918 г.

Следующий этап развития архивоведения Митяев объясняет развертыванием в основных центрах архивной жизни — Москве и Ленинграде деятельности "по нащупыванию новых методов работы над документальными материалами" «Особенно оживленно, — указывает он, — основные вопросы архивной теории обсуждались в связи с попытками определения важнейших терминов. С такими терминами, как "архивные материалы", "архивный фонд", "разряд", "единица хранения" и другие, не могли не связываться основные теоретические вопросы в области организации документальных материалов. Вместе с тем работы по архивной терминологии ярко демонстрируют отсутствие единого научного метода (Митяев имеет в виду марксизм-ленинизм. — Т. Х.), буржуазные влияния, часто некритическое отношение к взглядам архивистов Запада»¹¹⁰. К сожалению, именно акцент на созданную К.Г. Митяевым научную дисциплину "Документоведение" и критику методологии "буржуазных специалистов" привел к выхолащиванию архивоведческой части подготовленного им в 1944 г. учебника, вышедшего в 1946 г. под названием "Теория и практика архивного дела", в котором значительное место отведено разделу "Общее документоведение"¹¹¹.

Важное методологическое значение имеет указание Митяева: «выход в 1923 году журнала "Архивное дело" знаменует новый этап в развитии советского архивоведения... "Архивное дело" является своеобразной энциклопедией, в которой последовательно отражено развитие архивной теории и практики, так, как они складывались на протяжении последних 20 лет». Существенно дополняет историографию научного архивоведения тезис Митяева о том, что создание в 1930 г. специального высшего учебного заведения по архивному образованию — Института архивоведения (позднее — Историко-архивный институт) стало отражением не только сильно возросших потребностей в высококвалифицированных специалистах архивного дела, но и свидетельством определенных достижений в области архивной теории. Он подчеркивает, что специальные кафедры

института явились в известной мере научными центрами, где должна была сосредоточиться разработка основных проблем архивоведения.

Главным достижением Историко-архивного института — “беспрецедентного по своим задачам, методам и масштабам научной и учебной работы не только в Советском Союзе” — Митяев считает дальнейшее развитие или создание дисциплин, составляющих советское архивоведение.

Приведем дословно его определение и классификацию архивоведческой науки советского периода: “Этими дисциплинами являются, с одной стороны, давно уже обособившиеся в качестве самостоятельных курсов — история и организация архивного строительства, цикл вспомогательных исторических дисциплин, археография и, с другой стороны, *архивоведение*”

К комплексу дисциплин, получивших название “*Архивоведение*”, Митяев относит “следующие вопросы” (так в тексте. — Т. Х.):

а) общее документоведение;

б) организация и использование документальных материалов — их классификация и систематизация, экспертиза, каталогизация, описание, централизованный учет и порядок использования;

в) технология документального хранения — архивные здания, режим хранения, реставрация и консервация;

г) производственная работа архивов — планирование, учет, организация труда, инструктаж, инспектирование;

д) организация, хранение и использование специальных видов документальных материалов (изобразительных, звуковых, а также, применительно к содержанию, экономических и др.). Как видно, деление дисциплин на “архивоведческие” и “неархивоведческие” является, по крайней мере, спорным.

Особенное возражение вызывает вычленение из состава архивоведения такого предмета, как история и организация архивного строительства. Тем не менее предложенная Митяевым схема отражает достигнутый к середине 40-х годов уровень развития архивоведческих знаний и уже поэтому заслуживает внимания. Кстати, разъясняя причину выделения дисциплины “История и организация архивного дела” за пределы архивоведения, он ссылается на то, что по своей сути она является специфической частью истории государственных учреждений в том виде, в каком она сложилась в Историко-архивном институте усилиями проф. А.Н. Сперанского и его учеников, которые изучают историю фондообразователей.

Справедливости ради, отметим, что чуть позднее сам Митяев разъясняет: “...история архивного строительства не только

и даже не столько история архивных учреждений и их развития, сколько история отдельных документальных комплексов, в которые сложились наши архивы... Без такого изучения разрешение многих проблем, связанных с комплектованием состава документальных материалов ГАФ, оказалось бы совершенно невозможным"¹¹². С нашей точки зрения, путаница в определении состава архивоведения как науки объясняется распределением учебных дисциплин по кафедрам Историко-архивного института, вокруг чего в институте всегда велись ожесточенные споры¹¹³.

Отголоски этих дискуссий нашли свое отражение в разделе, где Митяев требует от сотрудников кафедры вспомогательных исторических дисциплин во главе с проф. А.Н. Сперанским (Н.В. Устюгова, Л.В. Черепнина, С.Б. Веселовского, В.К. Лукомского и И.Ф. Колесникова) "приближения в отношении изучаемых материалов к нашим дням в целях создания дипломатики, сфрагистики, геральдики, нумизматики и т. д. советской эпохи" В итоге К.Г. Митяев приводит сохраняющее свою актуальность определение *архивоведения* как "системы научных знаний, объединенных не только общим предметом, но и методом" К сожалению, именно на трактовке методической основы советского архивоведения в наибольшей степени сказались мифологемы, присущие тому времени.

Так, например, в своем выступлении К.Г. Митяев называет Положение о ГАФ, опубликованное в 1941 г., "обобщающим выражением достижений архивной теории" Основываясь на этих достижениях, он категорически осуждает и отвергает "господствующие в буржуазном архивоведении теории принципа происхождения (*provenienzprinzip*) и принципа уважения к фонду (*respect des fonds*), давно ставшие фетишизированной догмой".

"Рациональное зерно этих принципов, — утверждал Митяев, — было затеряно в ворохе формалистических наслоений, приведших к фетишизации указанных принципов". Аргументировал он свою точку зрения вполне в духе 30-х годов прошлого столетия: "Что касается отмеченных выше принципов, то при ближайшем рассмотрении оказалось, что они нередко используются в целях, не имеющих ничего общего с научно-методической организацией материалов и заключающихся в защите самого обыкновенного принципа частной собственности"¹¹⁴.

Взамен "буржуазных" принципов Митяев предлагает шире внедрять исторический метод организации документальных материалов, который преследует цель "не организации ради организации, а интересы социалистического строительства, со-

ветской исторической науки". В связи с этим он объявляет несостоятельным и пресловутый "научный объективизм, буржуазный по форме и существу"

В основу классификации и систематизации документальных материалов, по мнению Митяева, следует положить "марксистско-ленинскую периодизацию исторической науки" (так в тексте. — *Т. Х.*), согласно которой оказалось возможным подразделить документальные материалы внутри отдельных исторических периодов в соответствии с состоянием и уровнем производительных сил и производственных отношений, причем не только по их происхождению (на архивные фонды), но и по назначению (средства фиксации — "документирование" явлений и средств связи), по технике воспроизведения (звуковые, изобразительные) и ряду других признаков¹¹⁵.

Заключение доклада полностью противоречит его началу, где советское архивоведение характеризовалось как основанное на преемственности научных традиций прошедших столетий. Митяев просто цитирует знаменитый лозунг И.В. Сталина, в свое время приведший к "спецедействию" и повальным репрессиям среди ученых старшего поколения: "Передовая наука — это наука, люди которой, понимая силу и значение установившихся в науке традиций и умело используя их в интересах науки, все же не хотят быть рабами этих традиций, которая имеет смелость, решимость ломать старые традиции, нормы, установки, когда они становятся устарелыми, когда они превращаются в тормоз для движения вперед, которая умеет создавать новые традиции, новые нормы, новые установки"¹¹⁶.

Тем большее восхищение вызывает научное и человеческое мужество упомянутого в докладе И.Л. Маяковского¹¹⁷. Он взял после Митяева слово, чтобы дополнить список создателей отечественного архивоведения новыми именами. Помимо Калачова и Самоквасова он назвал имя И.Е. Андреевского, директора Петербургского археологического института, который также работал над проектом архивной реформы. Напомним, что имя Андреевского — автора исследований по "Полицейскому праву" и преподавателя историко-юридических дисциплин наследникам царя — было под запретом в советской историко-архивоведческой литературе. Далее Маяковский специально остановился на характеристике еще одной одиозной для советской науки фигуры — Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского: "Вчера Иосиф Илларионович (начальник ГАУ НКВД Никитинский. — *Т. Х.*) упомянул, между прочим, Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского.

Я, как его ученик в пору еще его молодости, тоже хотел бы упомянуть о нем.

Надеюсь, что присутствующий здесь товарищ Андреев, тоже его ученик, только в более позднюю пору, вероятно, коснется деятельности после Октябрьской революции этого крупнейшего ученого-эрудита"

Далее он особо отметил заслуги А.Е. Преснякова в становлении науки об архивах: "Можно прямо сказать, что Александр Евгеньевич Пресняков, всем нам хорошо известный талантливый исследователь-историк... был первым инспектором советского архивного дела.

Затем он стал руководителем научно-теоретического отдела. Вот, это был первый очаг, первый центр научной мысли, возродившийся и приобретший огромный размах после Октябрьской социалистической революции.

Я не могу без волнения вспомнить, как А.Е. Пресняков сумел привлечь к теоретической работе по архивоведению всех историков тогдашнего времени — и историков старых, и историков молодых.

Именно под руководством А.Е. Преснякова впервые начали разрабатываться те вопросы, которые сегодня перечислил в своем докладе К.Г. Митяев... Затем появились курсы — раньше в Ленинграде, позднее в Москве, которые также являлись не только очагом повышения квалификации архивных работников, но и очагом самостоятельной работы по развитию архивной мысли, по подготовке фундамента для научного советского архивоведения. Затем, после курсов, с 1920 г., именно благодаря историкам и архивистам, преобразовывается бывший археологический институт, детище Калачова, преобразуется в том смысле, что в нем впервые создается архивный, археографический факультет... Я вспоминаю, что первым деканом этого факультета был тот же А.Е. Пресняков...

Затем институт сливается с Ленинградским университетом, и там продолжается развитие научной архивной мысли. Так было до 1929 г.

С 1929 г. появляется цикл архивных дисциплин в Московском университете. Это продолжается ровно до того момента, как был создан Московский историко-архивный институт.

Как вы видите, *непрерывно один за другим возникают очаги, центры, где развивалась архивно-научная мысль*" (выделено нами. — Т. Х.).

Какие же проблемы разрабатывала эта мысль? — задает вопрос Маяковский и дает на него очень содержательный и точный ответ, в контексте нашего исследования имеющий особенное значение:

«Мысль шла по двум направлениям.

С одной стороны, разрабатывались теоретические вопросы, и разрабатывались неплохо, разрабатывались плодотворно.

Я вспоминаю, и мои современники, наверное, вспомнят, что тогда мы — и под руководством Лаппо-Данилевского, и под руководством Преснякова — разрабатывали вопросы так называемой архивной терминологии.

Это звучит схоластически, а на самом деле — это в основном вопрос “что такое архивный фонд”, так что это вопрос не схоластический.

Я вспоминаю, что мы сидели по целым дням, да... и по ночам, и в конце концов теряли голоса — так кричали. <...>

Могу с гордостью сказать... что такое фонд, у нас разработано уже, а буржуазные архивисты еще до сих пор дискутируют этот вопрос.

Другой теоретический вопрос, на котором товарищ Митяев не остановился... это вопрос о размежевании понятий библиотека, музей и архив. <...>

Если вы вспомните литературу западноевропейских буржуазных архивистов, вы увидите, что они перед самой нынешней войной еще дебатировали вопрос о том, что должно храниться в архивах, что в библиотеках, что в музеях. Спорят и к окончательному решению не приходят. А у нас вопрос решен».

И.Л. Маяковский, не вступая в прямую дискуссию со своим учеником К.Г. Митяевым, изложил свою точку зрения, согласно которой “советское архивоведение как наука развивается помимо теоретической и по другой линии. Эта линия — история и организация архивного дела”

При этом он расходится не только в названии дисциплины (Митяев говорил об истории архивного строительства), но и в ее содержательном наполнении.

Как рассказал Маяковский, “мы сначала изучали отдельные фонды. Затем... перешли к изучению истории отдельных архивов. Затем... перешли к построению истории архивного дела” Установив, что здесь наблюдается некоторая закономерность, последовательность, Маяковский резюмировал, придав актуальность своим историческим экскурсам:

“Наконец, наступил такой момент, когда мы не только можем, но и должны изучать историю архивов с древнейших времен, то есть, можно сказать, всеобщую историю архивов”

Заключительная фраза Маяковского также содержала важную архивоведческую мысль: “Нужно, чтобы и историки-архивисты, и историки-исследователи находились в содружестве, в теснейшей кооперации”¹¹⁸.

Мы завершим цитирование источников, по-разному трактующих герменевтику понятия “архивоведение” и его со-

держательное наполнение, изложением выступления на конференции доктора исторических наук, заведующего кафедрой вспомогательных исторических дисциплин Александра Игнатьевича Андреева (с июля 1943 г., в 1949 г. его сменил доцент, армейский политработник В.И. Самойлов). Выступление Андреева носило концептуальный характер. Он, в частности, сказал: *"В докладе было названо три имени хорошо известных нам архивистов. В последующих выступлениях было названо еще несколько имен, и я думаю, что эти поиски приведут нас к тому, что история нашей науки относится к тому времени, когда впервые появились наши архивы. Наш архивист Николай Николаевич Оглоблин, первый выученик нашего Петроградского археологического института, очень образно дает все эти этапы. Но все эти экскурсы убеждают нас в том, что историю нашего архивоведения следует начинать не с середины XVIII века, а значительно раньше"* (здесь и выше выделено нами. — Т. Х.).

Иначе говоря, А.И. Андреев считает неправомерным начинать историю науки об архивах с петровских времен. Он (в 1943 году!) высказывает еще один важный тезис (к сожалению, в выступлении он только обозначен и не получил дальнейшего развития): *"Декрет 1-го июня 1918 года, конечно, не явился так внезапно, как это может показаться, и те большие достижения в области советского архивоведения, о которых говорил здесь т. Митяев, являются дальнейшим шагом в истории русского архивоведения"*¹¹⁹ (выделено нами. — Т. Х.).

Затем следует очень глубокий по мысли раздел историографического характера:

"Я хочу остановиться на имени, о котором вспомнили и Максаков, и профессор Маяковский, и профессор Митяев (Митяев был в это время доцентом. — Т. Х.) — на имени А.С. Лаппо-Данилевского.

Это имя хорошо известно всем историкам нашей страны. Что же приковало наше внимание к этому человеку?

Я о нем говорю не потому, что он мой учитель, и не потому, что я хорошо знаю всех окружавших его людей, которые не были его учениками, но работали вместе с ним в архивном строительстве.

Это был не только ученый-специалист по русской истории. Это был образованнейший человек и специалист по западноевропейской науке. Это был человек, прекрасно понимающий значение науки Запада для нашей российской науки...

Занимаясь в течение многих лет историей Академии наук, я должен сказать, что... роль Лаппо-Данилевского в смысле организации коллективной работы должна быть выделена осо-

бо... Было много таких изданий, вокруг которых ковались кадры историков, и не только историков, а историков-архивистов, которые характерны для того периода развития истории в Академии наук. Лаппо-Данилевскому принадлежит здесь одно из почетных мест. Речь идет не только о работниках Академии наук, но и о работниках того высшего учебного заведения, из которого вышли наши ленинградские архивисты — из Ленинградского университета... Это были многие из тех, кто вошли затем в качестве коллектива работников сначала в Союз архивных деятелей, а затем в Государственный архивный фонд (так в тексте. Очевидно, имеется в виду, что участвовали в создании ГАФ. — Т. Х.).

Совершенно ясно, что многие из нас считали его нашим вождем в той работе, которую нам предстояло совершить, хотя никто и никогда в этом плане Лаппо-Данилевского не называл.

Он был уже болен, когда началась действительная архивная работа по проведению в жизнь Декрета от 1-го июня 1918 г. И тут на него главным образом ложилась вся тяжесть первоначальной работы, которую делили с ним как старые, так и молодые архивные работники.

Лаппо-Данилевский был не только организатором работ. Вместе с тем он кое-чему нас солидно научил.

Когда мы начинали свою работу в Союзе архивных деятелей и в Государственном фонде, для нас, историков, имевших уже тогда известный научный стаж, казалось совершенно естественным, что без опыта Запада наша архивная работа невозможна”

Отметим, что Андреев первым (в 1943 году!) назвал Союз российских архивных деятелей без обязательных в то время негативных эпитетов типа “буржуазный”, “враждебный Советской власти” и т. п.

Но более важно другое.

Как видим, мысль о необходимости использовать передовой опыт Запада прошла красной нитью через все выступление Андреева. Он будто сознательно бросал вызов словам Митяева, Максакова, Маяковского и других участников конференции о превосходстве советского архивоведения над буржуазным. Так, касаясь системы обучения архивистов в Историко-архивном институте, он еще раз подчеркнул: “Очень полезно в этом отношении оглянуться на опыт Запада, который очень много дает и по этому вопросу. Очень полезно вспомнить о той огромной роли, которую сыграл в истории архивного дела колоссальный, большой опыт, который продлевается в Англии (так в тексте. — Т. Х.). Одним словом, моя мысль сводится к тому, что нашему Историко-архивному институту необходимо равняться

по тем специалистам учебных заведений, которые готовили архивные кадры на Западе"¹²⁰.

Напомним, что именно за апологетику Лаппо-Данилевского и космополитизм Андреева вскоре вынудили уйти из Историко-архивного института¹²¹.

Касаясь далее непосредственно истории создания советской науки об архивах, А.И. Андреев назвал еще одно имя человека, сыгравшего в теории советского архивоведения значительную роль. Это — "энтузиаст советского архивоведения Георгий Александрович Князев... Многие помнят горячие споры, которые происходили в то время, когда ковалось советское архивоведение. Стоит вспомнить, что происходило на 1-й архивной конференции 1921 года, на конференции 1924 года, в декабре месяце, когда у нас были скверные житейские условия, но все мы были воодушевлены некоторыми настроениями, в частности, связанными с той борьбой (это можно сейчас сказать), которая происходила в то время вокруг некоторых вопросов архивоведения" "Во всяком случае, — так подытожил он свое изложение истории советского архивоведения, — будет правильно сказать, что начало долгого пути, который привел нас к той, в частности, терминологии, которой пользуются, было положено у нас, на берегах Невы" Закончил свое выступление Андреев словами: "По вопросу о тесной связи между историками и архивистами я позволю себе сказать, что это вполне естественно. Я думаю, что эта связь существует, существовала ранее и будет расти. Это бесспорно и несомненно, и в этом залог успеха дела обеих сторон"¹²².

Отметим, что, комментируя затруднения, с которыми встретился К.Г. Митяев при дефиниции существа и состава *архивоведения*, современный знаток архивного дела В.В. Цаплин выдвинул свой вариант, с нашей точки зрения, не менее запутанный, хотя и заслуживающий внимания в силу своей актуальности:

"С учетом современного состояния архивного дела, охватившего различные носители информации, архивоведение, по нашему мнению, целесообразно рассматривать в качестве своеобразной совокупности прикладных научных дисциплин, находящейся на стыке гуманитарных и технических наук. Вспомогательные исторические и ряд других дисциплин в их чистом виде не могут относиться к этой совокупности, но их элементы в преобразованном виде должны найти отражение в соответствующих курсах архивоведения в его узком понимании"¹²³.

Таким образом, на конференции не был достигнут консенсус только по нескольким вопросам. Главными из них были вопросы о том, что входит в состав *советского* архивоведе-

ния как науки, и о том, в чем состоит его преимущество по сравнению с западным.

С нашей точки зрения, эти вопросы носят, с одной стороны, надуманный характер, а с другой — они взаимосвязаны.

Отсутствие четкого определения сущности “советского архивоведения” вызвано именно стремлением любой ценой найти коренное отличие *советского* архивоведения от *буржуазного*.

В 30-е годы эти попытки кончились теоретическим тупиком, но, как видно, соответствующей идеологической установкой власти не отменили. Ученые были вынуждены тратить силы и время на бесплодные поиски того, чего нет и не может быть в природе. Приведем в качестве доказательства два примера, как предшественники Митяева уже пытались решить эту задачу.

В процессе подготовки данной монографии был проанализирован ряд учебных пособий по архивоведению, которыми пользовались студенты Историко-архивного института до выхода в свет “Теории и техники архивного дела” Г.А. Князева и “Теории и практики архивного дела” К.Г. Митяева, в которых проблема превосходства советского архивоведения ставилась не так остро.

Первым по времени было издание ЦАУ УССР “Архивоведение”, машинописный перевод которого хранится в библиотеке Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета.

Практически на первых же страницах читаем: «Основой, на которой построен наш учебник, есть вопрос о классовом существе советского архивоведения, созданного Октябрьской революцией, о его глубочайшем принципиально классовом отличии от архивоведения буржуазного. *Характерной чертой современной буржуазной архивоведческой литературы есть именно то, что ее авторы не признают сколько-нибудь существенной принципиальной разницы между советским архивоведением, советской системой архивного строительства и дооктябрьским архивоведением бывшей России и архивоведением капиталистических стран* (выделено нами. — Т. Х.). По мнению современных буржуазных теоретиков-архивоведов, Советская власть систему архивного дела перестроила не кардинально, не революционным способом, а лишь реформировала его на основах, разработанных архивоведами еще в конце XIX и в начале XX столетий... С другой стороны, буржуазные архивоведы классовую суть своей науки об архивах маскируют громогласными рассуждениями о специфичности архивоведения, о его мнимой полной объективности, надклассовости, аполитичности.

Они фетишизируют архивные материалы как какое-то "объективное орудие общечеловеческой культуры", они буржуазную суть своего классового архивоведения прикрывают теориями о сугубом формализме архивоведческой науки, о присутствии ей будто бы "узком техницизме" и т. д.»¹²⁴.

И далее:

«Классовый враг... стремится проникнуть в наши архивы, чтобы оттуда проводить свою подрывную контрреволюционную вредительскую работу...

Да и по ту сторону советских границ... [например] в гнезде белобандитской контрреволюционной сволочи в Праге из выкраденных в свое время у нас и вывезенных архивных документов, а также... бумажных фальшивок создан так называемый "русский исторический архив в Праге", основной задачей которого является подготовка, поддержка и защита интервенционистских устремлений международной буржуазии против социалистической страны, борьба с советским архивоведением и советской системой архивного строительства.

...Немецкий архивоведческий журнал (название пропущено. — Т. Х.) берет под защиту бывшие губернские архивные комиссии и известного контрреволюционера, закоренелого врага пролетарской диктатуры С. Платонова... за то, что он был идеологическим руководителем таких контрреволюционных архивных организаций, как упомянутые "архивные комиссии", "Союз архивных деятелей" и т. п.»¹²⁵.

Приведем пример теоретического уровня рекомендаций архивным работникам этого подлинно "советского" образца архивоведения:

"Задача разборки состоит не в том, чтобы закрепить порядки и даже ошибки делопроизводства, а в том, чтобы максимально приспособить материалы для пользования в социалистическом строительстве" Или: "В каждом конкретном случае разбирать материалы можно либо по принципу происхождения, либо по принципу их содержания"¹²⁶.

Автором предисловия и редактором указанного издания был Ф. Герасименко, среди других авторов "проработанных" разделов фигурируют В. Барвинский, В. Веретенников, П. Билык, М. Гливенко, В. Никитин и Н. Премыслер. Учебник является переработанным вариантом аналогичного учебного пособия, подготовленного к изданию еще в 1929 г.

Воинственным духом по отношению к Н.В. Калачову, Д.Я. Самоквасову, А.П. Воронову, Д.Б. Рязанову, С.Ф. Платонову, Д.Н. Егорову, М.К. Любавскому, Ю.В. Готье, И.Л. Маяковскому, О.А. Добиаши-Рождественской, Е.В. Тарле и Союзу РАД в целом проникнут изданный в октябре 1932 г. под гри-

фом “ЦАУ СССР. Институт архивоведения” реферат, составленный преподавателем института В.А. Домбровским по книге В. Гюльназарова “Лекции по архивоведению”¹²⁷. Реферат назывался “За марксистско-ленинскую выдержанность в основных проблемах советского архивоведения”. Поскольку уровень обвинений в адрес “буржуазных архивоведов” и их стиль не очень отличаются от приведенных выше, процитируем только один показательный, с историко-архивоведческой точки зрения, пассаж, в котором В.А. Домбровский (ответственный работник аппарата ЦАУ и по совместительству преподаватель кафедры архивоведения Историко-архивного института) обосновывает необходимость и целесообразность уничтожения “классово чуждых архивных материалов”:

«Надо считать бесспорным, что революционное правительство Франции в законе 7-го мессидора II-го года очень хорошо... понимало, что во время боя, еще не решенного, нельзя оставлять врагу (т. е. феодалам) возможности овладеть таким сильным политическим оружием, как феодальные документы... Таким образом, позицию революционного Правительства Франции в вопросе об уничтожении феодальных документов надо объяснять с точки зрения политической и революционной, а не “несознательностью” или “недооценкой”, как это делает автор вслед за буржуазными архивистами»¹²⁸.

На фоне таких изданий по архивоведению научный уровень выступлений на конференции 1943 г. кажется недостижимо высоким. Это доказывает наш тезис о том, что наука в целом, и наука об архивах в частности, способны к саморазвитию в неблагоприятных условиях.

В период “оттепели” актуально прозвучало определение грузинского архивоведа Ш.К. Чхетии, который дал близкое к нашему пониманию следующее определение сущности архивоведения:

“Архивоведение есть наука, представляющая собой систему знаний об архивах и о принципах их организации... Архивоведение призвано изучить... генезис, развитие и современное состояние архивного дела, оно призвано добиться путем такого изучения знания об архивном деле привести в стройную систему (так в тексте. — Т. Х.) и таким образом установить закономерность в развитии как архивного дела в целом, так и составных его элементов... причем, поскольку архивы являются продуктом общественной жизни, изучение истории архивного дела обычно предполагает изучение и этой жизни, точнее, архивоведение изучает историю архивного дела в связи с историей той социальной действительности, которая в процессе общественной жизни породила архивы и архивный материал”¹²⁹.

В состав архивоведения помимо истории архивов и архивного дела, методики и техники архивного дела и археографии Чхетия однозначно включал также историю архивоведения, призванную изучать "возникновение и развитие архивной теории, обобщая ее достижения, чтобы на основании их анализа устанавливать новые, более радикальные принципы организации архивов". К сожалению, мнение грузинского архивоведа не было востребовано союзным архивным главком и осталось "похороненным" в архиве архивоведческой мысли.

В архивоведении в целом продолжала господствовать тенденция отнесения архивоведения к числу второстепенных дисциплин узкотехнической направленности, характерная для конца 20-х — середины 30-х годов.

Одними из первых, кто призвал отказаться от отнесения архивоведения к составу различных вспомогательных исторических дисциплин, стали в конце 70-х годов историки-исследователи Л.В. Черепнин и А.А. Зимин. Так, академик Л.В. Черепнин поддержал "широкое" толкование А.А. Зиминим термина "архивоведение", которое впоследствии сам А.А. Зимин предложил называть "специальная историческая дисциплина"¹³⁰.

Мысли А.А. Зимина относительно характера архивоведения актуальны и сегодня. В доказательство приведем небольшую выдержку из его статьи "Вспомогательные исторические дисциплины и их роль в работе историков-архивистов": «Уже нельзя говорить об архивоведении как о вспомогательной дисциплине. Источниковедение, историография и археология, когда-то входившие в комплекс вспомогательных дисциплин, теперь также вряд ли могут названы таковыми. Мне представляется, что термин — вспомогательные дисциплины — уже устарел, ибо он не раскрывает ни того значения, которое имеют в историческом исследовании эти дисциплины, ни того высокого уровня, которого они достигли в настоящее время. Его следует заменить термином специальные дисциплины... Назрело время создания "Энциклопедии специальных исторических дисциплин" Это должен быть пятитомник, разделы которого посвящены отдельным дисциплинам. В нем нужно поместить многочисленные фактические сведения справочного характера по дисциплинам, которые особенно важны для наших историков-архивистов. Этот пятитомник должен подвести итоги состояния специальных дисциплин в настоящее время и наметить перспективы их поступательного развития в дальнейшем... привлекая для этой цели опытных работников архивов, людей уже с большим жизненным и научным опытом, которые могли бы этот свой опыт теоретически обобщить и сделать достоянием широких кругов исследователей»¹³¹.

К сожалению, к голосам сторонников четко определить возросший статус архивоведения как самостоятельной научной дисциплины архивная общественность не прислушалась. Есть устные свидетельства некоторых участников событий тех лет, что многих из них отпугнул термин “специальный”, поскольку тогда он ассоциировался со всем, что относилось к “закрытой”, секретно-оперативной и номенклатурной сферам деятельности органов власти.

В.А. Савин, специально занимавшийся анализом структуры учебных пособий по архивоведению, издававшихся с 1935 по 1958 г., пришел к однозначному выводу: «Учебная литература в рассматриваемый период “дрейфовала” в сторону практического применения. Постепенно исчезали теоретические, научные изыскания. В целом и в частности ориентация шла на подготовку сугубых профессионалов-практиков с вытеснением общетеоретических рассуждений, даже обеспечивающих практику архивных действий. В учебных пособиях находили воплощение имеющиеся методические пособия и организационные решения, вплоть до выхода “Основных правил работы государственных архивов” они служили сводом технических указаний по архивным технологиям»¹³². Можно только добавить, что оба издания учебника “Теория и практика архивного дела в СССР” (соответственно — 1966 и 1980 гг.) немногим отличаются по своему содержательному наполнению от того, что В.А. Савин называет сводом технических указаний по архивным технологиям, а в последнее время предлагается увековечить под наименованием “технологическое архивоведение”. В последнем издании учебника вопросам истории теоретической мысли архивоведов не нашлось места, ей посвящены от силы 7 (семь!) строк на с. 10 и это — практически все, хотя учебник содержит 335 страниц текста и состоит из 16 глав и более чем семидесяти параграфов. Кажется, это уникальное явление даже для советских учебно-научных изданий. В обширном списке рекомендованной и использованной литературы нет ни одного (подчеркиваем — ни одного!) названия работ дореволюционного периода и времени расцвета теоретической мысли в России первых послереволюционных лет. Самые ранние в этом списке по времени издания относятся к 1935 г. (специальные работы по методике описей архивных материалов Н.А. Фомина), а также статья И. Назина и З. Добровой (1937), посвященная критике буржуазного провениенципринципа, т. е. принципа происхождения, который является ныне общепризнанным в мировой и отечественной практике как основополагающий в построении архивного фонда.

Остается только констатировать, что принципиально нового учебника по архивоведению нет до сих пор, хотя в последних учебных программах по теории и методике архивного дела содержится много нового материала, в основном — фактографического характера.

Положенная в основу нового учебного курса разработанная Б.С. Илизаровым концепция архивов как социальной памяти человечества была еще полтора-два десятилетия назад важным шагом вперед по сравнению с господствовавшим в то время административно-учрежденческим подходом к оценке сущности архивов. Но в настоящее время, с нашей точки зрения, и она нуждается в радикальном пересмотре с учетом современного понимания архивов как самоценного результата деятельности "очеловеченной" природы, т. е. комплексной, живой и динамичной системы естественно-символического фиксирования процесса самосознания человека и осознания им природной среды своего обитания. Однако такая смена научной парадигмы возможна только в рамках принципиально новой науки об архивах.

Как бы то ни было, статус архивоведения продолжал оставаться неопределенным, что до сих пор прослеживается при анализе разного рода энциклопедических словарей и других научно-справочных изданий советского периода, в которых практически полностью исчезают специальные статьи, посвященные *архивоведению* или *науке об архивах*, хотя регулярно публикуются статьи, скажем, об археографии, археографической комиссии АН, археографической деятельности и т. д. На наш взгляд, косвенно это может свидетельствовать о той объективной оценке, которая давалась академической общественностью уровню научности теории и практики архивного дела. Так, в Советском энциклопедическом словаре (первое изд. — 1980 г., второе — 1983 г.) дословно повторена следующая дефиниция: "*Архивоведение* — занимается разработкой методов сбора, систематизации и хранения документов, изучением истории и организации архивного дела" Обращает на себя внимание следующее: в дефиниции умалчивается о том, *чем* является архивоведение по существу, какое место оно занимает в системе научных знаний. Для сравнения приведем определения из того же Советского энциклопедического словаря понятий "библиография" ("научно-практическая деятельность"), "библиографоведение" ("научная дисциплина") и т. д.

В работе ведущих ученых ВНИИДАД В.Д. Банасюкевича, А.В. Елпатьевского и М.В. Ларина "Российское и советское архивоведение: попытка сравнительного анализа", опубликован-

ной в сборнике докладов и тезисов выступлений на третьей Всероссийской конференции 25–26 февраля 1999 г. “Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе”, впервые дается в сжатом виде современное, четкое и полное определение архивоведения.

Современное отечественное архивоведение — это, по дефиниции авторов, “научная дисциплина, изучающая и разрабатывающая теоретические, правовые и методические вопросы архивного дела, а также историю архивного дела и архивоведения как совокупности теоретических идей и положений” Обращает на себя внимание сходство данного определения с дефиницией Чхетия, хотя в более четком и кратком изложении. Здесь же авторы констатируют, что такое современное понимание отечественного архивоведения практически эквивалентно терминам “архивология”, “архивистика”¹³³.

Мы полностью разделяем такое понимание авторами характера современного архивоведения, но с одним уточнением: в архивном сообществе нет единогласия по существу приведенных в определении исходных терминов. Есть разногласия в отношении того, что представляет собой понятие “научная дисциплина”, насколько правомерно разделять само архивоведение на две части, одна из которых “изучает и разрабатывает... теоретические... вопросы архивного дела”, а вторая, включенная через союз “а также”, изучает и разрабатывает “историю архивоведения... как совокупности теоретических идей и положений”

Если логически следовать данной дефиниции, то мы возвращаемся к архивоведению времен Андреевского и Воронова: архивоведение механически объединяет две неравные части, одна из которых находится при архивном деле и, по определению, обслуживает его, а вторая представляет собой процесс и результат авторефлексии самого архивоведения, т. е. в нашем понимании самостоятельную науку об архивах. Кроме того, термин “архивоведение” вопреки мнению авторов отнюдь не синонимичен терминам “архивистика” и “архивология”

Первый (“архивистика”) в отечественной и современной архивоведческой литературе используется как обобщающее, достаточно аморфное понятие, включающее и теорию, и методику, и историю, и даже повседневную практику архивного дела. Еще более неправомерно, с нашей точки зрения, отождествлять архивоведение и архивологию.

К сфере изучения второго термина (“архивология”) автор современного толкования этого термина Е.В. Старостин

относит «изучение всего комплекса проблем, связанных с процессом документирования многообразной жизни человеческого общества. «Архивология» представляет собой научную область знаний, которая четко проявляется на стыке источниковедения, архивоведения и исторической информатики, но которой ни первая, ни вторая, ни третья не занимаются, поскольку имеют дело прежде всего с «данностью», с тем, что сохранилось»¹³⁴. Отметим, что это определение 1999 г. отличается от определения, которое он дал в 1991 г., поскольку, спустя восемь лет, из дефиниции исключена фигурировавшая прежде задача «выявления и разработки важнейших комплексов источников по истории архивного дела и архивов»¹³⁵.

В любом случае, вряд ли можно согласиться с тем, что этот термин «практически эквивалентен» понятию архивоведения, как его определяют специалисты из ВНИИДАД.

Отсутствие современной дефиниции науки об архивах является, на наш взгляд, одной из причин того, что она остается на уровне «технологического архивоведения» и развивается в основном в русле отраслевых планов научно-исследовательской деятельности, главной чертой которых является, как и десятилетия назад, их нацеленность на жесткую регламентацию рамок и характера будущего исследования. То есть остается не преодоленным тот системный недостаток, о котором писали В.Н. Автократов, В.А. Кондратьев и Л.Н. Кривошеев еще в 1963 г.: «Неправильно мыслят те архивисты, которые сводят теорию до уровня методики, задачи которой заключаются в установлении наиболее целесообразных методов и приемов текущей работы... Зачастую не осознается служебная роль методики по отношению к теории, то, что методика — посредствующее звено между теорией и практикой. Если теория разрабатывает принципы, то методика идет по пути их воплощения в жизнь, внедрения в практику»¹³⁶.

Иначе говоря, современное отраслевое архивоведение как наука пока не ушло от утилитарно-прагматических принципов, в соответствии с которыми строилась научно-исследовательская и методическая работа в 70–80-е годы.

В доказательство процитируем соответствующие руководящие указания того времени дословно:

«Исходя из задач, определенных Конституцией СССР, советским законодательством, решениями партии и правительства, постановлением Совета Министров СССР от 20 сентября 1978 г., Главархивом СССР на ближайшую перспективу намечено наибольшее внимание уделить... направлениям: *научно-исследовательской и методической работе по проблемам, имею-*

щим народно-хозяйственное значение... Важнейшее значение придается внедрению достижений научно-исследовательской работы и передового опыта в практику... *усовершенствованию деятельности* делопроизводственных служб министерств и ведомств, разработке соответствующих нормативных документов”¹³⁷.

Прошло два десятилетия.

Изменилось очень многое, включая мировоззренческую парадигму в системе научных знаний. Но в “Информационном бюллетене” Федеральной архивной службы России соответствующий раздел “Отчета о выполнении Основных направлений развития архивного дела в Российской Федерации на 2000–2001 год” по-прежнему озаглавлен “Научно-исследовательская и методическая работа” В качестве приоритетных направлений в нем перечислены “завершение *в основном подготовки* (выделено нами. – Т. Х.) Основных правил работы государственных архивов в Российской Федерации, Основных правил работы с научно-технической документацией в государственных архивах Российской Федерации, Основных правил работы архивов государственных организаций” и т. д.¹³⁸

Как видим, рассмотрение фундаментальных проблем, связанных с функционированием Государственной архивной службы РФ и комплектованием Архивного фонда РФ в условиях различных форм собственности, в том числе с попытками осмыслить изменения в архивном деле в соответствии со сменной парадигмального наполнения самого понятия “наука”, в число перечисленных направлений научно-исследовательской деятельности не включено. Точнее, они растворены в названии “методическая работа”

Особенно заметно в перечне направлений научно-исследовательского характера отсутствие конкретных задач по подготовке работ фундаментального историко-теоретического характера, если не считать словаря-справочника “Должности, чины, звания и титулы России (конец XV в. – 1917 г.)”. Именно такой отраслевой подход к содержанию науки об архивах, исключаящий *историко-теоретическую глубину* исследования, сказался на отношении подавляющего большинства современных историков к самому термину “наука об архивах”

В самом деле, сведение научно-исследовательской работы к методической, а методической соответственно к “выработке на основе общих правил и рекомендаций наиболее целесообразных в конкретных условиях методов и приемов практической работы, определению конкретных путей внедрения в практику достижений научных исследований и установлению

нормативных требований"¹³⁹ лишало архивоведение права на статус самостоятельной научной дисциплины в системе гуманитарных наук.

В заключение приведем высказывание академика Д.С. Лихачева, имеющее важное методологическое значение: «Наука — это многоэтажное здание. Как и всякое здание, она имеет фундамент — материал, который наука изучает, потом есть первый этаж — непосредственное изучение этого материала, а над ним возвышаются этажи “проблем” и “теорий”, обобщений и гипотез... Здание может быть одноэтажным, без второго этажа, но здание не может начинаться со второго этажа. Первый этаж всегда должен быть. Поэтому люди рукописей и люди голых теорий не равноценны. Первые могут существовать без вторых, но “проблемщики” в чистом виде — это строители воздушных замков, стремящиеся воздвигнуть верхние этажи без первых...»¹⁴⁰.

В настоящее время у нас есть великолепное, но “одноэтажное” здание — архивное дело и “традиционное” (технологическое) архивоведение. А также есть некое подобие “воздушных замков”, “крыш” без стен и фундамента, ярчайшим примером которых является идеологизированная в советские времена “теория” архивного дела, т. е. совокупная мифологема, которая еще не подверглась основательному анализу практически ни в одной из обобщающих историко-теоретических работ по архивоведению.

Как мы уже указывали неоднократно, с нашей точки зрения, это связано с тем, что до настоящего времени, несмотря на прозвучавшие еще в 80-е годы прошлого века предостережения В.Н. Автократова против антинаучного разделения архивоведения на историю и теорию архивного дела, положение здесь меняется медленно. Практически не услышанным остается имеющий фундаментальное значение его вывод о том, что “архивоведение — историческая научная дисциплина, изучающая теорию и методику работы с архивными документами и организационные вопросы архивного дела, а также его историю”¹⁴¹.

Отметим, что в понятие “историческая” В.Н. Автократов вкладывал особый смысл, который мы восстановили при публикации его классического труда “Теоретические проблемы отечественного архивоведения” (1980) на основе анализа исходного, рукописного текста его докторской диссертации, подвергшегося самоцензуре при ее представлении на утверждение ВАК: “Признание исследуемой дисциплины исторической не означает, что ее по-прежнему следует считать вспомогательной дисциплиной исторической науки. Обладая раз-

витым понятийным аппаратом и сложной теоретической структурой, она выступает как относительно самостоятельная область исторического знания и познания. В числе ее задач обеспечение запросов историков — важнейшая, но не единственная задача. Однако объект, предмет и методология архивоведения историчны¹⁴². Здесь же автор отмечает ограниченность существующего в литературе традиционного определения архивоведения как комплексной дисциплины без указания того, “к какому классу наук оно относится” Убедительно доказав несостоятельность отождествления архивоведения со всей научной проблематикой, обеспечивающей развитие архивного дела, Автократов пишет: «Новым и более предпочтительным является предложение автором данной работы согласиться с наличием (фактически существующих) нескольких научных дисциплин архивного цикла: “собственно архивоведения” (в нашей терминологии — “методико-технологического” архивоведения. — Т. Х.) и субдисциплин — архивоведения НТД и архивоведения КФФД (кинофотофонодокументов, в настоящее время к ним добавляется архивоведение электронных архивов. — Т. Х.), а также *естественно-научной теории архивного дела*» (выделено нами. В нашем понимании — это “историческое архивоведение” — Т. Х.)¹⁴³.

Отметим, что даже в работе, относящейся к концу 70-х годов прошлого века и опубликованной (частично) в 1980 г., автор уже полностью отдавал себе отчет, что такое деление тем не менее сужает познавательное пространство собственно архивоведения до “проблематики письменной (текстовой) документации, исследующейся на базе понятия происхождения информации” Кроме того, исходя из такого, во многом вынужденного, подхода автор сознательно отказывается рассматривать вопросы истории архивного дела и развития архивоведческой мысли, а также заслуживающие самостоятельного исследования специфические вопросы архивоведения документов личного происхождения, ограничивая свою задачу теоретическим анализом деятельности государственных архивохранилищ в 1960–1970-е годы¹⁴⁴.

Есть основания полагать, что, судя по его последующим журнальным публикациям и оставшемуся неизданным рукописному наследию (ГАРФ. Ф. 10018. Оп. 1), краткую характеристику которого мы приводим в нашем предисловии к книге “В.Н. Автократов. Теоретические проблемы отечественного архивоведения”¹⁴⁵, ученый намеревался свести воедино “собственно архивоведение” и “естественно-научную теорию архивного дела” в целостную науку об архивах. Но преждевременная смерть прервала эту работу.

В настоящее время актуальность восстановления целостного подхода к интеграции архивоведческих знаний на основе сочетания исторического и теоретического подходов вновь выходит на первый план. Об этом свидетельствуют запросы архивистов-практиков с мест, а также ряд публикаций в специальной и профессиональной литературе. Так, заметным явлением в архивоведении последних лет стали острые публикации по частным проблемам архивоведения¹⁴⁶. Для многочисленных работ этого типа характерно практическое полное отсутствие анализа опыта деятельности отечественных архивистов дореволюционного периода или, скажем, периода расцвета исторического краеведения, стремление к изобретению собственной методики, т. е. к возведению “крыши” без “фундамента”

В связи с этим мы выделяем из большого массива архивоведческих работ те, которые носят поисковый, явно выраженный историко-теоретический характер и могут определить новое понимание существа науки об архивах на современном этапе ее развития. К ним относятся прежде всего статьи Т.М. Горяевой и А.Д. Степанского в 35-м выпуске Трудов ИАИ РГГУ¹⁴⁷, а также цикл работ З.П. Иноземцевой¹⁴⁸. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживают наблюдения Т.М. Горяевой над прошлым и современным состоянием науки об архивах, изложенные в статье под красноречивым названием “Архивоведение. Новый этап: находки и потери”. Ранее эта работа в несколько измененном варианте была опубликована под названием “Принципы и методы архивоведения: новые подходы и оценки” в сборнике “Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе”. Симптоматично, что в последней версии статьи (2000) автор ввела в название многозначительное изменение: вместо “новые подходы и оценки” теперь фигурируют “находки и потери”. Тем не менее похоже, что общий оптимистический настрой автора не был поколеблен за шесть прошедших лет, хотя, если сравнить тексты обеих статей, перечень нерешенных в архивоведении проблем не убавился — просто несколько сместились акценты.

Так, по утверждению Т.М. Горяевой, уже к 1994 г. “произошел долгожданный поворот в отношении инициативного (активного) комплектования, долго не получавшего поощрения в архивной среде, главным образом — в архивном руководстве”¹⁴⁹. К сожалению, приводимые ею частные примеры такого “поворота” относятся только к сфере “звуковых архивов”, т. е. к улучшению работы в узкой области и сведению ее к административно-организационным мероприятиям, а не к его теоре-

тическому осмыслению. Столь же малоубедительным представляется ее утверждение, что “подверглись пересмотру принципы и критерии комплектования и экспертизы ценности документов” (хотелось бы знать, *где, когда и кем.* — Т. Х.). В статье нет доказательств того, что “несмотря на кризисное состояние архивной системы... архивоведение вместе с тем переживает эпоху Ренессанса, приобретая все больше... признаки междисциплинарной науки, сферы общественно-культурной среды” (сферы... среды — так в тексте. — Т. Х.).

И далее: “Формируется устойчивое архивное мышление и архивное сознание в самых широких слоях общества. Все это вселяет надежду на появление нового поколения ученых, имеющих полноценное гуманитарное образование (при условии сохранения архивных традиций и профессиональной преемственности) и навыки работы с современными технологическими средствами, способных дать новый толчок развитию архивоведения”¹⁵⁰. Этот тезис перенесен полностью из версии 1994 г. в версию 2000 г., но так и остался чисто декларативным.

Отметим, что на фоне огромного числа перечисленных в обеих версиях статьи общих и частных проблем, стоящих перед находящимся в “эпохе Ренессанса” архивоведением, подобный оптимизм не кажется слишком оправданным. Характерно, что в отличие от небольшого, но убедительного перечня новаторских научно-теоретических работ *источниковедов* (куда по неизвестным причинам попала относящаяся к 1984 г. работа историка-архивоведа Б.С. Илизарова) подобного рода труды *архивоведов* отсутствуют — названные в подстрочных примечаниях автором журнальные публикации имеют либо узкоспециальную направленность, либо носят постановочный характер. Следует также учесть наличие в рассуждениях автора логического “заколдованного” круга: появление “нового поколения ученых с полноценным гуманитарным образованием” невозможно без получения фундаментальных архивоведческих знаний, а откуда же их взять до появления столь же полноценной науки об архивах? Ведь “устойчивое архивное мышление и архивное сознание”, к сожалению, не формируются сами по себе. Для этого как раз и требуются кадры гуманитарно образованных историков-архивистов. Однако сам призыв Т.М. Горяевой как в 1994 г., так и в 2000 г. остался актуальным. Не случайно он перенесен из текста шестилетней давности в новый вариант статьи почти без изменения.

А.Д. Степанский, похоже, придерживается прямо противоположной точки зрения на те же проблемы. В своих стать-

ях¹⁵¹ он отстаивает точку зрения, согласно которой необходимо провести четкую демаркационную линию между историей архивов, которая понимается им как частный случай истории учреждений и организаций, и технологическим архивоведением, которое сводится к выработке логической последовательности технологических процессов, первенствующее значение в которых принадлежит описанию. В результате автор приходит к логичному выводу: "По нашему убеждению, архив — это описи (или описания)" Иначе говоря, А.Д. Степанский решительно настаивает на сохранении имеющегося в настоящее время разделения историко-архивоведческих и теоретико-методических дисциплин, цитируя при этом одну из ранних публикаций В.Н. Автократова, датированную 1972 г.

Мы уже отметили, что "зрелый" Автократов был категорически против деления науки об архивах на историческую и теоретическую. Однако А.Д. Степанский рассуждает как археограф. В этом смысле он абсолютно прав.

Действительно, с точки зрения историка-исследователя археографическая обработка документального источника — все, что ему нужно от архива. Однако можно ли сводить работу по выявлению, отбору, систематизации и хранению архивных документов только к подготовке их к использованию? Это давний спор, относящийся еще к временам эмпирического и классического архивоведения времен Н.В. Калачова и Д.Я. Самоквасова, а затем ученых из Союза российских архивных деятелей. С тех пор архивоведение превратилось в комплексную историко-теоретическую науку, из которой нельзя вырвать ни одну из составляющих ее частей. Не случайно сам А.Д. Степанский заключает свою статью многозначительной фразой: "Высказанные соображения вырабатывались применительно к традиционным архивам. Насколько они годятся для архивов технотронных — надо думать" Здесь нельзя не согласиться с автором. Действительно, надо думать.

Доказательством перспективности и плодотворности углубленного понимания сути науки об архивах может служить, на наш взгляд, работа участников секции Российского общества историков-архивистов по научным проблемам архивоведения и археографии (руководитель В.А. Сидорова), которые на протяжении многих лет инициируют необходимость "изменения подходов, отношения, взглядов архивной теории и архивной практики на проблему сохранения какого-то минимума данных о каждом человеке, не напрасно прожившем на земле", чтобы «проститься с ложным убеждением о том, что если мы отберем на постоянное хранение дела "сильных

мира сего” и какой-то процент остальных, то выполним свою задачу»¹⁵².

Очевидно, наука об архивах на современном этапе продолжает свое развитие и поэтому герменевтическое исследование существа происходящих изменений должно оставаться в поле зрения архивоведов.

В данной главе мы ограничились только приведением доказательств обусловленности этих изменений конкретными социально-историческими условиями среды бытования терминов “архивоведение” и “наука об архивах”, а также описанием динамики их содержательного наполнения применительно к теме настоящего исследования.

Глава 2

От эмпирического архивоведения к основам науки об архивах

При определении хронологических рамок истории становления науки об архивах автор исходит из общепринятой в науковедении концепции о стадийном развитии всякой системы научных знаний в процессе освоения мира и самопознания человека: от эмпирического этапа до уровня теоретического осмысления накопленных данных.

Применительно к теме нашего исследования мы опираемся на важное в методологическом плане замечание В.Н. Автократова о том, что переломным моментом (или, в нашей терминологии, “точкой бифуркации”, соответствующей введенному В.П. Козловым понятию “проблемное звено архивоведения”) было “решение, принятое в 1918 году участниками реформы архивного дела, о выборе исторического (фондового) принципа в качестве основополагающего”¹.

Здесь же содержится утверждение, что в XVIII–XIX вв. ученые архивисты видели своей задачей разрушение исторических фондовых структур и замену их формально-логическими (коллекционными) структурами, теперь это отвергалось. Архивоведение обратилось, говоря языком методологии науки, к классификации по естественному, “внутреннему” признаку, сообразно закону фондообразования. В задачу ученого не входил поиск ответа на вопрос, почему произошел такой “революционный” переход.

В процессе герменевтического анализа нами было установлено, что он был связан с углублением понимания двойственной природы архивов и корреспондирующим с ним расширением понимания объекта и предмета науки об архивах.

Детальный анализ того, *кем, когда и почему* осуществляется переход от эмпирического к классическому этапу становления науки об архивах, в архивоведческой литературе производится впервые. Наша задача не специальное исследование деятельности того или иного архивохранилища. Речь идет именно о выявлении вклада конкретных архивистов и архивоведов в становление и развитие архивоведческих знаний.

Эмпирическое архивоведение

Исходя из методологии, предполагающей целостный подход к истории архивов и архивоведческой мысли, главной чертой смены этапов в процессе становления науки об архивах является уровень свободы, обеспечивающей возможность саморазвития названных социокультурных феноменов. При таком подходе эмпирический характер архивоведения характеризуется максимумом несвободы развития архивов, их незащищенностью перед произволом представляющих органы власти чиновников, а в архивоведении признанием приоритета потребительско-утилитарных качеств архивов перед объективно-ценностными.

Для того чтобы наглядно представить себе действие принципа целостного подхода на практике, приведем составленные нами на основании имеющейся историко-архивоведческой литературы очерки истории крупнейших архивных собраний допетровской Руси. Но прежде определим, насколько оправданна точка зрения, в соответствии с которой уже в IX, максимум — в XI–XII вв., задолго до петровских преобразований на Руси, существовали, если не по названию, то по своей сути, архивы? Дело в том, что в отношении данного вопроса мнения исследователей расходятся. Так, полемизируя с нашей точкой зрения, выраженной в статье “От архивоведения к архивософии”², о месте и роли архивов во всемирно-историческом процессе развития самосознания человека, ведущий современный специалист в области архивоведения А.В. Елпатьевский, поддерживая мнение ряда авторов исследований по архивному делу, практически однозначно объясняет появление архивов *как таковых* целенаправленной политикой государства по их созданию. Таким образом, он связывает процесс их создания, по-видимому, с институционализацией в Генеральном регламенте Петра I. Отнеся наш подход к генезису архивов к сфере Божьего, а свой подход обозначив соответственно как кесарев, он в рамках вечной дилеммы о кесаревом и боговом больше склоняется перед кесаревым началом. А именно, утверждая, что административно-учрежденческий подход существует в России самое позднее с Петра Великого, А.В. Елпатьевский смешивает, на наш взгляд, историко-конкретные концепции содержания архивного дела, неоднозначную суть самих архивов и политику государства в области архивного строитель-

ства. Это лишний раз доказывает необходимость тщательно сверять терминологический аппарат оппонентов, прежде чем начинать дискуссию³.

Однако академик А.И. Соболевский в своем курсе лекций “Славяно-русская палеография” однозначно относит собрания рукописных книг, а также правительственных и частных грамот (документов) XI–XIV вв. к категории архивов (новгородский архив, псковской архив, архив московских князей, архивы митрополитов, епископов, монастырей, церквей и т. д.)⁴.

С другой стороны, В.С. Иконников считал необходимым различать древние библиотеки и архивы. В отличие от княжеских, церковных и монастырских библиотек и собраний памятников письменности, появление которых он датирует временем Ярослава I, первое известие о Московском архиве он относит только ко времени Ивана III и Василия Ивановича. Ссылаясь на соответствующую опись, помещенную в Актах археографической экспедиции (Вып. 1. № 289), он пишет: “Можно думать, что систематическое собрание материалов в княжеском дворце установилось уже при Иване III, так как большая часть дел, упоминаемых в этой описи, начинается с этого времени”⁵.

И.И. Зубарев в своем введении к “Сборнику статей по архивоведению” утверждал, что “с Петра Великого начинается на Руси, если можно так выразиться, новая эра в архивном деле” Но при этом нужно иметь в виду, что следующей эпохой в развитии архивного дела он считал наступившую в 1869 г. “славную эпоху Калачова”⁶, т. е. понимание эры и эпохи у него носит довольно импрессионистский характер.

Как уже указывалось, Е.В. Старостин в работе “Архивы России” в отдельной главе “Методология истории архивов: периодизация” излагает тезис о том, что “первый этап [развития архивного дела в России]... в начальной стадии почти адекватен западноевропейскому” и заключает его, не приводя достаточного обоснования, в хронологические рамки X–XVI, XVII вв.⁷

На наш взгляд, истоки противоречий в определении хронологии генезиса архивов кроются именно в отсутствии научного консенсуса по отношению к употреблению терминов “архивы”, “архивное дело”. На это обратил внимание еще И.Л. Маяковский, который отдельную главу “Архивы до-Московской Руси” в труде “Исторический очерк архивного дела в России” (М., 1920) предварял следующим замечанием: “Нити преемственности русских архивов возводятся обычно не дальше приказных архивов Московского государства, и корни их кажутся не достигающими глубин Киевской Руси. В курсах по

архивоведению обыкновенно указывалось на то, что древняя Русь не знала письменного делопроизводства, и, следовательно, ни о каких архивах в ней и речи быть не могло. В виде исключения отмечался архив в Пскове, известный под именем Ларя св. Троицы, существование которого объяснялось особыми местными условиями, а именно развитием юридической письменности вследствие оживленных торговых сношений с немцами.

Между тем в наших исторических и юридических памятниках мы можем найти ряд указаний на то, что *архивы существовали уже в древней Руси не как исключительный, а как обычный институт* (выделено нами. — Т. Х.), если только не искать в таких архивах актохранилищ в современном строгом смысле этого слова. <...> Такими хранилищами в до-московской Руси были не княжеские учреждения, слишком непостоянные и потому ненадежные, а храмы и монастыри как центры всех тех сторон жизни, которые творили тогдашнюю письменность”⁸.

Для нас здесь очень важным представляется брошенное вскользь Маяковским замечание о сторонах жизни, которые творили письменность, и о связи письменности с возникновением потребности в архивах. Бытийно-онтические аспекты жизнедеятельности человека порождали потребность в фиксации следов его пребывания на земле, хотя, естественно, он сам еще не осознавал этого.

Сам Маяковский, впрочем, придерживался необычной, оригинальной точки зрения, созвучной современному синергетическому толкованию сути архивов. Так, настаивая на необходимости в процессе поиска особых архивохранилищ в домосковской Руси отказаться от разграничения понятий “документы” и “книги”, он писал: «Древнерусский человек и на те и на другие смотрел с одной и той же чисто практической стороны: если какая-либо “духовная”, или “порядная”, или “заемная” и тому подобные грамоты являлись удостоверением и укреплением его права здесь на земле, то всякая религиозно-нравственная книга была для него таким же ограждением его права в загробной жизни...»⁹. К сожалению, в донаучный, эмпирический период развития архивного дела это проявлялось и в том, что соответствующие документы и рукописные книги стали корректировать и даже уничтожать, чтобы восстановить свои права как на Земле, так и на Небе.

Это относилось и к летописям, продолжалось в архивохранилищах допетровского времени, прошло через регламенты и канцелярские правила послепетровского времени и было осознано как недопустимое явление только с появлением в архивах профессионально подготовленных археографов — спе-

циалистов по составлению описей и описанию их на научной основе.

Как писал историк русской церкви и ее архивов А.В. Карташев, “после капитальных исследований академика А.А. Шахматова мы рассматриваем теперь нашу начальную летопись как наслоение многих документов и работу многих авторов, а системе ее хронологии в первых ее частях как совершенно искусственную” По его мнению, “язычнику Олегу принадлежит невысокая честь чистки летописных записей о совершившемся в Киеве, особенно о ненавистных ему деяниях Аскольда и Дира. А его торгово-военные походы на Царьград в 909 и 911 гг. раздуваются в казенной летописи в нечто героическое”...¹⁰ Тем самым сознательно нарушался событийный, или, точнее, “событийно-перечневой”, “объективно-погодный” характер изложения в летописях. В результате мы получали каждый раз новые “архивы”, объективно отражавшие другой уровень исторического сознания нации.

Не случайно один из исследователей летописей Б.А. Романов на основе своих наблюдений за переделками “погодных” текстов написал труд под характерным названием “Люди и нравы Древней Руси”¹¹, а академик Д.С. Лихачев рассматривал летописи вместе с другими произведениями художественного творчества в книге “Поэтика древнерусской литературы” (выделено нами. — Т. Х.)¹².

Интуитивно первые любители русской старины, к которым нужно отнести обладавших тонким пониманием целостности национальной русской культуры первых отечественных историографов и археографов, стремились выявлять подлинные древние тексты вдали от официальных хранилищ, в удаленных селениях еретиков и раскольников, там, где они воспринимались и сохранялись в первозданном виде. Речь, в частности, идет о таких коллекционерах древностей, как А.И. Мусин-Пушкин и его сотрудники, П.М. Строев и члены Румянцевского кружка, митрополит Евгений (Болховитинов) и другие¹³. Иными словами, сложилась парадоксальная, на первый взгляд, ситуация: бережное отношение к старым архивам сохранялось в специфической народной среде, уравнивая пренебрежительное отношение к ним представителей официальной идеологии, отдававших приоритетное значение документам, имеющим лишь утилитарно-прагматическое значение.

Как писал организатор и руководитель археографических экспедиций по северным областям России в начале прошлого века В.И. Срезневский, “степень уважения к старой книге и знание ее оказывается обратно пропорциональным развитию общей грамотности и православия”¹⁴. Впрочем, отсутствие об-

щей грамотности могло сказаться в том, что “ревнители древнего благочестия” с не меньшей страстью, чем их противники, уничтожали произведения “нового письма”

Древние архивы выживали в силу того, что они формировались по обе стороны мировоззренческих баррикад, обнаруживая тем самым свою онтическую, над-временную сущность. В этом принципиальном противостоянии двух подходов к “полезности” архивов архивоведение не могло не выступать в своей ограниченной, односторонней, эмпирической ипостаси. Наука об архивах в ее целостном выражении не была востребована и поэтому не могла возникнуть на данном этапе.

Рассмотрим историю крупнейших “казенных” архивов утилитарно-прагматического назначения на всем протяжении того периода, который мы называем эмпирическим. Особенности построения текста в этой главе обусловлены тем, что изложение ведется нами на основе историко-генетического и доксографического принципов, а анализ проводится в рамках авторской концепции триединой (онтологической, гносеологической и социокультурной) сути архивов.

Архив Поместного приказа. Принципы устройства¹⁵.

Архив создан в середине XVI в. при Поместном приказе, ведавшем государственными землями, которые раздавались в поместья за службу государю.

Сильно пострадал от пожара в мае 1626 г.

Правительство было вынуждено посылать дьяков и подьячих приказа на места, в уезды для снятия копий писцовых и переписных книг, хранившихся в приказных избах, взамен сгоревших в Москве.

В архиве отложились книги писцовые (перепись мужского совершеннолетнего населения с описанием земель, угодий, промыслов, торговых заведений), переписные (поименная с указанием возраста перепись, в подавляющем числе случаев тягло мужского населения по населенным пунктам), дозорные (записи результатов обследования районов, пострадавших от интервенции, стихийных бедствий), платежные (перечни, составленные для раскладки и сбора повинностей на основе писцовых и дозорных книг), межевые (записи, фиксирующие границы владений), отказные и отдельные (сведения о крестьянских дворах и землях, пожалованных во владение помещику или вотчиннику), отписные (описания конфискованных в пользу казны имений, дворов и имущества). В архиве сохранились многие сотни списков грамот, подтверждавших массовые пожалования земель помещикам после воцарения Михаила Федоровича (Романова) в 1613–1614 гг. и в честь победы над

королевичем Владиславом в 1619–1620 гг. В делах Архива Поместного приказа содержались также сведения о продаже и обмене земель, регистрации крепостных актов на землю и крестьян, розыске беглых холопов и крепостных крестьян.

После упразднения Поместного приказа в 1720 г. и для хранения дел образованной на его основе Вотчинной коллегии в 1786 г. был создан Поместно-Вотчинный архив. В связи с этим в эпоху петровских реформ и вплоть до конца XVIII в. архив много раз перевозился из одного помещения в другое, в том числе в 1717 г. из Москвы в Петербург, в сырые казематы Петропавловской крепости. В 1728 г. все документы были упакованы в рогожные кули, погружены на телеги и доставлены обратно в Москву.

Архив все больше превращался в утилитарный источник справок о земельных владениях, в связи с чем в течение XVIII в. проводилось его полистное описание, которое так и не было окончательно завершено. В 1797 г., например, был издан специальный указ, по которому архивам вменялось “способствовать дворянам в отыскании доказательств дворянского достоинства”, в результате чего Вотчинный архив выдавал ежегодно полторы тысячи подобных справок.

Большой ущерб архиву был нанесен во время войны 1812 г. К этому времени он был переведен в здание Сената, расположенное в Кремле. Из-за нераспорядительности сенатского начальства и присутствий (органов коллегиального управления) самих архивов документы не успели эвакуировать. Правда, для охраны архива был оставлен член присутствия А.Д. Бестужев-Рюмин, который дважды лично докладывал о бедственном положении архивов Наполеону, жившему в Кремлевском дворце. Император, заметив, что “этот чиновник уже надоел мне со своими архивами”, все-таки распорядился принять некоторые меры для их охраны. Тем не менее во время московского пожара из 25 тыс. столбцов архива уцелели всего 16 тыс., а из почти 4 тыс. вязок дел — 2,5 тыс.

В 1835 г. по указанию министра юстиции Д.В. Дашкова (в прошлом одного из “архивных юношей”) был создан Комитет по разборке и описанию пострадавших сенатских архивов. Вначале работу комиссии возглавил член Вотчинного департамента П.И. Иванов, будущий первый директор Московского архива Министерства юстиции. Работа продвигалась очень медленно и растянулась на долгие годы.

В 1950-х годах архивисты Центрального государственного архива древних актов при расклеивании и укладывании столбцов в папки обнаружили в одном столбце XVII в. из фонда Архива Поместного приказа мумифицированный челове-

ский палец. Как выяснилось из соответствующего судебного “дела о членовредительстве, произошедшем на почве ссоры и драки в ходе спора о потраве”, палец был приложен к нему в качестве вещественного доказательства. В течение более трехсот лет к этой длинной ленте “столбца” не прикасался ни один исследователь. В 1852 г. Поместно-Вотчинный архив вошел составной частью в Московский архив Министерства юстиции.

Архив Посольского приказа. Принципы устройства¹⁶.

Архив сформирован на основе части внешнеполитических документов, переданных с созданием Посольского приказа (“Избы”) из Царского (Государственного) архива при Иване IV в середине XVI в.

С конца XVI и до XVII в. он являлся важнейшим политическим архивом Российского государства. Первая датированная выписка из дел Посольского приказа относится к 1549 г. и принадлежит его первому руководителю дьяку Ивану Михайловичу Висковатову, управлявшему Посольским приказом с 1556 по 1570 г.

При нем в “посольскую избы”, которая находилась в Кремле на площади недалеко от места, где впоследствии построили колокольню Ивана Великого, поступили в архив древнейшие грамоты московских князей, начиная с Ивана Даниловича (Калиты). Здесь они хранились вместе с другими делами архива в отдельных ящиках, ларцах и коробьях, без строгой системы. Систематизация архива и организация его текущего делопроизводства стали одной из первых задач Висковатого, которую он не довел до конца в связи с постигшей его опалой и казнью. Опись не была закончена. Отметим, что отдельные документы часто изымались из архива и сопровождали царя и высших дипломатов в их поездках. В 1565 г. при преемнике Висковатого думном дьяке Андрее Васильеве была построена особая Посольская палата с отдельными каморками в “казенке”, где хранились архив и библиотека с многочисленными печатными и рукописными книгами, географическими картами и атласами. На основании Архива Посольского приказа составляются первые труды по официальной истории российского самодержавия. Составленная дьяком Васильевым опись в Смутное время была вывезена в Польшу, позднее в поврежденном состоянии ее возвратили в Россию.

На особом положении в архиве находились “государевы родословцы”, “титулярники”, содержавшие титулы русских и иностранных царей, наместников, послов, а также книги с записями придворных церемониалов. Здесь же откладываются списки верительных (“верующих”) грамот, удостоверявших лич-

ность посла как представителя России, “любительные” грамоты, подтверждавшие мирные отношения между государствами, с просьбой оказать содействие посольству и т. д.

Особый интерес представляют отложившиеся в архиве “докончальные” (перемирные) грамоты (позднее — договоры). К русскому экземпляру “докончальных” грамот великий князь привешивал печать “воск красный, большую”, а затем целовал на ней крест перед иностранными послами. Утвержденный крестным целованием договор считался ненарушимым “во всех статьях, запятых и точках, безо всякого умаления, в целости”

В архив также поступали официальные документы по сношениям с другими странами, в том числе дела о приездах в Москву иностранных послов, их встречах, приемах и переговорах с ними, а также документы об иностранцах, проживающих в России. Наряду с “бумагами-сюзеренами”, как называл относящиеся к престолу документы Д.С. Лихачев, в архиве сохранились и так называемые статейные списки (“бумаги-вассалы”) — отчеты посольств в форме дневников, в которых фиксировались подробные ответы по всем “статьям и пунктам наказов”, полученных от правительства, а также детальные записи обо всем, что русские дипломаты видели, слышали, говорили и делали за границей. Отличительной чертой отчетов русских послов, как и другой посольской документации, является их фактографичность, определявшаяся самим назначением статейных списков и наказов — сообщать как можно больше самых разнообразных сведений. В них зачастую содержится даже воспроизведение прямой речи действующих лиц.

Внутренняя структура статейных списков в основном закрепились к середине XVII в. Как правило, они начинаются с рассказа о путешествии посла в то или иное государство, затем день за днем излагается история его пребывания за границей, а завершается она описанием обратного пути. После того как царь совместно с думным посольским дьяком выслушивал отчет посла, следовали “распросные речи”, тексты которых также отложились в архиве. Записи “распросных речей” представляют собой свидетельства различных лиц (посла, дьяка, подъячего или переводчика) чаще всего о поведении членов посольства, конфликтах между ними, а также отдельные детали хода переговоров. Например, из “распросных речей” С.М. Ушакова, С. Заборовского и переводчика Т. Фанебича стало известно, что послы “Степан и Семей пили и меж себя бранились и неодинова”, а из “распросных речей” стольника Я.Н. Лихарева и дьяка И. Пескова выясняется и вовсе неприглядная картина. Дьяк обвинил стольника в том, что он солдат, сопровождавший посольство, «бил и увечил, а у иных руки пе-

реломал, во время ночлегов стоял на особых дворах и держал у себя толмача, чтоб его потешал и с племянником песню “береза” пел, пожелал именоваться князем, велел называть себя не посланником, а послом». В свою очередь, глава посольства жаловался, что дьяк Песков “его бесчестил, лаял дураком, глупым называл и говорил, что он во всем знает больше его”, и т. д.

Форма отчетов в виде статейных списков просуществовала до первой четверти XVIII в., когда в России была введена система постоянных дипломатических представительств за рубежом. Так, помимо воли создателей официальных бумаг в архив проникли свидетельства живого быта, объективно отражавшие уровень культуры и самосознания русского дипломата и человека той поры.

В целом в организации хранения документов Посольского приказа как архива действующего учреждения заметна тенденция к систематизации дел в зависимости от их практического использования в приказной работе. В архиве комплектовались и тематические собрания документов: “походные дела” царя Алексея Михайловича, группа документов о женитьбе датского королевича Вальдемара на дочери царя Ирине и др. Вместе с духовными и договорными грамотами XIV–XVI вв. и группой документов боярского правительства 1610–1612 гг. эти собрания дел являлись сформировавшимися документальными коллекциями, своеобразными историческими архивами Посольского приказа, которые формировались от случая к случаю. Основу Архива Посольского приказа составляли посольские книги и столбцы дел, размещавшиеся первоначально в дубовых и окованных железом ящиках, обитых бархатом, или в осиновых коробьях и холщовых “мехах”

К концу XVI в. дела главным образом группируются по двум разделам: дела европейских государств и дела “азиатские”

Первая опись (переписная книга) относится к 1614–1615 гг. Она была составлена окольным князем Д.И. Мезецким и дьяком П. Даниловым после окончания польско-литовской интервенции. Предпочтение отдавалось описанию “государственных дел” внутривластного характера, перешедших из Царского архива XIV в., и “посольских дел” (основная масса документов внешних сношений России).

В 1626–1627 гг., после пожара в Кремле и Китай-городе, дворцовым дьяком И.И. Болотниковым и дьяком Стрелецкого и Печатного приказов Г.И. Нечаевым под руководством окольного, начальника Челобитного приказа Ф.Л. Бутурлина была составлена новая переписная книга. В ней значатся “грамоты, и записи, и книги, и столпы, и всякие посольские приказные дела, старые и новые, в коробьях и ящиках”.

С 1626–1627 гг. документы разделились на “старые” (XIV – начало XVII в.) и “новые” – начиная с 1613 г.

В 1632–1634 гг. все документы Посольского архива по указу царя и патриарха Филарета пересмотрели и описали судья Печатного приказа окольничий Л.И. Долматов-Карпов и дьяк Казанского дворца И. Переносов.

В 1635 г. важнейшие из них, в частности подлинные международные договоры XVI–XVII вв. и некоторые внутривластные документы, хранившиеся в архиве в особых ящиках, выделили в особую часть и перенесли “для охраненья” непосредственно на Казенный двор.

В 1640 г. старые посольские книги были переплетены, потому что “у них старая переплетка и кожа погнила и развалилась, а иные починены в старых кожах”

В 1648 г. при царе Алексее Михайловиче посольские дела разобрали и переписали еще раз. В 1653 г. дела хранились “за печатью” ближнего боярина Б.И. Морозова, позднее их разобрал думный дворянин Гавренев. В 1667 г. все посольские дела передали по описи в ведение начальника Посольского приказа боярина А.Л. Ордина-Нащокина. После ухода из приказа Ордина-Нащокина дела еще раз были проверены боярином князем Одоевским и в 1673 г. переданы в ведение вступившего в управление Посольским приказом окольничего Артамона Матвеева, по распоряжению которого в 1673 г. на все дела было составлено новое генеральное описание.

По состоянию на конец XVII в., в архиве в основном хранились дела по сношениям с другими государствами и народами (дипломатические дела), по управлению городами, подведомственными приказу, а также фонды тех приказов, которые были объединены с Посольским. Дела других приказов хранились в архиве особо.

По мнению В.Н. Самошенко, подтвердившего наблюдения И.Л. Маяковского, документальные материалы Архива Посольского приказа целиком вошли в состав Московского архива Коллегии иностранных дел в 1724 г. Г.А. Дремина, следуя утверждениям бывших директоров Московского Главного архива Министерства иностранных дел (МГАМИД) И.Ф. Амона и Ф.А. Бюлера, а также специально изучавший описи Архива Посольского приказа В.И. Гальцов относят дату его ликвидации к марту 1720 г., т. е. к дате указа Петра I, согласно которому ассессор (позже – архивариус) Коллегии иностранных дел Алексей Почайнов начал разборку и описание архивных дел Посольского приказа.

Отметим сразу, что попытки вслед за И.Л. Маяковским¹⁷ отнести Алексея Почайнова к числу родоначальников

отечественного архивоведения на основании специальной архивной инструкции канцлера Г.И. Головкина на имя Почайнова, датированной 24 марта 1720 г.¹⁸, представляются нам недостаточно аргументированными. Во всяком случае, современные авторы такой историко-теоретической конструкции явно не заметили содержащееся в исследовании Л.Е. Чураковой “Некоторые вопросы историографии истории Московского Главного архива Министерства иностранных дел” указание на то, что “в 1720—1724 гг. в Петербургском и Московском дипломатическом архивах был один архивариус — А. Почайнов, и “он, Почайнов, в Санкт-Петербурге умре, а в Москву для разбору и описи... дел не приезжал”¹⁹. В лучшем случае, таким родоначальником должен быть признан составитель инструкции канцлер Головкин, хотя, как будет показано при последующем изложении, он опирался на уже существовавшую за десятилетия до него практику эмпирической обработки архивных материалов.

Архив Разрядного приказа. Принципы устройства²⁰.

Архив Разрядного приказа — один из древнейших русских приказных архивов. Сохранились документальные сведения о нем с 1531 г. Разнообразное документальное собрание Разрядного приказа, или Разряда, отражало все стороны его деятельности. Приказу вменялось ведение ратного (военного) дела во всем государстве. Московский пожар 3 мая 1626 г. уничтожил огромное количество старых дел. Была составлена опись документов, вынесенных из огня. Сохранились именные списки бояр, окольных, думных дворян, стольников, других придворных чиновников, в том числе смотренные именные списки служилых людей всяких чинов смотра боярина и воеводы князя Д.М. Пожарского (1618), а также смотренные именные списки полков за 1641—1708 гг.

В столбцах Владимирского стола дошли до нас сведения о службе в России шотландских (шкотских) и ирландских офицеров и солдат, среди которых в 1617 г. назван Юрий Лермонт — предок великого русского поэта.

В росписных списках городов, составлявшихся при смене воевод, имеются сведения по истории и архитектуре Белгорода, Вологды, Владимира, Костромы, Муром, Новгорода, Пскова, Серпухова, Тамбова, Твери, Тулы, Ярославля и других городов. В 1627 г. на основе документов архива в приказе была составлена “Книга Большому чертежу” — замечательное по своему исполнению и содержанию историко-географическое описание России (два списка “Книги...” хранятся сегодня в Российском государственном архиве древних актов). На протя-

жении целого века она служила практическим пособием при направлении служилых людей на государеву службу.

Разнообразные данные о Москве содержатся в росписном списке 1638 г., переписных книгах московских улиц, слобод, дворов, лавок, в описи Кремля, Белого города, в деле об устройстве земляного вала вокруг Москвы в 1638–1641 гг., в документах о строительстве зданий, мостовых, благоустройстве улиц.

В 1666 г. “под смотрением” начальника Разрядного приказа думного дьяка Д.И. Башмакова проведено генеральное описание всех материалов архива, сохранившееся до наших дней. В архиве отлагались именные списки бояр, окольничих, дворян, начальных людей в полках, судей и личного состава приказов со сведениями об их служебной деятельности, поместных и денежных окладах.

Особый интерес представляют именные войсковые списки — десяти, составлявшиеся при определении дворян на военную службу с назначением денежного и поместного окладов (десяти верстальные), во время смотров с целью определить их пригодность к военной службе (десяти разборные), при раздаче денежного жалованья (десяти раздаточные).

В разрядные книги заносились распоряжения правительства о ежегодных назначениях бояр, князей и служилых людей на военную, гражданскую и придворную службу. В архиве также отложились дела с отчетами с мест о состоянии обороноспособности городов, количестве в них служилых людей, а также дела о местнических спорах, неправильном написании фамилий и т. д.

Разрядный архив как отдельное самостоятельное учреждение начал свое существование после упразднения Разрядного приказа указом от 22 февраля 1711 г.

Вначале архив подчинялся Разрядному столу, который входил в состав канцелярии Сената, затем (в 1715 г.) его передали Московской канцелярии Сенатского правления, позднее он перешел от одного сенатского учреждения к другому, пока в 1763 г. не был официально оформлен как самостоятельный (под названием “Разрядно-Сенатский”), но при этом он сохранил общее подчинение Сенату. В Разрядно-Сенатский архив перешли часть старых дел самого Сената и его переставшей существовать Московской конторы, а также дела других крупных приказов, ликвидированных в XVIII в. Так, из Сибирского приказа были переданы уникальные документы по истории освоения Сибири.

В 1770 г. Разрядно-Сенатский архив перемещается за Москва-реку на Берсеневскую набережную, в старый дом бывшей Корчемной конторы. Характерный эпизод из повседневно-

ной “архивской” жизни запечатлен в книге учета работы чиновников архива за 1789 г.: “На Фоминой неделе, с 16 по 22 апреля, за разлитием воды входу в архив не было, а потому и трудов не имелось”. В течение 1788–1792 гг. фонды архива были перемещены в Кремль, в здание Сената. Во время войны 1812 г. это строение архитектора М.Ф. Казакова было превращено французами в солдатские казармы. Солдаты выбрасывали груды документов в кремлевские рвы, многие дела использовались в качестве подстилок в самом помещении Сената и для покрытия земли на бивуаках, которые устраивались на площадях и улицах Кремля. По свидетельству начальника Экспедиции кремлевских строений П.С. Валуева, еще в феврале 1813 г. в Кремле валялись кипы дел, “перемешанных с замерзшею капустою, картофелем и соломой” Специальная комиссия и служащие архива до августа 1813 г. занимались спасением документов, их размещением и приведением в порядок. Разборка и описание перепутанных дел растянулись на многие годы. Всего к концу XVIII в. в Разрядно-Сенатском архиве сконцентрировалось более 100 тыс. дел. В 1852 г. фонды архива составили основу Московского архива Министерства юстиции.

Обзор деятельности трех крупнейших российских архивов периода “приказной” системы управления государством показывает, что их состав и содержание полностью зависели от уровня влияния при Дворе их управляющих и соответственно того ведомства, которое они представляли. Более того, руководители приказов (а позже — коллегий) считали их своей личной собственностью. Ограничения заключались в следующем: главным распорядителем архивов в конечном счете был великий князь (позднее — царь).

Как отмечал И.Л. Маяковский, «государственное хозяйство, рассматривавшееся московскими государями как чисто личное хозяйство, скоро переросло примитивные формы управления им при посредстве личных слуг и потребовало для дальнейшего своего функционирования целого ряда учреждений. Естественное, что и продукт письменного делопроизводства, вызывавшегося к жизни усложнявшимися государственными задачами, стал отлагаться не в личной “великокняжеской” или в “государевой” казне, а в государственных учреждениях», что не изменило отношения к ним, так как “в тогдашнем архивном деле старые документы и дела обычно не отделялись от текущего делопроизводства”²¹. Специальные архивные знания при этом не требовались по определению, поскольку каждый славянин изобретал ту систему, которая казалась ему наиболее подходящей для отыскания нужных для них самих справок.

Архивы, таким образом, произвольно перемещались, документы терялись и меняли свое место пребывания не только по причинам стихийных бедствий (войны, пожары), но и по произволу сановных хозяев. При этом в обитых бархатом и окованных серебром ящиках могли храниться царские грамоты и важнейшие международные договоры, а дела, отнесенные к “малоактуальным”, выносились в “сторонние полатки” (“казенки”), где они и гнили без какого бы то ни было присмотра прямо на полу.

Такая оценка не противоречит господствовавшему в допетровское время “охранительному” характеру архивного дела в целом, для которого типичны обвинения со стороны крупных сановников в адрес низших служащих в том, что “твои государевы дела промокли” Не помогали и строжайшие административные меры наказания. Им подвергались все те же “старые и молодые подьячие”, которым, например, в 1685 г. вменялось “всякие дела делать и беречь со всяким опасением и радением... А буде впредь какие помеченные выписки и указы учнут держать в каком небрежении, или что потеряют, или челобитчикам и, кому какое дело надобно, без указа показывать или списывать дадут: и про то по указу великого государя будет учинен розыск со всякою жесточью, а по розыску виноватым наказание нещадное, по вине и делу смотря”²². Но трудно было уберечь дела, если они по личному указанию царя Алексея Михайловича переносились “наверх” князем Одоевским и печатником Башмаковым в таком составе: “Четыре меха kindячных с государскими верховными письмами и грамотами, четыре книги в полдесть родословных царственных и о княжении великих князей... ящик липовый белый, а в нем книги и столпы... коробочка беленькая, а в ней сосуды церковные... пуговицы серебряные... ящик с мешком, а в нем 6 колокольцев птичьих серебряных золоченых... да два ящика, да коробка большая писаная же, а в них книги и тетради и столпцы”²³ и т. д. Естественно, что меньшее внимание оказывалось “малоактуальным” документам, оставшимся “внизу”, в “полатцах”; они заведомо не привлекали царского внимания и поэтому оставлены были на произвол судьбы. А ведь, как указывал исследователь Архива Посольского приказа В.И. Гальцов, «видимо, это и был *“архив”* Приказа в узком смысле этого слова» в отличие от текущей документации²⁴. Именно так, к сожалению, выглядит в большинстве случаев ведомственный “архив бесполезных дел” по сравнению с “архивом текущего делопроизводства”, относящимся к периоду эмпирического архивоведения.

Своеобразным символом безразличного отношения к архивам как к складу ненужных бумаг (в отличие от “полезных”

документов, сохраняющих свою актуальность) является тот самый “бесполезный” мумифицированный палец, пролежавший в “столпце” Поместно-Вотчинного архива более 300 лет.

Историко-генетический обзор деятельности крупнейших и лучших архивов Российского государства “докалачовского” периода подтверждает указание И.Л. Маяковского на недостаточность и даже вредоносность эмпирического подхода к архивам. До наших дней сохраняет значение его вывод, сделанный на основании детального анализа истории архивного дела до середины XIX в., о необходимости “претворить тревогу о судьбе наших архивов из платонической и пассивной в творческую и найти ей реальное применение, направив эту тревогу на избавление архивов от тех частью добросовестно-невежественных, частью сознательно-тенденциозных приемов и экспериментов, примеры которых мы видели, и на замену их строго научными методами”²⁵.

Проведенный нами доксографический анализ дополняет и подтверждает выводы И.Л. Маяковского. Несмотря на малое количество сведений о личностях и архивоведческих взглядах первых деятелей российского архивного дела, приведенная выше обобщенная характеристика Маяковского представляется нам вполне обоснованной. Так, типичной фигурой для эмпирического периода архивного дела допетровского времени можно назвать дипломата и думного дьяка *Ивана Михайловича Висковатого* (?–1570)²⁶, которого с большей долей обоснованности можно назвать *первым отечественным архивным деятелем*, во всяком случае, из числа тех, о ком имеются достаточно достоверные исторические сведения.

Происхождение и дата рождения И.М. Висковатого неизвестны. Впервые его имя встречается в документах 1542 г., в которых он назван подъячим (т. е. был чином явно невысок), и сообщается, что он писал перемирную грамоту с Польшей. Но уже в 1549 г., буквально через два года после венчания на царство, 19-летний Иван IV предписывает образовывать Посольский приказ, причем в выписке из соответствующей грамоты, составленной в 1565 г., подчеркивается, что “приказано посольское дело Ивану Висковатому, а был еще в подъячих”

Как полагал А.К. Леонтьев, эта уникальная выписка (скорее, изложение) была составлена самим И.М. Висковатым с целью подчеркнуть собственную роль в вопросах руководства внешней политикой, поскольку именно в это время обострилась конкурентная борьба между ним и братьями А.Я. и В.Я. Щелкаловыми. Нам представляется это весьма реальным, поскольку вполне соответствует хозяйскому отношению к ар-

живам его руководителя, в данном случае главы Посольского приказа Висковатого.

С.О. Шмидт, отмечая, что в официальной терминологии XVI в. Царский архив назывался Казной, или Государской казной, в отличие от государевой казны, обозначавшей обычно Постельную казну государя и которой ведал А.Ф. Адашев, указывает, что первое повеление И.М. Висковатому — “грамоту перемирную королево слово и другую грамоту с пословными печатями... положить в казну” — датируется 9 мая 1554 г. Он же первым установил, что, хотя Висковатый был назначен печатником, т. е. хранителем Большой царской печати в 1561 г., в реальности же эти обязанности он исполнял и в 1553–1560 гг. будучи, по словам Ивана IV, “ближним верным думцем”²⁷.

Именно в качестве печатника и думного дьяка И.М. Висковатый имел непосредственное отношение к Царскому архиву, что подтверждается его первыми описями, составленными либо самим Висковатым, либо под его руководством. Как пишет С.О. Шмидт, «печатником и главным хранителем архива, сосредоточившего все важнейшие документы внутренней и внешней политики государства, в том числе касающиеся династии и лично государя (например, “изветы”), Висковатый стал, видимо, после того как в дни боярского “мятежа” 1553 г. обнаружилось “шатание” казначея и печатника Н.А. Фуникова»²⁸. Он приводит важное в историко-архивоведческом смысле угрожающее замечание митрополита Макария в адрес Висковатого во время заседания собора на еретиков летом 1553 г.: “знал бы ты свои дела, которые на тебя положены, не разроняй списков”²⁹.

Весьма примечательна характеристика, которую дал “первому русскому архивисту” составитель Ливонской хроники Б. Руссов: “Иван Михайлович Висковатый — отличнейший человек, подобного которому не было в Москве: его уму и искусству как москвитя, *ничему не учившегося* (выделено нами. — Т. Х.), очень удивлялись иностранные послы”³⁰. Еще до официального повышения в дьяки царь повелел боярам и настоящим дьякам титуловать его этим званием при исполнении им дипломатических поручений и в присутствии иностранных послов.

Для нас важно подчеркнуть, что, став главой Посольского приказа в 1549 г., Висковатый спустя почти два десятилетия закрепил эту дату в собственноручно изготовленной выписке из царской грамоты как дату начала самого приказа. Это иллюстрирует его огромные возможности, тем более что в находившемся в ведении Висковатого Царском архиве содержалось огромное количество рукописных книг и различных государст-

венных актов московских великих и удельных князей, их родословные, различные следственные материалы и, наконец, текущая делопроизводственная документация.

Говоря сегодняшним языком, в его руках оказался арсенал материалов компрометирующего характера, что было особенно взрывоопасно во времена опричнины. Во всяком случае, в переписных книгах и перечневых описях сохранились многочисленные пометы, свидетельствующие о том, что именно Висковатый не только номинально возглавлял, но и лично участвовал в описании Царского архива: “По Ивановым книгам Михайлова”, “По Иванову письму Михайлова” и т. п. Здесь же хранятся личные пометы Висковатого о выдаче архивных документов для использования в текущей работе различных госучреждений. По мнению С.О. Шмидта, “опись Царского архива была составлена Висковатым, видимо, в связи с передачей в архив ящиков с документальными материалами. Возможно, что этой описи предшествовала еще одна опись, содержавшая описание первых 137 ящиков, состоявших в основном из документов первой половины XVI века”³¹. Нельзя исключить, что, будучи высокообразованным дьяком, т. е. секретарем, письмоводителем, правителем канцелярии (до XIV в. письменные памятники употребляют как синоним дьяка слово “княжий писец”), прекрасно ориентировавшийся в фондах вверенного под его начало архива Висковатый мог попытаться использовать имевшиеся там документы для компрометации влиятельных лиц государства.

Такое предположение, впервые высказанное автором соответствующего раздела главы “Посольских дел оберегатели” по отношению к Висковатову, могли бы повторить и М.П. Лукичев по отношению к Алмазу Иванову, и Е.В. Чистякова и И.В. Галактионова по отношению к Афанасию Лаврентьевичу Ордину-Нащокину, и Н.М. Рогожин по отношению к братьям Щелкаловым и Артамону Сергеевичу Матвееву³².

В 1553 г. И.М. Висковатый выступил против нововведений возглавлявших русскую церковь Макария и Сильвестра в области иконописи и в январе 1554 г. был на три года отлучен от церкви. В оскорбительной форме священный собор предписал ему “ведать свой чин” и не воображать себя “головой”, будучи “ногой”. Тем не менее первоначально его служебное положение не пошатнулось: он по-прежнему возглавлял Посольский приказ. Его ставка на государя, т. е. на светскую власть, оставалась непреклонной, что не мог не оценить Иван Грозный. Более того, один из его современников (сбежавший за границу Г.К. Котошихин) характеризует Висковатого так: “Секретарь тирана и заместитель казначея”. Но с лета 1562 г.

он, по-видимому, перестает непосредственно заниматься делопроизводством Посольского приказа, поскольку переключается на ведение переговоров с иностранными послами.

В одну из его служебных отлучек из России все посольские дела переходят в ведение “Царского Величества думного дьяка” Андрея Васильева и ставленника Захарьиных Никиты Фуникова, стоявшего во главе Казенного приказа. Тем не менее, как считает С.О. Шмидт, переписная тетрадь, составленная А. Васильевым, и новая опись, относящиеся к 1626 г., “были составлены, вероятнее всего, тоже под руководством Висковатого, так как он в эти годы продолжал оставаться начальником Царского архива и еще в 1567 г.... присылал А. Васильеву в Посольскую избу список о приезде шведского посольства”³³.

Последним свидетельством причастности Висковатого к делам Архива Посольского приказа является его активная деятельность в процессе составления “Лицевого свода” — своего рода исторической энциклопедии XVI в., содержащей изложение событий “от сотворения мира” до царствования Ивана IV. Свод неоднократно редактировался в соответствии с необходимостью выделить заслуги или вину того или иного исторического лица, но имя Висковатого в нем неизменно превозносится и даже было запечатлено в нескольких миниатюрах. Но уже в 1570 г. его привлекли к дознанию по так называемому московскому делу. Вначале в числе многих высших приказных чинов был арестован и казнен родной брат Висковатого — Третьяк. Висковатый сам себе подписал приговор, советуя царю, чтобы он “...в особенности же не истреблял своего боярства, и просил его подумать о том, с кем же он впредь не то что воевать, но жить будет, если он казнил столько добрых людей” Характерен ответ царя: “Я вас еще не истребил, а едва только начал, но я постараюсь всех вас искоренить, чтобы и *памяти вашей не осталось*” (выделено нами. — Т. Х.).

В результате Висковатого обвинили в намерении передать Новгород польскому королю, а Астрахань и Казань — султану. Первый русский архивист, имя которого должно занять достойное место в отечественной истории архивного дела, был публично казнен на “Поганой луже” Его распяли на кресте из бревен и расчленили живого на глазах царя и толпы первым из более чем ста человек, в число которых входили руководители и высокопоставленные сотрудники госаппарата, включая бывшего его помощника думного дьяка А. Васильева и государева казначея Н. Фуникова, которого сварили, обливая кипятком³⁴.

О личности других архивистов допетровской эпохи мы знаем гораздо меньше, хотя поиски в этом направлении долж-

ны быть перспективными. Исследователь Архива Посольского приказа В.И. Гальцов одним из первых констатировал зависимость подбора лиц, привлекаемых к составлению архивных описей, от роли и места архива в соответствующем приказе. Так, в 1614 г., пишет В.И. Гальцов, описание дел архива возглавил окольничий князь Даниил Иванович Мезецкий, “который был весьма влиятельной фигурой первой половины XVII в.”. Он принимал деятельное участие в подавлении восстания И.И. Болотникова, в событиях Смутного времени, считался одним из приятелей патриарха-царя Филарета.

Как установил В.И. Гальцов, сотрудник и помощник кн. Мезецкого дьяк П. Данилов, почти десять лет проработавший в архивохранилище Посольского приказа, 16 февраля 1616 г. по царскому указу получил сорок соболей, причем в указе специально отмечалось: “...а пожаловал государь его за то, что был он у его государева дела в Посольском приказе... у разбору и у росписи старых и новых посольских дел”³⁵. Очевидно, такой архивный тандем (князя и дьяка — практика, знатока топографии и характера документов, находившихся в архиве) был достаточно типичен для допетровской эпохи. Естественно также, что архивист-профессионал при этом занимал подчиненное положение и его роль сводилась к безоговорочному выполнению приказов начальников.

В результате устройство архивов, как и их описи, представляют собой, по справедливой оценке Е.В. Старостина, “классический образец прагматического подхода к классификации, при проведении которой сохранялся учрежденческий комплекс документации, но внутри него документы распределялись в интересах использования с применением различных принципов (хронологического, предметного, номинального и т. п.)”³⁶.

Самоценность архивов как сложившихся исторически органических целостностей при этом не принималась во внимание. В рамках эмпирического архивоведения они рассматривались только с точки зрения их утилитарной ценности. Особенно наглядно подтверждается этот тезис господствовавшим “изстари” принципом распределения дел в Посольском приказе по поветьям, во главе которых стояли старые (старшие) подьячие. При этом количество и компетенция отдельных поветий постоянно изменялись. Так, если при начальнике приказа А.С. Матвееве дела, “ведомые в Посольском приказе, разделялись между четырьмя старыми подьячими (Степаном Полковым, Петром Долговым, Емельяном Украинцевым и Борисом Михайловым), то уже через два года их было пять, потом шесть, причем из прежних начальников упоминается только

Борис Михайлов (первое повытье — дела шведские, голландские, гамбургские, грузинские, “горских черкесов” и калмыков), а в 1702 г. эти же дела были распределены между третьим (дела шведские и голландские), четвертым (гамбургские) и пятым (грузинские) повытьями. При этом дела по описям каждый раз пересоставлялись и передавались от одного начальника к другому³⁷.

Анализ перечней поступлений в архив показывает, что туда постоянно перемещались из действующих учреждений дела, утратившие практическое значение для текущей деятельности учреждений, а также дела “особого свойства” (например, дела царствования “лица с известным титулом”, т. е. Ивана Антоновича). Были и процессы обратного характера, которые только подтверждают наличие постоянного хаоса и неразберихи в архивном деле эмпирического периода. Так, в 1724 г. Коллегия иностранных дел предписала Петру Курбатову все хранившиеся в Архиве Посольского приказа поместные и вотчинные дела собрать, описать и отослать в находившуюся в Москве контору Вотчинной коллегии. Затем из него последовательно изымались и передавались в архив Сената “малороссийские дела”, чуть позже — часть дел по сношениям с отдельными государствами Западной Европы и Азии. По личному требованию А.С. Меншикову были переданы из архива крепости на графство Дубровинское в Литве и ряд других дел за 1709–1719 гг., и т. д. Если учесть, что речь шла о том, чтобы каждый раз вынимать требуемые бумаги из сундуков и “коробий”, пересоставлять реестры, сверять старые и новые описи при пересылке бумаг с наличным содержанием и т. д., то становится понятной причина потерь и утрат архивных богатств только в одном, отдельно взятом архиве в относительно мирное время.

В.И. Гальцов в исследовании “Приказной архив XVII века”³⁸, которое во многом основывалось на работах С.О. Шмидта³⁹, а также на результатах собственного изучения “Описи Царского архива XVI в. в архиве Посольского приказа 1614 г.”⁴⁰ и ряда фондов РГАДА, аргументированно, с нашей точки зрения, определил характерные особенности архивного дела эмпирического периода.

И в XVI в., и в XVII в. под казной (“казенкой”, “хранилищами царскими”) понимались все государственные, или государевы, ценности, в том числе и документы, поступавшие, так сказать, на государственное хранение. Документальные ценности не были еще отделены от остальной массы государственно-го имущества.

По мере развития государственных учреждений, усложнения в них делопроизводства и увеличения количества докумен-

тов в приказах стали появляться свои хранилища ценностей, которые также называли казной. К ним уже можно применять, хотя и с оговорками, термин “архивохранилище”

О масштабах бюрократического бумаготворчества свидетельствуют такие цифры: только за один 1619 г. подъячие Разрядного приказа израсходовали около 133 тыс. листов “дестной” бумаги, исписав при этом 22 кувшина чернил (примерно по два в месяц), и сожгли 9700 свечей.

Изучение материалов по истории архивов XVI–XVII вв. (прежде всего — архивных описей) показывает, что именно текущий архив считали основным типом архивов того времени. При этом отсутствовало четкое разграничение между документами, только что вышедшими из делопроизводства (актуальная или оперативная часть архива), и архивными документами прошлого (историческая часть архива). При таком подходе к формированию архива у него могло быть сразу несколько фондообразователей. Например, у Царского архива, как установил С.О. Шмидт, это — Боярская дума, личная царская канцелярия и Посольский приказ. Регламентированный порядок и установленные для всех приказов единые сроки передачи решенных дел в архив отсутствовали.

Специального термина для обозначения архивного документа, как и для архива, не было. В описи Царского архива некоторые документы разделялись на “старые” и “новые”: единых критериев определения “возраста” документа не существовало.

Ценность архивного документа определялась в основном его политической ценностью. Это особенно характерно для XVII в.: подъячие специально отбирали “государственные и посольские дела”, отделяя их от массы “приказных дел”, причем наиболее ценные хранились в особых дубовых или кипарисовых ящиках, обитых железом снаружи и бархатом изнутри, а другие могли остаться “меж писем в небрежении”. При этом довольно часто допускалось искусственное формирование дел по тематическому или целевому признаку (“походные дела” царя Алексея Михайловича, документы русско-шведских посольских съездов 1650–1660-х годов, группа дел о женитьбе датского короля Вальдемара и др.)

Система хранения решенных дел в текущем архиве соответствовала структуре учреждения. В процессе делопроизводства служащие приказа, руководствуясь степенью востребованности документов в текущей работе, раскладывали их по сундукам, ящикам, коробьям или (в конце XVII в.) по полкам и шкафам, где они могли впоследствии остаться на долговременное хранение.

Таким образом, анализ подтверждает справедливость вывода И.Л. Маяковского, который является исключительно важным в контексте нашего исследования: “Вследствие отсутствия научного взгляда на архивное дело драгоценные документы погибали в таком огромном количестве, что до нашего времени дошла от них лишь ничтожная часть. Были ли ближайшими причинами этого стихийные бедствия, небрежение архивных деятелей или даже прямые распоряжения правительства, но *первопричина гибели заключалась именно в отсутствии в архивном обиходе точно установленных граней архивного дела как науки*”⁴¹ (выделено нами. — Т. Х.).

Архивоведение петровской Руси: истоки и последствия Генерального регламента

Как показывает анализ имеющейся литературы⁴², большинство исследователей сходятся во мнении, что Генеральный регламент — это первый законодательный акт, устанавливающий основные принципы производства, регистрации, группировки, описания документов, важнейшие их разновидности, которые с небольшими изменениями сохранились на протяжении XVIII и XIX вв.

По существу, содержание главы об архивах Генерального регламента адекватно корреспондирует с реформаторской деятельностью Петра I в области центрального управления. Тем не менее отношение к оценке роли и места этого документа в архивоведческой литературе далеко не столь однозначно, как это следует из приведенных выше статей. В итоге проведенного анализа нами выявлены две диаметрально противоположные точки зрения.

В.Н. Самошенко вслед за Д.Я. Самоквасовым считал, что Генеральный регламент и другие аналогичные документы способствовали качественному улучшению архивного дела и даже озаменовали наступление золотого века для архивов. «По Генеральному регламенту, — писал он, — должность архивариуса как руководителя архивов была единственной... Однако в наиболее важных для правительства архивах положение со штатами было значительно лучше. Уже в 1720 году для упорядочения материалов Петербургского архива Коллегии иностранных дел в помощь архивариусу выделялось семь канцелярских служителей. Позднее увеличиваются штаты и в некоторых других архивах... В указах Петра I встречалась такая формулировка: “Положить в архив к вечному известию”, что свидетельствовало о понимании важного значения архивных документов как исторических источников»⁴³. С такой точкой зрения был солидарен М.Н. Шобухов, указавший, что с принятием Генерального регламента архивы были отделены от текущего делопроизводства⁴⁴.

В то же время И.Л. Маяковский придерживался принципиально другой точки зрения. Оценивая ближайшие и отдаленные последствия для архивного дела петровских реформ, не имевших научного обоснования, он писал, что на практике они открыли «беспредельный простор в определении ценности тех или иных документов и позволяли подходить к ним

с самой разнообразной меркой. Одним из результатов этого явилось в архивном смысле совершенно искусственное обособление так называемых “древних актов” от дел XVIII и XIX веков и диаметрально противоположные взгляды на ценность той или иной группы: бюрократия не ценила старых дел и кое-как заботилась лишь о позднейших делах, нужных для ведомственных справок, архивные же деятели, наоборот, ценили зачастую лишь “старые акты”, не особенно заботясь о сохранении позднейших дел. Вследствие такого взгляда даже те, кто признавал необходимость для архивистов научной подготовки, рассматривал последнюю узко... В результате же таких противоположных взглядов правительства и архивных деятелей документы и той и другой искусственно созданной категории, конечно, погибали»⁴⁵.

Чтобы определить действительную роль и место Генерального регламента в целом, и в частности его главы “О архивах”, в становлении научной системы архивоведческих знаний, необходимо исходить из того, что регламент относился прежде всего к определению основ новой системы делопроизводства — коллежской. В связи с этим особого внимания заслуживает специальная глава под названием “О преимуществе коллегий”. Помимо определения состава коллегии, обязанностей ее членов, в исследуемом документе с большой подробностью приводится схема организации коллежских канцелярий и контор. Общая постановка делопроизводства возлагалась на *секретаря коллегии*. Ведение протоколов и наблюдение за исполнением принятых решений вменялось в обязанности *нотариуса*. Собрание всех документов, их систематизация и регистрация были возложены на *регистраторов* (чин регистраторский). Хранение документов, а также ведение канцелярии входили в служебные обязанности *актуариусов*. Генеральный регламент подробно расписывал также функции других должностных лиц (*канцеляристов, копиистов, переводчиков* — для письменных переводов, *толмачей* — для устных и даже *вахмистра* — *сторожа коллегии*).

С особой тщательностью в документе был проработан вопрос о регистрации документов, которая должна была обеспечить выполнение двух задач: учет входящей и исходящей корреспонденции и контроль за ее исполнением. Прежде всего в коллегиях вводился особый журнал (повседневная записка), в который по алфавиту, числу и месяцу записывалось содержание всех дел с указанием имен, в них упоминаемых, а также куда и кому они были направлены. Были подробно расписаны все остальные виды регистрационных записных книг. В частности, в Генеральном регламенте содержалось указание на необходимость составления отдельных росписей законченных и

незаконченных дел, копии которых (реестр) президент коллегии должен был “держатъ на столе, дабы непрестанно в памяти было”

Систематизация “вершенных” (законченных производством) и “невершенных” дел связывалась с процессом их производства. Все документы по одному вопросу образовывали одно дело в соответствии с вопросом-предметным признаком, хотя не исключались и другие критерии (так, в особую группу выделялись и формировались в хронологическом порядке входящие документы, полученные от царя и Сената). К регламенту прилагался особый список — “толкование иностранных речей, которые в сем регламенте”

Таким образом, Генеральный регламент касается только организации делопроизводственного процесса в рамках новой, коллегиальной системы управления государством.

Мы считаем необходимым сделать акцент на том, что первоначальный проект Генерального регламента был составлен Генрихом Фиком, который, в свою очередь, использовал шведский источник “О порядке в канцеляриях” от 22 сентября 1661 г. и заимствовал отсюда нормы для установления бюрократических канцелярских порядков в русских учреждениях⁴⁶.

Почему же некоторые исследователи практически однозначно связывают с датой издания Генерального регламента возникновение в России архивного дела? Очевидно, они исходят из того, что именно в этом документе было впервые введено понятие “архив” (“архива”), а лица, заведующие ими, названы *архивариусами*. Правда, строго говоря, эти термины появились ранее: так, по Регламенту об учреждении Сената (1711) при нем предусматривалась должность *архивариуса*, и уже в 1720 г. архивариусу сенатскому предписывалось “исправлять возложенное на него дело по регламенту, без всякого упущения” Но действительно, только в Генеральном регламенте архивам отведена небольшая, но четкая по формулировкам глава, которая, судя по сохранившимся черновым редакциям с “А” до “М”, разрабатывалась, как и весь регламент, очень тщательно.

Окончательный номер и последнюю редакцию глава “О архивах” приобрела после правок, внесенных рукой обер-секретаря Сената Анисима Щукина и сенатского секретаря Позднякова по резолюциям членов Правительствующего Сената и лично Петра: “Исправить”.

Вот ее содержание: “Книги, документы, дела, учиненные регистратуры, когда оные три года в Канцелярии и в Конторе лежали, потом в Архив с роспискою Архивариусу отдаются, токмо из того изъяты суть особливые уставы, регламенты и все

те документы и книги, которые в Коллегиях и Канцеляриях и Конторах для справки, и правила их всегда при них имеют быть. И дабы Коллегия и их Канцелярия знать могли, куда и в который Архив им вышеупомянутые письма надлежит отдавать: того ради повелевает Его Царское Величество иметь два Архива, один всем делам всех Коллегий, которые не касаются приходу и расходу, быть под надзором Иностранных дел Коллегии, а которые касаются приходу и расходу, тем быть под надзором Ревизион-Коллегии”

Таким образом, почти на целое столетие раньше, чем во всей Западной Европе, в Генеральном регламенте Петра I был декларирован принцип централизации в хранении архивного материала: для всех коллегий и подведомственных им канцелярий и контор, для чего предусматривалось учреждение только двух архивов, хотя этот принцип остался только на бумаге.

Как отмечал В.Н. Самошенко, “укрупнение ведомственных архивов и создание 12 коллегий вместо многочисленных приказов с нечеткими функциями способствовало более компактному отложению однородных или близких по своему характеру фондов”⁴⁷. Однако речь идет именно о вновь образуемых фондах, а не об архивах.

А вот “великий процесс переселения архивов” из приказов в коллегии, из Москвы в Петербург, из ведомства в ведомство оказался во многом губительным для “старых” дел.

Не случайно именно с петровскими преобразованиями связывал И.Л. Маяковский начало того “длительного хаоса, который наступил в архивном деле”⁴⁸. Выражаясь современным языком, в процессе слома старой системы аппарата управления государством был разрушен и весь пласт фондов, отложившийся во времена Московской Руси в ходе естественно-исторического процесса. Понимание этого придет только на следующем этапе развития архивного дела, когда, как писал И.Л. Маяковский в 1918 г., “мы являемся свидетелями и даже участниками того момента, когда этот процесс уже изжил себя, и наши архивы, наконец, нашли себе места, отысканные им по строго научным принципам”⁴⁹.

В данном случае речь идет о том колоссальном влиянии, которое имеют смена парадигмальной установки архивоведения, переход от прагматического, донаучного периода к новому пониманию “самодовлеющей” (И.Л. Маяковский) сущности архивов, на архивное дело. Ведь, с точки зрения Маяковского, антинаучная, точнее — вненаучная, деятельность Петра, направленная на формальную рационализацию архивной работы, привела к более страшным и протяженным по времени разрушениям архивов, чем смягченные Союзом российских ар-

живных деятелей и энтузиастами-краеведами на местах последствия слома госаппарата в 1917 г.

Более наглядно глубинный смысл положений регламента по отношению к архивам проявился в том, что архивариус имеет некий, не определенный в регламенте, виртуальный статус. Четко, постатейно в нем определены роль и место всех канцелярских работников коллегии: секретаря, нотариуса, переводчика, актуариуса, регистратора, канцеляристов, копиистов и даже “молодых людей для обучения при канцелярии” И только архивариусу предписывается в главе “О архивах” всего-навсего принимать под расписку все то, что сочтут нужным отдать ему канцелярии и конторы, и отдавать им их назад для справок по первому же требованию. В развитие положений Генерального регламента Петром Великим были изданы многие дополнительные постановления по архивной части, включая регламентацию ведения и сохранения документов. В самом деле, как указывал Маяковский, все функции архивных служащих сводились к двум: надзирание и охранение за документами и выдача справок. При этом основное внимание уделялось карательной системе воспитания должного радения в службе у архивистов. Они ставились в положение более чем униженное. Так, для устранения нерадивости, считавшейся основной причиной медленности и неуспешности работ по выдаче справок, были введены различные системы записей, ведомостей и отчетов, в соответствии с которыми принимались меры сурово-репрессивного характера. Повытчику надлежало следить, чтобы подчиненные ему служащие “не скучали за описью”, но в то же время он должен был наказывать тех, у кого в ходе работы (а ее продолжительность была установлена до 15 часов!) “завсегда бывает шум и непринадлежащие до архива речи употребляют, когда им должно упражняться в делах” С другой стороны, сами сановные заказчики не слишком, мягко говоря, уважительно относились к труду архивистов. Например, когда при возведении Шуваловых в графское достоинство понадобилось разыскать в Разрядном архиве их родословную, то последовало распоряжение: пока родословная не будет разыскана, “канцелярских служащих держать под караулом, без выпуска” Иногда караул усиливался заковыванием в “железо” Более того, сами служащие изначально подозревались в возможности злоупотреблений и поэтому вахмистру (сторожу) вменялось в обязанность следить за служащими при выходе из архива, “не имеют ли они при себе каких архивских дел” В архивариусы требовалось “выбирать людей трезвого жития и неподозрительных, в пороках и иных пристрастиях не замеченных” Как видим, о необходимых профессиональных качествах речи не велось. “Естественно, — резюмирует

Маяковский, — что при таких односторонних мерах качественный уровень служащих не повышался и наиболее важный результат их архивных работ — описи — отличались крупными недостатками. На смену тщательности и сравнительной подробности и точности московских описей пришли торопливость, небрежность и неопределенность”⁵⁰.

Подытожим сказанное.

Генеральный регламент был направлен прежде всего на введение правил, определяющих именно делопроизводительную деятельность новых учреждений — Сената и коллегий, причем архивная работа рассматривалась как составная, но явно третьестепенная часть делопроизводительного процесса.

Вся система регистрации документов, составление к ним алфавитов (реестров личных имен и дел) были прямо и непосредственно направлены только на организацию справочной работы по документам.

Документы должны были поступать в архив уже учтенными (для этого составлялись реестры законченных дел с пронумерованными в них листами), систематизированными и в сопровождении алфавитных указателей, хотя это требование ведомствами, занимавшими более высокое иерархическое положение по сравнению с архивной частью, на практике не выполнялось.

Неразрывная “канцелярская” связь, которую устанавливал регламент между текущим делопроизводством и архивами, исключала постановку вопроса о необходимости проведения специальных описательных работ в архивах в интересах научного использования документальных материалов. Даже формально продекларированный в Генеральном регламенте принцип централизованного управления всеми архивными процессами (в частности, установление единого порядка учета документальных материалов в текущем делопроизводстве и в архиве) в последующем не был реализован.

Архивы создавались и жили преимущественно по внутриведомственным правилам.

Таким образом, с объективно-исторической точки зрения не представляется оправданным связывать дату рождения российских архивов ни со временем издания первых архивных регламентов в 1711–1712 гг. (как делалось в начале 60-х годов XX в. некоторыми исследователями и руководителями архивного дела: Г.А. Беловым, В.А. Кондратьевым, И.С. Фесуненко), ни с годом издания Генерального регламента (как это предложили в 1994 г. В.В. Цаплин и Е.А. Тюрина).

Аналогичное возражение вызывает и попытка связать генезис отечественных архивов и начало архивного строитель-

ва в России на научной основе временем издания Петром I других регламентов, указов и аналогичных документов. С 1917 г. и вплоть до конца 30-х годов считалось, что начало архивному делу в России положило образование в 1724 г. архива Адмиралтейств-коллегии, поскольку он стал первым доступным для исследователей русским архивом. Но любое произвольное обособление только одного из внешних признаков в комплексе предикатов, определяющих сущность многозначного денотата, противоречит как логике, так и исторической правде.

На наш взгляд, наиболее точную итоговую оценку последствиям архивных преобразований при Петре I дал И.Л. Маяковский, всегда в своем анализе исходивший из представления о “самодовлеющем” значении архивов и необходимости научного обоснования любых реформ в этой области: “Воззрения Петра на московскую старину... неизбежно обрекали многие архивные документы, бывшие дотоле действующим справочным материалом, на отмирание... Трудно было найти прежним архивам место в общей государственной постройке еще и потому, что развивающееся интенсивное делопроизводство новых учреждений быстро отлагало и новые мощные напластования документов, постепенно вытеснявшие из поля зрения преобразователя старые архивные отложения. Все эти условия и предопределили тот длительный хаос, который наступил в архивном деле в петровское время. Архивы московских учреждений были приведены в состояние непрерывного брожения, и внутри них самих, и по отношению друг к другу стала происходить спорадическая перегруппировка, архивные фонды противостоительно то сливались, то разъединялись, архивы переводились из Москвы в Петербург и обратно, замыслы централизации всех архивов в проектированных регламентом двух главных архивах сменялись почти такой же множественностью ведомственных архивов, какие существовали и раньше, слияние старых архивов с новыми происходило рядом с резким их обособлением вплоть до распределения их по разным столицам. Этот длительный процесс хаотических передвижений и перегруппировок был настолько бурным, стремительным, что приобретенная им, так сказать, инерция движения проявлялась время от времени и тогда, когда, много времени спустя после Петра, на смену ей уже шла инерция покоя, мертвенности и запустения — эпоха министерств”⁵¹.

Методологически важным для нашего исследования является указание Маяковского на то, что регламент представлял собой разительный пример пагубности расхождения теории и практики, “в результате чего многие мероприятия оставались

лишь на бумаге и вскоре забывались” В то же время Маяковский ни в коем случае не склонен огульно отрицать положительные стороны петровских реформ, или, по его терминологии, “здоровых по своему замыслу” идей. Первое место он отводит идее централизации архивов и их частичной концентрации, хотя, как обоснованно замечает Маяковский, “само собой разумеется, что эта концентрация производилась большей частью случайно, вне зависимости от того исторического происхождения дел, которое, по современным нам понятиям, превращает их в определенный фонд, имеющий право на вполне определенное место и в определенном архиве”⁵².

Отметим в этой связи важное значение брошенных как бы вскользь слов о праве архивного фонда. Здесь, на наш взгляд, уже намечен путь к преодолению бесправия архивов, пониманию их самоценности, чего невозможно достигнуть, не преодолев узкие рамки эмпирического периода развития науки об архивах.

Анализ негативной стороны воздействий архивных преобразований Петра, предпринятых без достаточной научной подготовки, был бы неполный, если бы мы не рассмотрели еще одну мифологему. Академик В.С. Иконников сформулировал ее так: «Наконец, при нем [при Петре I] были сделаны первые распоряжения о собрании древних рукописей, редких книг и документов из монастырей и церквей, на основании которых (в указе от 20 дек. 1720 г.) губернаторам и вице-губернаторам предписывалось “во всех монастырях, епархиях и соборах прежние жалованные грамоты и другие куриозные письма оригинальные, такожде и исторические рукописные книги пересмотреть и переписать... и те переписные книги прислать в Сенат”. Затем в феврале 1722 г. повторено было: “из всех епархий и монастырей, где о чем по описям курьезные, т. е. древних лет рукописные на хартиях и бумаге церковные и гражданские летописцы, степенные, хронографы и прочие им подобные, где где таковых обретается, — взять в Москву, в Синод, и для известия оные списать и те списки оставить в библиотеке” С этой целью от Синода посланы были нарочные лица, а епархиальным и монастырским властям заявлялось, чтобы “оне те куриозные книги объявили без всякой утайки, понеже те книги *токо списаны будут, а подлинные возвращены будут им по-прежнему*”⁵³.

Справедливости ради, надо указать, что сам Иконников, хотя и относил эту инициативу Петра к числу его научных стремлений, отмечал, что попытка Петра создать своего рода кунсткамеру для курьезных документов древней письменности не привела ни к каким результатам: “Ни уверения грозного ца-

ря, ни благие намерения не могли подвинуть на дело их владельцев... Весьма немногие из них прислали до 40 книг, большею частью духовного содержания или житий, в числе которых как бы случайно попались четыре хронографа и четыре летописца. Уже по смерти Петра Великого Сенат сделал запрос Синоду (в 1727 г.) о положении этого дела, который ни к чему, однако, не привел”⁵⁴.

Таким образом, миф о Петре I как основателе отечественного архивного дела можно считать необоснованным. Он продолжил эмпирический период развития архивного дела, не подведя под него научного обоснования.

Дополняя историко-генетический анализ доксикографическим, мы должны указать на малоизученный аспект значения Генерального регламента, который состоит в том, что он в целом дал возможность талантливым личностям проявить себя даже в такой “непрестижной” области, как архивистика. Ярчайшим примером такой судьбы являются жизнь и труды незаслуженно забытого архивного деятеля, жившего в Петровскую и Екатерининскую эпохи, *Михаила Григорьевича Собакина* (1720–1773) – поэта, сенатора и начальника Московского архива Коллегии иностранных дел.

М.Г. Собакин происходил из древнего боярского рода. В XVI–XVII вв. многие представители рода Собакиных были боярами, окольничими, возглавляли приказы. После окончания Сухопутного шляхетного корпуса он был направлен в армию поручиком.

Переломным в судьбе М.Г. Собакина стал февраль 1744 г., когда Коллегия иностранных дел приняла “рассуждение об архиве, в котором дела и по ныне не токмо еще не описаны, но порядочно не разобраны, а дело сие весьма нужное”, причем здесь же упоминается особо “старый архив”, под которым подразумевались документы, относившиеся к периоду до 1700 г.⁵⁵ В результате этого “рассуждения” ассессор публичной экспедиции Коллегии иностранных дел М.Г. Собакин был назначен “главным при архиве той Коллегии старом и новом, в котором находятся дела, происшедшие от давних лет с иностранными областями”⁵⁶. М.Г. Собакину вместе с назначенными в архив канцелярскими служителями поручалось разбирать и описывать хранившиеся в архиве и вновь поступавшие дела, “дабы сие дело, то есть архив, в надлежащую исправность как возможно скорее привести”

Отметим, что в существующей архивоведческой литературе неправомерно большое, на наш взгляд, значение отводится более ранней инструкции, отписанной 24 марта 1720 г. канцлером Г.И. Головкиным архивариусу Алексею Почайнову и в со-

ответствии с которой ему надлежало разобрать документальные материалы по государствам, т. е. так, как эти материалы хранились в Архиве Посольского приказа, затем описывать их с указанием инвентарных номеров и, наконец, сложить для хранения в виде дел в шкафах (текст инструкции и ее оценку приводит Е.В. Старостин в главе “Происхождение фондового принципа классификации документов”)⁵⁷.

Дело в том, что Собакин в одном из первых своих доношений, датированном 28 февраля 1744 г., резко раскритиковал систематизацию дел, произведенную Почайновым. Он указал на путаницу, вызванную предпринятым Почайновым делением всей министерской корреспонденции по алфавиту: по первой букве фамилий корреспондента и адресата. При этом письмо, например, Куракина, находившегося в Голландии, князю Долгорукому во Францию помещалось под буквой “К”, ответ на это письмо Долгорукова — под буквой “Д”, а письмо князя Куракина на ту же тему к князю Головкину — на букву “Г”. Собакин потребовал, чтобы все письма, касающиеся одного вопроса, были объединены в одно дело. Он руководствовался полученными для себя лично более поздними указаниями, которые хотя и подтверждали инструкцию 1720 г., но рекомендовали “сверх оной ему ассессору обо всем, что до лучшего и скорейшего исправления того дела касаются и принадлежит, и каким образом разбор тех дел по дворам удобнее производить, сочинить изъяснение или проект обстоятельной инструкции о всем архиве и оный к апробации представить без умедления”⁵⁸.

С июля 1745 г. Собакин был неоднократно отзывается в Санкт-Петербург, и в это время его замещал ассесор У. Иванов. В мае 1760 г. Собакин вновь возглавил Московский архив Коллегии иностранных дел (МАКИД) на постоянной основе и пребывал в этой должности до 1772 г. В конце жизни он был тайным советником и сенатором (кажется, это первый случай такой бурной карьеры архивного деятеля. Другие примеры — сенатор А.Ф. Малиновский и, наконец, сенатор и академик Н.В. Калачов. Кажется, на этом список сенаторов-архивистов прерывается).

Умер М.Г. Собакин в 1773 г., не пережив опалы — за год до этого Екатерина II уволила его в отставку за то, что, будучи товарищем московского генерал-губернатора, он испугался чумы и не принял надлежащих мер⁵⁹.

Главной заслугой М.Г. Собакина является составление проекта описания документального материала МАКИД в целях обеспечения его лучшего использования для научных и практических нужд. Проект развернутого плана организации документов МАКИД был им составлен в середине 40-х годов, ут-

вержден коллегией в 1759 г. и направлен в архив для использования в практической работе. Его детальное изложение и анализ плана содержатся в указанном выше монографическом исследовании Г.А. Дреминой и А.В. Чернова (с. 38–48). Мы же ограничимся только определением его роли и места в становлении науки об архивах.

Основное внимание в проекте плана уделялось классификации и систематизации документальных материалов в соответствии с принципом их деления на “старые” и “новые” дела, а затем по иностранным дворам.

В отношении “старых” дел Собакин выступил за необходимость сохранить исторически сложившиеся группы документальных материалов (например, “дела малороссийские”, “дела новгородского приказу четверти”, “дела княжества Смоленского” и пр.). Для более детальной группировки материалов он рекомендовал пользоваться признаками, которые затем получили название номинальных, предметных, корреспондентских, хронологических.

Каждая обособленная в соответствии с предложенной схемой классификации группа дел должна была помещаться в особом, помеченном литерой, шкафу, поскольку Собакин подчеркивал неудобство их хранения в сундуках и ларях. После этих улучшений, писал Собакин, “прииск дел будет столь же легок и весел, сколь ныне тяжел и досаден”

Проанализировав описи, в том числе и оставшиеся еще со времен Посольского приказа, он пришел к обоснованному выводу о крайнем их несовершенстве. Прежде всего записи не соответствуют действительности: дела, упоминавшиеся в старых описях, не указаны в более поздних, а части дел, перечисленных в описях, вообще нет в наличии. Кроме того, “после описей поныне неописанные в сумятице дела без призрения оставлены были, и многие совсем погнотены, а у множайших начал и концов нет...” Внушала ему сомнение и достоверность описей, так как они не скреплены и “разными писаны руками” Он предложил составить шкафные (носившие систематический характер) описи, а также генеральную опись архива, “дабы в предбудущие годы и по нас люди, растеряв и не брежа дела, такую же не могли извиниться как до ныне оговоркою”

Важное историческое значение имело выдвинутое им требование уважать права архивов. Так, отмечая полную недопустимость требования выдавать “дела кусками в разные места” и осуждая частое невозвращение дел, Собакин рекомендовал на место взятых дел и документов класть записку о том, куда дело отправлено, когда и по какому указу, “ежели из стола

вынуто, то в это место положить такую же записку, и будет не надолго требование, а не возвращается долго, о том можно упомянуться, когда же дело назад придет”

М.Г. Собакин, к сожалению, оказался одним из первых архивистов, кто столкнулся с невозможностью реализовать свой четко составленный план из-за отсутствия квалифицированных кадров и денежных средств: “Наибольшая трудность поныне состояла и еще состоит в людях... кто стар, кто дряхл, кто порочен или не делен, а наконец, кому и на ум никогда не прихаживало при архиве труды свои показать, те однако все же наперед сего к архиву, как к тихому пристанищу, усердное имели прибежище, в твердой надежде, что конца тому делу по смерть их или выпуск оттуда никогда не будет”⁶⁰. Он также один из первых в отечественном архивном деле начал систематически обращаться к высокопоставленным чиновникам с разъяснением важного государственного значения архивов: “Совсем видится было бы излишне в пространное здесь вступать рассуждение, как о нужде и потребности, так и о важности и пользе того, чтобы государственной Коллегии иностранных дел архив приведен и всегда содержан был в изрядном порядке... Но в каком и поныне состоянии один из тех архивов, о которых слово идет, находится, без жалости показать не можно. Однако же, *нужно для возбуждения ревности тех, от кого дело зависит*, дабы поправлено, сохранено и в надлежащий порядок приведено было *погибающее сокровище, которое ни за какие миллионы нигде достать будет не можно*” (выделено нами. — Т. X.)⁶¹. К сожалению, именно эта сторона деятельности Собакина осталась неизученной.

Только Ф.А. Бюлер в исследовании “Московский главный архив и его прежние посетители” отмечал, что “когда резиденция была перемещена в Петербург, то из оставшихся в Москве свитков, столбцов и дел Посольских и иных приказов образовался новый в России архив, который по справедливости можно также назвать дедушкой всех русских архивов. Императрица Екатерина II, ознакомившись понаслышке с состоянием сего архива, которым в начале ее царствования заведовал сенатор и член Коллегии иностранных дел Собакин, потребовала к себе на прочтение некоторые документы и, желая иметь Историю России, признала этот архив за настоящую руду драгоценнейших в сем отношении материалов”⁶².

Нужно сказать, что именно благодаря усилиям Собакина, Екатерина II выделила средства для покупки в интересах архивохранилища дом генерал-аншефа кн. А.М. Голицына в Москве (угол Колпачного и Хохловского переулков, “близ Ивановского монастыря”).

С нашей точки зрения, за уважительное отношение к “старым” делам и максимально возможное в условиях XVIII в. учитывание их сложившейся (фондовой) структуры М.Г. Собакин заслуживает почетное место в истории создания научной основы архивоведения. К сожалению, в настоящее время его имя мало известно даже специалистам. Непосредственные преемники на посту управляющего, который по указу Екатерины заняли одновременно три архивиста: М.Н. Соколовский, Н.Н. Бантыш-Каменский и И.М. Стриттер — явились прямыми продолжателями начинаний Собакина, хотя и не внесли по сравнению с ним ничего принципиально нового в архивоведение как науку.

Одним из крупнейших и наиболее типичных для эмпирического архивоведения деятелей является *Николай Николаевич Бантыш-Каменский* (1737—1814).

Жизни и трудам Н.Н. Бантыш-Каменского посвящена значительная по объему литература⁶³, но тем не менее его место и роль как *архивного деятеля* определены, с нашей точки зрения, недостаточно четко.

Над исследователями как будто довлеет высказанная в начале прошлого века оценка В.С. Иконникова, который категорично утверждал, что “со времен назначения архивариусом Алексея Почайнова в 1720 году... до назначения директором архива историографа Миллера (1766) все это были лица, не заслуживающие упоминания” При этом, по его мнению, “сначала деятельность Миллера была стеснена зависимостью от начальника московской коллегии иностранных дел тайного советника Собакина, но, по выходе последнего, он сделался самостоятельным”⁶⁴. После такой оценки уже не приходится удивляться тому, что заслугу в покупке нового здания для архива он относит целиком и полностью к Миллеру, а Бантыш-Каменский, Стриттер и Соколовский, по его мнению, всего лишь помощники Миллера.

Показательно в этом смысле, что Бантыш-Каменский лишь дважды, и то весьма вскользь, упоминается на страницах исследования А.Б. Каменского “Архивное дело в России XVIII века: историко-культурный аспект” (на с. 42 — как один из авторов проектов систематизации документов вместе с именами Г.Ф. Миллера и М.М. Алопеуса и на с. 50 — как заверитель внутренних описей документов фонда канцелярии МАКИД). Между тем образованнейший архивист своего времени Н.Н. Бантыш-Каменский был представителем того редкого в донаучный период развития архивного дела сословия профессионалов, принципиально не допускавших даже мысли о каком-нибудь “насилии” над сложившимися исторически архив-

ными фондами. Он — родоначальник новой дисциплины (мы бы предложили термин “архивография”), которая требовала скрупулезного и полистного описания каждого документа и составления подробных описей по библиотечному принципу.

Уже сам перечень его титулов, званий и профессий впечатляет. Н.Н. Бантыш-Каменский — историк, археограф, архивист, библиограф, писатель. Почетный член Императорской Академии наук, член Императорского общества испытателей природы, действительный член Московского общества истории и древностей российских. Посвятил архивной службе 52 года жизни, из них более 30 (с 1783 по 1814 г.) — в должности управляющего Московского архива Коллегии иностранных дел.

Родился в г. Нежин Черниговской губернии. Отец его Николай Константинович Бантыш, волошский (молдавский) дворянин, после Прутского похода 1711 г. “по отбытию светлейшего волошского господаря князя Дмитрия Кантемира в Россию, претерпев многие беды и разорения от турков, принужден был выехать в Россию” Мать — Анна Степановна Зертис-Каменская, дочь переводчика гетмана Ивана Мазепы, родная сестра московского архиепископа Амвросия. Первоначальное образование Н.Н. Бантыш-Каменский получил в Нежинской греческой школе и в Киевско-Могилянской академии (1745—1754).

После переезда в Москву в 1754 г. по рекомендации архиепископа Амвросия был определен в Заиконоспасское училище при Московской духовной академии. Одновременно посещал Московский университет, где слушал лекции по предметам, которые не входили в учебную программу Московской духовной академии. Блестяще владел латинским и французским, а также древнееврейским, греческим, немецким, итальянским языками. В качестве полиглота был приглашен канцлером гр. Н.И. Воронцовым на дипломатическую службу, но предпочел работу архивариуса (актуариуса), поступив в 1763 г. на службу в Московский архив Коллегии иностранных дел. Его служба началась во время переезда архива в старинное каменное здание, купленное казной специально для архива у генерал-аншефа А.М. Голицына.

Начиная с 1765 г. Бантыш-Каменский как ученый работал под непосредственным руководством академика Г.Ф. Миллера. В начальный период своей научной деятельности он опубликовал исторические исследования, в частности “Историческое описание о времени царствования и о форме титулов царевны Софии Алексеевны” (1766), “Кто из великих князей начал писаться Государем всея России и с которого времени?” Но затем начиная с 1769 г. всю последующую жизнь целиком посвящает составлению описей, обзоров, справочников и биб-

лиографических описаний хранящегося в МАКИД материала. Эта работа нашла частичное отражение в фундаментальном архивном справочнике “Алфавит всем входящим и исходящим делам архива с 1720 по 1811 г.”, который представляет собой 94 книги-реестры архивных дел. В 70-х годах он составил “Реестр историческим и церемониальным делам”, хранящимся в архиве, а также “Реестр европейским и азиатским правящим дворам и их послам в России с наидревнейших времен” В 80-х годах подготовил и издал “Дипломатическое собрание дел между российскими и польскими дворами, с самого оных начала по 1700 г.” (в 5 т.), “Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами, с 1619 по 1792 год” (в 2 т.), “Историческое известие о возникшей в Польше унии, с показанием начала и важнейших, в продолжении оной через века, приключений, паче же о бывшем от римлян и униатов на благочестивых тамошних жителей гонению”, “Реестр и описание малороссийских и татарских дел” и много других трудов.

По свидетельству современников, “такой многоопытный человек, как начальник министерского Архива иностранных дел Н.Н. Бантыш-Каменский, стал неоспоримо важнейшим пособником в великом для той эпохи историческом труде Карамзина, скажем прямо — настоящим его благодетелем, уже и тем одним, что сообщил ему неизданную доньше опись архивским делам”⁶⁵.

Составленные Бантыш-Каменским описи до сих пор помогают архивистам и исследователям ориентироваться в документальных фондах коллежского архива, отложившихся в РГАДА. С 1811 г. он руководил созданной им же Комиссией печатания государственных грамот и договоров при МАКИД.

К концу жизни почти оглох, стал плохо видеть и страдал от болезней, приобретенных вследствие многочасовой непрерывной работы в полуподвальных тесных помещениях, плохо освещенных и заваленных кипами старых бумажных связок и свитков. Здесь он по просьбам исследователей вел поиски документов о самых различных областях знаний и разных исторических эпохах. Его бесценную помощь получили Н.И. Новиков при составлении биографий для “Опыта исторического словаря о русских писателях” и “Древней российской Вивлиофики”, А. Щекатов и Л.М. Максимович для географических словарей, Ф.О. Туманский и И.И. Голиков при написании работ о Петре I.

Впоследствии А.С. Пушкин работал над обширной коллекцией документов по пугачевскому движению, которую Бантыш-Каменский “приватно”, т. е. без официального на то соизволения, собрал в 1773–1775 гг. в подземельях своей “архи-

вы” и сохранил для потомков. Благодаря его усилиям архив был организованно эвакуирован из Москвы накануне вступления в столицу французских войск в 1812 г. и тем самым спасен от разграбления и гибели во время московских пожаров. Затем Бантыш-Каменский лично возглавлял работы по реэвакуации архива в Москву, где у него в период сопровождения архивов и их хранения в эвакуации сгорел собственный дом вместе с богатейшей личной библиотекой, а также 18 портфелей рукописей — плод полувековой работы. Некоторое время жить ему пришлось в казенном флигеле МАКИД.

Тем не менее уже в июне 1813 г. он по поручению графа Н.П. Румянцева завершает подготовку материалов для I тома “Собрания государственных грамот и договоров”. После его выхода в свет Бантыш-Каменский писал графу: “Бессмертную Ваше Сиятельство сделали Отечеству услугу, даровав свет только лет лежавшим в пыли и забвении бесценным российским древностям!”

Эту оценку едва ли не с большим основанием можно сегодня обратить и самому Бантыш-Каменскому. Прекрасно изданные четыре тома “Собрания...”, in folio, содержащие около тысячи исторических актов русской истории начиная с 1265 по 1696 г., являются одним из важнейших источников исторической науки. Кроме того, он принимал активное участие в издании собственных переводов учебных пособий для духовных училищ по латинской, французской и еврейской грамматике, а также переводов учебников по риторике, философии, истории и т. п. Большинство археографических работ самого Бантыш-Каменского, несмотря на их важное значение, были опубликованы только во второй половине XIX — начале XX в. Так произошло, в частности, с его капитальным исследованием в 4 томах “Обзор внешних сношений России”, который содержит краткое аннотированное описание документов о внешнеполитической деятельности России с западноевропейскими государствами с 1481 по 1802 г.⁶⁶

С 1799 г. Бантыш-Каменский — действительный статский советник. За архивную, археографическую и издательскую деятельность он был награжден орденами св. Иоанна Иерусалимского (1800), св. Владимира 3-й степени (1802), св. Анны 1-й степени (1808) и другими знаками отличия Российского государства.

Вместе с М.Г. Собакиным, относившимся с огромным уважением к отложившимся в архивах массивам документов, Н.Н. Бантыш-Каменского можно по праву считать одним из духовных предшественников основателя науки об архивах Николая Васильевича Калачова, который не просто чтит его па-

мать и называл “наиболее трудолюбивым архивистом из всех служивших в архиве КИД ученых и любителей древностей”, но и ставил в пример своим сотрудникам его описи как “замечательные по своей тщательности и верности”⁶⁷.

Гораздо более звание помощника Миллера заслуживает упоминающийся в истории отечественного архивного дела *Иван Михайлович Стриттер (Stritter Johann Gotthelf)* (1740—1801).

Приведем в доказательство нашего тезиса отдельные факты, свидетельствующие о его роли и месте в архивном деле России.

Иван Михайлович Стриттер (Штриттер) — историк, почетный член Санкт-Петербургской Академии наук (1787). В Россию приглашен из Германии в 1766 г. Был корректором Петербургской академической гимназии и адъюнктом в Академии наук. 1 октября 1778 г. именным указом его перевели в Москву в помощь к академику Г.Ф. Миллеру в Московский архив Коллегии иностранных дел в чине коллежского асессора. Здесь участвовал в составлении по указаниям Миллера “описи печатным книгам и манускриптам, до Российской и соседственных государств истории касающимся” После смерти Г.Ф. Миллера в 1783 г. получил чин надворного советника и по именному указу вместе с М.Н. Соколовским и Н.Н. Бантыш-Каменским возглавил архив.

В 1797 г. — статский советник. В 1800 г. вышел в отставку по болезни. Основные труды Стриттера издавались на латыни, на русском языке выходили их сокращенные варианты. В 1783 г. по заказу Комиссии об учреждении народных училищ начал писать курс “История Российского государства” Изложение успел довести до 1599 г. На русский язык были переведены и изданы в Санкт-Петербурге в 1800—1802 гг. только три части, содержащие сведения по истории России с древнейших времен до 1462 г. По оценке К.Н. Бестужева-Рюмина, книга представляет собой “скучную и сухую компиляцию, любопытную более по замечаниям на нее Екатерины”⁶⁸.

Менее заметной и самостоятельной фигурой, даже по сравнению со Стриттером, не говоря уже о Бантыш-Каменском и Миллере, был почти не упоминаемый в современной архивоведческой литературе *Мартын Никифорович Соколовский* (?—1799) — переводчик и архивист.

Родом малороссиянин, “слободских полков мещанский сын” Преподавал французский язык в гимназии Московского университета. В 1762 г. определен переводчиком “порутчицкого ранга” в МАКИД. В 1765 г. его “смотрению” поручена библиотека архива и разбор столбцов европейских дворов, с

1770 г. — смотритель Трактадной палаты. В 1779 г. Соколовский — секретарь архива. В 1783 г. по завещательной рекомендации Г.Ф. Миллера именным указом назначается вместе с Н.Н. Бантыш-Каменским и И.Г. Стриттером управляющим архивом. С 1799 г. — действительный статский советник⁶⁹.

Итак, как показывают приведенные нами сведения, ни Собакин, ни Бантыш-Каменский не вышли за пределы эмпирического архивоведения.

По мнению большинства авторов, особенно историков и историографов исторической науки, именно *Герард Фридрих (Федор Иванович) Миллер* (1705—1783) открыл принципиально новую главу в истории российского архивного дела. Попробуем разобраться в этом детальнее.

Для начала приведем лишь необходимые для доксикографического анализа сведения из богатой литературы о нем⁷⁰. Г.Ф. Миллер родился в 1705 г. в Вестфалии в семье ректора гимназии. Посещал Лейпцигский университет. В молодости принадлежал к категории студентов, которые, по словам Шлецера, полагали, что нигде нельзя легче сделать счастье, чем в России. В Россию приехал 20-летним юношей, недоучившись в университете, в 1725 г. был определен в только что основанную Академию наук. П.П. Пекарский в своей “Истории Императорской академии наук в Петербурге” приводит важное признание из автобиографических записей Миллера, которые ускользнули из поля зрения позднейших исследователей, но очень важны для оценки уровня архивоведческих знаний Миллера: “Я более прилежал к сведениям, требуемым от *библиотекаря*, рассчитывая сделаться зятем Шумахера (Шумахер И.Д. — советник и глава библиотеки АН. — Т. Х.) и *наследником его должности*”⁷¹ (здесь и выше выделено нами. — Т. Х.)... И лишь когда у него исчезла надежда сделаться его зятем, он счел нужным продолжить другой, ученый, путь.

Поддерживаемый на первых порах влиятельным Шумахером, Миллер первые годы после приезда преподавал латинский язык, историю и географию в академической гимназии, вел протоколы академических заседаний и канцелярии. В 1728 г. он начинает издание “Примечаний к Санкт-Петербургским Ведомостям” — первого русского литературного и научно-популярного журнала, рассчитанного на широкий круг читателей. Здесь были напечатаны стихотворные сочинения Ломоносова и Тредиаковского, статьи Татищева и самого Миллера, а также работы самых разных авторов по математике, химии, физике, философии и т. п. “Примечания...” выходили в течение почти 15 лет, их издание было прекращено только в 1742 г., но в том же XVIII столетии они еще трижды переиздавались. В 1731 г.

Миллер получил звание профессора, с 1732 г. начал выпускать сборник статей о России: “*Sammlung Russisher Geschichte*” (1732–1765, 9 т.). По существу, это был первый русский исторический журнал, хотя он издавался на немецком языке — в XVIII в. немецкий язык знали практически все образованные русские люди. Именно на его страницах Миллер не только поместил ряд собственных сочинений, но и осуществил первую публикацию летописных текстов.

В ходе второй камчатской экспедиции Витуса Беринга Миллер объездил почти все главные населенные пункты западной и восточной Сибири (Березов, Усть-Каменогорск, Нерчинск, Якутск и др.). Десятилетнее (1733–1743) пребывание в Сибири было расценено потомками как своего рода научный подвиг. Оно обогатило Миллера массой ценных сведений по этнографии и местной археологии. Не случайно Миллер стал одним из героев романтической поэмы К.Ф. Рылеева “Войнаровский”

Особенно важна была вывезенная ученым громадная коллекция архивных документов; сам он использовал для написанной им “Истории Сибири” только небольшую часть их. До сих пор они сохраняют свою историческую ценность для самых разных научных дисциплин. Это же относится и к другим результатам первой в истории отечественной науки археографической экспедиции. Именно во время экспедиции в Сибирь Миллер открыл для науки делопроизводственные источники.

Как установили современные исследователи его наследия С.С. Илизаров и А.Б. Каменский⁷², Миллер в ряде работ, в частности в “Опыте новейшей истории о России” (1761), которая рассматривалась им как продолжение “Истории Российской” Татищева, впервые в исторической науке употребил термин “источник”. Но именно рационально-потребительское отношение к вырванным из естественной среды обитания документам как к “сырью” для дальнейших историографических исследований и сформировало его архивоведческие взгляды. Научные материалы, привезенные Миллером из Сибири, могли бы полностью обеспечить ему безбедное существование на его родине, в Германии, или в любой другой европейской стране. Однако он принял другое решение: по возвращении в Петербург в 1748 г. стал русским подданным. В 1749 г. Миллер выступил в академии с речью “Происхождение народа и имени российского”. Некоторые академики, в том числе М.В. Ломоносов и С.П. Крашенинников, сочли эту “скаредную диссертацию предосудительной для России”. Миллер обвинялся в том, что “во всей речи ни одного случая не показал к славе российского народа, но только упомянул о том больше, что к бесславию слу-

жить может” Нетерпимость, с какой была встречена теория скандинавского происхождения варягов — основателей русского государства (“норманнская теория”), в значительной степени объяснялась тогдашними политическими отношениями России со Швецией. Напечатанный текст речи был сожжен, и его публикация состоялась только в 1768 г. в “Allgemeine historische Bibliothek” (т. IV под заглавием: “Origines Rossicae”).

Ко второй половине 1740-х годов относится и знаменитый конфликт Миллера с П.Н. Крекшиным, который, как пишет А.Л. Шапиро, “хотя и успешно собирал исторические источники, был малограмотным историком и непорядочным человеком”⁷³. Суть конфликта заключалась в том, что Крекшин представил в Сенат “Родословие великих князей, царей и императоров”, доказывая, что Романовы происходят непосредственно от Рюриковичей и выводятся не то от Романа Васильевича Ярославского, не то от Романа Ростиславовича Смоленского, которого, по словам В.Н. Татищева, Крекшин спутал с Романом Мстиславовичем Галицким. Отрицание этой галиматии (по выражению А.Л. Шапиро) со стороны Миллера побудило Крекшина подать на него донос с обвинением “в собирательстве хулы на русских князей” Опасность обвинения состояла в том, что Миллер действительно собрал коллекцию выписок из летописей и древних исторических сочинений, которые предоставлял в пользование Крекшину. Сенат и академия несколько месяцев занимались разбором “дела Миллера” В 1750 г. академические разногласия отозвались на Миллере разжалованием его из академиков в адъюнкты и понижением жалованья с 1000 до 360 р. в год. Но М.В. Ломоносов, выступавший в других случаях непримиримым противником Миллера, в данном споре выступил в его защиту. Он дал отрицательный отзыв на “мнение господина Крекшина”, признав необоснованными попытки доказать происхождение Романовых от Рюриковичей. Дело против Миллера было прекращено⁷⁴.

Тем не менее историку был нанесен ощутимый удар, от которого он в полной мере не оправился до конца жизни. В последующей ожесточенной полемике с Ломоносовым по “варяжскому вопросу” Миллер сформулировал свое кредо ученого, в соответствии с которым историком может быть только человек без отечества, без веры и без государя⁷⁵. Такая формулировка была неприемлема для русских ученых того времени, хотя, с нашей точки зрения, Миллер в данном случае выступал как объективный ученый, твердо отстаивая критерии научности, а не “полезности” исторического знания. При этом его личное отношение к России было таким, что даже Шлецер, отнюдь не питавший к Миллеру дружеских чувств, вынужден

был назвать его “горячим патриотом в отношении достоинства России” Впрочем, вскоре неудовольствие властей предержавших с него было снято.

С 1754 г. в звании конференц-секретаря академии Миллер вел обширную переписку с иностранными учеными, приглашал профессоров для работы в Московском университете. В 1755–1765 гг. он редактировал “Ежемесячные Сочинения, к пользе и увеселению служащие” – первое периодическое научно-литературное издание на русском языке. В нем участвовали В.Н. Татищев, М.В. Ломоносов, А.П. Сумароков, В.К. Тредиаковский и другие виднейшие представители науки и культуры того времени, а также публиковались первые русские переводы Вольтера, сочинения ранних английских просветителей, излагались теории К. Линнея и фон Юсти. Сам Миллер на страницах журнала помещает призывы писать правдивую историю России (статьи “Сумнительства, касающиеся до Российской истории”, “Предложения как исправить погрешности, находящиеся в иностранных писателях, писавших о Российском государстве”).

1 января 1765 г. указом Екатерины II Миллер был назначен главным надзирателем московского Воспитательного дома с оставлением при Российской академии наук в звании историографа. В решении уехать из Петербурга немаловажным обстоятельством было стремление использовать богатства находящихся в Москве крупнейших архивных собраний того времени. Так, еще в 1746 г. в отвергнутом академическим начальством проекте создания исторического департамента Академии наук он писал: “Весьма бы полезно было, чтоб историографу со своею экспедициею жить в Москве, ибо сей город за центр всего государства почесть можно, где всякие известия способнее и скорее получены быть могут, таже и в рассуждении того, что тамошние архивы... историограф сам пересматривать имеет...”

Попав в Москву, Миллер почти сразу же начал хлопотать о переводе в Архив Коллегии иностранных дел, хотя должность, на которую он мог рассчитывать, была явно ниже занимаемой им при Воспитательном доме.

9 января 1766 г. он направил вице-канцлеру князю А.М. Голицыну письмо, которое имеет важнейшее значение для оценки самого коллежского советника Миллера как личности и как архивиста. Мы считаем целесообразным привести его дословно (в литературе оно цитируется в отрывках). Текст приводится по документу, который хранится в РГАДА:

“1766. Его сиятельству вице-канцлеру князю Голицыну Александру Михайловичу от коллежского советника Миллера из Москвы от 9 генваря 1766 года:

Принося нижайшую благодарность Вашему Сиятельству за продолжение Вашей ко мне милости, оказанной в письме Вашем от 29-го декабря, я буду ответствовать точным и подробным образом на предложенные мне вопросы, прося только Ваше Сиятельство не скучить, если ответ мой будет немного долог. Если я соглашусь принять на себя должность смотреть над архивами, то конечно не для того, чтобы я хотел более жалованья, нежели теперь получаю, и не для получения ранга. Я весьма доволен своим счастьем. Я никогда не искал наружной отмены, стремясь единственно только оказать услуги Империи, которой я служу уже более сорока лет. Во-первых, я старался привести в совершенство Российскую Историю, которую, хотя мне довольно было оставить, однако я, оставя оную с великим сожалением, лхусь опять войти в сие дело и трудиться также для Академии, от которой я получу пенсiон, если буду употреблен к архивам. Пусть Коллегия определит мне жалованье, сколько она рассудит за благо по моим заслугам. Я с благодарностью буду доволен всем, что мне определено будет от столь просвещенных и благодетельных министров. Как господину Собакину препоручены дела коллегий в Москве, то я почти себе за честь трудиться под его дирекцию. Знание его и опыты будут мне предводительствовать к лучшему исполнению моей должности... Не зная еще, в каком состоянии находятся теперь архивы, я не могу ничего сказать, каким образом их привести в порядок, но хочу представить Вашему Сиятельству мое мнение, каков сей порядок быть должен.

Можно считать архивные пиесы под двумя видами и разделить их на два класса.

Первый класс содержать будет пиесы, кои не имеют более никакого сопряжения с теперешними делами, но кои служат к познанию истории, географии и дают сведения о состоянии наук, художеств, законов, нравов, коммерции, мануфактур, земных продуктов и проч.

Второй класс будет содержать пиесы, кои касаются особенно до Министерства, кои могут быть сопряжены во всякое время с государственными делами, как внутренними, так и внешними, и быть потребными в негоциациях с Главными дворами в Европе.

Сие распределение классов может быть положено основанием архивного порядка, но оно только подлежит до одного основания, сверх же того потребно другое, которое я различу по подписям. Я уже означил подпись первого класса, кои суть: история, география, науки и художества, законы и нравы, коммерция, земные продукты.

Подпись второго класса суть трактаты союзные, мирные, пограничные, субсидные, коммерческие, письма царей Российских к разным Дворам, письма к ним от помянутых Дворов, представления чужестранных Министров, ответы и внушения, учиненные сим министрам, инструкции, повеления, рескрипты, данные и посланные к российским Министрам, резидирующим при Дворах чужестранных,

рапорты и реляции сих Министров, дела партикулярных людей, и проч.

Дела и негоциации каждого государства, каждого Двора, каждого министра должны быть положены вместе. Одни только негоциации, продолжаемые многими министрами, практикующие об одной материи, в коих многие Дворы были интересованы, сии только одни, я бы исключил из вышеупомянутого распределения.

Сей архивный порядок можно назвать систематическим.

Остается другой, хронологический, по которому можно разучредить пиесы, принадлежащие к одному делу, следуя их числам. Если же число не поставлено, можно искать по истории...

По приведению Архивы в порядок можно учинить каталог, так полный, чтоб не было в нем пропущено ни малейшего листочка... Сей каталог будет служить более росписью для тех, кто в Архиве после нас будут, нежели реестром для скорого приискания нужных пиес.

Можно оные находить весьма легко, если Архива будет разобрана по классам, подписям и годам.

Представляя себя к сему распределению и к учинению каталога, я обещаюсь хранить тайну всяким образом ненарушимо.

Я не сообщу никому ничего без точного повеления моих Главных.

Буду также наблюдать, чтоб архивы были всегда в том порядке.

Буду предлагать Коллегии, естли что по моему мнению должно быть опубликовано для чести нации, для совершенства истории и наставления тех, кто в дела вникают...

...Коллегия соблаговолит дать мне в помощь двух или трех молодых людей, кои бы хорошо знали свой язык и были бы искусны в чужестранных языках. Я могу через них оставить потомству знания, приобретенные мною в России.

Что надлежит до исправления двух должностей, о чем Ваше Сиятельство приказали мне доложить Вам, надобно признаться, что один человек не может обнять их пространства. Я говорил в прежнем моем письме только об одном генеральном надсмотрщике Воспитательного дома, которое я могу исправлять в случае, если Его Превосходительство Иван Иванович Бецкий не захочет меня отрешить совсем от оной должности. Но необходимо должен быть другой, который входил бы в подробности, касающиеся до экономии, до строения, до подрядчиков, до щетов и денежных расходов. Сии вещи не могут быть исправляемы ни с какою другою должностю. Они занимают и требуют особливо-го на то человека. Я знаю, сколько я мало способен к таким делам, потому что они против моей склонности. К сему месту потребен человек проворный, знающий в том обходиться и бескорыстный, каких в Петербурге найти не трудно. Можно дать ему то жалованье, которое я получаю от Воспитательного дома, потому что я буду иметь оное от Коллегии.

Буду просить только, чтоб в уважение моих трудов позволено мне было жить в Воспитательном доме с топкою и содержанием тепе-решним. Я не найду, может быть, дома ближе к Архивам, как тот, в котором я теперь живу.

Однако как бы то ни было, я буду доволен всем тем, что будет мне назначено и определено.

Уверен, что через милость и великодушное снисхождение Вашего Сиятельства дело кончится к моему удовольствию.

Имею честь быть..."⁷⁶ и т. д.

Как указывал В.Н. Автократов, цитируя деловую часть письма Миллера почти полностью⁷⁷, примечателен тот факт, что Миллер, еще не приступив к работе в МАКИД, уже ясно представлял основания будущей работы. С нашей точки зрения, этот факт не просто примечателен. Он характерен для историографа, который рассматривает архивы лишь как своеобразную библиотеку, содержащую нужные для него источники. Поэтому, как мы предполагаем, современный историк отечественной культуры XVIII столетия А.Б. Каменский, посвятивший ряд работ Г.Ф. Миллеру, преувеличивает его компетентность в архивных делах, особенно когда заявляет, что в архивном деле Миллер был, безусловно, компетентнее Собакина и тем более "некоего коллежского советника Мальцова, который непосредственно управлял архивом и делить свою власть с Миллером вовсе не собирался" К сожалению, А.Б. Каменский не обосновывает свою точку зрения соответствующими источниками. Если же это взято из свидетельств самого Миллера, то нельзя не учитывать того, что, как пишет А.Б. Каменский в работе "Г.-Ф. Миллер и архивное дело в России XVIII века", "сам Миллер был самолюбив, самоуверен и... считал, что лучше других разбирается в том, что и как следует делать в архивах"⁷⁸.

Однако, признавая право А.Б. Каменского давать высокую оценку архивным знаниям Миллера, мы позволим себе выразить сомнение в том, что на такую оценку может претендовать человек, пишущий программу полного преобразования архива, в котором он еще даже не работал. Показательно, что Миллер с весьма солидной долей самоуверенности именно так и обосновывает свое предложение услуг князю Голицыну: "Не зная еще, в каком состоянии находятся теперь архивы... хочу представить Вашему Сиятельству мое мнение, какой сей порядок быть должен"

С нашей точки зрения, прав был В.Н. Самошенко, который, отмечая умозрительность плана Миллера ("они... соответствовали планам К. Линнея"), в то же время считал, что

в вопросах классификации архивных документов и организации системы их хранения Миллер сыграл отрицательную роль⁷⁹.

Мы полагаем, что иначе и быть не могло, если схема составляет априори, без учета конкретных условий и опыта предшественников. Но умело составленное Миллером письмо, видимо, понравилось Голицыну своей педантичностью и решительным тоном. Во всяком случае, буквально через два месяца, в конце марта 1766 г. желание Миллера было удовлетворено: именным указом ему повелевалось находиться при архиве коллегии “для разбору и описи дел”

Работать Миллер начал сразу же, не желая “время проводить втуне”, настолько активно, что ему подчас приходилось преодолевать “жестокую болезнь в голове, для которой... из ноги кровь пустил” Действительно, он не мог быть доволен состоянием архива, в котором еще ни один документ не был, с его точки зрения, изучен, а прямое начальство из Московской канцелярии Коллегии иностранных дел считало, что все “челобитческие дела” следует уничтожить, так как “тех людей и в живых нет и по челобитью их тогда же решение чинено”

В то же время он не без удивления обнаружил, что его идея деления архива на два класса уже применена в архиве, поскольку он “как бы на два департамента разделен”, причем это разделение сохранялось вплоть до конца деятельности Миллера. Детально проанализировав содержание плана Миллера и результаты его реализации на практике, Г.А. Дремина имела все основания суммировать их следующим образом: «Из этого плана следует, что автор подходил к организации документальных материалов архива крайне формально, учитывая номинальные признаки документов, их внешние особенности, а не происхождение документов. Прежде всего, нельзя согласиться с делением материалов архива Миллером на “общие государственные” и “частные государственные”, так как сама терминология искусственная и непонятная... Во-вторых, нельзя признать правильным деление Миллером документальных материалов на “грамоты”, “министерские дела” и т. п. В результате исторически сложившиеся комплексы материалов по сношениям с отдельными государствами были разрушены. В целом можно сказать, что план Миллера является образцом того, как нельзя систематизировать материалы любого архива. По сравнению с планом Собакина Миллер сделал шаг назад в организации архива. Он разрушил архивные фонды, исторически сложившиеся уже в деятельности Посольского приказа и сохраненные Собакиным». И далее: “не Собакин, а Миллер начал

создавать архивные коллекции по формальным признакам” и, наконец, к великому сожалению, “план Миллера не остался на бумаге, а был проведен в жизнь”⁸⁰.

С нашей точки зрения, эти документально подтвержденные выводы современного специалиста-архивоведа убедительно разрушают утверждения ученых — от В.С. Иконникова до А.Б. Каменского — о “некомпетентности” всех архивистов, кроме Миллера. Еще более важно, что они подтверждают невозможность⁸¹ придумать оптимальную схему систематизации архива на эмпирической, т. е. вненаучной, основе, без учета его организической целостности.

Важную роль в укреплении репутации Миллера как ведущего русского историографа сыграл интерес Екатерины II к русской истории. По ее заказу он написал “Известия о дворянах российских” (1766), причем сразу на русском языке (обычно он писал на родном ему немецком, а потом сам редактировал русский перевод с немецкого оригинала).

Известный английский историк и путешественник Уильям Кокс, произведения которого были популярны в России в конце XVIII в., так отзывался о Миллере после личного знакомства с ним: “Миллер говорит и пишет свободно по-немецки, по-русски, по-французски, по-латыни и свободно читает по-английски, по-голландски, по-шведски, по-датски и по-гречески. Он обладает до сих пор изумительной памятью, и его знакомство с самыми малейшими подробностями русской истории прямо поразительно... Я имел удовольствие провести несколько часов в его библиотеке, в которой собраны чуть ли не все сочинения о России, вышедшие на европейских языках... Его собрание государственных актов и рукописей неоценимо и хранится в величайшем порядке”⁸².

Кокс пишет о Миллере, которому исполнилось уже 74 года — возраст преклонный, особенно по тем временам. Тем не менее только за год до этого Миллер предпринял путешествие по городам русской губернии, в результате которого появились исторические очерки о Коломне, Можайске, Рузе, Звенигороде, Дмитрове, Саввино-Сторожевском монастыре, Троице-Сергиевой лавре и Переславле-Залесском.

Ряд неизданных и неизученных документов и трудов Миллера хранится в его личном архиве. Этот архив — одна из богатейших и известнейших коллекций документов, которую незадолго до смерти он продал государству вместе с библиотекой. Указом Екатерины II их велено было хранить в архиве коллегии, куда они поступили после кончины ученого. Так образовался фонд РГАДА “Рукописный отдел библиотеки МГАМИД”, более известный как “портфели Миллера”.

В начале 30-х годов XIX в. документы фонда Миллера, относившиеся к Академии наук, были отправлены в Петербург, в академический архив. Материалы “портфелей”, оставшиеся в МГАМИД, были описаны в 40–50-х годах XIX в. Этими описями (в машинописных копиях) пользуются исследователи и сегодня. Как истинный архивист Миллер хранил всякую, даже совсем бесполезную, на первый взгляд, бумажку, в результате чего в его “портфелях” можно найти сведения едва ли не по любому вопросу, связанному с прошлым России.

Автор нескольких десятков трудов по истории России, ученый с мировой славой Миллер не нашёл состояния, не был отмечен чинами и наградами. Лишь за два месяца до смерти историк, находившийся на русской службе около 60 лет, получил чин статского советника и орден св. Владимира 3-й и 1-й степеней. Ровно за месяц до кончины он написал своего рода завещание “Представление в рассуждении архива к его сиятельству графу Остерману”, в котором просит поручить совместное директорство архивом своим ближайшим сотрудникам и помощникам Н.Н. Бантыш-Каменскому, И.Г. Стриттеру и М.Н. Соколовскому.

Объективно-историческая оценка вклада Г.-Ф. Миллера в архивное дело, на наш взгляд, должна учитывать как его достоинства, так и недостатки. Умозрительный план переустройства архива официального царского историографа Миллера был вполне характерен для библиографического подхода к организации архивных материалов. Эти недостатки и увидели первые исследователи. Так, Л.И. Шохин опубликовал резкий отзыв о системе Миллера, который в 1845 г. направил Д.Н. Блудову директор МГАМИД М.А. Оболенский, под началом которого начинал свою архивную деятельность Калачов: “Вашему сиятельству известно, как много навредила немецкая система Миллера Московскому главному архиву. Рассортировав по своей теоретической системе акты, он сбил естественное расположение их по приказам, столам, повывьям и т. д. От этого часто не знаешь, где чего искать должно и каким образом известный акт мог попасть в наш архив. Это затруднение чувствовал и наш бессмертный Карамзин”⁸³. В.Н. Автократов справедливо считал библиографический подход Миллера к архивным комплексам отражением рационалистического мировоззрения, характерного для просвещенных людей XVIII в. Отсюда их страсть — весь мир, включая все живое и неживое, разложить по полочкам, подчинить умозрительной схеме. Такая парадигма научного знания создавала не порядок, а иллюзию порядка, не знание, а иллюзию знания.

В уже цитированной работе “Из истории формирования классификационных представлений в архивоведении XIX – начала XX в.”, впервые опубликованной в “Археографическом ежегоднике за 1981 г.”, В.Н. Автократов имел все основания назвать подход Г.-Ф. Миллера и Н.Н. Бантыш-Каменского библиографическим и пояснял это тем, что “каждый документ рассматривался как самостоятельный объект, равный в классификационном отношении отдельной книге... В результате здесь сформировалась коллекционная система (она сохранилась до сих пор), заменившая историческую фондовую систему”⁸⁴. И далее он приводит справедливую критику, с которой выступил в 1864 г. директор МГАМИД М.А. Оболенский по отношению к миллеровской систематизации дел Посольского приказа.

По словам Оболенского, Миллер, “пожертвовав для *произвольной своей системы* древним нашим административным разделением дел по приказам, смешал все эти дела и все бумаги их вместе и потом *самовластно* разделил и раздробил их на особые рубрики под названием разных небывалых в древнем нашем производстве подразделений дел: исторических, церемониальных, тайных, весьма тайных и множества других и т. п. За таким произвольным смешением и разделением почти всех документов затрачивается громадное количество труда на восстановление всего этого в необходимый, *естественный* (здесь и выше выделено нами. – Т. Х.) порядок, в каком хранились дела в архиве Посольского приказа, разделенные по приказам, по четям, по повытьям и по столам”⁸⁵.

Правда, наш анализ показывает, что В.Н. Автократов не совсем прав, безоговорочно объединив имена Миллера и Бантыш-Каменского, как одинаково виновных за негативные последствия “немецкой” систематизации архивных дел.

Скрупулезные описания Бантыш-Каменского помогли сохранить следы прежнего устройства архива, в определенной степени самортизировали разрушительные последствия миллеровской схемы, смягчили ее схоластичность и нежизненность. Единственным исследователем, который первый отметил принципиальную разницу между подходами к архивам Бантыш-Каменского и Миллера, был, по нашим наблюдениям, профессор Петербургской духовной академии историограф Михаил Осипович Коялович (1828–1891). Он указывал: “Еще до назначения в Москву Миллера, т. е. до 1765 г., там выступил на великую, с лишком полувековую (1762–1814 гг.) работу по русской истории необыкновенный труженик Н.Н. Бантыш-Каменский... Миллер, перейдя в Москву, конечно, сразу увидел, какого неоцененного помощника нашел он в Бантыш-Каменском, который с того времени и расширил круг своих заня-

тий, но зато и выносил на своих плечах всю тяжелую работу по приведению архива в порядок и по разным официальным запросам. Лучшие русские люди скоро заметили Бантыш-Каменского и сблизились с ним, такие, как Щербатов, Мусин-Пушкин и потом Румянцев. Бантыш-Каменский сильно передвинул центр тяжести в нашей науке — передвинул от вопроса о русских древностях в область достоверных, богатых русских источников — актов. Он изменил направление Миллера, давно склонного к этому переходу... Бантыш-Каменский своими занятиями вдвинул Миллера в самую середину русской исторической жизни — в документальные богатства московского единогодержавия”⁸⁶. Эта мысль настолько важна для Кояловича, что спустя несколько страниц он еще более усиливает ее: “Мы знаем, что в Москве еще в конце XVIII века началась сильная разработка Московского главного архива и что она, между прочим, передвинула центр тяжести в русской истории от древностей к московскому единомудержавию, и что Карамзин последовал этому направлению. Нам тоже известно, что, кроме *главного в этом направлении* (выделено нами. — Т. Х.) Бантыш-Каменского, много помогал усилению того же направления старый делец Миллер, но нам тоже известно, что, как иностранец, он направлял это изучение Московского единогодержавия на окраины Московского государства, на иноземные его сношения!”⁸⁷.

В споре о вкладе этих архивистов в архивное дело России наиболее близка к истине, по нашему мнению, Г.А. Дремина. Применив сравнительно-исторический метод, она так подытожила итоги архивного дела в XVIII столетии: «С середины XVIII в. известны попытки установления единой системы организации документальных материалов архива... Так, например, если М.Г. Собакин стремился сохранить существовавшее в архиве хранение материалов по государствам и хронологическому признаку, то его преемник Миллер ввел совершенно иную “систему” организации материалов, разделив их по формальным признакам и разрушив в основном то, что существовало в архиве до Миллера. В схеме Бантыш-Каменского нашли себе место, в разной степени, и старые способы хранения документальных материалов, и план Собакина, и план Миллера и других. В результате всех указанных организаций и реорганизаций в архиве сложилась к концу XVIII в. весьма сложная и *искусственно созданная* (выделено нами. — Т. Х.) система размещения, обработки и хранения документальных материалов, превратившая фонды Посольского приказа, Коллегии иностранных дел, ее конторы и других учреждений в многочисленные архивные коллекции, сохранившиеся до нашего времени»⁸⁸.

В рамках нашего исследования представляется важным отметить принципиальные различия в оценке роли и места в архивном деле Собакина и Бантыш-Каменского, с одной стороны, и Миллера — с другой. Если следовать известной классификации С.В. Рождественского, которую он обосновал в статье “Историк—археограф—архивист” (1923), то Собакин был архивистом и археографом (точнее, архивографом, т. е. составителем архивных описей), Бантыш-Каменский — археографом (составителем архивных описаний и обзоров, а также публикатором архивных материалов) и историком, а Миллер — архивистом-библиотекарем и историком-исследователем. Напомним, что, по наблюдению Рождественского, “в XVIII веке каждый *историк* являлся, если можно так выразиться, своим собственным археографом, проделывая *в своих личных интересах* (выделено нами. — Т. Х.) ту работу по систематическому собиранию и опубликованию материала, на которую должно было опираться его изложение”⁸⁹. Естественно, что в рамках эмпирического архивоведения архивы представляли собой *объект* воздействия, их самоценность не принималась во внимание. Но все дело было в акцентах, т. е. в степени уважения к исторически сложившимся органическим “сгусткам” внутри архивных комплексов. Архивисты и архивографы приоритет отдавали их более или менее осознаваемой и потому неприкасаемой целостности. Примером такой деятельности может служить бережное отношение к архивным документам, которое проявлял заведующий Сенатским архивом **Платон Иванович Баранов** (1827–1884).

Он представляет собой фигуру архивиста “переходного периода” — в архивный обиход еще не вошла провозглашенная Калачовым наука об архивах, а в практике новые принципы обращения с документальными массивами в архивохранилищах уже пробивали свою дорогу. Поскольку его имя почти забыто в современном отечественном архивоведении, приведем некоторые выявленные нами данные (мы используем в основном “Памятную книжку Сенатского архива”, составленную инспектором архива, будущим активным участником Союза российских архивных деятелей И.А. Блиновым и магистром русской истории архивариусом М.В. Клочковым⁹⁰).

П.И. Баранов окончил училище правоведения. С 1865 г. до последних дней жизни, т. е. около 20 лет, он состоял заведующим (директором) Сенатского архива. Он хорошо понимал высокое государственное и научное значение архивов. В своих служебных записках министру юстиции Баранов называл архивы отечественными сокровищами, в которых хранится “сырой, но драгоценный материал, без которого немислимы верные очертания исторических эпох”.

«При строгой последовательности бытовых явлений в известные периоды жизни народной, — писал он в предисловии к первому тому своей трехтомной описи “Архив Правительствующего Сената”, — всякий архив, кроме интереса историко-прагматического, непременно заключает в себе множество данных для уяснения прошлого, последствия которого отражаются в настоящем и сознаются живущим поколением»⁹¹.

Во время работы в Сенатском архиве Баранов, по его собственным словам, преследовал две главные цели: привести в известность и строгий порядок документы и бумаги, хранящиеся в архиве; издавать описи и тексты важнейших документов к общему сведению.

В течение первых пяти-шести лет с момента вступления Баранова в заведование архивом работа в нем состояла в наведении элементарного порядка: подборе дел по учреждениям, в размещении их по отдельным группам, в хронологическом порядке, в подсчете и нумерации дел и связок, в наклейке надписей, указывающих учреждение и время нахождения документов и дел в данном месте. При этом из груды дел, которые без разбору ставились на первое свободное место и даже сваливались на пол, он сумел воссоздать целостные фонды делопроизводства 23 учреждений и расположить их “в естественной связи”. Он отверг какие бы то ни было поползновения к дроблению документов по тематическому признаку.

Эта черновая работа была закончена только в начале 1872 г. Вторую задачу Баранов видел в печатании описей и сборников документов и бумаг, особенно высочайших указов и повелений, которые не вошли в Полное собрание законов. Итогом усилий Баранова явилось издание первого тома “Описи”, охватившего время царствования Петра I и вышедшего в свет в 1872 г., второй том (с 1725 по 1749) был издан в 1875 г., третий (с 1749 по 1762) — в 1878 г. Затем он начал подготовку издания документов периода царствования Екатерины II и Павла I. Они увидели свет после кончины Баранова в сборнике под названием “Сенатский Архив”, но уже не в виде описи, а в виде полного текста самих документов.

Еще одним примером подобного рода понимания сути архивной работы может служить деятельность непосредственного предшественника Н.В. Калачова на посту управляющего МАМЮ *Петра Ивановича Иванова* (1794–1864).

Деятельность его подробно описана в работе Л.И. Шохина “Московский архив Министерства Юстиции и русская историческая наука”⁹².

П.И. Иванов учился в Московском университете, служил в Департаменте уделов, был помощником управляющего мос-

ковской удельной конторой (1828), членом вотчинного департамента (1833), председателем московской комиссии по составлению свода запрещений и разрешений на имения (1839) и чиновником за обер-прокурорским столом.

В 1835 г. он как член вотчинного департамента вошел в состав комитета, которому поручено было сделать московские сенатские архивы доступными для пользования, для чего требовалось составить подробные их описания, распределить документы по их значению.

Комитет существовал до 1842 г., но выполнил лишь незначительную часть своей задачи. Обязанности по продолжению работы принял на себя П.И. Иванов, занявший вновь учрежденную должность инспектора московских сенатских архивов (1842–1852).

В 1852 г., после объединения архивов в Московский архив Министерства юстиции, его назначили управляющим. Труды Иванова имели в свое время большое значение: в них помещались неизданные архивные материалы, и они впервые знакомили с историей архивов. К подобного рода работам можно отнести его “Описание государственного разрядного архива” (М., 1842); “Путеводитель по государственным архивам, состоящим в правительственном сенате в Москве” (М., 1845); “Описание государственного архива старых дел” (М., 1851).

Обширный архивный материал содержится также в таких трудах Иванова, как: “Систематическое обозрение поместных прав и обязанностей, в России существовавших” (М., 1836); “Обозрение писцовых книг по Московской губернии” (М., 1840); “Опыт исторического исследования о межевании земель в России” (М., 1846); “Сборник палеографических снимков” (М., 1844); “Сборник снимков с древних печатей” (М., 1858).

Ему же принадлежит редактирование и других научных изданий московских архивов: “Описание первой степени архива вотчинного департамента” (М., 1839); “Обозрение писцовых книг по Новгороду и Пскову” (М., 1841); “Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Министерства юстиции с обозначением служебной деятельности каждого лица” (М., 1853).

Подытоживая оценки деятельности Иванова и его “переходной” роли от эмпирического архивоведения к традиционному, приведем мнение знатока истории архивов дореволюционной России В.В. Шереметевского: «Директор Иванов, по свидетельству архивных старожилов, держал себя настоящим “генералом” Николаевского времени: он не только наваливал на подчиненных массу внеслужебной казенной работы и, же-

лая поставить их в полную от себя зависимость, пытался оценивать их занятия “по трудам и заслугам”, т. е. по усмотрению начальства, но и вмешивался в их личную жизнь — считая, со своей точки зрения старого холостяка, брак “баловством”, не позволял иным жениться... По отзывам архивных старожилов, подтверждаемым и официальными данными отчетов о необыкновенной спешности и в то же время успешности археографических предприятий Иванова, директор “обращал внимание больше на количество работы, чем на ее качество, он зорко следил за тем, чтобы каждый чиновник написал наибольшее количество листов описей, чтобы и он мог возможно большее же количество показать в своих отчетах Министерству юстиции”». И далее: «иной канцелярист, получив на дом для переписки к следующему дню груды несчитанных отрезков алфавита и, отчаявшись в успешном окончании такого египетского “плинфodelания”, кривил душой и спускал половину алфавита в какое-нибудь неподобающее место». Таким образом, указывал Шереметевский, хотя “Иванову нельзя ставить в вину ненаучность его воззрений на организацию столов Разряда, но и в то время специалист по этому архивному отделу должен был бы лучше знать номенклатуру разрядных городов и не повторять ошибок своего первоисточника”⁹³.

Как свидетельствуют приведенные данные, архивисты в начале и середине XIX в. выполняли в архиве в основном археографические задачи. На очереди встало решение проблемы теоретического осмысления различий между археографическим и собственно архивоведческим направлениями в работе архивиста. В то же время высокопоставленные чиновники и историографы, придерживавшиеся “миллеровского” направления, считали возможным дробить материалы в зависимости от интересов пользователя.

Ярчайшим примером в этом смысле может служить деятельность забытого в наши дни директора Государственного архива МИД* (с 1864 г. — Государственный и Санкт-Петербургский Главный архив Министерства иностранных дел) *Константина Константиновича Злобина* (1814—1877).

Как пишет П.П. Пекарский (1827—1872), работавший в Госархиве МИД с 1862 г., К.К. Злобин «неустанно говорил о распределении всех дел на разряды и составлении алфавитного указания имен... Я ужаснулся громадности работы, которой Злобин даже не подозревал... В архиве в иных описях под буквой “Р” стояло до 20 книг под заглавием “Разные дела” Все

* В современной литературе он часто именуется Государственным архивом Российской империи.

это зависело от того, как Бог на душу положит... Начальник Госархива МИД Поленов для казового конца наскоро отобрал по несколько бумаг, разбил их на множество нелепых разрядов (между ними был “О награждении чиновников знаками отличий”), собрал также далеко не все, впрочем, письма и бумаги царской фамилии, и все это торжественно сложил в так наз. Секретное помещение... Здесь-то вместе со знаменитым донесе нераспечатанным делом о декабристах и разными конвертами под государевой печатью очутились, по милости Поленова, и ведомости полковые, отчеты о постройке кораблей и разная иная дребедень... [Злобин] непременно хотел раскладывать дела на множество мелких разделов, а мне желательно было расположить бумаги по царствованиям. Мои представления не имели успеха, потому что Злобин, раз забрав себе что-нибудь в голову, не уступал уже ни перед какими доводами. Вследствие этого ныне в Государственном архиве 28 разрядов, из которых более чем половина покажутся очень смешными и ненужными для будущих архивистов и исследователей. По милости этого деления у нас теперь имеются отделы: бумаги, касающиеся до лиц Императорской фамилии, письма высочайших особ между собою, переписка высочайших особ с частными лицами. Есть разряд дел секретных по государственным преступлениям, бумаг Тайной канцелярии и, наконец, дел просто секретных, в последнем отделе довольно поспешно поставлены рядом дела о петербургских б[...] времен Елизаветы и переписка о масонах. Честь такого курьезного соединения всецело принадлежит Злобину, и все мои представления о бессмыслице от подобных сопоставлений остались тщетными. Не могу также пройти молчанием еще одного забавного распоряжения Злобина: он лично ненавидел Сперанского по каким-то отношениям его к отцу своему... и поэтому бумаги о Сперанском, не имеющие никакого уголовного характера, он с особенным злорадством положил в разряд дел о государственных преступниках и торжественно заявил о том мне»⁹⁴.

Приведем очерк о жизни и деятельности еще одного полновластного “хозяина” архивов эмпирического периода развития архивоведения, о котором практически ничего не говорится в современной истории архивного дела в России. Между тем в нем весьма оригинально сочетаются черты образованного человека александровской эпохи и высокопоставленного чиновника-бюрократа позднейшего времени. Он был, если можно так выразиться, “идеологом” архивного дела при Николае I и Александре II. Речь идет о графе *Дмитрии Николаевиче Блудове* (1785–1864)⁹⁵.

Д.Н. Блудов происходил из старинного дворянского рода. В 1800 г. он поступил на службу под начальство Н.Н. Бантыш-Каменского в Московский архив Коллегии иностранных дел, где вращался среди “архивных юношей”, спасавшихся от военной службы. Из них Блудов особенно близко сошелся с А.Я. Дашковым, через которого познакомился и впоследствии подружился с В.А. Жуковским. По восшествии на престол императора Александра I Блудов перешел на службу в Петербург, в Коллегию иностранных дел. Позднее он занимал дипломатические должности в Стокгольме и в Лондоне. После возвращения из Англии Блудов занялся переводом и изданием “Документов для истории дипломатических сношений России с западными державами 1814–1822 годов” Ему пришлось разрабатывать русскую дипломатическую терминологию.

В юности он принимал живое участие в литературном движении начала XIX в. Знаменитый “Арзамас” получил свое название от сатирической статьи Блудова “Видение в Арзамасе” Почти все главные художественные произведения той эпохи читались в доме Блудова еще в рукописях. П.В. Вяземский в своем послании так приветствует Блудова: “Ты друг и брат певца Людмилы, ты другом был Карамзина” Во имя этой старой дружбы Блудов издал последний, неоконченный том “Истории...” Карамзина и заведовал изданием посмертных стихотворений Жуковского.

В 1825 г. император Николай I, по рекомендации Карамзина, назначил Блудова делопроизводителем верховной следственной комиссии по делу 14 декабря. По окончании дела о декабристах Блудов стал статс-секретарем и товарищем министра народного просвещения. В 1827 г. им был составлен указ о непринятии детей крепостных крестьян в учебные заведения. С 1832 г. он управлял Министерством внутренних дел, в 1837 г. его назначили министром юстиции, в 1839 г. — главноуправляющим II отделения Собственной Его Величества канцелярии, членом Государственного совета и председателем Департамента законов. В 1842 г. Блудову пожаловали графское достоинство. Под его редакцией II отделение выпустило два издания Свода законов (1842 и 1857 гг.). В 1845 г. было обнародовано составленное II отделением “Уложение о наказаниях” В 1861–1862 гг. Блудов председательствовал в Государственном совете и Комитете министров.

По поручению императора Николая I он разрабатывал некоторые архивные документы, но сам оставил лишь несколько исторических заметок и брошюру “Последние часы жизни императора Николая I” Тем не менее современники считали его своеобразным главным консультантом Николая I по архивной части.

Блудов был создателем в Петербурге Государственного архива Российской империи. Но, как писал Маяковский, “хотя эпоха Николая I и считается обыкновенно одним из лучших времен развития археологии и археографии, тем не менее именно его категорически выраженная воля вдохновила все ведомства на ревностное уничтожение архивных материалов”⁹⁶.

Кстати, отмеченное автором противоречие мнимое — археология и археография, с нашей точки зрения, должны рассматриваться (и рассматриваются сегодня) как самостоятельные отрасли деятельности ученых и коллекционеров. Но в целом мысль Маяковского понятна и ясна.

Проиллюстрируем ее одним примером, относящимся непосредственно к деятельности графа Блудова как архивного консультанта Николая I.

Когда при постройке для Сената и Синода нового здания было решено переместить часть Сенатского архива и Архива старых дел в новое помещение, архивисты сразу определили, что объем места для их размещения недостаточен. Тогда Николай отдал распоряжение, чтобы часть документов старого Архива “перевезти в Москву для присоединения к Архиву старых дел, там находящемуся, из Сенатского архива некоторые секретные дела по принадлежности передать в Архив иностранной коллегии и затем из числа обыкновенных дел Сенатского архива те, кои теперь уже не заключают в себе никакой ценности и ненужны для будущего времени, можно по строгому разбору уничтожить” Комментируя это распоряжение “верховой власти”, Маяковский пишет, что “согласование действий при осуществлении этой серьезной меры установлено не было, и каждое министерство, по собственному усмотрению, не направляемое и не сдерживаемое никаким общим законом, вырабатывало свои инструкции и приводило их в исполнение”⁹⁷. При этом разрозненные и несогласованные мероприятия отдельных министерств, которые ярко выявились при Блудове, дополнялись, как саркастически отмечает Маяковский, “естественной чиновничьей психологией”, а именно: “Видя, что из всех сторон архивной действительности лишь одна сторона обращает на себя внимание правительства и поощряется им... разборка и уничтожение дел, архивные чиновники проявляли в этой области максимум соревнования и усердия, достойных лучшего применения”⁹⁸.

При этом Блудов — как личность и как гражданин — оставался человеком просвещенным. Все дело заключалось в том, что по отношению к архивам он проявлял себя прежде всего исполнительным чиновником.

Когда при Александре II было разрешено начать рассекречивание некоторых архивных документов, считавшихся ранее государственной тайной и включавших материалы о выступлениях против царизма, Блудов помог профессору А.Н. Попову издать сборник документальных материалов о Степане Разине. Он также руководил подготовкой и изданием четырехтомника “Дворцовые разряды” (СПб., 1850—1855). В 1855 г. он был назначен президентом Российской академии наук и сохранил эту должность до самой смерти.

Так, в противоречиях между различными подходами к архивному делу и хаосом в приемах и методах обработки архивных материалов заканчивалась эпоха господства эмпиризма в архивном деле. Стихийно зрела настоятельная потребность в теоретическом осмыслении основ архивной службы. В этом системном противоречии к середине XIX в. и выявилось “проблемное звено”, для решения которого Н.В. Калачову понадобилось сделать трудный выбор между “бумагами” и “документами”, а также искать “золотую середину” между двумя принципиально разными взглядами на работу архивиста: как архивариуса ведомственной регистратуры и как археографа исторического архива, что и привело его к формулированию “оснований науки об архивах”, т. е. замене прагматического (эмпирического) архивоведения традиционной наукой об архивах.

Н.В. Калачов и традиционное архивоведение

Как было установлено нами ранее, российское архивное дело вплотную подошло к осмыслению самоценной сущности архивов. На эмпирическом уровне наиболее профессиональными архивистами была осознана необходимость сохранения в документальных собраниях их естественно сложившихся связей. И.Л. Маяковский имел достаточно оснований, чтобы объяснить этот факт: "Исторические архивы, находившиеся вне постоянного административного кругозора министерств, первоначально не обращали на себя их внимания... Это обстоятельство позволяло им жить, до некоторой степени, своей собственной жизнью и продолжать, без ломки, свою работу, которая была хоть отчасти налажена в предыдущее время"⁹⁹. Однако затем начинается ожесточенное столкновение двух тенденций: в 50–60-х годах почти в каждом из министерств создаются единые архивы (как правило, в ведении Департамента общих дел), кульминацией чего явилась концентрация исторических архивов (Вотчинного, Разрядного и Архива старых дел) в МАМЮ (1852) с первоначальным подчинением его обер-прокурору Общего собрания московских департаментов Сената и соединение в 1864 г. Государственного и Главного архивов иностранных дел в Государственный и Санкт-Петербургский Главный архивы иностранных дел под управлением одного директора.

В это же время проявляется и приобретает колоссальные масштабы и другая тенденция: внеправительственная деятельность ученых, коллекционеров и общественных деятелей, цель которой лучше всех выразил П.М. Строев: "Не довольно Москвы для поприща нашей деятельности: пусть целая Россия превратится в одну библиотеку, нам доступную" И далее: "Если бы Правительству угодно было образовать коллекцию старинных актов, приличную для помещения в одной из государственных библиотек, я охотно принял бы на себя хлопоты: чиновникам архива нельзя успеть в этом деле"¹⁰⁰.

Таким образом, перед архивами и архивистами встала проблема выживания: или раствориться в системе бюрократических учреждений, предназначенных для выдачи справок, пропасть в лабиринте департаментов, ведомств и министерств, или вновь, как в древние времена, потерять свое своеобразие, стать разновидностями библиотек утилитарного назначения,

предназначенных для предоставления историкам старинных актов, рукописных и старопечатных книг, и т. п. Именно на этом “проблемном поле” появляется “наука об архивах” Н.В. Калачова и постепенно уходит с арены эмпирическое архивоведение, существовавшее как бы между двумя полюсами — чиновничьим произволом и “библиотечным” дилетантизмом историков. Иначе говоря, угроза полного обюрокрачивания архивов с ликвидацией их исторической самоценности и связанная с этим необходимость профессионального самосознания архивистов и породили “феномен Калачова”

Историко-генетический принцип, положенный нами в основу настоящего исследования, помогает выявить целостную картину истоков и результатов этого феномена, т. е. проанализировать его как один из “жизнеспособных всходов”, появившихся “на почве бережно соблюдавшихся лучшими архивистами научно-архивных традиций”¹⁰¹. Вот почему важно отметить в первую очередь преемственную основу новаторских идей Калачова.

С нашей точки зрения, первым отечественным архивистом, пытавшимся теоретически осмыслить самоценную суть архивов и необходимость создания архивной науки, был барон *Густав Андреевич Розенкампф* (1764—1831).

В единственной посвященной проекту архивной реформы Розенкампфа работе А.Н. Макарова¹⁰² главное внимание уделяется ее организационной стороне, а также изложению его взглядов на различные формы описей (реестров). Сразу же скажем, что аналогичная судьба постигла и научное наследие Калачова.

Однако, по нашему мнению, как раз в “технологической” сфере, детально проанализированной А.Н. Макаровым, барон Розенкампф оказался наименее оригинальным. М.Г. Собакин, Н.Н. Бантыш-Каменский и их единомышленники на практике достигли более значительных результатов.

Вклад барона Розенкампфа можно оценить только в контексте становления подлинной науки об архивах.

Напомним основные этапы этого процесса.

Во введении к “Сборнику статей по архивоведению” (СПб., 1910) И.И. Зубарев (ниже ему посвящен отдельный доксографический очерк) значительную часть объема своего исследования посвятил анализу археографических работ Алексея Ивановича Мусина-Пушкина, Алексея Николаевича Оленина и Федора Андреевича Толстого, живших на рубеже XVIII и XIX столетий. Он констатирует, что уже со времен приснопамятного митрополита Евгения Болховитинова, графа Николая Петровича Румянцева и Павла Михайловича Строева взгляд на архивы понемногу стал изменяться¹⁰³.

Правда, такой категоричный вывод о совпадении достижений в области археографии и архивоведения, думается, нельзя признать достаточно обоснованным. Тем более что он запутывает вопрос о становлении “ремесла” архивиста и науки об архивах как самостоятельной области теоретических знаний. Сам Зубарев, подробно изложив последствия “эпохи бумажных предписаний по устройству архивов”, которую он отождествляет с именами Бантыш-Каменского (отца), Малиновского, Строева, Калайдовича, Васюкова, Востокова, Кеппена и многих других приближенных сотрудников графа Н.П. Румянцева, вынужден был признать, что “правила были введены новые, а взгляды на архивы у департаментского начальства оставались старые. Закон говорил одно, а на деле было совершенно иное”¹⁰⁴.

В работах В.П. Козлова¹⁰⁵ детально выяснена суть *археографических новаций*, внесенных в архивное дело археографами этого периода — членами кружка Мусина-Пушкина и Румянцевского кружка.

В книгах К.Г. Митяева и М.Н. Шобухова¹⁰⁶ подробно рассмотрены приемы и методы архивно-описательных работ, которые применяли П.М. Строев, А.Х. Востоков, П.И. Иванов, Н.В. Калачов, Д.Я. Самоквасов и другие ученые.

Наконец, современный исследователь Л.И. Шохин практически всю монографию “МАМЮ и русская историческая наука” свел к анализу различных систем *археографических описаний*, применяемых во второй половине XIX — начале XX в., и изложению полемики сторонников различных взглядов на них. Однако при таком редуцированном, “технологическом” подходе ускользает, как мы думаем, то главное, что определяет специфику архивоведения как науки.

Речь идет о науке, которую В.Н. Автократов определил в 1980 г. как “естественно-научную теорию архивного дела” в отличие от собственно архивоведения, имеющего прикладной характер¹⁰⁷. К сожалению, ученый не развил это положение, однако оно вписывается в рамки нашей концепции о постепенном усложнении понимания онтологической, гносеологической и социокультурной функций архивов в их целостности. Принцип уважения к фонду (провениенципринцип) выступает в рамках такого подхода как частный случай уважения к архиву — неотъемлемому элементу системы Человек — Общество — Государство.

Только в таком контексте можно оценить новаторство и преемственность именно архивоведческих взглядов Калачова и его школы по сравнению с предшественниками.

Чтобы обосновать это положение, приведем текст основного труда Г. А. Розенкампа — “Плана о приведении в лучшее устройство архивов вообще” — почти полностью*.

Даже биография Розенкампа до настоящего времени практически не изучена: известны только одна небольшая заметка о нем, опубликованная в Русском биографическом словаре¹⁰⁸, и статья П.М. Майкова “Барон Густав Андреевич Розенкампф”¹⁰⁹. К сожалению, ничего не сообщает о жизни и теоретических взглядах Розенкампа и А.Н. Макаров, автор вышеназванного исследования о проекте его реформы.

Между тем без выяснения основных общеархивоведческих положений барона Розенкампа, которые не заинтересовали по объективным причинам члена Союза российских архивных деятелей А.Н. Макарова в период подготовки и проведения реорганизации архивного дела, нельзя отчетливо выявить “теоретическое ядро” (если использовать известный термин В.Н. Автократова) в науке об архивах, авторство которой приписывается Н.В. Калачову, И.Е. Андреевскому, А.П. Воронову и другим представителям традиционного архивоведения.

Итак, 8 апреля 1820 г. старший член совета Комиссии составления законов действительный статский советник барон Г.А. Розенкампф направляет рапорт главноуправляющему этой комиссией действительному тайному советнику 1-го класса и кавалеру князю Петру Васильевичу Лопухину. В нем после изложения отдельных замечаний о прилагаемых к рапорту реестрах пишет: “Между тем, припоминая, что за несколько пред сим времени Вашей Светлости угодно было поручить мне изложить мнение о лучшем устройстве архивов, я имею честь представить записку о сем предмете”¹¹⁰. При этом Г.А. Розенкампф имеет смелость вставить в рапорт следующий пассаж: “Если записка сия, равно как и образцы реестру Архиву комиссии заслужат одобрение Вашей Светлости, то не благоугодно ли будет Вам, Светлейший князь, довести об оных до сведения Государя Императора”¹¹¹.

Нам неизвестно, прислушался ли Лопухин к пожеланию подчиненного, но проект реестров он одобрил. В то же время Майков в указанном сочинении сообщает, что Розенкампф был уволен из состава комиссии в 1822 г. и находился в отставке без пенсии с 1826 г. Хочется верить, что это не было следствием представленной им второй части проекта реформы архивной системы. Напомним, что документ, разработанный Розенкампом

* План приводился разрозненными фрагментами, он не был опубликован полностью ни в одной из архивоведческих работ.

фом по заданию Лопухина, озаглавлен "План приведения в лучшее устройство архивов вообще" (выделено нами. — Т. Х.).

Начало проекта и последующей ход рассуждений будут зеркально повторяться в аналогичных планах Калачова, Андреевского, Самоквасова и других архивоведов. Предоставим слово самому Г.А. Розенкампу:

"Порядочное устройство государственных архивов — есть предмет не только немаловажный, но, можно смело сказать, один из полезнейших и необходимых, на который правительство должно обратить свое внимание.

Истина сия признана всеми просвещенными европейскими державами. В Англии, Франции и Германии устройство архивов приведено в самое цветущее и сообразнейшее с их целью положение. Но в России часть сия еще далека от своего совершенства.

Что сказали бы о частном человеке, имеющем в разных губерниях движимое и недвижимое имущество, который вместо того, чтобы собрать все крепости, акты и сделки на свое имение, рассеял бы их по многим местам, не сделав даже общей описи? Тем более правительство обширной империи должно затрудняться и нередко иметь недостаток в нужных сведениях, когда документы, содержащие в себе не токмо разные крепости, сделки и прочие акты на государственное и частное имущество, одним словом, самые источники законов — рассеяны во ста и более местах, так что правительству весьма трудно знать, где находятся бумаги, принадлежащие к одной и той же части управления, а еще менее иметь общее обозрение всех частей его.

В вышеуказанных краях затруднения сии не могут встретиться, потому что в оных все архивы соединены в один состав и приведены в надлежащий порядок, чему даже и бывший Польский архив служит примером... Итак, кажется, что сия часть, совершенно забытая, требует особенного внимания со стороны правительства... Отчего же происходит такое затруднение?

Единственно от непорядочного устройства старых архивов... Начальство, управляющее архивами, почитает их частью весьма маловажною и, так сказать, постороннею для себя, употребляет к тому таких чиновников, которых ни к каким важным трудам не считает способными, оставляет их в совершенном забвении и лишает через способных людей всякой охоты употребить себя на службу по сей части. Вот главнейшие причины, почему при нынешнем положении архивов никоим образом не можно не только ожидать от них никакой пользы, но и нет и малой надежды, чтобы часть сия когда-либо усовер-

шенствовалась, если правительство не примет к тому надлежащих мер.

Меры сии суть вкратце следующие.

Подчинить все имеющиеся ныне как в здешней, так и в московской столице архивы, исключая Архив Коллегии иностранных дел, особому управлению под наименованием: **Главное управление архивов.**

На первый случай составить всем вышеупомянутым архивам по свойству предметов каждого из них полные хронологические реестры... а потом соединить их в общем алфавитном и систематическом реестре.

По составлении таких реестров приступить к главной и прямой цели архивов, то есть соединить все сии источники законодательства, истории и статистики в особом государственном архиве и приуготовить их для способнейшего употребления во всяком случае.

Для сего определить сведущих людей, кои могли бы усовершенствовать себя в так наз[ываемой] *Архивной науке*.

И наконец, представлять Государственному совету об успехах в занятиях Управления архивов ежегодный отчет, разделяя оный по разным частям законодательства”

Далее следовало примечание: “План сей вместе с предыдущим от архива комиссии представлен был г. главноуправляющему для поднесения Государю Императору”¹¹².

Спустя полвека Калачов пройдет весь путь, намеченный Розенкампом: начиная с доклада “Архивы” на I Археологическом съезде в 1869 г., затем публикации в “Сборнике государственных знаний” статьи под названием “Архивы, их государственное значение, состав и устройство” и заканчивая учрежденной в 1873 г. комиссией по устройству архивов и созданием Археологического института с введением в учебную программу курса “Основания науки об архивах”

Таким образом, сенатор, правовед и архивист Н.В. Калачов практически реализовал все идеи, впервые сформулированные правоведом и архивистом бароном Г.А. Розенкампом.

Почему же ему удалось то, чего не удалось ни Розенкампу, ни всем его предшественникам? С нашей точки зрения, это произошло, прежде всего, потому, что взгляды Калачова отвечали изменению в обществе и государстве отношения к архивам, которое было обусловлено радикальной сменой к середине XIX в. научной парадигмы в целом и социальной обстановки в пореформенной России в частности. В определенной степени эта взаимообусловленность перемен учитывалась исследователями.

Л.И. Шохин четко связывает возникновение “славной эпохи Калачова” (термин И.И. Зубарева) с “подъемом русской исторической науки с середины XIX века, [который] проявился в количественном росте исследований, в том числе основанных на архивных документах, но главным образом в повышении их качественного уровня, осознании задачи широкого изучения документальных источников как необходимого условия дальнейшего научного прогресса. Вследствие этого исторические архивы в России, как и в других странах Европы, приобрели черты научно-исследовательских учреждений, зачастую руководимых крупными учеными”¹¹³. Исходя из нашей концепции, эта оценка совершенно справедлива для объяснения “феномена Калачова” и возникновения науки об архивах.

Справедлива — но недостаточна. Она недостаточно четко объясняет характер причинно-следственных связей между подъемом исторической науки и возникновением качественно иного отношения к архивам именно в середине XX в. Думается, в данном случае нужно принимать во внимание более глубокие и тонкие механизмы изменения парадигмы человеческого знания как в целом, так и в конкретно-исторических условиях в частности.

Определяющее значение в возникновении качественно иной коллизии (по сравнению, скажем, со временем Розенкампа и его предшественников) имели новые научные взгляды на изменяющиеся общественные процессы и роль человека в них. Вряд ли случайным совпадением, например, является тот факт, что само появление науки об архивах совпадает с распространением в 60-х годах XIX в. в России понятия “цивилизация”, которое В.И. Даль в Толковом словаре живого великорусского языка уже трактует как “общежитие, гражданственность, сознание прав и обязанностей человека и гражданина”¹¹⁴.

Напомним также, что именно к этому периоду относится ряд открытий в науке, опрокинувших прежнюю систему представлений о мире и человеке. Мы имеем в виду выход в свет трудов Ч. Дарвина по теории эволюции (1859), открытие Д.И. Менделеевым периодического закона химических элементов (1869). В пореформенную Россию проникают позитивистские взгляды основоположника социологии О. Конта, причем одна из первых публикаций “Исторические идеи Огюста Конта” принадлежит Д.И. Писареву (1865). Все активнее заявляет о себе новый социальный слой — интеллигенция. Создается сеть бесплатных библиотек, открывают свои двери для широкой публики Политехнический музей (1872), чуть позже — Исторический музей (1873). Активизируется движение за расши-

рение прав университетов. Как писал в эти годы выдающийся русский хирург и общественный деятель Николай Иванович Пирогов, “университет выражает современное общество более, чем все другие учреждения. Университет — лучший барометр общества... Где политическая жизнь общества качается ровно, как часовой механизм, где политические страсти не доходят до незрелого поколения, там в университете на первый план выступает его прямое назначение — научная деятельность”¹¹⁵. В то же время среди разночинного студенчества была особенно популярна острота, связанная с отставкой консервативного министра народного просвещения в 1866—1880 гг. гр. Д.А. Толстого: “Царь Александр II — трижды Освободитель. Он освободил крестьян — от крепостного ига, болгар — от ига турок и Россию — от ига Толстого”¹¹⁶.

Наука в целом — и историческая наука в частности — перестает быть уделом аристократов, она стремительно демократизируется. П.И. Бартенев в 1862 г. начинает издание сборников-журналов “Русский архив”, основой которых становится культ факта и персонифицированное отношение к истории¹¹⁷.

Как показывает проведенный нами анализ, Н.В. Калачов пришел в архивы именно в момент, когда почти все науки вместе с государством и обществом занялись поисками своей родословной и выявлением смысла своего существования. Приведем краткие очерки о жизни и деятельности виднейших русских историков, сыгравших важную роль в процессе слияния теории и методики архивного дела в едином русле формирования общественного и профессионального самосознания русского общества и упрочения российской государственности.

Первым в этом списке по праву должен быть назван классик исторической науки, знаток архивного дела, историк-ковед, академик *Сергей Михайлович Соловьев* (1820—1879)¹¹⁸.

Он заслуженно считается основоположником русской истории как особой научной дисциплины, «потому что в его трудах на смену “философской” и литературно-художественной историографии века “просвещения”, завершенной на русской почве “Историей государства Российского” Н.М. Карамзина, выступила историческая наука с новым конструктивным принципом обобщения исторического материала»¹¹⁹.

Родился в Москве, в семье протоиерея, законоучителя (преподавателя Закона Божьего) в Московском коммерческом училище. В 1833 г. 14-летний Соловьев поступил в 3-й класс 1-й Московской гимназии. Вспоминая отрочество, он писал, что наиболее сильное впечатление на него в то время произвела “История государства Российского” Карамзина. “Я прочел не менее двенадцати раз, разумеется, без примечаний, но неко-

торые тома я любил читать особенно... здесь действовал во мне отроческий патриотизм, любил я особенно времена счастливые, славные для России. Двенадцатый том мне не очень нравился именно потому, что в нем описывались одни бедствия России”¹²⁰. После успешного окончания гимназии весной 1838 г. он поступил на историко-филологическое отделение философского факультета Московского университета.

О том времени он писал: “Время проходило не столько в изучении фактов, сколько в думании над ними, ибо у нас господствовало философское направление. Гегель кружил нам всем голову, хотя очень немногие читали самого Гегеля, а пользовались им из лекций молодых профессоров. И моя голова работала постоянно, схватив несколько фактов, я уже строил из них целое здание”¹²¹.

После окончания университета в 1842 г. Соловьев стал домашним учителем детей гр. А.Г. Строганова, бывшего члена Кружка молодых друзей Александра I. В течение более двух лет жизни в семье Строганова (1842–1844) он посетил Австрию, Германию, Францию и Бельгию, прослушал лекции лучших европейских профессоров того времени (философ Ф. Шеллинг, географ К. Риттер, историки Л. Ранке, Ф. Шлоссер, Ф. Гизо, А. Тьер, Ж. Мишле и др.). Вернувшись в Москву, он стал готовиться к сдаче магистерского экзамена, для которого выбрал тему “Об отношениях Новгорода к великим князьям”

Текст вызвал противоречивые оценки. Близкий к славянофилам М.П. Погодин назвал диссертацию очень хорошей в качестве магистерской, но “вполне неудовлетворительной” как профессорской, зато “западник” Т.Н. Грановский, прочитав ее, “восплясал от радости”

Вслед за магистерской Соловьев быстро написал и защитил докторскую диссертацию “История отношений между князьями Рюрикова дома” В ней на первый план он выдвинул идею становления государства и его институтов.

С 1851 г. ежегодно выходят тома “Истории России с древнейших времен” С.М. Соловьева, каждый из которых воспринимался тогда совсем не так, как сочинения предыдущих историописателей.

Эту разницу А.Е. Пресняков сформулировал следующим образом: «Соловьев мог бы назвать свой главный труд “Историей государства Российского” в ином и более глубоком смысле, чем Карамзин: как историю русской государственности. “Правительство, — так рассуждал он [Соловьев], — в той или иной форме своей есть произведение исторической жизни известного народа, есть самая лучшая поверка этой жизни <...>

Правительство, какая бы ни была его форма, представляет

свой народ, в нем народ олицетворяется, и потому оно было, есть и будет всегда на первом плане для историка... Соловьев сравнивает государственную организацию с хирургической повязкой, наложенной на разрозненные живые ткани в ожидании, что они, связанные механически, постепенно срастутся внутренней, органической связью... Соловьев — центральное лицо в сей русской историографии, так как в его труде — итог предыдущей подготовительной работы, *итог, сделавший русскую историю наукой*» (выделено нами. — Т. Х.)¹²².

В речи по случаю его избрания в члены Общества любителей российской словесности при Московском университете 4 февраля 1859 г. Соловьев с полным на то основанием назвал себя архивным тружеником. В его расписанной буквально по минутам жизни времени на занятия в архивах уделялось перво-степенное внимание.

Соловьеву по праву принадлежит приоритет в систематическом изучении делопроизводственных материалов XVII — первой четверти XIX в. Он первым начал разрабатывать методику отбора источников и работы с ними. Выявление источников по исследуемой проблеме в максимальном объеме и ознакомление с ними ученых-коллег рассматривались Соловьевым как гарантия от односторонних оценок и прямых натяжек и наскоков, характерных для предшествующей школы историописателей. Отсюда многочисленные цитаты, а порой и полное воспроизведение документов в его трудах, которые составляют не менее двух третей объема его трудов.

Используя покровительство графа С.Г. Строганова и свое положение преподавателя великих князей — наследников престола, он добился разрешения работать с документами в Государственном архиве Российской империи, архивах Синодальной библиотеки, Сената, Военного и Морского министерств, Петербургском и Московском архивах МИД. С разрешения А.М. Горчакова в 1852 г. ему был открыт доступ к новым делам архива МИД за первую половину XIX в. В то время условия работы в читальных залах многих архивохранилищ были экстремально тяжелы.

Как вспоминал П.И. Бартенев о работе Соловьева в старом здании МГАМИД (в Хохловском переулке): «Там уже не только сырость, но в помещении рукописей — туман от сырости. Обои уже гнили. Соловьев острит, утверждая, что последний том его Истории никак не может быть сух, так как он работал с ним в архиве»¹²³. Сам Соловьев так писал о своих занятиях с архивными документами: «Ученый должен был развернуть громадное так называемое колесо, столбец, перебитый и перебивающийся под его руками, причем глаза, рот и

нос наполняются желтоватым порошком, польза от которого для здоровья должна быть определена медиками”¹²⁴. Только за первую половину 1860 г. им были просмотрены и сделаны выписки из сорока связок документов Преображенского приказа и Тайной канцелярии, в том числе из дел о крестьянской войне 1773–1775 гг.

Параллельно он работал с материалами Госархива за вторую половину XVIII в. Общее же число изученных им за год дел переваливает за несколько сотен. В итоге неустанной работы он стал профессором Московского университета, а с 1864 по 1870 г. после образования историко-филологического факультета его первым деканом.

В 1871 г. Соловьев назначен ректором Московского университета. Он отличался предельной собранностью, дисциплинированностью, организованностью в работе (студенты проверяли часы по началу соловьевских лекций), а также предельной честностью и преданностью науке.

В результате интриг редактора “Московских ведомостей” и министра народного просвещения Д.А. Толстого он в 1877 г. был вынужден оставить должность ректора и ординарного профессора. Соловьев обратился к канцлеру А.М. Горчакову с просьбой рекомендовать его на место директора МГАМИД, но отказ барона Ф.А. Бюлера разрешить ему перевод в столицу помешал реализации этого плана. Пока же он был вынужден читать лекции в университете в качестве стороннего преподавателя.

В статье “С.М. Соловьев как преподаватель” его бывший студент В.О. Ключевский вспоминал: “С закрытыми глазами, немного раскачиваясь на кафедре взад и вперед, не спеша, низким регистром своего немного жирного баритона начинал он говорить свою лекцию и в продолжение 40 минут редко поднимал тон... Чтение Соловьева не трогало и не пленяло, не било ни на чувства, ни на воображение, но оно заставляло размышлять. С кафедры слышался не профессор, читающий в аудитории, а ученый, размышляющий вслух в своем кабинете... Он слишком глубоко любил и уважал русский народ, чтобы льстить ему, и считал его слишком взрослым, чтоб под видом народной истории сказывать ему детские сказки о народном богатстве”¹²⁵.

В ходе чтения лекций Соловьев пришел к осознанию настоятельной необходимости написать капитальный труд по истории России: “Пособий не было, Карамзин устарел на глазах у всех, надобно было, для составления хорошего курса, заниматься по источникам: но почему же этот самый курс, обработанный по источникам, не может быть передан публике, жаж-

душей иметь русскую историю полную и написанную, как писались истории государств в Западной Европе?"¹²⁶

Этой работе Соловьев посвятил всю оставшуюся жизнь. М.П. Погодин и славянофилы встретили вышедший в 1851 г. 1-й том "Истории..." Соловьева резкими нападками, обвиняя автора в том, что "угол его зрения далеко отстоит от нормального" Но историка поддержали ученые государственной школы, в том числе Н.В. Калачов. Соловьев не отступил от своих позиций, и с тех пор с удивительной регулярностью на протяжении почти 30 лет он публиковал ежегодно по очередному тому своей "Истории России с древнейших времен"

Последний, 29-й, том, в котором рассказ доведен до начала Пугачевского восстания во время царствования Екатерины II, вышел уже после его смерти в 1879 г. Одновременно с написанием этого монументального труда, составившего целую эпоху в русской историографии, он продолжал работать над другими историческими исследованиями. Они отражали разносторонний круг его интересов и всегда вызывали полемику в среде коллег ("Публичные чтения о Петре Великом", 1872; "Император Александр I. Политика. Дипломатия", 1877; серия журнальных статей "Писатели русской истории XVIII века: Манкиев, Татищев, Ломоносов, Тредьяковский, Щербатов, Болтин, Эмин, Елагин, митрополит Платон" и др.). К концу жизни, в 1872 г., Соловьев был избран действительным членом Российской академии наук.

Безнадежно больной и не встающий с кресла, он просил у близкого к наследнику престола К.П. Победоносцева устроить разрешение о доставлении материалов из архива на его московскую квартиру в Денежном переулке — работа над "Историей России..." продолжалась до последних дней жизни ученого.

Учитывая свой огромный опыт исследовательской работы, Соловьев видел основную задачу архивных учреждений в скорейшем приведении в порядок архивов, составлении верных описей и издании их. Он не был сторонником публикации интересных, но не связанных логически и тематически между собой материалов. "Пестрые сборники... иногда вместо облегчения затрудняют исследователя"

Еще одним ученым, оказавшим значительное влияние на выработку нового взгляда на архивы в "калачовский период", был *Михаил Иванович Семеvский* (1837–1892)¹²⁷ — основатель и издатель ежемесячного исторического журнала "Русская старина", который выходил в Петербурге с 1870 по 1918 г.

Современники называли журнал высшим историческим апелляционным судом и олицетворением русской Немезиды. Родился М.И. Семеvский в Великолукском уезде Псков-

ской губернии в дворянской семье среднего достатка. Из этой многодетной семьи (шесть братьев и сестра), видимо, благодаря влиянию отца, отставного военного, любителя-историка и страстного коллекционера предметов старины, вышло два крупных историка — основатель “Русской старины” Михаил Иванович и его брат Василий Иванович, профессор, автор известных работ о времени Екатерины II и декабристах, один из редакторов журнала “Голос минувшего” М.И. Семевский обучался в Полоцком и Константиновском кадетских корпусах, в 1855—1856 гг. служил офицером в лейб-гвардии Павловского полка, расквартированного в Москве. В это время вращался в кругу литераторов, а также слушал лекции профессоров Московского университета. Тогда же у Семевского начали проявляться любовь к изучению русской истории и стремление к литературным занятиям. Первым печатным трудом его была статья в “Москвитяине” (1856. № 12) “О фамилии Грибоедовых”; в следующем году он издал “Великие Луки и Великолуцкий уезд”, историко-этнографическое исследование (Санкт-Петербург).

В 1857 г. Семевский вернулся в Петербург, стал преподавать русский язык и историю в 1-м кадетском корпусе. В 1861 г. вышел в отставку, служил в государственной канцелярии, в Главном комитете по устройству сельского состояния. В 1882 г. в чине тайного советника оставил службу.

Будучи чиновником, Семевский одновременно (50—60-е годы) опубликовал около ста исследований по русской истории, главным образом XVIII в. Наиболее значительные из них: “Царица Прасковья” (“Время” 1861. № 2—5), “Слово и дело” (“Светоч” 1861; “Иллюстрация” 1862), “Императрица Екатерина I и семейство Монсов”, “Сторонники царевича Алексея”, биография царицы Е.Ф. Лопухиной, “Фрейлина Гамильтон” Ему принадлежит одна из самых выразительных жалоб по поводу запрета на доступ в архивы для исследователей: “В прежнее время, в царствование Николая Павловича, наши архивы были или склады полусгнившего бумажного хлама, или хорошо устроенные кладовые, куда не проникал ни один нескромный взор. Очень редко, совершенно случайно, выходили из этих кладовых в крайне скромных размерах новые сведения, большею частью по запросу самого августейшего их хозяина. Поинтересовался, например, Николай Павлович о судьбе Артемия Волынского, о судьбе правительницы Анны Леопольдовны — и вот чиновниками крайне секретно составлялись две, три записки и оставались в копиях в руках весьма немногих лиц”¹²⁸. Видимо, именно из желания удовлетворить жажду знаний о прошлом возможно большего числа людей и возник за-

мысел издавать исторический журнал. С 1870 г. начал выходить в свет журнал “Русская старина”. Название Семевский позаимствовал у Н.М. Карамзина, который так озаглавил одну из своих статей в журнале “Вестник Европы” (1803). В ней содержалась дорогая для Семевского мысль: “...мы так худо знаем Русскую старину, любезную для сердца Патриотов!” С выпуском “Русской старины” литературная деятельность Семевского сосредоточилась исключительно в этом издании, где он поместил ряд примечаний, объяснений, некрологов, отчетов и других мелких статей. Кроме того, за это время он издал некоторые памятники русской истории, например “Записки Андрея Тимофеевича Болотова” (1870), “Записки князя Я. Шаховского” (1872), “Россия и русский двор в первой половине XVIII в. Записки и замечания гр. Эрнста Миниха” (1891), альбом “Русские деятели в портретах” (5 выпусков, 1882–1891), а также “Очерки и рассказы из русской истории XVIII в.” (1888) и т. д. В то же время “Русская старина” сыграла важную роль в привитии читающей публики вкуса к чтению исторических источников в их “сыром виде”, поддержав и развив традиции “Русского архива” П.И. Бартенева.

Семевский совершенно справедливо полагал (и эта мысль сохраняет свою актуальность), что на пути к развитию народного самосознания “изучение родной истории и преимущественно новейшего времени, основанное не на личных взглядах того или иного писателя, но на подлинных исторических документах, всего более может способствовать этому развитию”¹²⁹. Несомненной заслугой “Русской старины” является спасение от исчезновения многих документов из частных архивов, которые мы знаем теперь только по публикациям в журнале, поскольку подлинники не сохранились.

Благодаря стараниям Семевского журнал превратился, по отзывам современников, в неофициальную кафедру русской истории для многотысячной аудитории. Многие публикации самого Семевского являются результатом его увлечения полевой археографией — записью документальных сведений со слов очевидца. С 1877 г. до самой смерти он состоял гласным Санкт-Петербургской думы, а в 1883–1885 гг. — товарищем городского головы. Особенно много труда он посвятил городской училищной комиссии, членом которой состоял. Был членом Археографической комиссии и почетным членом Археологического института.

Бурный взлет исторической науки, связанный с приходом в нее ярких, неординарных личностей, а также взаимопроникновение революционных для своего времени научных идей (в частности, распространение аналогий любого явления живой

и неживой природы, включая архивы, с “саморазвивающимися организмами”), которое опиралось на новую парадигму научного знания — все это объективно обусловило в последующем характер взглядов Калачова — одного из самых образованных людей своего времени. Чтобы по справедливости оценить его вклад в отечественное архивное дело, приведем для сравнения доксографический очерк о современнике Калачова, его непосредственном начальнике в период работы в МГАМИД и управляющем этим архивом *Михаиле Андреевиче Оболенском* (1805—1873)¹³⁰. Родился М.А. Оболенский в г. Тульчине Подольской губернии. В 1825 г. после окончания Пажеского корпуса вступил на службу в лейб-гвардии Финляндский полк. Участвовал в войне с Турцией и военных действиях в Польше. Был ранен. В 1831 г. уволен с военной службы в чине капитана и определен в канцелярию наместника его императорско-царского величества в Царстве Польском гр. И.Ф. Паскевича-Эриванского. В 1833 г. по ходатайству Паскевича был принят в ведомство Министерства иностранных дел с причислением к Московскому главному архиву. Занимал должности старшего переводчика, главного смотрителя Комиссии печатания государственных грамот и договоров. Как об археографе впервые заявил о себе изданием в 1836 г. Супральской рукописи. В 1839 г. выступил с инициативой издания писцовых книг.

В 1840 г. после смерти управляющего МГАМИД А.Ф. Малиновского именным указом Оболенского назначили исправлять должность нового управляющего. Как и подобало бывшему офицеру, он прежде всего старался укрепить в архиве принцип единоначалия. После некоторых опрометчивых публикаций сочинений иностранцев о древнем русском государстве (“дело Флетчера”) он стал проявлять крайнюю, порой даже излишнюю осторожность. Именно о таком Оболенском не без иронии вспоминал П.И. Бартенев: “Бумаги у него делились на секретные, секретнейшие и тайне подлежащие”

В феврале 1848 г. Оболенский был утвержден в должности управляющего МГАМИД, в его подчинении находились более 40 служащих, в том числе Н.В. Калачов, собиратель русского фольклора А.Н. Афанасьев и другие.

В конце 1849 г. в МГАМИД приступили к выявлению и копированию документов для издания “Памятников дипломатических сношений древней России с державами иностранными”, которое было предпринято по инициативе Д.Н. Блудова. В этих работах Оболенский принимал непосредственное участие. Он также продолжал руководить подготовкой ряда других изданий, основанных на материалах фондов МГАМИД. С января 1863 г. на МГАМИД были распространены Правила для

допущения к занятиям в Государственном архиве, в соответствии с которыми исследователи получали допуск к документам “или по высочайшим повелениям, или по распоряжению вице-канцлера”

Документы до 1762 г. предоставлялись исследователям без всякого затруднения.

Считались не подлежащими огласке уголовные и следственные дела, “в коих речь идет о разных придворных отношениях и событиях”, а также бумаги и письма, касающиеся домашней жизни особ императорской фамилии или лиц к ним близких. Не подлежали выдаче документы Тайной экспедиции времени Екатерины II и позже, а также “все бумаги, которые заключали в себе сведения о современных государственных вопросах или о лицах, недавно живших или находившихся еще в живых, наконец, переписка особ императорского дома”.

Как установил современный исследователь В.Г. Бухерт, Оболенский предполагал открыть для исследователей более широкий круг источников, но “Правила...” были приняты им к исполнению.

О взглядах Оболенского на задачи архивной деятельности может дать представление его программное высказывание: “Назначение вечного архива, как обыкновенно оно понимается, и как я всегда понимал его, — это собственно самое тщательное, самое непогрешимое и до мелочи строгое хранение его документов. Отсюда самая прямая, неизбежная и чрезвычайно важная обязанность всякого служащего при архиве — это именно такое бережное хранение архивских сокровищ”¹³¹.

Сменивший Оболенского на посту управляющего МГАМИД после его смерти барон Ф.А. Бюлер, подытоживая плоды его 34-летнего правления, писал: “Об Оболенском же не следовало бы забывать, что он издал на свой счет 18 книг и брошюр, заключавших драгоценные исторические материалы, и подобно знаменитым предшественникам своим завещал архиву все приобретенные им книги и рукописи”¹³².

Оболенский состоял членом Археографической комиссии и членом-корреспондентом Академии наук.

Первой его работой были появившиеся в 1834 г. “Деньги Великого Новгорода” Самое крупное его исследование — “О первоначальной русской летописи”, появившееся после его смерти в “Исследованиях и заметках князя Михаила Андреевича Оболенского” (1875). Главные из изданных им собрания материалов: “Супральская рукопись, содержащая Новгородскую и Киевскую сокращенные летописи” (1836), “Летописец Переяславля Суздальского” (1851), “Новый летописец” (1853, сокращенная редакция), “Книга об избрании на царство Михаил-

ла Федоровича" (1856), "Письма русских государей и других особ царского семейства" (1861–1862), "Сборник кн. Оболенского" (11 выпусков, 1838–1840), "Иностранные сочинения и акты, относящиеся до России" (4 выпуска, 1847–1848).

В отличие от Миллера или Блудова он не смог проявить себя в архивистике как обладатель оригинальной системы взглядов, хотя его архивная деятельность сказалась на устройстве архивов в целом положительно. Проведенное выше сопоставление взглядов различных историков-архивистов дает нам возможность лучше оценить значение поворотного момента в истории отечественного архивоведения, которое принято называть калачовской эпохой.

Исходя из концептуальной посылки о том, что в архивном деле явственно ощущалась нехватка научной базы, которая отвечала бы общему уровню развития отечественной науки и особенно сложившейся к этому времени как науки истории, рассмотрим деятельность Н.В. Калачова на профессиональном поприще: одновременно ученого-юриста и историка, гражданина и архивиста.

Николай Васильевич Калачов (1819–1885)¹³³ родился 26 мая 1819 г. в селе Алексино — имении отца, отставного штабс-капитана артиллерии Василия Андреевича Калачова, предводителя дворянства Юрьев-Польского уезда Владимирской губернии. Домашним воспитанием его занимались гувернеры-иностранцы. Один из них — доктор философии Гегерман внушил ему любовь к истории. С 1831 г. Калачов учился в Москве: сначала в частном пансионе Чермака, а затем (с 1833 г.) в Московском дворянском институте. В 1836 г. он по настоянию отца поступил на юридический факультет Московского университета. Еще будучи студентом, написал исследование "О Судебнике царя Иоанна Васильевича", опубликованное в "Юридических записках", издававшихся П.Г. Редкиным (том I и II). В 1840 г. Калачов окончил университет и поступил на службу в Археографическую комиссию в Петербурге, но в 1843 г. переехал в Москву для занятий в архивах под руководством П.М. Строева. По домашним обстоятельствам (в связи с кончиной отца) был вынужден подать в отставку со службы в Археографической комиссии и уехать к себе в имение, чтобы заняться хозяйством и заботой о младших братьях.

В 1846 г. он вернулся в Москву и занял место библиотекаря в Московском Главном архиве Министерства иностранных дел. Одновременно продолжил работу в Археографической комиссии с откомандированием для занятий в Москву. В том же году Калачов защитил в Москве магистерскую диссертацию на тему «Предварительные юридические исследования для пол-

ного объяснения “Русской Правды”». Одновременно он возобновил службу чиновником в Археографической комиссии с прикомандированием к Московскому округу¹³⁴. В 1847 г. его учитель по Московскому университету М.П. Погодин опубликовал на страницах журнала “Москвитянин” открытое письмо под названием “О трудах гг. Беляева, Бычкова, Калачова, Попова, Кавелина и Соловьева по части русской истории”

Как отмечает М.П. Мохначева, в этой работе М.П. Погодин, ученый и педагог с 20-летним стажем работы в науке, литературе, журналистике и издательском деле, “продемонстрировал... широту понимания содержания профессиональной научно-исторической, историографической, археографической, архивной и даже библиотечной работы”¹³⁵, что было характерным для универсальной парадигмы знаний, сложившейся к середине XIX в. Именно здесь он из всех своих воспитанников, включая С.М. Соловьева, особо выделил Н.В. Калачова, назвав его “самым тщательным из всех молодых ученых, любящим науку для науки, трудолюбивым”.

В ходе работ в архивах Калачов разыскивал актовый материал, копии с которого доставлял в Археографическую комиссию. Он не оставил работу в комиссии и после того, как в 1848 г., с уходом из Московского университета К.Д. Кавелина, получил кафедру истории русского законодательства. Возглавлял кафедру до 1852 г. Как профессор Калачов обращал главное внимание на так называемую внешнюю историю права, посвящая большую часть своего курса критическому обзору и разбору памятников русского законодательства. В этом сказывалась определенная школа, следы которой носит и исследование Калачова “О значении Кормчей в системе русского права” (впервые опубликована в “Чтениях Общества истории и древности”, 1847), упрочившее за ним авторитетное имя в науке истории русского права.

В 1850 г. Калачов начинает издавать “Архив историко-юридических сведений о России” Кроме вопросов древнего русского законодательства, в “Архиве...” помещались исследования о древней жизни вообще, но с учетом новых направлений, которые получили свое развитие в тот период в области истории, филологии, этнографии благодаря трудам Соловьева, Кавелина, Буслаева, Афанасьева и других. С 1857 г. “Архив” стал выходить под названием “Архив исторических и практических сведений, относящихся до России” В 1852 г. Археографическая комиссия поручила ему публикацию “Дополнений к актам историческим”

Для собирания материалов Калачов совершил в 1852 и 1853 гг. археографическое путешествие по Владимирской, Са-

ратовской, Орловской, Самарской, Тамбовской, Рязанской, Симбирской, Тверской, Ярославской, Московской, Нижегородской, Пензенской губерниям России. Обследовал не только архивы официальных учреждений, но и некоторые частные собрания. Вывод из наблюдений — катастрофическое положение провинциальных архивов.

В 1857 г. Калачов оставил университетскую кафедру и переселился в Петербург для работы в архиве II отделения Собственной Е. И. В. канцелярии. Здесь ему было поручено отредактировать 3-е издание “Свода гражданских законов” Одновременно он продолжал работать в Археографической комиссии, подготовив целый ряд изданий: 3 тома “Актów, относящихся до юридического быта древней России”, 2 тома “Писцовых книг”, 3 книги “Докладов и приговоров Сената за 1711 и 1712 гг.”, 3 тома “Архива государственного совета” и т. д.

В указателе, составленном А.А. Востоковым (“Исторический вестник” 1887. Кн. 5), перечислены названия 16 изданий, вышедших под редакцией Калачова. В ходе подготовки и проведения аграрных реформ 60-х годов Калачов, назначенный членом редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, работал над юридической частью проектов реформ. Уже первый его доклад “О прекращении крепостного права” отличался юридической обоснованностью и научной обстоятельностью.

С 1864 г. Калачов — редактор и член комиссии по составлению проекта судебной реформы. Его инициативе обязана своим существованием, например, ст. 130 Устава гражданского судопроизводства, впервые узаконившая применение на суде обычного права. В этом же году Петербургский университет присвоил ему степень доктора гражданского права, а в 1868 г. его избрали почетным членом совета университета.

Будучи председателем комиссии, учрежденной при Географическом обществе для собирания народных юридических обычаев, он опубликовал в “Этнографическом сборнике” исследование “Артели в древней и нынешней России”, а в “Сборнике государственных знаний” — “О волостных и сельских судах в древней и нынешней России” В целях подготовки кадров для судебных учреждений нового типа Калачов организовал в Санкт-Петербурге кружок молодых юристов, где обсуждались вопросы практического судопроизводства. Позднее содействовал учреждению в Москве юридического общества, был первым его председателем и положил начало “Юридическому вестнику” Таким образом, Калачов вполне заслужил высокие оценки современников, которые характеризовали его как

человека разносторонних дарований, принадлежащего к числу тех, кто оказывал просветительное влияние на современный им ход науки. Причем следует отметить: “его любовь к архивам и к архивному делу... беспредельна”¹³⁶. В 1865 г. происходит резкая перемена в жизни и судьбе Н.В. Калачова — он занял пост управляющего Московским архивом Министерства юстиции.

Имея к этому времени звание сенатора и титул тайного советника, он воспользовался широкими полномочиями для осуществления в МАМЮ активной и независимой деятельности. Его главной целью на первых порах было вывести архив из состояния крайнего беспорядка, который благоприятствовал массовым хищениям и бесконтрольному уничтожению документов.

В архиве в первую очередь было сформировано из сотрудников с высшим образованием особое “ученое отделение” Главная задача его — систематическое описание хранящихся документов. Под редакцией Н.В. Калачова начинают выходить “Описания документов и бумаг, хранящихся в МАМЮ” МАМЮ при Калачове все больше принимает черты научного учреждения. Но он понимал, что решать судьбы российских архивов необходимо в масштабах всей страны. В это время Археологическое общество готовилось провести в Москве I Археологический съезд.

Как отмечал председатель общества гр. А.С. Уваров, созов ученого съезда представлял собой одну из мер, но “самую действенную и коренную, для уничтожения равнодушия к русским древностям и для возбуждения общего, живого участия к русской археологии” Он ссылаясь на положительный в этом смысле опыт Англии, Франции и Германии: “принятие этой меры в России принесло бы больше пользы, чем в других странах, где ученые специалисты чаще и удобнее могут сноситься между собой. У нас такие съезды, общением всех ученых сил, развили бы и саму археологию и общественную любовь к ней”¹³⁷.

Калачов решил воспользоваться трибуной съезда, который состоялся в 1869 г., чтобы выступить на нем с докладом “Архивы” о необходимости архивных реформ. Впервые здесь им была озвучена мысль о том, чтобы превратить архивы из “складочного листа покойников” и “лабиринтов” в научные учреждения и “богатые сокровищницы, из которых исследователи будут черпать сведения, дающие жизнь и плоть их идеям и соображениям”¹³⁸. Однако, вопреки надеждам Калачова, произнесенный им доклад не вызвал интереса у собравшихся. Он прошел незамеченным. Никакого решения по нему не было принято. Это объяснялось, в первую очередь, специфическим характером аудиторией. Дело в том, что среди полутора сотен

делегатов не было ни одного профессионального архивиста, а повестка дня включала только археологические вопросы.

Н.В. Калачов решил изменить тактику, проведя в следующий раз огромную подготовительную работу. Он опубликовал текст своего доклада в газете "Русский мир" и добился включения в повестку дня отдельного пункта под названием "Обсуждение мыслей Н.В. Калачова об устройстве архивов"¹³⁹.

На съезде, состоявшемся в 1871 г., он зачитал доклад под расширенным названием "Архивы, их государственное значение, состав и устройство", предварительно ознакомив с его содержанием членов специальной комиссии. Делегаты археологического съезда полностью одобрили представленный им в докладе проект архивной реформы, который обсуждался уже не как мысли и предложения одного автора, а как коллегиальное мнение членов комиссии.

По представлению Кабинету министров разработанное Калачовым положение о создании особой межведомственной Комиссии об устройстве архивов было утверждено правительством 27 февраля 1875 г. Ее председателем назначили Н.В. Калачова¹⁴⁰. Комиссия начала работу с составления и рассылки по ведомствам анкеты с вопросами для сбора сведений о русских архивах. Сразу же выяснились негативные последствия неразработанности теоретических вопросов архивного дела, и в частности архивной терминологии.

Так, архивариус архива канцелярии Московского генерал-губернатора Барилевский на вопрос № 9 ("Как размещены документы: по годам, по ведомствам или по предметам?") ответил кратко: "Документов никаких нет"¹⁴¹.

Главным содержанием работы комиссии была разработка мер в рамках проекта архивной реформы, суть которой состояла в следующем: все существующие архивы должны быть разделены на текущие (справочные) при каждом учреждении и центральные исторические, которые делились на губернские и министерские. В будущем допускалась возможность создания Единого центрального архива.

В каждом справочном архиве предусматривались разбросанные комиссии: им вменялось отбирать из текущих дел ненужные для справок массивы документов и передавать их в исторические губернские архивы. Не имеющие научного значения документы должны были уничтожаться, а отобранные в результате тщательного рассмотрения документы передаваться в архивы министерств или других высших ведомств на постоянное хранение. Часть материалов, относящихся к местной истории, губернские исторические архивы могли оставлять для хранения у себя.

Предназначенные к уничтожению материалы могли быть уничтожены только после окончательного разрешения Главной архивной комиссии. Такая комиссия была образована в Петербурге в 1878 г. при Министерстве народного просвещения по особому ходатайству Археологического съезда. Она осталась в истории архивного дела как “калачовская”. До самой своей смерти в 1885 г. Н.В. Калачов был ее бессменным председателем. Однако большинство разработок межведомственной комиссии осталось только на бумаге. Наибольший интерес из них — с позиций сегодняшнего дня — представляют проекты Положения о Главной архивной комиссии, которую предполагалось создать для методического руководства и контроля за ведомственными архивами, особенно в части, касающейся хранения и уничтожения документальных материалов. В 1873 г. по результатам работы комиссии и в связи с принятым ею изучением ведомственных правил по уничтожению документов их ликвидация на местах временно прекращается. Тем не менее разработать единые правила для всех бюрократических канцелярий и самостоятельных ведомств не удалось. После смерти Калачова массовое уничтожение архивных материалов по собственным ведомственным инструкциям и правилам возобновилось с прежней силой.

В 1875 г. Калачов за свой счет объездил архивы Бельгии, Голландии, Англии, Франции, Австрии и Италии, обращая главное внимание на вопросы профессиональной подготовки кадров архивистов и программы архивного образования. Особое внимание Калачова привлекла Школа Хартий в Париже. Он назвал ее образцом, которому должна следовать Россия в деле подготовки образованных деятелей русских архивов¹⁴².

В 1882 г. Калачов был избран членом Академии наук. По его ходатайству было построено новое помещение для Архива Министерства юстиции, открытое уже после его смерти.

По свидетельству А.А. Востокова, которое приводит Л.И. Шохин в своей монографии “МAMЮ и русская историческая наука” (М., 1999), “Калачов простудился на сквозняке при осмотре [нового] здания МAMЮ осенью 1885 года, когда еще не успели вставить стекла и оконные рамы. Болезнь усугубила тяжелое состояние Калачова и преждевременно свела его в могилу”¹⁴³.

Подытоживая результаты организационной деятельности Калачова, нужно признать, что из крупномасштабного и целостного плана реформ ему удалось добиться осуществления только нескольких частных предложений в области улучшения состояния архивного дела в России, а именно:

1. В 1876 г. в Петербурге был учрежден *археологический институт*. Правда, вопреки проекту калачовской комиссии, его открыли как частное учреждение и на благотворительные средства, а не как высшее государственное учебное заведение.

Первым директором института, который первоначально размещался на квартире Калачова, стал сам владелец квартиры. Программа занятий определялась лично Калачовым в соответствии с задачами, которые он ставил перед архивным работником: “Состою сам начальником одного из важнейших наших архивов, я не мог не поддаться соблазнительной мысли употребить все свои старания к тому, чтобы и в нашем отечестве образовалось *сословие таких архивистов, каких мне удалось видеть на Западе* (выделено нами. — Т. Х.)... Архивариус должен обладать достаточными знаниями, не только специальными по своему предмету, но и общеобразовательными. К сожалению, всем известно, как далеко отстоят от такого идеала хранители наших архивов. Если даже в столицах почти нет специалистов по этой части, то относительно архивариусов в губернских и уездных городах можно смело сказать, что, за немногими счастливыми исключениями, в эту должность нарочно выбираются чиновники самые старые, едва не выжившие из ума и потому уже неспособные быть в чем-либо полезными в самом учреждении, где они состоят на службе”¹⁴⁴.

Хочется отметить звучащие необыкновенно актуально и слова Н.П. Лихачева, сказанные по поводу учрежденного Калачовым института: “Не беда, если не все слушатели Института станут учеными специалистами. Простое ознакомление с курсами, читаемыми в институте, дает возможность каждому из них оказать при случае большие услуги Родине. Куда бы ни закинула судьба бывшего слушателя Института, он везде окажется на страже науки. Не забудет отметить местонахождение первобытных древностей, разберется в разных культурах, укажет на все значение совместного нахождения монет с вещами... При перестройках, реставрациях и уничтожении памятников церковных, якобы для вящего благолепия, всякий слушатель Института попытается остановить несведущих... Встретится архив — и тут, не будучи специалистом по архивному делу или коллекционером, всякий бывший в Институте припомнит, как надо обращаться с документами, описывать их и располагать по известной системе”¹⁴⁵. Очевидно, в данном случае речь идет не о подготовке архивистов на специальном отделении, а о пользе университетского принципа обучения специалистов, когда общая культура помогает выпускнику даже непрофильных отделений справиться с конкретными архивоведческими задачами.

2. Потеряв надежду на проведение общенациональной реформы архивного дела под правительственным контролем, Калачов решил в качестве временной, но безотлагательной меры воспользоваться общественной инициативой. При поддержке Академии наук он начал добиваться учреждения губернских ученых архивных комиссий (ГУАК). Первые комиссии в соответствии с Положением 1885 г. были образованы в Рязанской, Тамбовской, Орловской и Тверской губерниях. На них была возложена обязанность осуществлять осмотр предназначенных ведомствами для уничтожения дел с целью отобрать из их числа те, которые представляют собой научную ценность, и передать спасенные от гибели документы для хранения в губернские исторические архивы.

Драма ГУАК заключалась в том, что они действовали при полном отсутствии юридической основы для реализации своих прав и полномочий, крайней скудности выделяемых средств и абсолютной нехватке постоянных помещений и квалифицированных кадров архивистов. Тем не менее комиссии сыграли важную роль в развитии архивного сознания на местах, в частности в объединении творческих сил.

К сожалению, перечисленными выше сторонами деятельности Калачова как организатора архивного дела и системы архивного образования практически ограничиваются все посвященные ему исследования. Между тем остаются почти нераскрытыми его качества ученого и суть созданной им науки об архивах. Пожалуй, единственным исключением в этом смысле является оценка, которую дал Калачову вскоре после его кончины И.И. Зубарев: «В истории архивного дела в России высокое имя Н.В. Калачова — и как проповедника новых взглядов на архивы, и как организатора археологических институтов и архивных комиссий, и как исследователя древнерусского права, и, наконец, как первого профессора по *архивоведению* — навсегда останется славным. Заслуги его перед Родиной огромны. *Благодаря ему, у нас появилась новая наука, составляющая вполне самостоятельную отрасль исторического знания* (выделено нами. — Т. Х.): изучение возможно лучшего устройства архивов, исследование и критика различных систем расположения и хранения документальных источников, выяснение задач деятельности архивистов и т. п. — таковы предметы архивоведения»¹⁴⁶.

Будучи соратником и единомышленником Н.В. Калачова, Зубарев первым отметил важную особенность системы подготовки архивных кадров в «калачовском» институте (об этом аспекте деятельности Калачова, за исключением Н.П. Лихачева, больше, по нашим наблюдениям, не писал никто): «Поло-

женная Н.В. Калачовым во главу угла при самом учреждении института *национальность* как основная стихия русской археологии по-прежнему составляет его гордость. И по-прежнему институт имеет громадное значение в *общем движении русского самосознания*” (выделено нами. — Т. Х.)¹⁴⁷.

Изучение научного наследия Н.В. Калачова¹⁴⁸ дает нам возможность впервые в историко-архивоведческой литературе сделать выводы, свидетельствующие о его непосредственной роли в создании отечественной *науки об архивах*:

1. Калачов первый теоретически осмыслил человеческий фактор в становлении и развитии архивов. От фетишизации роли безликого Левиафана-государства в жизни и смерти архивов он перешел к определению того, что “составляет цель архивных занятий, в чем заключается задача лиц, специально приставленных к этому делу, известных под именем *архивистов*, и в каком положении находятся теперь архивы как за границей, так в особенности и у нас”¹⁴⁹.

2. Калачов первым выявил государственно-юридическое и социальное значение архивов, указав, что он не случайно предпринял публикацию соответствующей статьи именно в “Сборнике государственных знаний”: «В настоящее время, когда не только в западных государствах, но и в нашем отечестве обращено серьезное внимание на устройство архивов для хранения в них документов, имеющих столь важное значение как в сфере международных отношений, так и во внутренней жизни каждого государства, с одной стороны — для ограждения его общественного положения, а с другой — для подкрепления тех прав, которые принадлежат многочисленным разрядам так называемых юридических лиц в их частной жизни и деятельности, не может, конечно, представиться неуместным встретить в “Сборнике государственных знаний” некоторые мысли, соображения и положительные данные по этим вопросам»¹⁵⁰.

Тем самым он вывел архивоведение из замкнутых рамок узкопрофессиональных, “технологических” знаний на простор гуманитарных дисциплин историко-юридического характера.

3. Он первым определил архивы как общенациональное достояние, не разделяя их на центральные и провинциальные, ведомственные и частные. Поэтому свои историко-теоретические работы он адресовал широким кругам общества, т. е. не только и даже не столько профессионалам, сколько “*неспециалистам дела*”, видя в разорванности связей между ними одну из главных причин “бесконечных опустошений” в архивах, которую он характеризовал как “невежество правительственных и частных лиц, не понимавших долгое время, да в большинстве

случаев и ныне еще не сознающих важного значения таких актов, которые не относятся непосредственно к их кругу занятий, к их собственности или к их домашней жизни” И далее: “Печальное положение архивов было следствием неуважения нашего к тому, что в них хранится, или, лучше сказать, незнания того, что бумаги и клочки, нередко истребляемые крысами и гибнущие от сырости, заключают в себе иной раз драгоценнейшие данные для истории нашего государственного или, по меньшей мере, провинциального быта”.

4. Он первым сформулировал необходимость понимания государством, обществом, а также каждым культурным гражданином научного значения архивов как необходимого фундамента для начала любых созидательных работ в области архивного строительства: “Чем... ранее правительство признает возможным положить начало означенным [в программе реформ Калачова. — Т. X.] учреждениям или же сознающие важность их частные лица окажут необходимое содействие к их осуществлению, тем более выиграет наука сохранением от гибели полезных ей материалов, а самые архивы тем самым подвергнутся надлежащему устройству”¹⁵¹.

Как следует из этих рассуждений, Калачов вплотную подошел к пониманию самоценности архивов с точки зрения государства, общества и каждой отдельно взятой личности.

5. Калачов первым определил необходимость единого *научного подхода* к разработке некоторых общих правил, касающихся ведения дел, производящихся в каждом правительственном и присутственном месте, а также размещению их для вечного хранения. Он сформулировал необходимость теоретической разработки единых принципов комплектования и экспертизы ценности документов: “Легко уничтожить все, что попадет под руку, но если дело, действительно не нужное для учреждения, в котором оно производилось, имеет за собою тем не менее интерес исторический или представляется любопытным в отношении юридическом, сельскохозяйственном и т. п., то неужели можно его уничтожить? Однако и оставлять такое дело в этом архиве не следует. Так куда же с ним деваться, кому его сдать для дальнейшего хранения?”¹⁵² Отметим, что сам Калачов исходит из принципиального положения о том, что следует уничтожать как можно меньше и лишь при крайней необходимости.

Более того, на заседании межведомственной Комиссии об устройстве архивов, которое состоялось под председательством Калачова 6 октября 1875 г., он еще более ужесточил свою мысль, дав знаменитую формулировку: “Перечень бумаг или дел, подлежащих уничтожению, должен быть категорически и

ясно изложен. Лучше лишних сто дел хранить, чем уничтожить десять нужных”¹⁵³.

6. В итоге поисков компромисса между ведомственными чиновниками, стремящимися к разгрузке своих делопроизводственных регистратур, и “учеными архивистами” Калачов приходит к важной в архивоведческом контексте идее признания *дуалистической (двойственной) природы архивов*. В связи с этим он провозгласил важность создания *многоуровневой системы архивохранилищ с централизованным управлением*: “В уме добросовестного знатока своих документов мелькает уже мысль о необходимости устройства *центральных ученых архивов*, в которых исследователи, жаждущие изучения своего предмета на основании первых источников, могли бы черпать нужные им сведения из дел, имеющих для них значение еще не тронутых наукою рудников. Таким образом, назначение специального архива в одно и то же время и разрослось и *раздвоилось* (выделено нами. — Т. Х.), а цель архивных занятий разделилась на две: одна из них составляет впредь прямую задачу архивариуса... а другая — задачу археографа, приставленного к документам, имеющим исключительно научное значение, с целью облегчать к ним доступ исследователей”¹⁵⁴.

После обсуждения тезисов Калачова было принято решение, имеющее сегодня (в связи с возникновением негосударственной части Архивного фонда России) особую актуальность: “Отнесение дел и документов к разряду подлежащих уничтожению или временному хранению (что, в сущности, равносильно уничтожению) должно... зависеть от соглашения архивариусов с начальством того ведомства, дела которого разбираются, и в случае разногласия между ними решать вопрос в пользу того мнения, которое клонится к сохранению дела”¹⁵⁵. Тем самым Калачов, с нашей точки зрения, заложил научные основы единой методики комплектования и экспертизы ценности документов в условиях различных форм собственности и ведомственного беспредела, над созданием которой с переменным успехом бьются современные специалисты, ведя мучительные поиски решения давно решенных проблем.

7. Калачов первым обосновал важное государственное и общественное значение *профессии архивиста*. По его мнению, “состав наших архивов, особенно провинциальных, должен быть вполне преобразован и не только значительным увеличением жалованья лицам, назначаемым в должности архивариусов и чиновников архивов, но прежде всего специальным подготовлением для этого дела лиц, получивших уже перед тем высшее образование”¹⁵⁶.

Он подчеркивает, что это должны быть лица, не только “приготовленные специально к своему делу”, но и глубоко проникнутые убеждением в пользе, которую они приносят своей деятельностью и науке, и обществу¹⁵⁷. От степени распространения архивоведческих знаний в широком смысле этого слова Калачов ставит в прямую зависимость “возвышение в среде народа как образования вообще, так и любви к своей родине и в особенности к своей местности, которую так сильно развивает наглядное изучение истории их памятников”¹⁵⁸.

Этот тезис, положенный в основу деятельности ГУАК и развитый позднее в историко-теоретических и краеведческих работах Маяковского в 20-е годы прошлого века, а ныне воплощаемый в научной и практической деятельности С.О. Шмидта и его единомышленников, также сохраняет свою актуальность и остроту в наши дни.

8. Термин “*основания науки об архивах*” Калачов использует для собирательного названия комплекса вспомогательных исторических дисциплин, преподаваемых в археологическом институте с целью подготовки специалистов по русской старине для занятия мест в архивах правительственных, общественных и частных¹⁵⁹. В связи с этим особое значение приобретает приведенный в его статье краткий исторический очерк развития архивного строительства в России с XIII по начало XIX столетия, представляющий собой сжатый конспект его лекций в институте.

Необходимо иметь в виду, что становление института как центра подготовки архивистов-профессионалов происходило не просто. В статье “Санкт-Петербургский археологический институт. 1878–1903”¹⁶⁰ его директор Н.В. Покровский (занял этот пост после Н.В. Калачова, И.Е. Андреевского, А.Н. Труворова и В.И. Сергеевича) вспоминал: “С самого начала образования института на него оказывали давление с двух сторон. Даже аристократы мысли и знания того времени скептически относились к широкому плану Калачова: одни (гр. С.Г. Строганов)... советовали ему обучать слушателей института только архивоведению и, разве в виде роскоши, знакомить с памятниками христианской старины, другие (гр. А.С. Уваров) находили, что в археологическом институте нужно преподавать главным образом первобытную археологию, что не нужно да и не может быть у нас никакого архивоведения. Позднее, уже на исходе 20-летия института, нас стали упрекать в том, что мы ввели в институт первобытную археологию... и что лучше, вместо академических занятий в институте, занимать слушателей практическими работами по описанию и хранению архивных дел. Наконец, в самом исходе 25-летия грянул гром из Москвы от

ученого профессора, археолога и архивиста (Покровский имеет в виду Д.Я. Самоквасова. — Т. X.), что все учреждения — Археологический институт, и ученые архивные комиссии, и губернаторы, и высшие власти — только тем и занимаются, что разрушают исторически сложившиеся фонды, что у нас нет в России ни профессоров, ни слушателей, ни работ и что необходимо создать в России новых докторов архивоведения по особому рецепту и добыть миллионы денег на приведение в порядок архивов. Очевидно, здесь уже сказывается не простое незнание дела, но и странная тенденция”¹⁶¹. Нужно сказать, что в своей критике программы подготовки архивистов в археологическом институте Самоквасов был во многом прав, но это относилось только к периоду директорства А.Н. Труворова и самого Н.В. Покровского, когда акцент был сделан на чтение курсов лекций для слушателей — любителей археологических древностей и предметов старины.

При Калачове и Андреевском баланс между подготовкой специалистов по разным отраслям археографии и архивоведения выдерживался достаточно четко.

В Положении об Археологическом институте из года в год фиксировался один и тот же набор учебных предметов: палеография вообще и в особенности русская, русские древности по частному и общественному быту до XVIII столетия включительно вообще и в особенности по части юридической, хронология, генеалогия, нумизматика, сфрагистика, геральдика, древняя география вообще и в особенности России до XVIII столетия включительно, основания науки об архивах¹⁶².

Курс “Основания науки об архивах” читали сами директора института — Калачов, а после его кончины Андреевский. Это придавало лекциям особую ценность.

В контексте нашего исследования важное значение имеет чтение лекций самим Калачовым. Их научно-методический характер сочетал историю, теорию и методику архивного дела. Об этом свидетельствует уникальный документ, в частности статья Н.Н. Оглоблина “Из воспоминаний слушателя Археологического института первого выпуска (1878—1880)”, которая была опубликована в издании “Вестник археологии и истории”¹⁶³. Как вспоминает Оглоблин, «курс архивоведения Калачов начал с истории русских архивов, затем перешел к теории архивного дела и литературе предмета. Особенно обстоятельно он говорил о разных видах “ученых описей” и “обозрений” О канцелярских “инвентарях” упоминалось, разумеется, только мимоходом... Этой части архивоведения Калачов отдал шесть лекций, а с седьмой перешел к подробному обозрению старинных актов всевозможных родов и видов, с какими приходится

иметь дело архивисту. Это были блестящие определения и ценные характеристики документов, сделанные глубоким знатоком дела... В семнадцати лекциях III и IV семестров Калачов сделал детальную оценку всех старинных и более новых актов по XVIII век включительно»¹⁶⁴.

Итогом научно-архивоведческих размышлений Калачова является важный вывод о том, что цель устройства архивов не будет достигнута, если архивными помещениями не будут заведовать специалисты по этой части, известные под именем архивистов¹⁶⁵.

Его вклад в достижение поставленной цели был решающим. И поэтому наша оценка его трудов совпадает с оценкой, которую Калачов дал состоянию архивного дела в России в последний период своей жизни: на быстрое развитие архивного дела и архивных занятий за последние 10 лет «с недоумением и уважением смотрят и иностранцы, отдавая в этом отношении должную справедливость и заботам нашего правительства и даровитости нашего народа»¹⁶⁶.

Несколько иную характеристику роли и места Калачова в отечественном архивном деле дал И.Л. Маяковский. Он дважды — в 1920-е и в 1940-е годы прошлого столетия — анализировал вклад Калачова в отечественную науку об архивах. В первой работе Маяковский подчеркивает, что как архивист Калачов начал свои занятия под руководством П.М. Строева и, таким образом, является носителем лучших архивных и археографических традиций¹⁶⁷. Далее он излагает суть его выступлений на Первом и Втором археологических съездах и высказывает мнение, что главным результатом было создание комиссии для подготовки архивной реформы, которая добилась решения двух основных вопросов: о прекращении массового уничтожения документов (правда, решение вопроса большей частью осталось на бумаге) и о централизации архивов в отдельное ведомство. Маяковский подробно описывает историю противодействия ведомств архивной реформе, выделяя позиции министерств иностранных дел и военного. Особой заслугой Калачова он считает создание на свои средства и на своей квартире специальной школы архивистов в 1877 г.

Далее он указывает, что, убедившись на горьком опыте в центре, каким тормозом являлось несочувствие к его делу министерств, Калачов главное внимание обратил на обеспечение архивному делу общественного внимания и сочувствия в провинции, что нашло свое выражение в создании губернских учебных архивных комиссий¹⁶⁸.

Основной вывод Маяковского по отношению к деятельности Калачова как архивного деятеля: лежавшие в ее основе

идеи лишь частью были проведены в жизнь — созданы были Археологический институт и архивные комиссии, — но они не были забыты и “явились новым звеном в выковывавшейся с таким трудом архивной традиции”¹⁶⁹.

Как видим, в 1918–1920 гг. Маяковский главное внимание обращает на организационную сторону деятельности Калачова и незавершенность его архивной реформы.

Совсем другая тональность наблюдается в его оценке роли и места Калачова, которая содержится в статье, опубликованной спустя почти четверть века, “Н.В. Калачов как историк-архивист”¹⁷⁰. Нужно учесть, что он рассматривал статью во многом лишь как повод для изложения своих собственных взглядов на науку об архивах, поскольку время и условия ее опубликования, связанные с разгаром борьбы с космополитизмом, не давали ему иной возможности¹⁷¹. Отсюда пафос статьи, заключающийся в том, что “нам, советским архивистам, есть чему поучиться у Калачова, чтобы так полюбить архивное дело, как любил его он. Прививая молодежи, общавшейся с ним, любовь к документу, Калачов тем самым пробуждал и воспитывал в ней любовь к родной стране, обладающей несметными документальными богатствами о своем прошлом”¹⁷².

Свою статью Маяковский начинает с утверждения, что потребность в науке об архивах не переставала ощущаться в России с начала XIX в., опуская исходный тезис Н.В. Калачова о том, что соответствующая наука уже создана на Западе, а Россия должна догнать западные страны в этом отношении. Далее он подчеркивает, что благодаря именно Калачову эта наука об архивах стала действительностью, хотя речь идет в данном случае о создании им ее оснований (в нашей терминологии — традиционного архивоведения).

Затем Маяковский называет Н.В. Калачова выразителем и поборником идей Манifestа Коммунистической партии о необходимости централизации в период перехода от феодализма к капитализму, что лишний раз напоминает нам о трудных условиях, препятствовавших подлинно научному и объективному анализу научного наследия основоположников русского архивоведения. Большее значение имеет оценка Маяковским конкретного содержания научных трудов Калачова. Так, Маяковский выдвигает важный тезис о том, что вся научная деятельность Калачова — “от студенческой скамьи и до могилы” — была обусловлена взаимосвязью русской исторической науки в целом и специальных исторических дисциплин, особенно источниковедения, археографии и архивоведения. Юрист по избранной им профессии, Калачов стал уже со сту-

денческой скамьи источниковедом, а затем и археографом. Вершина его научной деятельности, как считает Маяковский, — изучение теории и практики архивного дела, хотя в терминологическом отношении это явный анахронизм, поскольку Калачов не знал и не употреблял таких понятий. Далее Маяковский формулирует суть системы основных теоретических положений архивоведения по трудам Н.В. Калачова, которые, правда, больше напоминают систему взглядов самого Маяковского.

Главное в системе Калачова — идея о необходимости достижения “гармонического синтеза двух назначений архива: обслуживание государственного аппарата и отдельных лиц в части выдачи деловых справок и удовлетворение запросов исследователей”. Именно поиск гармонизации этой “раздвоившейся цели” (преобладала в то время первая цель) проходит, по мнению Маяковского, красной нитью через всю его деятельность как архивиста. При этом главную заслугу Калачова Маяковский видит в стремлении применить в архивном деле *научные* приемы систематизации документальных публикаций. По-видимому, здесь речь идет скорее о Калачове как археографе, нежели как об архивисте, хотя определить грань в то время между этими двумя специальностями было действительно сложно. Далее Маяковский подробно рассматривает взгляды Калачова на проблему уничтожения архивных документов, акцентируя внимание на его требовании при разработке различных приемов описания исходить прежде всего из интереса исследователей.

Наш анализ показывает, что Калачов решал эту проблему, учитывая, в первую очередь, самоценность исторических документов, отложившихся в архивах. Очень важной является подчеркнутая Маяковским мысль Калачова о необходимости подхода к архивам не только как к оперативным органам, но и как к научным учреждениям, в связи с чем, цитирует Маяковский Калачова, “нам необходимо открывать свободный доступ в наши архивы и по возможности делать известными хранящиеся в них документы” К сожалению, не удалось выяснить точный источник этой цитаты, хотя подобные высказывания у Калачова присутствуют.

Маяковский по-своему интерпретирует идею Калачова о “приближении документальных богатств своей родины к широким народным массам”, иллюстрируя ее созданием губернских ученых архивных комиссий. Мы показали, что создание таких комиссий было со стороны Калачова вынужденным шагом. Больше надежд он возлагал на широкую правительственную программу деятельности в этом направлении.

В заключение Маяковский высказывает убеждение, что именно эти идеи Калачова делают его наследие заслуживающим памяти о нем в рядах советских архивистов. Можно считать вывод Маяковского о том, что взгляды Калачова — важная веха в развитии архивоведческой мысли дореволюционной России, достаточно обоснованным и сохранившим свое значение до наших дней.

Идеи Калачова нашли свое воплощение и развитие в научной и учебно-преподавательской деятельности профессоров созданного им Археологического института. В первую очередь это относится к современнику и сподвижнику Калачова, который первым достаточно точно охарактеризовал его историческую роль и место в отечественном архивном деле.

Речь идет о почти забытом сегодня сотруднике Археологического института *Иване Ивановиче Зубареве*.

К сожалению, наши поиски в архивах каких бы то ни было биографических данных о нем не дали положительных результатов. Основные сведения для доксграфического очерка о Зубареве основываются на анализе содержания его введения к двухтомному изданию “Сборник статей по архивоведению”, о котором речь пойдет ниже, и текстов издательских объявлений, помещенных в обоих томах. Кроме того, использовались разрозненные упоминания о Зубареве в монографии Л.И. Шохина “МАМЮ и русская историческая наука”¹⁷³. Важное и во многом уникальное место в истории становления науки об архивах И.И. Зубарев занял как составитель, редактор, издатель “Сборника статей по архивоведению” и автор обширного введения. В первом томе (ч. 1), который вышел в Санкт-Петербурге в 1910 г., помещены портрет Н.В. Калачова и его знаменитая статья “Архивы, их государственное значение, состав и устройство”. В этом же выпуске опубликованы тексты журналов Комиссии по устройству архивов (с 17 марта 1873 г. по 16 апреля 1876 г.) и статья Н.Н. Оглоблина “Провинциальные архивы в XVII веке” с документальными приложениями.

В части 2 первого тома выпуска 1911 г. опубликованы “Отчет о поездке за границу инженер-архитектора К.Я. Маевского (с техническими рисунками и чертежами)”, записка директора королевских баварских архивов д-ра фон Легера, составленная автором по личной просьбе Н.В. Калачова, и статья Ю.В. Готье “Стокгольмский Государственный архив” с приложениями. По мнению Л.И. Шохина, Зубарев собирался продолжить выпуск своего “Сборника статей по архивоведению”. Так, в 1910 г. И.С. Беляеву, в частности, он заказал статью о МАМЮ: “Пишите все, что найдете нужным. С портретов Иванова, Калачова и Попова закажите фотографу копии”.

В 1911 г. он вновь возвращается к этой теме: “Мне хотелось бы о московских архивах дать целый выпуск, приблизительно листов 9–10. Может быть, Вы мне это и поможете устроить? Буду очень благодарен” В последующих частях первого тома предполагалось поместить еще несколько статей об иностранных архивах.

Второй том Зубарев планировал посвятить публикациям статей о русских архивах, в том числе об архивах Сибири, Кавказа, Царства Польского, Прибалтийского и Привисленского краев и Финляндии.

В третьем томе предполагались статьи практического содержания по архивоведению. К сожалению, вышли только две части первого тома, остальные планы остались нереализованными.

Важное научное значение деятельности Зубарева обуславливалось единством его подхода к истории, теории и практике архивного дела. Он определял главную цель издания сборников следующим образом: “С одной стороны, дать учебное пособие по архивоведению слушателям археологических институтов, а с другой — необходимое руководство архивариусам, специального образования не получившим, но стремящимся более или менее основательно познакомиться с историей архивного дела в России, с теорией устройства архивов и, в особенности, с практическими приемами для более успешного приведения в порядок архивного материала”.

По замыслу Зубарева, двухтомный “Сборник статей по архивоведению” должен был помочь работе новой Комиссии по устройству русских архивов, которая обязана заняться всесторонними исследованиями о современном состоянии и нуждах архивного дела. Комиссия должна была вынести вопросы единой методической базы архивного дела на утверждение высшими органами государственной власти.

Эти заключительные слова из его введения свидетельствуют о том, что Зубарев намеревался вернуться к реализации проекта архивной реформы Н.В. Калачова. Однако его инициатива не была поддержана. Введение к первому тому сборника заслуживает отдельного рассмотрения, что важно для развития отечественной науки об архивах в связи с тем, что он первым в отечественном архивоведении попытался дать законченный очерк истории архивов как части “истории культурного человечества”.

По замыслу и хронологическому охвату событий сборники можно сравнить с вышедшим в 1979 г. двухтомником “Развитие архивного дела с древнейших времен до наших дней”¹⁷⁵. Автор дает оригинальную периодизацию истории архивного де-

ла в России по эпохам, не совпадающую ни с одной из существующих.

Отличительной особенностью Зубарева является также утраченный позднее архивоведами стиль изложения: афористичные характеристики архивных деятелей и эмоциональность тона. Впоследствии этот стиль будет характерен для лекций и статей Александра Сергеевича Николаева — основателя в 1918 г. Архивных курсов при Петроградском археологическом институте. Других примеров нами не выявлено.

Проанализируем содержание введения.

Зубарев начинает с фразы: “Много веков миновало с тех пор, как среди обитателей земли появился человек...”. И далее он объясняет природу стремления человека хранить “древние предметы и вещевые памятники”: «Каждому человеку свойственно в той или иной степени желание знать прошлое своих предков — “старину стародавнюю” своего народа, а у более просвещенных и развитых людей таковое желание простирается на весь род человеческий»¹⁷⁶.

Несмотря на некоторую наивность изложения, по сравнению с языком современной науки, здесь отчетливо угадывается цивилизационный подход к анализу истории возникновения архивов в масштабе всего человечества.

Далее автор анализирует генезис письменной памяти человека, в которой он выделяет три взаимосвязанные стороны:

историческую (“от поколения к поколению передаются не предания, а записи, полагается прочный фундамент достоверной уже истории данного народа”);

юридическую (“документы, обеспечивающие права как частных лиц, так и права государства”);

гуманитарную (“возможность воплощать отблеск Божества в человеке — его живую мысль и делать ее достоянием будущих поколений”)¹⁷⁷.

Архивы и библиотеки Зубарев рассматривает как особые помещения для хранения письменных памятников, которым культурные народы во все времена придавали громадное значение¹⁷⁸.

Он дает подробное описание письменных памятников Древней Руси, начиная с договоров Олега с греками (X в.). Обзор заканчивается укором в адрес “нынешнего поколения, окончательно забывшего предков, чтущего богов чужих и рабски преклоняющегося перед западноевропейской культурой и просвещением”¹⁷⁹.

Приводя примеры отношения просвещенных людей к памятникам письменной культуры как к святыням, с одной стороны, Зубарев, с другой стороны, акцентирует внимание

на случаях невежественного отношения к ним, особенно, по его словам, характерного для начальства всех степеней. При этом он произвольно смещает хронологические рамки, в равной степени обвиняя и тех, кто “оклеивал пергаменными листами типографские станки в XVII веке”, и тех, кто уничтожал документы “на законном основании” уже “лет 30–40 тому назад”.

Более того, Зубарев ссылается на собственные наблюдения: «В правилах для хранения и уничтожения решенных дел по одному из наших министерств мы встретили нелепый пункт, в соответствии с которым “продаже не подвергаются только такого рода дела, содержание коих признается подлежащим тайне” Такие дела уничтожаются сожиганием при отоплении печей в здании» — !!! (пунктуация автора. — Т. Х.)¹⁸⁰. После указания на причины гибели документов, связанные с необразованностью мелких канцеляристов, Зубарев замечает, что старшие чины канцелярий: начальники отделений, делопроизводители и столоначальники, которые, по меткому выражению Николая I, и правят государством, в такие “мелочи” входить считают для себя унизительным. Их понятия об архивном материале не идут дальше извлечения из него необходимых для себя справок и списывания, иногда целиком, составленных антецессорами докладов. Все обстоит так, как повелось с учреждения министерств и даже ранее¹⁸¹.

Касаясь истории архивного дела, Зубарев особо выделяет деятельность Петра Великого, с которого, по его мнению, “начинается на Руси, если можно так выразиться, новая эра в архивном деле” Ее содержание он сводит к основанию специальных учреждений для хранения письменных актов, документов и дел, указывая, что, к сожалению, “распоряжение Петра о централизации в хранении архивного материала, на целое столетие опередившее в данном случае Западную Европу... осталось лишь на бумаге”¹⁸².

Затем он очень коротко и точно характеризует архивное дело при Екатерине I, Анне Иоанновне и Екатерине II, особо выделяя деятельность “первого в России ученого архивиста Федора Ивановича Миллера” — “немца по происхождению, русского по духу”. Но в целом, пишет Зубарев, научной разработкой архивов никто не занимался, если же что-либо и предпринималось в этом направлении, то в большинстве случаев это было делом частной инициативы немногих отдельных личностей (Петр Великий, Татищев, Миллер и др.), со смертью которых умирали их благие порывы¹⁸³. По его мнению, только со времен приснопамятного митрополита Евгения Болховитинова, графа Николая Петровича Румянцева и Павла Михайло-

вича Строева взгляд на архивы понемногу стал меняться. Свой рассказ об их деятельности он заключает следующим выводом: “Митрополит Евгений и граф Румянцев явились первыми светлыми лучами, проникшими в тайники наших богатейших архивов. Они не только указали на громадное историческое значение архивных сокровищ, но и показали часть их всему просвещенному миру”¹⁸⁴.

В хронологической схеме развития отечественного архивного дела он даже выделяет особый период: «Просветительская деятельность графа Румянцева на пользу Родине навеки занесена на скрижали русской историографии под названием “эпохи Румянцева”».

Впрочем, оговаривается Зубарев, одновременно было положено основание другой эпохе в архивном деле, которую можно назвать “эпохой бумажных предписаний по устройству архивов... никого и ни к чему не обязывающих”¹⁸⁵.

В связи с этим он подробнейшим образом характеризует ведомственные инструкции и правила, делая резкий, но обоснованный вывод: “Правила были введены новые, а взгляды на архивы у департаментского начальства оставались старые. Закон говорил одно, а на деле было совершенно иное. <...> Директора департаментов в двадцатых годах прошлого (т. е. XIX. — Т. X.) столетия решительно не придавали никакого научного значения архивному материалу, смотрели на него как на никому не нужный старый канцелярский хлам, а потому давали понять окружающим, что архив есть нечто совсем неважное, третьестепенное, вроде свалочного места, и что там порядочному чиновнику делать нечего... Свято соблюдая эти догмы, департаментские чиновники смотрели на архив и архивную службу с презрением. Самая должность архивариуса считалась унижительной, так как в ней всякий чиновник видел конец служебной карьеры... К сожалению, этот твердо установившийся взгляд, перекатываясь от одного чиновничьего поколения к другому, дошел, наконец, и до нашего времени!”¹⁸⁶. Однако, пишет Зубарев, начиная с самого умного человека в России А.С. Пушкина, все лучшие люди России, и в частности “люди науки в XIX веке, все более и более сознавая важное значение архивных сокровищ *в государственно-административном, общественном и научном отношениях* (выделено нами. — Т. X.)... воочию убеждались в неудовлетворительном их состоянии, что, естественно, должно было вызывать с их стороны особую заботу об изменении к лучшему этого важного дела”¹⁸⁷.

Нам представляется этот тезис Зубарева очень важным: впервые архивное дело рассматривается как общенациональный предмет заботы “всех лучших русских людей XIX века”.

Развивая свою мысль, автор приводит в доказательство образование особых ученых обществ, принесших несомненную пользу исторической науке. Среди них он выделяет учрежденную 14 июля 1828 г. при Академии наук археографическую экспедицию, начальником и инициатором каковой был Павел Михайлович Строев. Она, по мнению Зубарева, “оказала громадную услугу Родине... Если бы не было П.М. Строева, вся жизнь которого с юношеских лет до глубокой старости (род. в 1796 г., ум. в 1876 г.) представляет собою сплошную археографическую экспедицию... то, может быть, наше архивное дело находилось бы и поныне в том же печальном состоянии, в каком оно было в первые годы прошлого столетия”¹⁸⁸.

Но, пишет Зубарев, все способы и меры, предпринимаемые к улучшению архивов со стороны ученых обществ, частных лиц и правительства, носили скорее частный характер и касались лишь одной стороны архивного дела. “Литературы по архивоведению, если не считать нескольких заметок и статей, особого значения не имевших, долгое время на Руси совершенно не было, *как не существовало и самой науки а р х и в о в е д е н и я*” (выделено нами, разрядка автора. — Т. Х.).

И далее следует ключевой тезис его статьи: “Только с 1869 года начинает зарождаться совершенно новое течение в архивном деле в России, давшее прекрасные результаты и по справедливости имеющее право быть названным славною эпохою Калачова”¹⁸⁹.

Итак, от эпохи дописьменных памятников истории и архивов-библиотек к эпохе Петра Великого, а затем через “эпоху Румянцева и бумажных предписаний” — к “славной эпохе Калачова” Такова согласно Зубареву была логика развития архивного дела и отечественного архивоведения (он пишет это слово через два “ять”, т. е. понимает ее не как ремесло, а как науку об архивах). Именно потому, что он обуславливает эту логику все большим осознанием в обществе и самим государством архивов как жизненно важного для их существования и национального самосознания феномена, мы считаем исторический очерк Зубарева первой оригинальной попыткой подлинно научной оценки генезиса, становления и развития системы архивоведческих взглядов от дописьменных времен до посткалачовского периода.

На последующих страницах Зубарев излагает детали деятельности Калачова-архивиста, называя его новым пророком в архивном деле. Приведем его оценку основанного Калачовым Археологического института: “Получив в 1905 году наименование Императорского... Археологический институт является по настоящее время единственным в России рассадником специ-

альных знаний, не дающим своим питомцам решительно никаких прав”¹⁹⁰.

В дальнейшем он делает неожиданный, парадоксальный вывод: “А отсюда уже станет ясным и понятным, что при современном, к сожалению, очень ложном взгляде на науку и общем стремлении через диплом получить возможность пользоваться материальными благами в жизни в Археологический институт идут, по большей части, люди, ищущие только знаний, люди идеи и дела... Лекции слушаются и молодыми людьми, и средовиками, и почтенными старцами. Среди слушателей встречаются лица духовного сана, военные от подпоручика до генерала, гражданские чиновники различных ведомств, преподаватели и преподавательницы, студенты и курсистки, инженеры, архитекторы и художники. <...> Институт по-прежнему имеет громадное значение в общем движении самосознания”¹⁹¹, сравнимое с ростом числа ученых губернских архивных комиссий — с 4 в 1884 г. до 26 в 1910 г.

В заключительных строках И.И. Зубарев очень точно определяет весомый вклад Н.В. Калачова в новую науку — архивоведение, в организацию первого высшего учебного заведения для подготовки специалистов в области архивного дела и в создание массового общественного движения архивистов в России. По мнению Зубарева, “если бы не рутинные взгляды некоторых ведомств и не нищенское содержание архивариусов, то, несомненно, большая часть русских архивов находилась бы в образцовом состоянии”¹⁹².

Нужно сказать, что эта мысль на последних страницах введения становится главенствующей. Приведя цитату Калачова о том, насколько далеко отстоят от идеала хранители наших архивов, Зубарев отмечает: «Прошло с тех пор тридцать лет. Много, конечно, за это время изменилось к лучшему, но все-таки “отработанный пар” департаментов и канцелярий по-прежнему передается на хранение в архив в качестве архивариусов и их помощников и там преблагополучно дремлет, вспоминая о былых годах и ожидая мирного переселения в обитель “иде же несть болезнь, ни печаль” Виною такого ненормального отношения являются начальники различных учреждений, *не желающие знакомиться с требованиями архивной науки*. Как быстро ни движется архивоведение вперед, но подавляющее большинство начальников учреждений имеет еще слишком превратный взгляд на архивы. *Многие из них решительно не придают им никакого научного значения* (здесь и выше выделено нами. — Т. Х.), а у тех, которые высказываются за лучшую постановку архивов, большею частью слова идут вразрез с делом»¹⁹³.

И.И. Зубарев считает научное изучение архивов составной частью всеобъемлющей науки, которую он называет отечествоведением. По его мнению, это предмет, который необходимо изучать каждому гражданину: “В наших учебных заведениях всех типов и наименований требуются широкие познания обо всем на свете, кроме Родины”. При этом особенно актуально звучат его слова о том, что в Западной Европе такой взгляд на изучение своей истории давно вошел в жизнь народа, а потому там дорожат самым незначительным, по-видимому, памятником, «у нас же, наоборот, люди, получившие высшее образование, сплошь и рядом относятся с обидным пренебрежением к драгоценнейшим памятникам родной старины и не прочь их уничтожить... На Западе прекрасно осознали, что “беспорядок в архивах есть внутренняя болезнь государства”, а потому там, не жалея ни средств, ни времени, давно уже принялись эту болезнь лечить и достигли блестящих результатов»¹⁹⁴. Отсюда следует его логический вывод: “Чтобы разрешить уже достаточно наболевшие архивные вопросы, кажется, не будет преждевременным учреждение вновь *из специалистов-архивоведов* особой Комиссии по устройству русских архивов. Пусть она займется всесторонними исследованиями о современном состоянии и нуждах архивного дела в России и вырабатывает *одинаковые для всех архивов правила, которые и должны быть внесены на обсуждение Государственной Думы и Государственного Совета*”¹⁹⁵ (здесь и выше выделено нами. — Т. Х.).

Выведение архивного дела на уровень общенациональной задачи государственного значения дает достаточные основания для того, чтобы считать И.И. Зубарева одним из основоположников науки об архивах нового типа, основы которой были заложены Калачовым и получили свое развитие уже в новом, классическом, архивоведении XX в.

Другим продолжателем идей Калачова был *Иван Ефимович Андреевский* (1831–1891)¹⁹⁶.

Отметим, что поскольку проект Андреевского по преобразованию архивов не был вынесен на суд широкой общественности, то опубликованные источники по данному вопросу отсутствуют. Документы о его разработке и рассмотрении в правительственных сферах отложились лишь в фонде Петербургского археологического института (РГИА. Ф. 119), а также в фонде Министерства народного просвещения (РГИА. Ф. 733). В частности, в фонде 119 (Оп. 1. Д. 48) находится записка Андреевского “О некоторых реформах Археологического института, в связи с его заботами о приведении в порядок русских архивов”, анализ которой и привел нас к выводу о преемственности основных идей Андреевского с аналогичными за-

мысли Калачова, хотя и на более локальном уровне. Основные биографические данные о жизни Андреевского находятся в формулярном списке ученого, хранящемся в Российском государственном историческом архиве.

И.Е. Андреевский — известный юрист-правовед и историк-архивист, один из первых русских архивоведов, родился в 1831 г. в семье известного петербургского врача.

Блестяще окончив гимназию, он в 1848 г. поступил на юридический факультет Петербургского университета. В 1852 г. после окончания университета поступает на службу в камеру петербургского губернского прокурора и одновременно готовит магистерскую диссертацию на тему «О правах инородцев в России до вступления Иоанна III на престол Великого княжения Московского», которую защитил в 1864 г. Начиная с 1855 г. он более 30 лет преподавал в Петербургском университете, последовательно пройдя все ступени научной и административной иерархической лестницы — от адъюнкта до заслуженного профессора и ректора. В 1864 г. после защиты диссертации «О наместниках, воеводах и губернаторах» становится доктором государственного права. Анализ этой работы Н.В. Калачов посвятил отдельное исследование¹⁹⁷.

Главным научным трудом Андреевского является его двухтомный труд «Полицейское право»¹⁹⁸. В Петербургский археологический институт был приглашен Н.В. Калачовым для чтения курса лекций по истории полицейского права и земских учреждений.

После смерти Калачова в 1885 г. Андреевский сменил его на посту директора института и заведующего кафедрой архивоведения, продолжая оставаться ректором университета. С 1887 г. он полностью отдал себя работе на посту директора института, развивая научные принципы Н.В. Калачова.

Как указывал К.А. Мазин, «Андреевскому, не знакомому с практической работой архивов, было, вероятно, крайне трудно продолжить курс по архивоведению, не снижая того высокого профессионального уровня преподавания основной дисциплины, на котором читал его “король архивов” Калачов, но он сумел преодолеть это благодаря своему трудолюбию и старательности»¹⁹⁹.

По его инициативе для изучения зарубежного опыта за границу был направлен выпускник Петербургского археологического института Н.С. Ланской, который познакомился с состоянием архивов Франции и Бельгии, а также прослушал курс лекций в Школе Хартий в Париже.

В конце 80-х годов Андреевский выступает с проектом архивной реформы, в основе которой лежит идея централиза-

ции управления архивным делом России. Функции центрального органа управления архивами, по его мнению, должны были быть возложены на Петербургский археологический институт, который бы опирался в своей деятельности на губернские ученые архивные комиссии.

Проект реорганизации архивного дела, несмотря на свою ограниченность по сравнению с аналогичным проектом Калачова (из сферы его применения практически исключались крупнейшие исторические архивы Петербурга и Москвы), являлся важным свидетельством дальнейшего развития отечественной архивоведческой мысли в эпоху, когда деятельность Калачова уже закончилась, а деятельность Самоквасова в этом же направлении еще не началась.

Много места в работах Андреевского занимает разработка мер по совершенствованию деятельности комиссий, целью которой он считал создание губернских исторических архивов в виде цельных коллекций актов, свидетельствующих о прошлом губернии²⁰⁰. Борьба за реализацию проекта реорганизации архивного дела на основе взаимодействия института и губернских комиссий в России окончилась неудачей.

После смерти Андреевского в 1891 г. его план реформ был оставлен без движения в министерских канцеляриях и других бюрократических учреждениях, куда был направлен для согласования. Этому способствовал отрицательный отзыв “покровителя института” великого князя Сергея Александровича, которому в свое время Андреевский преподавал основы государственного права. В записке, направленной ученому в ответ на посланный князю проект архивной реформы, говорилось: “Его Высочество, совершенно разделяя Ваше мнение, находя мысль правильно и предоставляя Вам, если надеетесь на успех, действовать по усмотрению, полагает, что проект вряд ли осуществим по грандиозности и обширности программы, неудобоисполнительности и встретит непреодолимые препятствия”²⁰¹.

К числу важных в теоретическом и методологическом планах идей Андреевского современные исследователи относят его предложения о централизации исторических архивов, создании единого карточного каталога для них, а также о публикации архивных документов особой важности в специальном приложении к “Вестнику” Петербургского археологического института. Так, в одном из более поздних изданий своей работы “Науки об архивах” (СПб., 1887) в главе “Устройство архивов и их ведения” он писал: “Ввиду предприятий, добытых Баварией, а теперь Пруссией и Бельгией, представляется весьма желательным иметь центральное управление всеми историче-

скими архивами страны, на которое могут быть возложены такие функции: 1. Сосредоточить в этом учреждении (конечно, постепенно) карточки всех исторических архивов. <...> 3. Содействовать накоплению персонала работающих в архивах лицами знающими. <...> 5. Содействовать установлению связи между историческими архивами и историческими обществами”²⁰².

В 1890–1891 гг. он возглавлял общую редакцию Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, поместив там ряд крупных статей, в частности: “Архивы”, “Архивоведение, или Наука об архивах”, “Археологические институты и археологические школы”, “Архивное право”, “Архивные ученые комиссии”

В своих работах Андреевский всегда подчеркивал большое значение Калачова, создавшего Петербургский археологический институт по образцу парижской Школы Хартий. По его мнению, цель школы — на научном поприще померяться силами с Германией и тем самым сохранить за Францией ее почетное место в Европе. В лекциях перед студентами института он говорил дословно так: “Учредитель Археологического института, имя которого произносится здесь, в его родной семье, всегда с великим уважением и благодарной памятью, — Николай Васильевич Калачов положил в основу института начала, весьма схожие с началами *Ecole des Chartes*”²⁰³.

Иначе говоря, для Андреевского, как и для Калачова, и И.И. Зубарева, очень важно было обратить внимание правительства и общества на государственную роль архивов, на их место в процессе развития общенационального самосознания.

На наш взгляд, для становления классической науки об архивах наибольшее значение имеет сформулированная Андреевским концепция единения архивов в масштабах “отдельной страны, а впоследствии — целого мира с целью обеспечения всеобщих научных работ” Именно эта часть его лекций выпала из поля зрения исследователей, поэтому представляется целесообразным проанализировать ее более детально.

Уже во введении к своей “Науке об архивах” он намечает пути к познанию сути архивов, которые мы относим к целостной характеристике их онтологической, гносеологической и социокультурной сторон. И.Е. Андреевский, прежде всего, разделяет значение архивов “в обширном” и в “тесном” толкованиях этого понятия.

Значение [архивов] в “обширном” смысле, по мнению Андреевского, определяется изначально тем, что «как отдельному человеку, размышляющему и действующему, так и единению людей, особенно же единению политическому, свойст-

венно желание и стремление сохранить следы своих мыслей и деяний на будущее время. Если развернуть любой средневековый договорный акт, то в каждом из них прямо мотивируется это желание: “что ся даете по временем, то отъиде по временем... а либо грамотою утвердят, то будет всем ведомо, или кто после живой останется” Еще ярче эта самая мысль выражена по отношению ко времени, когда письменных актов не заключали и когда пользовались тем, что предоставляляла природа прочного — скалу, дерево и проч., чтобы тут начертать тот или другой знак о своем деле, как указание для будущих потомков»²⁰⁴.

Хотелось бы обратить внимание на то, что со времен Калачова в русском архивоведении утвердилась концепция происхождения архивов “в обширном” понятии этого слова непосредственно из попыток человека зафиксировать память о своем пребывании на земле для будущих потомков. Это отныне становится своеобразной визитной карточкой отечественной науки об архивах, которая впоследствии, с нашей точки зрения, определила характер классического архивоведения. “Но, — пишет далее Андреевский, — по мере развития письменности потребовалось создавать архивы в тесном значении этого понятия... И уже в этом тесном значении архив имеет четырех родов значение и отношение:

Архив как хранилище документов характера юридического...

Архив как хранилище правительственных и общественных документов, имеющих государственную важность... Особое значение в этом отношении [имеют] военные и финансовые архивы.

Архив как хранилище документов чисто исторических. Его связь и близость с библиотекой [несомненна], но отличие состоит в деле управления и способах пользования.

Архивы частных лиц и союзного строя” (т. е. смешанного характера. — Т. Х.).

Затем следует вывод Андреевского, который служит “точкой бифуркации” между традиционным (эмпирическим) архивоведением и зарождающейся наукой об архивах нового типа — классическим архивоведением: “Наука об архивах пытается в настоящее время всем этим четырем видам архивов сообщить единство. Доставка такового в отдельной стране может иметь последствием *единение архивов целого мира*: обеспечение всеобщих научных работ”²⁰⁵. В этих строках, написанных в 1887 г., предвосхищена современная идея создания единого архивно-информационного пространства в глобальном масштабе. К сожалению, ни современники, ни позднейшие исследовате-

ли не оценили важности этой мысли И.Е. Андреевского и она осталась незамеченной.

Последним представителем школы Калачова является *Александр Петрович Воронов*.

Его работа “Архивоведение”²⁰⁶ носит не самостоятельный, но во многом компилятивный характер, что, по-видимому, дало основание Д.Я. Самоквасову назвать его случайным лектором, учителем гимназии и одновременно библиотекарем. «Курс этого лектора, — писал он, — читаемый по одному часу в неделю, не имеет ничего общего с “наукой архивоведения”, преподаваемой в западноевропейских университетах профессорами-специалистами»²⁰⁷.

Правда, в Российском государственном историческом архиве²⁰⁸ содержится указание на то, что А.П. Воронов несколько лет проработал архивариусом в Петербургском университете, неоднократно обследовал русские архивы и выезжал во Францию для знакомства с работой Школы Хартий, но в целом оценка Самоквасова достаточно справедлива.

В “Архивоведении” А.П. Воронова во многом есть возврат к более узкому, чем у Калачова, Зубарева и Андреевского, пониманию архивов. Так, во введении он определяет значение слова “архив” (в переводе на современный язык) как “особое учреждение для хранения письменных актов и вообще бумаг, имеющих какое-либо историко-юридическое значение” Поэтому, с его точки зрения, летописи, записки, письма и т. п., должны храниться не в архиве, а в библиотеке.

Архивы в собственном смысле слова, по Воронову, представляют собой дела, выделенные из текущего делопроизводства, а исторические архивы соответственно те, которые окончательно отделились от текущего делопроизводства, т. е. в них хранятся материалы более или менее древние²⁰⁹. В соответствии с толкованием ученого главное значение архивов — практическое (юридическое): “Повсеместность архивов ясно свидетельствует о том, что эти учреждения созданы практической необходимостью, их очевидной пользой для обыденной жизни”²¹⁰.

Отсюда следует его первый важный в рамках нашего исследования вывод: “На деятельность по устройству архива можно смотреть с двух точек зрения:

как на ограждение прав, которые принадлежат многочисленным разрядам так называемых юридических лиц,
как на услугу и, пожалуй, жертву, приносимую науке”²¹¹.

В комментариях к списку литературы Воронов указывает, что каждое министерство имеет право разрабатывать инструкции и правила для архивов своего ведомства, причем приводит

длинный список правил, изданных, например, министерствами иностранных дел, юстиции, военным, морским, путей сообщения, земледелия и государственных имуществ, св. Синода и т. п.²¹²

Соответствующим образом построена и его книга. Отдельные главы посвящены следующим темам: “Помещение и внешнее устройство архивов” (гл. 1), “Система расположения архивного материала” (гл. 2), “Описание дел и составление указателей” (гл. 3), “Принятие архивом дел и включение принятого в архивный материал” (гл. 4), “Выдача справок и допущение к занятиям посторонних лиц” (гл. 5), “Уничтожение дел” (гл. 6) и “Управление архивом и централизация архивов” (гл. 7). Все главы и разделы представляют собой добросовестное изложение взглядов, содержащихся в доступной Воронову архивоведческой литературе. Но его концептуальные взгляды на суть и значение архивов, а также на задачи архивиста уже не отвечали достигнутому уровню архивоведческой мысли и в России, и в Западной Европе.

Отметим в этой связи, что в издании “Древности. Труды Археографической комиссии Имп. Археологического общества”²¹³ Н.Н. Харузин (речь идет о сотруднике МАМЮ самоквасовского призыва, как его называет Л.И. Шохин в “МАМЮ и русская историческая наука”) опубликовал для сведения русской научной общественности результаты анализа новейшей работы французского историка, источниковеда и архивоведа Ш. Ланглуа “Наука об архивах”, опубликованной в “Revue internationale des archives et des Musées”²¹⁴. Отмечая, что Ланглуа не знаком с русской архивоведческой литературой, Харузин акцентирует внимание русских читателей на том, что, по мнению французского ученого, в постановке архивного дела произошел коренной перелом сравнительно с еще недавним прошлым, а именно: “практические цели архивов, прежде бывших, по выражению автора, арсеналами для юридических доказательств своих прав, отходят все больше на второй план, их заменяют цели ученые: архивы обрабатываются в хранилище исторических сведений. Заведующие этими хранилищами за последние 100 лет сделали многое для обогащения их... благодаря их трудам возникла наука об архивах, в ее современном виде” (выделено нами. — Т. Х.), хотя она, даже в Германии, по сравнению с теорией и практикой библиотечного дела, “находится еще в младенческом состоянии” В то же время, как считает Ланглуа, “наука должна идти вперед... Чем больше сделано для развития науки, тем более чувствуются пробелы, тем более развивается критическое отношение к прежним работам и тем шире и грандиознее представляются задачи науки”²¹⁵.

Трудно предположить, что Воронов не был знаком с работой Ланглуа — если не в оригинале, то хотя бы в изложении автора рецензии на монографию французского ученого, помещенную во вполне доступных ему “Трудах Археографической комиссии”. Тем не менее в целом его взгляды отражают если не “младенческое состояние” архивоведения, то, всяком случае, далеко от того понимания сути архивов, которое заявлено в работах его предшественников по Петербургскому археографическому институту и многих современников включая Ш. Ланглуа.

Представляется недостаточно обоснованным мнение, согласно которому именно Воронов — автор термина “архивоведение” и данного ему определения²¹⁶. Если с формальной точки зрения это утверждение и может соответствовать действительности (сам Илизаров предпосылает ему осторожную оговорку — возможно), тем не менее дефиниция Воронова не содержит в себе ничего принципиально нового. Он просто переводит на русский язык немецкие понятия “archivwissenschaft” (французский синоним “science des archives”) и “archivkunde” (“service des archives”)²¹⁷. Калачов и особенно Зубарев, как показывает наш анализ, понимали характер науки об архивах гораздо шире. Во всяком случае, они не сводили характер архивной науки к утилитарной задаче, связанной с выработкой основ наилучшего и наипростейшего устройства и ведения архивов, обеспечивающего не только сохранность архивных материалов, но и удобство пользования ими в интересах научных и деловых. Правда, Воронов подчеркивает и важность второй задачи архивоведения — сделать содержание архивов известным и ввести его в научный оборот не только своего народа, но и международный. Но и такая формулировка уступает по глубине дефиниции задачи по “всемирному единению архивов”, сформулированной И.Е. Андреевским.

Другое дело, что именно широкий диапазон изученных Вороновым русских и иностранных источников позволил ему включить в свои работы сведения о самых современных взглядах на архивную практику, которые он изложил в одной из глав своего “Архивоведения”, а также в докладе “Французские областные архивы”²¹⁸. В докладе Воронов впервые в отечественной литературе употребил термин “фонд”, давая его, впрочем, без перевода на русский язык. Касаясь вопроса классификации департаментского архива во Франции, он пишет: “Каждая серия представляет собой несколько так называемых fonds. Fonds — это совокупность бумаг, принадлежащих одному учреждению, одной корпорации, одной фамилии (очевидно, имеется в виду семья, род. — Т. Х.), одному лицу. Словом, fonds —

это исторически сложившаяся группа дел. Классифицировать *par fonds* (по фондам. — Т. Х.) — значит соединить вместе те бумаги, которые были собственностью одного учреждения, одной корпорации, одной фамилии, одного лица. Внутри *fonds* бумаги располагаются смотря по удобству, или в хронологическом порядке, или в топографическом, или в алфавитном”²¹⁹.

Судя по приведенной выдержке, автор в конце XIX в. еще не вполне уяснил революционное значение принципа пофондовой систематизации дел, употребив механистическое понятие “соединить бумаги вместе” Во всяком случае, участники Киевского археологического съезда в 1899 г. в ответ на его выступление на съезде немедленно возразили, что “средоточие всех архивов в одном из министерств едва ли можно признать и желательным, и возможным” и что трудно, почти невозможно отделить от учреждений их архивы²²⁰. Но уже в своей более поздней работе “Архивоведение” (1904) Воронов расширил и уточнил понимание принципа классификации по фондам, определив его как принцип систематизации дел на исторической основе. Именно он дал первое классическое определение данного принципа: “Истинный принцип архивного порядка есть историческое распределение архивного материала. Эта система не навязывается извне, а вытекает из самого содержания архива. *Все, что жило самостоятельно в прошлом, должно жить самостоятельно и в архиве. Распознать эти организмы в архиве есть первая задача каждого истинного архивариуса. По удачному сравнению Делаборда, библиотека есть нечто, тогда как архив есть некто, а потому архив не может расчленяться произвольно, как библиотека. Каждый старый архив заключает определенные, исторически сложившиеся составные части, которые должны быть обязательно сохранены...*” (выделено нами. — Т. Х.)²²¹.

Пожалуй, в данном случае мы встречаемся с одним из редчайших явлений в истории науки: автор формулирует вполне очевидные для него принципы архивного дела, не отдавая себе отчета в том, что удачная трактовка французского понимания *fonds* как лучшей формы расположения архивного материала становится основой для революционной перемены во взглядах на все содержание работы архивиста и науки об архивах. То, что интуитивно осознавалось наиболее мыслящими представителями традиционного архивоведения, в чеканных строках Воронова стало самым кратким изложением “теоретического ядра” новой науки об архивах, которую мы называем классической.

Впрочем, комментируя взгляды Воронова, В.Н. Автократов отметил, что русский ученый справедливо отметил непосредственность французских архивистов, которые, например,

сохраняют наряду с фондовым принципом классификации искусственную группировку дел по сериям, выделяя за счет всех отделов документы в серию А (Акты верховной власти и государственного имущества), нарушая тем самым принцип целостности фондов²²².

Даже у французских архивистов, по мнению Е.В. Старостина, не было однозначной оценки введенного ими принципа — принципа происхождения (уважения к фонду), который заменил предметно-логический принцип²²³. Принцип происхождения ведет свое начало со знаменитой “Инструкции о приведении в порядок классификации архивов” МВД Франции от 24 апреля 1841 г., составленной Н. де Вайи для департаментской администрации. Тем более странно, когда тот же автор инкриминирует Н.В. Калачову, видному архивисту пореформенной России, “определенную некомпетентность, когда он в своих статьях и выступлениях продолжал ратовать за предметно-логический принцип классификации документов”²²⁴. Кроме того, он противопоставляет взглядам Калачова взгляды директора МАМИД М.А. Оболенского и заведующего (с 1875 г.) архивом II отделения с.е.и.в. канцелярии Д.В. Поленова (вслед за Автократовым Старостин приводит их инициалы неточно: “К.А.” — у Оболенского и “В.Д.” — у Поленова. — Т. Х.), которых он называет серьезными оппонентами среди архивистов²²⁵. Думается, здесь допущена внеисторичность оценки взглядов Калачова и позиций его оппонентов. Проведенный нами анализ показывает, что неправомерно приписывать Калачову применение систематического метода. Он использовал его только при издании Русской Правды²²⁶.

Дело обстояло сложнее. Не касаясь специальных археографических проблем, исчерпывающим образом проанализированных в трудах современных исследователей (С.Н. Валк, В.П. Козлов, С.В. Чирков и др.), приведем в качестве примера два во многом противоположных подхода к задачам описания архивных материалов тех предшественников Калачова, взгляды которых доминировали во время его работы в МАМЮ.

В первую очередь отдельного доксографического очерка в этом плане заслуживает **Александр Христофорович Востоков (Остенек)** (1781–1864)²²⁷ — филолог, поэт, археограф и архивист. Знаток славянского языка и истории русской литературы, автор знаменитой работы “Описание областного великорусского языка”, первый издатель древнейшего памятника XI в. “Остромирова Евангелия”, академик (1841).

Для истории архивного дела наибольший интерес представляет составленное и изданное А.Х. Востоковым в 1842 г. “Описание русских и словенских рукописей Румянцевского

музеума". В нем представлены научно-справочные сведения о почти 500 славянских и русских рукописях XIII–XIX вв. Над этим трудом он работал 18 лет. Многие из архивистов при описании документальных материалов использовали труд Востокова как образец, которому нужно следовать.

Востоков рассматривал описание как средство раскрытия содержания документальных памятников старины, способствующих "принести некоторую пользу ученому миру" Он был сторонником описей, построенных по алфавиту названий рукописей, или, как говорил, "по азбучному порядку заглавий, а не по форматам и не по содержанию" Иногда алфавитный порядок названий подменялся алфавитным порядком имен авторов рукописей.

Наиболее целесообразной системой построения описей Востоков считал *предметно-систематическую*, согласно которой предлагалось описываемые материалы группировать по содержанию и располагать в порядке их значимости. Однако практически этот *теоретический* принцип Востоков не мог осуществить в полной мере.

Он писал, что "предпочел бы разделить каталог рукописей по содержанию на отделения богословия, истории и т. д., если бы в одной и той же рукописи не содержалось часто разнородных частей, и к богословию, и к истории, и к другим предметам относящихся".

В отличие от П.М. Строева, сторонника приемов краткого описания, Востоков стоял на противоположных позициях. Он подходил к описанию рукописей с точки зрения историка-археографа, *палеографа* и *языковеда*, а не архивиста. Считал обязательным при описании рукописей не только давать их заголовки, указывать формат, количество листов, писчий материал, датировать и т. д., но и раскрывать самым детальным образом содержание каждой рукописи, обращая особое внимание на наиболее важные, с точки зрения составителя описи, места. Он требовал приводить в описании обширные выписки из документов, воспроизводить начертания букв, не исправлять ошибки писцов. Кроме того, А.Х. Востоков считал необходимым давать в описании анализ документов, точно устанавливать их авторскую принадлежность, адресата, место и время происхождения и т. д. В этой связи характерно его указание по поводу копирования одной из рукописей старославянского перевода греческой поэмы Константина Манассия в Ватиканской библиотеке: "Места нелюбопытные (по-видимому) для историка могут быть весьма любопытны и поучительны для грамматика и антиквария", поэтому в ней нельзя исправлять ни одной буквы.

Взгляды А.Х. Востокова нашли применение в составленном им описании рукописей Румянцевского музея. Описание получилось очень объемным: минимальный размер описательной статьи занимал пять-шесть страниц большого формата.

В дискуссии о принципах описания между Востоковым и гр. Н.П. Румянцевым, с одной стороны, и П.М. Строевым и К.Ф. Калайдовичем — с другой, впервые в русской археографии оформились представления о двух типах научно-справочных пособий: *библиографическом* (учетно-регистрационного характера) и *энциклопедическом* (с элементами исследования источников, включенных в описание).

Для сравнения приведем изложение взглядов оппонента Востокова. Им был прежде всего *Константин Федорович Калайдович* (1792–1832)²²⁸ — археограф, историк, активный член Румянцевского кружка.

Вся научная деятельность К.Ф. Калайдовича была связана с собиранием, описанием и изданием исторических источников. Только тогда, писал он в 1824 г., “должно ожидать открытий, когда многочисленные книгохранилища, на пространстве нашей империи рассеянные, будут ученым образом исследованы и описаны” Еще студентом он принимал участие в такого рода работах, описывая книжные коллекции Ф.Г. Баузе и П.К. Хлебникова. Окончив в 1810 г. Московский университет, напечатал ряд статей в “Вестнике Европы”

Выбранный членом Общества истории и древностей российских составил рефераты “О древностях славяно-русских”, “Замечания на статью князя Щербатова об одной монете” и др. По предложению Калайдовича общество предприняло издание “Русских достопамятностей”. Он же стал и его редактором. В 1814 г. поступил на службу в Московский архив Коллегии иностранных дел.

Вскоре его постигли неудачи, он запил, был замешан в громком скандале во Владимире. Чтобы избавить Калайдовича от судебного преследования, отец объявил его сумасшедшим. Полгода он провел в доме для умалишенных, а затем год в Песношском монастыре на положении послушника. После выхода из монастыря пробыл некоторое время в Калуге, где нашел ценную рукопись Кириши Данилова “Древнерусские стихотворения” и издал ее в 1818 г. с обстоятельным предисловием, представляющим первый опыт исследования русского былинного эпоса.

С 1817 г. К.Ф. Калайдович участвует в работах Кружка Румянцева; в должности контркорректора принял участие в подготовке изданий Комиссии печатания государственных грамот и договоров при Московском архиве Министерства ино-

странных дел. По его настоянию Общество истории и древностей российских выпустило 13 листов издания Лаврентьевской летописи. В том же, 1817 г., он присоединился к знаменитой археографической экспедиции П.М. Строева. В этой поездке им были сделаны такие крупные находки, как “Судебник Ивана III” и знаменитый “Святославов изборник 1073 г.”

В 1818 г. Калайдович в рецензии на описание рукописи Академии наук *впервые в архивоведении* сформулировал основные принципы описания:

“Держаться предположенного однообразия плана, то есть, разделив рукописи по форматам, означать заглавие каждой особенными буквами. Дабы отделить свое чтение от древнего, сохранять везде верный счет листов, исчислять все статьи, нередко в рукописях под одним заглавием помещенные, замечать в оных только значащие приписки и в недостатке указания времени, к коему рукопись принадлежит, определять с вероятием век ее писания, тщательно замечая, уставным, полууставным почерком или скорописью она начертана”²²⁹.

Калайдович был сторонником форматного принципа расположения рукописей в каталогах — тогда возрастала роль указателя. В нем он видел единственную систему и надежный ключ, где “под означением автора приведены все разбросанные по библиотеке его творения, под наименованием известной книги собраны все номера одного названия” В результате на 729 страниц описания библиотеки гр. Ф.А. Толстого приходится 80 страниц азбучной росписи именам сочинителей, переводчиков, писцов, вкладчиков и других лиц, географическим названиям мест, монастырям, церквам и ученым предметам²³⁰. Речь идет о богатой коллекции памятников древней письменности, которая была собрана Толстым при деятельном посредничестве и содействии со стороны Калайдовича. Поэтому вполне справедливо, что Толстой поручил их описание именно ему. Этим он занимался с 1818 по 1824 г. Но затем граф, вопреки обещанию, продолжение описания поручил П.М. Строеву. Неожиданный удар потряс Калайдовича. Все лето 1825 г. он проболел “нервическим расслаблением”

В это тяжелое время Калайдовича поддержал Н.П. Румянцев, поручивший ему составить описание славянских и русских рукописей Московской синодальной библиотеки. Калайдович принялся за работу, но... Смерть Румянцева окончательно его подкосила. У него вновь проявились признаки душевного расстройства.

В 1828 г. Калайдович пытается еще издавать журнал “Русский зритель” Однако полностью его здоровье так и не восстановилось. Он умер в 1832 г.

Следует отметить сочинение Калайдовича “Иоанн, экзарх болгарский” Это — исследование, объясняющее историю славянского языка и литературы в IX и X столетиях (1824). В приложениях помещены тексты сочинений и переводов Иоанна и снимки. Богатство представленного в нем нового материала и основательные выводы позволили занять этому сочинению одно из первых мест в ряду русских трудов по славянской филологии.

Из трудов и изданий Калайдовича наиболее известны: “Русские достопамятности” (ч. 1, 1815); “О языке Слова о полку Игореве” (1818); “Законы великого князя Ивана III и Судебник царя Ивана IV” (1819); “Памятники российской словесности XII в.” (1821). В “Памятники российской словесности” были включены творения Кирилла Туровского, Слово Даниила Заточника и пр., “Описание рукописей графа Ф.А. Толстого” (1825).

В контексте нашего исследования среди трудов Калайдовича особо выделяются его теоретические разработки и практика применения правил составления описей. Он возражал Румянцеву и Востокову, которые видели научность описания в обширных выписках из источников, их филологическом и грамматическом анализе.

“Иное дело составить подробный и ученый каталог рукописям, — писал он, — который должен освещать неприкосновенные доселе книгохранилища верным указанием всего в них содержащегося, но совсем другое — дать душу сим тлеющим памятникам и оживить их” И пояснял: “Если историк объявляет требования, чтобы в нашем каталоге показаны были все отличия, находящиеся в хронографах, и сделаны из оных выписки, то такое же имеет право и оратор, и стихотворец, и медик, и математик, — т. е. или все и каждый, что практически неисполнимо, или никто”²³¹. Именно эти выработанные К.Ф. Калайдовичем принципы описания были поддержаны Н.В. Калачовым. Во многом они определялись состоянием современной ему исторической науки. Это была пора собирания исторического материала, из которого научной разработке доступны были лишь детали, частности. Отсюда теоретические положения, формулируемые Н.В. Калачовым в первый период его работы в МАМЮ. Таким образом, Калачов был преемником как минимум двух противоречивших друг другу подходов к обработке письменных памятников и, работая с архивными материалами, он должен был сделать трудный выбор.

В практике описания рукописных книг и сегодня применяются в основном принципы и подходы, сходные с теми, которые разработал и использовал на практике К.Ф. Калайдович.

Но это касалось только описаний и не относилось к масштабному перемещению архивных материалов по новой схеме систематизации.

Первым исследователем, который в 1948 г. провел аналогию между методикой анализа Русской Правды и архивоведческими взглядами Н.В. Калачова, был И.Л. Маяковский.

В уже названной нами статье “Н.В. Калачов как историк-архивист” он писал: “Приводя на заре своей научной деятельности *юридический* (выделено нами. — Т. Х.) анализ содержания Русской Правды, Калачов разбил статьи памятника на систематические предметные группы, относящиеся к государственно-му праву, к гражданскому праву, к преступлениям и наказаниям и судопроизводству”²³².

Далее Маяковский пишет: “Этот принцип систематизации изучаемых материалов он *рекомендовал* (выделено нами. — Т. Х.) применять и при упорядочении документальных материалов архивов. Подвергнуть документы какого-либо архива надлежащему разбору значит распределять их на отделы или ряды по различию их содержания, — так считал он”²³³.

Эта злополучная цитата из выступления Калачова на I Археологическом съезде в 1871 г., на наш взгляд, заставила и В.Н. Автократа однозначно причислить его к числу архивистов с формально-статистичным образом мышления²³⁴. Однако Автократов тут же отмечает, что сам Калачов за 15 лет управления МАМЮ не предпринял ничего существенного для реализации программы разделения документов по различию их содержания, причем полную перестройку архивов немногочисленные воспитанники Калачова связывали только с отдаленным будущим²³⁵.

Такую же оценку дает и Л.И. Шохин. На основании углубленных исследований он пришел к следующему выводу:

“Вникая в работу МАМЮ и помня опыт своей службы в МГАМИД, он [Калачов] пришел к убеждению, что не только хранение, но и разработка архивного материала целесообразны в том порядке, в каком они перешли в новейшие хранилища из погибших древних архивов”²³⁶.

И даже в процитированной Маяковским, Автократовым и Старостиным брошюре “Архивы” есть не замеченное, по-видимому, ими, но крайне существенное примечание, свидетельствующее о требовании Калачова сочетать логическую систематизацию с принципом недробимости фондов (такое название принцип получил позднее):

“Расположение документов, кажется, всего удобнее сделать прежде всего по местностям, а затем — по предметам ведомств и притом в хронологическом порядке. Разумеется, к

этому надо приступать с осторожностью... без искусственного дробления сложившегося комплекса дел, ибо нередко можно в одном производстве найти производство, разнородное ведомству, а *разделять документы нельзя*" (выделено нами. — Т. X.)²³⁷.

И наконец, один из самых преданных воспитанников Калачова, работавший в ученом отделе МАМЮ, Н.Н. Оглоблин определил подход к хранению архивных материалов следующим образом:

"Как для юридических справок, так и для научных занятий в архиве весьма важно, чтобы дела известного учреждения хранились сосредоточенными в одном месте. Разделять дела одного учреждения между двумя и более местами хранения — вопиющее нарушение самых азбучных истин архивного дела"²³⁸. В качестве примера добросовестного и в высшей степени профессионального труда архивистов МАМЮ приведем составленные по работе Л.И. Шохина "МАМЮ и русская историческая наука" два кратких доксографических очерка, посвященных лучшим сотрудникам архива, отдавшим все свои силы составлению описей.

Иван Дмитриевич Беляев (1810—1873) проработал в МАМЮ с 1844 по 1852 г. Он руководил составлением описи грамот Коллегии экономии, которой Екатерина II передала управление секуляризированными церковно-монастырскими землями.

В Московском государственном архиве старых дел, предшественнике МАМЮ, они хранились в виде беспорядочной груды документов. По существу их научное описание началось только после рапорта директора архива П.И. Иванова министру юстиции в конце 1847 г. и продолжалось до 1859 г.

В формуляре (личном деле) директор архива П.И. Иванов как особую заслугу И.Д. Беляева отметил, что он составил для архива формы описей, т. е. разработал методику описания архивных документов. При этом директор архива подчеркивал, что Беляев занимался этим "ученым трудом" в свободное от других служебных обязанностей время.

С 1852 г. он совмещал работу в должности начальника 2-го отделения (бывший Московский архив старых дел) с преподаванием на кафедре русской истории в Московском университете. Работая в архиве, ему приходилось преодолевать сильные боли от "бродячего ревматизма", полученного, по словам Беляева, в архивных залах.

В 1851 г. он писал историку М.П. Погодину о том, что завален работой, не видит ни дня, ни ночи, работа черная, срочная. Он подготовил научное описание тысяч столбцов Мо-

сковского стола Разрядного приказа, которые затем были изданы в 4-томном сборнике “Дворцовые разряды”

С 1848 по 1857 г. И.Д. Беляев был секретарем Московского общества истории и древностей российских. В 1865 г. перешел на постоянную работу в Московский университет в звании профессора. Ни у кого не нашлось ни малейшего повода упрекнуть его в непрофессионализме или в неуважении к архивным материалам.

Другим представителем “школы МАМЮ”, работавшим непосредственно под руководством Калачова, был *Николай Николаевич Оглоблин* (1852—?).

Окончил Киевскую духовную академию. Поступив на службу в “ученое отделение” Московского архива Министерства юстиции, получил (под руководством Н.В. Калачова) специальную архивно-историческую подготовку в Московском археологическом институте. В “ученом отделении” работал при Калачове, его преемнике Н.А. Попове и Д.Я. Самоквасове в общей сложности 17 лет (с 1880 по 1897 г.). Был уволен Д.Я. Самоквасовым в результате резких разногласий по определению главных направлений работы архивиста.

В 1898 г. Н.Н. Оглоблин опубликовал резкую статью “Ответ недобросовестному критику” с подзаголовком «По поводу “Архивного инвентаря”» Д.Я. Самоквасова. В ней он защищал принципы и методы работы своего учителя — Н.В. Калачова.

За время работы в архиве составил “Обозрение историко-географических материалов XVII и начала XVIII в., заключающихся в книгах Разрядного приказа” (1884), затем в течение восьми лет занимался подготовкой к изданию “Обозрения столбцов и книг Сибирского приказа” (4 части изданы соответственно в 1895, 1898, 1900 и 1903 гг.), одновременно шесть лет служил архивариусом Литовской метрики.

Первая крупная работа, написанная Н.Н. Оглоблиным еще во время учебы в институте, — карта Полоцкого повета во второй половине XVI в. с обширной объяснительной запиской (III и IV книги “Сборника Археологического Института”, 1880).

В “Чтениях Общества истории и древностей российских”, “Журнале Министерства народного просвещения”, “Русской старине”, “Киевской старине” и других журналах опубликовал ряд найденных им документов и поместил много статей, главным образом по истории Украины (Малороссии) и Сибири (XVII и XVIII вв.).

После 1902 г. исторические работы Оглоблина появляются редко, но в “Историческом вестнике”, “Русском богатстве”, “Вестнике знания” и других изданиях печатаются его путевые

заметки и результаты наблюдений над провинциальными (особенно деревенскими) настроениями в период после событий 1905 г.

О том, как кончилась жизнь Оглоблина, известно очень мало. Л.И. Шохин установил, что его последнее письмо было датировано 15 марта 1918 г. и направлено из приволжского городка Васильсурска, где он прожил к этому времени около 10 лет.

Таким образом, можно считать доказанным, что ни Калачов, ни его последователи ни в коей мере не нарушали на практике принципа недробимости фондов, хотя на раннем этапе они допускали при *описаниях* материалов возможность группировать их в *целях объяснения* по тематическому признаку, т. е. по предметным рубрикам, не разрушая исторически сложившейся целостности.

Маяковский, кстати, исключивший пассаж о Калачове-архивисте и Русской Правде из своих работ позднейшего периода²³⁹, тем самым, видимо, косвенно признал недостаточную обоснованность своей аналогии архивной работы Калачова и его сотрудников с методикой анализа Русской Правды.

Что касается идеи Е.В. Старостина представить Оболенского и Поленова в качестве оппонентов Калачова, то она плохо объяснима с исторической точки зрения. Во-первых, именно МГАМИД (К.К. Злобин, М.А. Оболенский) и архив II отделения с.е.и.в. канцелярии (В.Д. Поленов) относятся в “калачовскую эпоху” к категории самых запущенных в классификационном смысле архивохранилищ.

Оболенскому и Злобину мы посвятили специальные доксографические очерки в главе “Эмпирическое архивоведение”, поэтому здесь ограничимся напоминанием о том, что задолго до перехода Калачова на архивное поприще все материалы архивов делились по тематическому признаку. В одном архиве они «были разделены на две категории: на дела, касающиеся императорской фамилии, и на дела о важнейших политических и уголовных преступлениях... В конце 60 — начале 70-х гг. директор Государственного архива и Петербургского архива МИД К.К. Злобин (по необъяснимой для нас причине отнесенный Старостиным к числу поддержавших Калачова. — Т. X.), а также академик П.П. Пекарский и архивист Н. Гиббенет провели новую классификацию материалов на 28 групп (“разрядов”). В дальнейшем было основано еще три разряда... Большинство разрядов архива было сформировано как предметные группы... и лишь меньшинство представляло собой фонды»²⁴⁰.

Еще хуже обстояло дело в архиве с.е.и.в. канцелярии, где “существовавшая классификация материалов по фондам созна-

тельно уничтожалась и заменялась логической классификацией”²⁴¹.

Итак, реальная картина в архивах, руководимых “мнимыми” оппонентами взглядов Калачова, оказалась противоположной той, которая сложилась в МАМЮ под руководством Калачова, когда этот архив, как указывает современная американская исследовательница истории архивного дела в России П. Гримстед-Кеннеди, был лучше всех организованным, наиболее интересным по составу документов и самым прогрессивным из русских исторических архивов²⁴². Несмотря на некоторый спад архивоведческой мысли в конце XIX в., остается в силе утверждение Калачова: “На быстрое развитие архивного дела и архивных занятий в России за последние 10 лет (в 60–70-е годы. — Т. X.) с недоумением и уважением смотрят и иностранцы, отдавая в этом отношении должную справедливость и заботам нашего правительства и деловитости нашего народа”²⁴³.

Архивная наука и Д.Я. Самоквасов

В контексте нашего исследования труды Д.Я. Самоквасова²⁴⁴ анализируются с точки зрения того нового, что он внес в науку об архивах.

В Российском государственном архиве древних актов особый интерес представляют источники, отложившиеся в фонде канцелярии МАМЮ (Ф. 337), а также часть фонда Московского археологического общества²⁴⁵, в котором хранится первый вариант проекта Самоквасова, переписка по этому поводу с отдельными представителями научной общественности и черновой вариант протокола особого совещания по обсуждению архивной реформы (Ф. 1628. Оп. 1. Д. 28, 30, 37). Отметим сразу справедливость мысли К.А. Мазина о том, что давно назрела потребность концентрации всех архивных материалов, содержащих сведения, полученные Самоквасовым при анкетировании архивов. Эти материалы в настоящее время хранятся в трех разных местах: в РГАДА, архиве Ленинградского отделения Института археологии РАН, Центральном историческом архиве г. Москвы²⁴⁶. Как указывал К.А. Мазин, без восстановления первоначальной целостности собрания анкет трудно провести полноценное исследование деятельности Самоквасова и Московского археологического общества²⁴⁷. Поскольку “самоквасоведению” посвящена обширная литература, включая и нашу отдельную работу²⁴⁸, напомним о жизненном пути Д.Я. Самоквасова очень кратко.

Дмитрий Яковлевич Самоквасов — выдающийся русский архивный деятель, археолог, историк и теоретик российского государства и права. Тайный советник. Кавалер орденов св. Станислава, св. Анны, св. Владимира, Белого Орла. Д.Я. Самоквасов родился в 1843 г. в обедневшей дворянско-казачьей семье на Черниговщине.

После окончания Новгород-Северской гимназии поступил на юридический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета. Окончил его в 1868 г. Был оставлен на кафедре российского права для подготовки магистерской диссертации. В 1873 г. становится исполняющим обязанности доцента Варшавского университета.

После защиты магистерской диссертации “Древние города России” на юридическом факультете Университета св. Владимира в Киеве был в 1873 г. утвержден советом университета

в степени магистра государственного права. Затем защитил в 1878 г. докторскую диссертацию на тему "История русского права". С 1873 по 1892 г. — профессор истории российского права в Варшавском университете. Одновременно занимал различные административно-руководящие должности (с 1877 г. — секретарь, с 1887 г. — декан юридического факультета, с 1891 г. — ректор университета). С 1892 г. Д.Я. Самоквасов читает лекции по истории русского права в Московском университете — вначале приват-доцент, с 1894 г. — сверхштатный экстраординарный, а с 1900 г. — заслуженный ординарный профессор Московского университета. В 1897 г. стал тайным советником. Более четверти века, начиная с 1871 г. и почти до последних лет жизни, Самоквасов производил археологические раскопки в разных губерниях России: Черниговской, Екатеринославской, Курской, Полтавской, Киевской, а также на Кавказе и Привисленском крае (Польша). Бесценная личная коллекция, состоявшая из более чем 5400 археологических предметов, передана им в 1891 г. в Императорский русский исторический музей (Москва). Являлся действительным членом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (1873), Русского географического общества (1873), Русского археологического общества (1877), а также почетным членом Витебской, Калужской, Симбирской, Таврической, Тамбовской, Черниговской и Ярославской губернских ученых комиссий. Приказом Министра юстиции от 29 января 1892 г. Д.Я. Самоквасов был назначен управляющим Московским архивом Министерства юстиции.

С октября 1892 г. он — представитель Министерства юстиции в Комиссии по преобразованию центральных архивов в Киеве, Вильно и Витебске. В историю отечественных архивов Самоквасов вошел как один из наиболее последовательных авторов идеи архивной реформы архивного дела в России на основе его полной централизации.

В период работы руководителем МАМЮ пересмотрел основные методические принципы организации и обработки архивных источников. В частности, он настаивал на внедрении принципа ведомственного происхождения фонда. По поручению Московского археологического общества им проведен сравнительный анализ российского и западноевропейского опыта организации и управления архивным делом. В 1899 г. для изучения состояния дел в российских архивах разработал специальную архивно-статистическую анкету, которая включала графы для сведений об объеме фонда, степени его обработанности, учетно-справочной системе и т. п. В результате был получен огромный материал, содержащий конкретные данные

о состоянии дел в более чем 700 ведомственных архивах. На основании анализа комплекса анкет Самоквасов предложил централизовать архивную систему России с целью ввести единые научно-методические принципы организации архивного дела. Основные положения его проекта архивной реформы состоят в следующем: создание специального единого органа управления, концентрирование документов центральных ведомств и учреждений до 1800 г. включительно в едином архивохранилище (Самоквасов предлагал для этого использовать МАМЮ), а документов местных учреждений — в архивах древних актов, которые должны быть созданы в качестве своего рода архивных центров во всех губернских столицах и городах — центрах учебных округов. Для документов после 1800 г. Самоквасов предлагал создать систему параллельных архивохранилищ, так называемых архивов регистратуры.

Проект реформы Д.Я. Самоквасова был проникнут идеей придания высокого государственного значения архивному делу и подготовке соответствующих архивных кадров, в частности, предусматривалось открытие школ для подготовки профессуры в области архивоведения при Московском и Киевском университетах. Проект реформы обсуждался на XI Археологическом съезде в Киеве (1899). Но в процессе бюрократического согласования его реализация была сведена на нет, тем более что против “московского проекта” централизации архивов выступил ряд крупных ученых из Санкт-Петербургской академии наук во главе с А.С. Лаппо-Данилевским.

Идеи Самоквасова о централизации архивного дела и принципах классификации архивных документов в большой степени использовались в послереволюционный период организации архивного дела.

В историографии отечественного архивоведения трудно найти личность архивного деятеля, которая бы получила более противоречивые оценки, чем личность и труды Дмитрия Яковлевича Самоквасова.

До революции его деятельность как архивиста пользовалась почти единодушным неприятием среди историков. После революции сложилась прямо противоположная ситуация, хотя его имя оставалось не таким популярным, как, например, имя Н.В. Калачова.

Почему же деятельность Д.Я. Самоквасова вот уже на протяжении полутора столетий вызывает столь неоднозначное к себе отношение?

Самый короткий ответ на поставленный вопрос: Самоквасов был открытым и последовательным *консерватором* в жизни и в архивном деле. Но вряд ли этот ответ будет исчерпыва-

ющим, поскольку сегодня само понятие “консерватор” приобрело практически негативный оттенок, хотя во времена Самоквасова В.И. Даль в своем Толковом словаре живого великорусского языка трактовал его скорее в положительном смысле. Он пояснял его русскими синонимами “хранитель”, “охранитель”...

Тайный советник, кавалер орденов св. Анны, св. Станислава и св. Владимира, экс-ректор Варшавского университета, профессор Императорского Московского университета, управляющий Московским архивом Министерства юстиции Д.Я. Самоквасов был консерватором во всех смыслах этого слова, в том числе и в науке.

Парадокс его судьбы состоит в том, что в историю отечественного архивного дела он вошел как автор одного из самых радикальных проектов архивной реформы. В то же самое время не было более ярого сторонника идеи отделения науки и системы научного образования от политики. Или, выражаясь современным языком, поборника “деидеологизации” науки. Так, в 1901 г. он разработал собственный “Проект студенческих учреждений”, в котором один из пунктов (№ 25) гласил: “В общих собраниях и других корпоративных учреждениях не допускается обсуждение политических вопросов под угрозой закрытия корпорации и ответственности перед университетским судом²⁴⁹”

Последнее десятилетие своей жизни Д.Я. Самоквасов полностью посвятил попыткам реализовать свой проект всеобъемлющей реформы архивного дела. Цель реформы он видел в максимальном облегчении условий научно-исследовательской работы в архивах для всех ученых. Он был самым яростным обличителем “архивного нестроения”, т. е. ведомственной разобщенности архивов и отсутствия научно-справочного аппарата к историческим документам, без которого архивохранилища медленно, но верно превращались в склады беспорядочно сваленных и гибнущих без всякого учета бесполезных для науки и государства бумаг.

Кстати, сам термин “архивное нестроение”, столь активно использующийся до сих пор при характеристике положения архивов в дореволюционной России во всех книгах и учебных пособиях, ввел именно Д.Я. Самоквасов. Речь идет прежде всего о его двухтомнике “Архивное дело в России”, изданном в 1902 г., когда исполнился полувековой юбилей со дня образования Московского архива Минюста. Первая книга, носившая во многом публицистический характер, так и называлась — “Современное архивное нестроение”

Вторая книга этого двухтомника называлась “Прошедшая, настоящая и будущая постановка архивного дела в Рос-

сии". Она носила более научный характер и к ней прилагались две брошюры: "Проект архивной реформы и современное состояние окончательных (т. е. не комплекующихся, исторических. — Т. Х.) архивов в России" и "Русские архивы и царский контроль приказной службы в XVII веке"

И, наконец, последний парадокс.

Выступая по многим позициям против научно-теоретических взглядов своего предшественника на посту управляющего МАМЮ сенатора Н.В. Калачова, Самоквасов явился, по существу, единственным его продолжателем, пытаясь по-новому осмыслить и реализовать идею Калачова о реформировании архивного дела в России в новых условиях — в эпоху бурных перемен, поколебавших устои Российской империи на стыке веков. Смысл реформы, по Самоквасову, состоял в максимальной централизации архивной системы, настолько важной и нужной для нормального функционирования российского государства, что во главе ее должен был встать лично августейший монарх или по крайней мере кто-нибудь из членов императорской семьи.

Ничего в этом направлении сделать ему не удалось.

Более того, сразу после его кончины популярные русские энциклопедические словари вынесут ему жестокий приговор: "Ученая критика не признает за трудами Самоквасова научных достоинств. Большие нападки вызывает деятельность Самоквасова и в качестве управляющего МАМЮ — отвергнув систему научной разработки материалов архива, все силы сотрудников архива Самоквасов направил на составление канцелярских описей, для науки совершенно бесполезных"²⁵⁰. "Как ученый Самоквасов не пользовался общим признанием. В его выводах много легендарного и фантастического, и они большей частью отвергаются наукой"²⁵¹.

Идеи Самоквасова не принял никто — от академика А.С. Лаппо-Данилевского и профессора С.Ф. Платонова до лидера кадетов историка П.Н. Милюкова, который еще при жизни Самоквасова публично обвинил его в архивном невежестве. Впрочем, Самоквасов успел нажить личных врагов и среди представителей крайне правого лагеря, вступив в открытый конфликт с директором Департамента общих дел МВД Б.В. Штюмером и членом совета МВД историком И.Я. Гурляндом. Иначе говоря, дело было не в политических взглядах Самоквасова.

Трудно также свести все причины неприятия его идей к особенностям научного стиля автора: он категорически и принципиально отвергал все, что не совпадало с его собственными взглядами. Так, уже в своей первой печатной работе "Заметки

по истории русского государственного устройства и управления", опубликованной в "Журнале Министерства народного просвещения" (1869. № 11), он заявлял: "Если желаем провести в общество новую теорию, то прежде всего должны отнять у него старую", так как "...на очищенном месте строить новое здание удобнее и легче"²⁵².

Стиль ученого может быть только помехой, но отнюдь не препятствием для понимания его идей. А с Самоквасовым произошло именно так, по второму варианту. Остается только признать, что судьба научного наследия максималиста-консерватора и одновременно максималиста-реформатора Д.Я. Самоквасова — это уникальное явление в истории нашего Отечества.

Для науки констатировать наличие "загадки", "феномена Самоквасова" мало. Тем более что без его книг, которые не переиздаются с начала прошлого века, в историографии архивоведения как научной дисциплины образовался непростительный провал.

Начнем анализ научного наследия Самоквасова с того, что толчком для его занятий архивным делом послужила причина сугубо утилитарного характера. В неполных 16 лет он узнал от отца, что при очередной проверке законности дворянских прав его семья была вычеркнута из родословной книги Черниговского дворянства. Наверное, тут же Самоквасовы столкнулись с советами немногих друзей решить вопрос исконно русским способом: дать взятку нужному архивисту, чтобы тот составил соответствующее заключение и "подправил" недостающие записи в древних бумагах. Так поступали многие.

Спустя более полувека, знаток и историк архивного дела И.Л. Маяковский напишет, что "едва четыре процента предъявлявшихся документов оказывались действительно законными. Для прекращения злоупотреблений правительство организовало в 1830-х годах три комиссии: для Белоруссии, Литвы и Малороссии. В эти комиссии, однако, не вошел ни один опытный архивный деятель. Они были составлены из чиновников местных учреждений. Осмотр книг (родословных книг дворянства. — Т. X.) проводился комиссиями небрежно, они штамповали небрежно просмотренные книги и это обстоятельство, не принеся никакой пользы, повело к еще худшим злоупотреблениям: число подложных документов возросло, так как в проверенные подобным образом книги фальсификаторы тем спокойнее вводили все новые и новые подложные документы. В 1840-х годах были организованы новые комиссии, заявившие, что актовые книги ни в коем случае дольше не могут оставаться разбросанными в многочисленных глухих местах"²⁵³. Но ре-

зультаты снова малоутешительные — слишком выгодным оказывался беспорядок в архивных бумагах для недобросовестных чиновников, слишком прибыльным делом — выдача фальсифицированных архивных справок.

Так Самоквасов на примере судьбы собственной семьи ощутил негативные последствия “архивного нестроения”. Нельзя исключить, что именно это определило характер его научных интересов на десятилетия вперед. После высокой оценки, которую дал российский император его деятельности как ученого-археолога, он посчитал свою историко-археологическую деятельность завершенной (хотя заниматься раскопками не прекратил до последних лет своей жизни). Но осталась память об отказе роду Самоквасовых в дворянском титуле в связи с утерей каких-то нужных бумаг в архивах. Теперь, став полным генералом (если перевести его гражданский ранг тайного советника на военный лад), он решил упорядочить этот архивный хаос, покончить с бесхозяйственностью и произволом мелких чиновников.

Стремление покончить с “разномыслием” в науке сочеталось в нем со стремлением установить железный порядок и дисциплину во всем. Конечно, решив взяться за архивы и тем самым радикально изменить характер своей деятельности, Самоквасов оставался самим собой. Он во всеуслышание заявляет, что причины современной слабой научной разработки памятников истории — это печальное современное состояние наших архивов древних актов и нашей археографии. “Нельзя изучать и знать древние законы, не имея перед глазами подлинных текстов и без объяснения их под руководством профессоров, как нельзя изучать и знать по теоретическим лекциям строения человеческого тела, систематики растений, положения географических урочищ, не имея перед глазами трупа, растений, рисунка, карты, объясняемых специалистом”, — пишет он. И добавляет: «Но научная разработка актов этого рода, то есть “дел” государственных учреждений, встречает в наше время непреодолимые для ученых исследователей преграды в беспорядочности архивов, разрозненности однородных материалов по разным хранилищам и в отсутствии архивных описей, ограничивающих ученые работы в архивах древних актов немногими отделами документов, уже описанных и частью изданных»²⁵⁴.

Такова была программа деятельности Д.Я. Самоквасова, которую он начал осуществлять с 1892 по 1911 г., т. е. с первых же дней своей деятельности на посту управляющего Московским архивом Министерства юстиции и до самой кончины. Кстати, свою деятельность на архивной ниве он начал с того, что все-таки разыскал утраченные документы о своем дворян-

стве. Главным подтверждением принадлежности предков учебного к потомственному дворянству явилось то, что Самоквасовы уже в XVIII в. имели недвижимое имение и крестьян, которыми могли владеть исключительно потомственные дворяне. Итоги своих архивных разысканий в 1893 г. он впоследствии обобщил в изданном под его руководством труде «Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений XV–XVIII столетий»²⁵⁵.

С первых же дней своей деятельности на посту управляющего МАМЮ он восстановил против себя всех сотрудников. «Мое первое впечатление от Самоквасова, — вспоминал после его смерти один из старейших сотрудников МАМЮ Иван Степанович Беляев, — было неблагоприятное. Хотя Самоквасов старался быть любезным, но выражение глаз было черствое, порою гневное, он как-то мерил нас свысока своими большими выпуклыми глазами, в которых часто светилось злое выражение. Он искусственно старался быть важным, вспылчив был до крайности и очень злопамятен... Самоквасов находил, что Попов (речь идет об умершем в 1891 г. преемнике Калачова — управляющем МАМЮ Ниле Александровиче Попове, которого сменил на этой должности Самоквасов. — Т. Х.) слишком распустил всех нас, что начальники каждого отделения должны подтянуть своих подчиненных, что последние только через них могли делать доклады управляющему. Наконец, он написал циркуляр, чтобы все доклады, даже от начальников отделений, шли через секретаря. Самоквасов говорил, что архив должен как бы составлять департамент Министерства юстиции в Москве, так что, по его мнению, наш архив должен являться каким-то осколком петербургских учреждений, тогда как при Попове архив представлялся рассадником разработки историко-юридических и архивных материалов... Самоквасов давил каждую личность на чиновничий манер... <Он> со всеми поступал деспотически. При переводе меня из помощника секретаря в казначеи (автор воспоминаний И.С. Беляев не получил специального исторического или юридического образования, хотя имел серьезные труды, основанные на изучении архивных документов. — Т. Х.) Самоквасов довольно язвительно заметил мне, что в этой должности не будет мешать мне в служебное время заниматься частными работами»²⁵⁶. Под этими строками могли бы подписаться и В.Н. Сторожев с Н.Н. Оглоблиным — они успешно работали при прежних управляющих МАМЮ Н.В. Калачове и Н.И. Попове, но были со скандалом уволены из архива Самоквасовым — и рано умерший К.П. Сахаров, которого новый управляющий открыто невзлюбил «за его внешность и за недостаток лоска»...

Но в чем был подлинный смысл конфликта управляющего архивом с несколькими из своих сотрудников, которые начинали свою службу еще при Калачове?

Сопоставляя методы архивной деятельности Калачова и Самоквасова, М.Н. Шобухов утверждал, что взгляды Самоквасова на типы и формы описания документальных материалов были более последовательными, логичными и зрелыми, чем взгляды большинства его современников. Н.В. Калачов выдвигал два основных типа описания: «1) краткие инвентарные описи — для внутренних целей архива... 2) подробные “систематические” или “ученые” описания — издания — для обслуживания интересов науки. Д.Я. Самоквасов выдвигал и отстаивал один тип описания — краткие инвентарные описи. Он считал, что инвентарные описи должны служить не только для учета, охраны и нахождения документальных материалов в архиве. Краткие инвентарные описи, по взглядам Самоквасова, должны быть, вместе с тем, средством раскрытия содержания документальных материалов, предназначаться одновременно как для практических, так и для научных целей»²⁵⁷.

Л.И. Шохин, в свою очередь, утверждает прямо противоположное. Пафос его монографии “МАМЮ и русская историческая наука” и других работ²⁵⁸ направлен на то, чтобы показать правоту сторонников системы Калачова, выступивших против нововведений Самоквасова, но это в основном относится к проекту архивных реформ. В то же время Шохин первым дал взвешенную и, с нашей точки зрения, наиболее объективную оценку роли и места Самоквасова в архивоведении: «После смерти Самоквасова остались как бы две неравноценные части архивного наследия: скажем условно, “архивно-техническая” и “догматическая” Коллеги заканчивали описание столбцов Разрядного приказа, но никто не пытался продолжать его реформаторские начинания. При всем различии последующих оценок принятых Самоквасовым правил систематизации и описания документов их воспринимали разумно. В этой части Самоквасов не очень уж оригинален (выделено нами. — Т. Х.), но он четко обобщил долголетний опыт и внедрил свои разработки на практике. Однако развитие исторической науки настоятельно требовало ускорить описание других комплексов источников помимо Разряда, независимо от того, как к этому относится лично Самоквасов. Что касается “проекта архивной реформы Самоквасова”, то он с самого начала сопровождался излишней шумихой и... долго еще отношение к “проекту” во многом определялось конъюнктурой»²⁵⁹. В связи с этим Шохин резко отозвался о диссертации М.Н. Шобухова (1951 г.), кото-

рый Калачова как архивиста вообще поставил ниже Самоквасова, а современного курского историка, краеведа, философа и биографа Самоквасова С.П. Шавелева называет апологетом Самоквасова. Шохин обвиняет Шавелева в явной тенденциозности трактовки известных фактов, поскольку “Самоквасов представлен центральной планетой архивной системы, все остальные архивисты и историки — его спутники, незначительные сами по себе, даже академики С.Ф. Платонов и А.С. Лаппо-Данилевский”²⁶⁰.

В крайностях приведенных оценок научного наследия, на наш взгляд, сказывается отсутствие конкретно-исторического анализа. Шохин относится с явной неприязнью к теоретической стороне вопроса, называя ее догматической и сводя к проекту реформ. Тем самым он упускает из виду неоспоримую преемственность “архивно-технологических” и “догматических” взглядов Самоквасова от системы Калачова, которая проявлялась объективно, независимо от того, что говорил в разное время по данному поводу Самоквасов.

С другой стороны, К.А. Мазин, относившийся к Самоквасову-ученому без особых симпатий, главное достоинство его работы “Архивное дело в России” видел в приложенных ко второму тому монографии “Материалах для русской архивной статистики”. В них без комментариев представлены ответы на разработанную им анкету, разосланную в 1899 г. и 1900 г. Приложение послужило основанием для подготовки исследования Р.Н. Ефименко и Л.А. Ковш “К определению объема дел и состава справочников в архивах России (конец XIX — начало XX века)”²⁶¹. Мазин, как ранее и Шобухов, а позднее Шохин, акцентирует внимание на том, что приказ Самоквасова о прекращении составления “обзрений” и переходе к преимущественно инвентарному описанию документов МАМЮ встретил активное сопротивление и даже саботаж со стороны некоторых служащих²⁶². Обозрения они называли бюрократическими и канцелярскими, непригодными для научных исследований (так их характеризовали “калачовцы” И.М. Каманин, Н.Н. Оглоблин, В.Н. Сторожев и др.).

Здесь все верно, кроме, пожалуй, одного. Не было двух противоположных линий, двух основных направлений, которые в процессе изыскания наиболее рациональных форм и методов описания наиболее ярко представляли, с одной стороны, Н.В. Калачов, а с другой — Д.Я. Самоквасов. Говорить так, значит слишком упрощать ситуацию. Предоставим слово самому Самоквасову.

В статье “Архивный инвентарь” он писал: «Калачов в последние годы сам изменил свою точку зрения на задачи описа-

ния архивных документов, когда увидел, что официальное архивное издание (имеется в виду “Описание документов” — Т. Х.) превратилось в сборник диссертаций молодых людей, окончивших курс в высших учебных заведениях... а другие чиновники посвятили служебное время выборке архивных материалов для частных изданий»²⁶³. И поэтому он издал указание возвратить таких “ученых архивистов” к исполнению обязанности начинать описание каждого разряда документов с составления ими инвентарных описей. К сожалению, пишет далее Самоквасов, это распоряжение, как и многие другие, направленные к исполнению архивными чиновниками своих прямых обязанностей, остались “мертвою буквою”

По словам Самоквасова, сам Калачов видел причину пренебрежения архивистами канцелярской работой в том, что “при своих знаниях архивист может приобрести гораздо более славы и даже материального вознаграждения за свои исследования, составленные на основании своего же архива. Легче напечатать памятники, нежели составлять им описание или реестры с целью обнародования этих последних”²⁶⁴. Еще более резко, подчеркивает он, выступал против словесности, мешавшей составлять описи, которые обеспечивали бы целость дел и способствовали быстрому отысканию справок преемник Калачова — Н.А. Попов.

Исходя из этого, Самоквасов утверждает, что он только продолжает их дело, настаивая на соблюдении закона, требующего от архивов инвентарных описей, удовлетворяющих не только практические, но и научные запросы. Для убедительности ссылается также на В.С. Иконникова, П.А. Муханова, А.Ф. Бычкова, Н.И. Костомарова и других ученых и историков вплоть до Ш. Ланглау, единодушно выступающих в пользу скорейшего упорядочивания внутренней структуры архивов силами его сотрудников в интересах науки.

Таким образом, пишет Самоквасов в заключение, в напечатанной форме архивный инвентарь служит лучшим средством охраны от расхищения документального архивного имущества и ознакомления с ним ученых людей. Тех, кто выступает против такого подхода к составлению инвентарных описей, он называет “явлением старым, давно осужденным людьми, близко знавшими и знающими архивное дело” И поименно перечисляет этих “невежественных” приверженцев прежнего подхода. К их числу он относит И.М. Каманина, Ф.П. Истомина, Н.Н. Оглоблина, В.Н. Сторожева²⁶⁵. Если следовать их методам работы, то приведение в порядок документов в МАМЮ заняло бы десятки, если не сотни, лет. Российская наука не может и не должна ждать, пока отдельные “ученые архивисты” будут

удовлетворять свое тщеславие и даже откровенную корысть, а не заниматься своими прямыми служебными обязанностями как служащие архива. Таков вывод Самоквасова.

Свои требования к составлению инвентарных описей он считал не “архивно-технической” задачей в противовес “догматической” (по терминологии Л.И. Шохина), а важной частью реформы архивного дела, что соответствовало аналогичной точке зрения Н.В. Калачова. Другое дело, Калачов считал инвентарные описи нужными лишь для обеспечения сохранности архивных документов, а к научным относил соответственно систематические описи и описания²⁶⁶.

Самоквасов смотрел на инвентарные описи несколько шире. Настаивая на том, что в описательные статьи инвентарной описи обязательно должны входить архивный номер каждого документа в описанном отделе и его время, содержание, количество листов или склеек, дефекты и место помещения в архивном хранилище²⁶⁷, он в то же время рассматривал эти требования как приблизительную схему, оговариваясь, что в каждом конкретном случае инвентарная опись может быть дополнена с учетом специфики и особенностей описываемых комплексов. Он не был бюрократом, он был историком и юристом-государственником, испытавшим на собственной судьбе, что значит “нестроение архивов”

Вот почему свой технический план описания документов он составил, опираясь на резолюцию Высочайше утвержденной комиссии от 15 сентября 1892 г., гласившую, что “сохранить в порядке и целости архивный материал нашей историко-юридической жизни для будущих поколений — наша первая, прямая и священная обязанность, а исполнить эту обязанность возможно только посредством составления и печатания архивами инвентарных описей по форме описания МАМЮ”²⁶⁸.

Обеспечить порядок и целость архивов — таков согласно Самоквасову служебный, научный и гражданский долг каждого архивиста.

Напомним, что раздел “Результаты современного архивного нестроения в России” в книге первой монографии “Архивное дело в России” он начинает знаменательной фразой, объединяющей и “архивно-техническую” и “догматическую” стороны его системы взглядов: “Естественным следствием отсутствия в России нашего времени ученых архивистов, описей архивов древних актов, общего для архивов всех ведомств законодательства, управления и контроля и централизации архивных материалов являются фальсификация и растрата документального *народного имущества* (выделено нами. — Т. Х.) посредством расхищения, сожжения и распродажи на бумажные

фабрики”²⁶⁹. И далее по каждому из пунктов: 1. Фальсификация архивных документов; 2. Расхищение и умышленное сожжение государственных архивных материалов; 3. Уничтожение государственных архивов пожарами и сыростью; 4. Уничтожение архивов по министерским регламентам — следует изложенный с безукоризненной точностью фактов настоящий мартиролог документов, потерянных для будущих поколений из-за невежества или корыстных соображений служащих госархивов и владельцев частных коллекций.

Прочитируем дословно его высказывания, завершающие книгу. Они представляют в концентрированном виде систему научно-теоретических взглядов Самоквасова на архивное дело в России: “Современное поколение русского общества не имеет права так легкомысленно уничтожать памятники истории и истории права своей Родины только потому, что в его среде еще нет людей, способных понимать, ценить и употреблять на благо своего Отечества архивные материалы, наследованные от предков, ценивших свое документальное имущество дороже денежного и передавших его нам для пользования и передачи *в целости и порядке* (выделено нами. — Т. Х.) грядущим поколениям... Разумный выход из современного противоречия между требованиями закона и практикой архивной службы в России может указать нам только знание прошлого русских архивов и современной постановки архивного дела в государствах Западной Европы, обладающих таким же широким развитием письменного делопроизводства, как наше Отечество, но не уничтожающих наследованное от предков документальное народное имущество, а тщательно его *сохраняющих в интересах государственных и научных*” (выделено нами. — Т. Х.)²⁷⁰. Это последняя фраза его главного архивоведческого труда “Архивное дело в России”

Таким образом, покончить с “архивным нестроением”, как он характеризовал все архивное дело до его прихода в эту сферу деятельности, стало для юриста-государственника Самоквасова священным патриотическим долгом. По существу, он хотел создать малую модель совершенной организации дел, которая могла бы послужить образцом для совершенствования управления всей государственной системой в целом. Это была, конечно, утопия, но все-таки первые два года в МАМЮ ему казалось, что он победит. Даже после неожиданной смерти его покровителя Александра III в 1894 г. и событий 1905 г. Самоквасов еще продолжал идти в избранном направлении, правда, как бы по инерции, безуспешно пытаясь реализовать свои проекты архивных преобразований сначала в масштабе всей страны, а потом в собственном архиве.

Как ни странно, в работах и учебных пособиях прошлых лет — от И.Л. Маяковского до К.А. Мазина, А.В. Чернова и в меньшей степени В.Н. Самошенко — о существе его проектов говорится в достаточно общей форме. В основном авторы излагают свое мнение об их классовой ограниченности.

Обратимся к Самоквасову. Выступая в августе 1899 г. на пленарном заседании XI Археологического съезда в Киеве с докладом “Централизация государственных архивов в Западной Европе в связи с архивной реформой в России”, он изложил первоначальный вариант соответствующего проекта. Затем более подробно представил на рассмотрение специальной комиссии археографической секции съезда отдельный документ “Проект оснований архивной реформы в России” Как указывается в “Трудах XI Археологического съезда в Киеве”, на заседании 10 августа, в 10 часов утра референт Самоквасов начал доклад изложением централизации архивного управления во Франции при Наполеоне I. Следует сразу же отметить, что главное внимание, таким образом, Д.Я. Самоквасов обращает именно на административно-управленческий аспект архивной реформы, который он понимает как централизацию архивов. Сообщая затем о ходе реформы в Швеции, Италии, Бельгии и Пруссии, он постоянно подчеркивает, что везде реформы осуществлялись в результате целенаправленной деятельности государства. В качестве успешно проведенной реформы он ссылается на опыт Великобритании, где королева Виктория провела полную централизацию государственных архивов, для чего в Лондоне устроено грандиозное здание, в котором сосредоточены государственные документы. Самоквасов подчеркивает именно эту, важную для него, мысль: “В Англии воспользовались планами Наполеона, и там управление архивами зависит лично от королевы” Переходя к характеристике положения архивов в России, он категорически отвергает положительное значение работ губернских архивных комиссий: «Волею судеб дело архивов в губернии вручено 150–200 “ученым” в лице чиновников, исправников, безграмотных попов, отставных козы барабанщиков и недорослей... Что до сих пор хранилось под опасением ответственности за растрату, то теперь, под прикрытием губернских архивных комиссий, смело черкающих опись архивов всех губерний, уничтожается без всякого страха ответственности»²⁷¹.

Самоквасов предложил собственный вариант состава губернских комиссий. По его мнению, в них должны входить архиепископ, губернатор, вице-губернатор, председатель окружного суда, управляющий казенной палатой, воинский начальник, предводитель дворянства, городской голова, настоятель

монастыря и ректор семинарии. И завершил свое выступление примечательным выводом: “Для решения архивного вопроса важна непосредственная зависимость управления от Верховной власти”²⁷². Демонстративное подчеркивание Самоквасовым необходимости привлечь к управлению архивным делом высших чинов госаппарата и церковных иерархов в противовес представителям общественности, а также резкий тон по отношению к их труду, естественно, оттолкнули от него ряд крупных ученых. К тому же Самоквасов был несдержан в оценке их способности объективно рассматривать положение архивов и определять их роль в государстве и обществе. В результате, например, А.С. Лаппо-Данилевский и П.Н. Милюков категорически отказались участвовать в работе комиссии, специально созданной на съезде для рассмотрения “Проекта оснований архивной реформы в России”, разработанного Самоквасовым.

В конечном счете в состав специальной комиссии вошли главным образом представители губернских комиссий и других добровольных общественных организаций, которых несправедливо обидел ученый. Поистине никто не сделал для провала идеи архивной реформы больше, чем сам ее автор — “тяжелый” Самоквасов.

Но что же легло на стол каждому из членов специальной комиссии?

“Проект оснований архивной реформы”, представленный Д.Я. Самоквасовым, включал следующие пункты:

«1. Учредить центральный орган архивного управления, подобный существующим в государствах Германии, Скандинавии, Англии, Голландии, Бельгии, Франции и Италии, долженствующий объединить управление государственными архивами разных ведомств и подчинить их общим правилам хранения и публичного пользования.

2. Сосредоточить в одном центральном публичном государственном архиве, подобном столичным центральным архивам западноевропейских государств, делопроизводства по 1825 год упраздненных и действующих высших и центральных государственных учреждений, за исключением уже обладающих благоустроенными центральными архивами, открытыми для публичного пользования.

3. Делопроизводства местных правительственных учреждений по 1775 год сосредоточить в двенадцати центральных публичных областных государственных архивах древних актов, подобных провинциальным архивам западноевропейских государств.

4. Областные государственные архивы древних актов снабдить штатами служащих, проектированными Высочайше

утвержденной комиссией 1892 года, и архивными зданиями германского типа, т.н. “магазинной системы”

5. Делопроизводства губернских и уездных правительственных учреждений 25-летней давности сосредоточить в губернских центральных публичных государственных архивах».

Далее следует перечень функций *Центрального архивного управления*, которому вменяется в обязанность озаботиться снабжением центральных губернских архивов помещениями, специально приспособленными для хранения рукописей и соответствующими требованиями рационального архивоведения; проектировать порядок архивной службы, направленной к хранению в целости, классификации, описанию, изданию и научной разработке государственных архивных материалов; проектировать общие правила хранения и публичности древних и новых актов делопроизводства общественных учреждений и некоторые другие.

Отдельным пунктом в проекте выделено требование немедленно издать циркулярное распоряжение по всем ведомствам о прекращении уничтожения каких бы то ни было бумаг, относящихся к делопроизводствам государственных и общественных учреждений, пока не будет учреждено Центральное архивное управление в России и не будут выработаны и изданы общие правила уничтожения ненужных актов делопроизводства государственных и общественных учреждений.

Более поздние варианты проекта предусматривали образование Центрального архивного управления (Центральный орган управления архивами государственных и общественных учреждений Российской империи) то при Государственном совете, архив которого должен был вместить делопроизводства по всем законченным делам высших и центральных учреждений Империи истекающего столетия, то при Комитете министров, то при Министерстве народного просвещения, а в самом последнем из проектов — создать его на базе МАМЮ. В нем предлагалось сгруппировать делопроизводства по 1800 год включительно упраздненных и действующих столичных правительственных и общественных учреждений, за исключением МИД²⁷³.

Как можно легко предположить, обсуждение проекта архивной реформы на заседаниях комиссии сопровождалось непрерывными скандалами. С.К. Богоявленский вспоминал, что участники заседаний протестовали не только против умаления прав губернских ученых комиссий, но и против некоторых основных принципов проекта Самоквасова²⁷⁴. В итоге, как констатировал по горячим следам журнал “Русская мысль”, киевский форум историков и архивистов оказался на грани провала, поскольку его все более характеризовали “нарушение

элементарных правил научного метода, крайне смутное представление вообще о задачах науки, общий беспорядок и бестолковщина”²⁷⁵.

Ученые-архивоведы потом еще долго продолжали спорить, был ли одобрен в конечном счете архивный проект Самоквасова или же он провалился в первом чтении. Во всяком случае, даже в 1987 г. этот вопрос, по мнению К.А. Мазины, заслуживал особого внимания²⁷⁶.

Действительно, сложилась уникальная ситуация. С одной стороны, совет XI Археологического съезда под председательством графини П.С. Уваровой после обсуждения предложений принял постановление: “Принимая в принципе проект Д.Я. Самоквасова об организации архивного дела в России, повергнуть к Государственным стопам Его Императорского Величества Государя Императора всеподданнейшее ходатайство об осуществлении организации архивного дела в ближайшем будущем и дозволении, чтобы проект этой организации был разработан при содействии лиц, которым дело устройства архивов знакомо и дорого”²⁷⁷. С другой стороны, идет ли здесь речь о доработке проекта Самоквасова или предлагается разработать новый проект? Мазин считает, что именно проект Самоквасова, “хотя и с многочисленными оговорками, все же лег в основу будущего преобразования архивов” На наш взгляд, текст резолюции, а самое главное — последующий ход событий, когда проект окончательно погиб в ходе бесконечных бюрократических согласований, не дают оснований для подобного вывода.

Самоквасов умер в возрасте 68 лет, не оставив после себя ни учеников, ни последователей. В целом его научные взгляды (как по отношению к архивным описям и описаниям, так и по вопросам архивной реформы и подготовки архивистов) были попыткой закрепить то, что уже было достигнуто, “законсервировать” определенный уровень архивоведческих знаний. Новаторский характер деятельности открытого Н.В. Калачовым Петербургского археологического института и содержания лекций И.Е. Андреевского, И.И. Зубарева и А.П. Воронова по архивоведению он не оценил.

Представляется важным рассмотреть этот аспект архивной идеологии Самоквасова, поскольку он не был подвергнут специальному анализу ни в одной из доступных нам архивоведческих работ. Нужно отметить, что и здесь невозможно провести четкий водораздел между “архивно-технической” и “догматической” частями его наследия, которое у Самоквасова является таким целостным и даже монолитным, как у немногих его современников.

В конце 90-х годов прошлого века Самоквасов выступил категорически против подготовки архивистов в Петербургском археологическом институте, считая его бесполезным элементом в общественной архивной службе, которую, впрочем, он тоже считал напрасной.

В работе “Архивное дело в России” он писал: «Из дел канцелярии МАМЮ видно, что в конце своей жизни Н.В. Калачов осознал бесполезность ПАИ для серьезной подготовки ученых архивистов в России... Не только в наших провинциях, но и в столицах не видно во главе архивов и ученых обществ тех “знатоков архивного дела и русской старины”, воспитание которых было задачей Петербургского археологического института по “Вступительному слову” Калачова, сказанному в день открытия института»²⁷⁸.

Нужно отметить, что мнение Самоквасова было не единственным. Приведем аналогичную оценку деятельности института, которую дал после смерти Н.В. Калачова и И.Е. Андреевского начальник Синодального архива и действительный член совета института А.Н. Львов в работе “Нужен ли нам Археологический институт и какой именно?” (СПб., 1899): “В институте нет профессора по главному предмету — архивоведению (через “ять”, т. е. науки об архивах. — Т. Х.), равным образом не существует в институте и архивоведение ни теоретически, ни практически. В течение многих лет институт довольствуется по этим предметам случайным лектором, для которого не выработана даже программа чтений (имеется в виду А.П. Воронов. — Т. Х.). Архив института не только не увеличивается, но самая лучшая и дорогая его часть, фамильный архив князей Куракиных, дар Калачова институту, несколько лет тому назад был продан... институт сделался учебным заведением с задачами общеархеологическими — уклонился от первоначальной задачи... Нам нужен институт специально для подготовки архивистов”²⁷⁹.

Самоквасов в отличие от Львова подходит к вопросу о недостатках деятельности Петербургского археологического института по-другому, он стремится подчеркнуть его высокий государственный уровень: “Пока в России не будет серьезно организовано преподавание архивоведения и архивоведения, до тех пор в нашем архивном деле будут господствовать варварские порядки, грозящие в недалеком будущем повсеместным расхищением и уничтожением тех источников научных знаний, на которых только и может созидаться правдивая история русского права и русского народа”²⁸⁰. Неспособность института справиться с таким положением объясняет тем, что он создан в системе общественной архивной службы, нигде в мире не су-

шествующей, а в нашем Отечестве проявляющей ныне свою деятельность в 20 губернских архивных комиссиях, из которых каждая заключает в себе от 50 до 250 “ученых” членов²⁸¹. Он не просто считает эту дилетантскую “самодеятельность” бесполезной, но и находит ее вредной: «Пора подвести итог деятельности “временных” учреждений Н.В. Калачова, показать фактически ненормальность постановки в России дела подготовки ученых архивных комиссий и уничтожения архивных дел и выработать начала серьезной организации в нашем государстве великой архивной службы»²⁸².

Модель правильного отношения к подготовке архивных кадров он видит “в тех государствах Запада, где государственные архивы снабжены учеными специалистами архивной службы. Там архивы приносят не только величайшую научную пользу, но и практическую — насущным интересам *государства, общества и частных лиц*”²⁸³.

Свое профессиональное кредо архивиста он сформулировал в главе “Правительственная архивная служба”: «Неописанные архивные материалы требуют большой и часто бесполезной затраты времени и труда при научных и практических изысканиях, допускают возможность фальсификаций посредством подчистки и перемены дат и имен и представляют собой легкую добычу для расхищения... По таким причинам законодательство требует от архивистов прежде всего составления и печатания архивных описей... По понятиям Запада нашего времени “хороший архив должен быть подобием аптеки, где всякая банка имеет свое определенное место и свою сигнатурку, чтобы можно было легко и безошибочно все отыскивать и хранить в целости”, а потому повсеместно воспрещаются в присутственное время работы архивистов по изданию и научной разработке научных материалов, пока имеются в архивах неописанные документы»²⁸⁴.

Самоквасов проводит такое сопоставление: “В Германии молодые люди готовятся к архивной государственной службе серьезнее, нежели у нас к службе профессорской. В России архивная служба признается делом неважным, является пасынком в учреждениях всех ведомств, а при таком воззрении фальсификация и растрата драгоценного документального народного достояния — дело естественное. <...> В интересах *государства, общества и частных лиц* (выделено нами. — Т. Х.) подготовку молодых людей к архивной службе в России должно организовать по образцу подготовки ученых архивистов на Западе” И далее: “Академическое учреждение не может дать серьезной подготовки к архивной службе сотням своих слушателей, потому что каждый из них нуждается в непрерывном

специальном руководстве и специальных пособиях, каковых невозможно дать сотням учащихся. С другой стороны, можно быть уверенным, что математик, богослов, строитель, офицер, курсистка... (отточие Самоквасова. — Т. X.), по недостатку университетского юридического и историко-филологического образования, никогда не будут и не могут быть учеными архивистами”²⁸⁵.

В качестве практических мер Самоквасов предлагает следующее:

1. По крайней мере в двух университетах, Московском и Киевском, необходимо учредить профессуры для преподавания архивоведения. В Киеве и Москве имеются профессора, изучавшие теорию и практику архивного дела и занимавшиеся в архивах древних актов для написания своих работ.

2. При Московском и Киевском государственных архивах нужно учредить архивные институты и поручить вести занятия профессорам архивоведения, а занятия по архивоведению поручить архивистам-практикам, приват-доцентам, состоящим на службе в архивах древних актов.

“Такая постановка подготовки специалистов архивной службы потребует расходов, не могущих обременить наше государственное казначейство...”²⁸⁶.

В приложении IX Самоквасов приводит им же разработанный курс лекций “Содержание науки архивоведения”, который состоит из следующих частей: введение, часть общая (разделы “Значение и виды архивов”; “История централизации архивных материалов с практическими и научными целями”), часть специальная (разделы “История архивного законодательства, управления и контроля”; “Архивная служба”; “Порядок разбора, описания, хранения и уничтожения ненужных архивных материалов”; “Публичность, издания и научная разработка государственных архивных материалов”).

В качестве учебных пособий он рекомендует только труд В.С. Иконникова “Опыт русской историографии” и, естественно, две свои работы: “Централизация государственных архивов” (кн. 1 и кн. 2), и “Архивное дело в России” (кн. 1 и кн. 2). Поскольку в разделах этой учебной программы содержатся важные дефиниции, характеризующие уровень архивоведческих знаний самого Самоквасова, приведем некоторые из них дословно.

Во введении он определяет архивоведение как науку, состоящую из двух частей:

“Понятие об архивоведении как науке, имеющей своей специальной задачей изучение истории архивов, архивного законодательства и истории и деятельности учреждений, оставив-

ших акты и документы своего делопроизводства, составляющие содержание ныне существующих государственных и общественных архивов.

Понятие об архивоведении как науке, дающей практические сведения, необходимые для рациональной постановки архивной службы по хранению в порядке и целости, классификации, описанию и изданию подлинных архивных документов и уничтожению ненужных архивам бумаг²⁸⁷.

В разделе “Значение и виды архивов” он выделяет канцелярское дело, регистратуры (текущие архивы) и документы, отобранные из актов делопроизводства, хранящихся в регистратурах. Кроме того, отмечает архивы частные, церковные, монастырские, городские, земские, дворцовые и государственные.

В разделе “История централизации архивных материалов...” рекомендует начать изложение темы с выяснения вопроса о происхождении архивов как хранилищ историко-юридических материалов, имеющих практическое и научное значение. После изучения истории централизации государственных архивов в Западной Европе Самоквасов предлагает дать характеристику централизации русских государственных архивных материалов в XVII и XVIII столетиях и довести ее до “проектов общей архивной реформы в России, направленной к централизации архивных материалов и архивного управления”.

В разделе “Порядок разбора, описания, хранения...” акцентируется внимание на классификации архивных материалов и порядке их распределения в архивном хранилище и *архивных фондах*. Характерно, что Самоквасов употребляет термин “фонды” уже как общепринятый и не нуждающийся в пояснении. Значительное место отведено описанию архивных материалов с практическими и научными целями, видам и формам архивных описей²⁸⁸. Этот раздел имеет особенно важное значение для выявления научно-теоретических взглядов Самоквасова. Мы полагаем целесообразным привести соответствующий комментарий самого ученого, что особенно наглядно свидетельствует о концептуальной преемственности его позиции от основы, заложенной Калачовым. Так, поясняя характер правил, соблюдения которых он требовал от архивистов при выполнении работ по составлению и печатанию архивных описей, требуемых законом и наукой, прямо ссылаясь на слова Калачова из статьи “Архивы, их государственное значение, состав и устройство”, цитируя их по “Сборнику государственных знаний”: “Как ни полезно составление архивных описей, немногие из специалистов архивного дела готовы принять на себя эту работу. При

своих занятиях *архивист может приобрести гораздо более славы и даже материального вознаграждения за свои исследования, составленные на основании своего же архива, легче печатать памятники, нежели составлять описания или реестры с целью обнародования этих последних*" (выделено Самоквасовым. — Т. X.). Но далее следует комментарий Калачова, опущенный Самоквасовым: "Такими эгоистическими мотивами невозможно объяснить отсутствие описательной деятельности со стороны архивистов добросовестных, желающих исполнить обязанность, возложенную на них законом, но ее не исполняющих. В таких случаях отсутствие деятельности архивистов, направленной к составлению и изданию архивных описей, объясняется только невозможностью исполнять требования закона по недостатку потребных для того знаний и материальных средств. Нужда заставляет... добросовестных, но не обеспеченных в средствах к жизни архивистов отдавать свое служебное время... службе интересам местных археографических комиссий и ученых обществ..."²⁸⁹.

Как видим, Калачов понимал и прощал своим сотрудникам то самое, что Самоквасов понимал, но не прощал. Его жесткость объясняется не столько особенностями характера, сколько бескомпромиссностью, когда речь шла о жизни и смерти архивов.

В связи с этим приведем его мнение по поводу разрушения *фондов*, о котором он, касаясь предполагаемого упорядочения архивных материалов, говорит в разделе "Московский архив древних актов военного ведомства (Лефортовский архив)":

«Начальник архива живет в Петербурге, а архивный личный штат, предоставленный самостоятельной, бесконтрольной деятельности... составляют столоначальник, помощник столоначальника, 6 писарей и два сторожа... Поручение описаний архивных актов "людям грамотным самых различных положений" и скудно вознаграждаемым за архивный труд всегда имело своим следствием уничтожение древних архивных материалов, составление никуда негодных описей и бесполезную трату средств государственного казначейства»²⁹⁰.

И далее следует тезис, доказывающий глубину понимания Самоквасовым коренной проблемы архивного дела уже в начале прошлого века:

«В настоящее время повсеместно *воспрещается разрушать исторически слагавшиеся архивные фонды каким бы то ни было "новым" распределением дел и документов*, так как опыт показал вред таких распределений во многих отношениях. Повсеместно документы группируются в архивах по учреждениям — фондам, а документы учреждений — в порядке топографическом и хро-

нологическом. В таком порядке распределены ныне документы Лефортовского архива, и Главный штаб, *по требованиям науки* (здесь и выше выделено нами. — Т. Х.), не имеет права заметить эту систему каким бы то ни было новым порядком, связанным с разрушением того состава дел и связей, в каком они получены из данных учреждений»²⁹¹. По нашему мнению, в этом разделе, несмотря на некоторую упрощенность понимания термина “фонд” и сведение принципа недробимости к регистратурпринципу, все же присутствует более четкое понимание Самоквасовым существа архивной классификации как жизненно важной для судьбы архива работы, чем, скажем, в теоретическом курсе лекций Воронова. Позднее именно тезис о неразрушимости исторически сложившихся в ведомствах фондов станет основным в полемике Д.Я. Самоквасова с А.С. Лаппо-Данилевским, только начавшим свою археографическую (эдиционную) деятельность.

В последнем разделе “Публичность, издания и научная разработка государственных архивных материалов” Самоквасов выделяет необходимость разъяснения порядка издания архивных материалов государственными архивами, археографическими комиссиями, учеными обществами и частными лицами. При этом особое внимание он обращает на условия выдачи архивных материалов посторонним лицам для занятий в архивных помещениях с практическими и научными целями²⁹².

Для составления полной картины становления традиционной науки об архивах приведем доксографические очерки жизни и деятельности двух ее представителей из числа архивистов-практиков.

Первым из них можно назвать *Ивана Степановича Беляева* (1860–1918)²⁹³.

Он окончил Московское уездное училище и практический курс учительской семинарии военного ведомства.

С 1881 по 1886 г. — регистратор, архивариус Приказа общественного призрения, учитель в Петровско-Басманном городском училище.

В 1886 г. подает прошение о переводе на службу в Московский архив Министерства юстиции, где проработал до самой смерти. Прошел все ступени иерархической лестницы: от столоначальника 1-го распорядительного Стола канцелярии архива (1886) до правителя канцелярии директора архива (1887), помощника секретаря при управляющем, секретаря, затем казначея, регистратора и хранителя изданий архива (1898).

В 1897–1898 гг. пытался сам издавать газету “Родная речь”, написал роман из “эпохи слова и дела” “Искушение”, отрицательно встреченный критикой. В ряде изданий опубли-

ковал серию бытовых очерков прошлого по документам Сена-та, Разрядного приказа и уездных судов, где отложились остатки делопроизводства приказных изб XVII в.

В 1899 г. в первом номере “Чтений Общества истории и древностей российских” при Московском университете появилось составленное им на основе архивных документов исследование “Приступ турок под Очаков в 1737 г.”. Другой крупной публикацией стало “Следственное дело об убийении Димитрия царевича в Угличе 15 мая 1691 г.”

Им издан “Росписной список г. Москвы 1638 г.”, а также “Архив села Вошажникова. Бумаги фельдмаршала В.В. Шереметева”.

В 1911 г. И.С. Беляев был назначен старшим делопроизводителем МАМЮ. За более чем 30-летнюю службу он сотрудничал с совершенно различными по своему типу и характеру взглядов на архивное дело управляющими МАМЮ Н.А. Поповым, Д.Я. Самоквасовым и Д.В. Цветаевым. На его глазах и при его непосредственном участии МАМЮ из простого архивохранилища превратился в самостоятельный научно-исторический и культурный центр.

Беляев был членом многих научных обществ и организаций — Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III, Археографической комиссии и комиссии “Старая Москва”, Императорского Археологического общества, Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете, Русского военно-исторического общества, Общества любителей древней письменности, Православного Палестинского общества, а также действительным членом Витебской, Симбирской и Тульской губернских ученых архивных комиссий.

С 1908 г. до последних дней жизни он, как истинный архивист, вел личный дневник, который является ценным источником по истории российского архивного дела, исторической науки и общественной жизни России. Часть дневника опубликована архивоведом Л.И. Шохиним в различных современных изданиях²⁹⁴.

Другой типичный представитель традиционного архивоведения — *Василий Васильевич Нечаев* (1861–1918)²⁹⁵.

После окончания историко-филологического факультета Московского университета он поступил на службу архивариусом в Московский архив Министерства юстиции. С 1887 г. — помощник столоначальника, с 1890 г. — старший помощник архивариуса Литовской метрики, с 1897 г. — ее архивариус. Приказом от 3 декабря 1907 г. уволен из архива без прошения, т. е. вопреки собственному желанию. Свидетель этого со-

бытия, сослуживец Нечаева по архиву, так вспоминает об обстоятельствах увольнения: «Соединяя с образованием ясный ум и логичность изложения мысли, Нечаев в то же время держал себя чрезвычайно самостоятельно даже при Д.Я. Самоквасове. После 17 октября 1905 г. он на словах сильно ударился влево и года два спустя в пьяном виде городовому начал говорить неуважительно о верховной власти. Тот отвел Нечаева в участок. Через жандармскую часть о поступке стало известно министру юстиции, который уволил Нечаева по 3-му пункту (без прошения). Конечно, с “волчьим билетом” его на службу никуда не принимали, да и сам он в 50 лет едва ли мог привыкнуть к другому труду, кроме архивного. И вот пришлось ему на имя той же власти, к которой он относился неуважительно, обратиться с просьбой об определении его вновь в архив. К чести сменившего Самоквасова нового директора Д.В. Цветаева он согласился принять провинившегося на службу. Бывший архивариус Литовской метрики Нечаев вернулся в архив, хотя и с понижением в должности»²⁹⁶. Нечаев известен как автор ряда научных статей и публикаций архивных документов в издании “Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции”

Как историк участвовал в подготовке фундаментального 12-томного исследования коллектива авторов “Москва в ее прошлом и настоящем” (1909–1912), а также в 6-томном историческом альманахе “Три века. Россия от Смуты до нашего времени” (1912–1913), где его перу принадлежат статьи “Малорусско-польское влияние в Москве и русская школа XVII века” и “Царствование Федора Алексеевича и правление царевны Софьи”

Представление об эпохе традиционного архивоведения было бы неполным, если бы мы не привели сведения о представителе “параллельного” архивного дела, т. е. коллекционной деятельности, которая развивалась вне сферы государственных архивов. Таким деятелем был, например, *Павел Яковлевич Дашков* (1849–1910)²⁹⁷ — известный собиратель рукописей, гравюр, портретов и книжных редкостей.

Происходил из старинного дворянского рода. Действительный статский советник. Первоначальное воспитание получил в Швеции; окончил курс Александровского лицея и, лишь формально числясь на государственной службе, сосредоточился на собирании исторических документов, гравюр, манускриптов. Обладая тонким историческим чутьем, он собрал коллекцию документов по самым разным эпохам: от редчайших рукописей времен Петра I и Екатерины II до воззваний и листовок русского революционного подполья.

С течением времени у П.Я. Дашкова в его родовой деревне и в старинном (петербургском) доме образовалось огромное частное архивное собрание. Широко смотря на свою задачу, он приобретал семейные архивы, письма частных лиц, фотографии, официальные документы. В свое время его собрание пользовалось не меньшей популярностью, чем государственные книгохранилища и архивы, поскольку было более доступно, чем многие из них. Практически все исторические издания начиная с 1880 г. не обошлись без его ближайшего участия и ценных советов. Списки некоторых документов из своей коллекции П.Я. Дашков опубликовал в “Русском архиве” (1878).

Мы считаем своим нравственным и научным долгом завершить историографическое исследование науки об архивах периода Калачова—Самоковасова кратким очерком об историке, источниковеде, археографе и архивоведе великом князе *Николае Михайловиче (Романове)* (1859—1919)²⁹⁸, который, на наш взгляд, достойно завершил этап традиционного архивоведения, совместив в своей деятельности утилитарное и научно-археографическое отношение к архивам.

Николай Михайлович (Романов) родился в семье сына императора Николая I великого князя Михаила Николаевича и баденской принцессы Цецилии, в православии нареченной Ольгой Федоровной. Генерал-адъютант, генерал от инфантерии. Участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Завершил военную карьеру в 1903 г. начальником дивизии.

Имел разносторонние интересы и склонности. В течение ряда лет систематически вел метеорологические наблюдения на озере Ильмень, был автором многотомного труда на французском языке о чешуйчатокрылых насекомых. Состоял членом Энтомологического общества в Париже, почетным председателем Императорского русского общества плодоводства и председателем Русского географического общества. Однако его важнейшие труды связаны с отечественной историей. С 1899 г. он — почетный член Русского исторического общества, в 1909—1917 гг. — его председатель.

Согласно уставу в задачу Русского исторического общества входило “собирать, обрабатывать и распространять в России материалы и документы, до отечественной истории относящиеся, как хранящиеся в правительственных и частных архивах и библиотеках, так равно и находящиеся у частных лиц”²⁹⁹.

Как историк Н.М. Романов ввел в научный оборот большое число источников (по истории царствования Александра I, истории русского портрета, русским некрополям в России и в Париже). Основным трудом его стало двухтомное исследование

“Император Александр I”, в котором автор ставил задачей выявить на основе источников характер и деятельность Александра Павловича “не только как государя и повелителя земли русской, но и как человека”

В 1915 г. решением совета профессоров Московского университета Николаю Михайловичу была единогласно присвоена степень доктора русской истории “*honoris causa*”, причем в постановлении специально отмечалось, что в его капитальных исследованиях “приведены ценные архивные документы, не появлявшиеся до сих пор в печати и составляющие новый исторический материал, отражающий совершенно до того не исследованные моменты Александровской эпохи”

Принимал активное участие в съездах историков, археологов и архивистов.

Несмотря на то что великий князь был отнюдь не единственным, кто допускался в государственные архивохранилища, ему благодаря особой целеустремленности и скрупулезности часто удавалось обнаруживать документы, которые считались давно утраченными. Так было, например, с богатейшим собранием писем Александра I к сестре Екатерине Павловне. Кроме того, Николай Михайлович широко использовал частные и семейные архивы высокопоставленных чиновников и близких ко двору вельмож. По оценке академика Российской академии образования С.О. Шмидта, «Николай Михайлович был историком по призванию, более того, историком-архивистом, историком-археографом... Монархист по убеждениям, он верил в то, что “личность самодержца играет выдающуюся роль в нашей жизни на Руси”, а приближенные к власти “новые люди” могут способствовать обновлению — даже “полному” — высших государственных учреждений и всей системы государственного управления»³⁰⁰.

Последней его работой стало исследование о реформах М.М. Сперанского, которое он писал в тюрьме. Мы знаем о нем только по письму Николая Михайловича заведующему научной секцией Наркомата по просвещению РСФСР и руководителю отечественных архивов Д.Б. Рязанову от 6 января 1919 г.: “Седьмой месяц пошел моего заточения в качестве заложника в доме предварительного заключения. Я не жаловался на свою судьбу и выдерживал молча испытания... За эти долгие месяцы я упорно занимаюсь историческими изысканиями и готовлю большую работу о Сперанском, несмотря на все тяжелые условия и большой недостаток материалов. Убедительно прошу всех войти в мое грустное положение и вернуть мне свободу. Я до того нравственно и физически устал, что организм требует отдыха хотя бы на три месяца”³⁰¹.

Решение пришло быстро. По постановлению Петроградской ЧК от 24 января 1919 г. великие князья Николай Михайлович, Георгий Михайлович, Павел Александрович и Дмитрий Константинович были расстреляны во дворе Петропавловской крепости.

Как указывается в предисловии к 19-му выпуску серии научных трудов “Книга в России” (1991), это издание — “запоздалая дань памяти выдающемуся ученому”. Здесь, в частности, опубликованы послужной список великого князя, каталог выставки “Научные труды великого князя Николая Михайловича” и обзор “Августейший историк”³⁰².

С нашей точки зрения, особое место Николая Михайловича (Романова) в развитии науки об архивах определяется двумя обстоятельствами.

Во-первых, он был единственным, кто мог и пытался объединить все направления архивной деятельности — и государственное, и общественное, и частное — единой задачей собирания источников для написания научной истории Отечества. Иначе говоря, стремление Калачова придать архивному делу общественный характер он старался соединить на научной основе с проектом Самоквасова по установлению централизованного управления архивами со стороны государства. Объединяющим началом выступало здесь обеспечение на законодательной основе дела охраны памятников истории России и максимальное облегчение доступа в государственные, общественные (формируемые ГУАК) и частные архивы широкого круга исследователей. Характерна его позиция по отношению к реформированию архивного дела в России.

В нашей монографии “История Отечества и архивы” (М., 1994) мы привели свидетельство академика С.Ф. Платонова, который в докладной записке об организации Центрального архивного управления утверждал, что “новым духом” реформ реально и ощутимо повеяло именно в 1911 г., когда на годичном собрании Русского исторического общества, возглавлявшегося Николаем Михайловичем, император [Николай II] поручил Историческому обществу разработать вопрос о положении архивного дела в России и способах его улучшения³⁰³.

В процессе подготовки настоящего исследования был выявлен ряд новых документов, доказывающих, что Николай Михайлович предпринимал реальные шаги к сплочению всех патриотических сил России вокруг задачи приблизить наступление лучших времен для архивного дела. Так, 29 октября 1911 г. правительство в лице министра внутренних дел представило в Государственную Думу законопроект “О мерах к охранению памятников древности” и “Положение об охране древностей” со

специальным приложением “О губернских ученых архивных комиссиях”, которые ввиду их значимости требуют отдельного рассмотрения. Отметим только, что на заседании комиссии Государственной Думы для обсуждения законопроекта об охране древностей от 16 мая 1912 г. все меры, предложенные правительством, были одобрены. К сожалению, эти документы выпали из поля зрения отечественных историков архивного дела, хотя, несомненно, они представляют собой важную веху в развитии науки об архивах и соответственно в попытке разработки политики государства в области архивного строительства на научной основе.

По существу, Николай Михайлович (Романов) волею судеб стал переходной фигурой, объединившей две эпохи: предреволюционную, вместе с которой окончился период традиционного архивоведения, и постреволюционную, ознаменованную рождением классического архивоведения.

В этой связи особый интерес представляет Первый съезд представителей губернских ученых архивных комиссий 6–8 мая 1914 г., в работе которого вместе с председателем Российского исторического общества великим князем Николаем Михайловичем приняли участие действительные члены общества. Среди них отметим князя Николая Владимировича Голицына, Владимира Сергеевича Иконникова, Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского, Николая Петровича Лихачева, Сергея Федоровича Платонова, Сергея Васильевича Рождественского и других ученых. Все они, за исключением арестованного и вскоре после революции расстрелянного Н.М. Романова, а также В.С. Иконникова, работавшего в Киеве, впоследствии стали активными участниками Союза Российских архивных деятелей.

Материалы съезда в отечественной историко-архивоведческой литературе до настоящего времени не изучены. Мы выносим их для специального анализа, поскольку работа съезда и его решения в рамках нашего исследования представляют исключительную важность.

Завершение периода традиционного архивоведения и попытки изменить государственную политику в области архивного дела на научной основе

Как уже отмечалось, 29 октября 1911 г. Министерство внутренних дел направило на рассмотрение Государственной Думы представление № 27281 и законопроект “О мерах к охране памятников древности”, а также проект Положения об охране древностей с приложением к нему особого разъяснения “О губернских ученых архивных комиссиях”

Напомним, что архивы того времени относились к области изучения археологии, которая рассматривалась как комплексная историческая наука о древностях в самом широком смысле этого слова. В исследуемых нами документах архивы и архивное дело оговариваются особо. Так, глава первая “Положения общие” проекта “Положения об охране древностей” гласит:

“Древностями, подлежащими охране, почитаются все те памятники зодчества, ваяния, живописи и иного искусства, равно как первобытной древности, а также акты и рукописи, которые на основании сего положения признаны имеющими значение источников познания и любви к отечественной истории” (выделено нами. — Т. Х.)³⁰⁴.

Смысл законодательной инициативы правительства определялся следующими словами: “...Представляется настоятельно необходимым образовать в г. С.-Петербурге центральный охраняющий орган, который, состоя из представителей заинтересованных ведомств и ученых специалистов, объединил бы деятельность местных охраняющих учреждений, являлся бы для них органом общего руководства и надзора и вместе с тем наблюдал бы за повсеместным исполнением закона об охране древностей”³⁰⁵.

Предлагая назвать соответствующий орган Комитетом по охране древностей при Министерстве внутренних дел, проект предусматривал следующие предметы его ведения:

1) объединить дело охраны древностей на всем пространстве империи, в частности объединить деятельность местных органов;

2) распределить между ними денежные пособия для развития их охраняющей деятельности;

3) учесть отдельные ведомственные интересы;

4) образовать орган охраняющей власти;

5) наблюдать за точным исполнением закона об охране древностей на всем пространстве империи³⁰⁶.

В качестве самой неотложной меры признавалось необходимым оформить в законодательном порядке правило, в соответствии с которым всякое предложение правительства от какого бы ведомства [оно] ни исходило, в той части, в какой относится к задачам Комитета по охране древностей, получало дальнейшее движение не иначе, как по предварительном рассмотрении в комитете. Следующим правилом устанавливается, что комитету “принадлежит разрешение разномыслий, возникающих по охране древностей между учреждениями и лицами, ему подведомственными, и теми лицами и учреждениями различных ведомств, в ближайшем заведовании или управлении коих означенные древности находятся”³⁰⁷.

Затем следовал очень важный, в контексте нашего исследования, пункт: “Министр внутренних дел полагал бы необходимым... в изменение и дополнение существующих узаконений определить особые правила по вопросу об *охранении рукописей, актов* (выделено нами. — Т. Х.), а равно памятников живописи, ваяния и иного искусства, принадлежащих к собраниям разных правительственных мест, музеев, хранилищ и библиотек всех ведомств и учреждений” Поэтому министр посчитал необходимым объявить все предметы, относящиеся к собраниям правительственных мест, музеев, хранилищ и библиотек всех без исключения ведомств и правительственных учреждений, подлежащими охране, даже если эти предметы и не были в отдельности внесены в охраняемые Комитетом по охране древностей списки подлежащих охране древних памятников³⁰⁸.

И далее: “Что же касается, в частности, дела сохранения документов, принадлежащих к *архивам разных правительственных учреждений* (выделено нами. — Т. Х.), то надлежит принять во внимание, что для этих целей существуют уже на местах губернские ученые архивные комиссии... по крайней мере, постольку, поскольку названные комиссии пользуются своим правом в законе указанных случаях высказываться по вопросу об уничтожении старых архивных дел.

Что же касается охранения *архивов центральных установлений* (выделено нами. — Т. Х.), то в сем вопросе приходится считаться с разнородностью существующих по данному предмету в разных ведомствах особых правил. Посему, определяя, что в решении вопроса об уничтожении старых дел, принадлежащих к архивам центральных правительственных установлений, должны непременно участвовать представители Императорской Академии наук и Императорской Археологической комиссии, а также лицо, назначаемое к тому Комитетом по охране древностей, министр внутренних дел признает необходимым установить, что самый порядок уничтожения сих дел

определяется соответствующими законоположениями и изданными на сей предмет особыми правилами”³⁰⁹.

С нашей точки зрения, в этих разделах содержится весьма интересная модель взаимоотношений центрального правительственного органа по охране исторических ценностей с действующими ведомствами и учреждениями. Это касается достижения компромисса с целью сохранить текущие архивы в интересах исторической науки. Еще более этот аспект проявляется относительно коллекций и архивов, которые находятся в частной собственности. В правительственном документе указывается:

“Особые трудности представляет вопрос о том, как следовало бы построить отношение государства и вообще начала государственной охраны древностей к тем памятникам старины, которые находятся в частной собственности.

С одной стороны, несомненно, что если предоставить эту группу памятников в полную волю их собственников и объявить начало государственной охраны некомпетентным, раз памятник находится в частной собственности, то последствием этого, как уже достаточно показал опыт, явится, во-первых, гибель многих памятников и, во-вторых, значительное их поступление в торговый оборот, при котором массами они будут вывозиться из страны, что едва ли может соответствовать интересам русского просвещения и культуры.

С другой же стороны, было бы нецелесообразно... на первых порах, пока в обществе еще не заложено сознание в действительной необходимости возможно более широкой охраны древностей, рисковать принятием каких-либо интенсивных мер по охране древностей, находящихся в частной собственности (речь идет, по-видимому, о возможном целенаправленном укрывательстве владельцами своих частных коллекций и архивов от общественности и государства. — Т. X.).

В этих видах министр внутренних дел полагал бы достаточным, во-первых, предоставить правительству право на преимущественную покупку древностей, находящихся в частной собственности, когда таковые продаются, во-вторых, установить некоторые ограничительные правила, касающиеся вывоза означенных древностей за границу”³¹⁰.

Далее в проекте излагается система наказаний: за незаконное изъятие предметов из собраний правительственных мест, музеев, хранилищ и т. п. виновный может быть подвергнут тюремному заключению от двух до восьми месяцев; за вывоз за границу без надлежащего на то разрешения предусматривается тюремное заключение от двух до четырех месяцев или денежный штраф в размере двойной стоимости вывезенных древностей.

В особый раздел в проекте выделен предмет ведения ГУАК. Правда, оговаривается, что точное указание перечня их обязанностей в законе явилось бы лишь закреплением уже существующего порядка... Новым является только обязательность согласия надлежащей архивной комиссии на уничтожение архивных дел, каковое правило устанавливается в целях обеспечения надлежащей сохранности тех замечательных исторических документов, которые могут оказаться в составе местных архивов³¹¹.

10 декабря 1911 г. Государственная Дума приняла постановление, в соответствии с которым правительственный законопроект был передан для рассмотрения в думскую комиссию во главе с Е.П. Ковалевским, которая заседала 9, 19 апреля и 3 мая 1912 г. в присутствии представителей ведомств: члена совета министра внутренних дел Гурлянда, начальника Библиотеки и Архива Святейшего Синода Здравомыслова (одного из активнейших участников разработки закона о реорганизации архивного дела в 1917–1918 гг. — Т. Х.) и юрисконсультов Министерства юстиции Широкова и Краузе³¹².

Комиссия в основном приняла законопроект, но с важной оговоркой: “Что касается древних памятников, составляющих частную собственность, то законопроект МВД... является, по мнению комиссии, весьма ощутительным стеснением права частной собственности, нарушением частных интересов и очень спорным с принципиальной точки зрения. Практически же, как показывает опыт применения иностранных законодательств... все меры такого рода могут свестись лишь к наблюдению за коллекционерами и, вообще, за покупкой и продажей древностей. При таких условиях скорее всего могут пострадать случайные любители и некрупные продавцы, а скупщики, комиссионеры и, вообще, более значительные продавцы, несомненно, найдут способы и средства обойти столь несовершенные меры охраны и вывезти за границу ценные собрания... В силу означенного *все составляющие частную собственность древности изземлются из действия настоящего законопроекта, а вывоз предметов древности за границу не карается законом и почитается свободным от всяких запретов*”³¹³.

Были изменены и название органа по охране древностей и его состав. Дума в заключении бюджетной комиссии от 30 мая 1912 г. именует его Центральным комитетом, а постановление по законопроекту рекомендует придать ему *характер немногочисленной коллегии, состоящей из представителей науки и искусства, а не представителей ведомственных интересов*³¹⁴.

Таким образом, радикальный проект создания по инициативе правительства и при прямой поддержке Императорского

Двора межведомственного (более того, надведомственного) Комитета для охраны древностей, а также для объединения, направления, руководства и надзора за деятельностью всех учреждений и лиц, “призванной к таковой охране”, был выхолощен в Думе, а затем постепенно сведен на нет из-за надвигавшихся бурных событий Первой мировой войны и последующих революционных потрясений. Тем не менее, на наш взгляд, значение законопроекта 1911–1912 гг. состоит в том, что он, в частности, обозначил первый шаг на пути к созданию в условиях различных видов собственности единой Государственной архивной службы с широчайшими полномочиями. В нем максимально учитывались как идеи, содержащиеся в проекте архивной реформы Калачова, так и основные концептуальные положения аналогичного проекта Самоквасова.

Отсутствие анализа подобного рода документов привело затем к созданию мифа об “эпохальном” значении Декрета от 1 июня 1918 г. и последующих декретов и постановлений Советской власти, в соответствии с которыми был якобы впервые разработан принцип централизации архивного дела на основе Единого государственного архивного фонда, вводились меры по защите архивов как национального достояния в центре и на местах и т. д. Анализ материалов самого представительного форума членов ГУАК, состоявшегося в мае 1914 г., опровергает эту мифологию. Он был создан по инициативе Русского исторического общества. Председатель общества великий князь Николай Михайлович в первый день работы съезда огласил поздравительную телеграмму императора Николая II. Во вступительном слове он сообщил делегатам, что император Николай II проявил большой личный интерес к работе съезда, в связи с чем, сказал Николай Михайлович, “я считаю своим долгом о всех занятиях, которые будут происходить здесь, подробно Ему доложить”³¹⁵. Тем самым статус съезда был поднят на высший государственный уровень.

В повестку дня были включены жизненно важные вопросы, касающиеся деятельности ГУАК:

порядок производства осмотров местных архивов. Условия, которым должны удовлетворять архивные помещения и управления архивами;

полномочия ГУАК. Уничтожение старых дел. Отбор дел. Ревизия архивов;

материальное положение архивных комиссий. Должностные лица при комиссиях;

устройство центральных (в губернских городах) исторических архивов;

объединение деятельности ученых архивных комиссий.

В задачи данного исследования не входит детальный анализ работы съезда. Но без его оценки нельзя определить переходный характер того этапа, на который вышли архивное дело и наука об архивах в самый канун революционных потрясений.

Верховная власть чуть ли не впервые в русской истории, если не считать эпоху Петра I, обратилась лицом к проблемам архивов, посчитав их делом государственной важности. Но если Петр расколол Россию, а вместе с ней и архивы на две противоположные культурные традиции, уделив главное внимание государевым и приказным архивам, а стихийно создающиеся “народные”, локальные архивы оставив за пределами своеобразной архивной “табели о рангах”, то теперь предпринималась попытка выработать целостный научный подход к оценке государственной важности всей системы архивов в стране. Вот выдержки из выступления председателя старейшей в России Тверской ГУАК (создана еще при Н.В. Калачове) И.А. Иванова: “Та нравственная поддержка и та значительная материальная помощь, какую... Русское историческое общество оказало ученым архивным комиссиям, явились светлым, радостным, все оживляющим майским лучом (съезд проходил 6–8 мая 1914 г. — Т. X.) в тусклой, исполненной стеснений и разного рода невзгод жизни... [деятелей], занятых по преимуществу отысканием архивных материалов, их сбережением, первичной их обработкой и обращением в таком или даже в совершенно сыром виде в общедоступный научный обиход... Осуществившееся ныне пожелание общества вступить в непосредственное живое общение с комиссиями и щедрая денежная помощь, в десять раз превысившая годовое пособие, отпускаемое им по бюджету... окрыляет всех нас надеждой и даже уверенностью в том... что архивное нестроение на Руси прекратится... что *важное государственное архивное дело* (выделено нами. — Т. X.) будет выведено на прямую дорогу и поставлено на прочных неизблемых основаниях”³¹⁶.

Второй аспект работы съезда заключается в том, что впервые на таком высоком уровне произошла консолидация позиций ученых-историков и архивистов. Об этом специально говорил в первый же рабочий день форума Сергей Федорович Платонов: “Я хотел бы, как общий историк России, сказать, что местные материалы, и чем дальше, тем больше, получают в общенаучном обороте все большую и большую важность. Мы, историки, знаем, что среди запасов, которые нам дает архивный фонд центральных архивных организаций, нам нельзя бывает спуститься на надлежащую глубину изучения народной жизни. Надо идти на места и там искать материалы для того, чтобы понять, как должно, явления местной социальной или

даже государственной жизни... Я хочу сказать, что местные документы, какими бы они на первый взгляд ни казались мелкими и ничтожными, составляют первостепенную научную важность в глазах историка. Они представляются такой же драгоценностью русского государства и общества, как и фонды центральных архивов... Я хотел бы, чтобы это сознание сопровождало наш съезд от начала и до конца”³¹⁷.

Отметим, что в словах С.Ф. Платонова намечен путь к повороту исторической науки лицом к “маленькому человеку”, к бытовой истории повседневности, которую невозможно создать без опоры на локальные, местные архивы. Именно в этом заключался важный смысл идеи объединения всех архивов, включая центральные, губернские и ведомственные, в единую систему, которая была озвучена на съезде в процессе обсуждения пунктов повестки дня, озаглавленных “Полномочия ГУАК” и “Объединение деятельности ученых архивных комиссий”

Третий аспект работы съезда можно определить как выработку научного отношения к проблеме уничтожения старых дел.

Профессор-юрист, историк права, действительный член Русского исторического общества Александр Никитич Филиппов в своем выступлении на съезде сказал, повторив, по существу, точку зрения Н.В. Калачова: “Говоря откровенно и по совести, меня этот термин — уничтожение старых дел — просто корбит. Его существование в культурном государстве невозможно... Если дела девать некуда... то разошлите их по разным учреждениям. С точки зрения научной — неважных дел нет, они все одинаково важны. Я приведу пример: среди тех дел, которые подлежали уничтожению, был предложен вопрос, подлежит ли уничтожению дело о рубле, о котором рассуждало одно из высших учреждений в империи. Я нашел, что это дело чрезвычайно важное, необыкновенно хорошо характеризующее финансовые отношения, все устройство финансового управления, если высшее учреждение империи, которое должно заниматься общими государственными делами, находит возможным и обязано даже заниматься обсуждением вопроса о том, что делать с рублем, дать этот рубль или не дать”³¹⁸.

С нашей точки зрения, в этих словах заключается важная мысль о возможности и необходимости концентрации архивных материалов в хранилищах разного уровня при наличии их централизованного учета в интересах научного использования.

Один из первых исследователей истории ГУАК Ю. Гессен почти сразу обратил внимание на преемственность этой идеи с концепцией, положенной еще Калачовым в основу сво-

его проекта создания архивной комиссии: местные архивы хранят у себя лишь бумаги справочного характера, прочие документы поступают в центральные архивы низшего разряда, где происходит разбор бумаг и где они остаются временно, до перехода их в центральные архивы высшего разряда, на вечное хранение. Разбором справочных дел занимаются комиссии из опытных чиновников данного местного учреждения, в центральных же архивах разбор документов возлагается на комиссию, состоящую наряду с чиновниками также из “местных знатоков и любителей старины”. Ни один документ не может быть уничтожен без рассмотрения по крайней мере двумя членами Главной архивной комиссии в Петербурге, состоящей по назначению правительства из лиц, знающих архивное дело³¹⁹. Здесь же Гессен приводит полный текст “Проекта Положения об описании и хранении губернских древностей”, выработанный Калачовым. Как мы уже отмечали, эта идея не была осуществлена в полной мере. По словам академика АН К.С. Веселовского, который составлял отзыв на его проект, академия признала предположения Калачова весьма полезными и заслуживающими уважения с точки зрения научных интересов, но не сочла себя вправе предоставить заключение об их осуществлении, так как вопрос зависит единственно от соображений правительственных³²⁰.

К сожалению, работа съезда 1914 г. в целом осталась вне поля зрения Гессена. Между тем здесь многие идеи Калачова явно обретали вторую жизнь, поскольку участники форума — Академия наук, власть и архивисты — нашли общий язык.

В конечном итоге по результатам обсуждений и представлению комиссии съезд принял следующее постановление.

“К вопросу об уничтожении старых дел

Съезд находит необходимым пересмотреть инструкцию 1886 года и последующие циркуляры министерств 1909, 1910 и других годов. При этом съезд признает, что правительственные и сословные учреждения не должны уничтожать дел до пересмотра их описей, а в случае надобности и самих дел учеными архивными комиссиями. Желательно, чтобы центральные органы правительства рекомендовали местным административным учреждениям упомянутое выше отношение к архивным делам и если потребуется, то развили бы сказанное правило *законодательным порядком*” (выделено нами. — Т. Х.)³²¹.

Так по объединенной инициативе Русского исторического общества и ГУАК вновь возрождается идея о восстановлении на законодательной основе своеобразной надведомственной Верховной архивной службы по охране древностей, которая была провалена Госдумой два года назад. К сожалению, ни

времени, ни сил у правительства на реализацию данного предложения уже не оставалось.

Объективные причины неспособности режима осуществить все назревшие реформы очевидны. Отечественная архивоведческая литература последнего времени исходит из того, что наступившие вскоре бурные события Первой мировой войны, а затем и революционные потрясения 1917 г. не дали осуществиться этим планам.

Но нужно принимать во внимание, как нам кажется, и субъективный фактор. В этой связи целесообразно привести точку зрения доктора исторических наук Г.А. Иоффе. Он справедливо, на наш взгляд, отметил важную особенность личности Николая II, решающим образом повлиявшую на судьбу России в переломный момент ее истории: «Николай II... хотел сочетать в себе черты Александра II и Александра III. Он был реформатором и контрреформатором в одном лице, а значит, ни тем, ни другим. Последний царский режим пребывал как бы в состоянии качающегося маятника, вел “центристский курс” с заметным уклоном вправо в тот исторический период, когда надо было твердо решаться на радикальные перемены. В таких условиях, которые сложились в России после первой революции [1905 года], нужен был, вероятно, царь с пионерским духом Петра I. Николай II в лучшем случае мог лишь маневрировать. Это раздражало даже сторонников самодержавия»³²².

В этом контексте запоздалым предстает последнее решение съезда: в нем содержалась единодушная просьба делегатов к Николаю Михайловичу передать Государю Императору ходатайство “о принятии под Высочайшее покровительство всех губернских ученых комиссий и соответствующих им установлений, как *местных сотрудников Особой комиссии по архивной части, образованной в составе Императорского Русского исторического общества*” (выделено нами. — Т. Х.)³²³.

Так завершился первый съезд представителей ГУАК.

Необходимо подчеркнуть, что секретарем Особой комиссии Русского исторического общества после смерти С.М. Середонина в начале 1915 г. был избран академик А.С. Лаппо-Данилевский, сосредоточивший в своих руках научное руководство деятельностью архивных комиссий на местах. В 1915–1917 гг. под его руководством были составлены и изданы под эгидой общества сборники законоположений и циркуляров по архивному делу в России³²⁴, а также подготовлен сводный проект общей инструкции для работы комиссий и организована рассылка им общих указаний касательно просмотра дел и архивных фондов³²⁵.

Идея объединения представителей архивной общественности России в рамках Русского исторического общества в качестве особой комиссии, которая осталась практически незамеченной в истории отечественного архивного дела, являлась, как нам кажется, выдающимся достижением русской архивоведческой мысли дореволюционного периода. Тем самым было поколеблено на теоретическом уровне, хотя и не разрушено на практическом, представление о строгой иерархии архивов, в соответствии с которым, как писал научный руководитель Высшей школы общественных наук, содиректор журнала "Анналы" Марк Ферро (Париж), все документы, как и общество, поделены на категории, среди которых без труда можно угадать привилегированных, деклассифицированных, разночинцев и люмпенов. И далее: "В начале XX в. эта иерархия отражает взаимоотношения власть имущих: во главе кортежа самые авторитетные документы — государственные архивы, затем идет когорта печатных источников, с которых уже снят гриф секретности, [затем] юридические тексты... Источники локальной истории, рассказы отдельных лиц замыкают этот кортеж: они занимают скромное место в разработке темы"³²⁶.

Именно в России 1914 г. впервые высшие органы власти и общество в лице объединенного союза ученых-историков и архивистов нашли взаимопонимание в поисках оптимально возможного варианта сотрудничества на благо исторической науки и государства. Правда, речь шла только о формальной, организационной стороне дела.

Содержательное наполнение этой идеи и ее осуществление на практике произойдет уже в марте 1917 г., когда историки и архивисты начнут совместную деятельность по реформированию архивного дела в рамках Союза российских архивных деятелей. Тем не менее считаем необходимым и целесообразным подчеркнуть, что смысл будущей архивной реформы задолго до ее реализации наиболее четко был выражен в словах отнюдь не настроенного революционно директора Архива Священного Синода, одного из самых просвещенных людей своего времени, А.Н. Львова: "...Сколько бы мы теперь ни жаловались и ни возмущались, до изменения существующего законодательства и строя, не признающего за архивами *исторического научного значения* (выделено нами. — Т. Х.), решительно ничего не выйдет"³²⁷.

По существу, это итоговая оценка состояния архивного дела в России к концу XIX в.

Проведенный нами анализ показывает, что к началу XX в. отечественная наука об архивах достигла следующих результатов:

1. Завершился период деления исследователей старины на антиквариеров (историков-археографов, занимавшихся сбором, критикой и публикацией источников) и историописателей, создававших свои труды “по мотивам” архивных документов, в соответствии с заданной концептуальной (идеологической, политической) основой. Архивы стали рассматривать в качестве научной основы исторических и историко-юридических знаний.

2. Сложилось профессиональное сословие архивистов, активно занявшееся разработкой теоретического фундамента принципов и методов работы в архивах. Архивоведение все больше начало приобретать характер рефлексии (знания о знании), что нашло отражение в понимании содержательной стороны науки об архивах у Н.В. Калачова, И.И. Зубарева и И.Е. Андреевского.

3. В России появились признаки зарождения целостной системы исторического самосознания как неотъемлемого элемента научного мировоззрения. При этом архивное сознание стало рассматриваться как составная часть исторического самосознания нации. Наиболее яркое выражение понимание государственного и даже общенационального значения архивов и архивного дела нашло в правительственном проекте реформы архивного дела в 1911–1912 гг. и работах съезда представителей ГУАК под эгидой Русского исторического общества в 1914 г. Таковы итоги формирования традиционной науки об архивах.

Выявленные и проанализированные нами документы показывают, что последующая радикальная реформа архивного дела в России имела прочную основу и во многом опиралась на преемственную связь с наукой об архивах, разработанной предыдущими поколениями русских архивистов и архивоведов.

Глава 3

Классическое архивоведение

Классическое архивоведение как ступень развития науки об архивах

Основное качественное отличие классического архивоведения от традиционного состоит в том, что новая наука об архивах приобретает черты интегральности, включая достижения всех других систем научного познания мира и самосознания человека.

Наука об архивах на новом этапе вобрала в себя понимание истории — “науки о человеке” (определение М. Блока), *политологии*, которая выделилась на рубеже XIX–XX вв. в качестве самостоятельной научной дисциплины из комплекса социальных наук, *социологии* как науки о человеческих взаимодействиях и обществе как о сложной самоорганизующейся системе, *филологии* — науки, “изучающей духовную культуру человека через языковой и стилистический анализ письменных текстов” (С.С. Аверинцев), и других наук.

Важное значение для становления “теоретического ядра” классической науки об архивах (учения о фонде) и самоидентификации ее в системе гуманитарного знания имел выработанный к началу прошлого века общенаучный принцип различия между классификацией (условное деление предметов и явлений по любому произвольно взятому признаку) и систематизацией (стремление выявить в предметах и явлениях то общее, что объективно в них заложено самой природой или социумом). На этой основе были построены, например, эволюционные системы классиков биологии Ж.Б. Ламарка, Ж. Кювье, Ч. Лайеля и Ч. Дарвина.

Не случайно в классическом архивоведении получает свое полноценное развитие идея французских архивоведов, сравнивающих архивы с живыми организмами (архивы есть не “что”, а “кто”), которую впервые обозначил в своей работе “Архивоведение” А.П. Воронов. Смысл сравнения сегодня можно расшифровать как попытку подчеркнуть, что законы архивообразования (архивоформирования) столь же объективны и столь же внешни по отношению к человеку, что и законы природы. То есть архивы, как и все живые и неживые системные образования в природе подчиняются сходным, имеющим естественно-историческую природу, закономерностям. Такое понимание сути фондового принципа организации архивов отличает традиционное архивоведение от классической науки об архивах на этапе ее становления. В результате родилось сущно-

стно-онтологическое понимание социогенеза архивов, закономерностей их становления и развития в конкретных условиях определенного типа государственности и национального самосознания, выявления на научной основе стадийности и взаимосвязанности динамических процессов самоорганизации архивов и объективной оценки результатов воздействия внешних факторов на их формирование.

Таким образом, основное внимание в рамках классического архивоведения уделяется выявлению онтологических корней возникновения архивных фондов как “органических сгустков”, внутренне целостных образований, анализу динамики их структурирования, необходимости их опознания и сохранения в ходе технической разработки в архивохранилищах.

С нашей точки зрения, выделение перечисленных сторон позволяет определить преемственность и в то же время инновационный характер теоретической основы архивоведения XX в. по отношению к предыдущим стадиям развития науки об архивах, что определило ее статус в качестве самостоятельной и саморазвивающейся научной дисциплины.

Процесс интегрализации науки об архивах неразрывно связан с возникновением новой научной парадигмы, сложившейся в начале прошлого столетия, которая проявилась, в частности, в едином подходе к самым разнообразным явлениям в мире живой и неживой природы.

Напомним, что именно в этот период был впервые сформулирован принцип, в соответствии с которым “все то, что реально или хотя бы потенциально есть во Вселенной, в Природе, включая все формы материи... всегда мыслилось, по крайней мере, в идеале, как принципиально единое”¹.

Такой подход определил антропоцентристский характер научной парадигмы, который В.И. Вернадский, перефразировав известное изречение Протагора, сформулировал так: “Мыслящий человек есть мера всему” Он пояснял свой афоризм следующим образом: “Мы нередко даем простое собрание фактов и наблюдений там, где мы можем дать целое... Как будто какая-то леность ума. Чувствуется, что некоторым усилием можно подняться до охвата всего явления в целом, но этого усилия не делаешь и видишь по литературе, что оно не делается и другими... А между тем кругом масса накоплена данных, которые только и ждут такого охвата”².

Обусловленность приобретения наукой об архивах интегрального характера в конкретно-исторических условиях, сложившихся в начале XX в., можно пояснить на таком примере. Если провести аналогию между процессом становления архивоведения как науки и динамикой взаимодействия челове-

ского сознания и его деятельности, то генезис интегрального архивоведения выглядит, на наш взгляд, следующим образом.

Период эмпирического архивоведения сопоставим с этапом бессознательно-реактивной деятельности человека, когда предмет (явление) выступает лишь внешней причиной, т. е. раздражителем, толчком, вызывающим ее проявление.

Период традиционного архивоведения сопоставим с системой сознательных актов деятельности, направленных на объект с целью его преобразования по определенному плану и для достижения поставленной цели.

Период классической науки об архивах сопоставим с этапом деятельности человека, когда сознание превращает его действия в *поступки*, т. е. сознание регулирует взаимоотношения между субъектом действия и объектом воздействия с учетом эффекта интерактивности.

При этом, как писал один из основателей современной отечественной психологии С.Л. Рубинштейн, из труда которого под названием “Основы общей психологии” мы взяли схему зависимости деятельности и сознания человека, “самый факт осознания своей деятельности изменяет условия ее протекания, а тем самым также течение и характер самой деятельности: она перестает быть простой совокупностью ответных реакций на внешние раздражители среды, она по-иному регулируется... Закономерности, которым она подчиняется, выходят за пределы одной лишь физиологии” и т. д.³

Как рефлекторное поначалу действие превращается в поступок по мере формирования самосознания, так и классическая наука об архивах появляется по мере осознания человеком взаимозависимости между архивами, с одной стороны, и его личной историей, а также историей государства, общества и человечества в целом — с другой.

Можно провести и другие аналогии, например с рассматриваемым в социологии поэтапным формированием активного субъекта — “гражданина”, которому предшествует становление “личности”, в основе которой биологический “индивидуум”

Удачное, с нашей точки зрения, по своей сути сравнение привел руководитель Росархива член-кор. РАН В.П. Козлов, который, прослушав ряд выступлений на представительном форуме архивоведов, сказал, что они отражают “три уровня размышлений о наших проблемах. Они представлены как бы тремя частями, как в математике: арифметика, собственно математика и высшая математика архивного дела и архивоведения”⁴.

Классическая наука об архивах, в нашем понимании, является именно высшей математикой архивоведения, которая

вобрала в себя и арифметику (эмпирическое архивоведение) и собственно математику (традиционное архивоведение).

Ее неразрывность и целостность можно проиллюстрировать двумя примерами. *Целью и смыслом* существования архивов В.Н. Автократов полагал “удовлетворение потребностей общества в ретроспективной информации, содержащейся в архивных документах. Этой задаче посвящена в конечном итоге вся деятельность архивиста”⁵. Как мы считаем, основной этого определения является функциональный подход, характерный для традиционного архивоведения и правильный по отношению к определению *цели*, но недостаточный по отношению к определению *смысла* существования архивов. Явно чувствуя эту диспропорцию, В.Н. Автократов дополняет дефиницию, вводя новый термин “долг”, относящийся уже к этической стороне профессиональной работы архивиста: “Первый их гражданский и профессиональный долг заключается в сохранении архивов как национальной ценности, памяти народа, будущего источника исторического познания”⁶. Отметим, что понятие “историческое познание” ученый понимал очень широко, призывая не сводить задачу архивов к обеспечению запросов историков, считая это их важнейшей, но не единственной задачей⁷. Это было написано еще в 1980 г.

Таким образом, уже в одном определении мы можем объективно различить три уровня понимания сущности и функций архивов и профессии архивиста: обслуживание социальных запросов, служение нации (государству) и вневременной, “вечный”, характер как источника исторических знаний, т. е. научной системы человеческих знаний о мире и о себе.

Нечеткий характер формулировки отражает, на наш взгляд, влияние традиционного архивоведения на систему взглядов ученого, хотя они в целом относятся к этапу возрождения классической науки об архивах, начало которому положил сам В.Н. Автократов. Сложный, многосоставный уровень определения был обусловлен, как мы думаем, осознанной ученым необходимостью нащупать компромиссные пути выхода из утилитарно-учрежденческого понимания архивов, который был, по существу, основой государственной политики по отношению к архивам с начала 20-х годов и продолжает воздействовать на умы многих чиновников, представляя значительную помеху на пути развития архивного дела и становления современной науки об архивах.

Приведем для сравнения выдержку из докладной записки (обращения) коллегии Главархива (М.Н. Покровский, В.В. Адоратский, Н.Н. Батурин) в ЦК РКП(б) с предложением о переводе главка из ведения Наркомпроса РСФСР во ВЦИК:

“Нет сомнений, что в ряду п р о с в е т и т е л ь н ы х учреждений архивы всегда будут занимать последнее место, ниже библиотек и музеев. Сейчас работы в архивах, имеющих только н а у ч н о е значение, т. е. содержащих документы XVII, XVIII и первой половины XIX веков, почти не производятся за отсутствием материальных средств на эту, во всяком случае, неударную задачу. Фактически эта часть архивов превращается в простые хранилища документов, и для охраны последних от крыс, от употребления на обертку и т. д. нет необходимости привлекать даже буржуазных спецов — достаточно простого архивариуса с несколькими сторожами”⁸.

Подобный подход, в рамках нашей концепции, означал попытку насильственно вернуть архивы и архивное дело к эмпирическому, донаучному (точнее, вненаучному) периоду их существования. Такая попытка означает отказ от подлинно научного, целостного взгляда на суть архивов и архивного дела, который был сформулирован В.П. Козловым и отражал содержание и смысл классического архивоведения: “...Фундаментальная идея, она же задача — при любых вариантах дальнейшего развития страны и ее народов документальное наследие России должно быть сохранено для Истории. В этом состоит ответственность государства и историков-архивистов перед будущим человечества”⁹. Эти взгляды отражают уровень научной парадигмы интегрального архивоведения, достигнутый уже к началу прошлого века.

Не случайно появление у истоков классической науки об архивах выдающегося энциклопедиста, науковедателя и методолога А.С. Лаппо-Данилевского, которому ниже мы посвящаем отдельный доксографический очерк.

Таким образом, процесс формирования архивоведческой науки подчинялся внутренним законам развития человеческого знания. Поэтому, с нашей точки зрения, ненаучно (и даже — антинаучно) связывать возникновение современной науки об архивах только с внешними факторами, например крушением самодержавия в феврале 1917 г., Октябрьской революцией или Декретом о реорганизации архивного дела от 01.06.1918 г. К сожалению, эта тенденция оказалась удивительно живучей и продолжается в историко-архивоведческой литературе вплоть до настоящего времени.

В конечном счете негативные методологические последствия подобного подхода сказываются на отрицании преемственности научно-архивоведческого знания, отнесении всех предшествующих революционным потрясениям стадий развития архивоведения к предыстории архивного дела и архивной науки.

Скажем, борьба за спасение архивных материалов в первые послереволюционные годы от безграмотного уничтожения и расхищения, а также разработка общих правил и единого законодательства в области архивного дела не связываются с усилиями, которые прилагали в этом же направлении историко-архивное сообщество и лучшие культурные силы государства на протяжении почти всей истории существования архивов в России и особенно в последние предреволюционные годы. Именно закон непрерывности саморазвития науки объективно обусловил тот факт, что почти все члены Союза РАД, а позже почти все крупнейшие теоретики архивоведения периода 20-х годов вышли из недр Императорского Русского исторического общества, Археографической комиссии РАН, губернских ученых архивных комиссий и других аналогичных организаций историков и архивистов, корни которых, в свою очередь, уходят к деятельности Самоквасова, Калачова, Розенкампа, Собакина и т. д.

В то же время внешние — по отношению к науке — события, естественно, могут существенно ускорять или замедлять происходящие в ней процессы. В основном подобного рода воздействие сказывается на историческом самосознании нации.

Как отмечал В.О. Ключевский, “общественные потрясения заставляют людей, их переживших, невольно оглядываться на пережитые бедствия и спрашивать себя: отчего и как они произошли, почему не были предусмотрены и предотвращены и что нужно сделать, чтобы предотвратить их повторение”¹⁰. Это особенно наглядно проявляется в период революций, которые являются экстремальным видом общественных потрясений.

Составитель и издатель уникального 22-томного издания “Архив русской революции”, вышедшего в 20–30-х годах в Берлине, Г.В. Гессен писал, что “*всякая революция* (выделено нами. — Т. Х.) — в этом и заключается внутренний ее смысл — нарушает установленный ход государственной и общественной жизни, она стремится разбить те формы, без которых социальная жизнь по самому существу своему обойтись не может и которые тем больше ее стесняют, чем прочнее они сами отвердевают и чем дальше от них уходит непрестанно стремящаяся вперед жизнь. Русская революция зашла в этом направлении, пожалуй, гораздо дальше, чем все предыдущие, и освободившаяся от всяких форм жизнь безудержно разлилась по всему необъятному пространству великой России. Привычная размеренная поступь сменилась колебательным движением, все бродит, сталкивается, перекрещивается. Навыки и привычки отринуты, *каждый шаг приходится обдумывать самостоятельно*

(выделено нами. — Т. Х.) и каждому нужно действовать на свой образец”¹¹.

Именно в такой объективной оценке, по нашему мнению, кроется ключ к пониманию, почему именно в неизбежно короткий (по определению, ибо революция, как и любой общественный кризис, не может продолжаться долго) период революционной “ломки” подлинные ученые чувствуют свою особую востребованность. Они как бы представляют собой островки стабильности в безудержном и безбрежном разливе жизни (если воспользоваться сравнением участника тех событий историка-архивиста Гессена). В такие переломные моменты ученые-интеллектуалы особенно остро ощущают свою объективную востребованность во всех областях государственной и общественной жизни. Резко возрастает необходимость в людях, которые понимают, что “прежде, чем *действовать*, нужно *понимать*”¹². Именно с этой объективно возникающей в конкретно-исторических условиях необходимостью связано появление, как показывает проведенный нами анализ, “поворотных точек”, острая необходимость понимания “узловых проблем” (В.П. Козлов) в науке об архивах. Иначе говоря, новые идеи возникают и созревают в силу внутренней логики развития (саморазвития) архивов и связанного с ними архивного дела, а не по решению властей.

Другое дело, что на этапе послереволюционного строительства власти могут отказаться от услуг науки. Но тогда прекращается или искажается диалог в целостной системе “личность — общество — государство”, замедляются процессы интерактивного обмена информацией (в самом широком, генетическом, понимании этого термина) и в конечном счете начинаются процессы стагнации общества и государства.

Подтверждением справедливости нашей гипотезы является тот факт, что во главе научной разработки архивной проблематики в конце XIX — начале XX в. встал крупнейший русский историк и науковед, ученый с мировым именем *Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский* (1863—1919).

А.С. Лаппо–Данилевский и гуманитарные основы классического архивоведения

На фоне обширной литературы, посвященной жизни и деятельности А.С. Лаппо–Данилевского¹³, особенно странным и необъяснимым выглядит тот факт, что до сих пор не переизданы его собственные работы, включая классический труд “Методология истории”¹⁴, который уже давно стал библиографической редкостью и практически недоступен широкому кругу исследователей. Кроме того, А.С. Лаппо–Данилевскому принадлежат “Материалы для плана общеобразовательного курса по истории человечества”, “Основные принципы социологической доктрины О. Конта”, “Очерк русской дипломатики частных актов” и другие произведения¹⁵. До сих пор остаются неизданными хранящиеся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН рукопись труда Лаппо–Данилевского “Размышления об истории наук, ее задачах, методах построения и педагогическом значении” (1906), его переписка с И.В. Гревсом, относящаяся к периоду 1889–1890 гг., а также до сих пор практически неисследованные архивоведческие работы: “Доклад о научной деятельности некоторых ГУАК по их отчетам, преимущественно за 1911–1914 гг.”, “Особая комиссия при Императорском РИО и ее деятельность по сохранению местных архивных материалов. 1911–1916 гг.”¹⁶ и др.

Историк, теоретик и методолог исторического познания, академик и организатор дела спасения архивов в России в первый послереволюционный период А.С. Лаппо–Данилевский родился в имении Удачное Гуляй-Польской волости Верхнеднепровского уезда Екатеринославской губернии в дворянской семье. Его отец в последние годы жизни занимал должность вице-губернатора Таврической губернии.

А.С. Лаппо–Данилевский получил хорошее домашнее образование и воспитание, около полутора лет вместе с семьей жил в Швейцарии.

После окончания в 1882 г. с золотой медалью Симферопольской гимназии поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. Уже на студенческой скамье проявилось его настороженно-отрицательное отношение к политической деятельности, которой он противопоставлял занятия наукой. Как отметил Автократов, “первые признаки интереса Лаппо–Данилевского к изучению

архивов отмечаются уже в его студенческой рецензии на книгу В.И. Ламанского о венецианских архивах (1884)¹⁷.

После окончания университета в 1886 г. был оставлен кандидатом для подготовки к профессорскому званию.

В 1890 г. защитил магистерскую диссертацию на тему “Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований”, подготовленную на огромном количестве впервые введенного в научный оборот архивного материала.

В звании приват-доцента начал читать курс лекций по русской истории и историографии в Петербургском университете, а с 1891 г. в звании экстраординарного профессора — в Историко-филологическом институте.

Основной круг научных интересов А.С. Лаппо-Данилевского в это время заключался в сфере экономики и налоговой политики Русского государства в XVII—XVIII вв. К этому же периоду, по наблюдениям Автократа, относятся и его первые попытки осмыслить общественно-историческое значение архивов с теоретико-историографических позиций¹⁸. И действительно, в рецензии на очередное издание “Описания документов и бумаг МАМЮ” (1888. Кн. 5), опубликованной в Журнале Министерства народного просвещения (1899. № 4. С. 407—408), Лаппо-Данилевский формулирует ряд важных в контексте становления классической науки об архивах выводов. Интересно изложить соответствующие взгляды Лаппо-Данилевского в том виде, в каком это делает спустя 100 лет Автократов, виднейший представитель современной архивоведческой науки.

Прямые цитаты Автократа сопровождается собственными комментариями: «Всякая попытка сохранить исторический материал от всепоглощающего времени представляется историку в высшей степени ценной, — писал Лаппо-Данилевский, — и представляет для него особого рода специальный и субъективный интерес. Если же встать на объективные позиции, — продолжал рецензент, — то внимание обращается на то, как образовывалось и развивалось учреждение (архив), которому были поручены “собрание и отчасти классификация исторического материала” Что касается правительства, то степень его внимания в разные эпохи к архивам обнаруживает уровень его политического самосознания, понимания неразрывности уз, связывающих его с далеким прошлым. Далее этой проблеме придавался социально-психологический ракурс: показательно и отношение самого общества к архивам и их сокровищам, выражающееся в характере запрашиваемых справок и тематике научных занятий в архивах. В этом обнаруживаются следы общественных интересов современников к минувшему»¹⁹.

С нашей точки зрения, в этом пересказе мыслей Лаппо-Данилевского принципиально важные и новые идеи (например, о связи архивной политики государства с уровнем его политического самосознания) даются вперемешку с итогами его наблюдений источниковедческого характера (характер запрашиваемых справок как критерий оценки интересов современников к минувшему). Не раскрыт полностью оригинальный тезис Лаппо-Данилевского о социально-психологическом ракурсе познания архивов, сочетающий специальный и субъективный интерес историка к архивам.

В такой нетипичной для Автократова скороговорке проявилось, как нам кажется, его настороженное отношение к научному наследию Лаппо-Данилевского, которое к 1992 г., т. е. к моменту написания им вышеназванной статьи, еще не было подвергнуто всестороннему и объективному изучению. Впрочем, ситуация не намного улучшилась и сегодня — труды Лаппо-Данилевского *как архивоведа* все еще остаются на периферии научных исследований.

Начиная с 90-х годов XIX в. А.С. Лаппо-Данилевский все больше времени отдавал изучению историографии, подготовив до сих пор не изданные “Очерки развития русской историографии”, теоретических проблем источниковедения и философских проблем общественных наук (“Основные проблемы обществоведения”, “Систематика социальных явлений разных порядков”, “Критический разбор главнейших учений о случайности” и др.), а также чтению спецкурсов и проведению семинаров по дипломатике частных актов.

В результате признания его научных достижений в этой области в 1906 г. Санкт-Петербургский университет ввел обязательный курс “Методология истории” и поручил его читать Лаппо-Данилевскому. Курс сопровождался семинарскими занятиями. Одновременно А.С. Лаппо-Данилевский руководил работой научного кружка, который представлял собой особую, более высокую, форму организации совместного труда профессора и студентов. Среди его учеников — будущие светила исторической науки С.Н. Валк, Б.Д. Греков, А.Е. Пресняков, Б.А. Романов, А.И. Андреев и другие. Создавая исторические труды по экономической истории России XVII–XVIII вв. и истории крестьянства на широком архивном материале, Лаппо-Данилевский занимался публикацией и критикой ряда важных источников, выявленных им в архивохранилищах.

С 1884 г. он стал одновременно членом Императорской Археографической комиссии Министерства народного просвещения, председателем секции русской истории Русского исторического общества при Санкт-Петербургском университете и

секретарем отделения русских и славянских древностей Археологического общества.

В 1899 г., в возрасте 36 лет, его избрали действительным членом Императорской Академии наук.

О разнообразии научных интересов Лаппо-Данилевского свидетельствует следующий факт. Наряду с участием в знаменитом сборнике Московского психологического общества “Проблемы идеализма” (1902), в котором он на примере критики системы О. Конта представил научно обоснованное отрицание норм позитивистской парадигмы научного знания, он в эти же годы возглавил издание фундаментального “Сборника грамот бывшей Коллегии экономии” и от имени Российской академии наук контролировал научную деятельность губернских ученых архивных комиссий.

Благодаря своим научным трудам А.С. Лаппо-Данилевский к началу XX в. пользовался общеевропейским авторитетом, состоял членом Международной ассоциации академий. В 1916 г. он был удостоен звания почетного доктора права Кембриджского университета, в котором прочитал цикл лекций по истории научной мысли в России.

В его личном архиве сохранились не только работы в области юридических и экономических наук, но и рукописи исследований в области физики, химии и математики (по теории вероятности, дифференциального исчисления и т. п.). Он категорически отстаивал принцип *самоценности науки* и считал несовместимыми объективно-научные и субъективно-политические направления в деятельности подлинного ученого.

В кризисные годы первой русской революции А.С. Лаппо-Данилевский, скрепя сердце, принял пост члена Госсовета от Академии наук и университетов, но вышел из него незадолго до окончания первой же сессии. В первые месяцы после Февральской революции он вошел как юрист-правовед в комиссию по выработке избирательного закона в Учредительное собрание. Но последующие события, связанные с Октябрьским переворотом, только утвердили и углубили его принципиальное неприятие политики как сферы деятельности для служителя науки.

В философском смысле Лаппо-Данилевский понимал историю как науку о культуре, относящейся к разряду идиографических наук, изучающих в отличие от номотетических (или натуралистических) наук *индивидуализированные* события прошлой реальности и целостные объекты как таковые *в их развитии*²⁰.

Очень важное значение в своей системе взглядов ученый отводил учению о *ценности*, поскольку только “в отнесении данного факта к данной ему культурной ценности историк-уче-

ный получает критерий для выбора фактов из многосложной действительности: он оценивает объект путем соотнесения его к культурным ценностям, [таким], как наука, нравственность и искусство, церковь и государство, социальная организация и культурный слой и т. п.”²¹

В отличие от номотетических построений системы знаний, к которым Лаппо-Данилевский относил и марксистское учение, его истолкование задач историографии и исторического познания в целом состоит в том, чтобы “построить индивидуальность объекта, то есть ту именно комбинацию его особенностей, которая и получает ценность”²².

Таким образом, делал вывод ученый, “лишь комбинируя понятия о ценности и действенности индивидуального, историк получает основание признать за ним историческое значение. Такое сочетание и служит ему в качестве критерия выбора исторических фактов”²³.

Важным в системе взглядов А.С. Лаппо-Данилевского является противопоставление общего и целого, поскольку в целом всякое индивидуальное тем не менее сохраняет свое самостоятельное значение. То есть только соотнося историческое значение каждого отдельного факта с “мировым целым”, одним из выражений которого является понятие общечеловеческой культуры, историк может установить истинно научную ценность исследуемого объекта.

Из общих методологических построений Лаппо-Данилевского непосредственно вытекала его теория исторического источника. Под источником он понимал “реализованный продукт человеческой психики, пригодный для изучения фактов с историческим значением”, под критикой источника — “только теоретическое отнесение данного объекта к общезначимой ценности”, смотря по тому, “будет ли [исследователь] судить о нем с точки зрения истины, добра или красоты”²⁴.

Значение исторических источников Лаппо-Данилевский ставил в зависимость от того, насколько работа над ними позволяет ученому *соучаствовать в культурной жизни человечества*²⁵.

В октябре 1917 г. он вместе с другими академиками — М.А. Дьяконовым, С.Ф. Ольденбургом, М.И. Ростовцевым, А.А. Шахматовым и Н.С. Курнаковым — подписал заявление Академии наук, где осуждался большевистский переворот. Текст этого документа, составленного, как установил Е.А. Ростовцев, А.С. Лаппо-Данилевским, начинался словами: “Великое бедствие постигло Россию: под гнетом насильников, захвативших власть, Русский народ теряет сознание своей личности и своего достоинства...”²⁶.

Через несколько дней он стал инициатором и автором аналогичного по духу “Воззвания ученых Петрограда” Вместе с тем к этому же времени относятся его инициативы по сплочению научных сил России на междисциплинарной основе. К ним относятся проекты по созданию Российского союза ученых учреждений и высших учебных заведений, а также Института социальных наук (1917–1918) с целью защитить чисто научные внепартийные интересы ученых, обеспечить им автономию и нормальную работу.

Взяв в качестве неперемennого условия деятельности внепартийность и чисто научный характер, он в то же время подчеркивал, что “без научного руководства, без светоча знаний ни общество, ни государственная власть не будут в силах найти правильные пути к решению самых насущных и неотложных практических задач, которые стоят на очереди”²⁷. Однако, как заметил С.Ф. Ольденбург, проекты А.С. Лаппо-Данилевского не были поддержаны комиссариатом²⁸.

Не случайно именно его, ученого-энциклопедиста с мировым именем, историко-архивное сообщество России избрало весной 1917 г. руководителем Союза российских архивных деятелей (Союз РАД). Он рассматривал союз как возможность осуществлять руководство архивной отраслью через общественную организацию, наделенную государственными полномочиями.

А.С. Лаппо-Данилевский был бессменным председателем Союза РАД с апреля 1917 г. по май 1919 г. (более подробно этот аспект его деятельности будет рассмотрен в разделе, посвященном Союзу РАД). Однако вследствие постепенного отстранения союза от архивной реформы и целенаправленного процесса передачи руководства архивным делом государственной структуре – Главархиву во главе с Д.Б. Рязановым он счел целесообразным самоустраниться от работы в союзе²⁹.

В 1918 г. А.С. Лаппо-Данилевский с риском для собственной свободы, а возможно и жизни, предпринимал усилия для освобождения из заключения вел. кн. Николая Михайловича, с которым его связывали почти 20 лет совместной работы в Академии наук и несколько лет активного сотрудничества в Русском историческом обществе. Как отмечает Е.А. Ростовцев, выявивший в Петербургском филиале Архива Российской академии наук (ПФА РАН) черновик письма ученого в Совнарком³⁰, оно составлено не в виде протеста, а скорее как деловая записка с обоснованием необходимости освобождения великого князя с приложением списка его трудов³¹.

На смерть А.С. Лаппо-Данилевского в голодном и холодном Петрограде 1919 г. практически вся научная обществен-

ность откликнулась некрологами и статьями в специальных изданиях и органах массовой печати.

В недавно опубликованных дневниках академика В.И. Вернадского, который в это время находился в Киеве, содержится следующая оценка личности Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского: «Исключительная, совершенно выдающаяся образованность и глубина исканий делает эту фигуру такой, которую не забудут»³².

В архивоведческой литературе место и роль Лаппо-Данилевского в создании классической науки об архивах практически не рассматривались. Исследования ограничивались в основном установлением его организаторской деятельности во главе Союза РАД и анализом источниковедческих трудов. Это характерно даже для глубокого, но, к сожалению, незавершенного исследования историко-теоретического характера, которое принадлежит В.Н. Автократову, «Из истории централизации архивного дела в России (1917–1918 гг.)» Практически мимо его внимания прошел важный эпизод «конфликта Лаппо-Данилевского с Самоквасовым, который он свел к попытке вывезти в Петербург коллекцию грамот Коллегии экономии, а также обиде, нанесенной академиком Шумакову»³³. Из этой фразы даже неясно, о каком из двух академиков — Самоквасове или Лаппо-Данилевском — идет речь. Если следовать контексту, в котором рассматривается этот эпизод (Автократов пытается связать конфликт с имманентно присущей обидой москвичей на петербуржцев), то обидел архивиста-москвича Шумакова как раз академик-москвич Самоквасов, категорически запретив ему выполнять перспективное в научном и материальном плане поручение академика-петербуржца Лаппо-Данилевского по целенаправленной подготовке к изданию документов МАМЮ. Правда, в примеч. 4, вынесенном за пределы основного текста, В.Н. Автократов поясняет: «Напомним случай поразительной черствости и пренебрежения, проявленного Лаппо-Данилевским к скромному московскому архивисту С.А. Шумакову, который, восхищенный личностью и широкими археографическими планами Лаппо-Данилевского, поверил, будто бы является его «соразработчиком» в подготовке к изданию древних актов. Однако Лаппо-Данилевский видел в нем простого переписчика и при издании сборника даже не упомянул его фамилию. Это было в предвоенные годы»³⁴. Здесь снова все проникнуто явной недоброжелательностью к Лаппо-Данилевскому. На самом деле, в своих официальных обращениях от имени Академии наук Лаппо-Данилевский настаивал перед Самоквасовым на предоставлении Шумакову особых условий и привилегий для самостоятельного участия в обработке (а не

простом переписывании) актов Коллегии экономии в фондах МАМЮ. Но именно Самоквасов категорически запретил Шумакову использовать рабочее время и служебное помещение для выполнения заданий академии.

Ниже мы специально, основываясь на документах, анализируем этот эпизод. Вряд ли Шумаков винил больше заказчика работ, чем своего непосредственного начальника, особенно учитывая характер отношений Самоквасова с подчиненными. В результате в осуществленном уже после смерти Самоквасова издании указание на сотрудничество Шумакова не могло появиться по причинам вполне объективного характера. Кроме того, красной нитью через весь очерк Автократова проходит мысль об отрицательных последствиях нежелания Лаппо-Данилевского сотрудничать с властями. Он указывает на то, что в его натуре «сложно переплетались высокая духовность, преданность идеалам науки и демократические убеждения с холодной замкнутостью, отдававшей в молодые годы даже чопорностью»³⁵. При этом он ссылается на слова С.Ф. Ольденбурга, что А.С. Лаппо-Данилевский был негибким человеком³⁶. Прочитывая мнение И.М. Гревса, близко знавшего А.С. Лаппо-Данилевского, о том, что это вытекало из его предельно высоких научных и этических требований к себе и другим, наука и этика в его сознании были неразделимы, В.Н. Автократов пишет: «Но это неразделимое “этическое сознание”, добавим от себя, долгое время было эгоистичным, не принимало во внимание тех людей, которые не отвечали, по представлениям Лаппо-Данилевского, высокому статусу людей науки». Однако такая негибкость была следствием научной и гражданской принципиальности академика и руководителя Союза РАД, который отнюдь «не в глубине души был против всяких контактов с советскими наркочинами»³⁷, а открыто заявлял о своем неприятии новой власти. В то же время он не препятствовал контактам с ней своих ближайших единомышленников. Его заместитель кн. Голицын вел переговоры с Д.Б. Рязановым с целью выработать меры для координации усилий по спасению архивов от уничтожения. Он не отступал от своего принципиального убеждения, что все касающиеся архивного дела фундаментальные вопросы полномочен решить после глубокой предварительной научной проработки только Всероссийский съезд архивных деятелей. Это убеждение создавало ему авторитет в Союзе РАД, но, естественно, далеко не все оставлялись столь негибкими и далеко не все были готовы идти до конца.

Лаппо-Данилевский умер, не предав ни себя, ни своих убеждений. Поэтому вряд ли справедлива итоговая оценка его деятельности во главе Союза РАД, сформулированная В.Н. Ав-

тократовым следующим образом: «В Лаппо-Данилевском большинство присутствовавших [на общем собрании Союза РАД 29 апреля 1918 г.] продолжали видеть своего духовного вождя... Однако они уже убедились, что в новых исторических условиях академик не обладает необходимыми качествами ученого-реформатора. В области архивного строительства они перестали быть “лаппо-данилевцами”»³⁸.

Отказ быть “лаппо-данилевцами” привел в конечном счете к отказу от научного фундамента в архивном деле, приоритету непрофессионального отношения к ломке одних и созданию других архивно-управленческих структур, политизации архивов и т. д. Почему-то основу твердой научной и мировоззренческой позиции Лаппо-Данилевского, основанной на идее гармоничного сочетания долга и свободы воли как высших ценностей человеческой жизни, В.Н. Автократов отнес к неокантианским “абсолютным ценностям” (в кавычках у автора. — Т. Х.)³⁹ и не увидел связи между ними и теоретическими взглядами Лаппо-Данилевского по отношению к архивам и профессии архивиста. С нашей точки зрения, это существенное упущение в концепции В.Н. Автократа. Именно, исходя из столь высокой гуманитарной предпосылки, А.С. Лаппо-Данилевский возвысил статус архивоведения и ввел его в круг фундаментальных научных дисциплин. Это было обусловлено профессионально-этическими особенностями его научного мировоззрения, которое отличалось целостностью, классически строгой честностью анализа по отношению к фактам и глубиной проникновения в их суть. Приведем текст благодарственной речи А.С. Лаппо-Данилевского, произнесенной им при присуждении ему звания действительного члена Академии наук в январе 1900 г.

Мы согласны с Е.А. Ростовцевым, который проанализировал черновик текста этой речи (ПФА РАН. Ф. 113. Оп. 2. Д. 10. Л. 6—7) и опубликовал выдержки из нее в работе “А.С. Лаппо-Данилевский и РАН” Это был, по его мнению, своеобразный манифест, который стал программным для всей академической деятельности ученого. Добавим только, что Лаппо-Данилевский сделал все, чтобы создать в соответствии с провозглашенными им принципами целое направление в науке, к которому принадлежали, в частности, и крупные историки-архивисты, продолжившие его дело в первые послереволюционные годы:

“Не пренебрегая лингвистикой, археологией и археографией, я стараюсь и буду стараться придерживаться того направления, которое имеет в виду не только факты, но и факторы, не одни события, но и явления, которое стремится изобразить

не столько картины, сколько процессы, и располагает материал не живописными группами, а эволюционными рядами... В своей научно-литературной деятельности я принципиально несколько не отрицал великого и самостоятельного значения духовного развития человеческих обществ и старался в своих занятиях по русской истории разъяснить законообразный ход нашего духовного развития. Я не могу не выразить радости своей при мысли, что то ученое направление, к которому я принадлежу, нашло одобрение и ободрение со стороны Императорской академии"⁴⁰.

Отметим интегративный и принципиально теоретический характер того научного направления, к которому причисляет себя академик. Как отмечал А.Е. Пресняков, именно это обусловило уход Лаппо-Данилевского из Петроградского университета (историко-филологический факультет), где господствовала "художественная" (по выражению С.Н. Валка), т. е. историописательская, школа во главе с деканом факультета С.Ф. Платоновым, вечным оппонентом А.С. Лаппо-Данилевского⁴¹.

Любопытно, что антиномическая пара Лаппо-Данилевский—Платонов своеобразно отразила в себе противоречия аналогичных пар Самоквасов—Калачов, Миллер—Собакин и т. п. Причем со временем острота оценок постепенно сглаживается. Подходы к ним объективизируются, корректируются. Перестают казаться важными личностные, субъективные, формальные стороны их внешнего противостояния, на первый план все больше выступают объединяющие, а не разобщающие взгляды по фундаментальным вопросам. Конечно, это утверждение справедливо только по отношению к крупным ученым, вклад которых в науку не может быть оспорен последующими поколениями. Именно к такого рода ученым относится, по нашему мнению, А.С. Лаппо-Данилевский.

Остается недооцененной его работа по выделению отдельных областей знаний в самостоятельные дисциплины с последующей их интеграцией в целостную систему гуманитарных наук. Например, в результате его совместной работы с М.М. Ковалевским в России уже в 1914—1915 гг. была институирована социология как самостоятельная научная дисциплина. Будучи в академии представителем историко-политических наук, он возглавил движение за создание в ее структуре специального интегрированного отделения юридических и экономических наук. Однако центром ученых занятий А.С. Лаппо-Данилевского в академии оставались работы в области археографии, что предопределило его научный интерес к архивам.

Отметим, что он одним из первых выделил археографию из комплекса архивоведческих дисциплин, отнеся ее к “технике исторического знания” Тем самым подтверждается точка зрения С.В. Чиркова о том, что “к началу XX в. сложилось представление, что собиранием, описанием, изданием исторических материалов занимается археография. Однако в отличие от архивоведения и источниковедения у нее определены собственный объект и предмет изучения: в ее составе выделилась дипломатика — наука о форме документов, актология, которой и занимался преимущественно Лаппо-Данилевский как археограф”⁴². Это направление деятельности Лаппо-Данилевского, на наш взгляд, было также обусловлено общей необходимостью преобразования ученого инструментария, используемого реформаторами архивного дела⁴³. Отсюда постепенное расширение теоретического содержания его археографических работ. Они первоначально ограничивались в основном эдиционной археографией в ее традиционном, еще “калачовско-самоквасовском” понимании. В частности, он редактировал подготовленное к печати в 1900 г. сотрудником МАМЮ В.Н. Сторожевым “Собрание актов по истории делопроизводства Поместного приказа”, первая часть которого вышла в 1906 г. под названием “Материалы для истории делопроизводства Поместного приказа по Вологодскому уезду”

Непосредственное участие А.С. Лаппо-Данилевского в становлении новой науки об архивах относится к октябрю 1900 г., когда он выступил на заседании историко-филологического отделения академии с докладом на тему “Какое из изданий архивных документов стоит на очереди в современной русской историографии?” По мнению Ростовцева, для российской науки это выступление стало поворотным. А.С. Лаппо-Данилевский указал на недостаточное внимание русской археографии к частным актам, в то время как они являются важнейшим источником для нового направления в науке — исследования быта и хозяйственных отношений⁴⁴.

Как мы думаем, поворотным его можно назвать по причине более широкого, методологического, характера. Ростовцев считает, что А.С. Лаппо-Данилевский призвал отказаться от принципов издания документов, которые практиковал Д.Я. Самоквасов, т. е. издания “подборов разновидностей частных актов, ученых хрестоматий, полезных... для ознакомления с формальными особенностями каждого вида, но совсем не достаточных для исследования самих явлений, нуждающихся в систематическом собрании подобного рода материалов”⁴⁵.

Анализ соответствующих документов не содержит однозначного подтверждения данного тезиса по отношению к Са-

моковасову. В значительной степени запутанность этого вопроса объясняется неприемлемой в научном сообществе манерой Самоковасова вести дискуссию с оппонентами: ее форма затмевает содержание.

Попробуем проанализировать характер его дискуссии с А.С. Лаппо-Данилевским с архивоведческой точки зрения. Такой анализ предпринимается впервые в отечественной литературе, а его необходимость определяется тем, что сам конфликт, по нашему мнению, носит не частный характер, а скорее является научно значимым фактом для понимания становления новой науки об архивах в начале прошлого века.

Сразу же оговоримся, что аналогичные эпизоды были характерными и для западных архивов. Современные исследователи зарубежного архивного дела также игнорируют их суть, хотя современники относились к ним более серьезно. Мы имеем в виду прежде всего рассказ о событии в Национальном архиве Франции, которое произошло в 1913 г. Приведем изложение текста соответствующей заметки, принадлежащей О.А. Добиаш-Рожественской (1874–1939), создателю отечественной школы западной палеографии, единственной женщине, сумевшей защитить в дореволюционном университете докторскую диссертацию по всеобщей истории. Русская историческая общественность, пишет Добиаш-Рожественская, обратила внимание на эпизод столкновения директора Национального архива Ш.-В. Ланглуа с президентом постоянной комиссии архивов историком А. Оларом. Суть конфликта заключалась в том, что Ланглуа распорядился уничтожить часть материалов XIX в., а историки Франции решительно воспротивились этому. Победили историки.

Показательно, что данная заметка была опубликована в одном из первых номеров предпринятого профессором Н.И. Кареевым “Научного исторического журнала” с целью привлечь внимание отечественных историков на те права, которыми пользуются их коллеги во Франции, когда дело касается архивов⁴⁶.

К чести российских архивистов, у нас конфликт произошел с совершенно противоположной направленностью. Так, узнав о намерениях Лаппо-Данилевского предпринять силами АН в Санкт-Петербурге выборочное издание грамот Коллегии экономии из фондов МАМЮ (в связи с чем он добился прекращения финансирования архивных пофондовых “Описей актов МАМЮ...”), Д.Я. Самоковасов грубо и публично обвинил А.С. Лаппо-Данилевского, а заодно и всех академиков — коллег ученого по историко-филологическому отделению в некомпетентности. Он поместил в своей книге “Архивное дело в Рос-

сии” следующий пассаж: “А.С. Лаппо-Данилевский кратковременно занимался в МАМЮ, когда собирал материалы для своей диссертации... и получил здесь известность отсутствием способности пользоваться научно архивными материалами” Принятое историко-филологическим отделением академии предложение Лаппо-Данилевского о замене описей актов МАМЮ изданием грамот “объясняются только отчужденностью наших академиков настоящего времени от дела научной археографии. Мотивы, указанные г. Лаппо-Данилевским, кажутся чрезвычайно наивными людям, ближе стоящим к архивному делу, совершенно чуждому г. Лаппо-Данилевскому”⁴⁷.

На специальном совещании, созванном 7 февраля 1902 г. в Академии наук под председательством президента академии и с участием министра юстиции Муравьева, управляющего МАМЮ Самоквасова, секретаря Н.Ф. Дубровина, присутствовал и Лаппо-Данилевский.

Дискуссия была бурной. Не входя в ее подробности, Е.А. Ростовцев однозначно трактует ее итоги в пользу А.С. Лаппо-Данилевского.

Проведенный нами анализ, однако, показывает, что при всем уважении к великому русскому ученому-историку и методологу в данной дискуссии прав был Самоквасов, и признание Ростовцевым той реальности, что к началу 1910-х годов можно констатировать факт эволюции археографических взглядов А.С. Лаппо-Данилевского⁴⁸, только подтверждают нашу точку зрения.

В самом деле, о чем шел спор, если отвлечься от грубой по форме системы аргументации Самоквасова?

Академия наук, находящаяся в Петербурге, потребовала от МАМЮ предоставить ей “право размещать грамоты б. Коллегии экономии... согласно системе, которую признает наиболее соответственной научным целям и требованиям, установленным ею для издания означенных грамот, причем никто не имеет права пользоваться ими помимо ведома лица, сортирующего или сортировавшего их по поручению академии”⁴⁹. Далее в распоряжении, направленном от имени академии в МАМЮ, указывалось, что лица, по поручению академии занимающиеся грамотами Коллегии экономии и документами, нужными для их изучения, пользуются ими без всяких затруднений и в неприсутственное время. Более того, “Грамоты Коллегии экономии, нужные для сверки последней корректуры с подлинными текстами на месте печатания, то есть в С.-Петербурге, должны быть препровождаемы начальством архива в Академию наук в размере и порядке, удовлетворяющих системе принятого ею издания”⁵⁰.

Самоквасов вполне обоснованно, на наш взгляд, отказал академии в удовлетворении этих требований. Ссылаясь на ст. 25 правил, утвержденных министром юстиции 16 октября 1889 г., управляющий МАМЮ ответил, что она запрещает высылать куда бы то ни было документы архивных отделов, еще не приведенные в систематический порядок, а именно к таким отделам принадлежит отдел грамот Коллегии экономии⁵¹.

Министр юстиции поддержал Самоквасова, подчеркнув, что архивы существуют для занятия в них, изучения и издания документов, а не для рассылки их массами по другим учреждениям. Самоквасов при этом добавил, что во всех государствах Западной Европы нашего времени господствуют закрепленные в законодательстве принципы *in loco archivi* и *coram archivario*, т. е. архивными документами дозволяется заниматься только в здании архива и в присутствии архивариуса. Тогда неременный секретарь академии Н.Ф. Дубровин выдвинул совсем уже абсурдное, с точки зрения науки об архивах, требование, состоявшее в том, что “если пересылка из Москвы в Петербург по частям грамот Коллегии экономии невозможна, то нетрудно будет исходатайствовать закон о передаче в академию на вечное хранение архивного отдела, подлежащего академическому изданию”⁵².

Конец дискуссии положил министр юстиции. Он попросил прекратить обсуждение данного вопроса, так как невозможно дробить содержание МАМЮ, специально предназначенного законом для хранения архивных материалов и в этом отношении обладающего такими средствами, какими не располагает Академия наук⁵³.

В конце заседания был достигнут компромисс. На вопрос, каким способом возможно осуществить издание, не нарушая законы и правила хранения архивных документов, Самоквасов указал на возможность, с разрешения министра юстиции, выдавать в архиве лицу, назначенному академией, до 500 документов одновременно для доставки в Петербург. После возвращения в архив этой партии может быть выдана вторая партия документов, за второй третья и т. д.⁵⁴ При этом он отметил, что соответствующие описи могут быть высланы в академию немедленно и полностью, в количестве 20 томов, так как они имеются в архиве в двух экземплярах. Предложение управляющего архивом было признано удовлетворяющим потребности академии по изданию грамот бывшей Коллегии экономии.

Верный себе, в конце совещания Самоквасов в категорической форме “попросил” Академию наук “прекратить непосредственные сношения с архивными чиновниками по акаде-

мическим изданиям и воздержаться на будущее время от распоряжений... нарушающих порядок деятельности, установленный законом и министерским регламентом”⁵⁵. Он пояснил, что архивист, занимающийся своей исследовательской работой, а не упорядочиванием и описанием архива, не исполняет своих обязанностей, поскольку в результате деятельности “ученых исследователей” архивы приводятся в беспорядок, с каждым годом увеличивается количество столбцов, в которых очень часто листов недостает, исчезают целые дела неописанных столбцов и т. д.

В заключение Самоквасов выступил против практики издания отрывочных материалов, не имеющих ничего общего с научными сводными изданиями, подобными *Publicationen aus den K. Preussischen Staatsarchiven*⁵⁶.

Таким образом, характер дискуссии между Самоквасовым и Лаппо-Данилевским был совершенно иным, не таким, как выглядит в изложении Ростовцева.

С нашей точки зрения, признание профессиональной правоты Самоквасова-архивиста, выступившего в защиту принципа недробимости архивных фондов, ничуть не умаляет научного достоинства Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского, хотя личные отношения между ним и Самоквасовым с этого времени были окончательно испорчены.

Объективно жесткость Самоквасова в отстаивании своей правоты можно объяснить новым статусом, который приобрели архивы и архивисты по сравнению с патриархальными временами Н.М. Карамзина и А.Ф. Малиновского.

Напомним впечатляющий рассказ И.Л. Маяковского о такого рода идилической простоте в получении архивных материалов: «Карамзину высылались документы Московским архивом иностранных дел по таким, например, требованиям, адресованным директору архива А.Ф. Малиновскому: “Прошу вас, любезнейший Алексей Федорович, доставить мне скорее все материалы для описания Федорова царствования, кроме дел, не найдется ли и других бумаг любопытных? Вспомните и поройтесь” Или в других письмах: “Пришлите и то, что вы мысленно для меня приготовили”, “прошу вас приготовить для меня все, относящееся к царствованию Годунова” Иногда же Карамзин ограничивался даже такими неопределенными запросами: “Нет ли у вас чего-нибудь годного для меня в портфелях Миллера” Иногда просьбы о присылке новых документов сообщались А.Ф. Малиновскому почти *à propos*, рядом с упоминанием предметов тогдашнего житейского обихода: “Сию минуту, — пишет он в одном из писем, — принесли мне две бутылки белой водки: очень благодарю вас, любезнейший

Алексей Федорович, этого мне довольно на всю жизнь. Сделайте милость, прикажите скорее выписать из Римских дел, что мне надобно” В письме к П.М. Строеву, служившему тогда же в том же архиве иностранных дел, Н.М. Карамзин писал: “Буду ждать выписки об Иване Варяге. Нельзя ли вам взглянуть на большую Московскую пушку и сообщить мне ее надпись” А в “P.S.” добавлял: “Крайне меня обяжете, если доставите мне наказ Берсеневу и Тютину, также и выписку из Воскресенской летописи о царе Иване Васильевиче, будет в ней что-нибудь любопытное особенно о сем чуде»⁵⁷.

Теперь интересы историков, археографов и архивистов, совпадая в главном, обрели в науке каждый свою собственную нишу.

Одной из черт, присущих подлинному ученому, является его способность к самообучению. А.С. Лаппо-Данилевский был подлинным ученым.

В конечном итоге Лаппо-Данилевский реализовал свой план издания грамот Коллегии экономии, но уже на новой концептуальной основе: вместо предполагаемого им выборочного принципа он к началу 1910-х годов “определенно пришел к решению полностью печатать весь фонд, то есть размер издания был увеличен с 10 томов до 20” (С.Н. Валк в 1924 г. сообщал, что речь шла даже о 30 томах)⁵⁸.

Хочется верить, хотя у нас нет документальных доказательств, подтверждающих, что на эволюцию взглядов Лаппо-Данилевского относительно архивов, архивистов и принципов издания архивных материалов повлияла в определенной степени и твердая позиция “невыносимого” Самоквасова. Отметим также, что с начала 1910-х годов свое внимание он переключил на подготовку планируемого к выпуску Каталога всех частных актов, напечатанных в различных изданиях, на составление Терминологического словаря частных актов и др. К этому времени относятся разработка им основ методологии публикации частных актов, в том числе Правил издания сборника грамот Коллегии экономии (М., 1922), которые, как показал С.Н. Валк, “послужили несомненным образцом для всех последующих... работ по составлению правил издания документов”⁵⁹, и завершение “Очерка русской дипломатики частного акта” (Пг., 1920).

Одним из последних крупных проектов А.С. Лаппо-Данилевского было издание в рамках академии “Собрания бумаг, сочинений и писем М.М. Сперанского”, для которого он подготовил образец бланка для описи бумаг М.М. Сперанского и (совместно с И.А. Бычковым, кн. Н.В. Голицыным и А.Н. Макаровым) инструкцию по снятию копий с рукописей

графа М.М. Сперанского. Иначе говоря, археография стала заниматься своим делом, а архивоведение как наука — своим.

Другое дело, Лаппо-Данилевский в силу универсальности своего научного таланта мог совмещать и эти и многие другие виды научных занятий.

В работе Л.Н. Хмылева “Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX — начала XX в.”⁶⁰ суть классического подхода к методологии исследования архивоведческих проблем обобщена следующим образом: А.С. Лаппо-Данилевский считал выявление гносеологической природы исторического источника возможным только при условии восстановления внутреннего психического содержания по его внешней материальной форме, т. е., по терминологии Лаппо-Данилевского, выделения в источнике телеологического или практического моментов. Другими словами, в понятие “исторический источник” ученый включил не только его доступность для непосредственного восприятия, объективно-генетическую связь с породившей его прошлой человеческой деятельностью, но и его субъективное свойство быть свидетелем о прошлом. Эта функция не навязывается остатку прошлого извне, она раскрывает одну из существенных внутренних сторон прошлой человеческой деятельности, а именно отражает социальное событие прошлого. Таким образом, А.С. Лаппо-Данилевский исходил в своем представлении о ценностной сущности архивного документа как источника из его двойственной природы: с одной стороны, он является продуктом прошлой человеческой *предметной* деятельности, а с другой — результатом *познавательной* деятельности историка⁶¹. Отсюда его определение гуманитарной сущности письменных памятников:

“Особенности человеческого творческого (так в тексте. — Т. Х.), всего лучше сказывающиеся в памятниках письменности: самостоятельность, индивидуальность и абстрактность... Памятник письменности... это продукт *духовной* (материальная — мала) *деятельности человека, выраженный символическими знаками*”⁶².

По мнению Чиркова, Лаппо-Данилевский собирался отдельно рассмотреть технику собирания и хранения письменных источников в архивах, но сделать это ему не удалось⁶³.

Многие из идей универсального подхода А.С. Лаппо-Данилевского к науке в сочетании с архивоведческими взглядами Д.Я. Самоквасова нашли свое воплощение в уникальной по своему характеру деятельности *Московского археологического института* (1907–1922).

Данный факт практически не нашел своего отражения ни в одной из работ, посвященных Московскому археологическо-

му институту (МАИ)⁶⁴, что доказывает необходимость более пристального изучения с привлечением первоисточников отечественными архивоведами проблем преемственности основ науки об архивах.

Характер оценок деятельности института менялся в зависимости от общей историографической ситуации в стране. В 1918 — первой половине 20-х годов она была вполне благожелательной.

В 30-х годах деятельность института трактовалась как реакционная, подчиненная интересам дворянства и буржуазии. Со второй половины 50-х годов внимание исследователей привлекает изучение ценного опыта деятельности института в области вспомогательных исторических дисциплин, археологии и музеологии. В настоящее время изучение истории Московского археологического института направлено на раскрытие его важной роли как уникального центра российского исторического культуроведения.

Первым исследователем, который обратил внимание на преемственность концептуальных установок, положенных в основу деятельности института, был И.И. Зубарев (из-за негативного личного отношения к Самоквасову Зубарев не назвал его имени). И.И. Зубарев ограничился кратким указанием на то, что программы по архивоведению прямо связаны с неосуществленным проектом создания специального архивоведческого учебного заведения, который в середине 80-х годов XIX столетия планировал создать при Московском архиве Министерства юстиции его управляющий⁶⁵. Аналогичные сведения содержатся в статьях, посвященных почетному члену совета МАИ, управляющему МАМЮ Д.Я. Самоквасову и участнику создания МАИ и его преподавателю С.Д. Кузнецову, в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона⁶⁶ (автор статьи — П.Г. Любомиров), в Русской энциклопедии⁶⁷, а также в очерке В.И. Грачева об истории Смоленского городского историко-археологического музея, переданного в ведение МАИ⁶⁸.

Универсальный (университетский) характер системы преподавания в институте не был замечен первым исследователем, обратившимся к истории МАИ, — Н.П. Черепниным⁶⁹. Так, в известной работе “Летопись архивной жизни” Н.П. Черепнин писал: “Россия не знала учреждений, подобных *Ecole des Chartes*. Петроградский и Московский археологические институты, ставившие одной из целей своей работы подготовку архивных деятелей, главное внимание, однако, сосредоточивали на подготовке к археологической деятельности, во всяком случае, лишены были возможности широко организовать практические занятия для будущих архивных работников”⁷⁰.

По нашему мнению, приведенная выше односторонняя оценка деятельности обоих институтов объясняется конкретными историческими условиями и субъективизмом автора. Во-первых, он был выпускником Петербургского археологического института (ПАИ), т. е. учился (курс 1899–1901 гг.) уже после ухода оттуда Калачова и Андреевского⁷¹. Во-вторых, настроенный против системы дореволюционного архивного образования в целом, он распространял бытовавшее в конце 1890 — начале 1900-х годов мнение, направленное на обоснование необходимости открыть в Москве археологический институт специально для подготовки архивистов⁷². В-третьих, что самое важное, Черепнин главной задачей своей статьи видел обоснование идеи расширения деятельности Архивных курсов при Петроградском археологическом институте, которая, как он писал, возникла в I Петроградском отделении IV секции в виде чтений по истории тех учреждений, архивы которых вошли в состав этого отделения (проф. С.В. Рождественского — по истории Министерства народного просвещения, Ю.Г. Оксмана — по истории цензуры, Н.П. Черепнина — по истории Ведомства императрицы Марии), и практических занятий по технике архивного дела для состоящих в отделении лиц⁷³.

Отметим, что преподаватель курсов О.А. Добиащ-Рождественская разделяла точку зрения Черепнина относительно ПАИ, но не сочла возможным распространить ее на МАИ⁷⁴. Более того, в полном соответствии со взглядами Лаппо-Данилевского она считала, что именно на почве развития и слияния всех гуманитарных дисциплин в рамках солидной, научной школы и вместе с тем приобретения необходимых навыков ремесла только и возможно создать будущую *Ecole Nationale des Chartes*⁷⁵.

Взгляд Черепнина тем не менее утвердился в историко-архивоведческой литературе, начиная с очерка А.Ф. Изюмова “Главное управление архивным делом. 15 июня 1918–1920 гг.”⁷⁶ и заканчивая всей последующей литературой советского периода⁷⁷.

Крайне противоречивой была оценка деятельности МАИ, которую дал в своих работах советского периода И.Л. Маяковский. С одной стороны, он справедливо представляет открытие МАИ как одно из звеньев осуществления архивной реформы, в связи с чем отмечает ряд положительных моментов в программе деятельности МАИ по сравнению с программой аналогичного учебного заведения в Петербурге⁷⁸. С другой — делает совершенно неожиданный в контексте предыдущего рассуждения вывод о том, что “на деле подготовка архивистов здесь (в

МАИ) оказалась еще в большем загоне, нежели в Петербургском институте”⁷⁹.

Такая же оценка повторена В.А. Кондратьевым и К.В. Сивковым в разделе “Архивное дело и публикация исторических источников” монографии “Очерки истории исторической науки в СССР”⁸⁰, хотя деятельность двух институтов здесь не сравнивается.

Объективная оценка Московского археологического института, содержащая глубокий анализ преемственности и новаторства его работы, дается в дипломной работе выпускника Московского государственного историко-архивного института В.А. Зайцева “Московский археологический институт. Организация и деятельность в 1907–1917 гг.” (М., 1978. Научный руководитель А.Д. Степанский. Машинопись), в которой сочетаются исторический и теоретический подходы к анализу богатейшего и большей частью впервые введенного в научный оборот документального материала.

Автор первым среди отечественных архивоведов и историков высшего образования в России обратил внимание на то, что согласно программному заявлению основателя и директора МАИ А.И. Успенского все преподаваемые в институте предметы объединены одной общей целью и общей идеей исследования прошлой жизни человечества в остатках его быта, произведениях искусства и письменности⁸¹.

Таким образом, пишет В.А. Зайцев, главная черта программы МАИ может быть охарактеризована как энциклопедичность. При этом руководство МАИ стремилось к синтезу энциклопедичности и специализации⁸². Правда, назвав энциклопедичность характерным явлением дореволюционной высшей школы, он затем акцентировал внимание на перегруженность учебного плана. То есть автор не заметил, что в контексте научной парадигмы, нашедшей свое отражение в трудах Лаппо-Данилевского и его школы, именно синтез энциклопедичности и специализации (в нашей терминологии — интегративность) характеризовал истоки новой, классической науки об архивах.

МАИ представлял собой прямое воплощение идеи саморазвития науки на основе сочетания преемственности традиций и новаторства. Напомним, что Московский археологический институт открылся в 1907 г. как реализация предложения Н.В. Калачова, который еще в конце XIX в. доказывал, что старая столица крайне нуждается в таком высшем учебном заведении, поскольку является главным центром России, где сосредоточены как вещественные памятники русской старины, так и богатейшие хранилища древнерусской письменности.

Как показывает наш анализ, самым активным проводником этой идеи в жизнь объективно был Д.Я. Самоквасов, хотя его роль в литературе о МАИ игнорируется.

Идеи Калачова и Самоквасова были реализованы группой научной интеллигенции, сложившейся в 1906 г. вокруг председателя комиссии по изучению памятников церковной старины г. Москвы и Московской епархии А.И. Успенского. В нее входили профессор Московского университета Р.Ф. Брандт, С.И. Соболевский, А.Н. Филиппов, сотрудники московских музеев и архивов И.Е. Забелин, Д.В. Цветаев, заведующий общим архивом Императорского Двора проф. К.Я. Грот и другие.

В число основателей и учредителей открывшегося 31 января 1907 г. института вошли б. министр народного просвещения генерал В.Г. Глазов, б. директор Департамента полиции МВД генерал В.Ф. Джунковский, кн. А.М. Голицын, гр. А.А. Шереметев и гр. А.В. Олсуфьев, а также виднейший промышленник, московский городской голова Н.И. Гучков и другие.

С первых дней своего существования институт пользовался особым расположением Николая II, который вместе с царицей и великими князьями и княжнами стали его августейшими почетными членами. В 1912 г. институту присваивается звание Императорского, имени Николая II.

Согласно Высочайше утвержденному уставу МАИ в первую очередь предназначался для лиц обоего пола, окончивших высшие учебные заведения любого профиля, которые зачислялись в категорию действительных студентов. Но с течением времени основной контингент учащихся стали составлять платники — лица без высшего образования, которые зачислялись по усмотрению совета в вольнослушатели.

По сравнению со столичными и провинциальными университетами плата за обучение была более высокой (80 руб. ежегодно против соответственно 50 и 40 руб.). Пользуясь своей относительной финансовой независимостью (плата за обучение дополнялась добровольными пожертвованиями “спонсоров”), МАИ был достаточно автономен в своей научно-педагогической и административно-хозяйственной деятельности. Он сочетал в себе черты высшего учебного заведения, научно-исследовательского учреждения и научного общества. Правда, с течением времени основатели института все больше отступали от архивоведческой программы, разработанной Самоквасовым, что объяснялось изменением роли и места архивов в государственной и общественной жизни и радикальной ломкой представлений о ценностях в условиях стремительно менявшейся

общественно-политической и культурной жизни страны и общества.

В полном соответствии с научной концепцией Лаппо-Данилевского в деятельности института основной упор делался не столько на подготовку специалистов для правительственных, общественных, частных архивов, музеев и библиотек (таких кандидатов среди слушателей всех категорий было меньшинство), сколько “культуртрегеров-добровольцев” на ниве отечественной истории — членов научных обществ, губернских архивных комиссий и т. п. В связи с этим в отличие от ПАИ в организационную структуру МАИ входили отделения в Смоленске, Калуге, Витебске, Нижнем Новгороде, Ярославле. Занятия в них проводили командированные из Москвы преподаватели, а также деятели местного краеведческого движения, причем выпускники и слушатели отделений обладали равнозначными с москвичами правами.

Учебная программа института слагалась из трех циклов предметов: общих для всех слушателей; специальных, которые изучались только на археографическом или на археологическом отделениях.

В центре учебной программы МАИ стояли исторический источник (в самом широком смысле этого слова) и технология работы с ним.

Преподавательский корпус формировался в основном из совместителей. Это были, с одной стороны, профессора и преподаватели высших учебных заведений, с другой — практические работники архивов, музеев, библиотек, деятели различных научно-исторических обществ. Здесь читался курс русской синологии (чтения архивных документов по нотным системам звукозаписи, В.М. Металлов), славяно-русской палеографии (теоретический курс) и истории русского языка (Р.Ф. Брандт), греческой палеографии (С.И. Соболевский), генеалогии (Л.М. Савелов), геральдики (Ю.В. Арсеньев), хронологии (Н.В. Степанов), исторической географии Сибири (П.М. Головачев), археологии и топографии Москвы (Н.А. Скворцов), а также истории русской литературы (А.А. Покровский). Кроме того, для будущих архивоведов и архивистов предлагались курсы юридических древностей (источников русского права), лектор А.Н. Филиппов. Он же вел в институте занятия по теме “Государственные учреждения России XVII и XVIII вв.”. Курс русской истории вел проф. Николай Иванович Фирсов⁸³. Русскую историографию, историческую географию, музееведение, библиотековедение, метрологию и хронологию в институте архивистам преподавал известный этнограф и археолог С.К. Кузнецов.

Занятиями по нумизматике и сфрагистике руководил хранитель московской Оружейной палаты В.К. Трутовский, курс генеалогии вел заместитель председателя Московского археологического общества Л.М. Савелов. Практические занятия по первобытной археологии и бытовым древностям проводил хранитель Российского исторического музея В.А. Городцов.

Наибольшая доля учебной нагрузки приходилась на преподавателей-практиков. Так, курсы истории русского государства и архивоведения читал А.И. Успенский, до 1914 г. сочетавший работу директора МАИ с работой в Московском отделе Общего архива Министерства Императорского Двора.

Практические занятия по палеографии (“Чтение древних рукописей”), а затем и лекции по архивоведению вел выпускник института И.Ф. Колесников, который до этого закончил также ПАИ и духовную академию. Как пишет, правда не без известной доли преувеличения, В.А. Зайцев, “чтения Колесникова выгодно отличаются от компендиумов, подготовленных его предшественниками преподавателями ПАИ И.Е. Андреевским и А.П. Вороновым, не говоря уже о двухтомнике Д.Я. Самоквасова... поскольку его лекционный курс носил всеохватывающий характер”. Обосновывая такую высокую оценку, Зайцев писал, что Колесников с одинаковой обстоятельностью трактовал как собственно архивоведение, так и архивоведение⁸⁴. Колесников действительно отличался скрупулезным подходом к подготовке лекций, самостоятельно переведя на русский язык труды баварского архивиста Лезера, а также считавшееся в то время классическим архивоведческое руководство Гольтцингера (Лейпциг, 1908). В то же время мимо его внимания прошла работа голландских архивных деятелей С. Мюллера, И. Фейта и Р. Фруита “Руководство к приведению в порядок и описанию архивов”, которое в немецком переводе появилось уже в 1905 г.⁸⁵

Отметим, что для Колесникова, в частности, было характерным рассматривать даже такой специальный предмет, как палеография, в очень широком контексте. Ее задачей он считал изучение “языка и общей терминологии эпохи”, без чего, по его мнению, невозможно достигнуть умения правильно понимать написанное. Этой концепции он придерживался всю свою долгую жизнь, в том числе и во время преподавания в Московском историко-архивном институте⁸⁶.

К практическим занятиям по чтению древних рукописей привлекались также архивариус МАМЮ Н.Н. Ардашев, “вещевед” В.К. Клейн, который использовал экскурсии в старинные описи и архивные документы, чтобы составить научное пред-

ставление о литургических одеждах, тканях и шитье⁸⁷, и т. д. Например, чтение Ардашевым специального курса, в котором рассматривалось архивное наследие Поместного приказа, проходило в помещении МАМЮ на Девичьем поле, с подлинными книгами в руках, причем управляющий архивом Самоквасов не только предоставил для занятий так называемый редакционный зал (во внеприсутственные часы), но и оборудовал его под аудиторию на личные средства. При преемнике Д.Я. Самоквасова Д.В. Цветаеве чтение лекций по дипломатике писцового отдела МАМЮ продолжалось на прежних основаниях⁸⁸.

Таким образом, лабораторно-исследовательской базой преподавания архивоведения до 1911/12 уч. г. был, как и рекомендовал Д.Я. Самоквасов, реальный массив документов, который вначале был в МАМЮ, затем в архиве московского Императорского Двора, а также в Московском отделении архива Главного штаба.

С 1915 г. эти занятия основываются также на материалах учебного архива МАИ, который сложился из документов Управы благочиния, переданных ему Московской городской управой, и фондов Московского надворного суда и Московской палаты уголовного суда. Так на практике осуществлялся принцип сочетания энциклопедичности со специализацией. Судя по выявленным нами источникам, этот принцип соблюдался неукоснительно⁸⁹.

Ярким примером такого подхода могут служить итоговый курс Н.Н. Ардашева, опубликованный в 1909 г. под характерным для школы Лаппо-Данилевского названием "От археологии до историософии"⁹⁰, а также лекции по архивоведению И.Ф. Колесникова на Архивных курсах 1918/19 уч. г., подготовленные им до революции и без всяких изменений вынесенные для чтения⁹¹.

И.Ф. Колесников в 1907–1910 гг. был слушателем Московского археологического института, до 1922 г. преподавал в нем, а с 1947 до 1952 г. в качестве профессора читал лекции на кафедре вспомогательных исторических дисциплин Московского государственного историко-архивного института, олицетворяя собой непрерывную связь научных традиций в области архивоведческих наук⁹² на протяжении десятилетий.

Структура лекций по архивоведению, которые читали А.И. Успенский и затем, используя его материалы, И.Ф. Колесников, выглядела следующим образом:

Введение. (Научное и практическое значение архивных материалов. Понятие о науке [архивоведения] и ее задачи. Исторический обзор науки и литература предмета.)

Часть общая. (Понятие об архиве. Три вида архивов: при канцеляриях, регистратура, архив в собственном смысле слова; очерки происхождения архивов: древние века. Новое время); исторический обзор западноевропейских архивов).

В курсе “Исторический обзор архивного дела в России” Колесников выделяет следующие разделы: “Архивы приказов. Эпоха коллегий. Архивы эпохи министерств”; “История проектов архивной реформы в России”; “Известнейшие архивы”

К специальной части науки архивоведения (архивоведению в тесном смысле) он относит изучение выводов, которые вытекают из историко-сравнительного изучения архивов и дают практические сведения о порядке и целостности, классификации, описаниях и издании архивных документов, а также об уничтожении ненужных архивных бумаг. Здесь, с нашей точки зрения, важно было стремление сохранить целостность науки об архивах как единой историко-теоретической и практической дисциплины. Как видно, структурное построение курса лекций Колесникова почти полностью совпадает с аналогичной программой, разработанной Самоквасовым.

Анализ содержательной части его лекций показывает, что они носили ярко выраженный источниковедческий характер, основанный на концепции позитивизма. Так, в разделе “Научное и практическое значение архивов” он выдвигал тезис, согласно которому в отличие от повествовательных источников архивные источники не грешат пристрастностью, односторонностью, забывчивостью, намеренными извращениями событий: “В научном стремлении к достоверному знанию XIX век выдвинул на первый план документальные (по внутреннему характеру) или архивные (по месту хранения) источники исторического изучения”⁹³. Источники документального характера — акты государственные и частные — написаны, по его мнению, не для потомства и исследователей, а “в интересах злободневности. Они беспристрастны и непреднамеренны, а потому и более объективны” Это позволяет проверить достоверность источников других видов. Но “они и сами дают нечто новое, самоценное. Сознание важности архивных материалов в научном и практическом отношениях возвысило и значение архивов как мест хранения важнейших историко-юридических памятников письменности и дало толчок к созданию особой науки об архивах — архивоведения”⁹⁴.

В этом положении, на наш взгляд, заложен важный концептуальный смысл — возникновение науки об архивах обусловливается “возвышением” роли архивов, а само это возвышение вызвано сознанием важности историко-юридических памятников в научном и практическом отношениях.

Этот тезис является основополагающим при выделении нами в истории науки об архивах периода ее генезиса как традиционного архивоведения, который мы связываем с именами Н.В. Калачова и Д.Я. Самоквасова.

Для эмпирического (донаучного) периода развития архивного дела характерна либо абсолютизация утилитарной (практической) функций архивов, либо ее приоритетность по сравнению с научной.

Еще более расширительное толкование архивов и уяснение их сверхфункциональной, самоценной сущности приведет к возникновению на следующем этапе классического архивоведения, о чем речь пойдет в соответствующей главе нашего исследования.

Исходя из собственной концепции, Колесников дает оригинальное определение архивоведения, которое, по нашему мнению, является наиболее полным из всех разработанных его предшественниками: "Архивоведение как наука есть совокупность теоретических и практических знаний, непосредственно относящихся к архивному делу"

Эта наука имеет задачи:

- 1) путем научной разработки данных об архивах выяснить и изложить основы рационального устройства и ведения архивов, обеспечивающего сохранность архивных материалов и удобство пользования ими в интересах научных и деловых;

- 2) путем научного разъяснения значения архивов доставить всем видам их единство и цельность;

- 3) путем установления сношений между управлениями архивов различных государств и изыскания способов международного пользования архивами сделать содержание их достоянием науки всех стран и народов образованного мира⁹⁵.

Трехлетний курс обучения в МАИ завершался устными испытаниями и диссертацией. После ее защиты действительные слушатели получали звание "ученый архивист" и "ученый археолог". Прочие довольствовались званием "окончивший курс института". Но поскольку они могли получить звания "ученых" специалистов при условии сдачи устных экзаменов на оценку "отлично", практически все выходили "учеными архивистами" и "учеными археологами"

Отметим, что слушатель первого набора МАИ, знакомый с постановкой дела в Петербургском археологическом институте, писал в январе 1908 г. о своих коллегах по Московскому археологическому институту: "Уже многие хорошо разбирают скоропись XVIII в., прослушав только первый семестр. В Санкт-Петербургском институте, к сожалению, большинство

даже после 4-х семестров смотрели на столбцы, как на китайскую грамоту”⁹⁶.

Заметное место в отечественной историографии архивоведения заняло издание профессорами и преподавателями собственных лекций и учебных пособий, а также 40 томов “Записок” Московского археологического института, выпускавшихся до октября 1917 г. В них публиковались монографии, статьи, документальные публикации преподавателей, а также по постановлению совета института наиболее достойные исследования слушателей.

Широко практиковались индивидуальные командировки преподавателей за рубеж (Италия, Франция, Греция, Германия, Турция) для научных изысканий. Пройдя сквозь события Февральской и Октябрьской революций, Московский археологический институт просуществовал до 1922 г., когда его включили в состав факультета общественных наук Московского университета.

Таким образом, деятельность МАИ, с нашей точки зрения, объективно отражала возросший статус архивов и соответственно архивной науки, которая была осознана в силу высочайшей научной добросовестности Лаппо-Данилевским.

Еще одна важная особенность в работе Лаппо-Данилевского, которая ярко проявилась после знаменательного столкновения с Д.Я. Самоквасовым: во всех его проектах активно участвуют архивоведы и архивисты, которые затем почти полностью войдут в состав Союза российских архивных деятелей. Так, помимо кн. Н.В. Голицына, И.А. Бычкова и А.Н. Макарова в состав возглавляемой Лаппо-Данилевским комиссии по изданию бумаг М.М. Сперанского входили К.Я. Здравомыслов, А.А. Сиверс, Г.П. Георгиевский, В.Я. Адарюков и другие⁹⁷. К сожалению, ни специально исследовавшие деятельность комиссии А.А. Александров, ни Е.А. Ростовцев не отметили, что эти работы курировал по линии Русского исторического общества АН вел. кн. Николай Михайлович (Романов), который, как уже отмечалось ранее, пытался продолжить соответствующие исторические изыскания даже в тюремном заключении, буквально накануне казни в 1919 г.

Символично, что последнее крупное издание, проект которого под названием “Русская наука” пытался реализовать А.С. Лаппо-Данилевский, носил междисциплинарный характер. Его драматическая история подробно изложена в работе В.Д. Есакова “Неосуществленный проект АН”⁹⁸, поэтому в контексте нашей монографии выделим только главное: в серии сборников Лаппо-Данилевский и коллектив привлеченных им авторов из самых различных областей гуманитарной науки и

естественно-научных дисциплин задумали решить две взаимосвязанные задачи. С одной стороны, они предполагали публикацию нескольких десятков очерков, которые должны были продемонстрировать единство научного знания. Это отражало уровень развития мировой науки в начале XX в., о чем мы подробно говорили в начале главы. С другой стороны, комиссия по изданию серии сборников "Русская наука" под руководством А.С. Лаппо-Данилевского ставила перед собой цель представить достижения русской науки, которая, как писал А.Е. Пресняков, вступила в период зрелости⁹⁹, всему миру.

Для реализации проекта Лаппо-Данилевский привлек как виднейших представителей гуманитарной мысли России (В.П. Бузескул, Н.О. Лосский, Н.Н. Глубоковский, Н.И. Кареев, Б.А. Тураев, А.Э. Нольде, М.И. Ростовцев, С.А. Жебелев, Э.Л. Радлов и другие), так и специалистов-естественников (физик, био- и геофизик П.П. Лазарев, зоолог, автор работ по энтомологии, паразитологии и дарвинизму Н.А. Холодковский и другие). Сам А.С. Лаппо-Данилевский написал для этого издания обширный очерк по истории русской историографии, который в сокращенном варианте был опубликован уже после его кончины.

Приведенный нами сжатый перечень тем, которые интересовали Лаппо-Данилевского, весьма показателен для уровня российской научной мысли в канун революции 1917 г.

Состоявшаяся дискуссия между Самоквасовым и Лаппо-Данилевским, а также анализ научно-учебной деятельности МАИ показывают, что русское архивоведение к началу XX в. достигло ступени, на которую нельзя было подняться без приобретения всеохватывающей системы гуманитарных знаний в сочетании со специфическим опытом и основами профессии, которые не могут ограничиваться только археографией (точнее, *архивографией*).

В деятельности А.С. Лаппо-Данилевского это выразилось конкретно в следующем. В ноябре 1903 г. он выступил на заседании историко-филологического отделения Российской академии наук с уведомлением о том, что в академию не поступают отчеты о работе губернских архивных комиссий, хотя это требует соответствующее Положение о деятельности ГУАК. Естественно, что исправить положение было поручено ему же. Так началась почти 20-летняя эпопея, посвященная подведению научной основы под деятельность архивной общественности на всей территории России. Вопреки Самоквасову и вслед Калачову Лаппо-Данилевский считал необходимым и возможным превратить архивные комиссии в центры губернской культурной жизни. Как истинный ученый он видел основной недо-

статок работы архивистов-общественников в том, что они действуют без единой программы, составленной на научной основе. В этом, по его мнению, заключался главный смысл назревшей перестройки всего архивного дела на местах. Начиная с середины 1900-х годов он активно участвовал в разработке единой инструкции для работы губернских архивных комиссий и составил перечень необходимых изменений в Положении о деятельности ГУАК с целью максимально расширить круг их забот и попечений. Так, представители культурных сил на местах должны были заняться составлением археологических карт, ведением библиографических работ по истории местной жизни, изучением проблем местного музееведения, разработкой проектов местных правил и методик по охране древностей, а также изданием архивных материалов и пополнением местных архивохранилищ материалами, получаемыми не только из местных ведомств и учреждений, но и от владельцев частных собраний и коллекций. В итоге он с 1904 по 1914 г. составлял доклады и заключения о деятельности местных архивных комиссий, целый комплекс которых был выявлен Е.А. Ростовцевым в ПФА РАН. Часть из них была опубликована в изданном под наблюдением А.С. Лаппо-Данилевского "Сборнике материалов, относящихся до архивной части в России"¹⁰⁰.

А.С. Лаппо-Данилевский участвовал в подготовке, обсуждении повестки дня и работе первого съезда представителей ГУАК и соответствующих установлений в мае 1914 г., о котором мы подробно рассказали выше. В начале 1915 г., после смерти С.М. Середонина, Лаппо-Данилевский был избран секретарем особой комиссии Императорского Русского исторического общества. Он сосредоточил в своих руках все научное руководство деятельностью местных архивных комиссий во все-российском масштабе.

Чтобы в достаточной степени оценить актуальность задач, которые предстояло решать Лаппо-Данилевскому в предреволюционные и последующие годы, приведем выдержки из рассказа о жизни рядового архивиста провинциальной России, принадлежащего выдающемуся русскому писателю Алексею Михайловичу Ремезову (род. в 1877 г. в Москве, ум. в эмиграции в Париже в 1957 г. Россию покинул в 1921 г.). В рассказе "Жизнь бессмертная", который был впервые напечатан в Эстонии в 1921 г. в сборнике Ремизова "Шумы города" и опубликован в Советском Союзе в журнале "Огонек" под рубрикой "Русская проза. XX век. Из запасников" автор приводит ряд эпизодов из обыденной жизни провинциального архивариуса Дворянского благородного собрания Ионы Петровича Боголепова в 1917 г.

«Невелика птичка, с лица черен и даже черномаз, борода клочьями, на лбу волосы прилипли, водкой на семь шагов разит... — так начинает свой рассказ А. Ремизов. — А из боковых карманов торчат книжки, рукописи, столбцы — у него все есть. Покровитель его, председатель архивной комиссии Сахновский, говаривал:

— Никогда у тебя, Иона, ни гроша нет, а знающий человек может тебя ограбить тысячи на три. Столько в тебе достопримечательности.

А доморощенный историк наш Миловзоров после переплю лепетал жалостно:

— Иошечка, ангел, спуль какую рукопись, опохмелимся!

Велики были клады Ионины, а проворство рук его изумительно. Он мог на глазах владельца изъять документ или даже небольшую книгу. И почетный попечитель губернатор Корноуховский не успел ахнуть, как в его присутствии, у него на глазах, в казенном архиве Иона стащил автограф Благодословенного Императора. Выразив Ионе благодарность за его деятельность, губернатор, обратившись к старшему архивариусу, сказал недвусмысленно:

— Он человек полезный, но все-таки лучше его сюда не пускайте...

Знал Иона действительно все, даже и то, чего совершенно никто не знал... Мне помнится, он первый и произнес слово теперь законнейшее, а тогда, как пугало: экспроприация. Раньше я что-то ни от кого не слыхивал...

Был в нашем городе губернатор Гудзевич. В один из отпусков он встретился на курорте со знаменитым в России археологом Рязановским. И в разговоре... знаменитый старец швырнул ему:

“Не одни, дескать, чудаки занимаются археологией, но и весьма высокопоставленные особы!” — и назвал несколько громких и титулованных имен.

Губернатор не поверить не мог, но и не придавал особого веса, а вскоре и совсем забыл. Вернулся домой, а тут ждет его бумага от министра — срочный запрос: какие имеются древности в его губернии, какого качества и какого времени?

Струхнул губернатор... Что говорить: ни он, ни чиновники ничего о древностях не знают. Поехал с поклоном к архиерею. Слава Богу, что архиерей попался любитель-старинщик, — выручил. И сейчас же ответ в Петербург дали, да еще и с указанием, что и музей затевается.

Полиция навезла всякого старья: брали и то, что нужно, и такое, что печку топить. А свалили все в Дворянском доме.

Да тем дело и кончилось, как полагается, то есть кончилось до поры до времени, пока не явился Иона.

Рыща в Дворянском доме, как в собственном... однажды, разглядывая древности и перебирая казенную рухлядь, решил Иона воспринять нетрудное и приятное бремя археологии. А к тому же и господа дворяне стали себе требовать самые древние родословные...

И навострился же тут Ионушка.

Бывало, в Пассаже, сидя в угловой излюбленной комнате, расхвастается:

— Уж так просил меня Перебрюхов родословную ему составить... вот я его и вывел от Руслана и Людмилы прямохонько, как ниточку. И все на основании документов. А документы все подлинные — сам писал.

Звенят серебряные рубли, стучат стаканы, льется пиво, гремит машина.

— Я, — говорит Иона, — за деньги могу кого хочешь от кого хочешь произвести...

...Устройство местного музея — вершина и расцвет его деятельности. Тут обнаружил он необычайную ловкость. И в самый короткий срок накопил приданое для двух дочерей, а Палагие сделал бархатный салоп...» и т. д. и т. п.¹⁰¹

Мы оставляем открытым вопрос, насколько типична для архивной жизни России предреволюционного периода история, рассказанная писателем. Но даже если бы подобные ионушки, губернаторы и председатели архивных комиссий были в одном-единственном экземпляре, они представляли смертельную угрозу для жизни российских древностей.

Научной интеллигенции страны во главе с А.С. Лаппо-Данилевским нужно было противостоять этой угрозе. Вскоре благодаря его деятельности значительно повысится уровень активности культурных сил на местах. Так, по итогам анализа первого печатного «Отчета о деятельности Кубанско-Черноморского областного архивного управления за 1920» (Краснодар, 1920), поступившего в Главархив, его рецензент Н.Ф. Бельчиков отмечал, что он отражает огромные усилия, которые потратили все отделения Облупра на чрезвычайно важное дело — пропаганду архивов, их значения и ценности. В предпринятом Кубанско-Черноморским областным архивным управлением деле, писал рецензент, «чувствуется искренняя любовь к делу, твердое намерение серьезно подойти к задачам дня и — по мере возможности — использовать все, что в силах дать среда для великого дела охраны и изучения архивных сокровищ»¹⁰². В качестве примера, достойного подражания, Н.Ф. Бельчиков выделяет из отчета данные о том, что в Отделении народного образования

находится почти полностью архив б. попечителя Кавказского округа. Начался его разбор и описание. При колоссальном сдвиге и эвакуации архивов очень важно знать, где находится такой-то архив, особенно ценный, вроде данного. Такие отчеты должны лечь в основу крайне необходимого теперь справочника по архивному делу в России, где отдел по регистрации архивных фондов составит основное место¹⁰³.

Отметим, что все перечисленные Бельчиковым мероприятия были запланированы А.С. Лаппо-Данилевским в период его руководства Союзом РАД и научной деятельностью губернских архивных комиссий.

Другим примером может служить решение студентов Ярославского отделения Московского археологического института, не имеющих учебных пособий, принять меры к выпуску кратких учебников, конспектов и прочих необходимых пособий, а также к выпуску рукописных изданий. Первым стал труд профессора А.И. Смирнова "Очерки по истории архивного дела" Как говорится во введении, написанном от имени издательской комиссии студентов, она "надеется, что брошенная искра самодеятельности возгорится в яркое пламя, которое осветит путь, ведущий к познанию прошедших эпох"¹⁰⁴. Курс лекций начинается с утверждения, что "отсутствие архивов делает невозможным развитие современной науки, оставляет пустыми целые эпохи... Отсюда становится понятным стремление человечества сохранить память о своем прошлом, вытекающее, как некоторые говорят, из присущей всему человечеству жажды бессмертия"¹⁰⁵. После краткого очерка всеобщей истории архивов в лекциях дается характеристика вопросов централизации и классификации архивных фондов в Бельгии, Австрии, Германии, Англии и Франции (о Голландии в лекциях умалчивается). При этом обращается особое внимание на опыт Бельгии, где централизация архивных материалов построена на принципе историческом, научном, архив представляет собой определенное и законченное целое, а потому и удовлетворяет научным требованиям¹⁰⁶.

Таким образом, даже в самое трудное время основанная Лаппо-Данилевским и его единомышленниками по МАИ и Архивным курсам при ПАИ классическая наука об архивах продолжала саморазвитие на основе преемственности традиций на всей территории России.

Как показывает анализ, в моменты угрозы для архивов повсеместно начинают функционировать механизмы защиты и самозащиты исторической памяти нации. Архивное дело стихийно, под давлением объективных обстоятельств перемещается в центр общественной жизни, заставляя действовать в своих

интересах даже государственно-бюрократический аппарат, в периоды острых политических кризисов весьма далекий от профессиональных забот архивистов.

Подытоживая деятельность А.С. Лаппо-Данилевского в создании классического архивоведения в предреволюционный период и первые послереволюционные годы, приведем слова Е.А. Ростовцева, который специально исследовал эту тему: «Работа над созданием материальной базы “строгой науки”, как полагал Лаппо-Данилевский, включала в себя несколько направлений, первым по значению среди которых было: “организация архивоведения и архивного дела как необходимого фундамента исторической науки”»¹⁰⁷.

Таким образом, деятельность А.С. Лаппо-Данилевского во главе Союза российских архивных деятелей была прямым продолжением его научной и организационной деятельности в архивном деле, а не представляла собой нечто спонтанное, вызванное экстремальными обстоятельствами революционного периода. Об этом лишний раз свидетельствует хотя бы тот факт, что даже после избрания председателем Союза РАД Лаппо-Данилевский уделял, как и до этого, большое внимание работе местных архивных комиссий. Кроме того, он в числе других академиков участвовал в частном совещании, на котором обсуждался вопрос об охране памятников в условиях военного времени. В результате на общем собрании академии в 1914 г. была создана комиссия с широкими полномочиями по охране памятников, в которую помимо него вошли академики В.И. Вернадский, Н.С. Кондаков, М.А. Дьяконов, И.П. Бородин, Ф.И. Успенский, Н.В. Насонов и А.А. Шахматов. Здесь он приобрел богатый опыт по координации работ, связанных со спасением памятников культуры от разрушений, причем от действий не только противника, но и невежественных властей. Так, в протоколах заседаний общего собрания Академии наук за 1916 г. сохранились свидетельства о борьбе Н.С. Кондакова и А.С. Лаппо-Данилевского против разрушительных последствий спешно сооружаемой в местах древних памятников Новгорода железной дороги¹⁰⁸.

Вплоть до февраля 1917 г. Лаппо-Данилевский продолжал заниматься наряду с архивным делом историей, археологией, этнографией, музееведением, философией, науковедением и т. д. Он создавал будущую единую науку о Человеке в целом и классическую науку об архивах как фундаменте научного познания мира в частности.

На его смерть гениальный русский ученый В.И. Вернадский, находившийся в это время в Киеве, откликнулся следующей записью в дневнике:

“11. II. 1919.

В газетах сегодня о смерти Алекс. Серг. Лаппо-Данилевского.

Все уже круг близких.

Ему легче, что он умер. Он переживал все тяжело, и личная жизнь... была сурова. А исключительная, совершенно выдающаяся образованность и глубина исканий делает эту фигуру такой, которую не забудут.

Две смерти — Лаппо-Данилевский и Туган-Барановский. Оба крупные порождения русской культуры, ее исключительного богатства, красоты и мощи.

А.С. — ученый и мудрец — несмотря на желчность, мелочи характера.

И тот и другой жили идеей”¹⁰⁹.

При этом нельзя не принимать во внимание, что Лаппо-Данилевский жил в такое время, когда, по его же собственным словам, деятельность ученого следует оценивать не только по результатам, но и по задачам, которые он перед собой ставил¹¹⁰.

Мы уже отмечали, что с ноября 1917 г. наибольшее внимание он уделял деятельности Союза РАД, и в условиях наступающей разрухи он объективно стал координатором архивной политики в стране, хотя и на общественных началах. Чтобы понять причины того, почему и как это произошло, необходимо разобраться в том, что собой представлял Союз российских архивных деятелей, сплоченный общей идеей уважения к архивам как общенациональному достоянию и государственной святыне, в период революционных событий (март—октябрь 1917 г.) и в первые послереволюционные годы вплоть до кончины А.С. Лаппо-Данилевского в 1919 г.

Союз российских архивных деятелей и классическое архивоведение

Детальный анализ организационной стороны деятельности Союза российских архивных деятелей содержится в монографии “История Отечества и архивы”¹¹¹, поэтому в данном подразделе мы полагаем целесообразным ограничиться кратким очерком, акцентируя внимание на научных аспектах его деятельности.

СОЮЗ российских архивных деятелей (Союз РАД)¹¹², с октября 1919 г. — Общество российских деятелей (ОРАД) (март 1917 г. — март 1924 г.). Был создан по решению собрания представителей крупнейших архивов, музеев, библиотек и других научных учреждений и организаций в Петрограде 18 марта 1917 г.

Нужно сразу отметить, что в отличие от концепции, существующей в историко-архивоведческой литературе последних лет, Союз РАД возник не на пустом месте и не под давлением внешних обстоятельств, которые только ускорили процесс его создания.

Убедительным доказательством правильности нашей гипотезы служит не только научно-теоретическая деятельность А.С. Лаппо-Данилевского, но и малоизвестный в наши дни проект архивной реформы, который предложил весной 1917 г. Ф.А. Ниневе. Только благодаря работам эстонских архивоведов его имя возникло из небытия. В нашей работе “История Отечества и архивы” излагается суть реформы, предложенной им в “Записке об организации архивов в России”, адресованной “обожаемому господину профессору” (так в тексте) П.Н. Милюкову. Она была датирована 18 марта 1917 г., но отправлена адресату только 25 мая того же года. Записка была нами выявлена в ГАРФ в личном фонде Милюкова¹¹³. Но мы не располагали никакими биографическими данными об авторе записки, кроме тех, которые содержались в тексте документа (уроженец Лифляндской губернии, родом — эстонец, а по происхождению — сын отставного матроса Николаевской службы).

По нашей просьбе студент-заочник факультета архивного дела Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета Андрус Кустола произвел поиски в Эстонском историческом архиве¹¹⁴, результаты которых он обобщил в своей курсовой работе “Ниневе, Фридрих Адович. 1857–1929” (Нарва. 2001. Рукопись). Ее данные позво-

ляют восстановить биографию автора проекта русской архивной реформы, который состоял только в одном научно-общественном объединении того времени — с 1908 г. был членом Императорского русского военно-исторического общества.

Фридрих Адмович Ниневе (1857—1929). Родился в Лифляндии в волости Вана-Выйду. Отец отслужил 20 лет в морском флоте музыкантом. Вернувшись на родину, работал сапожником. Накопив определенные средства, он переехал в Тарту, где открыл свой магазин, но после банкротства вернулся опять в родную волость.

Как сыну рекрута Фридриху предоставлялась возможность учиться на казенный кошт, чем он и воспользовался. После окончания приходской школы в 1871 г. Ф. Ниневе пытался поступить в Петербургскую школу лоцманов, но его не приняли ввиду слабого знания русского языка.

В 1872 г. он был откомандирован в инспекторский департамент Морского министерства, через год поступил на работу в отдел военно-морского флота Морского министерства, где в основном использовали его блестящие знания немецкого языка. Затем — длинный путь служащего различных министерских канцелярий, пока в 1894 г. его не назначили делопроизводителем в редакцию журнала “Морской сборник”, где одновременно начал сотрудничать в комиссии по составлению истории российского флота под руководством Н.А. Коргуева, которая просуществовала примерно 16 лет (до 1911 г.).

В 1898 г. Ниневе назначили в архив Морского министерства. Как пишет он в своей автобиографии, должность делопроизводителя “была одновременно должностью помощника начальника архива, и для того, чтобы получить нехватавшие знания, я поступил в этом же году слушателем в Императорский Археологический институт” Вместо положенных двух лет проучился в нем три года, так как первый год ушел на получение общих знаний по церковно-славянскому языку и истории. В 1910 г. он был уволен из архива на пенсию в звании государственного советника и с правом ношения морского мундира.

По имеющимся архивным сведениям, Московский археологический институт планировал направить его в заграничную командировку для последующего составления им учебника по архивному делу, но поездка не состоялась. Вместе с инженером Руссвурмом он основал фирму по поставке специального оборудования для российских архивов и библиотек, но все планы рухнули с началом Первой мировой войны.

В 1913 г. Ф.А. Ниневе выступил против проекта реформы делопроизводства и архивного устройства, предложен-

ного А.И. Лебедевым, содержание которого будет рассмотрено ниже.

В 1913 г. он подал заявление о приеме на работу в архив Морского министерства, но его начальник А.И. Лебедев отказал ему по вполне понятной причине. Сам Лебедев сформулировал ее, в числе прочего, следующим образом: работа двух архивистов, мыслящих противоположно, в руководстве одним архивом недопустима, а “представитель коммерческого предприятия, рекламирующего архивные шкафы, нам не нужен”

После Февральской революции 1917 г. Ниневе находился на службе в аппарате Временного правительства. Именно к этому времени относится его записка с проектом архивной реформы, которую он составил в Петрограде, а направил уже из Пятигорска. Ее характер, смысл и программная основа передают следующие выдержки из подлинного текста, который мы впервые вводим в научное обращение:

“Свершилось... Свершилось великое историческое событие, вызвавшее из груди народа и всякого благомыслящего человека глубокий вздох облегчения... Стало дышать свободнее: открылся простор духу, силе и энергии, заглушенных под гнетом прошлого режима. Правительство и народ встали во весь рост к новой, сознательной жизни и деятельности. Что может быть приятнее и возвышеннее сознания, что ты, единица, работаешь в общей массе не только для себя, а для блага Народа, Общества, Государства... Момент велик! Велик — не только для истории нашего государства, но и в истории мировой. На истории мы должны воспитываться: она — наша гордость. История наша должна служить нам Ветхим и Новым заветом нашей политической, экономической и духовной жизни.

Но до сего времени мы были лишены познаний действительной нашей жизни: она изображалась нам неправдивой, в желательном искаженном виде и направлении, выгодными кучке людей, высшую власть имевших, и их приспешников. Преподавание истории в наших учебных заведениях, а следовательно, и воспитание на ней юношества находилось под тяжелым гнетом строгого контроля власти, которая видела в устремлении к правде вред и опасность для себя.

Но теперь?... Теперь, в свободной России, при свободе слова, не замедлит появлением новая, правдивая, беспристрастная история многострадальной России.

Да поздравим нашу историю с наступлением новой эры!

Да прольет она яркий свет на ее прошлое, на настоящую и будущую эпохи!

Но чтобы достигнуть последнего, мы должны, не теряя времени, позаботиться о сохранении источников истории как

для прошлой, так и для будущей нашей государственной летописи во всех ее подробностях”

И далее:

«Хранилищами исторического материала являются наши архивы, музеи и библиотеки.

1) Архивы имеют назначением хранить, так сказать, сырой, еще не обработанный исторический материал по всем отраслям нашей деятельности и жизни. Причем, архивы содержат не только научный исторический материал, но и правовой, правовой — от Государства до права отдельных лиц включительно...

2) Музеи содержат наглядный материал в образцах науки и искусства по всем их отраслям, и

3) Библиотеки обнимают уже весь обработанный и напечатанный материал во всех проявлениях нашей жизни.

Но эти, кажется, близко родственные учреждения — два брата и сестра, до сего времени не пользовались одинаковыми правами и вниманием.

Семья эта оказалась не без уroda.

Уродом, и жалким уродом, являются наши архивы.

Они всеми забыты и всеми пренебрежены.

Их лишают порядочного крова, полезного для дела личного состава.

Музеи и библиотеки прозябают кое-как благодаря частной инициативе и настойчиво напрашивающемуся (так в тексте. — Т. Х.) интересу. Им отводятся более приличные соответствующие помещения. Они обслуживаются отчасти уже подготовленными лицами.

Но по отношению к архивам не приходится наблюдать того же, если не считать двух-трех архивов высших государственных учреждений, да и то они только наружно удовлетворяют глаз.

Архивы не могут пользоваться частной инициативой.

Архивный вопрос — государственный вопрос, и не последней важности (выделено нами. — Т. Х.).

Архивное “неустройство” у нас до того велико и ощутительно, что его нельзя откладывать в дальний ящик.

Оно требует немедленных, безотлагательных мер со стороны Временного правительства. <...> Не теряя дорогого времени, обратиться с воззванием к народу, чтобы он щадил архивы, музеи и библиотеки, а властям же предписать озаботиться о мерах охраны их.

В это же время необходимо немедленно начать подготовительные работы по устройству их.

При централизации архивов расходы на них не увеличатся, а, скорее, значительно уменьшатся... Хороший пример в ар-

хивной реформе (здесь и выше выделено нами. — Т. Х.) — наши союзники англичане и французы...

В Англии, несмотря на ее разбросанность по всему свету, централизация архивов доведена до одного Общего Государственного архива в Лондоне — для всей Великобритании...

Во Франции же, кроме Национального общего архива в Париже, вся страна разделена на округа, из которых каждый округ имеет свой архив. Для подготовки же ученых специалистов имеется особое высшее учебное заведение *Ecole des Chartes*, основанное в 1827 году.

По его образцу за последнее время у нас создались два государственных археологических института — Петроградский и Московский. Хотя они и оставляют много желать, однако все же почин дорог. Надо и им придти на помощь.

И они требуют реформы, переорганизации, как и вся Россия...

Инициатива в архивной реорганизации, как в общегосударственном вопросе, должна, несомненно, принадлежать Государственной Думе (выделено нами. — Т. Х.). Только Дума может справиться с этим делом, и только под покровительством Думы можно начать эту работу...

Полагаю, что за время существования Государственной Думы уже образовался значительный архивный материал, который необходимо обратить уже в Образцовый Архив Государственной Думы.

Эту работу, — как специалист-архивист и радатель всей душой за архивное дело, — я взял бы с радостью на себя.

Канцелярия Государственной Думы, поручив это дело мне, тем же дала бы мне возможность приняться за составление общей государственной архивной реформы... Само собой разумеется, что этот громадный труд по составлению проекта реформы недоступен частному лицу.

Для этой работы необходимо собрать материал, делать анкеты... Я уже принимался за эту работу, но безуспешно: не мог собрать нужных для нее данных. Один архив, хотя по знакомству, даст их, а другой — отказывается их дать и т. д.

Недостаточно одной идеи, но надо, чтобы она была выполнена, а для выполнения ее необходимо много силы воли, энергии и, главное, любви к делу, с которыми я и взялся бы за эту работу.

Мне все равно, как работать: с определением ли вновь на службу или по вольному найму».

Далее Нинева сообщает о себе короткие данные из послужного списка и заключает:

“Представляя настоящую записку на Ваше благоусмотрение, буду ожидать Вашего скорого ответа по ней, так как по

случаю дороговизны в столице, я вынужден жить в провинции”¹¹⁵.

Как видим, перед нами типичный образец документа, составленного опытным специалистом по рекламе, но отражающего мысли и настроения архивиста эпохи, переломной для судьбы отдельного человека, для судьбы архивов, для судьбы всего Государства.

Ответа от Милюкова Ниневе не дождался.

В мае 1917 г. он выехал на Кавказ. Работал в Пятигорске заведующим и организатором статистического отдела Управления питанием. Получал, как он пишет в автобиографии, 300 рублей в месяц и квартиру со служанкой. “Когда с 1 ноября 1918 года наша управа перешла под большевистское название Наркома (так в тексте. — Т. Х.), я держался на нейтральной стороне, не присоединяясь ни к какой партии”...¹¹⁶. Потом, при разных властях, комитет эстонских беженцев патронировал его как гражданина нейтрального государства.

“После отступления армии Деникина и Врангеля в мае 1920 года я оптимизировался в Эстонию”¹¹⁷.

В Эстонии Ниневе поступил на службу в Тартуский университет, занявшись там организацией и обустройством исторического архива и библиотеки. Он считал, что Эстонии достаточно одного центрального архива, который должен находиться в столице, но университет настоял на том, чтобы исторический архив остался в Тарту. С 13 мая по 19 августа 1921 г. он вначале фактически, а затем и официально был заведующим Тартуским историческим архивом (впоследствии — Эстонского Государственного центрального архива). Теперь главные проблемы его были связаны с недостаточным владением эстонским языком, против чего особенно протестовали архивисты, не понимавшие русской терминологии, и... строительные рабочие, которые обустраивали интерьер архива по чертежам Ниневе. Из-за конфликта с новым заведующим архивом, у которого было только одно преимущество перед Ниневе — он лучше говорил по-эстонски, Ф.А. Ниневе в июле 1925 г. был уволен из архива.

Он умер 21 апреля 1929 г. в Тарту.

Автор единственной работы о нем вышеназванный Андрес Кустола закончил ее в 2001 г. вопросом: “Интересно было бы знать, был бы рад Ниневе изменениям, произошедшим за эти годы?”

Если мнение ученого-архивиста о наших днях интересует потомков спустя почти восемьдесят лет после его смерти, то жизнь Ниневе была не напрасной. Другое дело, что пробить стену безразличия официальных властей к вопросам архивной реформы в одиночку ему не удалось.

Члены Союза российских архивных деятелей решили объединиться, чтобы попытаться сделать это сообща. Инициатором создания Союза РАД выступил уже упоминавшийся нами выше в связи с конфликтом с Ф.А. Нинева последовательный сторонник научных взглядов А.С. Лаппо-Данилевского, начальник архива Морского министерства, флотский офицер А.И. Лебедев, который лично разработал текст персональных приглашений на собрание и разослал их всем известным ему столичным архивистам и историкам.

Поскольку он же был инициатором ряда других общественных организаций, занимавшихся разработкой основ классического архивоведения, остановимся на его трудах и личности подробнее.

Александр Иванович Лебедев (1881–?) окончил Морской корпус (1901), штурманский офицерский класс (1903) и Петербургский археологический институт (1911).

С 1911 г. служил в архиве Морского министерства, где с 1912 г. начал проводить большую работу по его превращению в центральный архив флота и морского ведомства.

В 1913 г. он опубликовал статью “Делопроизводство в учреждениях, как базис архивной работы”¹¹⁸, вызвавшую довольно значительный резонанс. Это единственная теоретическая работа архивиста, который в первые постреволюционные годы, реализуя свои идеи, стал инициатором самых значительных начинаний в архивном деле (реорганизация б. Морского архива на основе включения в него фамильных фондов, созыв Союза РАД, создание первых Архивных курсов при II отделении IV секции ЕГАФ с последующим преподаванием на Архивных курсах при Петроградском археологическом институте и т. д.). Рассмотрим принципы реорганизации б. Морского архива детальнее. Это оправдано, поскольку они почти целое столетие оставались вне поля зрения историков-архивистов и архивоведов.

Главным недостатком всех морских архивов Лебедев считает “полное смешение задач по хранению дел вечного хранения вместе с делами временного, справочного значения. <...> Наше законодательство не знает главного, основного, по целям деления архивов на архивы исторические и текущие, из этого происходит полное смешение соответствующих этим целям и вытекающим из них задачам функций (так в тексте. — Т. Х.) архивов и поглощение одной функции другою. Это есть главный и основной дефект нашего архивного законодательства, главной организационной его функции, отсюда и происходит все современное плохое состояние архивов Морского ведомства” (с. 42).

Обосновывая данный тезис, он пишет далее, что при полном отсутствии указаний в законе на научные цели архива и главнейшие обязанности чинов его постановка службы в Архиве Морского министерства совершенно не предусматривала необходимости разбора, систематизации архива и подготовки к возможности пользования для всесторонних исторических исследований делами и документами, в нем хранящимися.

Стремление узаконить научный характер архивной деятельности в качестве приоритетной заявлено достаточно четко и станет отныне главным смыслом деятельности ученого-архивиста. Напомним, что это положение лежит в основе классического архивоведения, которое возникает в эти же десятилетия в России. Лебедева, таким образом, можно с полным правом отнести к числу его основателей.

Анализируя далее содержание ведомственных инструкций, определяющих распределение дел на разряды по описям, он приходит к выводу, что работы эти производятся постепенно, разными лицами и потому одна за другой вечно не успевают. Разная степень подготовки дел к уничтожению, не говоря уже о выделении из них документов вечного хранения, приводит архив в еще большее хаотическое состояние. Затраты труда неравномерны. Он иллюстрирует это состояние на примере скрупулезного анализа деятельности конкретных архивов (Кронштадтского портового архива и Центрального черноморского архива в г. Николаеве).

В специальной главе "Принципы, на коих должно быть поставлено архивное дело" А.И. Лебедев формулирует положения, которые носят фундаментальный характер и остаются, по нашему мнению, актуальными и сегодня:

1. Выяснение цели существования наших архивов и расходования государством средств на их оборудование — это "вопрос краеугольный, главнейший, так как от того или иного решения его зависит не только постановка архивной службы, но и самый смысл ее существования" (с. 50).

2. На этот вопрос Лебедев дает следующий ответ:

"Все наши правительственные, государственные архивы, хранящие следы, материальные остатки духовной деятельности государственной власти, являются сокровищницами былой мудрости веков, связующими прошлое с настоящим... Передать от предков потомству завещанные им идеалы, цели, осветить и определить в прошлом путь Государства — вот цели, которые единственно могут оправдать расход Государства на устройство и содержание своих архивов. Вся история, и история России в особенности, служит ярким этому доказательством" (с. 50—51).

3. Признавая военно-морской архив главным образом военно-морским научным учреждением, Лебедев подчеркивает, что такая постановка вопроса, исключительно эгоистически ведомственная, не должна исключать всесторонних государственных целей, широкой связи государства с его историей.

4. Затем следует обобщающий вывод о том, что соответственно этим двум основным задачам и должно быть поставлено архивное дело в морском ведомстве: во-первых, разработка отдельных вопросов по истории военно-морского искусства, а во-вторых, обращение того же материала во всеобщее всестороннее научно-историческое использование.

Полагаем, что намеченный А.И. Лебедевым путь и сегодня может быть полезен для определения стратегии отношения государства с ведомственными архивами даже такого закрытого характера, как военные, или принадлежащими другим силовым структурам.

Далее Лебедев переходит к теоретическому обоснованию высказанных им положений. Он исходит прежде всего из “сущности архивного имущества — документов, следов деятельности органов власти, которая заключается в том, что эти материальные остатки — письменные акты. Будучи неразрывно связаны с настоящим, лишь постепенно, медленно теряют с ним связь и отходят в прошлое, обращаясь в источники истории, памятники духовной творческой деятельности людей.

Из этого свойства документов — живой связи с настоящим — вытекает другая цель архива, другие задачи и совершенно особые функции архива как учреждения вспомогательного административного характера. Современное архивное законодательство и архивы только эту цель и признают, но это всепоглощающее значение ее неверно и является главным злом архивов” (с. 52).

Отметим, что в его рассуждении, во-первых, явственно ощущается взаимосвязь с учением об историческом источнике Лаппо-Данилевского, которого в 1917 г. Лебедев рекомендовал на должность руководителя Союза РАД, а во-вторых, при таком подходе снимается во многом надуманное противоречие между двумя функциями архивов. Лебедев только подчеркивает вредность их смешивания, подмены одной функции другой.

Исходя из методологии Лаппо-Данилевского, А.И. Лебедев настоятельно подчеркивает, что документы Морского архива представляют собой лишь материальные остатки, памятники духовной творческой деятельности чинов флота и учреждений морского ведомства. Хранение этих следов деятельности важно и потому, что потом по ним возможно восстановить ре-

ально бывшую действительность, уяснить смысл явлений, причинно-следственную связь фактов прошлого.

С точки зрения современной историософии здесь прослеживается связь взглядов Лебедева с позитивистской трактовкой документа, характерной, скажем, для школы Ранке, Ш. Ланглау и других современных ему историков. Но более важным сегодня представляется обобщающий вывод: "Для этого самой главной задачей архива должно быть — возможно более *полное их [документов] собиране*" (с. 54).

На этом теоретическом положении основана практическая деятельность по комплектованию после революции 1917 г. б. Морского архива, которую А.С. Николаев будет характеризовать в 1919 г. как важнейшее достижение А.И. Лебедева, Г.А. Князева и других морских архивистов. Речь идет об инициативном комплектовании фондов самыми разными видами документов.

Сам Лебедев уже в 1913 г. сформулировал этот важнейший принципиальный подход к комплектованию архивов так:

«Род [архивного имущества] не может ограничиваться лишь понятием *"официального документа, акта"*, а в это понятие должны быть включены и все другие следы и памятники деятельности флота и министерства, *не официальные*, как дневники, письма, воспоминания и пр. памятники частного происхождения, лиц, принимавших участие в деятельности флота.

В свою очередь, это родовое понятие может разделяться на два обширных вида: вещевые памятники, подлежащие хранению в музеях, и памятники словесные, литературные, письменные, которые... подразделяются на два подвида: памятники печатные, хранящиеся в библиотеках, и рукописные, *не умноженные, подлинные*, подлежащие хранению в архивах.

Точное разграничение этих видов и подвигов памятников в отдельных случаях может быть затруднительно, и для частных единичных случаев не важно, раз все эти хранилища будут совместно работать, *взаимно друг друга осведомляя и дополняя*» (с. 54).

Отметим, что здесь в сжатом виде обоснована научная концепция разделения понятий "архив", "библиотека" и "музей", которую независимо от Лебедева, чья статья из-за ограниченности тиража и ведомственного характера издания осталась ему, видимо, неизвестной, изложит И.Л. Маяковский спустя семь лет.

Характерным для классического архивоведения здесь является рекомендация не классифицировать понятия по одному, произвольно взятому, признаку, а систематизировать их исходя из общей органической целостности наиболее общего родо-

вого понятия “памятник” творческой человеческой деятельности.

В главе III под “технологическим” названием “Основание для правил составления в учреждениях сборников документов и сдачи их в архив” А.И. Лебедев, по существу, дает краткий, но глубокий очерк истории развития архивного дела.

“Со времен устроения приказов в Московском государстве, — пишет он, — существовал вполне правильный взгляд на письменные акты, как на государственное имущество высокой ценности, которую следует хранить в целости и порядке на казенный счет, не уничтожая документов никакой давности и описывая их должностными лицами. Взгляд этот проистекал из чувства уважения к прошлой жизни народа и в сознании целесообразной и непрерывной связи ее с современностью” (с. 56).

Приведя ряд исторических примеров, взятых в основном из работ Д.Я. Самоквасова “Архивное дело в России” (т. II) и Н.Н. Оглоблина (“Провинциальные Архивы в XVII в.”), Лебедев делает вывод, что новое законодательство Петра радикально изменило архивное дело, медленно, осторожно, ошупью до него эволюционировавшее.

Как указывает Лебедев (и это полностью укладывается в определенный нами этап эмпирического архивоведения), до Петра внешние формы письмоводства и делопроизводства только начинают выясняться и устанавливаться, они “развиваются главным образом явочным порядком, под требованиями жизни... дойдя до необходимости сохранения документов, мысль еще не дошла до необходимости их регистрации, контроля, установления всюду, по всем приказам, единообразной системы их подбора, классификации, описания. Жизнь и практика лишь предъявляли только требования в этой области и шли на ошупь, порознь, давая иногда блестящие образцы” (с. 59–60).

Здесь заслуживает внимания характерное для классического архивоведения признание объективного характера процесса саморазвития науки, который может, правда, ускоряться или замедляться в зависимости от внешнего, субъективного, фактора.

Главным достижением Генерального регламента или Устава коллегий Лебедев видит в том, что Петр дал уже стройную и оригинальную систему архивного законодательства, от применения которой на практике, по его мнению, и сегодня зависит главным образом порядок в архиве (напомним, что его статья называется “Делопроизводство как базис архивной работы”).

Вывод Лебедева: “Преобразование XIX века из коллегий в министерства в отношении делопроизводства и постановки архивного дела могло иметь большое и благодетельное значение, если бы была верно понята идея закона общего образования министерства. Этот новый закон не упразднял старых образовавшихся архивов, но лишь предписывал для всех министерств образовать при каждом департаменте свой архив, что при не отмене распоряжений о сдаче старых дел в уже образовавшиеся архивы ставило новые архивы лишь в положение промежуточных инстанций (регистратур, временных хранилищ)” (с. 64).

Таким образом, идея создания “промежуточных” архивов была высказана русским ученым-архивистом почти 100 лет тому назад.

Но Лебедев продолжает:

“Практически, однако, все министерства стали на совершенно противоположную точку зрения (децентрализацию) и тем самым нанесли неисчислимый вред *архивно-историческому достоянию России* (выделено нами. — Т. Х.), в особенности — разрешивши чиновникам при накоплении дел в этих маленьких и не имевших по закону значения вечных хранилищ архивах уничтожать дела, вместо того, чтобы передавать их в архивы вечного хранения” (с. 65).

Уничтожение дел на уровне департаментов А.И. Лебедев называет противоречащим правильному пониманию смысла требований закона, в соответствии с которым в учреждениях могли быть лишь бумаги, находящиеся в производстве, нерешенные, а решенные (т. е. по которым дан ответ) хранились бы в архиве. Такая постановка дела, при условии, что в архивах должны были составлять описи на основе предметной классификации, является “наиболее совершенной, так как в идеале она приближается к хранению каждого документа, каждой бумаги в отдельности” (с. 65).

В действительности же министерства смотрели на департаментские архивы, как на архивы вечного хранения, и ввели постепенно прежний порядок трехлетнего хранения документов в учреждениях, что казалось необходимым чиновникам из-за привычки решать все дела не по разуму, здравому смыслу и закону, а только по обычаю, по аналогии с тем, как решено подобное дело раньше (отчего и нужно им такое количество справок); тогда-то и установился обычай подшивки нескольких дел близкого по содержанию характера в одну обложку, под именем “дело” Из-за нежелания вести учет большому числу дел явилась тенденция все более обобщать их под одним названием, наконец, стали давать делам такие ничего не определяющие

названия, как “разная переписка”, “к сведению”, “к распоряжению”, причем прежняя система подбора документов по внешнему признаку (в терминологии Лебедева это практически синоним их соединения по четко определяемой общности тематического содержания отдельных решенных документов или комплекса документов) уже совсем не соблюдалась. “Это привело сдававшиеся в архивы материалы в такое хаотическое состояние, что архивы стали предпринимать различные паллиативы, в роде составления описей в делах... При этом как в самих бумагах, так и в описях их предметное содержание не указывалось (законом не требовалось этого указания), что еще более затрудняло поиски бумаги...” (с. 66).

Охарактеризовав далее систему хранения департаментских дел (имеются в виду местные, окружные департаменты, в соответствии с административным делением страны) во Франции и сочтя ее неприемлемой для России, поскольку она потребует огромного штата в архивах, А.И. Лебедев призывает обратить внимание на существование в Германии регистра-тур, являющихся связующим звеном между учреждениями и архивами, что совпадало с положениями министерского законодательства, “пока мы не исказили первоначально заложенной в нем правильной идеи” (с. 69–70). Он настаивает на том, что “учредив общие министерские архивы старых дел, мы уничтожили совершенно департаментские (в ведомственно-учрежденческом понимании этого слова. — Т. Х.) архивы, смешав *духовную работу учреждений министерств* (выделено нами. — Т. Х.) с формальным механическим трудом регистрации документов, классификацией их, ведением дел, работой, совершенно непроизводительной для делопроизводителей, занятых более важными делами, и тем привели министерства, с одной стороны, к сплошной канцелярщине и бюрократизму, а с другой — к полному пренебрежению формальной внешней стороной делопроизводства, следствием чего явилась гибель миллионов документов важнейшего исторического значения” (с. 70).

Здесь А.И. Лебедев вплотную приблизился к пониманию сущности фонда как естественно-исторического образования, противопоставляя его искусственному, но, исходя только из прагматического понимания функций архивов, в дальнейшем делает по меньшей мере спорные выводы: “Архивы по существу, как хранилища научного материала, суть той же библиотеки, с той только разницей, что учету в архиве подлежат не книги, каждая из которых представляет документ, за исключением периодических изданий, а каждый отдельный лист дела, каждый документ, находящийся в деле” (с. 71). Конечно, это оп-

ределение уступает по четкости тому, которое сам же А.И. Лебедев дал ранее.

Отсюда следует и его рекомендация вернуться к библиотечному принципу формирования дел, их размещению в архивохранилищах. При этом заново формируемые архивистом-библиотекарем дела он предлагает называть “сборники” (с. 72).

Главным критерием разделения и соединения заново документов делопроизводства он называет критерий сущности двух родов:

первый [род документов]: следы внешних письменных сношений данного должностного лица или учреждения (входящие и исходящие бумаги), второй: следы внутренней творческой работы, не подлежащие даже регистрации, не проходящие через журналы и потому представляющие совершенно особый род бумаг, документов, подлежащих вечному хранению; таковы будут проекты, черновики работ, отпуска-проекты неотправленных бумаг, справки, записки, журналы и протоколы заседаний, инструкции и директивы начальства своим подчиненным и прочие документы внутренней организационной и творческой работы данного учреждения, части, делопроизводителя.

Бумаги первого рода следует раскладывать по папкам: входящие бумаги — отдельно, отпуска исходящих бумаг — отдельно, подкладывая в каждую группу документы строго хронологически, по порядку номеров, не более 150–200 листов в одну папку. Таким образом, для бумаг первого рода будут в учреждениях особые сборники документов, тома, а не дела. Их так и нужно называть — сборники входящих и исходящих бумаг, том I, том II и т. д.

В этом предложении, видимо, сказываются психологические особенности Лебедева как петербургского флотского офицера: ему, как и Петру I два столетия тому назад, кажется придуманным им порядок настолько разумным, что достаточно дать команду и “все вдруг” откажутся от веками складывавшейся традиции и начнут действовать по-другому. Он будто и не чувствует в этом упрощенном подходе к живой жизни противоречия с им же провозглашенным ранее принципом уважения к целостности архивного имущества, которое нерасторжимо связано с породившим его делопроизводством. Если добавить к этому требование Лебедева в категорической форме и повсеместно обязать всех составителей бумаг на каждой из них указывать краткое содержание “о том-то”, разносить по разным графам в специальные журналы отдельно — для “входящих” и отдельно — для “исходящих”, одновременно заносить их в разного рода описи и заводя на каждую из них несколько карточек,

включая алфавитную, то все возражения практиков, которые Лебедев заранее предвидит и называет недоразумениями, кажутся вполне обоснованными. Он даже детализирует: “можно делать подкладку бумаг в особые папки с зажимами, откуда документы не могут выпасть, но благодаря которым во всякий данный момент по первому требованию и желанию документы могут быть подобраны в любую комбинацию” (с. 78–79).

В этой части своих рассуждений А.И. Лебедев и некоторые другие современные архивоведы не учитывали того, что канцелярские правила письмоводства, как и законы архивоведения, тоже являются частью и производным от жизненных процессов, складываются веками и поменять их сразу, революционным путем, в масштабе всей страны — нереально. Именно в этой части его система встретила самые решительные возражения¹¹⁹. Однако от критиков ускользнул важнейший — с точки зрения классического архивоведения — факт: для Лебедева суть вопроса заключалась не в том, чтобы механически разделить делопроизводственные бумаги по родам, а в том, как сохранить их целостность, органическую структуру и одновременно облегчить порядок пользования бумагами обоих родов.

Вот дословно цитата из заключительной части статьи А.И. Лебедева:

“Бумаги же второго рода, не менее важные для истории и, как указано выше, тоже подлежащие вечному хранению в архивах, но не регистрирующиеся и поэтому не имеющие характера юридической документации, официальности... фактически и теперь *добровольно* лишь подшиваемые в дела — могут подбираться в учреждениях, как им удобно для производства... Сдаваться в архив они могут по особым описям... Но сдача их необходима и вечное хранение их обязательно в особом отделе архива...”¹²⁰.

При этом Лебедев не просто основывается на интуитивном понимании запросов нового, классического архивоведения в его гуманитарном аспекте. Как и каждый культурный человек, выросший в атмосфере серебряного века, он основывается на ощущении невозможности допустить потерю “перемаранных рукописей”, поскольку “сохранность черновика — закон сохранения энергетики произведения” Так писал в эти же годы О.Э. Мандельштам, уточняя, что “сохранность черновика — закон сохранения энергетики произведения. Для того чтобы прийти к цели, нужно принять и учесть ветер, дующий в несколько иную сторону. Именно таков и закон парусного лавирования”¹²¹.

Проанализированная нами впервые в отечественном архивоведении система архивно-теоретических взглядов Лебедева

дает ответ на вопрос, почему именно он, начальник Морского архива, в февральские дня 1917 г., как установили В.Н. Автократов и автор единственного биографического очерка о Лебедеве Н.И. Хими́на, выдвинул идею профессионального объединения архивистов в Союз российских архивных деятелей весной 1917 г., которую сразу горячо поддержал академик А.С. Лаппо-Данилевский. Он разослал ведущим петроградским архивистам и близким к ним историкам персональные приглашения на учредительное собрание, которые начинались следующими словами: "Велик народ, который знает и любит свою историю, который на уроках прошлого создает свое будущее, не забывая и основы духа своего народа"¹²².

Для успешного изучения истории, говорилось далее, необходимо, чтобы архивы, музеи и библиотеки работали с наибольшей энергией и по определенной программе.

Новому правительству, по мнению А.И. Лебедева, архивисты должны сами сказать свое слово:

1) Необходимо объявить государственной национальной собственностью все материалы и следы деятельности официальных лиц прежнего режима, чтобы не приходилось в будущем скупать на рынках у антиквариев и за границей то, что должно храниться в русских государственных архивах; 2) немедленно создать в одном из министерств отдел архивной статистики и организации архивного дела для выработки планомерной программы архивного строительства по централизации архивных государственных фондов; 3) государственные архивные фонды не должны храниться на окраинах государства, подверженных нападению врага¹²³.

Лебедев был избран секретарем первого (учредительного) собрания Союза РАД, которое состоялось 18 марта 1917 г.

В дальнейшем он был избран в состав руководящего совета Союза РАД. После образования Центрального комитета по управлению архивами (ЦКУА) привлечен его председателем Д.Б. Рязановым в состав руководства, затем работал в петроградском отделении Главархива, откуда был уволен в результате политической "чистки" в июне 1924 г. Дальнейшие сведения о его жизни и научной деятельности не разысканы¹²⁴.

Итак, на первом же, учредительном, заседании будущих членов Союза РАД А.И. Лебедев поставил вопросы о выработке срочных мер по спасению и охране архивных материалов "от случайностей переживаемого времени", а в долгосрочном плане — подумать и выработать согласованное мнение о будущем наших архивов и централизации управления ими.

На заседании 18 марта 1917 г. было официально объявлено о создании Союза РАД и образовании особой комиссии для

выработки устава новой организации. В ее состав вошли инспектор Сенатского архива, член Русского исторического общества И.А. Блинов, директор Государственного и Петроградского Главного архивов МИД, член Русского исторического общества кн. Н.В. Голицын, начальник архива Морского министерства А.И. Лебедев, начальник архива Министерства народного просвещения А.С. Николаев и профессор (впоследствии академик), член Русского исторического общества С.Ф. Платонов.

Справедливости ради нужно отметить, что делом спасения отечественных архивов занимался не только Союз (с 1919 г. — Общество) РАД. Многие профессиональные историки и архивисты по собственной инициативе и личному пониманию ответственности и долга перед Россией продолжили то дело, которому они посвятили свою жизнь еще задолго до революционных событий 1917 г. Все они являются прямыми преемниками гуманитарных идей А.С. Лаппо-Данилевского, составивших основу классического архивоведения. Некоторые из них формально не являлись членами Союза РАД, другие входили в его списки, но не принимали активного участия в его заседаниях. Но в целом все они представляли собой единое сообщество профессионалов, сплоченных общим делом спасения архивов как общенационального достояния и символа российской государственности.

В первую очередь это относится к графу *Сергею Дмитриевичу Шереметеву* (1844–1918)¹²⁵.

С.Д. Шереметев — историк, архивист, археолог, этнограф. Почетный член Академии наук (РАН). Член Государственного совета, флигель-адъютант, один из крупнейших помещиков России. Председатель основанного его тестем кн. П.П. Вяземским Общества любителей древней письменности, Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III, редактор и издатель на собственные средства 22-х сборников «Старина и новизна», член Русского археологического общества в Константинополе, Псковского археологического общества, почетный член Академии художеств. Один из создателей Московского археологического института. Председатель Археографической комиссии РАН.

В историю классического архивоведения вошел главным образом как инициатор создания Хранилища частных архивов (Хранчасар) — уникального в научно-теоретическом и практическом плане феномена в истории архивного дела России послереволюционного времени. Хранчасар был открыт в 1919 г. (уже после смерти Сергея Дмитриевича), и его руководителем стал сын — Павел Сергеевич Шереметев.

Главным делом жизни Шереметева было сохранение усадеб. Он называл их культурными гнездами России. Проявлял внимание к связанным с ними культурным, в том числе архивным, ценностям: “Пока еще уцелели эти уголки... еще жива наша Русь — самостоятельная, необезличенная, верная своему историческому прошлому! Вот почему я каждой благоустроенной усадьбе, помимо ее семейного, воспитательного значения, придаю и государственное”¹²⁶.

После октября 1917 г. шереметевские усадьбы, дворцы, дома были национализированы, банковские счета закрыты. Все многолетнее семейство во главе с гр. Шереметевым собралось в Москве, на Воздвиженке, в родовом доме. В ответ на сетования близких Шереметев говорил: что значат наши потери по сравнению с тем, что теряет Россия?

Теперь он озабочен только одним — не дать погибнуть усадьбам в Кусково, Останкино, Остафьево — не для себя, для Родины, для истории.

Прежде всего его заботила судьба частных “усадебных” собраний и архивов — не только собственных, но всех, остающихся бесхозными в силу отъезда или физической гибели их прежних владельцев.

Вместе с сыном Павлом, который стал его поверенным в делах, Шереметев обратился к советским органам власти с предложением создать *Хранилище частных архивов*, предоставив для него свой дом на Воздвиженке.

В течение нескольких месяцев 1918 г. сюда, еще до решения официальных властей, из Москвы и Подмосковья начали поступать груды книг и папок с бумагами. Последние дни Шереметева по описанию очевидицы — его двоюродной сестры Ольги Борисовны — были исполнены трагизма: “10 ноября 1918 года, вечером, в большой дом на углу Воздвиженки приехали несколько автомобилей с чекистами, Петерс во главе. Ворота заперли и произвели обыск. Увезли всю переписку Сергея, все золотые вещи, дневники... Приехали, видимо, арестовать Сергея, но он так плох, что уже несколько недель лежит в постели (у него гангрена ног). К нему ворвались тогда, когда ему делали перевязку... Положение Сергея настолько серьезно, что его не арестовали... Утром он был без памяти...”¹²⁷.

Сын Павел Сергеевич был арестован.

Умерший спустя считанные дни после вторжения чекистов Шереметев завещал похоронить себя в родовой усыпальнице Шереметевых в Новоспасском монастыре, но на территории монастыря в то время размещался концлагерь, усыпальница была разворочена и разграблена. Гроб положили в мерзлую

землю за оградой. Памятник с именем покойного ставить побоялись. К весне крест был сорван, могильный холмик осел, поверх могилы был насыпан мусор.

И даже имя человека, род которого носил девиз “*Deus conservat omnia*” (Бог сохраняет все), было забыто в течение многих десятилетий.

Сегодня вновь возвращаются к жизни его имя и исследования о России XVI–XIX вв. С декабря 1990 г. в Санкт-Петербурге проводятся Шереметевские чтения. Шереметев помог становлению многих ученых-историков — своих сверстников, братьев Н.П. и А.П. Барсуковых, совсем юного будущего академика Б.Д. Грекова и других. Председатель Археографической комиссии РАН, академик Российской академии образования С.О. Шмидт определил авторское “*credo*” гр. Шереметева, приведя его собственные слова: “Счастье тому, кто усвоил себе родное наследство и остается верен основам, давшим жизнь семье, как основной части его родины”

Приведем еще два примера преемственности традиций служения архивам в период становления классического архивоведения. Судьба обоих ученых была трагической, а их имена практически вычеркнуты из истории архивного дела советского периода.

Выпускник и преподаватель Московского археологического института *Владимир Карлович Клейн* (1883–1935)¹²⁸ родился в Москве в семье статского советника, врача.

Выпускник историко-филологического факультета Московского университета и археологического отделения МАИ. После получения в 1909 г. звания ученого археолога был избран действительным членом совета МАИ и с февраля того же года участвовал в составлении описей отдела шитья и тканей Синодальной (б. Патриаршей) ризницы.

В октябре 1911 г. его избрали преподавателем института по кафедре чтения древних рукописей (палеографии).

В 1912 г. поступил по рекомендации директора МАИ А.И. Успенского в МАМЮ на должность младшего делопроизводителя. Будучи в этом же году избранным членом комитета по чествованию 300-летия дома Романовых, начал в этом и других московских архивах активные поиски документов по истории правления царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета.

Являлся действительным членом Смоленской ученой архивной комиссии и с 1913 г. — пожизненным членом Владимирской ГУАК.

С февраля 1914 г. преподавал в Московском археологическом институте историю русской архитектуры.

В 1916 г. работал в архиве Звенигородского Саввино-Сторожевского монастыря, составляя справки и выписки, необходимые для одного из изданий МАМЮ.

В.Н. Автократов охарактеризовал его как блистательного выпускника МАИ, сочетавшего многие научные интересы. С этой точки зрения, его можно с полным правом считать одним из первых представителей классического (интегрального) архивоведения. В первые послереволюционные годы Клейн входил в состав архивно-библиотечного отдела Комиссии по охране памятников искусства и старины при Моссовете, а также в церковный отдел и подкомиссию по реставрации Патриаршей ризницы, был секретарем архитектурного отдела. Очевидно, по его инициативе архитектурный отдел в мае 1918 г. включил в число своих функций необычное направление деятельности: обратить внимание на губернский архив, который находился на попечении служащих губернского правления, так как это положение нельзя назвать безопасным, одновременно осмотреть архивы всех соборов, монастырей и церквей, а также и частных учреждений. Если архивам будет угрожать опасность, то принять самые энергичные меры к перенесению их в Кремль или другое безопасное место.

В последние годы жизни работал в Оружейной палате и пользовался среди музейных работников авторитетом крупнейшего отечественного «вещевода»

Прекрасный знаток кремлевской архитектуры, в том числе подземных сооружений, Клейн вызвал подозрения органов НКВД и был арестован по «Кремлевскому делу» в 1935 г.

Умер в тюремном заключении.

Работая в Главархиве в начале 20-х годов, В.К. Клейн сделал важное теоретическое открытие в области архивоведения: в 1921 г. он обнародовал собственную идею пофондового, а не поархивного, как было до этого, учета архивных документов. В дальнейшем, как считает В.Н. Автократов, авторство этого открытия было приписано М.С. Вишневскому. С нашей точки зрения, дело обстояло сложнее, но роль В.К. Клейна как первооткрывателя, безусловно, должна быть восстановлена.

Последним из числа архивистов, формально не работавших в Союзе РАД, но принимавших самое активное участие в реализации теоретических и практических принципов классического архивоведения, разработанных А.С. Лаппо-Данилевским, можно назвать *Бориса Сергеевича Пушкина* (1879 — после 1936)¹²⁹.

Архивист и историк Б.С. Пушкин окончил Московскую духовную академию, в которой затем преподавал.

Около 25 лет служил в Московском отделении Общего архива Министерства Двора и в других центральных архивах Москвы.

После революции 1917 г. Пушкин был научным сотрудником Центрархива. Занимался проблемами русской истории, искусства, быта XVII–XVIII вв.

В ноябре 1917 г. вместе с Ф. Брауном, чиновником Московского отделения Общего архива б. Министерства Двора, Б.С. Пушкин (его должность в документах тех лет указана как архивариус) обследовал состояние архивов в Кремле сразу после окончания междоусобной кровавой распри в Москве.

Подробно описав все разрушения, увиденные ими воочию в акте осмотра, Пушкин и Браун сделали однозначный вывод: “Та культурная ценность, — в смысле описания документов, составления к ним карточек, алфавитных указателей и т. п., — которую бережно в течение почти полувека выращивал архив трудами своих служащих от сторожа до начальника на благо просвещение всех граждан, в корне разбита, разрушена, те документы, на которых строились по всей Руси известные труды И.Е. Забелина по описанию быта русской жизни с древнейших ее времен, теперь лежат поруганные и буквально загаженные, т. к. разрушители и грабители в нескольких местах Дворцового архива поустроили отхожие места”¹³⁰.

И, что самое примечательное, в заключительной части акта сделан и обоснован документально вывод об истинных виновниках вандализма в Кремле: “Описанное опустошение совершено... между 3–6 ноября сего года, когда Кремль, после ухода юнкеров, был во власти большевиков”

С 1925 г. Б.С. Пушкин возглавил комиссию по обследованию некрополей в обществе “Старая Москва”, главной задачей которой было спасение и изучение московских кладбищ.

Одновременно в 1920–1930-е годы он занимался изучением архивных материалов о декабристах, в частности исследовал их следственные дела, а также личный архив И.Д. Якушкина.

В начале 30-х годов был уволен из системы архивных учреждений, оказался безработным.

В декабре 1933 г. Б.С. Пушкин был арестован по “делу Российской национальной партии” (“дело славистов”) вместе с чл.-кор. АН СССР Н.Н. Дурново, акад. М.Н. Сперанским, акад. В.Н. Перетцом, чл.-кор. АН СССР А.М. Селищевым, В.В. Виноградовым, Н.П. Сычевым, П.Д. Барановским и другими.

Процесс, состоявшийся в конце 1933 — начале 1934 г., был одним из звеньев в кампании репрессий против старой русской интеллигенции.

29 марта 1934 г. Пушкин был признан коллегией ОГПУ виновным в принадлежности к РНП, которая “своей целью ставила свержение существующего строя в СССР и установление фашистской диктатуры” Трехлетнюю ссылку отбывал в Казахстане. После этого сведений о его дальнейшей судьбе не выявлено.

Не менее драматичной была и судьба тех, кто разрабатывал классическое архивоведение в составе Союза РАД.

Конституирование этой общественной организации завершилось 8 апреля 1917 г. избранием совета Союза РАД в составе: академик член РИО А.С. Лаппо-Данилевский (председатель), кн. Н.В. Голицын (товарищ председателя), восемь членов и три кандидата в члены для замены случайно (досрочно) выбывших, персонально — Я.Л. Барсков (член РИО, делопроизводитель Государственного и Петроградского Главного архивов МИД), Б.Л. Модзалевский (член РИО, заведующий архивом конференций Российской АН), Н.А. Мурзанов (секретарь Сенатского архива), А.С. Николаев, А.И. Лебедев, В.Г. Дружинин, Д.П. Струков (начальник Артиллерийского исторического музея) и другие.

В дальнейшем состав совета претерпевал значительные изменения. В дооктябрьский период в состав Союза в качестве коллективных членов в организацию вошли представители научной общественности Петрограда, Москвы, Киева, Харькова, Одессы, Тифлиса, Саратова, Астрахани, Тихвина и т. д., всего более 130 человек и 18 научных организаций.

Наиболее плодотворной и интенсивной была деятельность Союза в период 1917–1919 гг., затем она постепенно затухает и заканчивается самороспуском в 1924 г.

Практически вплоть до образования в апреле 1918 г. первого правительственного органа — Центрального комитета по управлению архивами (ЦКУА, позже — ГУАД) Союз РАД оставался центром архивной деятельности в России, хотя действовал на общественных началах.

Цели союза в соответствии с уставом формулировались следующим образом: “Объединение архивных деятелей на общих принципах и методах работы, забота о правильной постановке архивного дела в России, защита профессиональных интересов архивных деятелей, охрана документов и всяких архивных материалов, издание трудов по архивоведению, по описанию архивов, руководств по устройству и управлению архивами и других сочинений, соответствующих целям Союза”¹³¹.

Члены Союза РАД во главе с Лаппо-Данилевским принимали героические, хотя во многом и тщетные усилия,

пытаясь упорядочить процесс хаотичной эвакуации архивов из Петрограда в связи с угрозой немецкого наступления осенью 1917 г., а также разрабатывали планы проведения в декабре 1917 г. Всероссийского съезда архивных деятелей

28 января 1918 г. члены Союза РАД собрались на первое после падения Временного правительства общее собрание, на котором по предложению Лаппо-Данилевского приняли решение делать все возможное по ограждению архивов от разграблений, захвата их помещений. Главным направлением деятельности союза стала разработка законодательной базы архивного дела в новых условиях. В частности, кн. Н.В. Голицын и кандидат в члены совета, начальник архива и библиотеки св. Синода К.Я. Здравомыслов разработали первый проект Положения о Главном архивном управлении и ряд других документов, причем Голицын с этой целью лично отредактировал перевод с итальянского языка Положения об управлении итальянскими государственными архивами (1911, с добавлениями 1916 г.). К сожалению, о названных архивных деятелях известно мало.

Князь *Николай Владимирович Голицын* (1874 — после 1939) в 1916–1917 гг. был директором Государственного и Санкт-Петербургского Главного архивов МИД.

В Союзе РАД пользовался непререкаемым авторитетом. Именно он, как товарищ (заместитель) председателя союза Лаппо-Данилевского, был направлен во главе делегации 30 января 1918 г. на переговоры с А.В. Луначарским с поручением вручить ему мотивированное заявление, в котором содержалось требование предоставить каждому крупному архиву внутреннюю автономию, а если возникнет вопрос об образовании Совета по архивному делу, указать, что этот вопрос подлежит рассмотрению на съезде архивистов и делегация не уполномочена союзом обсуждать его. По поручению союза кн. Голицын в конце сентября 1917 г. составил на основании обширной записки, составленной К.Я. Здравомысловым, проект закона, который содержал следующее положение: “Никакие дела из них (имеются в виду архивы упраздняемых учреждений и ведомств. — Т. Х.) не могут быть изъяты или уничтожены чьим-либо распоряжением”¹³². Потом аналогичная формулировка перейдет в Декрет о реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР от 01.06.1918 г. и другие документы советской власти.

Подписи кн. Голицына и К.Я. Здравомыслова исчезают под текстами составленных ими проектов архивной реформы с апреля 1918 г., когда полномочия Союза РАД явочным порядком перешли к Центральному комитету по управлению архи-

вами (ЦКУА), в который входили и представители Союза РАД, включая Голицына и Здравомыслова. Докладчиком по всем архивным вопросам перед органами власти стал Д.Б. Рязанов. Некоторые драматические бытовые подробности о Н.В. Голицыне содержатся в примечании к публикации под названием "...Будучи враждебно настроен установившемуся советскому строю..."¹³³.

Немногом больше сведений сохранилось о жизненном пути *Константина Яковлевича Здравомыслова* (1863–?). Он был профессиональным архивистом. Окончил Петербургскую духовную академию. Автор трудов "Описание документов дел Синодского архива"; "Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания" за 1738–1741 гг., "Опись документов и дел бывшей комиссии духовных училищ" за 1808–1839 гг.; "Архив и библиотека св. Синода и консисторские архивы" (СПб., 1906), "Сведения о консисторских архивах и церковно-археологических учреждениях в епархиях" (СПб., 1908), "Смутное время на Руси и тогдашние русские люди" (СПб., 1913) и др. До революционных событий 1917 г. Здравомыслов занимал должность начальника Архива и библиотеки св. Синода, затем входил в состав совета Союза РАД.

Вместе с кн. Н.В. Голицыным по поручению совета Союза РАД разработал один из первых проектов закона об архивной реформе и положения об управлении архивным делом. Позже молодой член союза В.В. Снигирев, которому мы посвящаем отдельный доксографический очерк в нашем исследовании, подготовил обширный доклад "Западноевропейское архивное законодательство как материал для устройства архивного дела в России". В нем использованы материалы К.Я. Здравомыслова.

В историко-архивоведческой литературе, по нашим наблюдениям, сложился устойчивый стереотип, согласно которому на Западе российские архивисты искали в основном модели архивного законодательства, классификаций дел, устройства архивохранилища, посещали французскую Школу Хартий. Однако если подобное суждение более или менее справедливо по отношению к временам Калачова и Самоквасова, то деятели Союза РАД, создававшие классическое архивоведение, далекое от "технологизма", лежащего в основе зарубежной архивистики, смотрели на архивное дело на Западе с более широких, общегуманитарных позиций, превосходя в этом плане даже своих западных коллег-учителей.

Такова, например, позиция профессора *Дмитрия Николаевича Егорова* (1871–1931, погиб в результате репрессий), исто-

рика-медиевиста, организатора библиотечного дела в постреволюционной России (в 1928 г. он представлял Всесоюзную государственную библиотеку им. В.И. Ленина на Международной исторической неделе в Берлине). В первые послереволюционные годы он одним из первых высказал мысль, актуальную и сегодня, о том, что любые преобразования в архивном деле нужно начинать с формирования нового типа архивиста, который должен соответствовать новому типу архивов: «Архив меняется... он приобретает *высоко научное самостоятельное значение* и перестает быть придатком того или иного ведомства или присутственного места... Его содержание перестает быть “тайной”, и перед новыми посетителями нельзя предстать в затрапезном виде ни архиву, ни архивисту... Архив втянут целиком в чуждую ему дотоле научную сутолоку, должен перестроиться сообразно новым требованиям... Став частью нового громадного научного оборота, архив не мог и не смел отставать, *его установка стала бы всеобщей задержкой*»¹³⁴.

Необходимо обратить внимание на то, что здесь сформулированы два важнейших постулата новой науки об архивах: они являются самоценными и от их состояния зависит всеобщее развитие. И далее Егоров говорит о гуманитарном смысле подготовки архивиста, в основе которого лежит интегральный характер архивоведения:

“Зная диапазон современных требований к *архивисту-научнику* (выделено нами. — Т. Х.), мы с должным обоснованием можем приступить к рассмотрению тех разнообразных попыток, какие делались и делаются до сих пор в вопросе об *образовании архивиста*.”

С априорной очевидностью мы можем сказать, что способ лишь один — **научный**.

Всякое иное решение будет лишь полуделом или ненужной поделкой: рано или поздно придется или доделать или радикально переделать”¹³⁵.

Отметим, что именно этот, научный, принцип был положен в основу работы Архивных курсов при Петроградском археологическом институте во главе с А.С. Николаевым, о чем мы будем подробно говорить ниже.

В итоге скрупулезного анализа различных систем научной подготовки архивных работников в России Д.Н. Егоров приходит к выводу, что “в научном соревновании всего мира мы, очевидно, сознательно сошли с арены, добровольно признав себя и свое научное дело еще не доросшим до общепризнанных размеров”¹³⁶.

Отметим, что, с нашей точки зрения, здесь речь идет о присутствии традиционному архивоведению, как и всей русской

дореволюционной науке в целом, своеобразном комплексе неполноценности.

Далее автор обосновывает свой вывод, почему лучшей моделью для нас в настоящий момент является именно немецкая система подготовки архивистов — “глубоко продуманная, даже прочувствованная, и великолепно отразившаяся на практике”

Его дальнейшие рассуждения имеют, по нашему мнению, фундаментальное значение:

«Столь быстрый и решительный эффект получился потому, — пишет он, — что в Германии *особенно определенно реорганизацию архива стали понимать как реорганизацию прежде всего архивного деятеля* (выделено нами. — Т. Х.) — *die Sache steht und fällt mit dem Menschen*. ...А ведь не так давно именно немецкая архивная теория была погружена в душу иссушающую схоластику различных систематизаций, категоризаций и прочих мистических тонкостей, вроде “канона” знаменитого Zinkernagel: “*Ideen einer Theorie der Archivwissenschaft*” Оздоровление наступило моментально, как только в связи с новыми потребителями выяснилась полная непригодность прежнего архивного чиновничества... Создавая новую породу архивистов, Германия, на этот раз уже без всякого партикуляризма, оперлась прежде всего на фактическую силу, которая уже не раз оказывала ей громадные услуги — на свои университеты. Прием исключительной ценности, заслуживающий всяческого внимания... Опыт вполне удался, без какой-либо осечки. Начался и анализ удачи. Она была правильно объяснена тем, что *специализация достигалась на широкой базе научного образования* (выделено нами. — Т. Х.), что произошла лишь как бы новая бифуркация внутри факультета, — ни университет ничем не поступился, ни архивное дело не понесло каких-либо принципиальных утрат»¹³⁷.

Другим положительным примером правильной подготовки будущих архивных деятелей Д.Н. Егоров считает французскую Школу Хартий, причем ход его рассуждений очень оригинален:

«Школа Хартий — сложный организм, выросший на уже удобренной почве. Она столько же продукт созидания, сколько и естественного, самопроизвольного роста. Решающим моментом для нее были не желание Наполеона, указ Людовика XVIII, ордонансы Карла X или Луи Филиппа, а постоянная общественная поддержка, не давшая ей задохнуться в дружелюбных официальных объятиях. И так было не раз, и не два.

Ультраспециальное, казалось бы, учреждение пользовалось все время непонятными на первый взгляд симпатиями весьма широких кругов.

Очевидно, что эти круги были давно подготовлены, что и отличает французское положение от всякого иного. Ведь архивный и издательский интересы культивировались именно во Франции в течение более двух веков...

Здесь же, и только здесь, далеко опережая свое время, те же самые бенедиктинцы, болландисты и пр. перешли к коллективной работе совсем иного пошиба. Их трудами уже к концу XVIII века создалась недюжинная централизация осведомленности, с одной стороны, и общности приемов — с другой.

Ими пресловутая архивная “тайна” была пробита бесчисленное множество раз, и новые материалы не могли не захватить научные круги.

Так появился и ширился подлинный научный интерес, какого в то время не было нигде, ибо всюду питались еще витийством или лстивой речью “придворных историографов”, и этот интерес, просуществовавший два века, не мог не сказаться в третий век, когда образовалась, или преобразовывалась, или искажалась Школа Хартий... Она не столько создавала новую традицию, сколько продолжала старую, давно оправдавшуюся на деле»¹³⁸.

С нашей точки зрения, Д.Н. Егоров здесь очень доступно, хотя и на специфическом примере, показывает естественно-эволюционный переход системы архивоведческих знаний из эмпирической стадии к становлению самостоятельной науки об архивах, которая не прерывает преемственные связи с лучшим из своего прошлого.

И наконец, итоговый вывод автора.

Касаясь проблемы строжайшего конкурса в Школе Хартий, Егоров замечает:

“Казалось бы, что порог школы ненужно высок, но таково уж архивное дело, требующее ныне не регистрацию по чужой указке, а самостоятельности и основательных знаний... Современный архив требует величайшей специализации, всего человека, значит — он должен гарантировать этого специалиста и материально, и морально.

Положение его должно быть устойчивым и почетным”¹³⁹. Причем, по мнению Егорова, речь при этом идет о соблюдении интересов прежде всего государства в целом, а не цеховых и ведомственных:

«Перейти большому специалисту [архивисту] на другое поприще не только личная трагедия, но громадный ущерб в общей экономике сил. Создавая архивистов нового типа, государство твердо должно убедить себя и их, что оно их использует в действительности.

Избирая узкий и извилистый путь, аспирант (калька с фр., Егоров имеет в виду: претендент, кандидат, от фр. — “aspirer” — надеяться, претендовать. — Т. Х.) должен быть вполне уверен в *государственной необходимости предстоящего ему служения*» (здесь и выше выделено нами. — Т. Х.)¹⁴⁰. Так на основе тщательного изучения зарубежного и отечественного опыта воплощалась в жизнь идея подведения научного и правового фундамента под архивное дело новой России. К сожалению, на практике все выглядело несколько иначе.

В первые же дни после октябрьских событий 1917 г. большинство членов Союза РАД путем голосования и вопреки мнению Лаппо-Данилевского решили вступить в контакт с новой властью. Как уже упоминалось, к наркому просвещения А.В. Луначарскому была направлена делегация во главе с кн. Голицыным с требованием предоставить каждому крупному архиву внутреннюю автономию. Встреча не состоялась, по официальной версии — ввиду переезда правительства из Петрограда в Москву, фактически — из-за раскола в руководстве союза: против любых контактов с новой властью продолжал выступать лидер Союза РАД Лаппо-Данилевский. Одновременно руководство союза продолжило работу по подготовке реформы архивного дела в России и его централизации на правовой основе.

Среди других крупных деятелей Союза РАД, которые почти забыты в отечественном архивоведении, необходимо, с нашей точки зрения, упомянуть единомышленника Лаппо-Данилевского в вопросах выработки новых основ архивного дела на научном фундаменте и близкого к нему по благородному происхождению и воспитанию сенатора *Сергея Михайловича Горяинова* (1849–1918).

Юрист, дипломат и архивный деятель, С.М. Горяинов начальное образование и воспитание получил в Швейцарии.

В 1871 г. он окончил юридический факультет Петербургского университета. После многолетней службы на различных дипломатических должностях в МИД, в мае 1902 г. его назначили директором Государственного архива и Петроградского Главного архива МИД. При нем впервые открылись двери этих архивов для научных работников. Горяинов был одним из основателей и активным членом Союза российских архивных деятелей. Единственным свидетельством о его деятельности на архивном поприще остается некролог, подписанный князем Н.В. Голицыным¹⁴¹.

Весной 1918 г. состоялись прямые контакты советской власти с членами Союза РАД, на этот раз по инициативе представителя новой власти Д.Б. Рязанова. В итоге трудных перегово-

воров союз включился в подготовку проекта создания нового органа — Центрального комитета по управлению архивами, который возглавил сам Рязанов.

С именем Д.Б. Рязанова связан важный этап деятельности Союза РАД, окончившийся смертью Лаппо-Данилевского в 1919 г. и последовавшим в 1920 г. отстранением Рязанова от руководства архивным делом в России.

Остановимся на характеристике отношения Рязанова к архивам, архивным деятелям и научным основам архивного дела.

Давид Борисович Рязанов (Гольдендах) (1870—1938)¹⁴² — видный ученый-марксист, государственный деятель, организатор архивного дела в первые послереволюционные годы в России. Академик (с марта 1929 г.), лишен этого звания в связи с арестом в 1931 г., восстановлен в звании академика посмертно — в 1990 г.

Родился и вырос в Одессе в многодетной семье набожно-го еврея-торговца. Еще гимназистом принял активное участие в пропаганде марксизма среди рабочих. Был исключен из пятого класса гимназии “за неспособность”. Практически все юношеские годы и молодость провел в тюрьмах, причем в одной из них изучал Евангелие — на польском языке, Данте — на итальянском, Маркса — на немецком. Впоследствии переводил сочинения К. Маркса и Ф. Энгельса для академических изданий с немецкого языка, а также экономические труды Д. Рикардо с английского, социальную утопию Кабе “Путешествие в Икарию” с французского. Выехав в эмиграцию, стал одним из первых молодых революционеров-марксистов, сумевших установить тесное сотрудничество с виднейшими западноевропейскими социал-демократами старшего поколения. Его допустили к важнейшим государственным и частным хранилищам, где находились массивы документов по истории марксизма, в частности личные архивы Маркса и Энгельса.

До 1917 г. Рязанов не примыкал ни к большевистской, ни к меньшевистской партиям, выступая за объединение всех российских социал-демократов. Принятый в большевистскую партию только летом 1917 г. (вместе с “межрайонцами”), стал после возвращения в Россию деятельным участником революции, ее страстным оратором и энергичным организатором.

Будучи избранным членом ВЦИК, голосовал против роспуска Учредительного собрания. Его авторитет ни с кем не сравнимого знатока научного наследия основателей марксизма обусловил уникальное положение Рязанова в партийно-правительственной иерархии, хотя он и не был избран даже членом ЦК, а самый высокий его правительственный пост — член кол-

легии Наркомпроса, руководитель отдела науки. Один из его соратников по партийно-профсоюзной работе А. Лозовский так характеризовал особенности его политического поведения в послереволюционные годы: “Д.Б. Рязанов никогда не бывает ни пассивен, ни нейтрален. Про него нельзя сказать, что он холоден или горяч. Он всегда кипит, клокочет, вкладывая во все, в том числе и в свою исследовательскую работу, бурный, перебивающийся через край темперамент. Он не входит в дело, а вливается в него...”¹⁴³.

Для стиля его выступлений характерна выдержка из сокрушительной критики плана первой пятилетки на XVI партконференции в апреле 1929 г.: “Головотяпов из РСФСР, Голододов из БССР, Голопупенко из УССР, Голодградзе с Кавказа — каждый тянет в свою сторону”

Рязанов не скрывал своего резко негативного отношения к стремлению Сталина стать единоличным вождем партии, публично издевался над его претензиями на собственный вклад в марксистско-ленинскую науку (в партийных кругах была широко известна его реплика в адрес Сталина: “Брось, Коба, не ставь себя в глупое положение. Все прекрасно знают, что теория — не твоя сильная сторона”).

Незадолго до своего ареста Д.Б. Рязанов высмеивал “философских младенцев”, которые думают, что “марксизм так же легко, путем издания декрета, превратить в ленинизм, как Петроград переименовать в Ленинград, а Царицын — в Сталинград”¹⁴⁴.

После активной работы в 1918–1920 гг. на посту руководителя архивной отрасли Рязанов в декабре 1920 г. получил поручение от ЦК РКП(б) организовать первый в мире музей по марксизму, который вскоре был назван Институтом Маркса–Энгельса (ИМЭ, в дальнейшем — ИМЭЛ) и, по предложению Рязанова, определен как автономное учреждение при Социалистической академии.

Рязанов привлек на работу в институт сотрудников, руководствуясь прежде всего их профессиональными качествами, а не партийной принадлежностью, причем открыто заявлял об этом невежественным “комсомольским гегелям”: “Мне удалось уговорить ряд товарищей не за страх, не за деньги, а за совесть работать в этом деле, упорно работать, добросовестнейшим образом работать за такое вознаграждение, за какое многие молодые люди никогда не будут работать”¹⁴⁵.

В июле 1922 г. президиум ВЦИК вывел институт из Соц. академии и он приобрел статус общероссийского научно-исследовательского института при ВЦИК, позднее при ЦИК СССР. 12 января 1929 г. на общем собрании Академии наук

Рязанов 27 голосами против трех был избран в академию, причем трое из десяти кандидатов, баллотировавшихся вместе с ним по списку от ВКП(б), не получили нужного количества голосов, а Бухарин прошел только благодаря перевесу в один голос.

С этого началось «академическое дело», против которого Рязанов протестовал с первых же своих шагов в качестве академика: «Я хотел в академии развернуть действительно научную работу, только на этих условиях я соглашался пойти туда, а мне не дают этого делать. Они хотят, чтобы я был при академии политическим комиссаром, но этому не быть»¹⁴⁶.

«Они, — расшифровывал позже эти слова соратник Рязанова, профессор И.И. Рубин, — это члены партийного ЦК во главе со Сталиным»

В марте 1930 г. был торжественно отпразднован 60-летний юбилей Рязанова. Он был награжден орденом, в изданной специально к юбилею книге он был назван великим стратегом, политиком, теоретиком марксизма.

Однако под многочисленными поздравлениями, направленными в адрес Рязанова, подписи Сталина не было. А уже через год Д.Б. Рязанов был арестован, исключен из партии и выведен из состава членов АН. Ему вменялось в вину утаивание от партии мифического конверта с запечатанными документами меньшевистских вождей. Возможно, речь шла об оригинале письма Маркса к дочери Женни, которое Рязанов получил от сестры Мартова под честное слово не публиковать его и которое Рязанов хранил в сейфе института. Но это был только предлог.

В постановлении Президиума ЦК ВКП(б) от 17 февраля 1931 г. говорилось: «Правление ИМЭ распустить. Назначить т. Адоратского директором Института Маркса и Энгельса. Назначить т. Товстуху (помощника Сталина. — Т. Х.) заместителем директора Института Маркса и Энгельса»

В развязанной против Рязанова газетной кампании он именовался изменником и предателем партии, политическим шатуном, талмудистом и начетчиком от марксизма, и, наконец, так: «тот, кого меньшевики теперь пытаются величать светочем марксизма, является всего лишь несусальной копильной лампой» После недолгого тюремного заключения во внутренней тюрьме ВЧК на Лубянке, а затем в Суздальском политизоляторе он был без суда сослан в Саратов. Здесь он был обречен на «интеллектуальный голод», который был для Рязанова едва ли не более мучителен, чем голод и лишения физического свойства.

От Рязанова ждали покаяния, но он не сломился.

В 1934 г., по-видимому, благодаря содействию М.И. Калинина и особенно С.М. Кирова, ему разрешают перебраться в Москву, где он смог продолжить научную работу, но в июле 1934 г. снова возвращают в саратовскую ссылку. Здесь он, работая библиографом при кафедре истории Нового и новейшего времени на только что образованном историческом факультете Саратовского университета, создает библиотеку.

В июле 1937 г. его вновь арестовали. По приговору закрытого судебного заседания он был расстрелян 21 января 1938 г.

Самым варварским образом местными чекистами была уничтожена личная библиотека Рязанова и его огромный архив.

Как вспоминала одна из свидетельниц “посмертного” убийства Рязанова, чекисты “распечатали кабинет Давида Борисовича... и начали сваливать рукописи, книги, бумаги из письменного стола, фотографии на пол. В доме была большая печь... Они разожгли ее и стали бросать туда все. Чтобы бумага горела лучше, они мяли ее в руках, рвали книги... Все это продолжалось несколько часов. Печь накалилась, не выдержала и в конце концов треснула от пола до потолка”¹⁴⁷.

Неоценимой исторической заслугой Д.Б. Рязанова перед отечественным архивным делом является его деятельность на посту первого руководителя советского архивного дела (Центральный комитет по управлению архивами (ЦКУА), Главное управление архивным делом, Главархив сначала в Петрограде, а затем во всей России, с июня 1918 г. по декабрь 1920 г.

Он руководил на заключительном этапе подготовки архивной реформы разработкой Положения о Главном управлении архивным делом, в первом же пункте которого было зафиксировано то, к чему стремились российские историки-архивисты в течение многих десятилетий: “Главное управление имеет основной задачей сохранение, учет и накопление архивных и связанных с ними книжно-научных фондов и наиболее целесообразную их организацию в интересах развития русской исторической науки”¹⁴⁸.

Почти все так называемые ленинские декреты об архивах, начиная с Декрета о реорганизации и централизации архивного дела в России от 1 июня 1918 г., были подготовлены под руководством Д.Б. Рязанова. Не найдя общего языка с непримиримым по отношению к советской власти Лаппо-Данилевским, он наладил личные дружеские отношения и тесное деловое сотрудничество с крупнейшим российским историком “старой школы” академиком С.Ф. Платоновым, который

сменил А.С. Лаппо-Данилевского на посту руководителя Союза (при Платонове — общества) российских архивных деятелей.

В своих собственноручных показаниях арестованный по “академическому делу” Платонов писал в апреле 1930 г., что только благодаря сближению с Рязановым он “вошел в разумение свершившегося, признал власть и стал работать в Главархиве”.

Как отмечает один из первых исследователей роли Рязанова и Платонова в строительстве новой архивной системы России С.О. Шмидт, “никогда не было столь близкого и результативного творческого содружества архивов и исторической науки — и, пожалуй, не только в России”¹⁴⁹.

По настоянию Д.Б. Рязанова центральное ведомство по управлению Единым государственным архивным фондом — ГУАД — было включено в систему Наркомата просвещения и поставлено на фундамент государственного финансирования. Это была реализация проекта, который предлагали российские архивисты еще со времен Калачова.

В деле спасения архивов и строительства архивной системы на новой, демократической и подлинно научной основе он сумел сплотить практически всех ведущих архивистов и историков послереволюционной России: Н.Н. Ардашева, С.В. Бахрушина, б. военного министра Временного правительства А.И. Верховского (Рязанов не только вызволил его из тюрьмы, но и назначил редактором в военно-издательский отдел Архивного управления), Р.Ю. Виппера, А.А. Кизеветтера, М.К. Любавского, С.П. Мельгунова, Б.И. Николаевского, В.И. Пичету, М.А. Полиевктова, А.Е. Преснякова, генерала В.И. Селивачева, Е.В. Тарле, А.А. Шахматова и других.

В ноябре 1919 г. Рязанов издал распоряжение, согласно которому арестованные ВЧК сотрудники архивов продолжали числиться в штате архивов, чтобы жены арестованных могли получать их зарплату.

Во всей своей деятельности на архивном поприще он “представлял среди большевиков редкий тип широко образованного человека, считавшегося с мнением других” (А.Ф. Изюмов). Естественно, что при первой же возможности долго зревший конфликт между политикой в архивной сфере руководства большевистской партии в лице М.Н. Покровского, с одной стороны, и Рязановым — с другой, в конечном счете был разрешен в форме грубого административного вмешательства. Воспользовавшись тем, что летом 1920 г. Д.Б. Рязанов выехал в зарубежную командировку для переговоров о приобретении рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса в советские архивохрани-

лица, он был смещен с поста руководителя архивного ведомства и его место заняла коллегия во главе с М.Н. Покровским, который сразу заявил, что отныне перед старыми специалистами дверь ЧК должна быть гостеприимно открыта.

С насильственным отстранением Рязанова началась новая эпоха в истории отечественного архивного дела, связанная с политизацией архивов и возрождением тотального господства принципа ведомственности, который с таким трудом преодолевали русские историки-архивисты в 1918–1920 гг.

С кончиной Лаппо-Данилевского и уходом Рязанова из архивной сферы Союз РАД постепенно остался без всяких полномочий и средств.

В июне 1918 г. ЦКУА был преобразован в Главное управление архивным делом, которое практически монополизировало власть над всей системой архивных учреждений.

Соглашательская или, как принято говорить сегодня, гибкая политика большинства членов совета союза, которые согласились сотрудничать с большевиками, повергла негнимо Лаппо-Данилевского, по выражению А.И. Лебедева, в “тяжелую моральную коллизию”, что в конечном итоге ускорило его кончину в мае 1919 г.

Сменивший его на посту председателя С.Ф. Платонов, который с 16 июля 1918 г. возглавлял Петроградское отделение УАД, был вынужден смириться с превращением Союза РАД в кружок единомышленников, которые изредка обсуждали между собой научные проблемы. Это было связано и с отсутствием по большому счету личного интереса к разработке теоретических проблем архивного дела у ученого-историка, которого Лаппо-Данилевский относил к представителям “художественного” направления в исторической науке и который на протяжении десятилетий был его постоянным оппонентом — и в науке, и в общественной деятельности.

Новый председатель ОРАД *Сергей Федорович Платонов* (1860–1933)¹⁵⁰ — историк, знаток и организатор архивного дела в России.

Член-корреспондент АН с 1909 г., академик с апреля 1920 г.

Родился в Чернигове, куда его отца и мать, коренных москвичей, забросила “правительственная служба”

В 1869 г. семья в связи с очередной переменой места службы отца, который был типографским техником, переехала в Петербург.

Здесь, еще учась в гимназии, Платонов стал серьезно интересоваться философией, в основном трудами ученых позитивистской школы.

Поступив в Петербургский университет, испытал сильное влияние со стороны профессора русской истории К.Н. Бестужева-Рюмина, историка В.Г. Васильевского, историков-правоведов А.Д. Градовского и В.И. Сергеевича, а также филолога И.И. Срезневского и других.

В студенческие годы принимал активное участие в работах студенческого научного кружка, который собирался у В.Г. Дружинина, и вскоре стал его руководителем.

После окончания Петербургского университета в 1882 г. Платонов по предложению Бестужева-Рюмина был оставлен для подготовки к профессорскому званию.

В 1886 г. его пригласили на кафедру русской истории в Александровском лицее. Параллельно читал лекции по русской истории на Высших женских курсах.

В 1883 г. на основе своего кандидатского сочинения подготовил и опубликовал первый научный труд “Заметки по истории московских земских соборов”

В процессе подготовки магистерской диссертации по теме Смутного времени Платонов понял, что ему необходимо не только искать новый исторический материал в архивах, еще не приведенных в порядок, но и произвести критическую работу над известным историко-литературным материалом, которым историки пользовались без должной осмотрительности¹⁵¹.

Платонову была оказана большая помощь со стороны университета, обеспечившего ему командировки в Москву и Троице-Сергиев монастырь, а также Археографической комиссии, которая выписывала для него из разных концов России необходимые для работы рукописи. В результате он подготовил монографическое исследование “Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник”, которое вышло отдельным изданием в 1888 г. За него Платонов был в этом же году удостоен звания магистра.

Он выступил редактором XIII тома “Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени” (1891) издаваемой Археографической комиссией серии “Русская историческая библиотека”

Еще не имея докторской степени, С.Ф. Платонов возглавил кафедру русской истории в Петербургском университете, а в 1891 г. его утвердили исполняющим обязанности профессора. Именно к этому времени относится формирование С.Ф. Платонова как видного представителя петербургской исторической школы, признанным главой которой он станет на рубеже XIX—XX вв. В основе концепции петербуржцев лежало прежде всего уважение к источнику, а не слишком теоретизированный подход, характерный, по их мнению, для историков московской школы.

В 1899 г. Платонов защитил в качестве докторской диссертации свой классический труд "Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв." К этому времени он воспитал целую группу учеников, среди которых были С.В. Рождественский, П.Г. Любомиров, П.Г. Васенко. В дальнейшем к ним присоединились Н.П. Павлов-Сильванский, А.Е. Пресняков и Г.В. Вернадский.

Свой курс русской истории в Петербургском университете С.Ф. Платонов читал на протяжении более четверти века, причем с 1889 г. возглавлял кафедру русской истории, а в 1900–1905 гг. был деканом историко-филологического факультета.

Он преподавал, кроме того, в Женском педагогическом институте (с 1903 по 1916 г. – директор), в Академии Генерального штаба, в Военно-юридической академии.

Платонов – автор гимназического "Учебника русской истории", который выдержал несколько изданий в период 1909–1918 гг. и пользуется, судя по количеству современных переизданий, популярностью и в наши дни.

Революционные события 1917 г. в кругах, близких к Платонову, воспринимались как катастрофа, "кара Божья". Тем не менее он по призыву Д.Б. Рязанова встал на активную защиту от разрухи культурных ценностей России.

С 1918 по 1923 г. С.Ф. Платонов – заведующий Петроградским отделением Главархива, после смерти Лаппо-Данилевского в 1919 г. возглавил Союз российских архивных деятелей. С 1925 по 1929 г. – директор Пушкинского Дома (основан в 1905 г., утвержден в качестве учреждения Российской академии наук в 1918 г.). С 1925 по 1928 г. – директор Библиотеки Академии наук. С 1918 г. – председатель Археографической комиссии, впоследствии – Постоянной историко-археографической комиссии, образованной в апреле 1926 г. путем слияния Постоянной исторической (осн. 1903) и Постоянной археографической (осн. 1834) комиссий.

С марта по ноябрь 1929 г. был академиком-секретарем отделения гуманитарных наук и членом Президиума АН СССР.

Арест в январе 1930 г. по "академическому делу" положил конец его научной и организаторской деятельности.

2 февраля 1931 г. он, как и другие проходившие по "академическому делу" члены академии, был исключен из Академии наук СССР. На следствии ему приписывали создание и руководство мифической контрреволюционной организацией "Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России".

В тюрьме ученый держал себя с достоинством и мужеством. С января по ноябрь 1930 г. он прошел через 34 допроса и,

отвечая на поставленные вопросы, написал 20 объяснительных записок.

С первых дней следствия заявлял о своих монархических симпатиях, откровенно говорил о ситуации в академической среде, “но... не считал морально дозволенным распространяться о тех сферах моей жизни и деятельности, — писал он в показаниях от 2 сентября 1930 г., — где мое оппозиционное настроение и деятельность связаны были с таким же настроением, сочувствием и содействием других лиц, моих друзей и добрых знакомых. Мною руководило желание не стать в положение обличителя и осведомителя, подводящего под ответственность кого бы то ни было и в чем бы то ни было”¹⁵².

Был выслан на пять лет в Самару по приговору коллегии ОГПУ от 8 августа 1931 г.

Умер в ссылке. Реабилитирован в 1967 г.

Таким был человек, после прихода которого к руководству деятельность союза постепенно затухает. В одном из последних полноценных отчетов о деятельности Общества российских архивных деятелей (ОРАД) за 1920–1921 гг. указывается, что общие собрания членов союза не устраивались в связи с тем, что общество постоянно “лишалось своего помещения, так как предоставляемые ему комнаты в здании б. Минпроса были заняты Советом Коммунальных хозяйств”¹⁵³.

В 1924 г. уцелевшие после нескольких чисток и репрессий члены ОРАД официально объявили о своем самороспуске. Поскольку подробный анализ этого процесса уже приведен нами в работе “История Отечества и архивы” (М., 1994), ограничимся указанием на те факты и явления, которые непосредственно относятся к становлению классической науки об архивах в рамках союза и других общественных объединений архивистов и были выявлены нами в ходе подготовки данного исследования.

Речь идет прежде всего об информационной заметке “Союз архивных деятелей”, опубликованной в “Историческом архиве”¹⁵⁴. Сразу же за этой информацией помещен некролог “Памяти А.С. Лаппо-Данилевского”, что позволяет рассмотреть на первую публикацию о Союзе РАД как на своеобразную дань памяти соратников первому его руководителю. Авторство заметки, как установил В.Н. Автократов, принадлежит кн. Н.В. Голицыну.

Проанализируем ее содержание, чтобы установить характер научных взглядов ближайшего сотрудника Лаппо-Данилевского, стоявшего вместе с ним у истоков классического архивоведения.

В первую очередь, обращает на себя внимание присущий для архивоведов серебряного века факт приоритета закона и

норм права перед всеми остальными факторами, воздействующими на архивное дело.

Для характеристики взглядов Н.В. Голицына важен также конкретно-исторический подход к оценке генезиса и предназначения союза, который образовался, по его словам, “в тот момент, когда, с одной стороны, с падением старого режима перед русскими гражданами открылась широкая возможность совместной, не стесненной внешними препятствиями, работы на благо Родины, а с другой стороны — положение архивов и архивного дела требовало установления авторитетного общественного органа, который мог бы взять на себя и охрану архивных богатств страны, и удовлетворение научно-технических нужд архивных работников, и защиту профессиональных интересов архивных работников”

После краткого изложения истории союза Голицын сообщает ряд сведений, которые практически выпали из поля зрения исследователей, но, как видно, представлялись чрезвычайно важными активным участникам проходивших событий. В самом начале деятельности Союз российских архивных деятелей поставил себе две цели: созыв съезда архивных деятелей и выработку нового положения о местных архивных организациях в лице губернских ученых архивных комиссий¹⁵⁵.

Как мы думаем, это позволяет по-новому осмыслить суть создания Союза РАД, поскольку в его программе отчетливо видна преемственность с задачами, поставленными архивным сообществом еще в 1912 и 1914 гг. Об этом содержится прямое и недвусмысленное указание в тексте заметки Голицына: “В деле о пересмотре положения губернских ученых комиссий Союз явился преемником образованной при Русском историческом обществе особой комиссии для обсуждения мер, касающихся порядка сохранения местных архивных материалов, которая постановлением общества была ликвидирована, причем все ее делопроизводство и материалы были переданы Союзу архивных деятелей. В связи с этим *по почину Союза* (выделено нами. — Т. Х.) в июле 1917 г. было созвано при Академии наук междуведомственное совещание, которое постановило: признать желательной передачу ученых архивных комиссий [из ведения МВД] в ведение Министерства народного просвещения, поручить Союзу РАД созыв съезда таковых, возложить на Союз выработку проекта закона об управлении архивами и положения о ГУАК и представить этот проект на рассмотрение съезда, наконец — признать желательным создание центрального государственного органа, который бы руководил научной деятельностью всех местных архивных установлений”¹⁵⁶.

В.Н. Автократов считал, что вышеуказанное совещание носит междуведомственный характер лишь формально, поскольку все его члены, кроме вице-директора Департамента общих дел МВД, официально представляя разные организации (например, Постоянную историческую комиссию РАН, Министерство народного просвещения, Русское историческое общество и др.), являлись членами Союза РАД. Так, кн. Голицын, представлявший Союз РАД вместе с Д.П. Струковым и А.И. Лебедевым, например, выступал одновременно от имени Московского археологического общества¹⁵⁷. Но такова была специфика деятельности Союза РАД, который *де-факто* стал центром, объединяющим всех архивистов в центре и на местах, а *де-юре* мог закрепить это положение только решением съезда архивных деятелей России. Трудно также объяснить, почему идею создания центрального государственного органа для руководства научной деятельностью всех местных установлений, высказанную на съезде академиками А.С. Лаппо-Данилевским и М.А. Дьяконовым и приведенную кн. Голицыным в статье 1919 г., В.Н. Автократов назвал ущербной и сформулированной крайне неудачно¹⁵⁸.

Правота идеи Союза РАД подтвердилась уже в наши дни, когда американские издатели (к сожалению, для русского архивоведения) предприняли целостное научное издание трудов ГУАК за 1884–1923 гг.

Рецензируя “Издания губернских ученых архивных комиссий 1884–1924 гг.”¹⁵⁹, современный исследователь С.В. Чирков написал, что “полный список всего содержания выпущенных УАК сборников и отдельных книг... рождает ощущение почтительного изумления. Здесь не только огромное количество текстов письменных памятников древних и новых времен... не только описи и обзоры архивных материалов, хранившихся в самих комиссиях и в частных руках, но и интереснейшие труды по археологии, архивоведению, археографии, охране памятников древности, церковной истории, истории летописания, дипломатике (включая словари актовых терминов), нумизматике, иконографии, геральдике и даже сигиллографии, генеалогии, демографии, этнографии (с публикациями фольклора), библиографии, книговедению, палеологии и орфографии, не говоря уже об истории литературы, истории искусства, сюжетах местной истории, в которых ярко выступает направление истории “повседневности”, ныне полагаемое достижением новейшей политической науки”¹⁶⁰.

Даже этот перечень наводит на мысль, которая не встречается в работах “ГУАКоведов” от Н. В. Бржостовской до О.Н. Шведовой и Л.Ф. Писарьковой¹⁶¹: деятельность ГУАК бы-

ла принципиально новым в истории мировой науки и культуры явлением. По своей сути ГУАК являлись первыми создателями единого архивно-информационного поля в его самом идеальном, целостном воплощении. История самосознания Человека здесь создается самим человеком в таких масштабах и в таком разнообразии, которое не может быть охвачено ни одним официальным ведомством или учреждением. Их деятельность была реализацией основной идеи интегрального архивоведения, согласно которой понятие "архивоведение" почти сливается с понятием "культура" в самом широком толковании.

С известной долей гиперболизации можно, с нашей точки зрения, сказать, что объединение на единой основе официальной науки и культуры с движением народных энтузиастов в лице ГУАК могло бы стать той национальной идеей, которая бы спасла Россию. Естественно, координировать такого рода деятельность могло либо самое цивилизованное и богатое государство, либо пользующийся непререкаемым общественным авторитетом и поддержкой государства единый всероссийский центр, на роль которого в первые послереволюционные месяцы мог реально претендовать Союз РАД.

Ведь в условиях существования различных видов собственности только прочная фундаментальная идейно-научная основа, определяющая единые правила выявления, учета, хранения и использования архивных документов на местах, могла обеспечить нормальное функционирование архивов самого разного уровня и характера в масштабе всей страны.

Академия наук или любая другая обособленная общественно-научная организация не могли бы сами возложить на себя и тем более исполнять на практике функции административного управления деятельностью такого масштаба. Поэтому задача по окончательному определению характера центрального государственного органа откладывалась до созыва Всероссийского съезда архивных деятелей, который рассматривался как своеобразный аналог Учредительного собрания. В датированной 1916 г. статье С.Р. Языкова "К вопросу об архивном законодательстве" содержится прямое указание на то, что "архивное неустройство можно устранить лишь специальным архивным съездом и свободным допуском на него не только представителей всех исторических обществ, но и всех желающих, отдельных лиц — архивистов, ученых, писателей и пр."¹⁶². Это подтверждает нашу гипотезу о последовательном и четко выраженном курсе Союза РАД на соблюдение преемственности всех своих начинаний, стремление к максимальной гласности и демократизму в деятельности и первоочередности задач по обеспечению ее законодательной базой в масштабе страны.

Как пишет далее Голицын, “ошущавшаяся давно потребность в объединении работающих в архивах получила яркое выражение в целом ряде поступавших в Союз заявлений с мест”¹⁶³, что привело к вступлению Союза в январе 1918 г. в организованный при РАН союз ученых учреждений и высших учебных заведений. Тем самым сама логика событий вела Союз по пути к превращению в научный и методический центр архивного дела всероссийского масштаба. Косвенным подтверждением такого предположения может служить предпринятое союзом статистическое обследование архивов, в связи с чем был выработан и разослан во все столичные архивы специальный опросный лист. Цитируя А.И. Лебедева, В.Н. Автократов приводит его свидетельство о том, что Лаппо-Данилевский неоднократно высказывал идею создания особого справочно-статистического карточного бюро обо всех архивных фондах, хранящихся в архивах. Соглашаясь, что по замыслу задача было глобальной, В.Н. Автократов делает тут же оговорку, указывая, что ее решение дало бы больший эффект, если бы Союз РАД действительно получил бы распорядительные функции¹⁶⁴. Но ведь это не зависело от деятелей Союза РАД.

И наконец, даже идея созыва Всероссийского съезда архивных деятелей, которая была высказана задолго до октябрьских событий 1917 г., В.Н. Автократовым сводится к повышению авторитета архивного дела, самого Союза РАД. Тем самым возросло бы научное и общественное влияние самого Лаппо-Данилевского, чего он якобы безусловно желал¹⁶⁵.

На наш взгляд, трудно представить себе больший масштаб научного авторитета и общественного влияния, чем тот, которым пользовался к осени 1917 г. А.С. Лаппо-Данилевский. Но самое главное — все предположения о том, что случилось бы, если бы осуществилось все задуманные Союзом РАД планы, в октябре 1917 г. потеряли всякий смысл. Как пишет кн. Голицын, “Октябрьский переворот задержал осуществление этих предположений” И далее: “С расширением по декрету от 1 июня 1918 года деятельности Главного управления архивным делом... некоторые из намеченных Союзом для разработки... вопросов отпали” На общем собрании союза от 13 октября 1918 г. согласно сообщению кн. Голицына председатель союза академик А.С. Лаппо-Данилевский следующим образом сформулировал задачи сообщества:

задачи научные:

а) исследование архивных источников, относящихся к определенному историческому вопросу и

б) изучение и обсуждение научных запросов практики архивной жизни;

задачи технические:

а) составление и обсуждение правил о согласовании архивных фондов, о способах инвентаризации и описания архивных дел и документов, о сохранении и уничтожении дел и документов;

б) вопрос о технике издания документальных текстов;

в) вопрос о согласовании издательской деятельности в различных архивах¹⁶⁶.

Как видно, речь шла о значительном сужении масштаба научно-теоретических задач, поставленных перед союзом, сведении основного круга его деятельности к эдиционной археографии. Обсуждалась и методика работы с документами в архивохранилищах. “Вместе с тем, — оговаривается Н.В. Голицын, — было постановлено поддерживать установившуюся с самого образования Союза его связь с Российской академией наук”.

208 действительных и почетных членов Союза РАД, а также входящие в него на правах членов 34 учреждения, включая Московское отделение союза, комиссию по описанию Синодального архива, Центральный архив флота и морского ведомства, рукописное отделение Российской публичной библиотеки, 6. Архив законодательных дел, общие архивы министерств внутренних дел и путей сообщения, 13 губернских ученых комиссий, 4 церковно-археологических общества и т. д., временно свернули свою широкомасштабную деятельность, ожидая наступления более благоприятных времен, особенно для обнародования подготовленных к изданию трудов по архивоведению, в том числе сделанного под редакцией Голицына перевода с итальянского языка Положения об управлении итальянскими государственными архивами 1911 г. (с добавлениями 1916 г.). Кроме того, предполагалось издание перевода книги голландских архивистов С. Мюллера, И. Фейта, Р. Фруина “Руководство к приведению в порядок и описанию архивов”, а также работы М.А. Полиевктова “Западноевропейское архивное законодательство как материал для устройства архивного дела в России” и ряда других издательских проектов¹⁶⁷.

Автор статьи полагал, что с образованием Центрального комитета по управлению архивами, а затем Главного управления архивным делом окончился только первый период деятельности союза. В 1919 г. он думал, что будет еще и второй, а после съезда архивных деятелей, по-видимому, — третий, и т. д. Но дни Российского союза архивных деятелей как “единственного средоточия, к которому тяготели архивы по всем связанным с их жизнью потребностям”¹⁶⁸, были уже сочтены.

Как справедливо отметил В.Н. Автократов, “с весны 1918 г. в кругах большевистских идеологов вызревал замысел разгромить русскую гуманитарную науку... В конце апреля стало известно заявление астронома П.К. Штернберга — комиссара просвещения Московского СНК, возглавлявшего одновременно отдел вузов Наркомпроса РСФСР, о предстоящем упразднении историко-филологических и юридических факультетов... Одновременно большая наркомпросовская комиссия одобрила идею, подсказанную М.Н. Покровским, превращения Академии наук в Ассоциацию наук... Эта задумка не удалась, и Покровский вместе с М.А. Рейснером выдвинул идею создания параллельной Социалистической академии. Встревоженные академики выдвинули в эти же дни ответный проект создания в рамках Академии наук Института социологии... Возглавил разработку проекта Лаппо-Данилевский. Советское правительство, естественно, не согласилось с образованием методологически враждебного Соцакадемии конкурента. Немного позднее, в августе 1918 г., Соцакадемия (образовавшаяся в июне) рассмотрела проект Лаппо-Данилевского и дала ему резко отрицательную оценку и полностью отвергла”¹⁶⁹.

Так заканчивается очерк В.Н. Автократа, который не успел из-за преждевременной смерти развернуть его в фундаментальное историко-теоретическое исследование.

Всю деятельность архивистов в первые годы советской власти нельзя сводить только к деятельности Союза РАД, хотя в последнее время в историко-архивоведческих работах явно намечился крен в эту сторону. Классическое архивоведение развивалось усилиями многих видных архивных деятелей, которые продолжали свою профессиональную работу, как бы не обращая внимания на изменение ситуации вне архивных стен. Деятельность их начала приобретать обособленный научный характер или сосредоточиваться в достаточно узких по своему составу объединениях архивистов-профессионалов. Безусловно, полностью отгородиться от превратностей революционных и послереволюционных событий им не удавалось, но стремление сохранить преемственность научных традиций и этические устои профессии архивиста, что является частью классического архивоведения в том виде, в каком оно было создано Лаппо-Данилевским и продолжало существовать “поверх барьеров” времени и внешних обстоятельств, заслуживает восстановления их имен в истории отечественного архивоведения. Мы приведем краткий анализ деятельности только тех архивистов, которые внесли значительный личный вклад в науку об архивах, хотя, с нашей точки зрения, занесения в летопись той переломной эпохи в не меньшей степени заслуживают и сотни

оставшихся безымянными архивистов, укреплявших научные основы отечественного архивного дела.

Первым среди равных в этом мартирологе должен быть назван *Сергей Алексеевич Белокуров* (1862—1918)¹⁷⁰ — русский историк, археограф и архивист. Член-корреспондент Академии наук.

Сын священника. После окончания Московской духовной академии в порядке исключения был принят на работу в МГАМИД по рекомендации известного историка русской церкви архимандрита Троице-Сергиевой лавры Леонида.

По свидетельству современника, рекомендация была составлена в таких выражениях, что “управляющий МГАМИД в 1873—1896 гг. бар. Ф.А. Бюлер, человек не чуждый науке, но считавший, что главным достоинством подчиненных ему чиновников должны быть знатность происхождения, безукоризненность светских манер и хорошее знание французского языка, принял на службу молодого человека, не обладавшего ни одним из этих качеств”¹⁷¹. Белокуров прослужил в архиве 32 года (с 1886 по 1918 г.) и постепенно стал его фактическим руководителем.

Он достиг больших научных успехов, получил высокий чин действительного статского советника, но из-за своего недворянского происхождения занимал в архиве всегда формально вторую — после директоров Ф.А. Бюлера и сменившего его в 1896 г. П.А. Голицына — должность старшего делопроизводителя.

С 1882 г. занимался изданием документов по истории общественной и культурной жизни России XVI—XVII вв.

Принимал активное участие в спорах о библиотеке Ивана Грозного, отрицая возможность ее существования в тайниках Кремля.

Автор многих журнальных публикаций.

В течение 30 лет был членом Общества истории и древностей российских (с 1917 г. — секретарь).

Среди трудов С.А. Белокурова сегодня наиболее востребованы: “Библиотека и Архив Соловецкого монастыря после осады 1676 года”, “О библиотеке московских государей в XVI столетии”, “Русские летописи”¹⁷² и др.

В декабре 1917 г. Белокуров был избран председателем Союза служащих Московского государственного архива Министерства иностранных дел.

Он отказался подчиниться приказам присланного в МГАМИД Л.Д. Троцким специально назначенного комиссара, слесаря В.К. Евенко, и сопровождавшего его “комиссара по иностранным делам Моссовета” В.М. Фриче и закрыл перед

ними помещения архивохранилищ. Ключи от них комиссары получили вопреки указанию Белокурова от смотрителя зданий.

Общее собрание служащих МГАМИД под председательством Белокурова постановило присоединиться к позиции тех, кто провозгласил принципом своей деятельности аполитичность всех национальных государственных хранилищ искусства и старины, и не принимать участия в забастовках, оставаясь на работе в целях охраны вверенного им национального достояния. Это позволило коллективу архива, сохраняя внутреннюю автономию, согласиться на переход в ведение Комиссии по охране памятников при Моссовете.

В середине апреля 1918 г. Союз служащих архива единогласно избрал Белокурова директором МГАМИД.

Жить, однако, ему оставалось считанные месяцы.

По воспоминаниям С.К. Богоявленского, «в последние месяцы перед смертью Сергей Алексеевич увлекся новым делом — организацией архивного управления и с утра до вечера носился с разными планами и заботами. Тяжко больной, за день до смерти, когда в воспаленных легких все бурлило и клочкотало, он сказал: “Всю эту ночь я не спал и все думал, как устроить научно-издательскую комиссию” <...> Оглядывая мысленно всю кипучую деятельность Сергея Алексеевича, — пишет далее Богоявленский, — невольно изумляешься, какую массу трудов принял он на себя добровольно и как спокойно и методично нес он эти труды, не жалуясь на тяжелое бремя, а сохраняя ровное и веселое расположение духа, постоянно сопровождая свои беседы незлобивой шуткой»¹⁷³.

Академик С.Ф. Платонов в речи на заседании совещания управляющих петроградскими секциями ГАФ, посвященной памяти скончавшегося 2 декабря 1918 г. С.А. Белокурова, сказал: “Он умер в расцвете сил, при обстоятельствах, вызывающих особую жалость: одинокий, вдали от семьи... Это был один из изумительных архивных деятелей. Им было издано 400 номеров печатных трудов. Среди них не было ни одного, который не был бы написан на основании архивного материала, почерпнутого из архивохранилища, в котором С.А. Белокуров состоял на службе. Это был удивительный архивный исследователь. Один из первых он внес струю научного одушевления в архивные исследования... Живой и бодрый референт, доступный, любезный в личных отношениях человек, чутко относившийся к вопросам личного достоинства, на архивное дело смотревший как на священнодействие. Архив имел в нем лучшего представителя, документ — наилучшего хранителя”¹⁷⁴.

Автор воспоминаний о последних днях Белокурова — близкий его товарищ и сподвижник, проработавший с ним

почти 20 лет в одном архиве, *Сергей Константинович Богоявленский* (1872–1947)¹⁷⁵, член-корреспондент АН СССР с 1929 г., прожил долгую и драматичную жизнь, главным содержанием которой была научная работа.

Он родился в семье протоиерея Покровского собора К.И. Богоявленского, родственными узами связан с историками П.Н. Милюковым и А.П. Голубцовым.

Окончил историко-филологический факультет Московского университета.

В 1898 г. Богоявленский поступил в Московский Главный архив МИД, где прослужил до 1930 г. Под его руководством и при непосредственном участии в МГАМИД были разработаны и опубликованы несколько ценных архивных комплексов документов, относящихся к XVII в.

Главный труд Богоявленского – “Приказные судьи XVII в.” – основан на обширном архивном материале по истории московских учреждений и чиновничества.

В 1918 г. как специалист-археограф и автор собственных систем классификации архивных материалов и их описаний активно участвовал в проведении архивной реформы, выступал в течение ряда лет на страницах журнала “Архивное дело” со статьями о своей работе в разборочных и поверочных комиссиях.

В личном фонде Богоявленского в Архиве РАН хранятся его неопубликованные работы этого периода “Архивный фонд” и “О составлении тематических карточек”.

В 1920 г. входил в состав комиссии Главного управления архивным делом по выработке форм описей.

В 1926 г. приводил в порядок приказные дела и разбирал столбцы, затерявшиеся в коллекции “городовых книг”

В 1927 г. подготовил опись “городовых книг” для читального зала, систематизировав их по уездам. Провел детальный анализ недостатков и достоинств аналогичных работ, производившихся при Калачове. Кроме того, разобрал поступившие в архив частные собрания князей Львова и Васильчикова.

В 1929 г. вместе с А.А. Новосельским, К.В. Покровским и Н.П. Чулковым составлял по поручению Центрархива “Краткое руководство по архивному делу для работников архивных учреждений РСФСР”, написал должностную рабочую инструкцию, для которой составил (от третьего лица) собственную автобиографию, а точнее перечень своих архивных занятий, что только доказывает наш тезис о том, что жизнь и судьба подлинного архивиста неотделима от жизни и судьбы вверенных ему архивов:

“Архивный стаж – 30 лет... Работает в отделе быв. МГАМИД в качестве заведующего: планирование и отчетность,

архивно-техническая работа по разборке фондов, перемещению их, составление топографического указателя, ревизия фондов и т. п., составление списков и картотеки фондов по отделу, составление новых и проверка старых описей по отделу, составление справок, обслуживание читального зала... По специальным поручениям заведующего Древлехранилищем или управления ЦАУ участвовал в заседаниях поверочной комиссии, подготовке архивных материалов для передачи в Польшу и Литву, проведении выставок, экскурсий, инструктировании слушателей архивных курсов при Центрархиве по разборочным работам”¹⁷⁶.

В одной из неопубликованных работ С.К. Богоявленский критически отзывается о Центрархиве, который сосредоточил под одной крышей три больших архива (Московский архив Министерства юстиции, Московский главный архив Министерства иностранных дел и Московское отделение Общего архива Министерства Императорского Двора) и в то же время сократил их личный состав в несколько раз. Дело в том, что помимо текущей работы ему приходилось заниматься выполнением срочных заданий ЦАУ по выявлению полезных ископаемых, поиску и отбору документов, требовавшихся для проведения погранично-разграничительных работ с Китаем, подготовки Рижского договора с Польшей, изучения национальных культур (калмыки, киргиз-кайсаки, якуты и проч.). Считая такой спонтанный порядок отвлечения архивистов от выполнения своих непосредственных профессиональных обязанностей нецелесообразным, С.К. Богоявленский пишет: “Еще хуже обстоит дело с подготовкой смены. ЦАУ перебрасывает сотрудников из одного архива в другой. Тут надо четко установить, что ценность сотрудника определяется не только его общим развитием и специально-архивной подготовкой, но и знанием содержания своего архива... Поэтому давно пора позаботиться о том, чтобы для сотрудников, у которых за плечами многолетняя работа в одном и том же архиве, но которые не имеют помощников, были намечены для будущей смены кадры молодых сотрудников для изучения состава архивов под руководством старых”¹⁷⁷.

В 1930 г. Богоявленский был репрессирован по “академическому делу” Находясь в ссылке под надзором ОГПУ, ученый-архивист с 38-летним стажем консультировал сотрудников краевого архивного управления и даже опубликовал итоги своей работы по учету фондов, правда, не под своей фамилией, а за подписью “старый архивист”

В поддержке ученого главную роль сыграло местное архивное руководство, в частности хороший знакомый В.В. Ма-

ксакова — В.Д. Вегман, который чуть позже будет сам репрессирован как “враг народа”

Для С.К. Богоявленского сибирская ссылка закончилась благополучно.

В середине 1930-х годов он вернулся в Москву и перешел на работу в Институт истории АН СССР, но не прервал связей с архивом: редактировал первый том “Путеводителя по ЦГАДА” (М., 1947).

В последние годы жизни Богоявленский — заместитель главного редактора коллективного труда “Московский некрополь”, работа над которым была остановлена в начале 1950-х годов. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

В послереволюционные годы многие историки и архивисты активно сотрудничали с Главархивом и другими учреждениями советской власти, привнося в архивное дело и архивоведение Новейшего времени научные традиции классической науки.

Среди них специального анализа заслуживает деятельность М.М. Богословского, В.И. Пичеты и А.Ф. Изюмова.

Михаил Михайлович Богословский (1867—1929)¹⁷⁸, академик, родился в семье действительного статского советника.

Окончил историко-филологический факультет Московского университета, где учился у профессоров П.Г. Виноградова и В.О. Ключевского.

После защиты в 1910 г. докторской диссертации Богословский получил звание экстраординарного (с 1915 г. — ординарного) профессора по кафедре русской истории Московского университета, став преемником В.О. Ключевского.

После Октябрьской революции продолжил преподавание в университете, где оставался профессором до апреля 1925 г.

В 1919—1921 гг. Богословский состоял в редакционно-издательской комиссии при научно-теоретическом отделе Главархива, некоторое время руководил его работой.

С 1921 г. — действительный член Российской академии наук, председатель секции русской истории Научно-исследовательского исторического института при факультете общественных наук МГУ.

В 1920-е годы одновременно был заведующим отделом истории XVII в. Исторического музея.

Главными темами исторических исследований М.М. Богословского являются процесс становления земского самоуправления на русском Севере в XVII в. и областные реформы Петра Великого. Капитальный труд “Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в.”, первый том которого он защитил в качестве докторской диссертации, вышел в 1909 г., второй — в 1912 г.

Особенностью научного подхода М.М. Богословского было внимание к *реальной* истории местных учреждений, а не к тому, чем они должны были быть по замыслу законодателя. В связи с этим он выявил и обработал огромный архивный материал, который раньше мало привлекался исследователями. Широкой популярностью до наших дней пользуются составленная им 5-томная биография Петра I, изданная уже после смерти автора. В ней чуть ли не по дням прослежена жизнь Петра с момента рождения до начала Северной войны. Остальная часть биографии осталась ненаписанной.

Научное наследие Богословского как архивоведа и историка-архивиста практически остается неисследованным. Не изданы рукописи, отражающие его участие в архивном строительстве первых послереволюционных лет.

Точку зрения профессора М.М. Богословского на задачи архивов, типичную для представителей классического архивоведения, прекрасно иллюстрирует его неопубликованная докладная записка в Главное архивное управление, датированная 25 марта 1919 г., которую мы выявили в РГАДА¹⁷⁹. Впервые вводя ее текст в научный оборот, мы считаем необходимым подчеркнуть, что по своей сути эта докладная записка 1919 г. является своеобразным кратким изложением основ классического архивоведения. Характерно, что мероприятия новой власти в архивной сфере М.М. Богословский рассматривает в неразрывной связи с действиями общественности:

“За последнее время и власть, и общественные круги, интересующиеся успехами исторической науки, проявляют большое внимание к собиранию и охране письменных исторических памятников... Издано положение о едином государственном архивном фонде... для надзора за целостью и сбережением архивного фонда от гибели, создана архивная инспекция... для распространения знаний, необходимых для архивного дела, открыты особые архивные курсы... наконец, устроен и центральный орган для управления архивами и попечения о них в виде Главного архивного управления...”¹⁸⁰.

“Но думается, однако, — пишет далее ученый, — что накоплением и хранением архивных запасов услуги, оказываемые архивами исторической науке, не могут ограничиваться. Архивные материалы, все эти бесчисленные рукописные документы, если они не подвергаются научному исследованию и научной обработке, представляют собою совершенно мертвый капитал, ненужный и лишний груз, балласт, напрасно занимающий обширные и дорогие здания. Архивные материалы получают цену и становятся действительно национальной драгоценностью только в том случае, если к ним прикасается научное исследование.

Только побывав на письменном столе историка... исторические документы, послужившие материалами для ученой диссертации или простого исторического повествования, становятся элементами исторических знаний в обществе, увеличивают его духовное богатство, влияют на его мировоззрение... Между тем обстоятельства сложились так, что дело научной обработки архивных материалов испытывает в наши дни тяжелый кризис. Ранее научная обработка этих материалов производилась исключительно частными средствами: им посвящали свои ученые [занятия] историки... преимущественно в целях составления диссертаций. Можно без преувеличения сказать, что в значительной мере русская историческая наука своим движением вперед обязана именно этим диссертациям... Тогда опубликование ученых сочинений облегчалось, поддерживалось и поощрялось разного рода премиями, учреждавшимися и государством, и обществом: Академией наук, различными научными обществами и отдельными лицами... В настоящее время оба этих условия отпадают. С уничтожением ученых степеней прекращается обязательность диссертаций. С уничтожением капиталов и доходов с них ученое исследование лишается той поддержки, которую оно находило в виде прежних премий... Эти условия, несомненно, повлияют на нашу научную производительность и не только затормозят движение нашей специальной ученой исторической литературы, но и совсем, может быть, убьют ее... Наши архивы обратятся в рудники, полные драгоценных залежей, но бесполезные, потому что руда в них не добывается, не обращается в изделия и не поступает в общественное пользование.

Вот почему, мне думается, само государство должно взять на себя заботу не только о собирании и хранении исторических материалов, как это оно делает, но также об ученой разработке этих материалов... Мне кажется, что некоторые наши столичные центральные архивы, наиболее богатые историческим материалом... могли бы в известной мере служить как бы историческими институтами, где могли бы вырабатываться основанные на первоисточниках исторические исследования и где под руководством опытных ученых историков могли бы работать молодые начинающие исследователи... В области естествознания такие специальные институты получили прочное право гражданства... Для исторических работ также необходимы своего рода институты, как бы исторические лаборатории, и такого рода институты на Западе уже существуют и плодотворно работают во многих научных центрах.

Мне кажется, что у нас в виде некоторых наших центральных столичных архивов мы имеем уже готовыми такие ис-

торические институты, если только наряду с прочими их задачами, для которых они существуют, то есть с собиранием, хранением, приведением в порядок и регистрацией им будет поставлена также и задача научной обработки этих материалов... В виде исторической справки могу привести, что мысль о таком значении центральных архивов, как научных институтов, является не впервые, и уже давно имело место ее практическое и притом весьма плодотворное осуществление. Так смотрели на значение Архива юстиции стоявшие во главе его в 80-х и 90-х годах прошлого века профессора Н.В. Калачов и премирник его Н.А. Попов. В результате такого взгляда явился ряд ценных ученых исследований по документам архива, исполненный молодыми учеными силами, удачно привлеченными и умело сгруппированными тогда в Архиве юстиции Н.А. Поповым. Таковы работы Шимко, Голубева, Оглоблина, Сторожева и др.... Следует только пожелать, чтобы начинания и мечты лучших русских архивных деятелей, какими были Н.В. Калачов и Н.А. Попов, стали прочной действительностью"¹⁸¹.

Отметим, что с докладами, которые содержали аналогичные идеи, М.М. Богословский выступал на протяжении 1919—1921 гг., начиная с совещания в Главархиве весной 1919 г. и вплоть до I Всероссийской конференции архивных деятелей, которая состоялась 29 августа — 3 сентября 1921 г. в Москве. Они отражали общие ожидания ученых, которые на упомянутой конференции выразил ученый-византолог, профессор канонического права В.Н. Бенешевич. Его выступление подытожило многолетние поиски ученых легальной базы для работы в архивах¹⁸². Поскольку роль Бенешевича в создании классического архивоведения в литературе практически не исследовалась, полагаем целесообразным посвятить ученому краткий очерк жизни и деятельности.

Взгляды В.Н. Бенешевича на отношения ученого и архивиста являются четким выражением общей научной доктрины классического архивоведения по этому вопросу и развивают основополагающие теоретические принципы А.С. Лаппо-Данилевского и его единомышленников в условиях первых лет советской власти.

Владимир Николаевич Бенешевич (1874—1938)¹⁸³ — русский ученый, профессор канонического права, византолог и историк античности, сфера научных интересов которого охватывала рукописные и архивные фонды почти всех стран Европы.

Член-корреспондент АН (1924).

После Октябрьской революции 1917 г. работал в Петроградском отделении II (юридической) секции ЕГАФ, в которую входили фонды Сената со всеми его департаментами и присут-

ствиями, фонды генерал-прокурора Сената и Министерства юстиции (заведующий секцией — Александр Евгеньевич Пресняков). Позже работал в учреждениях Академии наук СССР и в Ленинградской Публичной библиотеке. На пленарном заседании Первой конференции архивных деятелей Петрограда (25.05.—28.05.1920 г.) Бенешевич выступил с докладом “Архив и ученый”, основные положения которого сохраняют актуальность до настоящего времени. Доклад состоит из двух частей: “Традиционный антагонизм прежнего ведомственного архива и ученого-исследователя” и “Крупное значение декрета 1.06.1918 г.”

По мнению Бенешевича, “в дореволюционное время правильного взаимоотношения между архивом и ученым не могло существовать и не существовало. Если оставить в стороне такие причины этого прискорбного явления, в которых невозможно разобраться без помощи психиатра или судебного следователя, то можно сказать, что все прочие сводятся к одной основной, а именно — совершенном оттеснении на второй план интересов науки и выдвигании на первое место интересов ведомственных”¹⁸⁴. В основе такого отношения архивного персонала к ученым он усматривает “недоверие к чужаку, воспитанное службой и опиравшееся на закон”, причем в “ревнивом оберегании архивных тайн” дореволюционные архивные чиновники, по убеждению Бенешевича, видели главную задачу архива.

Исходя из этого, В.Н. Бенешевич дает высокую оценку декрету от 1.06.1918 г. “О реорганизации и централизации архивного дела”, который он объявляет по существу “декларацией прав науки в архивах”

Бенешевич подчеркивает, что теперь, когда архивные деятели оказались связанными с деятелями науки в одну дружную семью, архивист должен служить *“не одной исторической науке, а науке вообще, он должен думать, что хранимые им материалы понадобятся и социологу, и юристу, и политику* (выделено нами. — Т. Х.), притом как для научных выводов, так и для практического использования в текущей жизни”¹⁸⁵. К сожалению, в данном случае Бенешевич, как показали дальнейшие события, слишком опередил время, выдавая желаемое за действительное.

В.Н. Бенешевич является автором и составителем обширной “Скорбной летописи” — мартиролога русских ученых, умерших от голода и болезней в первые послереволюционные годы (1921).

С 1922 г. его арестовывали несколько раз, с июня 1929 г. находился в ссылке. В 1930 г. был привлечен как обвиняемый по “академическому делу” Ему вменялось в вину то, что он имел сношения с Ватиканом в лице Папы Пия XI и его агентами, снабжая последних “клеветническими сведениями о ре-

лигиозных преследованиях в СССР”, что интерпретировалось как “участие в подготовке Крестового похода против СССР”

Полученный по приговору 5-летний срок отбывал на Печоре, после освобождения недолгое время работал в Публичной государственной библиотеке.

Был вновь арестован в конце 1937 г. за издание в Баварской академии наук (Мюнхен) первого тома греко-латино-славянских канонических текстов (со славянскими каноническими глоссами) — плод его 35-летней работы над материалами многих библиотек мира. Эти тексты, составлявшие только часть подготовленного им многотомного издания, не принимало к печатанию ни одно российское издательство ни в годы Первой мировой войны, ни в послереволюционные годы. Поэтому Бенешевич, исходя из чисто научных целей, принял предложение немецкого филолога-классициста Э. Шварца, известного во всем мире издателя соборных актов древней церкви, напечатать его труд.

Совместное издание подготовленных Бенешевичем текстов было задумано им и Шварцем еще в 1912 г., во время совместных ученых занятий в Ватиканской библиотеке. Личный друг и коллега Бенешевича Э. Шварц занимал пост президента Баварской академии наук задолго до прихода к власти Гитлера и до самой смерти не запятнал себя ничем, что могло бы быть истолковано как одобрение нацистского режима.

Тем не менее издание Бенешевичем своего труда в “гнезде мракобесия и человеконенавистничества” стоило ему исключения из рядов Академии наук СССР, последующего ареста и в конечном счете жизни.

В 1938 г. его расстреляли. Посмертно реабилитирован и восстановлен в АН СССР.

Точка зрения на научный характер архивов ученого-историка Бенешевича, Богословского, как и других представителей классического архивоведения, к сожалению, не была услышана властью.

Архивы вскоре стали официально рассматривать и использовать как арсенал политического оружия, а формированием мировоззрения общества начнут заниматься уже не историки, и тем более — не архивисты.

Как указал возглавивший коллегию Главархива в сентябре 1920 г. М.Н. Покровский, “удивляться нужно не тому, что то, что было исторической наукой в 1910 и 1913 годах, перестало быть таковой в 1919—1920 и следующие годы. Удивляться надо, наоборот, тому, что окончательно откристаллизировалось сознание этого только в 1928 году, что понадобилось 11 лет после революции, чтобы осознать тот факт, что в области исто-

рии, науки марксистской по преимуществу, науки ленинской по преимуществу, дореволюционные оценки, подходы и методы абсолютно никуда не годятся” И далее, объясняя предпринятую новой властью ломку всех структур (например, Российской академии наук), перемещение документов из архивохранилищ, отведенных для “ненужных” документов дооктябрьского периода, разрушение внутренней системы фондовой систематизации материалов в соответствии с их тематическим содержанием и перевод части из них в архивохранилища важных политических документов и документов эпохи Октябрьской революции и социалистического строительства, он заявил: “Сначала как будто имелась в виду только смена атмосферы и личного состава. Но как только мы подошли ближе к делу, мы сразу же увидели, что этим ограничиться никоим образом нельзя, и у нас получилась структура совершенно новая. Структура, по поводу которой, если бы обитатели в стенах Археографической комиссии... имели досуг подумать... они, вероятно, пришли бы в ужас и волосы у них встали дыбом... Мы решили таким образом организовать нашу работу... чтобы она была сосредоточена около нескольких крупнейших исторических проблем...”¹⁸⁶. Думается, возмущение архивистов вызвал бы не революционный дух выступления Покровского, а то, что он, ученик В.О. Ключевского, проповедовал такой подход к формированию дел вокруг проблемы, который был рудиментом пертиненцпринципа, свойственного архивному делу времен приказов, коллегий и Г.-Ф. Миллера. Однако никакими указами и инструкциями невозможно остановить саморазвитие науки.

Новый подход к архивному делу сказался трагическим образом прежде всего на судьбах людей. В ходе “чистки”, которая была проведена в конце 1922 г. в Петроградском отделении Центрархива, из архивов были уволены почти две трети ведущих сотрудников. Основанием служил провозглашенный новым руководством Главархива лозунг, характерный для “пострызановской” политики властей на архивном фронте: “Безжалостно должен быть отброшен балласт, доставшийся нам в наследство от ведомственных архивов и первого периода деятельности Архивного управления. Нужно создать *свой* твердый штат сотрудников”¹⁸⁷.

Под балластом, судя по результатам массовых увольнений, подразумевались, например, основатели Союза РАД А.И. Лебедев, И.А. Блинов, Я.Л. Барсков, М.М. Богословский, ушедший из архивной системы в “чистую” историческую науку, а также Л.Г. Дейч, И.П. Щербов, А.М. Полянский и многие другие.

В процессе “кристаллизации” нового подхода к архивам в июле 1924 г. коллегия Центрархива утвердила “Правила пользования архивными материалами ЕГАФ”, в которых впервые вводилось требование при составлении заявлений о допущении к занятиям в архиве прикладывать к нему анкету (в двух экземплярах) с указанием партийной принадлежности и цели производимой работы, а также особый пункт, в соответствии с которым пользователям архивных документов предписывалось предъявлять заведующему помещением для занятий все сделанные выписки, заметки и копии для просмотра¹⁸⁸. Без получения разрешения заведующего их вынос запрещался.

Таким образом, “декларация прав науки в архивах” так и осталась не больше, чем декларацией, впрочем, как и масса других декретов советской власти первых послереволюционных дней. Справедливости ради нужно отметить, что ограничения на занятия в архивах не были изобретены большевиками, во многом новая власть лишь восстанавливала правила, которые существовали в российских архивах раньше и которые пытались сломать в меру своих сил и возможностей демократически настроенные руководители крупных исторических архивов в дореволюционное время. Тем не менее распоряжения властей не могли остановить процесс саморазвития архивоведческой мысли на основе преемственности научных традиций.

Помимо опубликованных нами в монографии “История Отечества и архивы” многочисленных подтверждений этого тезиса, приведем выявленные уже в ходе подготовки настоящего исследования документы, свидетельствующие о том, как в первые послереволюционные годы развивались и осуществлялись на практике теоретические положения архивной науки времен Калачова, Самоквасова и губернских архивных деятелей. Мы имеем в виду попытки осмыслить и поставить на научную основу деятельность всех архивистов во всероссийском масштабе, придать архивному делу централизованный, общенациональный характер. Так, выступая на съезде уполномоченных Глав-архива, который состоялся в марте 1919 г., автор одного из докладов (В.Н. Автократов полагал, что это был В.И. Пичета, но не успел обосновать свою атрибуцию) заявил, что с созданием Единого государственного архивного фонда (ЕГАФ) и Глав-архива “исполнилось заветное желание покойного Дмитрия Яковлевича Самоквасова и многих других ученых об объединении архивов в особое ведомство и создании особого *министерства архивов* (выделено нами. — Т. Х.), для которого архивы были бы предметом попечения и правительственных забот, а не обременительным балластом казенных помещений. <...> Мне доподлинно неизвестны, — признается далее автор, — ближайшие об-

стоятельства, вызвавшие издание Декрета 1 июня [1918 г.], так что я могу поделиться с собранием только своими догадками по этой части”¹⁸⁹. Однако его доклад (к сожалению, и до настоящего времени) не привлек внимания исследователей.

Догадки автора, по нашему мнению, являются отражением субъективных взглядов типичного архивного деятеля тех лет, которыми он считает нужным поделиться с представителями архивных учреждений, прибывшими из самых разных мест России: “Среди агентов новой власти, как в центрах, так и на местах, находится немало сторонников самого радикального решения вопроса о делах и документах упраздненных ведомств и учреждений. Старая Россия, говорили они, умерла, теперь строится совершенно новая жизнь, новые порядки, должны действовать новые люди, новые законы. Для них не представляет никакого интереса никому и ни на что не нужный старый бумажный хлам, накопившийся при прежних учреждениях. От этого хлама надо как можно скорее избавляться — сжечь или сдать на бумажные фабрики, освободить от него помещения и не тратить на его содержание народные деньги... Таким образом подверглись уничтожению дела некоторых судебных учреждений, нотариусов, духовных консисторий и т. д. Но, к счастью для русской науки, среди деятелей центра нашлись просвещенные люди, сознающие, какую научную ценность имеет для России ее архивное достояние”¹⁹⁰. Помимо Д.Б. Рязанова (декрет от 1 июня, по мнению автора, обязан своим изданием его инициативе, его настояниям, его хлопотам) Пичета называет в числе создателей декрета коллективы петроградских и московских совещаний ученых, которые во второй половине июня окончательно доработали как схему организации Государственного архивного фонда, так и редакции положений о Главном и областных управлениях архивным делом. Деление ГАФ на секции и отделения автор признает далеким от совершенства, в большой степени искусственным, не выдерживающим критики ни с теоретической, ни с практической стороны, поскольку “все наши крупные архивы, образовавшиеся исторически, содержащие в себе дела разного рода, никак не укладываются в намеченные рамки. Чтобы распределить архивный фонд по названиям рубрик, надо было бы пересортировать содержимое в архивах, что немыслимо ни с какой точки зрения”¹⁹¹. Впрочем, успокаивает он, речь идет только об административной схеме централизованного управления архивными учреждениями, а не о реальном перемещении или перетасовке документальных фондов. Далее автор называет разработанные Главархивом ряд инструкций и уставов, включая Декрет о хранении и уничтожении архивных дел, подписанный

В.И. Лениным 22.04.1919 г. и опубликованный в “Известиях ВЦИК” от 25.05.1919 г. Здесь очень интересен п. 3, определяющий, какие дела из числа поступающих в архивное отделение подлежат уничтожению. Его подпункт “а” гласит дословно: “не имеющие значения для изучения истории, дипломатических сношений, политической, общественной, экономической и вообще каждой жизни в разных ее проявлениях” (выделено нами. — Т. Х.)¹⁹². При такой формулировке вряд ли можно выявить хоть одну бумагу, подлежащую уничтожению, но зато приехавшие на съезд делегаты в 1919 г. могли отметить в декрете явный отголосок, хотя и в приблизительном пересказе, сходного по своему архивоохранительному духу, постулата Калачова.

Итогом рассуждений автора стали следующие знаменательные слова: “Как ни мала наша деятельность, она все-таки была не бесполезна. Существование Главного управления архивным делом принесло большую пользу, так сказать, психологическую: у архивного дела нашелся хозяин. Существование этого хозяина отвратило многих из более скромных представителей власти от уничтожения архивных материалов, которые для многих представителей власти на местах представлялись простым бумажным хламом. Не создайся Главное управление архивным делом — с нашими архивами могло бы случиться недопустимое — они были бы уничтожены”¹⁹³.

На основании теоретических положений, изложенных представителем Главархива, коллегия этого ведомства утвердила 31 марта — 1 апреля 1919 г. Инструкцию уполномоченным ГУАД, которая, с нашей точки зрения, является одной из вершин архивоведческой мысли классического периода ее существования, поскольку подводит итог поискам методов сотрудничества архивистов как представителей государства (официального органа власти) с обществом (рядовыми гражданами).

Мы впервые вводим в научный оборот основные положения этого документа, полагая, что он может послужить теоретической основой строительства аналогичных отношений на современном уровне развития архивного дела. Тем самым наглядно выявляется польза, которую может извлечь современная практика из исторического анализа достижений науки об архивах в конкретных социально-культурных условиях их бытования.

Итак, вот что сформулировано в Инструкции уполномоченным ГУАД при утверждении этого института, являющегося уникальным явлением по своему характеру и масштабам задач в истории архивной теории и практики не только в России, но и за рубежом:

«I. По получении сведений о состоявшемся назначении уполномоченный уведомляет о том, что он приступил к испол-

нению своих обязанностей как Главное управление, так и Губисполком и все его отделы, указывая место нахождения своей канцелярии и часы, когда его можно застать лично.

Кроме того, в нескольких номерах местных официальных Известий он публикует о сем же с приведением краткого содержания Декрета 1 июня 1918 г. и существа возложенных на него задач.

Приложение 1. Для образца прилагается проект обращения в Губисполком (приложения в архивном деле отсутствуют. — Т. X.).

II. Состоя в непосредственном подчинении Главному управлению архивным делом и являясь *до учреждения Управления губернским архивным фондом* (выделено нами; как видим, речь идет не об отделе местного органа власти, а о самостоятельном органе местной власти, занимающемся формированием, хранением и организацией использования целостной системы архивов, объединенных понятием “архивный фонд” — Т. X.) представителем его во вверенном ему городе и губернии, уполномоченный прежде всего принимает меры к тому, чтобы с возможно большей полнотой и точностью выявить как наличность, так и содержание всех архивов в городе и губернии, для чего предлагает всем архивариусам или заведующим отдельными ведомственными архивами дать ответы на прилагаемую анкету справочно-статистического отдела Главархива, следя за тем, чтобы они отвечали действительности и были по возможности исчерпывающими...

III. Осмотр архивов и рукописных собраний уполномоченный производит по общему правилу в присутствии заведующего архивом или представителей данного учреждения, и лишь в случае их отсутствия приступает к осмотру единолично, но в этих случаях просит местный губернский отдел народного образования командировать для присутствия при осмотре уполномоченное лицо...

IV. Пользуясь указаниями местных властей, Архивной комиссии или иных ученых обществ и местных жителей, уполномоченный выясняет, находится ли в городе и губернии бесхозяйственные или частные архивы, и, в случае их обнаружения, обращает особое внимание на безопасность их от расхищения, атмосферических явлений или от пожара.

V. В зависимости от состояния обнаруженных архивов в случае угрожаемости их принимает неотложные меры к спасению, перевозке и охране этих архивов и обнаруженных рукописных материалов»¹⁹⁴.

После изложения технических вопросов, касающихся вопросов согласования денежных расходов на приобретение и пе-

ремещение выявленных архивных документов, инструкция уточняет:

“XI. Действуя самостоятельно, уполномоченный находится в контакте с губернским отделом народного образования и местной ученой архивной комиссией или иными обществами, имеющими целью спасение, сохранение и изучение архивов, черпая из наличного состава обществ подходящие кадры сотрудников и организовывая под своим председательством совещательные коллегии для выработки и принятия всех зависящих мер к охране архивов и упорядочиванию дел в городе и губернии, а также особые комиссии для выполнения отдельных задач (комиссия по разбору и уничтожению документов, строительные комиссии, научно-издательские и т. п.).

Приложение III: Декрет 26 июня 1919 г. и Инструкция для уничтожения архивных документов (протитированная нами выше. — Т. X.).

XII. Уполномоченный имеет свою печать и бланки.

XIII. При проведении в жизнь настоящей инструкции уполномоченный должен считаться с тем, что он выполняет временно функции заведующего губернским управлением.

Приложение IV: Положение о губернских архивных фондах”¹⁹⁵.

Мы привели почти полностью текст документа, который хранится в РГАДА. Здесь же находятся и другие аналогичные документы, еще не введенные в научный оборот и представляющие большой интерес (например, доклад П.С. Шереметева о частных архивах, с которым он выступил на совещании управляющих архивами весной 1919 г., составленная на его основании докладная записка инспектора Главархива А.М. Фокина, откомандированного для заведования Хранилищем частных архивов (впоследствии 3-е отделение IV секции ЕГАФ), а также ряд документов, в которых, например, находятся упоминания о работах, проводившихся в Хранчасаре под руководством Н.А. Бердяева¹⁹⁶. На наш взгляд, можно сделать достаточно обоснованный вывод о том, что к началу 20-х годов создание Единого государственного архивного фонда предоставляло все возможности для формирования своеобразной национальной идеи, которая могла бы сплотить все культурные слои общества: от местных рядовых жителей — ценителей архивов до гр. П.С. Шереметева, кн. Н.В. Голицына и крупнейшего русского философа Н.А. Бердяева. Классическое архивоведение, таким образом, выполнило бы свою интегрирующую функцию.

Роль связующего звена в системе отношений между, с одной стороны, государством и обществом, а с другой — центральными, местными, ведомственными и частными архивами

возлагалась на институт инспекторов Главархива в центре и уполномоченных на местах. По нашему мнению, есть веские основания полагать, что если бы советские органы власти не начали вскоре насильственный процесс монополизации управления архивами на жесткой идеологической основе вместо осуществления принципа их централизации на научном фундаменте, то Россия могла бы стать страной с самой цивилизованной системой организации архивного дела в мировой истории. В России было то, чего не было ни в одной другой стране мира — историософское отношение к архивам как к внутренне целостным живым организмам, по самой своей природе воплощающим неразрывную связь Прошлого, Настоящего и Будущего и имманентно присущим жизнедеятельности Личности, Общества и Государства.

Во всяком случае, именно такой подход, впервые сформулированный на этапе возникновения классического архивоведения, характерен для первого состава корпуса инспекторов Главархива, ликвидированного впоследствии советской властью.

Картина формирования классической науки об архивах была бы неполной, если бы мы не привели здесь краткую характеристику жизни и научной деятельности менее известных сегодня инспекторов, для которых попытка реально сочетать принципы классической теории архивов с практикой архивной работы самым драматическим образом повлияла на личную судьбу.

Одним из первых в этом списке должен быть назван **Владимир Иванович Пичета** (1880–1947)¹⁹⁷, в конце жизни признанный историк-славист, академик АН СССР и действительный член АН БССР. Но начинал он как профессиональный архивный деятель.

Согласно собственноручно заполненной им анкете участника Первой Всебелорусской конференции архивных работников (12–15 мая 1924 г.), на которой он выступал в качестве представителя коллегии Центрархива РСФСР, по национальности — украинец. Владел 13 языками, в том числе русским, польским, белорусским, украинским, немецким, еврейским и др.

С 1918 г. по сентябрь 1923 г. — главный инспектор Центрархива. Активный участник реформы архивного дела в России в первые послереволюционные годы.

Занимался обследованием катастрофического состояния и спасением провинциальных архивов в годы Гражданской войны. Состоял в Историческом обществе при Московском университете, специализировался на изучении Литовской метрики.

Работал в разборочной и поверочной комиссиях, участвовал в подготовке Рижского договора и связанных с ним решений по передаче части польских архивных документов, хранившихся в белорусских архивохранилищах.

С начала 20-х годов на научной работе в Минске — ректор Белорусского государственного университета, профессор русской и белорусской истории.

На Первой Всебелорусской конференции 1924 г. высказал пожелание, чтобы съезд архивных работников и коллегия Центрархива Белоруссии выполнили все задания архивного дела более удачно, чем в РСФСР.

В.И. Пичета дал высокую оценку деятельности Союза РАД во главе с А.С. Лаппо-Данилевским, “который поставил задачей сохранение архивных фондов, и если бы не героизм этих лиц — членов кружка, то множество архивов центральных учреждений России безвозвратно бы погибли” Сообщил делегатам съезда, что сразу после революции «Малый Совнарком РСФСР составил проект об уничтожении всех архивов, кроме дипломатических и экономических, дабы удовлетворить насущные потребности бумажного голода, но проект Малого Совнаркома, дойдя до В.И. Ленина, был остановлен и в “Большой Совнарком” не попал»¹⁹⁸.

Констатировал, что пришлось много бороться со своеобразным феодализмом бывших ведомств, но идея централизации одержала верх.

В одном из своих докладов на съезде (“Подготовка архивных работников”) сообщил, что при Центрархиве РСФСР предполагалось открыть Археографический институт как высококвалифицированное учреждение, которое займет центральное место в Союзе — с русским, белорусским и украинским отделениями, — но по целому ряду соображений этот проект был оставлен. Высказался за создание краткосрочных архивных курсов и включение архивоведческих дисциплин в программу высших учебных заведений.

С середины 20-х годов в работе архивной отрасли не участвовал. Как свидетельствует современный белорусский исследователь А.М. Гесь, ссылаясь на документы Национального архива (г. Минск), все восемь лет пребывания на посту ректора Белорусского государственного университета (с 1921 по 1929 г.) В.И. Пичета вел борьбу за то, чтобы пополнить кадры преподавателей выдающимися национальными специалистами по истории Белоруссии, нередко вступая в конфликт с указаниями Агитпропа ЦК КП Белоруссии и органами ГПУ. Поэтому не случайным было принятие постановления ЦК КП Белоруссии в конце лета 1928 г. о том, чтобы решить вопрос об осво-

бождении на ближайших перевыборах правления БГУ Пичеты с поста ректора БГУ.

Как “проводник классово-враждебной идеологии” и “агент классового врага” Пичета 14 сентября 1930 г. был арестован в числе 115 представителей белорусской науки и образования за принадлежность к мифической партии мелкобуржуазных национал-демократов, которая якобы действовала с целью быстрейшего осуществления планов интервенции против СССР. Все материалы следствия по делу Пичеты сразу после его ареста были затребованы в Москву. В конечном счете он был приобщен к “академическому делу” и осужден на 5-летнюю ссылку в Вятку. Еще до окончания следствия его исключили из числа академиков решением СНК Белоруссии.

Другим представителем классического архивоведения и проводником его принципов на практике был *Александр Филаретович Изюмов* (1885–1951)¹⁹⁹ – один из создателей Русского заграничного исторического архива (РЗИА) в Праге.

Родился в селе Озерки Чухломского уезда Костромской губернии.

Учился в Костромской духовной семинарии, затем на историко-филологическом факультете Московского университета. Окончив его с дипломом 1-й степени в 1914 г., начал подготовку к магистерскому экзамену по русской истории у профессора М.К. Любавского, но вынужден был прервать обучение в связи с призывом на военную службу в действующую армию, где пробыл до марта 1918 г.

С июля 1918 по май 1922 г. работал инспектором, старшим инспектором в Главном управлении архивным делом. В это время участвовал в спасении от разграбления и гибели многих уникальных архивов и библиотечных собраний в Вологодской, Петроградской, Тульской, Курской, Костромской, Нижегородской губерниях.

В своем докладе на состоявшемся 11 июня 1919 г. съезде губернских уполномоченных Главархива докладывал о том, что все декреты и постановления проходили для провинции мало-замеченными и узнавали о них лишь по приезду того или иного инспектора. Он также рассказал о том, что Главное архивное управление считается “пасынком среди других советских учреждений даже в центре, не говоря уже о провинциальных органах... От представителей губисполкомов приходилось слушать слова о ненужности национальных архивов, в то время когда проводится интернационализм”²⁰⁰.

В марте 1919 г. обеспечил осмотр и вывоз из Могилева документов Ставки Верховного главнокомандующего, в апреле 1919 г. – из Петрограда в Москву библиотеки и некоторых дел

Государственного Совета, в мае 1920 г. — из Кирилло-Белозерского монастыря документов, эвакуированных в г. Кириллов Временным правительством. Он получил отсрочку от повторного призыва в армию как незаменимый специалист.

В конце Гражданской войны, с момента создания русско-польской делегации по выполнению условий Рижского договора, А.Ф. Изюмов состоял ее экспертом по вопросам архивов. В эти же годы читал курс русской истории на университетском отделении московских Пречистенских курсов для рабочих, а также в открытом осенью 1919 г. Костромском университете.

Являлся активным членом Трудовой народно-социалистической партии, за что был в начале 1922 г. арестован, а в августе того же года как общественно вредный элемент выслан за пределы советской России.

В первые два года А.Ф. Изюмов оставался в Берлине, где служил секретарем при Русском научном институте, одновременно читал в нем курс по русской истории и вел практические занятия для слушателей.

В 1924 г. действовавшая за границей организация Земгора пригласила Изюмова в Прагу для руководства отделом документов в создававшемся в это время архиве русской эмиграции. Приехав в Прагу и столкнувшись с ожесточенными и крайне политизированными спорами вокруг будущего архива, Изюмов счел для себя невозможным участие в этих далеких от науки склоках и вернулся в Берлин. Однако последовало повторное приглашение, на этот раз персонально от председателя ученого совета Русского заграничного исторического архива профессора А.А. Кизеветтера, на курсе которого в свое время Изюмов учился в Московском университете.

В октябре 1925 г. Изюмов окончательно переехал в Прагу и начал работать на должности заведующего отделом документов РЗИА. Помимо высоких профессиональных качеств, ему, как и другим сотрудникам архива, занятым в области комплектования, приходилось в полной мере использовать свои личные связи с известными политическими и общественными деятелями России, историками, писателями, творческой интеллигенцией, словом, с представителями самых широких кругов эмиграции. Благодаря стараниям Изюмова, несмотря на все трудности, работа по созданию архива постепенно приняла организованный, плановый и целенаправленный характер. В этом процессе важную роль сыграла разработанная им и утвержденная ученым советом архива классификационная схема, в соответствии с которой весьма разнородный материал, поступавший в архив из многочисленных эмигрантских учреждений, организаций и объединений, а также личные архивы, коллек-

ции и отдельные документы систематизировались и распределялись по определенной схеме.

Практика поставила перед архивом проблему — определить ценность самых разных документов, как приобретаемых за плату, так и получаемых безвозмездно, поскольку описанию в первую очередь подлежали имеющие наиболее важные в научном плане фонды и документы.

А.Ф. Изюмову принадлежит заслуга разработки критериев и методов оценки документов, что позволило установить размеры премиальных вознаграждений для представителей архива и его корреспондентов. Для него самого подготовка за вознаграждение квалифицированных заключений-отзывов в отношении предлагаемых архиву материалов была практически единственным источником средств, помогавших свести концы с концами.

Относился он к своим обязанностям чрезвычайно ответственно, с крайней щепетильностью. Как и другие сотрудники РЗИА, прекрасно сознавал историческое значение их деятельности. В письме к историку В. Мякотину Изюмов писал: “Большевики фальсифицируют историю современности, мы создаем архив нефальсифицированных документов” Он стал основным разработчиком таких документов, как Инструкция и правила приема и хранения материалов РЗИА, Правила для исследовательских работ в помещении РЗИА, Инструкция представителям РЗИА и др.

Был сторонником большей открытости и доступности документов архива, хотя главная роль в решении проблемы доступа принадлежала ученому совету и директору архива. Часто взгляды А.Ф. Изюмова, особенно в отношении посетителей из СССР, вступали в конфликт с решениями руководства.

Изюмов выступал также против обособленности РЗИА от научной и историко-архивной жизни послереволюционной России. Интересны в этом отношении трагикомические последствия посещения в 1930 г. РЗИА директором Института Маркса-Энгельса Д.Б. Рязановым, которые А.Ф. Изюмов с горькой иронией описывал в письме Б.И. Николаевскому следующим образом: “...Меня обвинили в том, что я показал ему весь архив, что был любезен больше, чем нужно, и даже обвинили, что если бы меня не было, то нога нечестивого не была бы в благочестивом месте... В Москве меня уволил Покровский — в сущности говоря, из-за него же (т. е. из-за Рязанова. — Т. Х.), а здесь только от того, что он приехал, я нажил много врагов...”²⁰¹.

Кроме чисто политических разногласий, на конфликтность ситуации влияло то, что Изюмов в эмиграции сохранил

советское гражданство. Это создавало для него массу неудобств для проживания в Чехословакии. В 1934 г. его назначили заместителем директора архива с одновременным заведованием рукописным отделом.

В марте 1939 г. гитлеровцы оккупировали чешские земли. Над архивом и его сотрудниками нависла реальная угроза.

Исюмов пытался через своего университетского друга и товарища по партии М.М. Карповича, ставшего профессором Гарвардского университета, добиться у американских университетских кругов выделения финансовых средств, чтобы переправить архив вместе с его сотрудниками в США. Однако реальной заинтересованности в этом американская сторона не проявила.

С началом войны Германии против СССР А.Ф. Исюмов как советский гражданин был интернирован и заключен в концлагерь. В апреле 1945 г. концлагерь освободили американские войска.

В Прагу он добрался только 23 мая 1945 г., спустя ровно 10 дней после опубликования в печати информации о решении чешского правительства передать РЗИА в дар АН СССР к ее 220-летию юбилею. В записке о РЗИА, составленной специально для комиссии, приехавшей из Москвы для подготовки архива к перевозке, он отмечал: «Я архиву, живя здесь, в Праге, всецело отдавал свои силы, будучи уверен, что рано или поздно архив попадет на Родину. Подарок Академии наук сделал мое пребывание вне Родины как бы служебной командировкой, которую я в меру сил и возможностей выполнил»²⁰². По просьбе членов комиссии А.Ф. Исюмов во время отбора материалов подготовил несколько специальных пакетов с материалами для Института марксизма-ленинизма, а также осуществлял по их же просьбе личное наблюдение за выделением в процессе разборки материалов документов с именами Ленина и Сталина.

В специальном дополнении к своей записке в адрес комиссии он предостерегает против «хирургической операции расчленения РЗИА» путем отделения библиотеки от его документальной части. В извинительных тонах, явно боясь быть неправильно понятым, Исюмов предложил комиссии оставить РЗИА еще на некоторое время в Праге в качестве научного института АН СССР, открыть при архиве славянский отдел для сбора документов по истории связей славянских народов в борьбе с фашизмом. Ни одно из его предложений не было принято.

Научное значение РЗИА интересовало спешно вывозящих документы членов комиссии в последнюю очередь, для них он был прежде всего источником компрометирующих ма-

териалов на эмигрантов и связанных с ними лиц, проживающих в СССР. Вряд ли стоит после этого удивляться, что всю жизнь стремившийся на Родину патриотически настроенный ученый решил остаться в Праге. Здесь он умер в 1951 г., пережив свою супругу и почти всех друзей по эмиграции.

Для того чтобы составить полную картину формирования кадров уполномоченных, их деятельности и разнообразия последующих судеб, приведем краткий очерк жизни и деятельности представителя Главархива по Саратовской области, ставшего позднее одним из первых общесоюзных теоретиков архивоведения и создателем украинской науки об архивах — *Василия Ивановича Веретенникова* (1880—1942)²⁰³.

Он родился в Воронеже в семье служащего. Окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета в 1904 г.

Ученик А.С. Лаппо-Данилевского.

Преподавал в Харьковском, Московском и Петербургском университетах.

После февральской революции 1917 г. был избран ординарным профессором в Саратовском университете, где работал до 1920 г., одновременно являясь уполномоченным ГАУ РСФСР по Саратовской области.

Летом 1920 г. переехал в Харьков, где в должности профессора российской истории читал лекции на кафедре русской культуры Академии теоретических знаний, потом — в Институте народного просвещения и в ряде других высших учебных заведений.

В архивной отрасли Веретенников начал работать одновременно с преподаванием, получив в сентябре 1921 г. назначение в Главархив Украины (стал членом коллегии). В последующем в аппарате Центрархива УССР занимал различные должности: заведующий отделом архивоведения, старший ученый архивовед, ученый-архивист отдела архивоведения, научный сотрудник, консультант.

Был одним из организаторов проведения I Всеукраинского съезда архивных работников (1926), на котором выступил с докладом о подготовке специалистов архивного дела для отрасли. По его мнению, основой подготовки архивистов должна стать форма краткосрочных 6-недельных курсов повышения квалификации и профессионального уровня специалистов. В учебную программу он считал необходимым ввести ряд предметов общеисторического и историко-экономического характера, после освоения которых архивист должен научиться четко понимать обстоятельства, определившие необходимость создания госучреждений, а также иметь достаточно знаний в облас-

ти исторической географии и хронологии. В цикл архивоведческих наук он предлагал ввести теорию архивоведения с акцентом на изучение систем классификации и каталогизации.

Учитывая заслуги В.И. Веретенникова в области разработки программ архивного образования, совет Центрального архивного управления постановлением от 4 июня 1930 г. назначил его заведующим архивоведческим отделением заочного Института народного просвещения, который создавался специально для подготовки и повышения квалификации архивных работников. По его инициативе было налажено издание циркуляров, направленных на улучшение архивной работы. В частности, были разработаны обязательные для исполнения инструкции по выявлению и сохранению делопроизводственных документов в целях их передачи в архивохранилища.

На Втором съезде архивных работников Украины (1931) Веретенников был обвинен в приверженности буржуазной методологии в архивном деле и архивоведении. В частности, его объявили идейным вождем и проводником в жизнь буржуазных принципов упорядочения архивных материалов “всех подряд”, без учета их полезности с точки зрения задач социалистического строительства. Его стали считать сторонником “теории техницизма” и “объективистского документализма”. В результате он был вынужден в обращении к представителям секции научной публикации документов Второго съезда архивных работников Украины признать ошибочными свои взгляды на необходимость отделения “техники” археографии от ее методологии и заявить о принятии им марксистско-ленинской методологии археографии как единственно верной теории.

В целом научное наследие В.И. Веретенникова отчетливо делится на два отрезка: до начала 30-х годов и последующий период. Наиболее плодотворным оказался первый период, когда он разработал оригинальную систему взглядов на систематизацию и классификацию архивных документов в соответствии с принципами происхождения и их содержания (“внутреннего смысла данных документов”).

Главным в системе архивоведческих взглядов В.И. Веретенникова является требование рассматривать весь архивный материал состоящим из архивных фондов, каждый из которых составляется из деловодных фондов, которые, в свою очередь, состоят из деловодных единиц.

“Деловодный фонд” Веретенников определял как “такую часть архивного фонда, где все ее документы имеют точные признаки принадлежности их к деловодству какого-либо определенного учреждения (частного, общественного, государственного, профессионального, кооперативного и т. п.) или ка-

кого-нибудь определенного лица (частного, правительственного, юридического)... Иначе говоря, деловодный фонд можно определить как всю совокупность полных документов того или иного учреждения, которые остались там в результате его деятельности”²⁰⁴. По его мнению, деловодные единицы, отложенные только в той или иной части учреждения, составляют подфонд — промежуточный между фондом и теми деловодными единицами, которые входят в его состав.

Веретенников считал необходимым разделять понятия “архив” и “архивохранилище”, поскольку “архив имеет тот неперемennyй для этого понятия признак, что он является всегда научно-исследовательским учреждением... которое все время работает над данным ему архивным материалом, а не только местом склада архивного материала, как бы образцово это место ни было упорядочено”²⁰⁵.

С начала 30-х годов В.И. Веретенников посвятил себя разработке инструкций и составлению образцов описей и описания особо ценных документов, которые выделялись по тематическому признаку, в соответствии с ходом социалистического строительства.

В последние годы жизни он работал консультантом ЦАУ УССР.

Таким образом, благодаря усилиям представителей Главархива на местах, классическое архивоведение не перестало существовать в связи со смертью Лаппо-Данилевского в 1919 г. и “чистками” кадров в архивных учреждениях. Оно только видоизменилось, приняло новые, неофициальные формы. На первый план выходит личная инициатива каждого из ученых и архивных деятелей. Здесь показателен выявленный нами в РГАДА “Сводный отчет о деятельности Главархива и секций ЕГАФ за июль-август 1919 г.” Документ начинается с перечня мер административного характера, свойственного для официальных структур, но отражающего преобладание в выполнении тех задач, которые планировались еще Союзом РАД при Временном правительстве: “В научно-статистическом отделе (его название несколько раз менялось, некоторое время отдел возглавлял И.Л. Маяковский. — Т. Х.) продолжалась работа по составлению карточных указателей архивов на основании возвращенных анкет и отчетов уполномоченных и инспекторов и по собиранию материалов для библиографии архивного дела. Составлено 1002 карточки, общая ведомость выявленных архивов и их фондов по губерниям и стенам (так в тексте. Вероятно, это опечатка, следует читать — сводная. — Т. Х.) архивов, проработанных по отчетам, анкетным вопросам и библиографическим материалам...

На основании библиографического материала составлена картограмма *ученых обществ, имеющих отношение к архивному делу*²⁰⁶ (выделено нами. — Т. Х.).

Отметим, что спустя десять лет, выступая на Втором съезде архивных работников РСФСР в 1929 г., М.С. Вишневский назвал эту впечатляющую статистику: «Мы подсчитали, какое количество всяких организаций, научных обществ соприкасалось до революции с вопросами архивного дела. Мы насчитали их свыше 140. Их материалы распылены, разрознены, в значительной мере уничтожены, и не выявлены те части, которые от них сохранились... Мы насчитываем уже больше сорока лет существования специальных учреждений, институтов, занимавшихся в России вопросами архивного образования. Мы до сих пор не смогли сконцентрировать материалы этих институтов, этих специальных учреждений»²⁰⁷.

После описания библиографических работ в отчете сообщается о том, что деятельность инспекции Главархива за июль-август продолжала развиваться и расширяться как в области выявления, взятия на учет и охраны новых архивов в Москве и провинциях, так и в области инструктирования и ревизии архивных учреждений. В Москве были осмотрены и обследованы архивы Комиссариата земледелия, отдела социального обеспечения, военно-ликвидационного комитета, земского союза, бывших судебных установлений в Кремле, административного отдела, торговых школ, высших технических училищ. Закончены перевозки архивов дворянского собрания, городской думы, бывшего Верховного главнокомандующего. Инспектор М.С. Вишневский посетил Орловскую губернию. Инспектор А.М. Фокин совершил поездку в Гомельскую губернию, инспектор Денисов — в Тверь, старший инспектор Изюмов — в Вологодскую губернию; Б.И. Николаевский — в имение Нагорное Дмитровского уезда. Освобождение Красной Армией обширных областей на востоке поставило перед инспекцией новую ответственную задачу — спасение брошенных на произвол судьбы в свободных местностях архивов и организация на местах архивных управлений и архивного дела. С этой целью были командированы инспекторы: А.В. Сомов в Пермскую и Тобольскую губернии, Б.И. Николаевский после освобождения красными войсками линии Томско-Омской ж.д. — в Уфимскую и Оренбургскую губернии и дальше на восток по мере продвижения красных войск по главной Сибирской ж. д. магистрали²⁰⁸.

Далее подробно освещается работа каждой из секций ЕГАФ (подклейка 1503 гнилых листов старинных документов, описание неразобранных столбцов XVII в., заведующий отде-

лом А.Н. Савин продолжал свою работу над документами, относящимися к русско-немецким отношениям времен Николая I, старший архивист М.Н. Розанов разбирал поступившую из Государственного архива переписку Екатерины с Вольтером, Дидро и другими энциклопедистами, заведующий II отделом I-го Московского отделения II секции проф. А.Н. Филиппов продолжал рассмотрение хранящихся в архиве старых описей сенатских книг, по IV отделу заведующий С.К. Шамбинаго занимался подготовкой к печати материала для II тома описания Литовской метрики и т. п.). Одним словом, шла будничная работа, если только не учитывать, что в это же время в разделе “Хроника” историко-архивоведческого издания “Дела и дни” сообщалось: “Многочисленные смерти петроградских ученых на почве истощения, начиная с академиков А.С. Лаппо-Данилевского и М.А. Дьяконова, убедительно свидетельствуют о невыносимой тяжести для ученых работников условий петроградской жизни. Жутью веет от бесстрастных протоколов Академии наук, когда читаешь, что работа одного академика за его смертью передается другому, через несколько страниц — постановление, что за смертью второго работа переходит к третьему, а потом — новое постановление о передаче работы за смертью третьего — к четвертому. Только в августе 1920 г. скончались, вследствие болезней, развившихся на почве истощения организма от недоедания и непосильной физической работы, академики Б.А. Тураев и А.А. Шахматов, а в сентябре — профессор С.А. Венгеров” При этом не только внешние лишения являлись причиной смерти. У многих русских ученых того времени “чувство душевной боли возрастало до мучительной непереносимости, когда в бурном потоке жизни наряду с действительно обветшавшим нередко отрицались и разрушались вечные культурные ценности... а научная деятельность... низводилась на степень праздной забавы или преступного уклонения от иной, настоящей работы”²⁰⁹.

Следует отметить, что к вечным культурным ценностям относились прежде всего архивы, а до уровня праздной забавы низводилась научная работа в хранилищах древних документов. Об отношении властей к этой “праздной забаве” свидетельствует и академически написанная Н.П. Черепниным в декабре 1918 г. “Летопись архивной жизни”, которая неожиданно, буквально на последней странице, вдруг приобретает патетический тон: «В Москве из 27 архивных деятелей I отделения II секции только за последние месяцы скончались пять: С.А. Шумаков, В.В. Нечаев, С.А. Глазунов, И.С. Беляев, Н.Н. Марков.

Н.Н. Маркова нашли в квартире мертвым. Он лежал на полу возле стола, в пальто, шапке, галошах. На столе была не-

оконченная записка, [которая] оборвалась на слове “коченею”»...²¹⁰.

Отсюда следует тот вполне объяснимый факт, что в цитируемом нами многостраничном отчете о деятельности Главархива в 1919 г. собственно теоретической работе отводится только две фразы (семь строчек машинописного текста): “Не ограничиваясь технической деятельностью, инспекция посвящала свое внимание разработке некоторых теоретических вопросов архивного дела. Главным инспектором В.И. Пичетой были выработаны: дополнение к инструкции об уничтожении архивных материалов, инструкция инспекторам по ревизии Московских архивных учреждений, а инспектором Н.Ф. Бельчиковым — проект декрета на имя губисполкомов о предоставлении помещений для губернских архивов”²¹¹. В стенах Главархива работа в основном велась на уровне различного рода коллегий, совещаний и десятков комиссий, которые, по свидетельству известного специалиста в области истории и теории архивоведения Н.И. Химиной, непрерывно меняли свое название²¹². Тем не менее, как показало обсуждение теоретических вопросов архивоведения на I конференции архивных деятелей Петрограда (май 1920 г.), и особенно на I Всероссийской конференции архивных деятелей (Москва, сентябрь-октябрь 1921 г.), уровень их разработки был достаточно высок.

Как установила Н.И. Химиная, первым толчком к началу теоретических разработок послужила практическая необходимость составления единых правил описания архивного материала, в связи с чем по решению петроградского совещания управляющих архивами была образована особая комиссия для установления единообразной архивной терминологии под председательством И.В. Пузино.

Иван Владимирович Пузино (1888–?)²¹³ — архивист, историк. Окончил Александровский лицей (1906), историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета (1910). Преподавал в качестве приват-доцента на кафедре всеобщей истории университета, специализировался в области истории итальянского Ренессанса.

Во время служебных командировок в ряд западноевропейских стран продолжил образование в Берлине, посещал лекции в Римском университете.

После революции 1917 г. состоял членом Союза РАД, затем работал в научно-статистическом отделе Централархива, одновременно возглавляя комиссию по установлению единообразия архивной терминологии.

Он дал определения понятий “единица архивного материала”, “архивный документ”, “дело”, “фонд” и “архивный

фонд”, “делопроизводство” и др. Судя по тексту проекта терминологии, который содержится в экземпляре, направленном им А.С. Николаеву, взгляды Пузино характеризуются стремлением выработать компромиссное решение спорных терминологических вопросов. Так, сохраняя понятия “единица архивного материала”, “бумага”, “дело” и “архивный документ”, он исходил из принципа, что “общее правило — архив не меняет состава архивного материала, объединенного делом, а хранит его в том составе и виде, в каком архив получил дело от учреждения”²¹⁴. Особенно наглядно такой подход проявился в предлагаемом И.В. Пузино толковании термина “фонд”

По мнению Пузино, «этот термин определяется двояко. Во-первых, он охватывает такой комплекс материала, который с достаточной полнотой характеризует деятельность учреждения, соответственно его компетенции и поставленному заданию, а также жизнь и деятельность отдельного лица.

Во-вторых, “фонд”, как обособленный комплекс архивного материала, применяется только к такому учреждению, которое носит более или менее независимый характер в деятельности того министерства (комиссариата) или установления, в ведение которого оно привходит (департаменты, присутствия, канцелярии министерства и пр.), или к такому учреждению, которое играет важную роль (т. е. исполняет ответственное и определенное влияние) — по мысли ли законодательного акта, его создавшего, или же фактически, или же, наконец, к такому объединению однотипного материала, который исторически сложился в единую группу архивного хранения.

Как уже сказано, термин “фонд” употребляется и для определения богатого содержанием архивного наследия частного лица.

Возможны случаи, когда в данном архиве вполне обособленный фонд хранится не в полном виде, а частью, другие же части этого фонда разбиты по другим архивам. В таких случаях требуется по возможности оговорить, где именно хранятся остальные части данного фонда»²¹⁵.

По мнению В.Н. Автократова, доклад И.В. Пузино, представленный в начале 1919 г. на совещании управляющих петроградскими отделениями ЕГАФ под названием “Проект архивной терминологии”, явился основой для дальнейших плодотворных научных дискуссий по данному вопросу²¹⁶. Доклад будет более подробно рассмотрен в разделе, посвященном деятельности Кружка архивных работников им. А.С. Лаппо-Данилевского.

Считаем целесообразным обратить особое внимание на предложенное Пузино толкование понятия “единый государст-

венный архивный фонд”, в котором он одним из первых российских архивоведов делает акцент на слово *государственный*, толкуя его весьма своеобразным образом (такое истолкование, насколько нам известно, не давал никто из архивоведов ни до Пузино, ни после него): «Понятие “единый государственный архивный фонд” обнимает собой все содержимое российских архивных хранилищ. Фонд этот мыслится *идейно* (т. е. принципиально, а не физически. Выделено нами. — Т. Х.) единым. В нем объединяется огромное и целостное архивное наследие прошлого, резко отличное от других мировых архивных фондов. Этим отличием является принадлежность единого государственного архивного фонда к истории *Государства Российского*, почему он и именуется “государственным”»²¹⁷ (выделено нами. — Т. Х.). В дополнение к государственно-административному подходу в оценках сущности архивов Пузино, занимаясь проблемами отечественного архивоведения, провозгласил их гуманитарную основу, в связи с чем его можно по праву отнести к числу основоположников классического архивоведения.

Так, в статье “Западно-Европейские периодические издания по архивному делу”, опубликованной в 1923 г., он выступил за издание специализированного журнала, который бы не только освещал практические (прикладные) вопросы, исходя из чисто административных потребностей, но и удовлетворял научный интерес к архиву, выросший из сознания его важности для изучения истории.

Возникшее сознание важности научного интереса к архивам И.В. Пузино связывал с тем, что, начиная с эпохи Возрождения, в архивах предпринимаются поиски следов “*стремления человека к славе, к бессмертию*”²¹⁸. Именно в этом он видел причину изучения архивных документов в исторических работах в качестве источников.

По мнению Пузино, вплоть до конца XVII — начала XVIII в. история понималась как простая сумма сведений о прошлом, т. е. была механическим соединением сырого материала без руководящей идеи, без внутреннего понимания. «Это, собственно, была не наука, а “знание”, целью которого было захватить возможно более фактов и данных», — указывал Пузино²¹⁹. Вплоть до 40-х годов XIX в., по его мнению, изученный материал являлся и содержанием, и целью исторических произведений, которые пишутся как роман, в котором сырые материалы из архивов иллюстрируют философские тезисы и антитезисы, подгоняются под них. И только с 40-х годов XIX в., пишет Пузино, когда история становится наукой, “происходит полная дифференциация заданий истории как науки, от заданий архивоведения”²²⁰ (очевидно, имеется в виду эмпи-

рическое архивоведение. — Т. X.). В связи с этим И.В. Пузино считал необходимым в архивоведческих изданиях организовать два самостоятельных отдела: отдел официальный и практический, в который бы входила публикация правил и кодификаций, справок и сведений по архивному делу, и отдел научно-исторический и теоретический, со статьями по архивоведению, истории и современному состоянию отдельных архивов, с научной перепечаткой архивных документов и т. д.²²¹

Для теоретических работ Пузино²²² характерно стремление осмыслить опыт архивистов Запада в работе российских архивов.

Помимо теоретических исследований И.В. Пузино активно участвовал в практической работе по спасению архивов в первые послереволюционные годы, в частности, в составе специальной комиссии принимал на хранение фамильный архив князей Юсуповых. Современный историк архивного дела Н.И. Химиной установила, что документы Российского государственного исторического архива позволяют проследить деятельность И.В. Пузино до весны 1920 г.

Сведения о дальнейшей его жизни и научном творчестве не выявлены.

С весны 1918 г. разработка научно-теоретической тематики велась главным образом преподавателями Архивных курсов при Петроградском археологическом институте, которые почти все состояли в Союзе РАД или активно сотрудничали с ним, а с лета 1920 г. переместилась в сферу деятельности Кружка имени Лаппо-Данилевского. Поскольку эти важные темы в истории архивоведческой мысли практически не исследованы (краткие сведения о кружке имеются в работах Н.И. Химиной и представлены в не совсем точном изложении в статье Е.А. Ростовцева, что будет рассмотрено в соответствующем подразделе нашего исследования), мы посвящаем курсам и кружку отдельные разделы.

А.С. Николаев и роль историко–архивной общественности в становлении и развитии классического архивоведения

В неопубликованном труде ВНИИДАД “История архивного дела в СССР. 1918–1980” автор главы “Проблема архивных кадров” И.А. Курникова обоснованно связывает дальнейший этап развития системы подготовки архивных кадров с созывом архивных, музейных деятелей и профессоров Московского университета, которое состоялось в июне 1918 г. На нем присутствовали историки и архивисты, профессора Московского университета: по кафедре русской истории – М.К. Любавский и Ю.В. Готье, по кафедре русского права – А.Н. Филиппов, работники крупнейших московских исторических архивов С.А. Белокуров, Н.В. Рождественский, Ю.В. Сергиевский (б. МГАМИД), Д.В. Цветаев, Н.Н. Ардашев, Н.П. Чулков, Н.Г. Высоцкий (б. МАМЮ), Н.В. Хрипач, Г.Э. Кудлинг, И.И. Успенский (Лефортовский архив), Б.С. Пушкин (б. Московское отделение Общего архива Министерства Императорского Двора), хранитель архива Исторического музея Н.Н. Кононов, хранитель рукописного отделения Румянцевского музея Г.П. Георгиевский, заведующий Патриаршей библиотекой Н.Н. Попов, секретарь Московского археологического института В.И. Троицкий²²³. По приведенным И.А. Курниковой сведениям, участники совещания высказались за необходимость создания архивных школ при московском и петроградском отделениях Единого государственного архивного фонда. Школы должны были иметь две ступени: элементарную (практическую) и высшую (теоретическую). Однако эта идея была первоначально осуществлена только в Петрограде, где были организованы Архивные курсы при Петроградском археологическом институте, директором которого назначили С.Ф. Платонова. Петроградский археологический институт, как и Московский археологический (на что указывает Курникова), продолжал обучение студентов даже в трудные дни 1917–1918 гг.

Вместе с тем автор не делает важного и, казалось бы, логически предопределенного приводимыми ею же данными вывода о том, что идея курсов принадлежала в основном деятелям Союза РАД и уже поэтому является преемственной по отношению к существовавшей в дореволюционной России системе архивного образования. Как справедливо отмечает И.А. Курникова, в организации подготовки архивистов с первых дней совет-

ской власти центр тяжести переместился в сферу личной инициативы историков и архивистов, которые разрабатывали учебные программы на более широкой основе, чем это стало осуществляться под давлением официальных органов советской власти начиная с 20-х годов.

И.А. Курникова, изучавшая деятельность многочисленных архивных курсов в Петрограде и Москве по архивным материалам, приводит в названной выше работе пример некомпетентного вмешательства руководства ГУАД во главе с М.Н. Покровским в работу курсов: руководителям архивных курсов в 1921 г. было предложено из двух разных предметов: “Техника и практика государственных архивов” (С.К. Богоявленский) и “Организация и техника архивов при действующих учреждениях” (Н.В. Русинов) — составить один, “хотя сами названия свидетельствуют о том, что они не могут заменить друг друга: один лекционный курс посвящен делопроизводству и архивам действующих учреждений, другой — истории и основным формам работы в центральных исторических архивах”²²⁴.

И далее она первой в отечественном архивоведении делает совершенно правильный и обоснованный вывод: “Не оценив должным образом труд по подготовке кадров, проделанный в 1918–1920-х гг., М.Н. Покровский как руководитель отрасли не только не поддерживал, а гасил инициативу, проявленную в этом направлении оставшимися в архивах историками и архивистами с дореволюционным стажем работы. Яркий пример тому — разработка [московскими учеными] С.К. Богоявленским, М.К. Любавским и И.А. Голубцовым учебных планов архивных курсов 1923–1925 гг.”²²⁵.

Историко-организационная сторона деятельности различных учебных заведений изложена И.А. Курниковой с достаточной полнотой, выделяя московские учебные центры по подготовке архивистов, поэтому мы, исходя из задачи нашего исследования, остановимся только на концептуально-научной стороне их деятельности и связанных с ней именах крупнейших историков и архивистов.

Как показывает анализ, важное место здесь по праву принадлежит первым по времени открытия Архивным курсам при Петроградском археологическом институте во главе с А.С. Николаевым. Они стали естественным продолжением традиций института, созданного еще Калачовым.

Мимо внимания историков-архивоведов прошла оригинальная версия происхождения курсов, изложенная Н.П. Черепниным в статье “Летопись архивной жизни” Между тем именно в этой части она, на наш взгляд, заслуживает доверия, поскольку во время ее подготовки и напечатания статьи мно-

гие участники описанных событий были еще живы, а обстановка определенной свободы в архивном деле первых послереволюционных лет способствовала объективному изложению хода событий.

Н.П. Черепнин писал, что “чрезвычайное расширение работы отделений ГАФ и углубление задач архивохранилищ вызвали необходимость в значительном увеличении числа архивных работников, обладающих специальной подготовкой... Возникла мысль организовать Архивные курсы.

Первоначально эта идея появилась в I Петроградском отделении IV секции и план осуществления ее наметился в виде ряда чтений по истории тех учреждений, архивы которых вошли в состав этого отделения (проф. С.В. Рождественский — по истории Министерства народного просвещения, Ю.Г. Оксман — по истории цензуры, Н.П. Черепнин — по истории Ведомства императрицы Марии), и практических занятий по технике архивного дела для состоящих в отделении лиц.

Д.Б. Рязанов и проф. С.Ф. Платонов нашли, однако, что в подобных занятиях имеют одинаковую потребность и прочие петроградские отделения.

В результате было решено немедленно открыть при Петроградском археологическом институте Архивные курсы.

31 августа [1918 г.] состоялось открытие курсов”²²⁶.

Отметим сразу, что версия Черепнина несколько расходится с изложенной в предисловии к изданному в 1920 г. сборнику “История архивного дела классической древности, в Западной Европе и на мусульманском Востоке”²²⁷. В предисловии к этому изданию, подписанному И.Л. Маяковским и А.С. Николаевым, говорится, что идея архивных курсов зародилась в тесном кружке работников одного из петроградских архивов и была разработана И.Л. Маяковским, А.С. Николаевым, В.В. Снигиревым и Н.П. Черепниным. Проект был встречен сочувственно проф. С.Ф. Платоновым, немедленно внесшим его на рассмотрение в совет археологического института, который единодушно одобрил проект и гостеприимно открыл двери для его осуществления. Главное руководство курсами было поручено А.С. Николаеву²²⁸.

Существенная разница между обеими версиями заключается в том, что из числа основателей курсов в издании 1920 г. исключено имя Д.Б. Рязанова, без участия которого мероприятие подобного масштаба, естественно, не могло состояться. Глухое упоминание о тесном кружке работников одного из петроградских архивов и акцент на роль Платонова также могут быть отнесены к этому же роду умолчаний: здесь явно видны следы борьбы, которая велась за власть в Главархиве между Ря-

зановым и Покровским и исход которой был уже предопределен, а также начавшейся “чистки” в петроградских архивах. Выявленные нами расхождения в определении истоков организации петроградских Архивных курсов у Н.П. Черепнина (1919) и у авторов введения к официальному изданию курса лекций (1920) носят существенный характер: устранение имен Рязанова, Оксмана и Преснякова из списка инициаторов их открытия дает несколько упрощенную картину.

На торжественном собрании в день открытия курсов выступили с докладами: профессор С.Ф. Платонов — “Развитие археографии в России”, профессор А.Е. Пресняков — “Исторические источники и подлинные документы” и заведующий курсами А.С. Николаев — “Почему в данный момент особенно необходимы Архивные курсы и что они должны дать архивному делу” В официальном издании названия этих выступлений либо опущены (у С.Ф. Платонова и А.С. Николаева), либо сформулированы несколько более узко (к названию доклада А.Е. Преснякова добавлено “в научной работе”). Более того, эта же тенденция к ограничению задачи курсов прослеживается и в предисловии. Так, его авторы И.Л. Маяковский и А.С. Николаев, отмечая, что Архивные курсы первого года сыграли положительную роль, делают акцент на то, что они “не избежали, как и всякий первый опыт, промахов, проявившихся в излишней теоретичности, многопредметности, пестроте и неполной согласованности отдельных частей учебного плана”²²⁹. Однако не вполне понятно, о какой излишней теоретичности может идти речь, если сами авторы несколькими строками ниже признают в качестве главной заслуги курсов то, что в период реформирования архивного дела архивные работники не остались без центра научной архивной мысли, где разрабатывались архивные проблемы. С другой стороны, по их мнению, курсы шли ощупью и в порядке частной инициативы и явились своего рода отправной точкой для дальнейших занятий в области молодой русской архивной науки²³⁰.

Анализ содержательного наполнения учебного плана, составленного уже на 1921 г., показывает, что начался пересмотр характера подготовки архивистов. Главное внимание в нем предполагалось отвести истории и технике архивного дела, причем отсутствовало изучение западноевропейской архивной науки.

К сожалению, путь противопоставления “своего” и “чужого”, а не сопоставления, как это следует из основных постулатов классического архивоведения, вскоре привел науку об архивах в тупики “технологизма”, разорвав целостную прежде науку на три отдельные неравные части (историю, теорию и

практику архивного дела). Одним из первых негативных результатов такого противопоставления явилось то, что обещанное составителями сборника лекций, прочитанных на Архивных курсах, издание третьего и четвертого выпусков так и не было реализовано. Они выпустили только сильно урезанный в количественном и качественном отношениях сборник лекций, прочитанных шестью авторами (а их было более 20) по тематике зарубежных архивов, под названием “История архивного дела классической древности, в Западной Европе и на мусульманском Востоке” и специальное издание, в которое вошел курс лекций И.Л. Маяковского “Исторический очерк развития архивного дела в России”²³¹.

Для сравнения приведем названия лекций, которые, по свидетельству Черепнина, были включены в программу занятий, но не вошли в названные выше выпуски: “Устройство центрального и местного управления в Московском государстве XVII века” (акад. М.А. Дьяконов), “История центрального управления в России в XVIII и XIX веках и местного управления до вступления на престол Екатерины II”, “Губернский строй и Сенат в XIX веке и краткое понятие о министерствах” (И.А. Блинов), “Ведомство иностранных дел в России в XVIII веке и его делопроизводство” (проф. М.А. Полиевктов), “Ведомство иностранных дел в России в XIX веке и его делопроизводство” (проф. Б.Э. Нольде), “Сведения по палеографии” (В.Г. Дружинин), “Русская дипломатика частных актов” (акад. А.С. Лаппо-Данилевский), “Современная организация и постановка архивного дела в России” (А.С. Николаев), “Устройство и оборудование архивов” (проф. В.Л. Гофман), “Архивное помещение и его оборудование с точки зрения архивиста” (С.А. Розанов), “Главные моменты в работе над разборкой, систематизацией и хранением архивных материалов” (В.В. Снигирев), “Выделение архивных материалов, не подлежащих хранению” (В.Н. Кун), “Принципы и техника архивных передвижений” (Н.П. Черепнин), “Описи архивного материала” (Г.А. Князев), “Печатные описания архивных материалов” (В.Г. Дружинин), “Архивная статистика” (А.И. Лебедев), “Техника библиотечной работы” (Б.П. Гушин), “Основы музейного дела” (А.А. Миллер), “Архивная работа с точки зрения профессиональной гигиены” (А.А. Садов). Кроме того, практические занятия под общим руководством управляющего I отделением II секции И.А. Блинова в архивохранилищах проводили В.Н. Нечаев, П.И. Храбро-Василевский, проф. В.М. Гессен, В.Э. Фриш, П.П. Вишняков, В.В. Беллюстин, проф. В.Д. Плетнев, А.Н. Гассман, проф. Ф.А. Вальтер, Н.М. Тютрюмов, К.Я. Здравомыслов, Н.В. Жукович и А.Н. Макаров.

Мы сохранили авторское расположение предметов и имен лекторов, поскольку, по нашим наблюдениям, оно соответствует хронологическому порядку чтения лекционных курсов. По-видимому, оно было взято Черепнинным из официальной учебной программы. По нашему мнению, баланс исторических, теоретических и практических вопросов в таком виде соблюден в достаточной мере. Но от всего этого богатства осталась только один печатный выпуск. В него вошли следующие лекции: Г.Ф. Черетелли "Архивы классической древности (Греция и Рим)", О.А. Добиаш-Рожественской "История архивов романской Европы при старом порядке", Е.В. Тарле "Национальный архив в Париже", две лекции И.И. Любименко «Французская Школа архивистов "Ecole des Chartes"» и "Архивы Великобритании в их прошлом и настоящем", две лекции М.А. Полиевктова "Архивное дело в Германии и Австрии" и "Архивы Италии" и лекция В.В. Бартольда "Хранение документов в государствах мусульманского Востока". Только часть из прочитанного на курсах сегодня можно восстановить по архивным источникам. Нам это удалось только по отношению к наследию тех теоретиков-архивистов, которые непосредственно были связаны с темой данного исследования (А.С. Николаев, В.В. Смигирев, Г.А. Князев).

Справедливости ради нужно отметить, что выступления создателей курсов на их открытии были пронизаны духом уверенности в будущем и осознанием высокого, общенационального значения архивов и архивного дела. Именно на церемонии открытия курсов 31 августа 1918 г. С.Ф. Платонов произнес ставшую хрестоматийной фразу о том, что общий процесс разрушения, как это ни странно, животворящим образом отразился на архивном деле. Отсюда следовало его определение задачи курсов: сплотить архивных деятелей и историков для упорядочивания архивов, оживить архивную деятельность путем создания подготовленных теоретически архивных работников. И далее: "В наши дни архивное дело стремится построиться на прочном фундаменте, архивы, так долго находившиеся в состоянии некоторой запущенности, становятся на путь превращения в те *центры умственной жизни* (выделено нами. — Т. Х.), где чисто научная постановка восторжествует над ведомственным, чиновническим отношением к делу"²³².

Отметим, что Платонов отнюдь не связывает начало этого процесса ни с Февральской, ни с Октябрьской революциями. Он утверждает, что в момент, когда стали выясняться первые признаки научной деятельности архивов, нас застигло то, что называется русской революцией²³³. Трудно сейчас предполагать, на какую глубину уходили, по представлению Платоно-

ва, “первые признаки научной деятельности архивов”, хотя нельзя забывать, что впервые похожая мысль была сформулирована им еще в 1914 г. на съезде представителей ГУАК, о котором подробно рассказано в одном из разделов нашего исследования. Здесь же нас привлекает логически вытекающая из предыдущего тезиса формулировка. Из нее следует, что дело собирания и упорядочивания архивных материалов в 1918 г. приобретает качественно новые черты и должно рассматриваться почти как полновесная русская национальная идея. Приведем соответствующее высказывание С.Ф. Платонова дословно: “Это не только ведомственная или научная, но и крупная *национальная задача большой важности*”²³⁴.

Для того чтобы аргументировать наш тезис о том, что дело спасения архивов и привлечение ученых с мировой и общероссийской известностью к подготовке архивных кадров на университетском уровне действительно рассматривалось не только в Петрограде, но и в Москве как задача государственной важности, приведем программу Московских архивных курсов, которые открылись спустя два месяца после петроградских, в ноябре 1918 г.: “История центральных и местных учреждений России XV–XIX веков (проф. А.Н. Филиппов), “Историческая география России со времени образования Московского государства” (проф. М.К. Любавский), “Памятники русского права XV–XIX вв. в связи с их терминологией” (теоретический курс — проф. А.Н. Филиппов, практический — П.А. Беляев), “Обзор источников Русской истории. Памятники повествовательного характера” (С.В. Бахрушин), “Русское архивоведение. Курс исторических сведений о русских архивах и их составе” (проф. Ю.В. Готье), “Внешняя история русских архивов с XVI века” (проф. С.Б. Веселовский), “Иностранные архивы”: английские архивы (проф. А.Н. Савин), немецкие архивы (проф. Д.Н. Егоров), шведские архивы (проф. Ю.В. Готье), варшавские архивы (проф. Д.В. Цветаев). Кроме того, читались курсы “Дипломатика с добавлением сведений по сфрагистике и хронологии” (Е.А. Косминский, Н.Н. Ардашев, проф. Н.П. Лихачев), “Актный язык” и “Палеография” (акад. А.М. Соболевский), “Метрология и нумизматика” (А.В. Орешников) и два обзора археографии и изданий документов — соответственно иностранной (проф. Д.Н. Егоров) и русской (проф. А.И. Яковлев).

Никаких печатных изданий, к сожалению, Московские курсы после себя не оставили, а их материалы частично уничтожены, частично рассеяны по разным архивным фондам. Особенно тяжело сознавать утрату курса лекций под привлекающим внимание названием “Архивоведение”: 1) фактическая

постановка техники архивного дела на Западе и в России. Централизация архивов; 2) принципы научного архивоведения. Его автором обозначен в статье Н.П. Черепнина Н.В. Рождественский. Помимо курсов в Петрограде и в Москве лекции по архивному делу читались и в различных провинциальных центрах. Так, А.С. Николаев выступал с лекциями по архивному делу на учительских курсах в Новгороде, Ямбурге и Кронштадте, И.Л. Маяковский — в Вологде и Череповце, В.В. Снигирев — в Петрограде и Петрозаводске. Это была еще одна попытка сплотить все культурные силы страны вокруг идеи спасения памяти о прошлом своей страны и своего народа.

Уникальность попытки организации деятельности такого широкого масштаба состояла в том, что инициатива исходила, так сказать, снизу: российские учителя и другие представители местной интеллигенции сами обращались к архивистам с просьбой, как писал Черепнин, вооружить их практическими знаниями и поддержать в работе по спасению архивов на местах, а также по ведению пропаганды охраны архивов в сельской школе и среди взрослого населения²³⁵.

Этой работой практически руководили три человека: заведующий ГУАД Д.Б. Рязанов, заместитель комиссара по народному просвещению Северной области З.Г. Гринберг и А.С. Николаев. Если имена Д.Б. Рязанова и А.С. Николаева в историко-архивоведческой литературе достаточно известны, то имя З.Г. Гринберга осталось практически вне поля зрения историков-архивоведов. Между тем он стоял во главе практического осуществления всех мероприятий Петроградского отделения Главархива, включая справочно-статистический отдел, при котором была создана специальная комиссия в составе А.С. Николаева, А.И. Андреева, Г.С. Габаева, Н.В. Голицына, Д.Д. Зуева, А.И. Лебедева, Н.А. Пыпина и Н.П. Черепнина. Именно они разработали и вынесли важные вопросы архивной теории и практики на состоявшийся в начале 1919 г. в Петрограде съезд деятелей архивного, музейного и библиотечного дела, в котором самое активное участие принял учитель. З.Г. Гринберг был инициатором составления по результатам работы комиссии и направления во все местные отделы народного образования специальных циркуляров, в которых предлагалось принять меры по охране архивов, заполнить рассылаемую анкету об архивах, подготовить необходимый для съезда статистический материал²³⁶. О судьбе Гринберга мы нашли упоминание в документальной повести А. Борщаговского "Обвиняется кровь", основанной на изучении рассекреченного следственного дела Еврейского антифашистского комитета. Дело находилось на секретном хранении в архиве КГБ. Борщагов-

ский пишет: «Захар Григорьевич Гринберг, шестидесятилетний кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы АН СССР им. Горького по ложному навету попал в 1947 году в лефортовско-лубянскую мясорубку, долго держался, был бит, по любимому выражению Абакумова, “смертным боем” и наконец искалеченный умер 22 декабря 1949 года в тюрьме»²³⁷.

Пожалуй, это все, что мы знаем о человеке, который еще в 20-е годы, будучи совсем молодым, организовывал культурно-просветительскую жизнь, включая архивное дело, в Северной области России, т. е. в Петрограде и прилегающих к нему регионах страны.

Однако главная роль в организации подготовки архивистов в первые послереволюционные годы принадлежала *Александру Сергеевичу Николаеву* (1877 – не ранее 1934). Его биография и значение в становлении и развитии классической науки об архивах освещается нами впервые в отечественном историко-архивоведении.

А.С. Николаев родился в 1877 г. в Омске.

В 1895 г. закончил 5-ю Санкт-Петербургскую гимназию. Самыми ранними в личном фонде Николаева, хранящемся в ГАРФ (Ф. 7798. Д. 64), являются ведомости о его успеваемости, а также билет на право посещения рисовальной школы Российской академии художеств, что свидетельствует об одаренности гимназиста.

В 1896–1901 гг. учился на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета. В личном архиве²³⁸ сохранились свидетельства о начале его научной деятельности. Так, первой его работой, написанной еще в годы студенчества, было небольшое исследование литературоведческого характера “Игумен Даниил и его хождения во Святую Землю” Далее следуют “Несколько замечаний о истории текста, палеографических особенностях и языке Зографского Евангелия”, “О временах княжеских вечевых усаобиц. События на Руси от смерти Ярослава Мудрого до второй половины 12 века”, “Процесс выработки религиозных верований славян-язычников” и др.

Первой опубликованной работой А.С. Николаева является “Очерк развития русских путей сообщения до конца XVII века”, вошедший в составленный им в соавторстве с инженером путей сообщения С.М. Житковым “Краткий очерк развития водных и сухопутных сообщений и торговых портов в России”, изданный в честь 100-летия Министерства путей сообщения в 1898 г. Одна из частей очерка представляет собой переработанную студенческую работу под названием “Пути сообщения в Московской Руси в связи с потребностями государ-

ственной обороны и народно-хозяйственной жизни” (опыт историко-географического обзора московских путей сообщения в XVI–XVII вв.). Других опубликованных им работ на исторические темы нами не выявлено, хотя в личном фонде хранятся автографы его сочинений “Очерки истории русской торговли” (1905) и “Историческая справка о численности духовного сословия и о церковных доходах” (б. д.) и др.

После окончания в 1901 г. историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета некоторое время оставался на кафедре у профессора С.Ф. Платонова, затем преподавал историю и литературу в нескольких петербургских гимназиях.

Работу в архивной системе начал под руководством С.Ф. Платонова в архиве Министерства народного просвещения в 1902 г. В 1916 г. стал заведующим этим архивом.

Подготовил и издал несколько сборников по документам архива: “Московский университет и С.-Петербургский учебный округ в 1812 г.” (СПб., 1912), “Акты и документы, относящиеся к истории С.-Петербургского городского управления и г. С.-Петербурга в эпоху Отечественной войны” (т. 1. СПб., 1914), а также “Сообщения о последних днях жизни Льва Николаевича Толстого”, в которых излагалось содержание хранящихся в 4-й секции ЕГАФ цензурных дел о Л.Н. Толстом (Борьба классов. 1924. № 1, 2. С. 364; Дела и Дни. 1920. Кн. 1. С. 271). Кроме того, опубликовал “Запрещение по высочайшей резолюции академику Гамелю употреблять в пищу человеческое мясо”, “Цензурный отзыв о рассказах В.Г. Короленко” (Красный архив. 1922. № 1. С. 420–421), “М.Е. Салтыков-Щедрин и цензура” (Красный архив. 1923. № 8. С. 223–228), “А.И. Герцен и цензура в 1890 г.” (Красный архив. 1925. № 4, 5), “Национальные стремления поляков и их проявления в жизни школы” (автограф. Д. 16) и др. Под его редакцией и с его комментариями вышли два тома “Описания дел архива Министерства народного просвещения” (Пг., 1917 и 1920).

После Февральской революции Николаев — активнейший член Союза российских архивных деятелей.

В первые годы советской власти один из создателей и первых руководящих работников Главного управления архивным делом и страстный пропагандист архивной реформы.

В эмигрантском журнале “Новая русская книга”²³⁹ его бывший ближайший соратник по Союзу РАД, автор трудов по внешнеполитической истории России XVI–XVIII вв., ученик С.Ф. Платонова, историк и археограф профессор М.А. Полиевктов (1872–1942) справедливо назвал Николаева душой всей реформы.

Николаев был не мозгом, и даже не сердцем, а именно душой — взрослым романтиком, вечно стремящимся куда-то поверх неудобной правды, неприглядных будней, недостатка поддержки и элементарного понимания со стороны властей.

В июле 1918 г. его избрали председателем совещания управляющих петроградскими отделениями секций ЕГАФ — коллегиального совещательного органа при ГУАД, — которое координировало и разрабатывало законодательные, методические и научно-технические вопросы архивного дела²⁴⁰.

Некоторое время он возглавлял петроградское отделение справочно-статистического отдела Главархива, который оказывал огромное влияние на реализацию идей классического архивоведения. В связи с недостаточным освещением в историко-архивоведческой литературе функций отдела²⁴¹ приведем краткую характеристику его задач и структуры.

Сформировавшийся осенью справочно-статистический отдел ГУАД разработал формы опросных анкет, которые рассылались по всем архивохранилищам. Отдел состоял из трех подразделов: русский, иностранный и библиотечный. Согласно положению русский подраздел: а) собирает, проверяет и обрабатывает данные об архивных фондах и о постановке всех сторон архивного дела, поступающие из отделений ГАФ, б) собирает и обрабатывает сведения о тех архивах, которые либо временно не вошли в ЕГАФ, либо вообще не подлежат включению в него, представляя собой, однако, научно-историческую ценность или имея особый общественный интерес (частные, фамильные и т. п. фонды), в) собирает путем обследования книгохранилищ и изучения соответствующих изданий, приобретаемых от архивов, а также от исторических и археологических обществ и учреждений, русскую библиографию, освещающую разные стороны постановки архивного дела в России²⁴².

На основании всех собранных, проверенных и обработанных данных справочно-статистический отдел

1) создает подвижные и непрерывно пополняемые карточные указатели,

2) составляет археографические карты, картограммы и диаграммы,

3) готовит к печати статистические справочники, ежегодники и материалы, а также Общий справочник по организации и составу ГАФ и Руководство по архивной технике²⁴³.

Аналогичные во многом задачи возлагались на иностранный подраздел, но, помимо подбора общей библиографии по архивному делу на иностранных языках, он занимался также подбором и регистрацией иностранного законодательного материала по организации архивов в целях обслуживания необхо-

димыми справками работающих при ГУАД комиссий²⁴⁴. Руководящая работа в этом своеобразном петроградском научно-организационном “штабе” во многом способствовала тому, что А.С. Николаев после революции стал архивным деятелем всероссийского масштаба. Не замыкаясь в рамках Петрограда, что было свойственно коренным жителям северной столицы в первые послереволюционные годы, он сыграл активную роль в организации Совещания управляющих московскими отделениями секций ЕГАФ. Так, в протоколе от 20 декабря 1918 г. содержатся выступления Николаева перед московскими архивистами о задачах и деятельности петроградского Совещания управляющих. В результате его избрали в состав комиссии для выработки положения о московском Совещании управляющих²⁴⁵. В других делах его личного фонда отложились копии протоколов совещаний архивных и музейных деятелей Москвы, профессоров и преподавателей Московского университета, обсуждавших декрет от 1 июня, а также объявления об открытии в ноябре 1918 г. московских Архивных курсов²⁴⁶. Кроме того, он неоднократно выезжал в провинцию с лекциями по архивному делу. В частности, в Новгороде прочитал летом 1919 г. семь лекций по архивному делу и провел несколько практических занятий по архивоведению, в ходе которых в шкафах местного музея были выявлены архив Аракчеева и несколько дел Сенатского департамента²⁴⁷.

В статье “Реформа архивного дела в России” А.С. Николаев так писал об этом периоде: “Работа в провинции много сложнее работы в центрах... Горят города и деревни, передвигаются и перемещаются учреждения, выбрасываются и уничтожаются архивные фонды... Многие прежние деятели архивных комиссий оказались выброшенными за борт современной жизни и лишены возможности работать. На помощь ГУАД идут на местах новые люди и молодые только что возникшие учреждения.

Это отделы народного образования.

Задачей Главного управления в провинции, задачей неотложной является привлечение к своему делу новых работников, новых учреждений и возрождение к обыкновенной работе тех прежних учреждений, которые носят в себе задатки жизни, которые не отпали от архивного дерева, как отсохшие ветки”²⁴⁸.

С характерной для него категоричностью Николаев здесь же заявляет, что строить приходилось буквально на пустом месте: “Прошрое не оставило никакой общей организации в постановке архивного дела... Первоначально предполагалось распределить страну на ряд отдельных областных управлений, из которых каждое должно ведать архивные фонды своей области.

Наметились пределы двух областей (Северной, охватывающей 11 губерний... и Московской, охватывающей пределы 14 губерний... В дальнейшем центрами областей намечены были Казань, Пермь и Саратов. Но опыт показал чрезмерную громоздкость подобной организации. Главное управление пришло к выводу, что более правильной должна быть иная постановка дела. В основе управления архивным делом на местах должна быть положена организация *губернских архивных фондов* (выделено нами. — Т. Х.), сконцентрированных в порядке заведования ими к одному центральному хранилищу местных архивных материалов — губернскому архиву. Разработка рациональной организации и постановка архивного дела в провинции с привлечением местных культурных сил — очередная задача ГУАД”²⁴⁹.

Вряд ли автор этого плана не знал, что сплочение всех культурных сил провинции вокруг идеи создания губернских архивов было провозглашено как программа деятельности ГУАК еще в конце XIX — начале XX в., например на Всероссийском съезде губернских представителей в 1914 г. Но А.С. Николаев все свел к декрету от 1.06.1918 г., оказавшему “революционное воздействие” на архивное дело. В этом отношении он был прагматик, хотя и действовал с самыми благородными целями. Объективно же вся научно-организационная деятельность ученого-архивиста свидетельствует о его принадлежности к архивоведению нового типа, который мы называем интегральным и который родился на этапе развития классической науки об архивах.

Лучше всего это подтверждает не историко-публицистическая, а учебно-педагогическая деятельность А.С. Николаева. В 1918–1919 гг. он, как уже было сказано, возглавил первые в России Архивные курсы при Петроградском археологическом институте. По его свидетельству, петроградские курсы привлекли много желающих: записалось до 300 слушателей. “Курс (так в тексте. — Т. Х.) распадается на следующие специальные дисциплины: *архивоведение* (теория и практика архивного дела), *архивоведение* (история и законодательство архивного дела на Западе и в России), история учреждений центральных и местных с конца 17-го века, дипломатика государственных и частных актов”²⁵⁰. Позднее он дал ряд других определений архивоведения, которые будут проанализированы ниже.

В фонде А.С. Николаева отложилась копия отношения директора Петроградского археологического института к заведующему ГУАД Д.Б. Рязанову от 19 августа 1918 г., в котором говорится о необходимости организации курсов и решении совета института поручить их организацию управляющему I отде-

ления IV секции А.С. Николаеву. Как явствует из документа, первым дал согласие прочитать на курсах лекцию по истории архивного дела на Западе профессор Е.В. Тарле²⁵¹.

Согласно проекту учебной программы А.С. Николаев должен был прочитать курс лекций на тему “Архивная жизнь, задачи, условия и особенности архивной службы” (впоследствии название его курса лекций будет постоянно меняться).

В фонде ГАРФ²⁵² нами выявлены семь лекций (за исключением первой, она была напечатана в качестве речи при открытии курсов 31 августа 1918 г.), которые не вошли в изданные в 1920 г. сборники лекций, прочитанных на курсах в 1918 г. В первой, программной речи-лекции А.С. Николаев, по существу, изложил свое видение всей истории архивного дела в России. Начало ее он связывал с декретом от 1 июня 1918 г., а весь предыдущий период в отличие от А.Е. Преснякова и С.Ф. Платонова рисовал только мрачными красками. В свойственной ему эмоционально-образной манере он даже достижения в архивном деле последних дореволюционных лет сумел преподнести как результат ожесточенной борьбы архивистов против официальных властей. Об успешном начале работ над описанием архива Министерства народного просвещения в 1912 г. он говорил так: “После долгой работы, подчас совершенно бесплодной, после бесконечных одиночных индивидуальных усилий как-нибудь улучшить постановку дела и изыскать нужные на это средства, одному из петроградских архивов, например, всего лишь 4 года назад удалось, с помощью проф. С.Ф. Платонова, добыть необходимые средства для упорядочения и научного описания хранящихся в нем архивных материалов, организовать для этой цели трудовую дружину, которая, не боясь грязи и пыли, при невероятных внешних условиях работы, не только систематизирует наличный инвентарь, но и планомерно пополняет его, притягивая к себе родственные фонды из утрачивающих свое обособленное существование мелких архивов. Подобные переживания хорошо знакомы бывшим архивам: Народного просвещения, Сенатскому и Морскому”²⁵³.

Отметим характерную для стиля Николаева особенность. Он говорил так, что непонятно, к какому периоду времени относится рассказ — к годам, когда он (в 1902 г.) впервые перешагнул порог архива в 25-летнем возрасте или когда он уже 40-летним заведующим архива Министерства народного просвещения встретил обе революции: “Человек, которого университет научил любить документы, понимать их ценность, попадая в архив, сразу чувствовал безмерную пропасть между тем, что говорилось в университете, и тем, что находил он в жизни”²⁵⁴.

Здесь речь идет о ведомственных архивах царского времени, когда, по словам И.Л. Маяковского, архивная служба была просто синекурой и о профессиональной творческой работе, об улучшении порядков архива не приходилось и думать²⁵⁵.

По воспоминаниям Л.И. Полянской, которая в январе 1917 г. в составе небольшой группы студентов Петроградского университета попала в архив Министерства народного просвещения для участия в работе по описанию документов XVIII в., А.С. Николаев часто приводил им в качестве примера неправильного отношения к архивам слова своего предшественника на посту начальника этого архива Н.П. Барсукова. «Барсуков, — вспоминал его преемник А.С. Николаев, — любил называть архив кладбищем, а себя кладбищенским протоиереем. Он хотел этим подчеркнуть, что в архиве навсегда похоронены и скрыты от людей мечты, надежды и стремления многих поколений. Он считал, что ведомственный архив должен свято хранить от посторонних содержащиеся в нем тайны»²⁵⁶. Тем не менее именно в архиве Министерства народного просвещения, причем еще при Барсукове, Николаев свободно работал вместе с С.Ф. Платоновым, И.Л. Маяковским, В.В. Снигиревым и другими архивистами.

Характерное для А.С. Николаева 1918–1919 гг. демонстративно-публицистическое отрицание архивного дела прошлого напоминает неслыханность Д.Я. Самоквасова и его доктрину полного «архивного нестроения» в России, хотя такая резкость продиктована вполне благородной целью — показать революционное значение декрета от 1 июня 1918 г., который, по его искреннему убеждению, открыл новую эру в истории архивного дела. Так, в выявленной нами лекции 1918 г., текст которой составлен по горячим следам, после опубликования в № 116 «Московских известий» от 8 июня 1918 г. декрета о реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР, он пишет:

«Личный состав ведомственного архива — тоже склад людей, потерявших свою ценность для чиновничьей жизни, людей, вышедших в тираж, которым нужно выбросить кусок хлеба, чтобы дать возможность доживать свою жизнь. Иногда в архив назначают как его руководителя лицо, которому нужно существовать, нужно дать заработок... Всякая попытка со стороны архивных служащих (а эти попытки при убогом их состоянии были, конечно, очень редки) оживить нормальную жизнь архива, встречала беспощадный отказ...»²⁵⁷.

И далее он излагает свое видение новых архивов, точнее, свою мечту о них: «Что же такое ЕГАФ?

Это архив народа... это комплекс архивных фондов, созидавшихся на разных корнях, вращающихся около разных стержней...

Нельзя не приветствовать горячо ликвидацию ведомственных архивов.

Отойдет в область преданий канцелярский архив.

Не будет этих посылок в архив за трафаретными справками, губящими живую мысль, живое дело.

Отойдут в область преданий начальники архивов, занимавшие места как определенную синекуру.

Не будет этих бессмысленных складов бумажных кип без всякой системы и порядка.

Ликвидация ведомственных архивов идет навстречу созданию чего-то нового.

Ученый в новом архиве, создающемся на месте ведомственного, будет и должен быть не только желанным и дорогим гостем, но постоянным жильцом, об удобствах которого особенно горячо заботятся рачительные хозяева...

...Можно отделить в личности те грани, которыми определяется граница работника и строителя индивидуального, общественного и государственного.

В широком смысле этого слова объем понятия ЕГАФ состоит из комплекса архивов частных и отдельных лиц, разных групп, разных учреждений.

Список, конечно, далеко не исчерпывающий всех архивов, приведенных в отд. II кн. I тома I "Опыта русской историографии" В.С. Иконникова, есть в ЕГАФ. Правительственные центральные архивы, архивы губерний, областей, городов, войсковые, сословные, епархиальные, монастырские и церковные архивы, раскольниковские собрания рукописей, архивы римско-католической церкви и протестантских обществ в России, архивы духовных академий, духовных семинарий и училищ, рукописные собрания Эрмитажа, дворцовых библиотек, Публичной библиотеки, Московской публичной и Румянцевского музея, рукописные собрания местных публичных библиотек и т. д., и т. д. — все это архивы, входящие в ЕГАФ.

Итак, все то, что отлагается как *письменный памятник деятельности отдельных индивидуумов, составляющих в совокупности своей цельный, большой, единый организм* (выделено нами. — Т. Х. Это один из главных постулатов классического архивоведения, созданного А.С. Лаппо-Данилевским), творящий новую жизнь, разрушающий и созидающий, входит в содержание понятия Единого ГАФ...

Нет более отдельных не связанных между собой, не связанных единством, разъединенных сепаратизмом, взаимной ненавистью и несогласованностью отдельных частей. <...>

Таких отдельных частей больше нет.

На месте их вырастает единое, стройное, спаянное в частях, объединенное внутренним единством, широко открытое для служителей науки, для ищущих истины, строящих новую жизнь. Вот смысл Единого государственного архивного фонда как нового понятия»²⁵⁸.

С нашей точки зрения, в этих словах Николаева изложена архивная доктрина, которая является вкладом отечественного классического архивоведения в мировую науку об архивах. Она зиждется на целостно-духовном осмыслении даже такого, казалось бы, узкого понятия, как “архивы”. Без проникновения в смысл этой доктрины, выступающей в первые послереволюционные годы как часть общенациональной русской идеи, невозможно объективно оценить пафос рассуждений Николаева и его единомышленников.

В своей речи на открытии курсов он снова возвратился к рассказу о том, как абсолютно все, включая даже человеческое общение, было одинаково плохо во всех дореволюционных архивах:

“Положение человека, пришедшего в архив, было невероятно тяжелым и, предоставленный самому себе, он легко мог потеряться. Университет дал любовь к документу, но не научил, как с этим документом обращаться. Были, правда, кое-какие алфавиты и описи, но канцелярский чиновник, всю жизнь простоявший около них, обыкновенно сознательно не хотел дать хотя бы самых необходимых пояснений относительно пользования ими новому человеку, понимая, что этим самым в значительной степени уничтожается его собственная ценность” Но тут же излагается и прямо противоположная мысль, что так свойственно эмоциональному Николаеву: “...перед человеком, овладевшим архивом, вставала новая мучительная мысль: уйди или умри он, — и опять не будет никого, кто знал бы архив и сумел идти дальше по проложенному пути”²⁵⁹.

Выход из этой мучительной коллизии, по его мнению, найден только теперь, после создания Архивных курсов. Но затем, отвлекаясь от навязчивого желания противопоставить архивистов прошлого и архивистов настоящего времени, он формулирует своего рода личное кредо и одновременно принцип классического архивоведения, на котором была построена деятельность всех отечественных архивистов периода реформ и социальных потрясений: “Нужно, чтобы решительно всякий из архивных деятелей был обеспокоен тем святым беспокойством, которое одно дает возможность сколько-нибудь удачно разрешать вопросы, связанные с текущей жизнью каждого отдельного архива. Нужно, чтобы пришедший сюда архивист внутренне сознавал себя необходимым звеном в общей работе, объяснил

себе значительность того дела, которое он делает... Хотелось бы, чтобы каждый служащий понимал, что в архивном деле нет мелочей”²⁶⁰.

В таком возвышенном стиле он объяснял и конкретные цели курсов: “Цель курсов — *расширить архивный кругозор слушателей*. Огонь святого беспокойства, умение найти свое место в общей цепи всех архивных служащих — вот что должны дать курсы. Цель их — не только сообщить известные знания: они должны будить, если можно так выразиться, *архивную душу человека*”²⁶¹ (здесь и выше выделено нами. — Т. Х.).

Понятия “архивный кругозор” и “архивная душа человека” — типичный атрибут понимания архивного дела как *служения* на благо России и всего человечества, свойственные гуманитарному подходу к архивам, архивисту и архивному делу в рамках целостного, классического архивоведения. Впрочем, сам Николаев, по-видимому, не полностью осознавал это, механически разделяя идейное и практическое наполнение содержания науки об архивах в своем изложении архивоведения как учебной дисциплины. Отсюда его традиционное определение двухсоставного понятия архивной науки, которое он излагает в “четырёх горизонтальных плоскостях”:

“I. *Архивоведение* (через два “ятя” — Т. Х.).

Курс *архивоведения* коснется вопросов о документах и их составе, о помещении, в которых хранятся последние, и о результате архивных работ, которые выражаются в издании разного рода описей, научных описаний дел или опубликовании подлинных документов” И обязательное примечание Николаева: “Говоря о постановке архивного дела в России, придется — увы! — больше говорить о том, как не должно ставить этого дела, как много в нем спорного и неясного, как часто приходится идти ошупью”²⁶².

Отметим характерную особенность взглядов Николаева периода 1918–1919 гг.: он дает свои определения и оценки так, будто и не было проектов реформ Калачова и Самоковсасова, учебных пособий Зубарева и Андреевского, которые напоминают по букве и духу программные заявления Николаева, наконец, аналогичных деклараций Лебедева и работ других соратников по Союзу РАД.

Далее он пишет:

“II. *Архивоведение*.

Курс *архивоведения* особенно тяжел и труден в силу того переходного состояния, в котором находится в данный момент само архивное дело.

Курс *архивоведения* познакомит слушателей с декретом 1 июня 1918 г., остановится на выяснении понятий единого го-

сударственного архивного фонда, секции, отделения, категорий служащих (архивариус, архивист) и т. п.”²⁶³.

Николаев видел в реорганизации архивного дела источник принципиально нового подхода к пониманию термина, который раньше однозначно сводился к практической стороне архивного дела. Парадоксально, но архивоведение в толковании Николаева после отказа, например, от секционного деления, которое последует вскоре, от категориального деления архивных кадров и, наконец, от более узкого толкования ЕГАФ полностью теряет приданное ему содержательное наполнение. Остается только то, что было присуще архивоведению со времен Калачова. Так, он писал, что в курсе архивоведения приводятся сведения по техническим вопросам устройства и оборудования архивных помещений (как мы помним, этот же пункт он относит к архивоведению, различая таким образом проблему архитектуры здания и внутренних интерьеров), информация о том, каким образом приводить в порядок вновь поступающие документы, оберегать их от пыли, сырости и других вредных влияний, как выдавать справки, относящиеся к этим документам, как готовить их для научной обработки. Далее почему-то в этот же раздел он помещает особый курс, касающийся вопросов архивной гигиены, а также технологических основ библиотковедения и музееведения.

Следуя своей схеме изложения в “четыре горизонтальных плоскостях”, он добавляет в курс лекций по архивоведению еще два раздела: “История центральных и областных учреждений России с XVI века” и “Дипломатика государственных и частных актов” (этот курс согласился прочитать А.С. Лаппо-Данилевский).

А.С. Николаев заключает свой обзор целей и задач курса словами, которые в афористичной форме передают суть его социально-культурного, этического и учебно-педагогического кредо: “Все эти занятия дадут лиц с расширенным архивным горизонтом и надлежаще подготовленных работников.

Последние уже не будут разрозненными единицами, которые вынуждены ощупью делать свое дело, но спаянной общими знаниями и методами работы дружной семьей...

Архивисты всегда (! — отметим эту неожиданно вырвавшуюся у Николаева оговорку. — Т. Х.), а в особенности в настоящее время, делают огромное культурное дело”

И далее вдруг следует реминисценция давних слов Н.П. Барсукова, правда, наполненных новым, духовным, содержанием в стиле Лаппо-Данилевского: “Каждый архив — кладбище, где хоронятся чувства, помыслы человека. Многие

бесследно исчезает, умирает, но мысль, творчество, традиция, искание правды никогда не умрут.

Да будут наши архивы лабораториями научной работы, снабженными хорошими профессорами и лаборантами, где будет преследоваться одна великая цель — искать и находить Истину”²⁶⁴.

Анализ цикла лекций, выявленных нами в ГАРФ²⁶⁵, показывает, что в учебно-педагогической практике Николаев следовал более широкому толкованию архивоведения, чем это было изложено им во вступительной лекции.

Вторая лекция, датированная 2 сентября, открывается знаменательными словами, которые полностью отвечают идее, лежащей в основе новой науки об архивах и архивной службе.

“Задача предстоящих бесед (примечательно избранное Николаевым название жанра своего лекционного курса. — Т. Х.) — выяснить, *как должна строиться Архивная служба*.

Об Архиве мы будем говорить, как о живом организме, об архивных служащих, как о составных частях этого организма.

В связи с этим мы коснемся вопроса об архивной морали, на которой строятся отношения служащих различных категорий, скажем об обязанности и связанной с ней ответственности, которые лежат на каждом из них.

Выяснив таким образом внутреннюю структуру Архива как органического целого, мы тем самым достигнем намеченной цели чисто практического характера: окунуть слушателя во всю сложность и своеобразность архивной жизни в данный трудный момент, дать ему возможность ориентироваться в том новом строительстве, которое ведется, поделиться с ним знанием приобретенного из долгого опыта и непосредственного участия в реорганизации архивного дела”²⁶⁶.

Далее в лекции говорится, что если раньше главной задачей архива являлась выдача ведомственных справок, то теперь наряду с выдачей ведомственных справок стоит задача, имевшая раньше лишь второстепенное значение, — возможно лучше обслужить ученого исследователя, помочь ему разобраться в архивном материале, дать все необходимые справки. Затем без всякого логического перехода следует утверждение, что сейчас в архивы “со всех сторон вливаются моря новых дел... поэтому мы совершим преступление, если разобьем прежний фонд, внесем в приемку свой порядок. Это будет непоправимым злом как для выдачи справок, так и для работ будущего ученого” После подробного рассказа о том, как составлять описи, заголовки и формировать дела из принятых документов, Николаев завершает вторую лекцию настоятельным призывом: нужно принять всю эту бесформенную массу, которую никто не сдает

(в официальном порядке. — Т. X.), которая не имеет описей. Но, принимая дела, не следует упускать из виду основную задачу всякого архивиста: *восстановить и поддержать целостность архивного фонда*²⁶⁷.

Третья лекция А.С. Николаева, датированная 4 сентября, целиком посвящена теме “Что такое *архивный фонд*” Он сразу указывает, что не берет на себя разрешение этой нелегкой задачи, но постарается лишь дать почувствовать, чем является архивный фонд, показать, как он растет на корню, показать, как необходимо сохранять целостность фонда. Понятие архивного фонда крайне растяжимо и зачастую разными лицами употребляется в разном смысле. Много придется положить труда, чтобы создать новую, более точную терминологию. Постараемся на конкретном примере уловить дух того, что мы обозначаем этим термином²⁶⁸.

Пример, который привел Николаев, отражает сущность гуманитарного характера классического архивоведения: “Если я умру, то лицо, заинтересовавшееся мною, по моим бумагам получит ясное представление не только о том, что я знал, что делал, с какими людьми входил в сношение, но и представление о всей моей личности вообще. Совокупность этих бумаг составила бы определенный архивный фонд, касающийся данной личности. Предположим теперь, что перед нами уже не одна личность, а целая семья... Такой же фонд может иметь и род.

Переходим теперь от личности к учреждению... **АРХИВНЫМ ФОНДОМ** мы, следовательно, называем известную сумму бумаг, систематизированных и приведенных в порядок, касающихся семьи, рода, учреждения, всего Государства”²⁶⁹. С нашей точки зрения, это блестящее, но построенное исключительно на интуиции определение того, что мы сегодня называем *единым архивно-информационным пространством* в рамках цивилизационного подхода.

После подробного рассказа о том, как формируется фонд на уровне каждого ведомства и учреждения, Николаев подчеркивает, что изучать дело можно только на общем фоне истории его возникновения и разрушения. В его рассуждениях отсутствуют понятия “коллекция”, “фондообразователь”, “принцип недробности фонда”, “провениенцпринцип”, “предметно-тематический принцип” и ряд других, большинство из которых (кроме “фондообразователь”) уже присутствовали и в западном, и в отечественном архивоведении. Разъясняя, что такое фонд, А.С. Николаев исходит главным образом из интересов пользователя, которого должен обслужить архивист. При этом очень интересны его личные советы и наблюдения. Так, касаясь архива Министерства народного просвещения, он указывает, что среди дел, относя-

щихся к “общим вопросам”, находятся синенькие конверты с надписью “секретно”, “в частные руки”, сделанной иногда женской рукой. Николаев отмечает, что нельзя пройти без внимания мимо этих, казалось бы, мелочей, ибо в них иногда скрывается ключ к пониманию крупных событий: вся политика, например, министерства Делянова может быть понята только в связи с внимательным изучением подобной частной переписки²⁷⁰.

Заключительный раздел лекции о фондах имеет основополагающее значение для оценки вклада А.С. Николаева в классическое архивоведение как науку, поэтому приведем его полностью:

“Подводим итоги.

Нельзя вырвать из фонда какое-нибудь дело и изучать его само по себе. Нужно дать себе точный отчет в том, где оно зародилось, где, как и при каких условиях составилось, какое место занимало в данном фонде.

Имеем ли мы одно какое-нибудь дело или груду дел — мы ни в коем случае не должны придумывать собственную систему, нарушающую цельность фонда.

Тем, кто слишком усердствует в этом отношении и вносит свои собственные, непродуманные системы в дело разборки и приведения в порядок архивных дел, не должно быть места в архиве.

Альфа и омега архивного дела — понимание, что такое архивный фонд, и неусыпное охранение целостности этого фонда”²⁷¹. Жаль, что такая формулировка не внесена в современные учебники по архивоведению. С нашей точки зрения, в них заключена альфа и омега всей современной науки об архивах.

Четвертая лекция (от 6.09.1918 г.) посвящена вопросу о том, как привести в стройный порядок несистематизированные дела, поступающие в архив. По-видимому, эта тема не очень интересовала Николаева. Изложив несколько технических правил, известных каждому опытному канцеляристу, он неожиданно предлагает детально проанализировать декрет от 1 июня 1918 г.²⁷². Прочитывая и подробно прокомментировав все 12 статей декрета, он сообщает, что при разработке положения об образовании ЕГАФ в комиссии, в которую вошли целый ряд видных русских историков (акад. А.С. Лаппо-Данилевский, акад. М.А. Дьяконов, профессора А.Е. Пресняков и М.А. Полиевктов и др.) и архивистов, “страстно дебатировался вопрос: по какому принципу должно было построено русское архивное дело?

Тут высказывались две различные точки зрения, и этот вопрос не является до сих пор вполне исчерпанным и в принципиальном отношении разрешенным.

Соперничающими между собой принципами являются принцип *логический* и принцип *исторический*.

В основу построения Единого государственного архивного фонда с его секциями и отделениями ложится принцип *логический*, в противоположность прежним архивам, сложившимся *исторически*²⁷³.

Здесь Николаев, на наш взгляд, высказал мысль, которую в глубине души понимали и понимают все отечественные историки архивного дела советского периода, но, кажется, никто еще не высказал ее вслух. Действительно, громоздкое и непонятное посекционное деление сложившихся архивов по “французской” схеме причинило в первые послереволюционные годы массу неудобств архивистам в центре и особенно на местах. Но здесь сработал инстинкт самосохранения архивов (или, что то же самое, их саморазвития) — принцип секционности существовал только виртуально, на уровне распределения кадров, но почти не затрагивал физического состояния архивных фондов, а вскоре и вовсе был отменен. Об этом же говорит и А.С. Николаев, успокаивая своих слушателей, что лиц, отстаивающих точку зрения Единого государственного архивного фонда, не страшит мысль, что исторические функции архива могут оказаться нарушенными. Пока секция — нечто реально не существующее, объединенное лишь в отношении живой рабочей силы личного состава. Чем-то реальным пока является только отделение, [каждое из которых] ведает своим фондом. Не только секции единого фонда, но и различные отделения одной секции разбросаны в разных помещениях и мечта собрать их под единой крышей пока еще является несуществимой²⁷⁴.

Подробно характеризуя затем задачи и реальную работу каждой из секций и отделений ЕГАФ, он особо выделяет деятельность II отделения III секции, которой, как мы указывали ранее, заведует А.И. Лебедев — инициатор создания Союза РАД и создатель Кружка архивных работников им. А.С. Лаппо-Данилевского. Обращает на себя внимание признаваемый, но никак не комментируемый Николаевым факт, что работы по реорганизации этого архива были начаты его служащими задолго до принятия декрета от 1 июня. Научная добросовестность Николаева не позволяет ему отрицать этого очевидного факта, но идейная установка мешает придавать ему принципиальное значение. Не упоминая имени Лебедева, он говорит: “Что касается этого отделения — бывшего Морского архива, то приходится сказать, что это — то почтенное учреждение, которое в значительной степени успело опередить все остальные отделения в той работе по концентрации материала, которая, благодаря

энергии руководителя и служащих, была начата еще до декрета от 1 июня 1918 г.

В Морском архиве (называвшемся прежде Центральным морским архивом) уяснилась мысль, что Морским архивом должны быть собраны все материалы, разбросанные по России, которые характеризуют морское дело. Был разработан широкий план, привлечен большой штат работников — свыше 100 человек, началась большая работа, приведшая к большим результатам.

Морским архивом было положено основание собиранию фамильных частных архивов.

Тут мы коснемся мелкого своеобразного вопроса, который архивист должен себе уяснить.

Порядок управления у нас в сильной степени зависит от склада людей, работающих у нас в стране: у нас не умеют ограничить служебное положение человека от его личности.

Одно сливается с другим.

Подобно тому, как в служебные отношения врывается момент личный, так и в интимную жизнь могут проникать служебные интересы, — так в личной переписке может отстаиваться казенное дело.

Вот отчего использование фамильных архивов представляется большим и важным делом, и Морской архив в этом смысле может служить прекрасным примером”²⁷⁵.

Отметим научную прозорливость А.С. Николаева: сегодня этот “мелкий своеобразный вопрос”, касающийся комплектования архивов фондами личного происхождения, стал одним из главных теоретических и практических вопросов архивного дела. Очевидно, в этом сказалась близость характера двух эпох, когда на первый план вновь, как и в 1918 г., выходит система отношений личность—общество—государство.

Общий вывод Николаева: во всех случаях, когда речь заходит о перераспределении фондов между отделениями, следует поступать с чрезвычайной осторожностью. Вот почему этот вопрос, по его мнению, следует рассматривать в совете ГУАД.

Следующая лекция посвящена построению отделений в Москве. Хочется отметить следующий факт: после всех страстных обвинений в адрес дореволюционных архивов Николаев констатирует, что Архив Министерства иностранных дел на Воздвиженке — образцовый архив, который находится в идеальном порядке. Более сдержанно, но тоже высоко он оценивает состояние МАМЮ и Лефортовского архива. С точки зрения истории архивного дела мы полагаем целесообразным процитировать одно интересное, хотя и “попутное”, замечание А.С. Николаева: “Говоря о Московских дворцовых архивах,

сделаем одно важное обобщение: из-за чего пострадал архив? Пострадал он из-за чисто случайного обстоятельства, а именно: при первой эвакуации приготовлен был для перевозки архива ряд деревянных ящиков. Под видом архивного имущества в этих ящиках отправлено было несколько сортов дорогого вина. По городу пошли об этом слухи, и архив, естественно, пострадал. Вот почему, когда обращаются с просьбой поставить в архив для сохранения что-либо не относящееся к архиву, должно быть очень осторожным, понимая, что вы берете на себя тяжелую ответственность”²⁷⁶. Касаясь в этой же лекции вопроса о работе в провинции, он отказывается от прежнего радикального отрицания всего полезного, что было в дореволюционном архивном деле, выступая, скорее, с позиций уважения традиций: “В провинции работа только нащупывается. Знаменательны в этом отношении губернские архивные комиссии. Сейчас эти органы находятся в неопределенном отношении, они даже не имеют попечительства, которое давало бы им средства, необходимые им для работы. Во всяком случае, они оказывают нам большую пользу... Итак, работа в провинциальных центрах уже начинается. Рассмотрим, в каком направлении должна идти работа, что она должна дать и что уже дала... Надо думать, что со временем каждый губернский город будет иметь центральный архивный бассейн, куда стекаться будут слои дел, накопившихся во всей данной области”²⁷⁷.

Отметим, что даже такая оценка роли ГУАК потребовала от А.С. Николаева определенного мужества. Дело в том, что собравшийся 11 июня 1919 г. съезд губернских уполномоченных Главархива был позднее назван В.В. Максakovым съездом, на котором преобладали “антисоветски настроенные элементы”²⁷⁸.

Как вспоминал один из современников тех событий, декреты советской власти, включая подписанный В.И. Лениным декрет “О губернских архивных фондах”, “лежали в разрозненных экземплярах беспомощной кучей, а жизнь текла своим чередом по воле и желанию власти на местах... Люди, интересовавшиеся декретами и проводившие параллель между ними и действительностью, ничего не понимали, да ничего и нельзя было понять, так как Россия напоминала собой опрокинутое решето раков, куда-то лезущих и ущемляющих друг друга”²⁷⁹. Об этом же говорил в своем докладе на съезде и старший инспектор Главархива А.Ф. Изюмов: «Все декреты и постановления проходили для провинции малозамеченными... Главной причиной, часто тормозящей успех работы, было недоверие со стороны властей... При наведении служебных справок заурядным ответом бывало: “Не ваше дело!”... От представителей губ-

исполкомов приходилось выслушивать слова о ненужности национальных архивов в то время, когда проводится интернационализм»²⁸⁰. Если такое отношение было к представителям Главархива, то нетрудно представить себе отношение к местным деятелям созданных еще в старорежимное время ученых архивных комиссий.

Типичным для тех лет является протокольная запись, сделанная на одном из заседаний коллегии ГУАД (с ноября 1918 г. в ее состав входили Д.Б. Рязанов, В.Н. Сторожев, М.К. Любавский, С.Б. Веселовский и А.М. Полянский. — Т. X.) и датированная декабрем 1918 г.: «Архивариус П.С. Шереметев сообщает, что, хотя им исполнено все ему порученное, но доклада он представить не может ввиду ареста... Согласно телефонным переговорам тов. Каменева с В.Ч.К. П.С. Шереметев увольнению не подлежит. *Постановили:* Принять к сведению»²⁸¹. Эти и подобные факты обсуждались на «антисоветском» съезде губернских уполномоченных. Поэтому представляется вполне логичным переход Николаева в лекции от оценки положения на местах к вопросу о задачах Главного управления архивным делом.

Задачей первостепенной важности он называет создание правовой базы архивного дела: «Прежде всего — у нас нет никакого **АРХИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**, мы живем без определенных норм, сплошь и рядом приходится наталкиваться на неразрешимые противоречия.

Вот почему первой задачей Главного управления является создание прочного архивного законодательства, установление точных норм в целом ряде вопросов.

Вопросы эти следующие:

надо разрешить больной вопрос об уничтожении архивных дел (как мы осторожно выражаемся, о “выделении”),

надо разрешить вопросы, касающиеся постановки справочного отдела: кому выдавать документы, как выдавать. Допускать ли вообще выдачу дел из архивов?»²⁸².

В лекции от 9 сентября Николаев останавливается на вопросах составления инвентаря, перевода его на алфавитные справочники и т. д., объясняя слушателям, что подробные ответы на затронутые им вопросы можно получить из специальных лекций В.В. Снигирева, Г.А. Князева, а также Н.П. Черепнина и В.Н. Куна.

В заключение Николаев дает характеристику двух основных категорий, на которые делятся архивные служащие:

“I категория — архивариусы.

Сюда относятся: помощники архивариуса, архивариус, старший архивариус...

Об этих скромных тружениках нам надо всячески заботиться: работа их нелегкая, зачастую теряют они над ней свое здоровье, они верные хранители наших богатств, их надо беречь, о них надо сугубо пешихся...

От служителя... вы должны требовать прежде всего абсолютной честности... Далее, он должен быть грамотным... Желательно было бы пропускать служителей через определенную подготовительную школу, где бы они могли получить необходимые сведения, касающиеся архивной службы.

II категория — архивисты.

Архивистами могут быть лица, получившие законченное высшее образование, преимущественно филологическое, но они могут быть историками, словесниками, юристами, востоковниками — в зависимости от конструкции и состава того архива, где им придется работать.

Работа архивиста совсем иная, чем работа архивариуса: архивист стоит непосредственно под ученым, он подготавливает научные издания, описи²⁸³.

Будто почувствовав недоговоренность в этих определениях, в заключительной лекции (11 сентября) он детализирует служебные обязанности архивариусов (приемка, размещение, охрана документов, а также наблюдение за учетом дел) и архивистов (составление научно построенного описания архивных фондов). При этом подчеркивает, что видов описей много — пестрота и своеобразие их чрезвычайны: в каждом архиве свое построение, своя система. Это неправильно. Конечно, нельзя описания всех архивов подстричь под одну гребенку, но все же индивидуальность в данном отношении допустима лишь до известных границ. В составление описей должна быть внесена определенная система²⁸⁴.

Заканчивает курс лекций следующими словами: “Нужно очень бояться того, чтобы архивист при разработке архива руководствовался своими интимными вкусами. Многие ученые, поступая на службу в архив, хотят соединить свои интересы с интересами архива. Наука от этого иногда выигрывает, но это эгоистично. Мы не должны руководствоваться интересами одного лица, посвящая свою работу лишь одной группе вопросов и небрежно относясь к остальному архивному фонду, — от этого может пострадать постановка всего научного дела”

Николаев подчеркивает, что архивист должен быть человеком просвещенным, ценящим и любящим документы, хорошо подготовленным в двух направлениях:

- 1) он должен знать архивный фонд;
- 2) должен знать историю предмета и знакомиться с теми вопросами, на которые отвечает тот или иной архив.

И наконец, следуют заключительные фразы курса лекций, которые подводят итог его неоднозначным размышлениям над тем, что такое архив, наука об архивах и современный архивист:

“Искусное сочетание теоретического знания со знанием техники архивного дела приведет к успешной и планомерной работе... Из всего сказанного ясно, что мы стоим перед развивающимся живым организмом, форма которого еще не носит вполне устойчивого характера.

Первая основная наша задача — планомерное собирание того архивного материала, который должен быть внесен в данный архив, в данное отделение.

Вторая наша задача — разработка архивного фонда, сохранение его, восстановление в том случае, если он разрушен, составление правильного инвентаря.

Дальнейшие задачи подскажет сама жизнь”²⁸⁵.

На 1-й конференции архивных деятелей Петрограда (25–28 мая 1920 г.) он развил свои мысли по данному вопросу, выступив с докладом “Подготовка архивных работников” Однако его роль не ограничивалась только этим.

Как указывал в своем отчете о работе конференции ее активный участник С.А. Аннинский (в печати того времени выступал под псевдонимом С. Ан-ский), честь созыва конференции принадлежит Совещанию управляющих петроградскими отделениями Главархива и главным образом его председателю А.С. Николаеву²⁸⁶. Поскольку роль Совещания в традиционной истории архивного дела либо искажается (например, у Максаква), либо замалчивается (в работах последнего периода), целесообразно сослаться на самого председателя Совещания А.С. Николаева, который видел задачу Совещания в координации жизни отделений в Петрограде и предоставлении материала для дальнейших законодательных работ²⁸⁷. Добавим к этому, что именно после рассмотрения на Совещании докладов руководителей специально создаваемых по отдельным вопросам комиссий А.Н. Макарова, И.А. Блинова, П.А. Шафранова, Г.А. Князева, К.Я. Здравомыслова и других СНК РСФСР во главе с В.И. Лениным утвердил в 1919 г. ряд законодательных актов. Наиболее известные из них: “Об архивах и делах расформированной прежней армии” (27.03.), “О губернских архивных фондах (Положение)” (31.03), “О хранении и уничтожении архивных дел” (22.04.), “Об отмене права частной собственности на архивы умерших русских писателей, композиторов, художников и ученых, хранящихся в библиотеках и музеях” (29.07) и др. Иначе говоря, Совещание обеспечивало научный фундамент законодательной деятельности правительства в архивном деле.

Не случайно участники 1-й конференции архивных деятелей Петрограда (в частности, председатель НТК А.Н. Макаров и председатель комиссии по выработке правил для составления архивных описей и указателей И.А. Блинов) охарактеризовали Совещание как орган Главархива, наиболее осведомленный о работе на местах, наиболее энергичный и деятельный в разработке необходимых вопросов архивного законодательства и техники, организатор научной работы²⁸⁸.

Судя по отчету С.А. Аннинского, который дал наиболее объективную и полную картину работы конференции, здесь главная роль принадлежала ученым — историкам и архивистам, в чем была большая заслуга А.С. Николаева. После вступительной речи С.Ф. Платонова А.С. Николаев занял председательское место и стал руководить работой форума.

Именно здесь в первый раз прозвучала открытая и публичная оценка архивной реформы, провозглашенной декретом от 1 июня 1918 г., как “не представляющей идейно ничего нового, поскольку о ней не первое уже десятилетие думали и писали лучшие знатоки архива в России, нетерпеливо и упорно добиваясь ее осуществления” Но, как пишет далее Аннинский, к моменту издания декрета реформа оказалась до крайности необходимой, и не только по принципиальным соображениям: катастрофическое положение множества архивов, оставшихся без всякого надзора после ликвидации ведомств, нуждалось в немедленной практической помощи и при том в государственном масштабе²⁸⁹.

Среди представленных на конференции докладов отметим: “Архивное законодательство за последние годы и деятельность Научно-технической комиссии” (А.Н. Макаров, председатель комиссии, автор цитировавшейся ранее работы о проекте архивной реформы бар. Розенкампа), “Об архивной терминологии” (Г.А. Князев, представитель II отделения III секции б. Морского архива), “О подготовке архивов для пользования ими с научной целью” (П.А. Шафранов, член Совещания управляющих), “Составление обзоров архивных дел” (С.Н. Валк), “Так называемый секретный архив II отделения IV секции (о Синодальном секретном архиве, член Совещания К.Я. Здравомыслов), “О библиотеках при отделениях ЕГАФ” (А.И. Андреев) и др.

На одном из пленарных заседаний В.Н. Бенешевич выразил общее мнение присутствующих (которое, как показали дальнейшие события, оказалось преувеличенным) о том, что традиционный антагонизм прежнего ведомственного архива и ученого-исследователя окончательно преодолен в связи с принятием декрета от 1 июня 1918 г., который он назвал “Декларация прав науки в архивах”.

Об особенностях научной работы в это время дают наглядное представление следующие слова Аннинского из цитируемого отчета:

“Казалось, в неизбежно трудных условиях современности голодные и холодные люди, утомленные морально и физически, день изо дня, в пыли и духоте летом и при температуре ниже нуля градусов зимой, отдающие последние силы труду, — сегодня над изысканнейшими научными вопросами, завтра — так же безропотно — над переноской и упаковкой архивных материалов, — не могут откликнуться на призыв центра... Действительность превзошла самые оптимистические ожидания... Многолюдность собраний, оживленные прения... это несомненный успех дела, который следует приписать подъему и воодушевлению среди рядовых тружеников”²⁹⁰.

И затем следовали те слова, которые послужили основной причиной недовольства будущего руководства Главархива, в первую очередь М.Н. Покровского, чьи взгляды на архивное дело были прямо противоположными надеждам ученых.

Приведем эту “крамольную” оценку, вполне соответствующую взглядам большинства историков-архивоведов сегодня, дословно:

“Перед молодым Главархивом сразу стал ряд вполне конкретных задач, требовавших быстрого разрешения и часто выходивших из рамок всякой дотоле существовавшей теории. Обширный и свежий кадр высококвалифицированных работников под руководством крупнейших специалистов исторической науки и архивоведения охотно взялся за дело... внося сознательную и бодрую инициативу даже в черновые задания... Главное управление, по мере сил и времени, давало некоторые общие указания руководящего характера, но все же *центр архивной работы лежал в личной инициативе и инициативе на местах*”²⁹¹ (выделено нами. — Т. Х.).

Таким образом, помимо собственной воли А.С. Николаев оказался во главе объединения петроградских “вольнодумцев” в их противостоянии “московскому центру”

Поскольку с начала 20-х годов прошлого столетия судьбы отечественного архивного дела, науки об архивах и архивистов во многом стал определять академик М.Н. Покровский, яркий, по-своему талантливый ученый и фанатично убежденный в своей идейной правоте коммунист, целесообразно проанализировать его роль в разрушении преемственных связей в архивной науке.

Михаил Николаевич Покровский (1868–1932)²⁹² — историк, руководитель Главархива с сентября 1920 г. и до конца жизни.

После окончания Московского университета по рекомендации В.О. Ключевского был оставлен для приготовления к профессорскому званию, но революционные события 1905 г. перечеркнули его блестяще начавшуюся карьеру ученого-историка “московской школы”. Он вступает в ряды большевиков и вскоре эмигрирует из России.

В 1907 г. участвует в работе V съезда РСДРП и избирается кандидатом в члены ЦК.

В эмиграции издает свой главный труд — 5-томную “Русскую историю с древнейших времен”, представляющую собой красочное, темпераментное изложение марксистской схемы социально-экономического развития России. По авторитетному заключению В.Б. Кобрин, “когда знакомишься с его трудами, возникает впечатление, что Покровский искал в трудах своих предшественников и в источниках факты, подтверждающие уже сложившиеся у историка концепции. Именно так открывался путь для того, чтобы историк стал не искателем истины, а слугой идеологии и тем самым перестал быть ученым”²⁹³. В октябрьские дни 1917 г. М.Н. Покровский стал первым председателем СНК Москвы и Московской области. Он первым высказался за необходимость в дни вооруженного противостояния в Москве решительных боевых действий, включая артиллерийский обстрел Кремля.

С мая 1918 г., после вступления в должность заместителя Наркома просвещения и до последних дней жизни практически возглавлял все ведущие научные учреждения страны, решительно перестраивая их в соответствии с коммунистической идеологией. Современник и коллега Покровского Ю.В. Готье называл его в своих дневниках “большевицким Аракчеевым”, одним из “Геростратов России” и считал его позором для школы московских историков.

Покровский был инициатором идеологических “чисток” научных кадров, разгрома АН СССР, в частности он стоял у истоков “академического дела”

Сразу после смерти Покровского в апреле 1932 г. его имя, а также так называемая школа Покровского были подвергнуты ожесточенной критике Сталиным и его окружением. Правда, многие его исторические концепции и идеи, официально названные вульгарно-социологическими, были фактически взяты на вооружение партийно-идеологическим руководством и долгие годы использовались.

В области архивного строительства М.Н. Покровский активно боролся против “рязановщины”. Он добился перевода Главного управления архивным делом из ведения Наркомпроса в подчинение ВЦИК (1921), придав ему статус государствен-

ного учреждения с отчетливо выраженными политическими функциями, а также принятия “Положения о Центрархиве РСФСР” (1922), в соответствии с которым в состав ЕГАФ были отнесены все архивные документы, как находящиеся в архивохранилищах, так и не находящиеся в них, но состоящие на учете Центрархива. При этом главное внимание уделялось особо важным в историко-революционном отношении актохранилищам на всей территории РСФСР.

К этому же времени относится выявленный нами комплекс документов, касающихся сосредоточения в руках Управления Центрархивом исключительного права издания всех архивных документов. Так, в проекте постановления Президиума ВЦИК “О введении в действие Положения о порядке издания архивных материалов” и соответствующем положительном заключении Наркомюста от 18. VIII. 1923 г. говорилось: “Ввиду повторяющихся случаев хищнического издания архивных материалов как в пределах РСФСР, так и за границей, выпуска в свет спекулятивных изданий таких материалов в произвольно комбинированных выборках и отсутствия планомерности в столь важном деле, как издание исторических, историко-культурных и специально относящихся до разных отраслей государственной жизни документов и материалов, а равно в целях установления ответственного государственного центра за все дело выпуска в свет и распространения в РСФСР изданий архивных материалов, составляющих достояние Республики, ВЦИК постановляет... сосредоточить в руках Управления Центрархивом РСФСР исключительное право выдачи разрешений на издание архивных материалов...”²⁹⁴.

Вводилось также четкое деление: архивы Октябрьской революции, которым придавалось приоритетное значение, и исторические архивы, которым отводилась второстепенная роль. Сам Покровский свою программу архивного строительства публично формулировал следующим образом: “Я считаю, что в данный момент нам нужно на некоторые архивы навесить замок: нельзя держать людей науки около бумаг, которые могут через 30 лет заинтересовать исследователя. Нужно устремить все внимание на документы, которые представляют ударный интерес в смысле ценности для настоящего момента”²⁹⁵.

Разъясняя критерий ценности, он определял архивные документы как “колоссальный арсенал политического оружия”

В 1929 г. Покровский теоретически обосновал необходимость “великого перелома” в науке, провозгласив тезис: “История, политика прошлого, чрезвычайно увязана с политикой настоящего... Само собой разумеется, что мы постараемся, чтобы будущее поколение историков, которое не только идет за

нами, но которое уже пришло, уже работает с нами, было на все сто процентов нашим”²⁹⁶.

В выступлении на 2-м съезде архивных работников РСФСР (25 мая — 1 июня 1929 г.) он заявил, что Центрархив не собирается издавать “барахло” вроде документов по древнерусской истории, поскольку “от политики это чрезвычайно далеко”, и отстаивал приоритетность “черновых” изданий хрестоматийного характера, которые должны “иллюстрировать партийные оценки тех или иных явлений в интересах преподавателей комвузов, совпартшкол, наших вузов и даже преподавателей школ”²⁹⁷.

В 1929 г. Покровский возглавил ЦАУ СССР, оставаясь формально и заведующим ЦАУ РСФСР. В марте 1930 г. им было подписано ходатайство коллегии ЦАУ СССР в Президиум ЦИК и СНК об образовании специального высшего учебного заведения с двухгодичным курсом (типа рабфака), который стал прообразом открытого 1 апреля 1931 г. Института архивоведения (сегодня Историко-архивный институт РГГУ). Правда, личного участия в его создании и работе Покровский уже не принимал. То же самое можно сказать и о его работе в созданной им советской архивной системе. Он писал в личном секретном письме председателю ЦКК ВКП(б) и наркому РКМ “дорогому товарищу Серго” (Г.К. Орджоникидзе) 31 августа 1930 г.: “Я лично около 10 лет близко наблюдал работу Центрархива, но с 1928 года (по болезни и загруженности) в Центрархиве не работал, а в 1930 году вообще считаю себя лично уже ушедшим...”²⁹⁸. Сегодня эти слова заживо хоронящего себя бывшего всевластного руководителя советской исторической науки и архивного дела воспринимаются как признание Покровским трагического финала своей судьбы.

Последними его действиями были безуспешные попытки заступиться перед Сталиным за некоторых из своих давних и ближайших соратников. Но к власти уже приходили новые, еще более жестокие руководители сталинской выучки, для которых Покровский представлялся мягкотелым и “слишком ученым”.

Итак, Петроградское отделение УАД, которое формально возглавлял с 16 июля 1918 г. С.Ф. Платонов, но душой его был председатель Совещания управляющих петроградских отделений ЕГАФ и заведующий Архивными курсами при Петроградском археологическом институте А.С. Николаев, не признало своего иерархического подчинения московскому Управлению архивным делом. Оно, по их мнению, стало главным по формальному признаку после переезда правительства из Петрограда в новую столицу — Москву. Даже в официальных докумен-

тах петроградские архивисты называли себя не областным управлением, а Главным управлением архивным делом в Петрограде. Вначале это выглядело как проявление традиционного противостояния старой и новой столиц России, но затем оно приобрело отчетливый оттенок политической борьбы. Так, А.Е. Пресняков в 1917 г. характеризовал отличия в научном менталитете историков — представителей петроградской и московской школ следующим образом: “Москвичей объединяет слишком теоретический взгляд на источники, они берутся как иллюстрации к положениям защищаемой историко-социологической доктрины, историков петроградской школы, воспитанных в аудитории С.Ф. Платонова, — конкретное, непосредственное отношение к источнику и к факту вне зависимости от историографической традиции”²⁹⁹.

Такого рода противоречия и разногласия, даже если они и преувеличены в силу чрезмерного стремления свести все индивидуальное своеобразие каждого представителя к условно названным школам, все-таки плодотворны для развития науки в целом. Противостояние другого рода было гораздо более опасным для включенных в него лиц.

Историко-географические и ментальные нюансы двустоличности в период активной деятельности Преснякова и его коллег в области реформы архивного дела, особенно после переезда столицы из Петрограда в Москву, превратились в схватку за власть между двумя политическими группировками.

Как описывал создавшуюся ситуацию один из современников, «центральные законы действовали на территории Петрограда только с дозволения местного градоначальника (так он называет Зиновьева. — Т. Х.). От зиновьевских чиновников не раз приходилось слышать слова: “Нам Москва не указ”»³⁰⁰. Отсюда любое сопротивление петроградских архивистов даже самым непрофессиональным распоряжениям московского центра расценивалось как оппозиция советской власти.

Жертвами этого противоборства стали в конечном итоге Николаев и почти все его единомышленники в Петрограде.

Уже 23 августа 1920 г. в связи с отъездом Д.Б. Рязанова из Москвы в научную зарубежную командировку обязанности заведующего Главархивом были возложены на М.Н. Покровского, который сразу стал выявлять в архивных ведомствах и учреждениях “не наших людей”, опираясь на поддержку высших партийно-государственных органов. Вспоминая в 1928 г. обстоятельства своего назначения на пост руководителя архивной системы, Покровский писал: «Вернувшись в 1920 году из

Казани, ветеран-ленинец, “обладавший верным большевистским чутьем В.В. Адоратский, посетил московские архивы”». Это, по словам Покровского, “на него, человека, не каждый день ходившего в архив, как я, а после некоторого промежутка нюхнувшего этой атмосферы, произвело головокружительное впечатление. Везде сидят не наши люди, и у них в руках наши бумаги, наши дела... Верное большевистское чутье т. Адоратского подсказало, что творится что-то неладное. В.В. Адоратский подошел к Ленину и стал говорить, что за безобразия происходит и нельзя ли этому положить конец, т. е. тому, что наши архивы находятся в руках чужих людей”»³⁰¹. В результате приход осенью 1920 г. к руководству Главархивом по направлению ЦК Коммунистической партии М.Н. Покровского и В.В. Адоратского в официальной историографии конца 30-х годов расценивался вполне определенным образом: “Двурушничество руководства Главархивом было снято, и аппарат Главархива был укреплен коммунистами. Это дало возможность очистить ряды архивных работников от наиболее контрреволюционных элементов”³⁰².

Направленный Покровским со специальным заданием “почистить” ряды петроградских архивистов представитель московского центра В.В. Максаков охарактеризовал результаты своей работы как победу над “оппортунистическим руководством архивным делом 1918–1920 гг., опиравшимся в своей деятельности на классово чуждые и политически враждебные элементы из Союза российских архивных деятелей”³⁰³.

Поскольку жизнь и деятельность В.В. Максакова подверглись в историко-архивоведческой литературе противоречивым оценкам, зачастую искажающим его реальный облик, приведем аналитический очерк, составленный главным образом на основании выявленных нами архивных материалов, в том числе предоставленных его дочерью — доктором исторических наук Лидией Владимировной Максаковой.

Владимир Васильевич Максаков (1886–1964) — историк-архивист, архивовед, профессор.

Участник революционного движения с 1903 г.

Активный участник архивного строительства после 1917 г. и один из руководителей архивного дела в СССР.

Родился в с. Можары Рязанской губернии. Отец был сельским учителем, в последние четыре года жизни — дьяконом местной церкви. В 11 лет Максаков остался сиротой.

Учился в Тамбовской духовной семинарии, откуда был исключен в 1901 г. за участие в ученических беспорядках.

Как писал в автобиографии сам Максаков, в социал-демократическую партию вступил в Иркутске, причем сразу пос-

ле II съезда РСДРП примкнул к большевикам. Заведовал транспортом нелегальной литературы.

В 1910–1912 гг. жил в Одессе.

Свою журналистскую деятельность начал в газете “Раннее утро”, редактором которой был В.В. Воровский, сначала в качестве корректора, затем — выпускающего. Одновременно писал корреспонденции в газеты “Звезда” и “Правда”

В сентябре 1912 г. Максаков поступил в Народный университет А.Л. Шанявского. Во время учебы давал частные уроки.

После окончания учебы в 1917–1918 гг. работал в большевистской газете “Пролетарий”.

Есть сведения о том, что в 1917 г. он примыкал к группе независимых социал-демократов — левых интернационалистов во главе с Г.Д. Лейтензеном (Линдовым).

В 1918 г. начал работать в архивной системе. По рекомендации М.Н. Покровского был назначен управляющим Московским историко-революционным архивом, а затем управляющим Архивом Октябрьской революции.

В 1921 г. стал членом коллегии и ученым секретарем Центрального архивного управления.

В 1927 г. его назначили заместителем заведующего ЦАУ РСФСР, а в 1929 г. после образования ЦАУ СССР — заместителем заведующего этого управления по совместительству. На этой должности работал до 1934 г.

В своей работе приоритет отдавал не собиранию, научной обработке и сохранению архивных документов, а их использованию в интересах революции, полностью следуя в этом плане указаниям М.Н. Покровского: “В условиях пролетарской диктатуры, в условиях обострения классовой борьбы, нам нужно проявить многогранность в нашей работе, уметь в один и тот же момент дать все, что мы имеем в самых разнообразных формах: в форме выявления по архивным документам вредителей, белогвардейцев, бывших секретных сотрудников, в форме выявления документов, рисующих роль меньшевиков, троцкистов и т. д., выявляя документы, которые говорят о необходимости перестройки тех предприятий, которые строятся сейчас неумело, а подчас и вредительски. Иногда нужно бросить в массы один документ, который может иметь огромный политический эффект”³⁰⁴.

Одним из первых отечественных историков Максаков начал применять такую разновидность выборочной публикации документов, как хроника. В 1923 г. он в соавторстве с Н.В. Нелидовым издавал “Хронику революции 1917 г.”, в 1925 г. — “Хронику партизанского движения в Сибири (Т. 1: Приенисей-

ский край)", а в 1928 г. (в соавторстве с А.Н. Туруновым) — "Хронику гражданской войны в Сибири в 1917—1918 гг."

Сразу после основания в 1923 г. журнала "Архивное дело" В.В. Максаков стал заместителем ответственного редактора.

Много и плодотворно работал в журналах "Красный архив", "Вопросы архивоведения" и "Исторический архив", где был членом редколлегии.

С 1921 по 1927 г. Максаков, работая в Центральном архивном управлении, активно участвует в деятельности Комиссии для собирания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и истории Российской Коммунистической партии (Истпарта) ЦК ВКП(б), сначала в должности научного сотрудника, а затем заместителя заведующего.

В 1934 г. его в ходе "чистки" архивного главка сняли с руководящей должности в ЦАУ и направили на работу в Коммунистическую академию на должность директора библиотеки.

В 1937 г. он был на грани репрессий, а может быть, и гибели в связи с обвинением в поддержке "врагов народа", поскольку пытался заступиться за коллег по работе. Как свидетельствует дочь В.В. Максакова, Л.В. Максакова, ее мать — жена Владимира Васильевича — настояла на том, чтобы они временно уехали из Москвы, в глухое место, расположенное на краю области. Но и там каждую ночь они ждали ареста. Тем не менее судьба пощадила Максакова. Он избежал репрессий.

Власти ограничились вынесением ему строгого выговора по партийной линии с формулировкой "за потерю большевистской бдительности по отношению к врагу народа Вегману и непринятие мер к сдаче личной библиотеки Радека"

Наряду с научной и административно-организационной деятельностью, огромное место в жизни Максакова занимала педагогическая работа. Он начал ее в 1925 г. в 1-м МГУ, где был организован архивный цикл. В 1928—1930 гг., вплоть до его ликвидации (расформирования), В.В. Максаков заведовал там кафедрой архивоведения.

Открытый в сентябре 1931 г. Институт архивоведения (впоследствии — Историко-архивный институт) — это во многом результат хлопот В.В. Максакова, М.С. Вишневого и поддержавшего их инициативу М.Н. Покровского³⁰⁵.

В течение многих десятилетий Максаков, возглавивший кафедру истории и организации архивного дела (с 1938 г.), вел активную борьбу за приоритет в Историко-архивном институте историко-архивоведческих дисциплин. Под его редакцией были изданы восемь "Сборников материалов по истории архивного дела в СССР" (1940—1941 гг., второе издание — 1952 г.), "Очерки по истории и организации архивного дела" И.Л. Маяковско-

го (Ч. 1. 1940), путеводители по ЦГАОР, ЦГАЛИ (1946–1950). Он — автор статьи “Архивы в СССР” (БСЭ. Т. 3. 1950) и других статей по археографической тематике.

В 1969 г., через пять лет после смерти Максакова, был издан его главный труд “История и организация архивного дела в СССР (1917–1945 гг.)”, который стал результатом многолетних исследований и подведением собственных жизненных итогов. Работа подвергалась жесткому редактированию, ее выход в свет много раз откладывался.

Являясь одним из основателей Московского историко-архивного института, Максаков был, по мнению многих, талантливым преподавателем истории архивного дела. Как вспоминают его ученики, свой предмет он всегда излагал на фоне общей истории. Экскурсы в прошлое переносили студентов в атмосферу того времени, о котором шла речь в лекции, хотя, как правило, они были точным отражением официальных, идеологизированных и политизированных взглядов на отечественную историю. Работы Максакова по истории архивного дела в СССР не стали в этом плане исключением.

Учитывая исполнительность Максакова, Покровский поручил ему выполнить важное партийное дело — “чистку” архивных кадров в Петрограде. Одним из первых сигналов к развязыванию политической кампании против архивистов послужила публикация “Большевики. Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 г.” (частное кооперативное издательство “Задруга”, 1918), составленная по архивным материалам бывшего Московского охранного отделения работниками одной из секций ЕГАФ С.П. Мельгуновым (он будет репрессирован и выслан из страны) и историком М.А. Цявловским, впоследствии видным литературоведом-пушкинистом.

Отметим, что это была историко-археографическая работа, в которой в качестве материала для исследований будущим ученым предлагались документы по истории большевизма в том виде, в каком они отложились в фонде жандармского управления. Однако пришедшая к власти партия не согласилась с тем, чтобы ее историю писали ученые, основываясь на архивных документах. Потом это отрицание “буржуазного объективизма” распространилось на историю Октябрьской революции, а затем и на всю историю в целом. Так ученые постепенно теряли свои права на архивы, а архивные *деятели* (архивисты-исследователи) стали в подавляющем большинстве архивными *работниками*, теми, кого А.С. Николаев называл архивариусами со средним и низшим образованием — честными исполнителями заказов пользователей. Несогласные были репрессиро-

ваны, причем репрессии начались с “чистки” Петроградского отделения Главархива.

Для иллюстрации того, как устранялись из архивов ученые, и более детального анализа дела с “Задругой” приведем очерк жизни и деятельности *Сергея Петровича Мельгунова* (1879–1956)³⁰⁶.

С.П. Мельгунов — историк, архивист, основатель и глава частного издательства “Задруга”, редактор журнала “Голос минувшего”, активный участник архивного строительства в первые послереволюционные годы. Родился в Москве, в старинной, но обедневшей дворянской семье.

Один из его предков (А.П. Мельгунов, 1722–1788) основал в Ярославле первую в России масонскую ложу.

Уже в гимназии под влиянием трудов А.Н. Шапова юноша заинтересовался темой раскола в Русской православной церкви, которая станет одной из направляющих тем в его научном творчестве.

В 1899 г. он поступил на историко-филологический факультет Московского университета, где его способности к научному творчеству высоко ценили В.И. Герье и В.О. Ключевский. В университете Мельгунов начал принимать активное участие в студенческом движении, в результате чего уже в 1901 г. был привлечен к полицейскому дознанию.

Важной страницей его жизни стало сотрудничество в 1900–1916 гг. в газете “Русские ведомости”, которая считалась рупором либеральной части общества. Здесь он опубликовал ряд статей о сектантах и вскоре оказался единственным специалистом по церковным вопросам. С этим направлением деятельности связаны его личные контакты с Л.Н. Толстым в 1905 г. и публикация статьи Толстого “Не убий никого” на страницах “Русских ведомостей” в 1907 г. После окончания в 1904 г. Московского университета и короткого периода работы преподавателем истории в московских гимназиях он отбыл воинскую повинность в Ростове Ярославском.

Во время прохождения им воинской службы полковому начальству предписывалось ограждать нижних чинов “от вредного влияния” Мельгунова, а в дальнейшем охранное отделение запретило ему читать лекции и, как указывалось в полицейском предписании, выступать с речами, особенно в народных университетах.

В 1906 г. он вступил в партию конституционных демократов, где примкнул к ее левому крылу, но вскоре вышел из нее и перешел на позиции народно-социалистической партии, “созданной теми последователями народничества, для которых

была неприемлема революционная тактика социалистов-революционеров”

В 1911 г. он основал самое известное свое предприятие — кооперативное издательство “Задруга”, в котором издавал, в частности, журнал “Голос минувшего” (1913—1923).

Мельгунов приветствовал Февральскую революцию.

В марте 1917 г. его назначили ответственным за обследование и прием архивов Министерства внутренних дел, а также Московской духовной консистории и миссионерского совета. 22 марта при Временном правительстве была создана Комиссия по разработке политических дел г. Москвы (известная в литературе также как Архив политических дел Москвы), которую возглавил С.П. Мельгунов. Получив доступ к засекреченным ранее документам бывшего режима, он начал уже с 1918 г. публиковать в издательстве “Задруга” выпуски “Материалов по истории общественного и революционного движения в России” (под ред. С.П. Мельгунова и М.А. Цявловского). В 1918 г. предполагалось издать тома: “1905 год”, “Майский погром в Москве в 1915 году” и “Ходынка”. Однако серия ограничилась лишь выпуском в 1918 г. (двумя изданиями) сборника “Большевики. Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 год бывшего Московского охранного отделения”. Появление книги было истолковано новой властью как контрреволюционное искажение истории большевизма. Постановлением от 19 апреля 1918 г. комиссия во главе с Мельгуновым была распущена и вместо нее под руководством председателя правительства Москвы М.Н. Покровского создан архивно-политический отдел при СНК Москвы и Московской области.

Обратившись к Покровскому за разъяснениями о причинах роспуска комиссии, Мельгунов получил ответ, что она (комиссия) еще в ноябре 1917 г. должна была перейти в ведение новой власти, но в то время “люди, казавшиеся заслуживающими доверия, убедили нас, что в комиссии преобладают элементы, если не прямо нам дружественные, то во всяком случае строго нейтральные, что там ведется чисто научная работа”. Но книга “Большевики”, по словам Покровского, жестоко разбила эти приятные иллюзии: “нас вольно или невольно обманули”, деятели комиссии “отнюдь не объективные ученые, а публицисты, резко враждебные Советской власти, смотрящие на архив как на оружие в борьбе с этой властью”³⁰⁷.

Нужно сказать, что это не было полной правдой по отношению к историко-документальному изданию “Большевики”, в котором опубликованы полицейские разработки сюжетов о провокаторах в большевистской среде, о специфических методах финансирования партии, в том числе за счет “немецких де-

нег", и т. д. Но определенный политический резон в словах Покровского был, поскольку Мельгунов уже с весны 1918 г. действительно включился в борьбу против советской власти, став членом Союза возрождения России: вначале заместителем его председателя В.А. Мякотина, а после его отъезда на Юг для связи с Добровольческой армией лидером союза.

С этого времени Мельгунов перешел на полулегальное положение. Его пять раз арестовывали, он не избежал тюрьмы ВЧК на Лубянке, но благодаря хлопотам П.А. Кропоткина, В.Н. Фигнер и Российской академии наук его освободили.

В августе 1922 г. вместе с большой группой российских интеллигентов Мельгунов и почти весь коллектив товарищества "Задруга" были выдворены в эмиграцию. За рубежом (в Берлине, а с 1926 г. в Париже) он продолжил издательскую деятельность и взялся за создание единого антикоммунистического движения русской эмиграции, не исключая при этом возможности иностранной интервенции для достижения поставленной цели.

В своем еженедельнике "Борьба за Россию" он опубликовал серию статей, освещающих тему ЧК и "красного террора". Эти и другие работы легли в основу его знаменитой книги "Красный террор в России (1918–1923)", изданной в 1923 г. в Берлине, переведенной на многие языки и в 1990 г. переизданной в СССР.

В 30–40-е годы он издавал свои историко-публицистические книги "Трагедия адмирала Колчака" (Т. 1–3. Белград. 1930–1931), "Золотой немецкий ключ большевистской революции" (Париж, 1940) и др.

В годы Второй мировой войны В.В. Мельгунов решительно отвергал любые формы сотрудничества с нацистами. В то же время он противостоял попыткам любого сотрудничества с советской властью.

В 1948 г. он создал и возглавил Союз борьбы за свободу России, председателем которого остался до конца жизни, одновременно в 1951 г. возглавил еще и Координационный центр антибольшевистской борьбы.

До последних дней он не прекращал и свою историко-публицистическую деятельность.

Аналогично сложилась судьба и другого видного историка-архивиста тех лет *Бориса Ивановича Николаевского* (1887–1966)³⁰⁸.

Русский политический деятель, историк, публицист, археограф и архивист Б.И. Николаевский родился в г. Белебее (Башкирия) в семье православного священника.

В 1898 г. поступил в Самарскую гимназию.

За принадлежность к молодежному революционному кружку, хранение и распространение социал-демократической литературы был арестован. Выйдя из полугодового тюремного заключения, вошел в РСДРП и вскоре примкнул к ее меньшевистскому течению. Оставаясь верным своим идеям до конца жизни, Николаевский не получил высшего образования, не окончил даже гимназию, но был на редкость образованным человеком.

В промежутках между тюрьмами и ссылками занимался журналистикой.

После Февральской революции с увлечением работал в Комиссии по ликвидации дел политического характера бывшего Департамента полиции при Министерстве юстиции, созданной в марте 1917 г. во главе с В.Л. Бурцевым, а после ее ликвидации в июне — в Особой комиссии для обследования деятельности бывшего Департамента полиции и подведомственных ему учреждений за время с 1905 по 1917 г., работавшей при Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц, которую возглавил П.Е. Щеголев. Николаевский многое сделал для сохранения архива Департамента полиции.

После захвата большевиками власти приступил к исследованию социально-политической истории России, опираясь в основном на документы этого архива, и остался верным этой теме в течение полувека.

Принимал участие в выработке проекта создания Главного управления архивным делом и проведении реформы архивного дела в 1918 г. Затем Д.Б. Рязанов пригласил его на должность инспектора Главархива.

С 1919 г. по февраль 1921 г. Николаевский возглавлял Московский историко-революционный архив.

Одновременно налаживал работу государственной архивной службы, спасал брошенные архивы. В частности, им был найден личный архив министра внутренних дел А.Е. Тимашева.

Б.И. Николаевский сотрудничал с военно-исторической комиссией, созданной в августе 1918 г. для выявления и сбора документов российской армии, а с августа 1919 г. документов Красной Армии.

В 1918–1919 гг. по поручению меньшевистской партии выезжал в Сибирь, где посещал сибирские архивы.

По материалам архивов канцелярий генерал-губернаторов Степного края и Восточной Сибири он написал ряд очерков о пребывании декабристов в Иркутске, на Александровском и Николаевском заводах.

Изучая документы Московского охранного отделения во вверенном ему архиве, нашел ряд новых документов, связанных с предательской деятельностью Азефа. Эти материалы вышли в свет, когда Николаевский находился в Бутырской тюрьме, арестованный ВЧК вместе с другими членами меньшевистского ЦК.

Его место руководителя Московского историко-революционного архива занял В.В. Максаков, а сам архив в сентябре 1920 г. вошел в состав III отделения Госархива РСФСР, которому передавались все материалы учреждений дореволюционного сыска. Оценивая смысл этой концентрации, проводившейся с 1921 по 1926 г., Николаевский сообщал в письме к В.Л. Бурцеву, что ГПУ и истпарты на основе этих материалов составляют списки всех лиц, имевших когда-либо отношение к эсерам и меньшевикам: "Все когда-либо к таким делам причастные выясняются насчет их теперешних связей и пр., затем их вызывают в ГПУ и требуют подписки. В случае отказа бывают высылки лиц даже совсем отошедших — чуть ли не ушедших еще до революции, черт знает что такое! Пойти в ссылку за то, что уже раз был в ней лет 15—20 назад по меньшевистским делам?"³⁰⁹.

В борьбу за спасение Б.И. Николаевского и его товарищей по партии из Бутырской тюрьмы включились Д.Б. Рязанов и, как предполагает современный исследователь жизни и научной деятельности Николаевского В.В. Крылов, А.И. Рыков (на сестре Рыкова был женат Владимир, брат Бориса Ивановича Николаевского).

После длительной голодовки Николаевский вместе с Ф.И. Даном, его женой Л.О. Дан-Цедербаум (сестрой Ю.О. Мартова) и другими видными меньшевиками получили приказ выехать из страны под угрозой быть подвергнутыми смертной казни в случае последующего обнаружения на ее территории.

19 января 1922 г., в день отъезда в Берлин, Николаевский направил П.Е. Щеголеву письмо со следующим предложением: "В Германии я буду, конечно, нуждаться в заработке. Нельзя чего-нибудь через Музей революции? Я мог бы великолепно наладить соби́рание заграничных изданий — новых и старых, мог бы поставить дело обыска эмигрантских архивов и пр. Связей для этого у меня будет достаточно. Но, конечно, нужны деньги"³¹⁰.

В Берлине Николаевский организовал издание историко-революционного журнала "Летопись революции", который, по его словам, преследовал цель — изучение истории революционных движений и сбор материала на эту тему.

Многие годы своей жизни Б.И. Николаевский отдал сохранению и развитию Русского социал-демократического архива (впоследствии — Русский архив социал-демократии), кото-

рый был основан в Берлине еще в начале 10-х годов XX в. кн. И.Д. Бебутовым и находился позже на попечении студента-медика Г.М. Вязьменского. Благодаря усилиям Николаевского к началу 30-х годов Русский архив социал-демократии стал крупнейшим архивом всей русской эмиграции.

Летом 1923 г. в Берлин приехал в качестве директора Института Маркса и Энгельса (ИМЭ) Д.Б. Рязанов, который вел с правлением СДПГ переговоры о получении у владельца-распорядителя архива Маркса и Энгельса Э. Бернштейна прав на издание полного собрания их сочинений на языке оригинала и фотокопирование рукописей. Рязанов привлек Николаевского к сотрудничеству в качестве научного корреспондента и уполномоченного ИМЭ.

С конца 1924 г. в течение трех лет Николаевский проводил научное описание, систематизацию и каталогизацию десятков тысяч рукописей, отправляя в ИМЭ один экземпляр описи и копии, сделанные на фотостате. Эти материалы составили основу фонда документов Маркса и Энгельса. Кроме того, он выявлял рукописи Маркса и Энгельса в Прусском государственном архиве, снимал копии, просматривал подшивки газет и журналов, библиотеку Маркса и Энгельса и другие книги, которыми они пользовались. Одновременно в качестве научного корреспондента ИМЭ приобретал рукописные архивы, копии документов, целые библиотеки и отдельные книги у деятелей русского социал-демократического движения, оказавшихся в эмиграции, а также у европейских социал-демократов и ученых. Многие источники, найденные Николаевским в архивах, были опубликованы в таких изданиях, как "Архив К. Маркса и Ф. Энгельса", "Ленинские сборники", "Каторга и ссылка", "Летописи марксизма" и др.

В различных органах печати впервые увидели свет найденные Б.И. Николаевским письма В. Засулич, А. Герцена, П. Кропоткина, П. Лаврова, Ж. Санд, стихотворения И. Тургенева и т. д. Однако после того, как на рубеже 20–30-х годов Сталин объявил, что "нынешний социал-демократизм есть идейная опора капитализма", а крупнейших европейских социал-демократов назвал социал-предателями, контакты Николаевского с зарубежными владельцами архивов были свернуты.

В 1930 г. правление СДПГ расторгло договор на использование партийного архива ввиду того, что публикации работ Маркса и Энгельса в СССР сопровождаются антисоциалистическими предисловиями и комментариями.

В апреле 1931 г. независимый прежде ИМЭ был практически ликвидирован. Рязанова сняли с поста директора, а затем репрессировали. Не у дел оказался и Николаевский, кото-

рого перестали печатать в СССР, а в феврале 1932 г. лишили советского гражданства.

После прихода Гитлера к власти Николаевский сделал все возможное, чтобы спасти Русский архив социал-демократии. Он пытался вывезти его в Париж, причем лично отобрал для отправки в первую очередь рукописи и печатные материалы Маркса и Энгельса, архив I Интернационала, а также архив СДПГ, упрятав его внутри ящиков под кипами материалов русской эмиграции. Вместе с документами Русского архива Николаевский также переехал в Париж. Здесь он работал в Институте исторических исследований и одновременно являлся официальным представителем Международного института социальной истории. В феврале 1936 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление о покупке архива СДПГ и направило в Париж для переговоров специальную делегацию во главе с Н.И. Бухариным. Но переговоры, в которых Николаевский принимал участие в качестве эксперта, после двухмесячной работы закончились безрезультатно.

Накануне депортации Л.Д. Троцкого в 1936 г. из Норвегии в Мексику часть своего архива он передал Николаевскому — для хранения в парижском отделении Международного института социальной истории. Однако агентами ОГПУ-НКВД многие материалы оттуда были похищены в результате налета. Среди похищенного оказалась, в частности, переписка Троцкого с американским историком М. Истменом и его женой Е.В. Крыленко в 1929–1933 гг.

В 1940 г. в связи с угрозой фашистской оккупации Парижа Б.И. Николаевский переправил архивную коллекцию по частям в Голландию (Гаага) и США, а часть закопал в предместье французской столицы. Этот чемодан с рукописями он вырыл, вернувшись в Париж после войны.

Некоторые оставшиеся во Франции документы Русского архива и его библиотека были захвачены специальной группой из ведомства А. Розенберга, их перевезли в Институт иудаизма и большевизма во Франкфурте-на-Майне, затем они бесследно исчезли.

С ноября 1940 г. Николаевский проживал в США, где вел активную публицистическую работу по разоблачению преступлений сталинского режима. Он издал многочисленные сборники документов, категорически отказываясь публиковать те документы, которые вызывали у него как у ученого профессиональное недоверие.

В течение почти сорока лет он собирал документы по истории русского масонства. Их опубликовали со значительными искажениями уже после его смерти³¹¹.

Незадолго до смерти Николаевский передал основную часть своего архива Гуверовскому институту войны, мира и революции и стал его хранителем.

Умер он, не успев увидеть опубликованным свой последний труд — библиографический указатель “Социал-демократическая меньшевистская литература”³¹².

Трагические судьбы архивистов с начала 20-х годов прошлого века подтверждают мысль, высказанную нами в работе “История Отечества и архивы”³¹³: как правило, кадровые “чистки” всегда были связаны с “макулатурными” кампаниями. В ходе подготовки настоящего исследования нами был выявлен простой, но надежный механизм этого взаимодействия: распоряжения органов власти об уничтожении “макулатуры” провоцировали наиболее добросовестных профессионалов-архивистов на открытые выступления в защиту архивов, после чего наступала очередь репрессий. Так было и в Петрограде, и во всей стране. Причем степень противодействия органам власти была прямо пропорциональна наличию самостоятельно мыслящих ученых-архивистов. К сожалению, их число неуклонно уменьшалось от одной “кампании” к другой.

Не случайно, на наш взгляд, именно в связи с обострением противостояния архивов и власти в документах, связанных с историей архивного дела, впервые появляется подпись И.В. Сталина. Так, весной 1921 г. в печати публикуется очередное распоряжение Президиума ВСНХ (А.И. Рыков), Наркомпроса (А.В. Луначарский) и Наркомата Рабоче-Крестьянской инспекции (И.В. Сталин), в котором говорилось: “Вследствие переживаемого бумажной промышленностью сырьевого кризиса учреждается Особая комиссия (Особкомбум)... [которой] *предоставляется право изъятия на всей территории РСФСР тряпья, архивных материалов, старой бумаги и обрезков, не представляющих исторической или деловой ценности*”³¹⁴ (выделено нами. — Т. Х.). Отметим, что в этом распоряжении опущено традиционное в комплексном определении ценности архивных документах дополнение “и научной”

Ликвидация самостоятельных научных центров архивоведения была предпринята после того, как на состоявшейся в 1921 г. I Всероссийской конференции архивных деятелей, созванной явно в противовес петроградской конференции, новое руководство во главе с М.Н. Покровским выявило полное расхождение взглядов на планы организации архивного дела в стране между “представителями науки архивоведения” (так говорилось в персональных приглашениях, разосланных Главархивом нового состава) и “красными архивистами”, которых представляли М.Н. Покровский, В.В. Адоратский и

М.С. Ольминский — глава комиссии Истпарта, образованной особым декретом от 21 сентября 1920 г.

А.С. Николаев взял слово сразу после В.И. Пичеты, нового заведующего научно-техническим отделом Главархива, доклад которого носил информационно-статистический характер. А.С. Николаев практически прочел отдельный содоклад на тему “Современные задачи архивного строительства”. Он повторил все основные мысли состоявшейся ровно за год перед этим петроградской конференции “вольнодумцев”, сделав акцент на создание условий для хорошей научной работы, о которой “мы мечтали самым сильным образом”. Он также подчеркнул необходимость спасать архивы “от уничтожения не осведомленным в архивном деле советским работником” силами профессионалов, которых нужно готовить ускоренными темпами.

Академик М.К. Любавский, ученик В.О. Ключевского, в докладе “О подготовке архивных работников” дополнил предложение А.С. Николаева расширить деятельность Петроградского археологического института созданием аналогичного Архивно-археографического института в Москве.

Как отметила исследователь архивных материалов по этому вопросу И.А. Курникова, участники съезда создали специальную комиссию по разработке проекта организации такого вуза, в которую вошли 12 профессоров и преподавателей Архивных курсов при ПАИ, МАИ и соответствующих петроградских и московских вузов: А.С. Николаев, М.К. Любавский, А.Е. Пресняков, И.Л. Маяковский, В.В. Шереметевский, Д.Н. Егоров, С.К. Богоявленский, М.М. Богословский, В.И. Пичета, А.Н. Савин, Н.Ф. Бельчиков, А.Н. Филиппов, а также два представителя пострязановского архивного руководства В.В. Максаков и В.М. Фриче. В результате комиссия разработала два проекта создания предлагаемого вуза — московских архивистов (В.В. Шереметевский) и петроградских архивистов. М.К. Любавский выступил на конференции с изложением личной точки зрения по этому вопросу.

В.В. Шереметевский в своем проекте исходил из названия вуза, в связи с чем предлагал сохранить его традиционное деление на две части: археографическое и архивно-практическое. На археографическом отделении предлагалось главное внимание уделять исторической географии, а также генеалогии и русским древностям.

В учебный план архивно-практического образования намечалось включить дисциплины, преподаваемые на московских Архивных курсах в 1919–1920 гг.: “История России”, “История госучреждений”, “Теория и практика архивного дела”.

В.В. Шереметевский предлагал ввести специализацию обучения студентов в зависимости от того, в какой архив пойдут работать выпускники, чтобы заранее знакомить их с составом документов этих архивов.

Учебный план, представленный петроградцами, исключал самостоятельные лекционные курсы по ряду вспомогательных исторических дисциплин (сфрагистике, нумизматике, генеалогии, геральдике и т. д.). Они должны были стать частью курсов палеографии и дипломатики, а также курса “Наука об архивах” На 1-м курсе предусматривалось чтение лекций по истории архивного дела в России (причем основы знаний по зарубежному архивному делу предполагалось давать как сравнительный материал). На 2-м курсе в программу включались вопросы о задачах и методах работы в архивах, об архивной терминологии и типах архивов, а также небольшой объем сведений по вспомогательным историческим дисциплинам, нужных в практической работе. На 3-м, завершающем, курсе намечалось прочесть курс лекций по технике архивного дела. Уровень преподавания и характер изложения учебного материала определялись тем, что предполагаемый контингент студентов имел среднее образование.

Наиболее близкое представление об объеме знаний, необходимых будущим представителям классического архивоведения, дал в своем выступлении М.К. Любавский. Как справедливо отметила И.А. Курникова, курс был рассчитан на то, чтобы дать студентам глубокую общеисторическую подготовку на высоком уровне научных требований. Первая часть учебного плана предусматривала чтение общеобразовательного курса лекций по русской истории, истории русского права и общественно-политическим дисциплинам (политэкономия и Конституция РСФСР). Вторая часть содержала специальные исторические курсы лекций по тематике, определенной структурой ЕГАФ по секциям (история народного просвещения, внешние сношения России и т. д.). Третья часть — это лекции по профессиональным вопросам методики и техники архивного дела с упором на практические занятия по регистрации (учету), чтению и описанию рукописей.

И.А. Курникова говорит о несомненном сходстве этого проекта с учебным планом Петроградского археологического института, но останавливается на констатации внешнего сходства³¹⁵.

Между тем, с нашей точки зрения, важно подчеркнуть в них концептуальное сходство, свидетельствующее о совпадении взглядов “москвичей” и “петроградцев” в главном — сохранить преемственность высоких научных требований к уровню не только узкопрофессиональных, но и общеисторических знаний

будущих архивистов, который характерен для отечественной архивной школы в целом с первых дней ее возникновения.

Отсюда требование А.С. Николаева, В.В. Шереметевского, М.К. Любавского и других ученых продолжить как минимум трехлетний курс обучения будущей архивной молодежи — так назвал студентов Николаев.

М.Н. Покровский, по существу, отверг все предлагаемые проекты. Он отрицал необходимость научного характера подготовки специалистов, предлагая исключить из программы общегисторические дисциплины, оставив только специальные. Покровский исходил из того, что для архивного дела достаточно подготовить небольшое число руководителей-организаторов и рядовых архивариусов, причем для подготовки руководящих работников архивного дела считал возможным историкам с высшим образованием архивную специализацию. Главное, считал он, срочно заменить весь состав заведующих архивами сверху донизу “с целью обеспечить их классово-партийную выдержанность” Для рядовых архивных работников, по его мнению, достаточно и “наших примитивных архивных курсов” Тем самым исключалась сама идея создания специального высшего учебного заведения для подготовки архивистов-исследователей.

Позже, в 1929 г., на 2-м съезде архивных работников РСФСР, он детализировал свое предложение, заявив, что решить кадровую проблему можно, направив 10–15 человек за границу, чтобы они учились там архивной технике: “Я, конечно, не предрекаю их числа, — заявил он, — но, во всяком случае, немного, может быть, и 10 будет достаточно... У немцев очень стоит поучиться”³¹⁶.

Покровский как руководитель отрасли и представитель советской власти в архивной системе не просто отверг саму идею подготовки для архивного дела специалистов со специальным высшим образованием, но и продемонстрировал открытое недоверие к профессиональным ученым-архивистам в целом, а также к тем из них, кто присутствовал на съезде.

После этого работа съезда в основном потеряла свой практический смысл, хотя теоретический уровень выступлений сохранялся на прежнем высоком уровне.

Характерно, что в данном случае ученые-“москвичи” по всем принципиальным вопросам поддерживали своих коллег из Петрограда.

Академик М.М. Богословский повторил тезисы направленной им в Главархив в 1919 г. докладной записки о том, что если не прийти ученым на помощь, то архивы останутся без исследователей.

Представители архивов с мест привели ряд вопиющих примеров архивной разрухи, которая царила в провинции вследствие невежества и произвола властей.

Покровский резко пресек выступления подобного рода, взяв слово вне очереди и заявив, что делегаты из провинции несколько преувеличили встретившиеся на их пути затруднения. И вообще, сказал он, “хранить в архивах всю бумажную массу не представляется возможным”

Основная теоретическая работа тем временем разворачивалась в дискуссиях, которые проходили на научных секциях. Здесь А.И. Андреев познакомил коллег с работой петроградских архивистов над решением вопроса об архивной терминологии, в частности, рассказал о проектах, составленных И.В. Пузино, Г.А. Князевым и другими, которые будут нами проанализированы ниже.

Практически все участники предыдущей петроградской конференции повторили здесь свои доклады: И.А. Блинов зачитал сообщение “Об описях и описаниях XIX в.”, В.Н. Нечаев — “Об архивных музеях”, Н.П. Черепнин — “Принципы организации выставок архивных материалов” и т. д.

Здесь же впервые был поставлен вопрос о необходимости создавать особые хранилища для фотографического материала и кинематографических лент, которые могли дать полное представление о том или ином моменте современной эпохи. Иными словами, научная мысль в рамках нового, классического архивоведения продолжала свое существование.

Секция Истпарта проводила в это время свои, отдельные, заседания; на них были приглашены только избранные партийцы. Более того, главный представитель советской власти, новый руководитель Главархива М.Н. Покровский ушел с конференции до ее окончания. В резолюции по докладу секретаря комиссии Истпарта В.В. Адоратского “О взаимоотношении между Истпартом и архивом”, а также в ряде выступлений указывалось, что все документы, имевшие отношение к истории пролетариата, должны быть выделены в особые политические секции под контроль Истпарта.

Таким образом, в центре и на местах создавалась параллельная система архивов ведомственного характера, нарушался грубейшим образом принцип недробимости фондов, старые кадры архивистов вытеснялись на обочину архивной деятельности и т. д.³¹⁷. Как выяснилось вскоре, это стало серьезным симптомом начинающейся болезни, поразившей затем архивное дело, — возрождался ведомственный подход к ряду привилегированных архивов. Одновременно на съезде проявились радикальные расхождения во взглядах на архивную науку и

перспективы архивного строительства между научными работниками, представлявшими классическое архивоведение, с одной стороны, и архивной политикой, навязанной идеологическими, вненаучными соображениями чиновников из высших сфер партийно-государственного аппарата — с другой.

И.А. Курникова первой обратила внимание на связь процессов медленного, но систематического сведения фундаментальной науки об архивах к сумме узкотехнологических знаний по архивной практике с общей политикой советской власти в области высшего образования³¹⁸. В частности, она отметила, что постановление СНК РСФСР от 2 сентября 1921 г. “О высших учебных заведениях РСФСР”, ликвидировавшее автономию высшей школы, привело к насильственному изменению (по указанию Наркомпроса) учебных и научных программ вузов. В них был введен обязательный минимум общественных дисциплин, включавший исторический материализм, историю Октябрьской революции, изучение развития общественных форм на основе классового подхода к всеобщей истории, плана ГОЭЛРО как фундамента социалистического строительства и т. д.

1921/22 уч. г. стал последним годом существования Петроградского археологического института. Из 242 слушателей к концу учебного года в нем оставались 10 человек. В январе 1922 г. институту, проректором которого (по хозяйственной части) с января 1921 г. был А.С. Николаев, не выделили бюджетных средств ни на зарплату преподавателям, ни на хозяйственные расходы. А затем ПАИ (практически одновременно с МАИ) ликвидировали обычным постановлением Главпрофобра от 17 июня 1922 г.

Так закончилась 45-летняя история деятельности ПАИ. Вместо него 1 июля того же года на факультете общественных наук Петроградского университета было создано археологическое отделение при одном из циклов (так стали именоваться бывшие факультеты). Основную часть занятий перенесли в различные архивохранилища и в показательный архивный кабинет, которым руководил председатель архивной комиссии архивно-археографического цикла А.С. Николаев. Но значение архивоведения как самостоятельной научной дисциплины в университете падало настолько стремительно, что к 3-му курсу обучения из 34 студентов остались только трое.

В 1925/26 уч. г. чтение архивоведческого цикла в Ленинградском государственном университете с обязательным посещением³¹⁹ закончилось.

Исходя из задач нашего исследования, мы должны констатировать, что подход И.А. Курниковой к истории “взлета и

падения” ПАИ и МАИ как истории более или менее удачных попыток поставить под контроль власти неизбежный процесс смены поколений кадров архивистов является оправданным. Было бы целесообразно, с нашей точки зрения, обобщить ее наблюдения и оценки следующим логическим выводом: попытки возобновить подготовку архивных кадров вначале в рамках архивно-археологического цикла при археологическом отделении университета, а затем в 1923 г. при Петроградском отделении Центрархива уже не имели почти ничего общего с классическим архивоведением. Это были курсы с ярко выраженной технологической направленностью. И хотя А.С. Николаев и Г.А. Князев читали на них общий курс по архивоведению, он, этот курс, как вспоминал позже М.С. Вишневский, “строился на учете тех заданий, какие стояли перед архивными учреждениями в их плановой работе, приспособляя методы занятий... к тому, что нужно было нашим архивным работникам в их повседневной работе в архивохранилищах”³²⁰.

Симптоматично, что на 1-м съезде архивных деятелей РСФСР в 1925 г. А.С. Николаев выступил не на пленарном заседании в отличие от предыдущих форумов архивистов, а на заседании архивно-технической секции, и доклад его был посвящен не фундаментальным проблемам архивного строительства, а состоянию и публикации каталогов, указателей и справочников по архивному делу³²¹. Последним его выступлением в печати стала, по нашим наблюдениям, статья “Формуляр фонда”, в которой он обосновывал необходимость составлять помимо обычной описи еще и специальный формуляр из 13 классификационных рубрик³²².

Последнее упоминание в печати о Николаеве относится к 1928 г. В публикации он назван старшим архивистом Ленинградского исторического архива³²³.

По непроверенным данным, в начале 30-х годов он еще числился консультантом при одном из ленинградских архивов и якобы погиб в случайной транспортной катастрофе. Некоторые ветераны архивного дела в устных воспоминаниях не исключают, что он либо покончил самоубийством, либо его исчезновение было связано с началом крупномасштабных репрессий в Ленинграде: начались гонения на однофамильцев убийцы С.М. Кирова. Наши поиски в архивах Москвы и Петербурга каких-либо документов, проливающих свет на обстоятельства и дату его смерти, пока не дали положительных результатов.

Личный архив А.С. Николаева в сентябре 1934 г. передан в Государственный литературный музей семья Ю.Г. Оксманна, работавшего в 1933–1936 гг. в ИРЛИ. Было сформировано 44 дела и составлена опись № 1885.

В 1941 г. почти весь фонд А.С. Николаева вместе с фондом Ю.Г. Оксмана передали в Центральный государственный литературный архив (ЦГЛА, ныне РГАЛИ).

В 1954 г. в результате проверки соответствия документов фонда профилю ЦГЛА было принято следующее решение: фонд представляет интерес для изучения истории раннего периода архивного строительства в 1918–1925 гг. и в целях лучшего использования материалов фонда его следует присоединить к архиву ЦАУ или передать в Ленинград³²⁴. В мае 1955 г. по распоряжению ГАУ МВД СССР фонд Николаева поступил из ЦГАЛИ в Центральный государственный архив Октябрьской революции СССР и зарегистрирован под номером Р-7798.

В настоящее время в нем насчитывается 172 дела, одно из них содержит литературные произведения Николаева³²⁵. Можно добавить, что передача фонда из ЦГЛА происходила небрежно, в связи с чем его остатки сохранились в составе фонда Ю.Г. Оксмана. Здесь, среди разрозненных листов, имеется документ, объективно характеризующий научную обстановку в архивной отрасли начала 30-х годов, в том числе личность А.С. Николаева и его оппонентов.

Мы впервые публикуем уникальный по содержанию документ — протокол заседания ячейки секции научных работников при Ленинградском отделении Центрального исторического архива (ЛОЦИА) и Ленинском институте истории ВКП(б) от 7 января 1931 г.³²⁶

“Докладчик М.И. Ахун оглашает повестку дня:

П. 1. Рассмотрение протокола экстренного заседания Президиума местного бюро с[екции] н[аучных] р[аботников] при ЛОЦИА и Ленинском институте истории ВКП(б) от 4.01. 1931 г. по поводу заявления А.С. Николаева от 2.01. 1931 г.” (Л. 1).

Далее участникам заседания предлагается для обсуждения текст заявления:

“Уполномоченному ЛОЦИА тов. Дрезену
архивиста А.С. Николаева

Докладная записка

Констатируя большую орфографическую и синтаксическую безграмотность у целого ряда сотрудников ЛОЦИА, вредно отражающую на справочной текущей работе, предлагаю в течение января и половины февраля в вечернее время от 7 до 9 часов вечера 11, 13, 21, 23, 31 января и 1, 3, 11, 13 февраля провести 18-часовой курс морфологии и синтаксиса.

Архивист /А. Николаев/
19–2/1–31 года.” (Л. 1).

Докладчик разъясняет, почему по поводу этой записки было созвано вначале экстренное заседание в ЛОЦИА, а теперь к ее обсуждению привлечены и научные сотрудники Института истории ВКП(б): “Заявление т. Николаева нельзя рассматривать изолированно, вне связи с последними политическими мероприятиями... Суть этих мероприятий сводится к уточнению положения ЛОЦИА как учреждения научно-политического, а именно — во главе отделов вместо беспартийных специалистов поставлены молодые партийные работники... Положение специалистов этим распоряжением по существу не ухудшалось, так как они остались техническими руководителями отделов и назначены старшими архивистами, получив, таким образом, большие, чем вновь назначенные заведующие отделами, оклады содержания” (Л. 2).

Таким образом, заявлению Николаева, во-первых, придавался политический характер, во-вторых, ставился под вопрос здравый смысл заявителя: ведь в деньгах его не ущемили, а совсем наоборот.

Вывод докладчика: “Все это привело местное бюро к оценке поступка т. Николаева как поступка антиобщественного, а также к вопросу о возможности т. Николаева дальнейшего пребывания в секции научных работников” (Л. 2) [стиль автора сохранен. — Т. Х.].

Приведем наиболее характерные места из “оправдательного” выступления А.С. Николаева:

“...Конечно, все можно истолковать не так, как оно было в действительности, но надо все же считаться с фактами. Характер мой, кажется, известен. Я делаю свое дело с любовью, не привык оставаться на почве словесности. Я отдаюсь делу с высшей степенью самоотверженности, ухожу в него с головой. Всякий новый сотрудник, который поступает ко мне для изучения архивного дела, встречает с моей стороны самое горячее, бережное и любовное отношение... Теперь приходится всем учиться. Надо признать, что и мы не в белых перчатках ходим, есть у нас различные пробелы. Вот я и хотел оказать помощь, какую я могу оказать... Повторяю: мое отношение ко всем молодым сотрудникам крепкое, хорошее, любовное. Я только желал и желаю *уделить из моего запаса времени* определенные часы для того, чтобы выправить познания некоторых сотрудников в синтаксисе и письме” (Л. 3). И далее: «Я уже доживаю свой век (Николаеву еще не исполнилось и 54 лет. — Т. Х.). Я слишком стар, слишком болен, чтобы думать о мальчишеских выходках и пускаться на мальчишество. Кусок моего “я” готов я передать на то, чтобы мог выработаться хороший архивный работник. И надо уметь истолковать все дело так, как оно ис-

толковано в обвинении. Я говорю то, что думаю. И мысль о том, что на мое предложение может кто-либо обидеться, совершенно не приходила мне в голову» (Л. 3).

В ответ на вопросы участников заседания докладчик, он же — общественный обвинитель, характеризует “физиономию” Николаева как общественника: “Т. Николаев никакой общественной работы не ведет, собраний не посещает... Во время вербовки в члены сберкассы (так в тексте. — Т. Х.) он вовсе не откликнулся, на заем подписался только после второго предложения” (Л. 4).

Николаев пытается объяснить причины своей слабой общественной активности: “Я начинаю рабочий день с 8 часов утра. После службы в архиве, пообедав в половине пятого, иду на работу с рабочими техникума (о техникуме см. документ, который мы приводим ниже. — Т. Х.). Из этого уже видно, что я физически не могу присутствовать на ваших собраниях. Чтению лекций рабочим я отдаюсь всецело: они ведутся горячо, с воодушевлением. Слушатели бывают взволнованны и довольны. Происходят горячие беседы... По-моему, все это — общественная работа просто грандиозного масштаба. В общественном деле каждый делает то, на что он способен. Я занимаюсь именно такой работой, с утра до вечера я занят общим делом...” (Л. 5).

Представитель местного бюро ЛОЦИА зачитывает текст резолюции, принятой по заявлению Николаева за три дня до этого заседания: “...Местное бюро СНР считает, что выступление А.С. Николаева является скрытым протестом против проводимых по ЛОЦИА мероприятий, а потому должно рассматриваться как антиобщественное и антисоветское. Поэтому бюро признает необходимым исключить А.С. Николаева из членов СНР” (Л. 6). От себя он поясняет: “В настоящее время идет ломка старого. Выдвигаются молодые работники. Выступление против этого выдвижения — выступление политическое. ЛОЦИА — учреждение научно-политическое, поэтому в нем подобное выступление — сугубо политическое. Поскольку же выступление это идет против основных мероприятий Советского правительства, оно имеет контрреволюционный характер” (Л. 6).

Из однотипных речей участников заседания приведем только отдельные выдержки.

Э.М. Крустыньсон: “Т. Николаев поднял вопрос о грамотности архивных работников. Но я уверена, что в этом отношении сущность дела не в том, чтобы знать, где ставить запятую. Грамотность сотрудника должна выражаться в том, чтобы он знал, где почерпнуть нужные сведения, и в умении дать им правильное освещение”...

А.К. Дрезен: «...Напрашивается сопоставление т. Николаева с академиком Платоновым (репрессированным к этому времени по “академическому делу” — *Т. Х.*). Платонов начал с того, что всячески дискредитировал и принижал новых молодых работников, не хотел давать им движения. Т. Николаев делает то же самое. Николаев и Платонов в этом отношении сомкнулись. Эта связь ранее не выступала, а теперь в вопросе об этом “попечительстве о народном образовании Центрархива” она прорвалась... Тов. Николаеву в секции оставаться нельзя».

Н.Я. Костеша: “Вполне естественно, что молодые работники, иногда приходящие от палки пастуха (так в тексте. — *Т. Х.*), не могли ориентироваться в вопросах синтаксиса... Но если поднимать общий вопрос о занятиях, то почему в этом случае не организовать занятия по диамату и по ленинизму?” (Л. 6–7).

В заключительном слове Николаев не смог сдержать себя:

«Я присутствую при любопытном моменте, как можно простой факт истолковать совершенно неправильно... Будет время, когда, товарищ Дрезен, вы сами будете в пожилых годах и тогда вы спросите свою совесть (*А.К. Дрезен, Э.М. Крустыньсон* и некоторые другие участники этого заседания в конце тридцатых годов будут репрессированы, так и не дожив, к сожалению, до пожилого возраста. — *Т. Х.*)... Я никогда не был блюдолизом и не отличался подхалимством, и память у меня хорошая... *Т. Дрезен*, вы меня связали с *Платоновым*. Но я в свое время, когда был поднят вопрос о вредительстве в Академии наук, в этой же комнате установил свое отношение к *Платонову*... Вы давали распоряжения по моим фондам через мою голову... Но если бы вы присутствовали на последнем заседании нашей поверочной комиссии, вы сами ужаснулись бы, какие фонды могли бы быть уничтожены, если бы не было некоторых руководящих лиц, смягчающих положение. Я, конечно, ожидаю, что обо мне будут говорить, как о каком-то вредителе. Но я, что бы обо мне ни говорили, своей линии изменить не могу и буду относиться к своему делу так же крепко и любовно, как относился всегда. В заключение скажу, что редко встречал такого человека, к которому с такой законченной цельностью было бы применимо слово *Ленина* “комчванство”» (Л. 7).

Понимая, что решение предрешено, избранный председателем собрания *В.К. Лукомский*, которому посвящен ниже отдельный очерк, пытается спасти ситуацию любой ценой. Он несколько раз предлагал *А.С. Николаеву* забрать заявление, поскольку, как он деликатно отметил, в поданном им заявлении

совсем иное содержание, нежели то, которое он сам предполагал. Николаев непреклонен: “Брать мое заявление назад нельзя. Я не мальчик. У меня совершенно определенное отношение. То, что я написал, я признаю и теперь. Что же вы хотите, чтобы я теперь встал на колени, просил прощения? Получилось бы так, что я хотел сделать мелкую пакостишку, а потом устроить так, как будто ее не было? Тогда получилась бы какая-то детская история. Брать назад нельзя” (Л. 7).

Участники заседания единогласно принимают решение исключить Николаева из секции научных работников.

Стенограмма заседания заканчивается фразой: “Николаев (уходя): Благодарю за тридцатилетнюю службу” (Л. 7).

Участники заседания перешли к очередному пункту повестки дня.

Трагическим парадоксом, характерным для тех тяжелых дней, является следующий факт: к отстранению Николаева от дела всей жизни — архивов оказался вольно или невольно причастен бывший соратник по Союзу РАД и авторитетнейший специалист В.К. Лукомский. Сегодня такие трагические повороты судьбы объяснить трудно, но, на наш взгляд, о них нельзя забывать. Тем более что во многом судьба В.К. Лукомского напоминает судьбу И.Л. Маяковского — еще одного ученого, стоявшего у истоков классического архивоведения, но позднее вынужденного отказаться от многих связанных с ним идей.

Владислав Крескентьевич Лукомский (1882–1946)³²⁷ — специалист в области геральдики и генеалогии, библиофил, архивист, один из создателей геральдики как вспомогательной исторической дисциплины.

Родился в Калуге, в семье инженера-технолога путей сообщения. Высшее образование получил на юридических факультетах Московского (1900–1902) и Санкт-Петербургского (1902–1905) университетов. В 1906 г. начал работать в канцелярии Департамента герольдии Сената. В 1907 г. поступил в Санкт-Петербургский археологический институт, где занимался по дипломатике и сфрагистике у Н.П. Лихачева, по палеографии — у И.А. Шляпкина и Н.М. Каринского, по нумизматике — у А.К. Маркова, по архивоведению — у А.П. Воронова.

Дипломную работу по теме “Русская геральдика” защитил в 1909 г. Дальнейшую научную деятельность совмещал со службой в канцелярии Департамента герольдии Сената, занимая должности от обер-секретаря департамента до управляющего гербовым отделением Департамента герольдии Сената (1915).

С марта 1917 г. — член Союза российских архивных деятелей. Специальным постановлением Народного комиссариата

юстиции от 12 апреля 1918 г. был оставлен управляющим гербового отделения, преобразованного затем в Гербовый музей, к которому присоединили архив бывшего Департамента герольдии Сената, насчитывавшего свыше 2 млн ед. хранения.

С выходом Декрета о централизации и реорганизации архивного дела от 1 июня 1918 г. Гербовый музей вошел в состав Единого государственного архивного фонда, а Лукомский был кооптирован в качестве члена постоянного совещания управляющих ЕГАФ, которое возглавлял А.С. Николаев.

С 1912 г. и на протяжении всех послереволюционных лет читал курс геральдики в Петроградском археологическом институте.

В 1918 г. советом института был избран ассистентом к профессору Н.П. Лихачеву по кафедре дипломатики, а затем геральдики, наконец, в 1921 г. стал профессором кафедры геральдики и генеалогии. Был приглашен Николаевым участвовать в работе Архивных курсов при Петроградском археологическом институте.

После ликвидации института в 1922 г. Лукомский перешел в Петроградский университет (факультет общественных наук) на кафедру геральдики литературно-художественного отделения музейного цикла, где работал вплоть до начала реорганизации факультета осенью 1925 г. Все это время продолжал возглавлять Гербовый музей, который с 1932 г. стал именоваться кабинетом вспомогательных исторических дисциплин. Лукомский работал в нем старшим архивистом (позднее — старшим научным сотрудником 1-го разряда), выполняя функции заведующего.

В 1938 г. В.К. Лукомскому ученый совет Ленинградского университета присвоил ученую степень кандидата исторических наук (без защиты диссертации). После передачи сети госархивов в систему НКВД все документальные материалы кабинета было предписано передать в Государственный архив внутренней политики (четвертый отдел). Лукомского назначили ученым консультантом архивного кабинета.

На всем протяжении своей жизни Лукомский занимался преподавательской деятельностью, причем она определялась не только геральдикой. Непосредственный участник и свидетель послереволюционного архивного строительства, он в течение ряда лет читал курс лекций по истории архивного дела в СССР на историко-архивных курсах для работников центральных, местных и ведомственных архивов, а также в Историко-архивном техникуме. Во время войны в результате пожара лишился квартиры, а вместе с ней и собранных на протяжении десятков лет коллекций, библиотеки, архива.

Эвакуированный из блокадного Ленинграда в 1942 г. последние четыре года жизни вел научную и преподавательскую работу на кафедре вспомогательных исторических дисциплин Московского историко-архивного института в должности профессора.

В июле 1943 г. его избрали ученым секретарем совета Историко-архивного института.

В апреле 1944 г. совет Института археологии АН СССР присвоил ему ученую степень доктора исторических наук (без защиты диссертации).

Как видим, В.К. Лукомский уцелел в “чистках” Скончался он в 1946 г., окруженный заслуженным почетом.

К сожалению, мы почти ничего не знаем о том, что произошло с А.С. Николаевым после того, как он был лишен всех постоянных архивных должностей и привилегий, положенных официально признанному ученому. Неизвестно даже, получил ли он пенсию.

В случае, например, с Б.И. Анфиловым, автором определения фонда, которое, по оценке В.Н. Автократова, стояло выше современных ему западноевропейских определений, власти в конце 30-х годов поступили именно так: последние два года жизни он не жил, а прозябал без работы и без пенсии.

В фонде Ю.Г. Оксмана дипломница ИАИ РГГУ И.А. Хожина выявила несколько документов, проливающих свет на последние, исполненные драматизма, дни жизни А.С. Николаева³²⁸. Повторяем, что точную дату смерти Николаева, несмотря на активные поиски, установить так и не удалось.

Последнее упоминание о “преподавателе Ленинградского индустриального техникума А.С. Николаеве”, датированное 21 ноября 1933 г. и сохранившееся в РГАЛИ, представляет собой подписанный Николаевым рукописный текст на листе тетрадного формата — ходатайство о пенсии³²⁹.

Для полного и объективного представления о том, как развивалось классическое архивоведение на Архивных курсах ПАИ в пору заведования А.С. Николаева, приведем краткие очерки жизни и деятельности его коллег по научно-учебной работе и единомышленников. Это прежде всего относится к *Виктору Владимировичу Снигиреву* (1885–1921).

Он был помощником А.С. Николаева в годы, когда тот возглавлял I Петроградское отделение IV секции ЕГАФ (б. архив МНП). Работали вместе над описями архива под руководством С.Ф. Платонова. Впоследствии Снигирев заседал в Союзе РАД и ездил в командировки от Главархива по провинциям России, выступая перед учителями и другими представителями местной интеллигенции.

Чтобы оценить значение научного вклада В.В. Снигирева в фундаментальную отечественную науку об архивах, мы привлекли рукописный автограф его доклада "Важнейшие достижения западноевропейской теоретической мысли и практики в области постановки архивной работы" (1919), который хранится в Тверском областном объединенном музее³³⁰. Кроме того, в состав источников нами отнесена обнаруженная в РГИА и еще не опубликованная программа по архивоведению и архивоведению для учебных заведений, подготавливающих учительский персонал единой трудовой школы³³¹ (атрибутирована Н.И. Химиной как принадлежащая В.В. Снигиреву). Эта работа имеет особую актуальность в связи с идеей разработки школьного курса по архивоведению. Ее выдвигает в последние годы академик Российской академии образования С.О. Шмидт. В публикуемом ниже некрологе И.Л. Маяковского, посвященном В.В. Снигиреву, содержатся убедительные доказательства действительной принадлежности данной работы В.В. Снигиреву, написанной им по заданию научно-теоретического отдела Главархива и Наркомпроса Северной области.

Анализ научного наследия ученого мы проводили, опираясь также на следующие его работы: "Делопроизводство Комиссии об учреждении народных училищ. 1782—1803 гг."³³², брошюру "Почему необходимо бережно хранить собрания документов и чем каждый из нас может помочь в этом деле" и листовку "Сберечь архивы — значит помогать строить лучшее будущее. Будем беречь наши архивы" Последние две работы были выявлены в ЦГИА СССР в 1988 г. в фонде архива, датированы февралем 1919 г., опубликованы и кратко откомментированы В.Н. Автократовым и И.Е. Шуббе³³³.

Фамилию Снигирева перечисляет в составе лекторов Архивных курсов при ПАИ Н.П. Черепнин³³⁴. В.И. Пичета назвал Снигирева выдающимся архивным работником, но при этом искажил написание фамилии (Снегирев вместо правильного Снигирев, позднее эта ошибка станет распространенной)³³⁵.

Над выявлением, атрибутированием и анализом работ В.В. Снигирева активно работала в 70—80-е годы современный историк архивного дела в России Н.И. Химины. К сожалению, кроме отдельных упоминаний имени В.В. Снигирева в написанных ею разделах "Истории архивного дела в СССР"³³⁶, нам не удалось найти опубликованных специальных работ по данному вопросу.

До самого последнего времени единственным источником сведений о Снигиреве служила выявленная нами в личном фонде И.Л. Маяковского в ЦМАМе неопубликованная рукопись его своеобразных воспоминаний — несколько вариантов

обширного некролога, посвященного памяти умершего в Твери В.В. Снигирева. Некролог так и остался неопубликованным³³⁷.

Как пишет Маяковский в первом варианте рукописи, относящейся, судя по содержанию, к началу января 1922 г., “16 декабря 1921 года в Твери скончался, прожив всего 36 лет, выдающийся петербургский архивист, талантливый педагог и молодой ученый Виктор Владимирович Снигирев... Хотя мой сегодняшний печальный долг — помянуть В.В. только как сотрудника научно-статистического отдела Главархива и подвести итоги его деятельности в нем, — но я не могу не говорить о покойном как о человеке.

Уже первые моменты организации н.-ст. отдела неразрывно связаны с В.В.... Исходя во всякой работе из широких исторических посылок, укладывавшихся у него притом в необычайно стройные схемы, В.В. одним из первых набросал широкую программу организации библиотеки при отделе... И когда наша невыносимая действительность своими тяжкими испытаниями напрягла до крайней степени нити и его служебных и его семейных связей, — какие-то из этих нитей неизбежно должны были оборваться: оборвались нити, связывавшие его с архивной деятельностью. Нужды семьи, не могшей долее жить в Петрограде, дали новое направление общественной деятельности В. В-ча, забросив его в Тверскую губернию. Горько было всем, близко знавшим В. В-ча, слышать, что его архивная деятельность оборвалась настолько, что когда летом прошедшего года был созван в Твери областной съезд по охране памятников искусства, старины и письменности и открыл свои заседания в стенах института, где В.В. являлся самым популярным лектором, В. В-ча в его рядах не оказалось, ибо местные деятели совершенно не знали, что этот талантливый преподаватель есть в то же время и выдающийся архивист”³³⁸.

Маяковский зачеркивает все ранее написанное и начинает свой рассказ более академически, касаясь не только работы Снигирева в научно-статистическом отделе, но и других страниц его жизни и научной деятельности. Задуманный вначале короткий некролог превращается в мемуары — ценный источник по истории становления классического архивоведения. Мы вводим в научный оборот этот документ, представляющий собой доксографический очерк, поскольку его строки ярко характеризуют типичный облик представителя классического архивоведения (как самого мемуариста, так и того, о ком он рассказывает) и добавляют важные штрихи к картине той обстановки.

В особых комментариях документ не нуждается. Отметим только, что в нем история архивной реформы подается в том

виде, в каком ее представлял непосредственный участник (начиная с 1915 г., за три года до ее провозглашения в декрете от 1 июня 1918 г.).

Необходимо также обратить особое внимание на характеристику процесса разработки основных научных положений, которые легли впоследствии в основу декрета.

Начало архивно-археографической деятельности В.В. Снигирева совпало с возрождением одного из крупнейших петроградских древлехранилищ — архива Министерства народного просвещения (1915). Созданная под председательством С.Ф. Платонова Комиссия по научному описанию архива потребовала разработки научного подхода к описаниям фондов и исключительной энергии и самоотверженности. В руководстве архива произошли изменения — новым начальником архива был назначен А.С. Николаев, а помощником начальника В.В. Снигирев. Началась лучшая пора научной деятельности архива, в которой В.В. Снигиреву сразу выпала ответственная роль. «Свежий, свободный от старых архивных традиций, широко образованный, с громадной эрудицией, он быстро изжил шаблоны... и уже при первичном исследовании архивных фондов обнаружил ряд новых, не значившихся ни в одной описи, весьма важных материалов, а составленные им правила описания легли в основу работ всех сотрудников комиссии... Глубокая, неиссякаемая деликатность его натуры, счастливо соединявшаяся с железной настойчивостью и требовательностью, спаяла сотрудников комиссии и превратила в одну дружную семью. В изданном томе (Маяковский имеет в виду «Описание дел Архива МНП» Т. 1. Пг., 1917. — Т. X.) Снигиреву принадлежит исторический очерк архива, заключающий в себе, между прочим, такую точную схему архивных фондов, которая и поныне остается руководящей нитью при ориентировке среди архивного материала... Февральская революция 1917 года поставила для архива на очередь новую трудную задачу — прием документального наследия Главного управления по делам печати... Днем времени на это все не хватало, были организованы специальные вечерние занятия (имеются в виду, в частности, многократные перемещения архивного материала вручную из помещения в помещение, пока им наконец не предоставили постоянное место для хранения. — Т. X.)... Октябрьская революция сделала эпоху уже не в одном каком-либо архиве, а в архивном деле всей России.

С мая 1917 года начались подготовительные работы по радикальной реорганизации архивов, получившей свое выражение в декрете 1 июня об учреждении ЕГАФ. Работы были спешными и торопливыми до лихорадочности: шли непрерыв-

ные совещания ученых — историков, архивистов, археографов, членов Союза архивных деятелей, и высказанные на них порою неясные суждения, мимоходом брошенные соображения, многочисленные и подчас противоречивые справки из архивной теории и практики Западной Европы требовалось к следующему же дню, а иногда даже к вечеру того же дня, отлить в стройные схемы и проекты и снабдить их обстоятельными записками... И в этой сутолоке молодой архивный работник не только не растерялся, но во всю ширь развернул свой стройный ум и организаторский талант: *достаточно сказать, что схема деления единого Государственного архивного фонда на секции и отделения, ставшая краеугольным камнем всей реформы, была ближайшим образом разработана В.В. Снигиревым* (выделено нами. — Т. Х.). Все эти схемы, проекты, сметы он писал по ночам и майскими праздничными днями, и все его существо было охвачено увлечением, надеждами и радостью.

Когда реформа стала действительностью, началась такая же суетливая, но уже будничная, мало заметная для постороннего глаза работа в своем архиве»³³⁹.

Перечислив огромный круг обязанностей Снигирева, Маяковский подчеркивает:

“Но не в этой только организационной работе проявлялась энергия Снигирева.

Это был человек с ярко выраженным уклоном в науку, в теорию, в широкие построения, в стройные схемы”³⁴⁰ (выделено нами. — Т. Х.).

В.В. Снигирев принял самое деятельное участие в организации Архивных курсов при ПАИ и в чтении на них лекций, а также в научных работах научно-теоретического отдела Главного управления архивным делом. Курсы были открыты той же осенью при Петроградском археологическом институте и на них В.В. Снигиреву были поручены, с одной стороны, обязанности помощника заведующего курсами А.С. Николаева, а с другой — чтение лекций по технике архивного дела. Курс его был построен на широком использовании западноевропейской архивной литературы. Причем он не только привел разработанные в ней принципы в строгое соответствие с русской архивной действительностью, но и, как пишет Маяковский, сумел “отлить этот скучный и слишком специальный курс в изящнейшую форму” Чтение курса обнаружило в нем еще одну сторону — лекторский талант, ярко проявившийся позднее и в его профессорской работе в Тверском институте народного образования.

Наиболее полно раскрылись его научные взгляды в так называемом научно-теоретическом отделе (в первом варианте

рукописи Маяковский называл его научно-статистическим. Это лишний раз свидетельствует о том, что частая смена названий приводила к путанице в терминологии даже самих участников событий) Главного управления архивным делом.

Уже первые шаги организации этого отдела, который должен был объединять и направлять научно-описательскую и научно-издательскую деятельность архивов, неразрывно связаны с В.В. Снигиревым. Лишь только в составе формировавшегося отдела наметились его основные подотделы — русский, иностранный и библиотечный В.В. Снигирев единодушным признанием всего отдела был выдвинут на роль заведующего библиотечным подотделом. Прекрасно знавший библиотечное дело благодаря своей прежней службе в Публичной библиотеке, он немедленно разработал широкую программу организации при отделе специальной архивной библиотеки. Созданная им классификация книг по архивным вопросам была настолько исчерпывающей, что легла потом в основу не только самого собирания книг для библиотеки, но и всей последующей библиографической работы отдела. “Это было не простым отбыванием службы, а органической частью всей тогдашней его жизни и деятельности. Об этом красноречиво говорила и его карманная гуттаперчевая табличка, которая ежедневно заполнялась с обеих сторон бисерными карандашными заметками. Затем дома она очищалась резинкой или водой, чтобы быть готовой вновь и вновь отразить на себе следы упорной, планомерной до педантичности и громадной ежедневной домашней работы. <...>

Когда же кончался служебный день и мы покидали стены Сенатского здания в августовские и сентябрьские дни памятного 1918 года, полного радужных архивных надежд, тогда Петровский сквер делался свидетелем, как В.В. продолжал свою работу, усаживаясь со своим собеседником на скамейке и развивая свои планы в области научно-статистического отдела”³⁴¹ (так в тексте. — Т. Х.), — вспоминает И.Л. Маяковский.

И далее следует фраза, которая дает нам возможность оценить глубину прозорливости Маяковского, написавшего ее в январе 1922 г., когда только начинали свою деятельность пришедшие к власти в Главархиве М.Н. Покровский и его единомышленники: “Счастлив он, что ему не пришлось увидеть, как резко разошлась с этими мечтами и планами последующая действительность, как жестоко разбивались многие его надежды и ожидания”³⁴².

Маяковский рассказывает о чтении Снигиревым лекций на учительских курсах в Петрограде и в Петрозаводске. Он начал с того, что разработал текст краткой архивной анкеты для

распространения между слушателями, а затем — подробный конспект целого курса лекций, преследующих широкие просветительно-научные задания. Ниже мы остановимся на этом направлении деятельности Снигирева, поскольку оно представляет собой неотъемлемую часть новой науки об архивах.

Лекции, которые читал ученый, собранные им сведения о положении архивов на местах, результаты бесед с представителями провинциальной интеллигенции, преимущественно с учителями, с очевидностью показали архивным деятелям своевременность и необходимость созыва архивного съезда, либо самостоятельного, либо используя планировавшийся тогда съезд представителей отделов народного просвещения.

Так как стоявший тогда во главе Народного Комиссариата по просвещению в Северной области З.Г. Гринберг (о его трагической судьбе мы уже рассказали, используя работу А. Борщаговского “Обвиняется кровь”) отнесся весьма сочувственно именно к этой последней идее, то Снигиреву была поручена ответственная роль: “он должен был представить на съезде *главнейшие основы теории и техники архивного дела*”³⁴³ (выделено нами. — Т. Х.).

Кроме того, так как предполагавшийся съезд открывал возможность установления тесного контакта Главархива с губернскими и уездными отделами народного образования и возможность популяризации через них архивной работы, отдел поручил Виктору Владимировичу составить для рассылки по отделам народного образования листовку, в которой в популярной форме было бы разъяснено, какое значение имеют документы и какие шаги необходимо предпринимать при обнаружении того или иного собрания документов.

Листовка эта была составлена и отпечатана частью в виде плаката, частью в виде брошюры (о судьбе этой листовки-брошюры мы расскажем ниже).

«В.В. глубоко и искренне верил в важность архивного дела и потому его листовка явилась не одним из частых воззваний, уже в то время сильно набивших всем оскомину, а *горячим призывом, обращенным к каждому человеку*. Перечисляя в своей листовке первые мероприятия по спасению обнаруживающихся архивных собраний, он говорит в ней, что эти меры *может и должен осуществить “решительно всякий”*»³⁴⁴ (выделено нами. — Т. Х.).

Мы вновь обращаем внимание на этот аспект деятельности представителей классического архивоведения, пытающихся превратить дело формирования архивов нового типа в своеобразный фундамент сплочения Личности, Общества и Государства в труднейший, переломный период их общей истории.

Помимо распространения по отделам народного образования этой листовки научно-теоретический отдел решил добиться преподавания основ архивоведения в провинциальных педагогических институтах и на педагогических курсах. В этих целях В.В. Снигиреву было поручено составить проект соответствующей программы и обращение к местным организациям и ученым обществам с указанием содействовать включению архивоведения в учебные планы педагогических институтов и курсов. Напомним, что в наши дни эту программу пропагандирует и пытается реализовать руководитель движения отечественных историков-краеведов С.О. Шмидт.

И циркуляр, и обращение были составлены Снигиревым. Однако проект не был осуществлен.

В рукописи некролога следует обширный раздел (в оригинале он зачеркнут Маяковским) о проекте создания при "петроградском Главархиве" Центрального бюро по обмену архивными изданиями с заинтересованными учреждениями и обществами не только в России, но с заграницей, который разработал Снигирев в конце 1918 г. Последняя фраза зачеркнутой в оригинале страницы знаменательна: "Проект этот, как и многие наши архивные проекты, осуществлен не был"³⁴⁵.

Весной 1919 г. В.В. Снигирев представил план составления библиографического указателя литературы по архивному делу на иностранных и русском языках. И в этом плане также сказался широкий размах его научно-архивных замыслов. По мнению И.Л. Маяковского, план в своем первоизданном виде охватил чуть ли не всю историографию архивного дела. И в эту работу Снигирев внес строгую плановость, систематичность и научность.

Той же весной 1919 г. ученый принял участие еще в одной важной работе. Научно-теоретический отдел предпринял разработку специальной анкеты об архивных фондах. В процессе работы встал вопрос о сущности понятия "архивный фонд"

Для разработки вопроса была организована специальная комиссия, в которую он как теоретик был привлечен и которая от решения частного вопроса перешла к разработке архивной терминологии в целом.

При характеристике архивной деятельности В.В. Снигирева об этой последней работе нельзя умолчать: с одной стороны, она наиболее соответствовала самому складу его ума; с другой стороны, она свидетельствует, что *"он не жил лишь вопросами сегодняшнего дня, а заглядывал в будущее архивной реформы"*³⁴⁶ (выделено нами. — Т. Х.).

Отметим это характерное для классического архивоведения подчеркивание прогностического аспекта разработки тео-

ретических вопросов в целом и терминологии архивистики в частности.

И.Л. Маяковский отмечает, что жизненность предпринятой теоретической работы наилучшим образом подтвердилась последующей действительностью: над вопросами терминологии, которыми так интересовался В.В. Снигирев, работает целый “Кружок архивных работников имени академика А.С. Лаппо-Данилевского”³⁴⁷.

Подчеркнем еще раз важность вводимой нами в научный оборот статьи-некролога Маяковского. Здесь содержится единственное свидетельство очевидца и участника тех событий: у истоков архивоведческого терминоведения, составляющего существо первоначального этапа работы над созданием новой науки – в данном случае классического архивоведения – стоял вместе с другими архивистами В.В. Снигирев. Это дает нам веские аргументы в пользу отнесения этого незаслуженно забытого архивиста, умершего в 36-летнем возрасте, к числу основоположников классического архивоведения.

Ниже мы еще вернемся к этому положению при характеристике научного наследия ученого.

Завершает свои воспоминания Маяковский следующими словами: «Архивная деятельность В.В. Снигирева протекала в крайне трудных и неблагоприятных условиях, создававшихся практикой архивного ведомства, которую сложно было бы кратко выразить словами “ordre, contrordre et désordre” (“порядок”, “антипорядок” и “беспорядок”. Фр. – Т. Х.).

И, несмотря на эти условия, В.В. находил все новые и новые запасы сил, чтобы продолжать любимую работу.

Для конкретного определения источника этих сил пришлось бы обратиться, пожалуй, к символике теософского языка и сказать, что физическое тело В.В. Снигирева было облечено в такую мощную оболочку излучавшейся из него деликатности, выдержки, благородства и спокойствия, от которой отталкивались все вредоносные флюиды, реявшие, да и теперь реющие в атмосфере архивной работы... Лучшим доказательством того, что даже в Тверской губернии он не весь ушел в житейские хлопоты и тесный мир семьи, были последние минуты его жизни и предание земле его бранных останков: он умирал на руках не одних близких, но и слушателей, горячо его любивших. А хоронила его вся Тверь»³⁴⁸.

На смерть Снигирева короткой заметкой откликнулся только А.Н. Макаров³⁴⁹. Других печатных откликов на его кончину нами не выявлено. По-видимому, Маяковский не решил опубликовать свою статью-воспоминание о Снигиреве, потому что слишком явным было противопоставление идеально-

го архивиста и тяжелых служебных условий, которые создавались начальниками раньше и, самое главное, продолжали, по его мнению, создаваться при новой администрации во главе с М.Н. Покровским. Больше за всю свою долгую жизнь Маяковский ничего подобного ни о ком не написал, хотя и пережил почти всех своих ровесников.

В его статье-некрологе перечислены почти все научные работы Снигирева, и к его кратким, но глубоким характеристикам трудно добавить что-то принципиально новое и важное.

Во вступительной статье к публикации В.Н. Автократова (при участии И.Е. Шуббе) “Петроградская брошюра об архивах” (1919) содержится ссылка на то, что авторство Снигирева установили Е.А. Агафонова и Г.Е. Соминич³⁵⁰.

Авторы публикации помогают понять смысл противопоставления Маяковским брошюры Снигирева и “частных” аналогичных публикаций. Они напомнили, что в это же время управляющий делами Совнаркома В.Д. Бонч-Бруевич написал (как указывается в официальной историографии — по личному указанию В.И. Ленина) и начал распространять массовым тиражом свою брошюру “Сохраняйте архивы!” (М., 1920). Существенное отличие этой брошюры от 8-страничной, карманного формата книжечки-листочка Снигирева под названием “Почему необходимо бережно хранить собрания документов и бумаг и чем всякий из нас может помочь в этом деле” состоит в том, что Снигирев обращается ко всем без исключения русским людям, без различия классовой, партийной и иной “окраски” Его главный адресат — патриот России и прежде всего народный учитель. Именно к нему он обращает свой призыв: “Твердо помните, что происходящая на всем протяжении Республики огромная работа по спасению архивов совершается в ваших же интересах, в интересах всего населения и даже будущих поколений и что успешное ее выполнение очень много зависит от вашей сознательной и добровольной помощи... Какими бы малоинтересными и неважными ни казались на первый взгляд документы некоторых архивов, должностных лиц и казенных учреждений — как упраздненных (напр., прежних земских начальников и волостных правлений), так и действующих (напр., казенных палат, акцизных и почтово-телеграфных установлений), точно так же, как и архивы с бумагами общественных учреждений (напр., земских, городских, монастырских, церковных) и частных лиц (напр., бумаги, оставшиеся в прежних помещичьих усадьбах), — все эти документы и бумаги очень ценны и сейчас и особенно в будущем. В руках знающих людей они явятся очень важным материалом для ознакомления не только с великими событиями нашего времени, вроде мировой

войны 1914–1918 гг., или Февральской и Октябрьской революций... но и с самой обстановкой нашей общественной и частной жизни с ее особым, резко изменившимся по сравнению с недавним прошлым, укладом...

Придет время, нас не станет, и наша пора, богатая событиями большого значения, сулящая стать преддверием новой жизни, сама отодвинется в прошлое...

Граждане!

*Читайте и объясняйте эту листовку всем неграмотным, распространяйте ее среди грамотных, втолковывайте детям и взрослым большую важность бережного сохранения документов и бумаг...*³⁵¹.

Особую ценность брошюре-листовке В.В. Снигирева как памятнику именно классической науки об архивах, противостоящей классовому архивоведению Бонч-Бруевича и Покровского, придает постоянное перечисление всех конкретных видов подлежащих вечному сохранению бумаг самого различного происхождения и содержания, отражающих жизнь и деятельность различных классов общества, разных государственных учреждений и отдельных частных лиц, любого, даже самого небольшого собрания документов, отражающего деятельность какого бы то ни было, действующего или упраздненного, учреждения или действующего лица (например, перечисляет Снигирев, любой крестьянской организации, деревенского кооператива, больницы, школы, церкви, монастыря, войсковой части, фабрики, завода, бывших урядника или земского начальника и т. д.) или же принадлежащих раньше частному лицу (доктору, учителю, помещику, священнику, купцу и др.)³⁵².

Сложные научные понятия В.В. Снигирев умел раскрыть самым простым языком, не снижая теоретического уровня требований. В качестве примера приведем не названное им прямо, но неявно присутствующее в следующем призыве определение сущности фонда: “необходимо помнить, что, как бы ни были важны и интересны отдельные разрозненные документы и бумаги, главная их ценность заключается в том, что они сохраняются вместе с другими, им подобными, без которых далеко не всегда можно понять и оценить их по достоинству” Напомним также определение архива, с которого начинается брошюра: “Собрание хранимых в порядке документов и бумаг — иногда совсем недавних, а иногда старинных — называется архивом. Каждый архив является драгоценным народным достоянием, подлежащим самой бережной охране, особенно со стороны всех тех, кому не безразлична память о старине, кто сознает необходимость знакомства с ней для создания лучшего будущего”³⁵³.

В РГИА вместе с воззванием ко всем пединститутам Северной области, история подготовки которого подробно излагается в некрологе, написанном И.Л. Маяковским, хранятся программа по архивоведению и архивоведению для учебных заведений, готовящих учительский персонал единой трудовой школы³⁵⁴, а также объяснительная записка к ней, представляющая интерес с точки зрения определения генезиса фундаментальной науки об архивах.

Характерно, что Снигирев одним из первых именно так во введении и определяет двусоставный предмет предлагаемой научно-учебной дисциплины: "Наука об архивах и ее подразделение: архивоведение и архивоведение" Первый подраздел содержит беглый обзор истории и современного положения архивного дела в Западной Европе с античных времен, а также очерк о развитии архивного дела в России, начиная с существования архивного дела в древней Руси и заканчивая устройством ЕГАФ и новой организацией архивов (архивные секции и архивные отделения).

Второй подраздел начинается весьма необычно. На первых же занятиях по технике архивного дела предлагается обсудить следующие темы: "Важность забот о пополнении архивов", "Почему не следует бояться перегрузки архивов?", "Два основных способа пополнения: практические меры к их осуществлению", "В каких случаях и с какими предосторожностями допустимо внесение поправок в сложившееся внутреннее устройство архивов" (эти и другие темы были включены в раздел "Работа над архивными материалами").

В разделе "Снабжение архивных материалов описями и научными описаниями" выделим достаточно необычный отдельный вопрос: "Необходимость специального образования для дела научного описания архивных материалов"

В третий раздел Снигирев вынес проблему, которая, видимо, особенно интересовала его аудиторию: "Руководство деятельностью небольших архивов" В нее он включил следующие вопросы: необходимость одновременного планомерного ведения всех видов текущих работ; порядок выдачи справок и допущения к занятиям посторонних лиц; устройство справочной библиотеки; делопроизводство в канцелярии при архиве.

О важности подготовленной В.В. Снигиревым программы свидетельствует следующий факт: С.Ф. Платонов поспешил доложить о ее завершении на заседании комитета ГУАД³⁵⁵. Однако практического воплощения проект внедрения "архивного сознания" в самые широкие слои населения, в первую очередь народных учителей, не нашел.

Большее значение для понимания сути новой науки об архивах имеет, на наш взгляд, выявленный в процессе подготовки данного исследования фундаментальный труд В.В. Снигирева “Важнейшие достижения западноевропейской теоретической мысли и практики в области постановки архивной работы” Это доклад Московскому съезду архивных деятелей, состоявшемуся 10 июня 1919 г., датированный рукой автора 9 июня 1919 г. О существовании доклада было известно архивоведам давно. В частности, в ГАРФ сохранилось упоминание о том, что текст под сходным названием был зачитан на одном из последних перед окончательным самороспуском заседаний Общества российских архивных деятелей в марте 1922 г., спустя три месяца после смерти В.В. Снигирева³⁵⁶. Однако наши поиски полного текста документа ни в московских, ни в петербургских архивах не дали положительных результатов. И только высокий профессионализм и научная эрудиция доцента кафедры архивоведения Тверского государственного университета Н.В. Середы, которая включилась в наш поиск, помогли выявить среди отложившихся в отдельной папке рукописных листов за подписью “В. Снигирев” интересующий нас документ. На протяжении более восьми десятилетий он находился в Тверском областном объединенном музее³⁵⁷.

Мы впервые вводим в научный оборот этот важный документ, раскрывающий основы классического архивоведения первых лет его возникновения.

О содержании доклада дает наглядное представление его оглавление:

“1. Историческая эволюция нового понимания ценности архива и архивного материала.

2. Характеристика специальных архивных сооружений.

3: Основные принципы внутренней организации архива: исторический и логический (вопрос о возможности перехода от исторического принципа к логическому).

4. Важнейшие способы пополнения архивного инвентаря на Западе.

5. Практические успехи разрешения проблем технической разборки, перемещения, сохранения и охраны архивалий в Западной Европе.

6. Главные достижения в инвентаризации, научно-описательной и научно-издательской деятельности западноевропейских архивов и ученых учреждений и обществ.

7. Постановка дела подготовки архивных работников и связанные с ней задачи.

8. Общее направление и разные пути строительства архивного дела на Западе.

9. Библиография вопросов, затронутых докладом

Приведем основные тезисы доклада, имеющие наиболее важное, с нашей точки зрения, научно-теоретическое значение.

Снигирев начинает с основополагающей дефиниции: «В сознании современных архивных работников понятие “архив” начинает вырисовываться все более ясными очертаниями. Для нас АРХИВЫ уже перестали быть простыми складочными местами более или менее старинных документов, дел и бумаг, простыми антикварными коллекциями, ценными лишь для людей с археологическим вкусом, да для официальных учреждений, чья текущая работа преимущественно связана с отложенными в архиве следами их былой деятельности.

В нашем понимании АРХИВ — это прежде всего сокровищница источников по истории культуры в широком смысле слова, действенная лаборатория научной работы, где бережно и в строгом порядке хранятся и используются разнообразные по содержанию и внешним особенностям материалы о прошлом, призванные также служить резервуаром для подчерпывания всякого рода деловых справок...

Непременными логическими признаками самого понятия “архив” будут 4 следующих:

1) Наличие известного количества архивных материалов всякого рода (рукописных, связанных с ними печатных, графических — каковы, например, карты, планы, чертежи, диаграммы, а иногда и музейного типа — гербы, печати, наградные грамоты и т. д.) самого разнообразного содержания, ценности и происхождения в форме подлинников, копий или даже черновых набросков.

2) Второй признак понятия АРХИВ — наличие определенного, хотя бы и довольно несовершенного порядка регистрации и хранения архивалий, позволяющего их отыскание для использования с деловой или научной целью.

3) Третий признак — наличие если не специально построенного здания, то по крайней мере сколько-нибудь приспособленного помещения для их хранения в принятом порядке и для оберегания от расхищения, сырости, огня и порчи под воздействием разнообразных неблагоприятных внешних условий.

4) Наконец, четвертый признак — наличие служебно-го персонала, живой силы, сколько-нибудь подготовленной к своей профессиональной деятельности.

Все указанные признаки современного понятия АРХИВ развивались исторически, в известной взаимной связи, но с разной скоростью, разным темпом.

Так, первоначально внимание почти сплошь поглощалось заботами о чисто внешней охране архивалий, ценимых либо практически как арсенал документального оружия для охраны всяких прав, либо в качестве единственно уцелевших реальных следов отшумевшего прошлого.

Отсюда все эти своеобразные явления раннего Средневековья: хранение архивных материалов в тайных местах, совершенно недоступных для доступа посторонних, под большим секретом в руках надежных лиц, перемещение архивов в минуты военных опасностей и т. д.

Постепенно, однако, круг забот об архивах все расширяется: начинают работать над созданием более обдуманного порядка размещения, регистрации и сбережения архивных материалов...

В XVI и XVII столетиях (Снигирев дает хронологию, сообразуясь с реалиями западноевропейского архивного дела. — Т. X.) появляется новый тип архивного работника в лице уже не ловкого царедворца, пассивного хранителя доверенных ему рукописных сокровищ государственного или династического значения, а скромного и трудолюбивого ученого монаха, целиком ушедшего в свою архивно-техническую и научную работу по собиранию и изучению уже гораздо более широкого круга архивных материалов...

Можно считать прочно установленным факт, что эпоха революции и Наполеона, всколыхнувшая и оживившая национальное сознание европейских народов, составила эпоху и в истории архивного дела на Западе, укрепив идеи централизации управления и законодательства, а также идею централизации и самих материалов...

Такова, в самых общих абрисах, *эволюция понятия АРХИВ*³⁵⁸.

На наш взгляд, в подготовленных в 1919 (!) г. тезисах Снигирева уже намечены контуры современного понимания генезиса и развития науки об архивах. В них присутствует осознание стадийности ее развития — от постижения стихийно-онтологической сути архивов на доисторическом этапе архивоведческих знаний (по нашей терминологии, этому соответствует эмпирический этап развития науки об архивах) до указания на новый, гносеологический подход к архивам, которому соответствует следующий, традиционный, период в истории архивоведения. Сегодня к ним добавляется и осознание социально-культурной ценности архивов, что достигается в целостной системе классического архивоведения.

По мнению Снигирева, архивные материалы поднялись в современном ему сознании на высоту абсолютно незаменимых

и потому ценнейших исторических источников. В связи с этим архивы (по крайней мере, в принципе) были признаны публичными, общедоступными, отмечает он³⁵⁹. Этот обзор Снигирев называет беглой картинкой исторической эволюции архивной идеологии, проявившейся в новом понимании ценности архива и архивных материалов³⁶⁰.

Далее мы приведем его ценные в научном плане высказывания, касающиеся принципов внутренней организации архива. Смысл его рассуждений состоит в следующем. Все рукописные материалы могут храниться в архиве либо строго в том виде, как они исторически сложились в результате деятельности соответствующих учреждений, либо как были распределены частными лицами и корпорациями, либо разделенными на крупные логические рубрики по содержанию составляющих их дел, но безотносительно к происхождению и прежней группировке последних.

Первый принцип внутренней организации архива есть принцип исторический (*provenienzprinzip*). Согласно этому принципу архив должен быть по возможности точным, зеркальным отражением внутренней структуры и деятельности соответствующих учреждений, корпораций и частных лиц, чьи материалы в нем хранятся³⁶¹.

И затем следует научная мысль, которая, будучи сформулированной в мае 1919 г., может вполне считаться важнейшим открытием в области архивоведения как по новизне, так и по образной четкости дефиниции: «Основной единицей архива, построенного на историческом принципе, является *архивный фонд — центральное и важное понятие*, которое, к сожалению, иногда мыслится не совсем отчетливо, почему я и позволю себе остановиться на его *определении* несколько подробнее

Архивный фонд есть своего рода геологическое напластование, исторически сложившаяся индивидуальная группа архивных материалов различного содержания, объединенных в одно *органическое целое*, выросших, так сказать, на одном корню, каковым является их *общее возникновение в связи с деятельностью определенного учреждения*, или же *былая принадлежность одному и тому же физическому или юридическому лицу*, сгруппировавшему их именно так, а не иначе» (выделено нами. — Т. X.)³⁶². К сожалению, ни участники съезда архивных деятелей в 1921 г., ни члены Кружка архивных работников им. А.С. Лаппо-Данилевского, ни В.Н. Автократов, видимо, не были знакомы с этой дефиницией. Более того, В.В. Снигирев впервые сформулировал принцип, который спустя десятилетия автор учения о фонде как о теоретическом ядре науки об архивах В.Н. Автократов назовет в работе «Теоретические проблемы

отечественного архивоведения” законом фондообразования, обусловленным принципом недробимости: “В сознании современного архивного работника, чей архив построен на историческом принципе хранения материалов по фондам, положение о необходимости сохранения цельности фонда является своего рода *аксиомой*” (выделено нами. — Т. Х.)³⁶³. По нашему мнению, определение фонда в формулировке и с комментариями Снигирева может быть отнесено к числу высших достижений отечественной теоретико-архивоведческой мысли. Снигирев разъясняет, что можно рассматривать понятие “архивный фонд” более или менее широко, т. е., выражаясь современным языком, на различных уровнях: от ЕГАФ и ведомственных архивных фондов до фондов отдельных должностных и частных лиц. “При этом, — пишет он, — в интересах точности терминологии, необходимо отличать **ОБЩИЕ АРХИВНЫЕ ФОНДЫ** от составляющих их **СПЕЦИАЛЬНЫХ**”³⁶⁴. Эта терминология не прижилась, хотя в ней наглядно чувствуется попытка ученого выделить то общее, что отличает понимание фонда — результата **ОБЩЕГО** естественно-исторического процесса от внутриархивного понимания фонда как результата целенаправленной деятельности профессионала-архивиста. Позднее вокруг этого будут долго дискутировать представители ленинградской и московской школ архивоведения, породив целый ряд историко-теоретических исследований³⁶⁵. Он показывает различие между понятиями “фонд” и “коллекция” (хотя использует синонимом понятия “коллекция” слово “собрание”): “Очень важно отчетливо различать понятия **АРХИВНОГО ФОНДА** и **РУКОПИСНОГО СОБРАНИЯ**. Под последним следует разумеать отдельную механическую часть фонда, его обломок, отнюдь не обладающий ни полнотой, ни цельностью состава входящих в него архивалий”³⁶⁶.

Касаясь логического принципа построения архивов, В.В. Снигирев подчеркивает, что он принят некоторыми европейскими странами в качестве основы систем внутрифондовой классификации архивных материалов по сериям документов, которые изъятые из разных фондов и объединяются только общностью содержания (материалы судебные, финансовые, экономические и т. д. с последующими детальными подразделениями) или по их типу (например, папские буллы, грамоты с пожалованиями и пр.). Он разбирает доводы сторонников и антагонистов обоих принципов, учитывая продолжающуюся между ними борьбу: “Главными доводами против логического принципа являются указания на его искусственность, неисторичность, трудность создания достаточно гибкой и полной схемы, в которую без насилия можно было бы вло-

жить все пестрое разнообразие конкретного содержания архивов, и т. д.

С другой стороны, против исторического принципа естественной группировки архивных материалов по фондам выдвигают соображения трудности разыскания всех материалов аналогичного содержания или типа в общей массе фонда, а тем более всего архива; крайнюю затруднительность удачной реконструкции уже разбитых фондов, для чего требуется очень четкое знание истории надлежащего учреждения с точки зрения перемен в его внутренней структуре, пределах компетенции, формах делопроизводства, и пр.”³⁶⁷. Он не делает однозначного вывода в пользу того или иного принципа, хотя, следуя его научной логике, главное — не нарушать уже сложившиеся фондообразования.

В заключение приведем еще одну идею В.В. Снигирева, которая по содержанию близка многим сегодняшним отечественным и международным программам, включая программу “Память мира” ЮНЕСКО: “В специальной литературе слышатся голоса о необходимости предоставить архивам, библиотекам и музеям... права пользоваться флагом и защитой Красного Креста со всеми вытекающими отсюда последствиями, а также о крайней важности непрестанной пропаганды на случай возможных народных движений идеи величайшей государственной и культурной ценности архивов и их материалов, должествующих рассматриваться как некие *аполитичные и экстерриториальные единицы*. Для такой пропаганды считается существенным издавать листовки, плакаты и брошюры, разъяснять в школах на уроках истории вопрос о значении архивов для нации, широко агитировать об этом на съездах, собраниях и т. д.”³⁶⁸.

Таковы были научные взгляды ближайшего помощника и соратника А.С. Николаева — В.В. Снигирева, научное наследие которого мы впервые представляем и анализируем. Разумеется, создание на практике классического архивоведения не могло быть обеспечено трудами только А.С. Николаева и В.В. Снигирева. Это заслуга и тех ученых, имена и наследие которых более известны специалистам. Их принадлежность к числу создателей классического архивоведения мы попытаемся доказать впервые в историографии исторической науки.

Прежде всего в этом перечне следует назвать *Сергея Васильевича Рождественского* (1868–1934)³⁶⁹ — историка, архивоведа, труды которого по истории Министерства народного просвещения А.С. Николаев рекомендовал слушателям Архивных курсов при Петроградском археологическом институте в качестве образцовых из всей современной ему архивоведческой литературы.

Ученик С.Ф. Платонова, С.В. Рождественский был профессором русской истории Санкт-Петербургского университета. В 1920 г. его избрали членом-корреспондентом Российской академии наук. Академик АН СССР (1925).

Сфера профессиональных интересов: социально-экономическая и политическая история Московского государства XIV–XVII вв. и история народного просвещения в России.

Активный участник архивного строительства в первые послереволюционные годы.

С 1925 г. — заместитель С.Ф. Платонова по Библиотеке АН СССР, одновременно — профессор университета. Уволен в ноябре 1929 г., арестован 1 декабря того же года. Постановлением коллегии ОГПУ от 8 августа 1931 г. выслан на пять лет. Умер в ссылке. Реабилитирован в 1967 г.

Первый номер журнала “Архивное дело” научно-методического органа Центрархива РСФСР вышел в 1923 г. Открывался он программной статьей С.В. Рождественского “Историк — археограф — архивист”, в которой впервые предпринималась попытка решить в историко-теоретическом плане проблему диалога между представителями истории, археографии и архивоведения как различных отраслей научной деятельности.

Статья, написанная автором еще в 1918–1919 гг. и предназначенная для журнала “Исторический архив” или другого аналогичного издания, была воспринята в начале 20-х годов как манифест, провозглашающий самостоятельную (самоценную) сущность деятельности историков, архивистов и археографов в рамках целостной системы научного познания.

Напомним, что именно идея интегральности научного знания была положена А.С. Лаппо-Данилевским в основу его методологии, и именно это определило рождение классического архивоведения. В полном соответствии с таким концептуальным подходом Рождественский пишет в самом начале статьи: «Наука только тогда становится наукой, в точном смысле слова, когда из механической совокупности трудов отдельных лиц она становится органически целым, связывающим массу этих трудов *единством обобщающей мысли* (выделено нами. — Т. Х.), традициями известных методических направлений, — тем, что называется “школой”»³⁷⁰.

В связи с расширением научного интереса и соответственно появлением новых задач в археографической работе археограф, по мнению С.В. Рождественского, не всегда мог помочь историку, и со второй половины XIX в., приблизительно с 1860–1870 гг. (начало деятельности Н.В. Калачова), уступил свое место архивисту³⁷¹. Далее ученый излагает весь процесс эволюции науки об архивах от этапов, которые мы в настоя-

шем исследовании делим на эмпирический и традиционный, до начала XX в.: к этому периоду мы относим рождение классического архивоведения: «А р х и в и с т — это первоначально совсем скромный работник, стоящий по характеру своих прямых обязанностей, можно сказать, непосредственно вне круга настоящей научной работы. Его первоначальной прямой обязанностью было только хранить материал и внешне технически обслуживать исследователя, “доставать” ему “дела” Слабая в научном смысле жизненность такой работы объяснялась в значительной степени тем, что лишь немногие государственные архивы открывались для ученых исследователей. В большинстве так называемых ведомственных архивов ученый исследователь до очень недавнего времени появлялся редким и далеко не всегда желанным гостем. За семью печатями оставались для него обильные “частные” архивы»³⁷².

Указывая, что сведение деятельности архивиста только к выработке технических способов собирания и хранения архивного материала, не связанной прямо с задачами и приемами научного исследования, Рождественский делает примечательный вывод: “Такой примитивный взгляд, конечно, ошибочен” Отметим, что это ошибочное мнение, примитивизм которого стал очевиден уже к началу 20-х годов, продолжает свое существование и в наши дни, пройдя путь от так называемой практики архивного дела, противопоставляемой теории, до технологического архивоведения, задачи которого ограничиваются лишь описательными работами в архивах археографического (в нашей терминологии, архивографического) характера.

Рождественский формулирует основы той науки, которую мы в нашем исследовании предлагаем назвать классическим архивоведением: «Можно сказать, что только на глазах ныне здравствующих и работающих поколений русских историков *наше архивное дело стало быстро развертываться в крупную самостоятельную проблему организации русской исторической науки* (выделено нами. — Т. Х.)... А р х и в — не кладбище мертвых, рассыпающихся костей, а архивное “дело” — не мумия, обреченная на вечную неподвижность. Как в видении пророка Иезекииля, творческое слово науки должно вдохнуть жизнь в мертвые кости, претворить в исторические образы сухие документы архивного материала»³⁷³.

Иначе говоря, формально охранительные обязанности архивной службы расширяются до масштабов научно-исследовательской деятельности, и вызвано это превращение тем, что после революции перед архивоведением были поставлены колоссальные задачи по строительству единого государственного фонда³⁷⁴.

Именно научные задачи по изучению не отдельного документа, а сложного комплекса документов, из которых складывался некий цельный исторический факт, по мнению Рождественского, определили выделение архивоведения в качестве самостоятельной дисциплины³⁷⁵.

“Архивист, — подчеркивает Рождественский, — перестал быть чиновником и должен стать научным работником высшей квалификации, равноправным сотрудником историка-исследователя и археографа”³⁷⁶. В то же время, категорически отвергая тенденцию к их самоизоляции и отчуждению, особенно проявившуюся в начале XX в., он провозглашает характерный для классического архивоведения принцип гармонии, базирующийся на понимании общекультурной гуманитарной основы работы историка, археографа и архивиста.

Согласно концепции Рождественского задачей отношений первого уровня (архивист — археограф) является формирование базового информационного пространства на основе упорядочивания архивных массивов. При этом археографическое освоение источниковой базы позволяет исследователю выявить механизмы управления историческим знанием, целенаправленного воздействия на характер общественных представлений о прошлом, т. е. определить состояние общественного исторического сознания, уровень общей культуры, характер государственности и т. д.

На втором уровне (археограф — историк) отношения еще более усложняются: на отдельных этапах археография способна принимать на себя интеллектуальную инициативу, целенаправленно формируя историографическое пространство. Это порождает противоречия в отношениях археографа и историка, поскольку, с точки зрения историка, археограф должен ограничиваться только предоставлением ему источника как факта, не вторгаясь в интерпретаторскую работу исследователя.

“Заканчивая свою статью, — пишет Рождественский, — я хотел бы особенно подчеркнуть одну главную мысль, вытекающую из исторически сложившегося соотношения интересов и методов работы историка-исследователя, археографа и архивиста. Как только русская историография поднялась до степени действительной науки, это соотношение стало опираться на две одинаково важные силы: на индивидуальное, личное творчество и на коллективно организованную работу питания науки новым материалом.

В идеале обе эти силы, немыслимые одна без другой, должны находиться в состоянии равновесия.

Но в действительной жизни науки каждая эпоха создает особое их сочетание, особенно выдвигая значение той или другой.

В условиях внешнего кризиса, переживаемого ныне исторической наукой, особенно значительно и остро поднимается проблема коллективных организаций научных предприятий. Необходимым условием этой организованности, окрыляющей творчество каждого отдельного работника науки, является самое тесное сближение историка-исследователя, археографа и архивиста, взаимное проникновение их интересов и методов работы”³⁷⁷.

Отметим, что тем самым Рождественский исчерпывающе объясняет причины, по которым архивоведческая мысль в рамках классической науки об архивах развивалась в рамках всевозможных междисциплинарных объединений (Союз РАД, Архивные курсы при Петроградском археологическом институте, Кружок архивных работников им. А.С. Лаппо-Данилевского и др.), а не только — и даже не столько — в многочисленных комиссиях и отделах Главархива, где собирались только профессиональные архивисты.

Таким образом, излагая свои взгляды с позиций классического архивоведения, С.В. Рождественский близко подошел к современной трактовке отношений между архивистикой, археографией и историографией как междисциплинарного диалога или, по терминологии Рождественского, “гармонического сочетания” результатов работ специалистов в области разных научных дисциплин на профессиональной основе.

Близкий единомышленник А.С. Николаева *Юлиан Григорьевич Оксман* (1895—1970)³⁷⁸, сохранивший его личный архив, прожил жизнь, во многом напоминающую биографии его современников Н.Ф. Бельчикова и М.А. Цявловского, ушедших из архивистики в академическое литературоведение. Активно занявшись архивным делом на первом этапе своей научной деятельности и поработав несколько лет преподавателем на Архивных курсах при Петроградском археологическом институте, а позже в Одесском археологическом институте, он затем обратился к истории русской литературы XIX в. и полностью устранился от изучения проблем архивоведения. Тем не менее он остался в числе основателей классической науки об архивах.

Ю.Г. Оксман родился в г. Вознесенске Херсонской губернии в семье провизора.

Закончил в 1917 г. историко-филологический факультет Петроградского университета, специализировался в области источниковедения, текстологии и истории в Гейдельбергском и Боннском университетах.

Преподавал в Петроградском университете (1917—1919) и Петроградском археологическом институте (1919).

Работал в Археографической комиссии (1915–1919), Историко-революционном и Государственном архивах в Петрограде (1917–1920).

В период с 1917 по 1919 г. руководил созданием Архива цензуры и печати.

Принимал активное участие в создании Центрархива РСФСР. С 1920 по 1923 г. был заведующим Одесским губернским архивным управлением.

На базе Архива новороссийского генерал-губернатора организовал Одесский исторический архив. Возглавлял комиссию по концентрации и изучению историко-революционных документов. Одновременно был основателем и ректором Одесского археологического института, в котором существовало археографическое отделение (1920–1921), а также профессором Одесского института гуманитарных и общественных наук. Здесь он заведовал музейно-архивно-библиотечным отделением.

В 1923 г. Оксман переехал в Петроград и продолжил преподавательскую и научную деятельность.

Был арестован первый раз в 1930 г., но вскоре освобожден благодаря хлопотам П.Е. Щеголева.

В 1933–1936 гг. — заместитель директора Пушкинского Дома (ИРЛИ).

В 1936 г. его снова арестовали. Поскольку приезд агентов ГПУ казался простым недоразумением, Оксман взял с собой в тюрьму очередные корректуры, надеясь вернуться домой через один-два дня. Вернулся только через десять лет, проведя их в местах заключения на Колыме.

Своим освобождением был обязан прежде всего усилиям многолетнего друга — крупного специалиста по русской литературе XVIII в. Г.А. Гуковского, профессора Саратовского университета, который погиб в результате репрессий спустя четыре года после освобождения Оксмана.

В 1946–1957 гг. Оксман — профессор Саратовского университета, где работал по приглашению Гуковского.

После получения разрешения возвращается в Москву. С 1958 по 1964 г. — старший научный сотрудник ИМЛИ им. Горького. Автор книги “Летопись жизни и творчества В.Г. Белинского”, а также редактор и автор комментариев к сочинениям Рыльева, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Тургенева, Гаршина, Достоевского и других. Участвовал в подготовке научных серий “Литературные памятники”, “Литературное наследство”, а также Краткой литературной энциклопедии.

В 60-е годы вновь подвергался репрессиям. Был исключен из Союза писателей. Только в 1969 г. ему разрешили печататься под собственной фамилией.

До конца дней подвергался унижительной слежке в связи с его контактами с иностранными коллегами. Был вынужден переснимать на микрофильм полную библиографию своих научных трудов с 1915 по 1957 г. и тайно передать его на хранение иностранным сподвижникам.

Последние годы жизни работал в Московском полиграфическом институте.

На его смерть в 1970 г. не откликнулся ни один орган советской печати. Некролог и библиография появились впервые на страницах зарубежных изданий.

Таковыми были люди, согласившиеся вести занятия для архивистов на Архивных курсах при Петроградском археологическом институте под руководством А.С. Николаева.

Высокий научный престиж курсам придавало участие в их работе *Александра Евгеньевича Преснякова* (1870–1929)³⁷⁹, историка, архивиста и источниковеда.

Его речь на церемонии открытия курсов 31 августа 1918 г. по своей сути является своеобразным манифестом классического архивоведения хотя бы по той простой причине, что он одним из первых призвал архивистов рассматривать хранящиеся ими документы в самом широком контексте, включая гуманитарный. Исторический источник, по мнению А.Е. Преснякова, есть посредующее звено между историком и явлениями действительности — будь то запись сведений о былом или текст, созданный законодательной деятельностью власти или *духовно-культурным творчеством*³⁸⁰.

Он вместе с С.В. Рождественским обратил внимание на существенную разницу между трудом археографа-издателя и трудом архивиста и историка-исследователя: “Ошибки, даже опечатки издания, односторонность или случайность подбора текстов и другие возможные промахи и неловкости издателя влекут за собой подчас роковые последствия для исследователя, не всегда имеющего возможность обратиться к подлинному документу. Готовые схемы, предвзятые точки зрения, ходячие мнения и порой даже фактические данные нередко оказываются, при обращении к подлинному документу, подлежащими критике и пересмотру... <...> Подлинно научное издание может выйти только из рук архивиста, который является в то же время и хорошо подготовленным исследователем в той области исторической науки, которой касаются обрабатываемые им для издания материалы... Но надлежащая постановка такой работы возможна лишь при серьезной научной подготовке *архивистов-исследователей*”³⁸¹.

И далее следует вывод — одно из исходных положений классического архивоведения: “Рациональная постановка ар-

хивного дела уже сама по себе является мощным стимулом возможных успехов развития исторической науки. Ученые архивисты держат в руках ключи от богатейших сокровищ, назначение которых оплодотворяет науку и *обуславливает основные этапы познания прошлого*³⁸².

А.Е. Пресняков родился в семье инженера-путейца. Окончив в 1889 г. гимназию в Тифлисе, поступил в Петербургский университет.

По собственному признанию, он принадлежал к петербургской исторической школе — школе историка-источниковеда В.Г. Васильевского, “органической ветвью которой стала и наша школа русских историков, воспитанная в аудитории у С.Ф. Платонова”. Ее основную особенность в отличие от московской школы С.М. Соловьева — В.О. Ключевского он определял как научный реализм, сказывающийся прежде всего в бережном отношении к источнику и факту, независимо от историографической традиции³⁸³.

Окончил университет в 1893 г., написав по предложению С.Ф. Платонова дипломную работу о Царственной книге.

Для обеспечения своих материальных потребностей преподавал в частных гимназиях, в Екатерининском сиротском институте и других учебных заведениях.

Ко времени первой русской революции сблизился по политическим взглядам с кадетами, после ее поражения отошел от политики и углубился в изучение истории Киевской Руси.

С 1907 г. читал лекции в Петербургском университете, стал сотрудником, затем членом Археографической комиссии АН. Внес большой вклад в дело публикации летописей на новом теоретическом уровне, начатое трудами А.А. Шахматова.

В 1909 г. защитил магистерскую диссертацию “Княжое право в древней Руси”

В 1913 г. приступил к работе над монографией “Образование Великорусского государства”, защищенной им в 1918 г. в качестве докторской диссертации.

В 1917 г., сразу после Февральской революции, А.Е. Пресняков активно включился в борьбу за спасение и сохранение архивных документов, а также собирание новых исторических источников. Когда по почину Союза солдат-республиканцев Петроградского гарнизона было образовано Общество изучения революции 1917 г., его председателем избрали Преснякова — одного из видных представителей нового поколения университетских ученых.

Сам Пресняков так описывал историю создания Союза. С первых дней Февральской революции образованные люди, притом из самых различных кругов, сознательно стремились

сделать все возможное для того, чтобы закрепить в памяти, не личной только, но и коллективной, все существенное, характерное для революционных событий. Этот “порыв к спешному собиранию по мере развития событий сведений о них и оставляемых ими вещественных памятках... сказался в среде солдат Петроградского гарнизона, и среди молодого офицерства из прапорщиков запаса, и среди учащейся молодежи, как и между людьми старших поколений”³⁸⁴. Так возникли при некоторых полках Петроградского гарнизона исторические комиссии для сохранения памяти о выступлениях войсковых частей, которые привели к появлению Дома-музея борцов за свободу — первой попытки создать историко-революционный музей с архивом при нем.

По его поздним воспоминаниям, Общество изучения революции принялось не только собирать разнообразный материал, отражавший быструю смену событий, но и создавать источники будущего изучения русской революции путем опроса видных ее деятелей и рядовых участников движения, чтобы сохранить по свежим следам фактические следы пережитых моментов³⁸⁵.

Пресняков обосновывал деятельность общества не сиюминутными конъюнктурными запросами, продиктованными тщеславием участников событий, а “велением вечности” В своих работах крупный отечественный исследователь жизни и научного наследия А.Е. Преснякова С.В. Чирков соглашается с мнением самого Преснякова о том, что “ничего прочного эти попытки, слишком кустарные по приемам и слабосильные по средствам, не создали”³⁸⁶.

На наш взгляд, на свертывание деятельности самодеятельных архивистов повлияло и явно враждебное отношение к ним новых властей. Так, в подшивке газеты “Известия Наркомвоен” (1919. № 96) мы выявили заметку, подписанную неким Александром Буцевичем, под названием “Народный военно-исторический музей” Она начинается патетически: «Открываю “Известия Наркомвоен” за 21 марта и глазам своим не верю... Положение по устройству *народного* военно-исторического музея войны 1914—1918 годов: “Комиссия собирает, описывает и сохраняет трофеи, добытые нашими войсками... Вместе с тем комиссия возможно шире собирает материал, характеризующий как *подвиги отдельных воинских частей*, так и *отдельных героев*, долженствующий служить к увековечиванию в истории и памяти потомства их имен”».

Затем следует комментарий автора: «Невольно думается: не перепечатка ли это из какой-либо белогвардейской газеты... не повествование ли о том, как Колчак где-либо в Омске соби-

рается чествовать память других “героев” этой братоубийственной бойни во славу капитала... Эта война действительно имела своих “героев”, стойких и сознательных защитников интересов своего класса — Корниловых, Юденичей и других, но говорить об их подвигах предоставьте их сотоварищу Колчаку... Авантюра с “героями” и “всероссийским воинством” должна быть скорее ликвидирована. Подобным явлениям не должно быть места в советской России»³⁸⁷.

Аналогичная заметка за подписью Е.Я. (Емельян Ярославский?) была помещена чуть раньше в газете “Правда” (1919. 24 апр. № 86) под заголовком “Нужно ли это?” В ней автор обрушивается на проект создания отделения по описанию исторических и других знамен при Комиссии по организации и устройству народного военно-исторического музея войны 1914—1918 гг. “Мы прямо отвечаем, — пишет автор, — *рабочему классу это не нужно*”

Так новая власть отреагировала на попытку создания народных музеев и архивов, целью которых было собирание и хранение подлинных исторических памятников. Так началось формирование идеологизированной истории, лишенной документальной основы.

В апреле 1918 г. А.Е. Пресняков защитил докторскую диссертацию, стал профессором Петроградского университета, деканом археографического факультета Петроградского археологического института, позднее преподавал в Педагогическом институте им. Герцена, в Институте красной профессуры.

В архивной реформе принимал участие как представитель Петроградского университета в Центральном комитете по управлению архивами, позже стал сотрудником Петроградского отделения ГУАД. В начале июня 1918 г. работал в комиссии по доработке Положения о Главном управлении архивным делом. С мая-июня 1918 г. стал самым деятельным членом исполнительного органа архивного руководства — архивной инспекции.

Он лично обследовал дела Канцелярии Временного правительства, архива Коммерческого суда, фонда Чрезвычайной комиссии по расследованию нарушений законов и обычаев войны, фамильного архива князей Юсуповых и т. п. и организовывал их перевозку в архивохранилища. Вспоминая об этой работе, А.Е. Пресняков писал, что наблюдал за разбором материала, оставшегося после Временного правительства. Судьба этого фонда довольно типична для условий, в какие тогда попали документы только что пережитого прошлого. Все делопроизводство бывшей Государственной канцелярии (ставшей после Февральской революции Канцелярией Временного правительства) было вывезено из прежнего помещения в Марининском дворце,

свалено на грузовики без упаковки и перевязки и выгружено в нескольких комнатах нижнего этажа Комиссариата юстиции (б. Министерства юстиции) на Екатерининской улице беспорядочными грудками на пол и в таком виде поступило в ведение нового архивного управления. Это были делопроизводственные материалы, т. е. документы, даже не сформированные в дела. Поэтому они представляли собой груды отдельных листов, разрозненных и перепутанных. "Приведение подобного материала в порядок представляло немалые трудности, но было решено поручить эту разборку личному составу б. Государственной канцелярии: эти лица определяли порядок и соотношение бумаг иногда просто по знакомому почерку или по привычному содержанию и бережно отнеслись к делу охраны *исторических следов своей же работы*"³⁸⁸ (выделено нами. — Т. Х.).

В октябре 1918 г. Пресняков стал фактическим руководителем справочно-статистического отдела, который ведал организацией описательной работы в секциях ГАФ и выпуском справочной и методической литературы. Через год, после образования постоянной научно-технической комиссии, стал ее председателем. (И.Л. Маяковский в своем выступлении на упоминавшейся выше конференции 1943 г. назвал комиссию отделом. Такая путаница в названиях естественна при частой смене названий административных подразделений Главархива в первые послереволюционные годы.)

Под его руководством комиссия организовала целый комплекс мероприятий (рассылка по архивам опросных листов и анкет по личному составу, составление описей частных и провинциальных архивов и т. п.) с целью осуществления научных принципов в архивной технике и объединения архивов на основе единообразных научно и практически обоснованных приемов работы над архивным материалом.

С 21 января 1919 г. — руководитель инспекции ГУАД, которая состояла из шести сотрудников. Осуществлял методическое руководство практической инспекционной работой, а также координировал поездки инспекторов по северо-западным губерниям России. По оценкам С.В. Чиркова, Пресняков в качестве инспектора архивной инспекции только в мае 1918 г. принял экстренные меры к охране библиотеки Главного комитета по делам местного хозяйства, выяснил возможность вывоза документов Земского отдела МИД и организовал перевозку документов, обследовал фонд Чрезвычайной следственной комиссии по расследованию нарушений законов и обычаев войны и рассмотрел вопрос о приеме его на хранение³⁸⁹.

8 июня 1918 г. его избрали в состав комиссии по составлению проекта распределения ГАФ по секциям вместе с

С.Ф. Платоновым (председатель), Я.Л. Барсковым, В.Г. Дружининым и А.С. Лаппо-Данилевским³⁹⁰. Одновременно в июне 1918 г. он вошел в комиссию по доработке Положения о ГУАД — нормативного акта, который был взят за основу при осуществлении архивной реформы. Он также принимал участие в разработке проекта Положения о губернских архивах, зачитывал этот проект на одном из заседаний Петроградского отделения ГУАД.

О его отношении как представителя классического архивоведения к декрету от 1 июня 1918 г. свидетельствует следующая оценка научного значения заложенной в нем идеи создания ЕГАФ: «Плодотворной была сама идея единого Государственного архивного фонда. Связывая в одно целое все архивные ценности страны как общегосударственное, народное достояние, она придавала особую значительность и устойчивую опору второстепенным и вовсе мелким собраниям документов, которые подлежали учету и охране как части этого обширного фонда, а могли казаться ничтожными в своей оторванности, сами по себе. Охватывая требованиями организованного учета и хранения все архивные материалы, эта идея открыла широкие возможности их систематического выявления, систематизации и изучения»³⁹¹.

В связи с образованием коллегии Петроградского отделения ГУАД А.Е. Пресняков вошел в ее состав и стал заведовать второй (юридической) секцией ГАФ.

Он также выполнял функции ученого секретаря Совещания при заведующем Петроглавархивом, которое действовало с конца 1919 г. до середины 1921 г.

В 1920 г. научные заслуги ученого были отмечены его избранием в члены-корреспонденты РАН.

Научно-организационная деятельность А.Е. Преснякова основывалась на его убеждении, что издание исторических материалов может быть правильно поставлено лишь тогда, когда дело это находится в руках тех, кто стоит в непосредственной близости к архивным фондам, изучает в полном объеме их состав, «сроднился с ними в постоянном деловом общении, т. е. в руках архивистов»³⁹². Он обосновывал это тем, что без методически поставленной и систематически проведенной работы над постоянным изучением состава, происхождения и судеб архивных фондов немыслимо историческое изучение прошлой жизни. Именно в этом он видел существенную сторону архивоведения как науки, результатом которой должно стать создание «твердого архивного кругозора, необходимого для отчетливой исторической методологии»³⁹³.

Таким образом, схему Рождественского архивовед-археограф-историк он дополнил введением еще одного звена — ис-

точниковед. В связи с этим приобретает особый смысл сформулированный им один из главных постулатов классической науки об архивах, утверждающий самоценность архивных документов: анализ источника, необходимый для оценки его значения и надежности, должен строиться на “изучении памятников самих по себе, как продуктов людской деятельности и особых приемов творчества, отразивших в себе строй отношений и воззрений, а также уровень технического умения в постановке и достижении определенных целей”³⁹⁴. Мы полагаем, что отнюдь не случайно эта мысль выражена А.Е. Пресняковым в его рецензии на книгу А.С. Лаппо-Данилевского “Очерк русской дипломатики частных актов”

С.В. Чирков, комментируя эту мысль Преснякова, абсолютно справедливо, с нашей точки зрения, отмечает ее поворотное значение для становления качественно новой науки об архивах, не используя, правда, для ее обозначения особого термина (именно ее мы в нашем исследовании называем классическим архивоведением): «Архивоведение, получая самостоятельный предмет в изучении состава, происхождения и судеб архивных фондов, оказывалось уже не “системой практических сведений”, как в представлениях начала XX века, а *самостоятельной научной дисциплиной*, имеющей сходные с археографией задачи, но иной объект — не индивидуальные памятники, а архивные фонды»³⁹⁵. В этом плане Пресняков расходился с мнением, бытовавшим в окружении С.Ф. Платонова, согласно которому нет достаточных оснований для отнесения теории архивного дела к разряду научных дисциплин. Как отмечает С.В. Чирков, здесь он был ближе к числу учеников Лаппо-Данилевского, последователи которого (А.И. Андреев, И.А. Блинов, С.Н. Валк, И.Л. Маяковский, В.Н. Нечаев и др.) занялись активным пересмотром традиционных постулатов архивной науки³⁹⁶. Как видно из этой фразы, современный исследователь применяет для характеристики нового этапа близкую к нашему подходу терминологию: согласно С.В. Чиркову создатели новой науки об архивах пересматривали традиционные ее постулаты, т. е. осуществляли переход к ней от традиционного архивоведения.

Не ограничиваясь теоретической и практической деятельностью, А.Е. Пресняков продолжил активную работу как педагог-воспитатель новых архивных кадров. Он участвовал в подготовке архивистов-исследователей на Архивных курсах при Петроградском археологическом институте, а после их закрытия стал деканом археографического отделения факультета общественных наук Петроградского университета.

Предпринятая в 1923 г. массированная кадровая “чистка” петроградских архивов вынудила Преснякова (вместе с Плато-

новым) заявить об уходе из руководящих архивных органов. Свое заявление об отставке они мотивировали ненормальностью положения, в которое поставлено заведование Петроградским отделением Центрархива, лишенное доверия и полномочий, необходимых для ответственного ведения дел³⁹⁷. Отставка была принята. Однако он продолжал работать на рядовых должностях в Центрархиве, в частности в Комиссии по истории труда в России, сотрудничал с Комиссией по изучению декабристского движения. На основе собранной в Центрархиве коллекции подлинных документов он написал и опубликовал в 1926 г. монографию о событиях 14 декабря 1825 г. в Петербурге. До 1950-х годов она была самым обстоятельным исследованием этой темы.

В 1928 г. кандидатура Преснякова выдвигалась в действительные члены Академии наук СССР, но он уже был тяжело болен и спустя несколько месяцев, в сентябре 1929 г., умер.

Особое место в списке создателей новой науки об архивах занимают историки Е.В. Тарле, Ю.В. Готье, О.А. Добиаш-Рождественская, И.И. Любименко и многие другие. Мы выделяем из этой плеяды имена тех ученых, которые были наиболее близки к Архивным курсам и лично к А.С. Николаеву, т. е. принимали прямое участие в создании классического архивоведения.

Евгений Викторович Тарле (1875–1955)³⁹⁸ — отечественный историк, “дважды” академик АН СССР (1927, исключен в 1929 г., восстановлен в 1938 г.).

Участник архивного строительства в первые послереволюционные годы.

Преподавал на Архивных курсах при Петроградском археологическом институте, где читал лекции об архивах Франции. В 1918 г. возглавлял V секцию (историко-экономическую) Единого государственного архивного фонда.

В 1918–1919 гг. в публикациях по истории якобинской диктатуры косвенно осудил послеоктябрьский большевистский террор.

Выступая перед слушателями Архивных курсов при ПАИ в 1918 г., он высказал мнение многих историков о том, что “принцип отбора документов — самый вандализм принцип в архивном деле, совершенно недопустимый. Всякий документ ценен прежде всего как отражение когда-то живой действительности; если архивист, получив из какого-нибудь ведомства ряд документов, станет распределять эти документы по разным папкам и одни из них будет уничтожать, а другие сохранять — он совершает преступление, так как он разрушает фонд. Цельность фонда ни в коем случае нарушать нельзя, нельзя разъединять те

бумаги, которые приняты были в одной папке, в одной связке, в одном картоне, мало того, нельзя разъединять и те папки, связки, картонные, которые вышли из одного ведомства...

Надуманная классификация, как бы она ни была стройна и логична, никуда не годится для историка, которому нужен материал во всей его целостности, в том неприкосновенном виде, в каком фонд поступает из министерств...

Для будущего исследователя важно уловить, что чиновник ведомства считал в свое время целостным, неразъединимым делом... В этом сила историка: выбирая те материалы, которые могут ему пригодиться, он их не бросает в огонь, не уничтожает, он ими лишь не пользуется. Архивист же, причисляя данный документ к разряду *feodaux* (*феодальных*) или *inutiles* (*бесполезных*), тем самым уничтожает его, то есть, делает нечто непоправимое³⁹⁹. Это было очень важно, потому что выступавшая в одно время с ним и в той же аудитории И.И. Любименко отстаивала прямо противоположный взгляд. Сравнивая классификацию документов, принятую в английских архивах, где документы распределены по фондам не по внутреннему содержанию, а по условиям их поступления в архив, с организацией документов в МГАМИД по тематическому признаку ("Английские грамоты", "Английские книги" и "Английские дела"), она безоговорочно отдает предпочтение библиотечно-пертинентной системе МГАМИД, поскольку в Англии в поисках нужных материалов ей пришлось перерывать обширные и пестрые фонды трех архивохранилищ⁴⁰⁰.

Е.В. Тарле много и плодотворно работал в ЦГАДА, ЦГИАЛ и других архивах.

До ареста в январе 1930 г. — профессор ЛГУ.

Был репрессирован и осужден на пять лет ссылки в Алма-Ату по "академическому делу" После возвращения из ссылки в 1933 г. продолжил научную работу в архивном управлении в Ленинграде, однако формальная реабилитация произошла только в 1967 г.

Свои взгляды на значение архивных документов для исторической науки наиболее полно выразил в докладе "Историческая наука и государственные архивы", с которым выступил на научной конференции историков-архивистов в Москве 16 июля 1948 г. На основе доклада подготовил статью, опубликованную в 1961 г. Ее главная идея, актуальность которой сохранилась до сих пор, заключается в следующем: «Историк должен искать... надежный фундамент для возведения здания исторического исследования. Таким фундаментом могут быть исключительно документы, хранящиеся в государственных хранилищах, или, точнее, документы, поступающие в архивохра-

нилища из государственных учреждений. Основания для такого утверждения очевидны. Бумаги, в которых выражалась деятельность государственных учреждений, все эти старые бумажные следы когда-то действовавших бюрократических механизмов, все эти запросы, ответы, отношения, резолюции и т. д. писались в свое время для текущих деловых потребностей, а вовсе не для вас и не за тем, чтобы вас, читателя, для каких-либо целей сбить с толку, потому что должностные лица, писавшие эти бумаги, совсем не имели в виду, что их бумажку “за номером” будут спустя полтора-два десятилетия лет читать какие-то совсем посторонние личности»⁴⁰¹.

До сегодняшнего дня сохраняет актуальность оценка деятельности молодых поколений русских архивистов, высказанная Тарле еще в 1918 г.: на них возлагается одна из наиболее важных для национальной культуры миссий: им вверяется охрана памяти судеб отечества.

Юрий Владимирович Готье (1873–1943)⁴⁰² — историк, археолог, знаток архивного, музейного и библиотечного дела. Академик.

В 1895 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета.

В 1915 г. утвержден в звании экстраординарного, с 1917 г. — ординарного профессора Московского университета.

С 1898 по 1930 г. Готье был вначале хранителем и заведующим библиотекой Румянцевского музея, затем ученым секретарем, заместителем директора Всесоюзной государственной библиотеки им. В.И. Ленина.

На Архивных курсах при ПАИ читал лекции по истории и современному устройству Стокгольмского государственного архива. Первая его научная публикация на эту тему была опубликована в историко-архивоведческом сборнике И.И. Зубарева (1911).

Преподавал на московских Высших женских курсах (1902–1918), в Народном университете им. А.Л. Шанявского (1913–1918), Институте народов Востока (1928–1930), Московском институте философии, литературы и истории (1934–1941).

В 1922 г. его избрали членом-корреспондентом, в 1939 г. — действительным членом АН СССР.

Из дореволюционных работ Готье следует отметить его магистерскую диссертацию “Замоскворецкий край в XVII веке”, защищенную и опубликованную в 1906 г. Чтобы обработать большой материал писцовых и переписных книг XVII в., Готье в течение четырех лет практически ежедневно занимался в архиве. Затем он проделал трудоемкую работу по сведению собранных материалов в таблицы, наглядно показывающие

движение населения центрального района на протяжении века, виды высеваемых хлебов и систему земледелия, размеры крестьянских земельных наделов и их изменения к концу столетия. Без материалов, собранных в “Замоскворецком крае”, не может обойтись ни один исследователь, изучающий историю русской деревни XVII в.

Ю.В. Готье одним из первых обратил внимание исследователей на источниковедческое значение материалов делопроизводства русских внутренних таможен.

Докторская диссертация Готье “История областного управления в России от Петра I до Екатерины II” (I том этого труда вышел в 1913 г., II — в 1941 г.) была построена на использовании огромного объема архивного материала.

Роль Готье в создании классического архивоведения никогда ранее не анализировалась. На наш взгляд, теоретическая основа науки об архивах нашла свое отражение в выступлении Готье на I Всероссийской конференции архивных деятелей (Москва. 29 сентября — 3 октября 1921 г.), на которой он выступил с докладом “Движение исторической науки в связи с развитием археографии” Начало русской археографии, в состав которой в соответствии со взглядами того времени Готье включал архивное дело, он относит к царствованию Екатерины II, когда в 1770 г. был допущен в Московский архив Коллегии иностранных дел кн. М.Н. Щербатов.

По мнению Готье, глава архива с 1776 г. Миллер не только классифицировал документы, но и фактически создал известную новиковскую древнерусскую библиотеку, а также поделился документальными источниками с Щербатовым.

Перечислив заслуги Румянцевского кружка, П.М. Строева и Н.М. Карамзина перед русской историей, Ю.В. Готье указал, что затем почти на 30 лет МАКИД становится лабораторией для С.М. Соловьева.

Вывод Готье: с этого времени, благодаря деятельности Н.В. Калачова, Н.И. Попова и Д.Я. Самоквасова архив стал научной лабораторией, из которой вышли прекрасные исторические исследования. “Таким образом, — пишет он, — развитие русской исторической науки во второй половине XIX века тесно связано с превращением наших архивных сокровищниц в научные лаборатории”

Переходя к современности, Готье замечает, что работа по приведению архивов в порядок более или менее налажена в старых архивах, но только начинается в провинциальных молодых архивохранилищах. От этого приведения в порядок архивных документов “зависят ближайшие задачи русского архивного будущего. В этом задача архивистов... Устранение последне-

го препятствия будет толчком для развития историографии по изучению XIX столетия”⁴⁰³.

С начала 1917 г. и по июль 1922 г. Готье вел дневник, тогда же ему удалось переправить его за рубеж. В настоящее время дневник хранится в рукописном отделе Гуверовской библиотеки (США). На русском языке дневник (“Мои заметки”) был опубликован впервые в 1991–1993 гг. в журнале “Вопросы истории”

Отстранением А.С. Николаева и его соратников от активной деятельности в области архивного дела, а также самоустраниением ряда ведущих историков-архивистов от участия в разработке научных основ всероссийской архивной реформы закончился, если можно так сказать, героический этап становления классического архивоведения. Он был начат трудами А.С. Лаппо-Данилевского (на теоретическом уровне) и продолжен Союзом РАД, петроградскими научно-теоретическими комиссиями и отделами при ГУАД под руководством Д.Б. Рязанова, а также некоторыми учеными, пытавшимися превратить процесс становления новой общенациональной системы архивов в своеобразную основу борьбы за сплочение всех культурных сил России, в частности местных ученых архивных организаций и учителей вокруг государственного аппарата (в лице первого состава Главархива до прихода туда по направлению ЦК РКП М.Н. Покровского, В.В. Адоратского, В.В. Максакова и др.).

Эта идея потерпела поражение.

Но законы саморазвития науки продолжали действовать. Центр тяжести теоретических разработок, необходимых для дальнейшего развития новой науки об архивах, вновь, как и в последнее предреволюционное десятилетие и в первые годы после установления советской власти, все больше перемещался в сферу деятельности отдельных энтузиастов архивного дела, объединенных сознанием личной профессиональной ответственности за порученное им Обществом и Государством дело.

Кружок архивных работников им. А.С. Лаппо–Данилевского

Несмотря на то что деятельность Кружка архивных работников им. А.С. Лаппо–Данилевского упоминается в трудах по истории отечественного архивного дела, его генезис и содержание работ не исследованы. В статье «Понятие “архивный фонд” в советском архивоведении 1920-х годов» В.Н. Автократов пишет: «В 1920 г. в Петрограде возник кружок архивных работников им. Лаппо–Данилевского, состоявший в основном из молодежи, — группа “одинаково мыслящих по существу”, по определению его организатора Андреева. Возникновение кружка было вызвано, *по-видимому* (выделено нами. — Т. Х.), тем, что ОРАД оказалось не в состоянии организовать теоретическую работу. Она не удавалась и людям иного склада ума, стоящим близко к Платонову, которые к тому же остерегались активного натиска молодежи»⁴⁰⁴. Доля истины в этих словах, безусловно, есть. Однако недостаточное внимание лично Платонова и ОРАД к теоретическим вопросам архивоведения вряд ли могло послужить причиной возникновения кружка. Ведь оно компенсировалось, о чем мы уже говорили, активной деятельностью А.С. Николаева, В.В. Снигирева, В.К. Клейна, С.В. Рождественского, И.Л. Маяковского, А.Е. Преснякова и многих других ученых, группировавшихся вокруг Совещания управляющих Петроградского отделения ЕГАФ, Архивных курсов при ПАИ и многочисленных комиссий Главархива по научно-теоретическим вопросам. Так, по подсчетам Н.И. Химиной, только при Совещании управляющих, которое возглавлял А.С. Николаев, за время его существования было образовано не менее 40 различных комиссий, среди которых выделялись: научно-техническая, действовавшая с 17 октября 1918 г. под председательством А.Н. Макарова в составе представителей всех отделений ЕГАФ; по выработке архивной терминологии, образованная в 1919 г. во главе с И.В. Пузино; по выработке правил составления описей (16 января 1919 г. — 4 ноября 1920 г.) под председательством И.А. Блинова при участии К.Я. Здравомыслова, П.А. Шафранова, Г.А. Князева и Л.Л. Слухоцкого. Кроме того, с 1918 по 1920 г. функционировали четыре комиссии по работе с официальными ведомственными изданиями, две комиссии по вопросам распределения фондов по отделениям ЕГАФ (1919), четыре комиссии по вопросам охраны архивного материала (1919–1921), две комиссии

для выработки декрета (инструкции) об уничтожении архивного материала и многие другие⁴⁰⁵. Так что, по нашему мнению, нельзя однозначно связывать появление кружка с недостаточным вниманием к теории архивного дела со стороны Общества российских деятелей архивного дела.

Как покажет дальнейший анализ, скорее речь шла о настоятельной потребности деятелей, развивавших идеи классического архивоведения, выйти из рамок официальных институтов и обрести возможность дискутировать в свободной, неформальной обстановке.

Совершенно фантастическую версию возникновения кружка, ссылаясь при этом на нашу работу "История Отечества и архивы"⁴⁰⁶, предложил петербургский исследователь Е.А. Ростовцев: "После смерти А.С. Лаппо-Данилевского созданный им кружок исследователей дипломатики частного акта получил название кружка памяти А.С. Лаппо-Данилевского и продолжил работу по составлению Каталога частных актов в 1920-е гг."⁴⁰⁷. Начнем с того, что, во-первых, при изучении хранящихся в ГАРФ⁴⁰⁸ протоколов заседаний кружка (с 14.06.1920 г. по 18.08.1921 г.) мы не выявили никаких следов его деятельности относительно подготовки Каталога частных актов. Во-вторых, имя Лаппо-Данилевского кружок принял 16.06.1921 г. на своем годовичном юбилейном заседании по предложению Александра Ивановича Лебедева, которого горячо поддержали А.И. Андреев и И.Л. Маяковский. Все они с гордостью относили себя к числу его учеников.

Вот как выглядела эта процедура, отраженная в соответствующей протокольной записи (мы приводим ее краткое изложение):

«А.И. Лебедев говорит, что выслушал "Годовой отчет о занятиях кружка архивных работников", зачитанный О.Е. Корнилович (секретарь кружка со дня его основания. — Т. Х.), с большой отрядностью. Работа оказалась весьма продуктивной. Создался кадр работников, весьма интересующихся архивным делом (в это время в работах кружка на постоянной основе участвовали 12 членов. — Т. Х.). Круг вопросов, который нас объединил, приводит невольно на память А.С. Лаппо-Данилевского, который одним из первых горячо откликнулся на них. Несомненно, будь он жив, он не уклонился бы от нашей работы. А потому А.И. Лебедев предлагает кружку прибавить к своему названию это высокоавторитетное имя.

Андреев: Горячо поддерживаю это предложение. А.С. Лаппо-Данилевский всецело шел навстречу архивному строительству. Его работа в данном направлении подтверждается фактами.

Маяковский: Присоединение такого имени даст кружку прочную опору. Это имело бы не только формальное значение, а и по существу, так как многие члены кружка — прямые ученики Александра Сергеевича. Кроме того, это имя будет привлекать к кружку новых серьезных членов.

Андреев, председательствующий на заседании, подводит итог: в нашей среде эта мысль встречает полное единодушие, а потому кружок с этого дня может себя считать принявшим имя Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского»⁴⁰⁹.

Неточности в определении генезиса кружка, с нашей точки зрения, объективно обусловлены тем, что в первые послереволюционные годы существовало огромное количество самых разнообразных научных объединений. Очевидно, что в них оказались и те, кто принимал участие в деятельности кружка-семинара под руководством Лаппо-Данилевского по созданию словаря частных актов⁴¹⁰. Самым известным из них был А.И. Андреев, но участники кружка пригласили его занять пост постоянного председательствующего только на следующем, после учредительного, т. е. втором, заседании. Вполне естественно, что после смерти А.С. Лаппо-Данилевского в феврале 1919 г. А.И. Андреев и другие участники кружка-семинара могли продолжить подготовку словаря. Но кружок, образованный весной 1920 г., имел другой состав, другие цели и другие методы работы.

В нашем исследовании при научном определении генезиса кружка и его роли в дальнейшем развитии новой науки об архивах мы предлагаем основываться на фактах, подтвержденных архивными документами, многие из которых мы вводим в научный оборот впервые.

Инициатором создания Кружка архивных работников в 1920 г., как и Союза РАД в 1917 г., был А.И. Лебедев. Краткий очерк о его жизни и архивной деятельности представлен в разделе, посвященном Союзу РАД.

В "Отчете о деятельности II отделения В/М секции ЕГАФ за пятилетие 1918—1923 гг." об этом говорится прямо и недвусмысленно: "По инициативе А.И. Лебедева и других сотрудников отделения (прежде всего, имеется в виду работающий здесь с 01.03.1913 г. Г.А. Князев, очерк о котором мы помещаем ниже, и старший архивист М.Н. Мурзанов, пришедший в архив 01.09.1911 г. — Т. Х.) после конференции архивных работников в 1920 году был создан научный кружок имени А.С. Лаппо-Данилевского. Этот кружок в течение последних лет разрабатывал многие архивно-технические вопросы, главным образом архивную терминологию"⁴¹¹.

Факт создания кружка по инициативе А.С. Лебедева отмечал и В.Н. Автократов. Правда, он почему-то счел нужным

привести без комментариев и другую, явно ошибочную версию А.Е. Преснякова, который в 20-е годы уже был достаточно далек от архивной деятельности вообще, в том числе и от работ кружка. Так, Автократов пишет, ссылаясь на работу Преснякова “А.С. Лаппо-Данилевский”, что “другую картину рисует Пресняков: кружок Лаппо-Данилевского не прекратил работу после смерти своего руководителя и стал называться его именем весной 1919 года”⁴¹². Вряд ли можно даже теоретически допустить вероятность существования одновременно двух различных кружков под одним названием и с одинаковым составом. Следовательно, один из них порожден субъективным воспоминанием о продолжении деловых контактов в тесном круге ученых, связанных с работой в семинаре Лаппо-Данилевского, а второй, начало деятельности которого запотоколировано 14 июня 1920 г., — историческим фактом.

Мы исходим из этой даты создания Кружка архивных работников и считаем установленным имя его создателя — инициатора созыва учредительного собрания Союза РАД весной 1917 г. и последнего, после Лаппо-Данилевского и Платонова, его председателя, флотского офицера-архивиста А.И. Лебедева. Далее, как явствует из приведенного нами первого протокола учредительного собрания кружка, выступивший со вступительной речью 14.06.1920 г. Лебедев связал его открытие с результатами работ только что окончившейся 1-й конференции архивных деятелей Петрограда, всеми пленарными заседаниями которой руководил А.С. Николаев. Напомним, что именно здесь Г.Ф. Князев выступил с докладом “Об архивной терминологии”.

А.С. Николаев, В.В. Снигирев, А.И. Лебедев, Г.А. Князев, И.Л. Маяковский к этому времени уже осознали иллюзорность надежды “на место отрицательного опыта нашего архивного прошлого перенести en bloc положительный опыт... западноевропейских архивов, реципировав все выработанные ими методы и приемы”, поскольку это обесценило бы имевшиеся в прошлом попытки подлинной строительной работы над архивами, оторвало бы исторически сложившиеся русские архивы от взрастившей их почвы⁴¹³. Отсюда осознание архивистами 20-х годов прошлого столетия важности сформулированного А.С. Лаппо-Данилевским принципа методологии развития научного знания, рассматривающего вопросы формирования и совершенствования понятийного аппарата как важнейший фактор развития теории и создания новых научных дисциплин.

Так возникла ориентация на самостоятельное развитие отечественного архивоведения, которое в связи с обострением противостояния московского центра во главе с М.Н. Покров-

ским петроградской школе с ее научным свободомыслием начало приобретать формы кружковой работы. Члены кружка рассматривали разработку терминологии как необходимое условие создания “практической теории” как прочного фундамента дальнейшего архивного строительства. Поэтому они единодушно одобрили на первом же, учредительном заседании, которое вел А.И. Лебедев, представленную Г.А. Князевым концепцию работы кружка.

Вот как это отражено в протоколе:

Лебедев отметил, что до сих пор архивистами разрабатывались практические, текущие вопросы сегодняшнего дня. Нужно переходить к принципиальным вопросам.

Князев поддержал его, указав, что одним из самых принципиальных вопросов является архивная терминология. Не решив его, нельзя двигаться дальше. Этот вопрос надо ставить в первую очередь, воспользовавшись тезисами доклада Князева на конференции, разрабатывая каждый термин сначала практически, на конкретных примерах, а затем из них делать теоретические выводы, выраженные в логических формулах.

Первые вопросы, которые следует поставить, — о терминах “фонд”, “единица хранения”, “архивный материал”, “сборник документов”, “архивный документ” и его частные определения, “опись, описание, реестр” и т. д.⁴¹⁴

Поскольку эта программа Г.А. Князева, дополненная некоторыми другими участниками заседания, была принята кружком за основу своей деятельности, остановимся на характеристике жизни и деятельности Г.А. Князева подробнее.

Георгий Алексеевич Князев (1887–1969)⁴¹⁵ — историк, теоретик и практик архивоведения. Первые научные работы опубликовал в 1912 г. будучи еще студентом историко-филологического факультета Петербургского университета.

В 1913 г. поступил на службу в архив Морского министерства и занимался изданием документов времен Петра I.

В 1914–1918 гг. участвовал в подготовке к изданию четырехтомного труда “Материалы по истории Гангутской операции”.

После революции — один из учредителей Союза РАД. На собраниях Союза выступал за облегчение доступа в архивы исследователей и сокращение объема дел с грифом секретности. Эту инициативу горячо поддержали первый председатель Союза А.С. Лаппо-Данилевский и другие историки и архивисты. Но практического воплощения программа Князева не получила, дело не пошло дальше создания соответствующей комиссии.

В 1917–1926 гг. возглавил исторический отдел Морского архива, деятельность которого в 1927–1929 гг. руководство

Главархива постепенно свертывало, считая ее неактуальной, и в результате отдел закрыли.

На Архивных курсах при Петроградском археологическом институте, а затем в Центральном архиве читал лекции по архивоведению, позже занял должность доцента кафедры вспомогательных исторических дисциплин в Ленинградском университете. На 1-й конференции архивных деятелей Петрограда (25–28 мая 1920 г.) впервые публично представил разработанную им на заседаниях кружка систему разработки архивной терминологии, в том числе определение понятия “фонд”, которое обсуждалось также на 1-м съезде архивных деятелей РСФСР в 1925 г.

По оценке В.Н. Автокротова, его определение архивного фонда основывалось на методологических взглядах А.С. Лаппо-Данилевского, которые Н.Д. Кондратьев (1915 г.) излагал следующим образом: “Если источник есть реализованный продукт психики, то, следовательно, он есть результат творчества (в широком смысле), значит, он есть и некоторое телеологическое единство, единство реализовавшегося в нем сознания творца”⁴¹⁶.

Г.А. Князев и его единомышленники по кружку исходили из того, что искусственный порядок формирования архивов по объективным классификационным схемам, который определил их устройство во многих центральных ведомственных и исторических архивохранилищах, тоже представляет собой в этом смысле единство чужого сознания. Они являются как бы совокупными историческими источниками, а всякий исторический источник, как полагал Лаппо-Данилевский, есть телеологическое (целеположенное) построение историка. Поскольку Князев хотел учесть все методологические указания своего учителя применительно к архивной практике, у него получилось очень громоздкое определение:

“Архивным фондом называется совокупность единиц хранения архивного материала, объединенных в архиве в одно обособленное целое под одним названием и обычно имеющих самостоятельную для данного собрания архивную нумерацию. Архивным фондом может быть группа архивного материала:

а) являющаяся результатом деятельности учреждения или лица-фондообразователя,

б) собранного учреждением или лицом-фондосбирателем из результатов деятельности других учреждений или лиц и

в) исторически сложившаяся или специально собранная в архиве”⁴¹⁷.

В ответ на возражения оппонентов, в частности, сделанные в декабре 1923 г. на коллегии научно-теоретического отде-

ла Петроградского отделения Центрархива в 1923 г., Князев говорил, что «к понятию “архивный фонд” можно подойти теоретически и практически. Я избираю второй путь... Возьмем исторически сложившуюся или специально образованную группу единиц хранения архивного материала, обособленную в самостоятельное целое, групповую архивную единицу под общим названием и с одной, по возможности, отдельной для данного собрания нумерацией единиц хранения. Это может быть названо архивным фондом? Если нет, то как надо называть такую группу архивного материала, что же в таком случае нужно называть архивным фондом и нужны ли еще какие-либо другие подобные термины?.. Большинство членов считает, что такую группу материалов можно назвать архивным фондом. Это удобно во всех отношениях, в частности, для архивной статистики: регистрируются, с одной стороны, архивные фонды, а с другой — фондообразователи... При этом становятся ненужными предлагаемые разными авторами (Князев имеет в виду, в частности, Воронова, Русинова и французского архивиста Дежардена. — Т. Х.) дополнительные термины, типа “серия”, “собрание документов” и др.»⁴¹⁸.

Комментируя эти слова Князева, В.Н. Автократов пишет, что Князева не надо понимать так, что его подход не был теоретическим: говоря “теоретическое”, он имел в виду то, что свойственно (как считали петроградские историки) московской школе: “излишне теоретическое”⁴¹⁹.

Терминологические дискуссии были прекращены вскоре волевым решением М.Н. Покровского: “В старое время, — говорил он на I-м съезде архивных деятелей в 1925 году, — в высших учебных заведениях любили теории всякого рода. Эти разговоры о теориях есть отражение старой приверженности к книге, а жизнь сейчас нас от книги влечет и страстно тащит к практической работе”⁴²⁰. Его поддержал В.В. Макасов⁴²¹. С критикой определения Князева на съезде выступил главный теоретик московской школы Б.И. Анфилов. Главным недостатком предложенной ленинградцами дефиниции фонда он считал неправильное, с его точки зрения, понимание характера связи, объединяющей материалы фонда: «Мы эту связь видели в органичности процесса отложения данного материала, а ленинградцы — во внешнем объединении материалов или в известной доле придавали значение и этому внешнему объединению; вспомним их “собранные” или “специально образованные” группы архивного материала... Под их определение подходили не только естественно образовавшиеся объединения материалов, но и искусственно созданные объединения, т. е. коллекции, собрания того или иного архивного материала, воз-

никшего в результате целевой деятельности архивных работников, ведомственного или частного начинания. Такой материал мы фондами не признаем»⁴²².

Парируя эти возражения, Г.А. Князев ссылаясь на то, что в реально существующих архивах архивный материал некоторых учреждений вошел целиком или полностью в состав материалов других учреждений. Предлагал свое определение фонда как основу единой учетной групповой единицы, учитывающей все многообразие архивного материала. Некоторые делегаты съезда (И.И. Третьяков, В.В. Шереметевский) поддерживали такой подход. “Исходить нужно из действительности, а не строить схему”, — сказал, например, ленинградец Третьяков. А москвич Шереметевский с учетом определения Князева предложил собственный вариант: “Архивный фонд есть совокупность единиц хранения, объединенных особым общим заглавием, соответствующим его индивидуальному характеру, и особой частной нумерацией единиц”⁴²³.

В результате съезд признал практически приемлемой “московскую формулировку”, хотя не считал ее окончательно установленной. Затем в течение еще нескольких месяцев над уточнением дефиниции работала терминологическая комиссия Центрархива, в деятельности которой ленинградские архивисты уже не принимали участия.

Итогом работы комиссии явилось требование убрать из определения фонда слова “органически сложившийся” как “выражение неясное, уводящее в область биологии и допускающее неподходящее толкование”⁴²⁴. Комментируя исключение этого понятия из дефиниции “фонд”, Автократов вполне справедливо, по нашему мнению, указывает на его идеологические истоки: «По-видимому, боязнь термина “органический” была вызвана стремлением размежеваться с буржуазным архивоведением, в частности с голландскими авторами, которые сравнивали “восстановление регистратуры” с работой палеонтолога, и отразила развернутую в 20-х годах борьбу марксистской науки против позитивистской социологии и неокантианства... В 1925 году этот вопрос приобрел особенную остроту»⁴²⁵.

Безоговорочно поддержав определение москвичей, В.Н. Автократов считал возможным заменить “немарксистское” понятие “органическая целостность” на “вполне марксистское” — “результат естественно-исторического процесса”

На наш взгляд, позиция Князева и его единомышленников по вопросу о том, что такое архивный фонд, имела очень важное рациональное зерно. В любом случае нельзя дробить исторически сложившийся фонд, даже если он априорно противоречит правильной схеме.

Дискуссия питерцев и москвичей предстает сегодня как своеобразное преломление бесконечного спора о сущности жизни, которая не является ни хаосом, ни упорядоченным равновесным процессом, а, скорее всего, есть своеобразная, динамически развивающаяся, целостная структура, объединенная внутренне непротиворечивой сигнально-информационной системой взаимосвязей со средой бытования. В любом случае нам важно подчеркнуть, что в последовательном отстаивании своих теоретических взглядов Г.А. Князев в 1920-е годы выглядел вполне достойным представителем классического архивоведения. Его позиция не была поколеблена в том, что он считал главным: не допустить массового переформирования уже сложившихся, описанных и вошедших в научный оборот архивных комплексов.

1 октября 1929 г. Князев был назначен директором Архива Академии наук СССР, где проработал около 40 лет.

В 1931 г. начали публиковаться его многочисленные работы по истории Академии наук СССР, основанные на документальных материалах старейшего научного архива России. По его инициативе и под его руководством была развернута коллективная работа по составлению "Обозрения архивных материалов" (I том издан в 1933 г.) — первого советского путеводителя по архивам.

Особую, героическую главу составляет жизнь и деятельность Князева в годы блокады Ленинграда во время Великой Отечественной войны. Полупарализованный, перемещаясь из дома на работу в Архив АН СССР в инвалидной коляске, он (вместе с А.И. Андреевым и немногими другими сотрудниками, также умиравшими от голода) прилагал титанические усилия по спасению бесценных документов от гибели и разрухи. И кроме того, почти ежедневно в полутьме писал дневник, рукопись которого была использована Д.А. Граниным и А.М. Адамовичем во второй части их "Блокадной книги". Вот одна из записей:

"1942. 01. 18. Двести одиннадцатый день войны. Раз кругом валяются люди, стал и я приводить свои дела и бумаги в порядок на всякий случай. Главная цель и значение моего архива — материалы для истории быта среднего русского интеллигента в дни войн и революций первой половины XX века... Умер мой сотоварищ по университету Лавров, заведовавший одно время Историческим архивом в Институте истории АН в Ленинграде... Кругом слишком много умирают, и не где-нибудь, а около, в нашем доме, на службе. <...> Поднять глаза к потолку не хотелось: там крюк, такой добротный... Неужели он пригодится?" Но: "Живу тем, что есть мысли, планы. Читать в полутьме невозможно, и я осмысливаю в уме свой курс исто-

рии культуры. Если переживу войну, обязательно объявлю в университете это чтение"⁴²⁶.

Князев пережил войну и блокаду. В августе 1942 г. вывезен в эвакуацию, потом вернулся в Ленинград — к своей работе в Архиве АН СССР.

За полвека научной деятельности Г.А. Князев опубликовал 80 книг, брошюр, статей и других изданий; самым популярным из них был его учебник "Теория и техника архивного дела" (Л., 1935), в котором он в конечном счете признал позицию москвичей правильной, поскольку слишком широкое понимание термина "архивный фонд" могло внести большую путаницу в учет и классификацию архивного материала, а это привело бы к тому, что материалы многих фондообразователей оказались бы вовсе не выявленными и не учтенными⁴²⁷.

Князев ушел на пенсию в 1963 г., но до последних дней своей жизни сохранял связи с сотрудниками архива.

Именно таких ученых имел в виду А.И. Лебедев, сказав на первом заседании кружка, что архивная конференция показала необходимость более тесного сближения архивистов для совместной разработки технических вопросов архивоведения, разрешения возникающих сомнений и выработки принципов правильной постановки архивов, в связи с чем, как он уточнил, по инициативе группы архивных работников решено учредить кружок, посвящающий себя этой работе. На этом же заседании участники кружка (С.А. Аннинский, Н.В. Измайллов, М.Ф. Князева, Г.А. Князев, О.Е. Корнилович, Г.М. Котляров, А.И. Лебедев, П.И. Любомиров, Л.И. Полянская, В.А. Протасьева, Б.В. Шахов и др.) постановили пригласить на пост постоянного председательствующего А.И. Андреева.

Александр Игнатьевич Андреев (1887—1959)⁴²⁸ — доктор исторических наук, профессор.

Родители — крестьяне, переехали из деревни в Петербург в 1884 г.

Во время работы сторожем в Купеческой управе отцу представился случай устроить сына Александра бесплатно в один из приютов Купеческого общества.

Как отличник он был определен на казенную стипендию в Петровское коммерческое училище, которое давало не только коммерческое, но и хорошее общее образование.

В 1907 г. получил стипендию Купеческого общества для продолжения учебы на историко-филологическом факультете Петербургского университета.

Первой литературной работой, которую Андреев выполнил еще до поступления в университет, была правка перевода с английского языка книги Г. Смолла "Иллюстрированное

описание новой Библиотеки Конгресса в Вашингтоне”, которая была издана в 1910 г. без указания фамилии Андреева на титульном листе.

Для поступления в университет самостоятельно изучил латинский и греческий языки, которые не преподавались в училище. В университете занимался главным образом у академика А.С. Лаппо-Данилевского и А.Е. Преснякова, которых всю жизнь считал своими учителями.

Будучи студентом, в 1911 г. начал работать по приглашению А.С. Лаппо-Данилевского в Постоянной исторической комиссии Российской академии наук, созданной для издания исторических документов. Одновременно с работой в комиссии в ходе занятий в семинаре Лаппо-Данилевского занимался составлением каталога частных актов Московского государства.

В процессе учебы из-за тяжелых материальных обстоятельств был вынужден “в прямой ущерб студенческим занятиям” давать для заработка массу частных уроков. Окончил университет только в мае 1916 г.

Принимал участие в подготовке материалов и издании “Сборника материалов, относящихся до архивной части в России”

Продолжал работу в Постоянной исторической комиссии вплоть до самой смерти Лаппо-Данилевского (7 февраля 1919 г.) и до кончины его преемников на посту председателей комиссии академиков М.А. Дьяконова и А.А. Шахматова.

После избрания в феврале 1921 г. академика С.Ф. Платонова председателем комиссии, которая вскоре была переименована в археографическую, был назначен ее ученым секретарем. Параллельно с марта 1918 г. принимал активное участие в архивном строительстве.

С января 1918 по 1925 г. работал в объединенном архиве б. Министерства путей сообщения и б. Главного управления почт и телеграфов (сначала в должности заведующего 3-м отделением V секции ЕГАФ, с января 1919 г. — его управляющего).

Был заместителем председателя Совещания управляющих петроградскими отделениями Государственного архивного фонда, возглавлял работавшую при этом Совещании научно-техническую комиссию.

Принимал активное участие в архивных съездах и конференциях архивистов.

С июня 1920 г. руководил работой Кружка архивных работников — группы молодых ученых-архивоведов, “одинаково мыслящих по существу” (кружок имени А.С. Лаппо-Данилевского). Здесь был разработан ряд важных проектов, в частности проект архивной терминологии.

В.И. Пичета охарактеризовал “терминологический” доклад Андреева на I Всероссийской конференции архивных деятелей в 1921 г. как имеющий огромное принципиальное практическое и теоретическое значение⁴²⁹. Но конференция воздержалась от одобрения положений доклада, ограничившись решением создать для их обсуждения специальную комиссию при Главархиве. В состав комиссии вошли Ю.В. Готье (председатель), Д.Н. Егоров, М.К. Любавский, С.К. Богоявленский, В.В. Шереметевский, Н.П. Чулков, Н.Н. Ардашев, В.К. Клейн, В.И. Пичета и Н.Ф. Бельчиков. Ее работа не завершилась положительным результатом, но почти каждый из ее участников добавил в длинный список дефиниций свое собственное.

В марте 1925 г. вторая терминологическая комиссия — Б.И. Анфилов, И.А. Голубцов и А.А. Сергеев — отвергла “петроградскую” формулировку, выработав “московскую” формулу, которая исключала все случайное, искусственное в построении фонда и, по мнению В.Н. Автократова, “стояла выше современных ей западноевропейских определений, например, Х. Дженкинсона и П.Ф. Фурнье”⁴³⁰.

А.И. Андреев (вместе с А.Н. Макаровым, А.С. Николаевым, С.В. Рождественским и А.А. Сиверсом) входил в состав редакционного комитета журнала “Дела и дни” — органа свободомыслящих историков и архивистов.

С 1919 по 1927 г. преподавал дипломатику и археографию в Петербургском археологическом институте, затем в Ленинградском университете.

Во время работы на посту ученого секретаря Археографической комиссии АН СССР в октябре 1929 г. его арестовали по “академическому делу”. В тюремном заключении находился до конца августа 1931 г.

Был осужден коллегией ОГПУ к пяти годам ссылки в город Енисейск, где занимал различные должности (счетовод, бухгалтер, заведующий статистическим отделом) сначала в Енисейской сплавной конторе, затем на строительстве дороги к одному из центров золотодобывающей промышленности в тайге.

С 1933 по 1935 г. в качестве научного сотрудника в Енисейском музее приводил в порядок и описывал различные коллекции. Кроме того, в Енисейском тресте “Севполярлес” заведовал технической библиотекой.

Вернувшись из сибирской ссылки в середине апреля 1935 г., уже в июне был приглашен в Институт народов Севера для подготовки к изданию трудов Г.Ф. Миллера по географии, этнографии и истории Сибири. В институте читал лекции по источниковедению Сибири, руководил работой аспирантов.

В октябре 1940 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук по источниковедческой тематике. Издал два тома "Очерков по источниковедению Сибири" (до середины XVIII в.).

С 1938 по 1941 г. руководил работой Комиссии по истории Академии наук СССР.

В блокадном Ленинграде оставался до июля 1942 г., затем был направлен в эвакуацию, во время которой переезжал из Елабуги в Казань, потом в Ташкент.

Во время войны его ленинградская квартира была разрушена, поэтому А.И. Андреев в конце декабря 1942 г. воспользовался приглашением Института истории АН СССР и приехал в Москву. Помимо функций старшего научного сотрудника в институте выполнял обязанности ученого секретаря Всесоюзного географического общества.

После смерти заведующего кафедрой вспомогательных исторических дисциплин Московского историко-архивного института А.Н. Сперанского в январе 1943 г. Андреев был приглашен руководством института на эту должность. Читал лекции по источниковедению и руководил работой нескольких аспирантов, в числе которых был В.Н. Автократов.

В 1946–1948 гг. Андреев подвергся критике за "грубые политические ошибки, выразившиеся в насаждении идеалистических взглядов и низкопоклонстве перед буржуазной наукой" В 1949 г. его вынудили уйти из института, и он возвратился в Ленинград.

Андреева как историка, археографа и источниковеда отличали научная скрупулезность в изучении максимально широкого круга документальных материалов, твердое следование научным традициям анализа источников, выработанным дореволюционной школой ученых из круга А.С. Лаппо-Данилевского, и в то же время предельная взвешенность и осторожность в выводах.

Итак, на учредительном заседании кружка А.И. Андреева еще не было. Появившись на втором заседании (21.06.1920 г.), Андреев поблагодарил присутствующих за избрание его председательствующим, но указал, что он человек в архивном деле сравнительно новый и что желательно было бы видеть во главе кружка лицо весьма авторитетное и опытное, предложив пригласить в качестве почетного председателя А.С. Николаева. Предложение было принято единогласно. На третьем заседании (05.07.1920 г.) Андреев сообщил, что по непредвиденным обстоятельствам выбранная на прошлом заседании депутация к А.С. Николаеву не могла состояться, но он лично переговорил с Александром Сергеевичем, встретил самое благожелательное

отношение и благодарность, но А.С. решительно отказался от почетного председательствования, пообещав по возможности посещать собрания кружка и выступать на них в качестве рядового работника⁴³¹.

Изучение личного фонда Николаева показывает, что он внимательно следил за работой кружка, сохранив почти полный комплект протоколов его заседаний. Тем более непонятным представляется решительный отказ Николаева возглавить кружок. В.Н. Автократов высказывает мнение, что это было связано с начавшейся потерей его влияния в петроградских архивах из-за ухода его единомышленника и покровителя С.Ф. Платонова из ОРАД и активным натиском молодежи⁴³².

Нам кажется, что это только малая толика правды. С молодежью Николаев любил и умел работать до последних дней своей жизни. Его авторитет и влияние в петроградских архивах были обеспечены не формальными должностями, которые он занимал, а активным участием во всех сферах архивной жизни, включая и разработку терминологии. Результаты ее мы приводили при анализе его пропедевтических лекций, читаемых на Архивных курсах при Петроградском археологическом институте в 1919 г. Но, с нашей точки зрения, к моменту начала работ кружка он уже осознал бесперспективность любых терминологических и теоретических споров, казавшихся такими плодотворными еще несколько месяцев тому назад.

Продолжая заседать в научно-теоретическом отделе Петроградского отделения Главархива, Николаев лучше многих других архивистов был осведомлен о многих грядущих радикальных переменах: они готовились у него на глазах, но помимо его участия. Так, он знал, что уже с конца 1920 г. активно работает Комиссия по реформе Главархива и учреждений, ему подведомственных. Несколько протоколов заседаний сохранилось в личном фонде М.С. Вишневого⁴³³. В частности, в протоколе № 3 совещания комиссии от 13 января 1921 г. (на нем присутствовали В.В. Адоратский, А.М. Полянский, В.Н. Сторожев и М.С. Вишневский) в графе "Постановили" под п. 2 значится: "Признать необходимым поручить т. Адоратскому вести дальнейшее выяснение вопроса о возможности Главархиву быть реорганизованным в Наркомат или в отдел В.Ц.И.К." ⁴³⁴.

Опубликованная недавно В. Шепелевым в научно-информационном бюллетене Российского государственного архива социально-политической истории подборка "Документы с комментариями: архивная реформа в первые годы совет-

ской власти” возвращает нас в конкретные обстоятельства того периода, когда речь шла о подготовке своего рода контрреформы, совпавшей по времени с образованием и пиком работ Кружка научных работников им. А.С. Лаппо-Данилевского. Так, вытеснив летом 1920 г. Рязанова и его окружение из руководства Главархивом, М.Н. Покровский и В.В. Адоратский уже 9 января 1921 г. направляют в ЦК РКП(б) письмо, содержащее рекомендацию пересмотреть организационное подчинение главка. “Главархив, — говорится в письме, — есть чисто политическое учреждение, главной задачей которого является в настоящее время собирание, хранение и подготовка к изданию или разработка Истпартом документов по истории революции, империалистической войны и истории РКП(б)... Место Главархиву, по всем этим соображениям, не в Наркомпросе, а при ВЦИК»⁴³⁵. Осенью 1921 г. коллегия Главархива (М.Н. Покровский, В.В. Адоратский, Н.Н. Батурин) направляет в ЦК РКП(б) докладную записку (обращение) следующего содержания: «...в наших архивах... хранится масса документов, имеющих колоссальное политическое значение... Мы не считаем возможным скрыть от ЦК, что даже попытка доверить подобные документы простому хранению спецов, без достаточно близкого надзора коммунистов, привела к тому, что ряд копий с разных “пикантных” бумаг появился в зарубежных изданиях. Крупных “нескромностей” пока не было, но не было именно потому, что к партийным, например, документам ни один спец не был, разумеется, допущен. Можно сказать: оставим архивы в одном из подотделов Наркомпроса, но дадим последнему директиву — к таким-то делам никого, без разрешения ЦК, не допускать и заведование ими поручить исключительно коммунистам по назначению того же ЦК. Но тогда, в сущности, все останется по-старому, ибо мы, партийные люди, приставленные к Главархиву, дорожим, разумеется, не его канцелярией, финансовой и т. п. самостоятельностью.

Только едва ли Наркомпрос согласится нести административную ответственность за учреждения, в которых он и его уполномоченные, в сущности, не хозяева. Да и найдется ли у ЦК время хлопотать об этом, все-таки специальном и далеком от текущей партийной работы, деле?

Есть гораздо более простой выход: ограничив штаты Главархива необходимым минимумом, изъять это, стесняющее Наркомпрос, ведомство из круга культурных учреждений, с которым оно имеет мало общего, и передать его в заведование политического центра Республики, каким в советском порядке является ВЦИК... ЦК как будто и

сам, в одном из своих прошлых решений, стал на эту же точку зрения, назначив для заведования Главархивом тройку старых коммунистов»⁴³⁶. И наконец, 26 ноября 1921 г. Президиум ВЦИК принял решение перевести Главархив из ведения Наркомпроса в ведение ВЦИК, переименовав его в Центрархив РСФСР.

Обо всех деталях, происходящих в высших этажах партийно-государственной власти, архивисты, конечно, не могли знать, но общее направление событий они ощущали достаточно остро. Наглядное представление об этом может дать сравнение протокольных записей, относящихся к периоду подготовки к I Всероссийской конференции архивных деятелей и к первым дням после ее завершения.

На заседании 4 августа 1921 г. председательствующий А.И. Андреев приветствует нового участника кружка — Г.С. Габеева, доклад которого как автора нового понятия “фондообразователь” интересует всех собравшихся⁴³⁷.

И.Л. Маяковский сообщает, что в Москве принято решение пригласить петроградцев участвовать в работе организационного бюро по устройству конференции, так как программу петроградцев москвичи сочли разнообразной, а содержание докладов очень интересным. А.И. Андреев указывает, что на конференции необходимо представить доклад Г.А. Князева об архивной терминологии в связи с деятельностью кружка. Так как Князев не сможет приехать в Москву, Андреев просил поручить прочитать этот доклад ему. Далее участники продолжали шлифовать формулировки своих дефиниций, ожидая результатов их профессионального обсуждения на высшем форуме архивистов. Так было до съезда и во время его работы.

Совсем другая атмосфера царила в кружке после окончания работы московской конференции. В протоколе собрания кружка от 3 ноября 1921 г. отражено смятение Андреева, который на просьбу участников рассказать о работе конференции более подробно (как это он сделал на предыдущем собрании 27 октября) ответил, что запросил стенограммы докладов и ознакомит всех с содержанием немедленно после их получения. Собравшиеся понимают, что он явно чего-то не договаривает, и далее в протоколе следует примечательная фраза: “Собрание просит А.И. Лебедева, присутствовавшего на съезде с первого дня его открытия, дополнить доклад А.И. Андреева”

И Александр Иванович дополнил. Речь представителя Главархива профессора Пичеты он назвал малосодержательной, поскольку в ней излагались общеизвестные и малохарактерные факты. А на прямой вопрос поделиться впечатлениями

от выступления нового руководителя Главархива М.Н. Покровского, которое, естественно, больше всего интересовало участников собрания, он ответил: "В речи М.Н. Покровского было две части: историческая и декларативная.

В первой он обрисовал три стадии революционной деятельности советского правительства; причем, первая — декларативно-консервативная, призывающая охранять культурные ценности. В общем декреты имели именно декларативное значение и вовсе не были рассчитаны на исполнение. Нужно констатировать, что мы здесь сделали больше, чем рассчитывали. Вторая стадия относится к 1919—1920 гг., когда неожиданно гидра контрреволюции напала на советскую власть. При этом Гражданская война закончилась победой советской власти, но культурная работа была сбита. Третья стадия — с конца 1920 года — период строительства, в результате которого получился экономический крах, к которому присоединился голод в Поволжье, правда, не столь страшный, как кажется.

Из этой части исторической вытекает часть декларативная, потому что советская власть переходит на новую политику, построенную на строгом учете и расчете, а потому на обеспечение Главархива рассчитывать не приходится. На архивы будут повешены замки, и все архивные работы сосредоточатся в Истпарте"⁴³⁸. Необходимо отметить, что подобные ощущения надвигающегося архивного краха проявились и на заседаниях научно-теоретического отдела при Петроградском отделении Главархива.

На заседании кружка 17 октября 1921 г. делегатам конференции А.С. Николаеву, А.Е. Преснякову и И.Л. Маяковскому участники по предложению П.А. Шафранова выразили благодарность за активную подготовительную работу по организации съезда (никто из архивистов не называл его конференцией). Последующее обсуждение докладов делегатов конференции не состоялось, поскольку после информации Николаева всем стало не до теоретических вопросов. В протоколе об этом говорится коротко. Николаев отметил, что в связи с предстоящим (по настоянию Центрального управления) сокращением архивных служащих в Петрограде на 50 %, а также с предстоящим закрытием отдельных архивов на зимнее время из-за отсутствия дров необходимо сосредоточиться на составлении плана зимних работ по отделениям"⁴³⁹.

Через неделю, 24 октября 1921 г. на заседании, которое вел А.С. Николаев, в присутствии Г.С. Габаева, А.И. Лебедева, А.Н. Макарова, А.Е. Преснякова, П.А. Шафранова, П.И. Измestьева, И.Л. Маяковского и А.А. Сиверса председательству-

ющий и участники попытались наметить путь к спасению архивов в их прежнем виде от ликвидации, предпринятой по указанию из Москвы и озвученной на конференции М.Н. Покровским, В.В. Адоратским и В.В. Максаковым.

В журнале заседаний об этом говорится так:

“Николаев: Из Управления учреждениями Академического центра (Наркомпроса. — Т. X.) получена бумага от 17.10.1921 г. о предоставлении в трехдневный срок плана дальнейших работ по Петроградскому отделению Главархива”

Николаев считает, что в плане особенно необходимо отразить вопрос о самой широкой популяризации архивного дела не только среди широких масс, но и *среди ответственных работников советских учреждений, проявляющих полную неосведомленность в этой области, что постоянно имеет крайне неблагоприятные последствия для архивного дела...* Информационный доклад по архивному делу мог бы быть сделан не на пленарном заседании Петросовета, в секции народного образования, а от лица Главархива, который должен заявить, что ему желательно и ценно подобное выступление, и назначить определенных лиц для доклада в секции.

Маяковский отметил, что план ближайших работ Петроградского отделения должен исходить из учета уже проведенного в Петрограде сокращения на 50 % персонала ЕГАФ в связи с общим сокращением всех советских учреждений; отсутствия отопления в большинстве архивных помещений; основных заданий Главархива и I Всероссийской конференции архивных деятелей... Нужно указать не текущие работы, подразумевающие сами собой, а ударные первоочередные задачи, *“которые должны указать государству, отдельным учреждениям, широким массам на важное государственное значение архивов. Это поможет правильному пониманию этого значения и оградит архивы от возможных попыток дальнейшего сокращения их штатов и создания всяких осложнений в текущей их работе...”*⁴⁴⁰ (здесь и выше выделено нами. — Т. X.).

Измествев указал, что архивы необходимы для строительства Вооруженных сил республики и высшие военные сферы окончательно признали, что Красная Армия не может существовать без старых архивов. С другой стороны, архивы самой Красной Армии необходимы для выяснения опыта гражданской войны. Эти выводы надо широко пропагандировать “среди ответственных работников, не уяснивших себе еще эти истины, и среди простой красноармейской массы, являющейся по своей недостаточной культурности (в оригинале зачеркнуто — “темноты” — Т. X.) одним из наиболее опасных врагов архивного материала”⁴⁴¹.

Пресняков в связи с выступлением Измestьева отметил важность подготовки для органов печати Красной Армии и Красного Флота популярных статей о значении архивов в деле государственного строительства.

Габаев добавил, что близится срок, когда в архивы поступит текущее делопроизводство советских учреждений за первое пятилетие их деятельности, и потребуется большая предварительная работа, связанная с таким колоссальным притоком фондов и их размещением.

После короткого резюме Николаева комиссия постановила:

«Принять предложенный И.Л. Маяковским план ударной части программы дальнейшей работы Петроградского отделения Главархива, дополнить его указаниями на задачи текущей и научной работы и представить затем на утверждение С.Ф. Платонова, присовокупив к этому, что комиссия, придавая важное значение выступлению в Петросовете с информационным докладом по архивному делу, полагала бы желательным, чтобы от Главархива поручено было А.С. Николаеву выступить совместно с П.И. Измestьевым и И.Л. Маяковским с такими информационными докладами. Комиссия просит П.И. Измestьева и И.Л. Маяковского озаботиться написанием информационных статей по архивному делу для публикаций их в “Красном Командире” и “Красном Балтийце”»⁴⁴².

Трудно не ощутить проступающий сквозь тщательно подобранные слова протокольной записи отголосок тех настроений, которые были характерны для питерских интеллигентов еще каких-нибудь три-четыре года тому назад и о которых философ А.С. Изгоев написал так: «К большевикам петроградцы относились с ненавистью и презрением. О власти говорили не иначе, как “они” Что там еще “они” выкинули, что выдумали, какое новое злодейство совершили... А “они”, склонные к панике и истерике, сами не веря, что еще существуют, и недоумевая, почему это происходит, неслись куда-то в неизвестное, поверив в Ленина... Ленин и Троцкий перенесли столицу из Петрограда в Москву... Разжалованный Петроград был возглавлен Зиновьевым и сделан центром Северной области или Коммуны. Он очутился приблизительно в таком же положении, как Москва при генерал-губернаторе великом князе Сергее Александровиче. Центральные законы действовали на территории Петрограда только с дозволения местного градоправителя. Что же касается Московского всероссийского начальства, то оно в Петрограде власти вовсе не имело... В Москве бредили всероссийским учетом, сочиняли планы, в силу которых вся страна работала бы по указке из Москвы... Постепенно, по мере того,

как укреплялась большевистская власть, их органы политического сыска усиливались старыми безработными царскими агентами, ознакомившими коммунистов с прогрессивной техникой дела. У большевиков в Че-Ка появились карточки, схемы, фишки. Увеличивался круг людей, подпадавший под систематическое наблюдение... Круг знакомых, остававшихся здесь, все редел и редел»⁴⁴³. Эти воспоминания характеризуют время, когда архивисты — участники кружка возлагали свои надежды на помощь исполкома Петросовета. Конечно, их выступления в Петросовете с целью убедить неосведомленных ответственных работников в государственной важности архивной работы не состоялись.

В Петрограде были продолжены “политчистки” под прикрытием сокращения штатов. Их жертвами вскоре стали А.С. Николаев, И.Л. Маяковский, Г.С. Габаев и десятки других архивистов. Кружок архивных работников им. А.С. Лаппо-Данилевского продолжал еще некоторое время работать в обескровленном составе, но вскоре, как это и предвидел с самого начала А.С. Николаев, прекратил свое существование ввиду не востребоваемости результатов его теоретических исследований со стороны нового состава архивного руководства.

Учитывая, что детальный анализ обсуждения понятия “фонд” и других архивоведческих терминов на заседаниях кружка дан в работе В.Н. Автокротова «Понятие “архивный фонд” в советском архивоведении 1920-х годов»⁴⁴⁴, а также в приведенном выше доксографическом очерке о Г.А. Князеве, мы считаем целесообразным ограничиться выяснением специфического, если не сказать уникального в своем роде, характера научной деятельности кружка.

Дело в том, что, в отличие от научно-теоретической комиссии во главе с Николаевым и других архивных организаций, включая постоянно действовавшее до начала 1920-х годов Совещание управляющих, кружок по своему статусу общественной организации был лишен возможности даже надеяться на помощь Петросовета.

Мы вводим в научный оборот документ, датированный 22 декабря 1920 г., в котором последний председатель Совещания управляющих И.А. Блинов, сменивший на этом посту А.С. Николаева, также просит заместителя заведующего Главархивом С.Ф. Платонова ходатайствовать перед исполкомом Петросовета о принятии срочных мер по законодательному закреплению декларированных в декрете от 1 июня 1918 г. мер по защите от гибели частных архивов. Угроза ликвидации свободы архивов со стороны нового руководства Главархива

сознавалась участниками кружка с не меньшей остротой, чем всеми архивистами:

«Председателю Совещания управляющих
заместителю заведующего Главархивом
С.Ф. Платонову

Милостивый государь, Сергей Федорович!

Совещание управляющих, вследствие дошедших до него сведений о печальном положении частных архивов, образовало комиссию для выяснения этого вопроса.

В заседании 9 сего декабря, обсудив меры, предложенные комиссией, совещание пришло к следующим заключениям:

1) Имея в виду, что провозглашенный декретом 1 июня 1918 г. принцип о сосредоточении в ЕГАФ и подчинении Главархиву всех архивов не получил относительно частных архивов дальнейшего развития, необходимо всемерно торопиться с изданием Положения о частных архивах.

2) Учитывая медленность издания законодательных актов и принимая во внимание, что опасность гибели угрожает более всего документам, оказывающимся среди бесхозяйственного имущества, казалось бы необходимым обратиться в Исполком Петросовета с соответствующим заявлением, в котором должно быть указано:

а) что по общему декрету 1918 года все архивные материалы входят в состав ЕГАФ и подлежат ведению Главархива;

б) что при обнаружении во время инвентаризации какого-либо имущества архивных материалов необходимо немедленно сообщить о сем Петроградскому отделению Главархива...;

в) что представлялось бы полезным избрать при Петроградском отделении Главархива особую "тройку", которая могла бы принимать случайные заявления как от членов Главархива, так и от частных лиц, производить по ним розыски и расследования уцелевших частных архивов.

По поручению Совещания как его председатель доводя до Вашего сведения о вышеупомянутых его заключениях, прошу принять уверение в моем совершеннейшем уважении

И. Блинов.
1920. 22 декабря.⁴⁴⁵

Проблемность ситуации заключается в необходимости выяснить, почему А.И. Андреев, с момента образования кружка в июне 1920 г., упорно сопротивлялся попыткам А.И. Лебедева и других его участников каким-то образом "институировать" его деятельность, зарегистрировав устав и войдя в какую-нибудь официальную организацию. Это осталось без внимания

со стороны всех историков — исследователей кружка, включая В.Н. Автократова, который ограничился лишь простой констатацией данного факта, имеющего, как нам кажется, важнейшее значение в контексте исследования развития классического архивоведения в советский период.

Формальный отказ от регистрации кружка и сотрудничества с какой бы ни было официальной властной структурой — явление для любого общественного объединения в советское время редчайшее. Даже Союз российских архивных деятелей, начав с отказа от любых контактов с представителями госаппарата, был вынужден под давлением внутренних и внешних обстоятельств радикально изменить свою позицию. На наш взгляд, демонстративное подчеркивание участниками кружка в 1920-е годы частного характера своей деятельности было последней попыткой архивистов — представителей классического архивоведения сохранить аполитичность (внепартийность) научной работы, уберечься от насильственной идеологизации теоретических исследований.

Рассмотрим эту тему, опираясь на документальные источники. На первом, учредительном, заседании кружка А.И. Лебедев отметил, что важность тесного сближения архивных работников подтвердила архивная конференция, состоявшаяся в мае 1920 г. в Петрограде.

Протокол начинается словами: “Присутствовало 14 членов” (затем идет перечень фамилий, который цитировался выше). Как сказано в протоколе № 1 от 14.06.1920 г., “после обмена мнениями было решено в первое время, пока не намечен круг вопросов и неясны задачи и методы деятельности кружка, не слишком растворять таковой широким разглашением и специальным привлечением новых членов, но вместе с тем сделать его открытым для всех интересующихся и желающих работать. Впоследствии можно будет оповестить все отделения и привести новых участников; но кружок никогда не должен стать особой корпорацией, а должен быть свободным учреждением”⁴⁴⁶.

Отметим первое (и последнее) за весь период работ упоминание об обязательном членстве в кружке (“присутствовало 14 членов”, “привлечение новых членов”). Во всех остальных протоколах отмечалось: “Присутствовало... человек”

Затем Лебедев предложил перейти к конкретному содержанию наполнению тематики работ вопросами архивного дела, имеющими принципиальное значение. Князев предложил перечень задач терминологического характера, который поддержали участники заседания. Казалось бы, основное препятствие для широкого оповещения о работе кружка и привлечения новых членов снято. Но уже на следующем заседании

А.И. Андреев вновь сопротивляется попыткам точно определить содержание работы кружка и придать его деятельности официальный характер:

«Князев: необходимо более точно назвать кружок, добавив слова “по вопросам архивной техники”».

Николаев, поддерживая Князева, добавляет, что без подобного рода уточнений под понятие кружка подойдет слишком расплывчатое определение, которое может дать повод заподозрить под ним просто клуб.

Андреев решительно возражает: это преждевременно, поскольку свяжет кружок, сузит его. Участники заседания соглашались с Андреевым⁴⁴⁷.

Протоколы этих и всех других заседаний вплоть до декабря 1921 г. направляются Николаеву, который, видимо, продолжал поддерживать тесные контакты с Андреевым, давая ему нужную информацию о положении в “верхах”. Так, заседание 17 января 1921 г. А.И. Андреев открыл сообщением, что во время последней поездки в Москву А.С. Николаева выяснилось, что в Наркомпросе считали Археографическую комиссию давно упраздненной, или, точнее, поглощенной Академией истории материальной культуры после объединения ее с Археологической комиссией⁴⁴⁸.

Вопрос стоял о возможности интеграции при таком положении дел всех учреждений археографического характера для обеспечения большей согласованности. По информации Андреева, вопрос обсуждался на заседании представителей АН, Археографической комиссии, Общества любителей древней словесности, Общества российских архивных деятелей, Общества охраны памятников искусства и старины, Археологического института, Петроградского отделения Главархива и Публичной библиотеки. Большинство мнений было высказано за то, чтобы объединяющим центром стала Академия наук. Правда, по словам Андреева, Платонов говорил о Постоянной исторической комиссии, но Ольденбург склонил участников к мнению, что более желательным вариантом стало бы создание в АН особого комитета, не предрешая его названия. Была образована особая комиссия для разработки основных положений объединения, причем Андреев и Николаев выступили против попыток исключить из состава объединения Общество РАД в связи с тем, что оно ничего не издает. Их аргументы состояли в том, что “оно не издает ничего только по условиям времени, но прежде кое-что готовило”

На следующем заседании кружка (24 января 1921 г.) А.И. Андреев уточнил, что археографический комитет все-таки решено создавать при Постоянной исторической комиссии,

поскольку комитет в виде нового учреждения создан не будет. С другой стороны, он сообщил, что во главе научно-статистического отдела Петроградского отделения Главархива поставлен такой знаток и любитель архивного дела, как И.Л. Маяковский, а председателем научно-технической комиссии назначен А.С. Николаев, причем в эту комиссию приглашены персонально от разных отделений 11–12 человек⁴⁴⁹.

Смысл информации Николаева, с нашей точки зрения, состоит в том, что ввиду неясности положения с составом постоянно преобразующихся структур в московском центре лучше сохранять свое автономное положение в Петрограде, тем более что в состав руководящих органов вошли участник кружка И.Л. Маяковский и активно следящий за его работой А.С. Николаев. Наше предположение подтверждается жестким ответом Андреева на вопрос одного из участников заседания 19 апреля 1921 г., направляются ли протоколы работ кружка в Петроградское отделение Главархива:

“Андреев: Нет, не направляются. Кружок возник по частной инициативе и никакой легализации со стороны Главархива не имеет. Но его собрания открыты для всех и его протоколы могут быть представлены лицам, интересующимся вопросами архивной техники”⁴⁵⁰.

Маяковский говорил от имени научно-статистического отдела о желательности получать копии протоколов и находил полезным отсылать их в Москву, где они могут послужить материалом для текущей работы.

Ответ Андреева в протоколе не зафиксирован, но, похоже, его позиция осталась неизменной: кружок сотрудничает со всеми заинтересованными лицами только на личной основе.

Таким образом, он последовательно придерживался линии, против которой на собрании, посвященном обсуждению отчета о работе кружка за год, истекший после его создания, и состоявшемся 16 июня 1921 г., снова выступили Князев, Лебедев, Жукович и другие участники.

Лебедев сказал о том, что пришло время создать маленькую конституцию кружка.

Князев поддержал Лебедева. Он выразил мнение, что важно сформулировать положение о целях кружка, составе президиума, “а то у нас нет даже официального председателя (напомним, что Андреев на учредительном собрании был избран постоянным председательствующим на собраниях, но не председателем как таковым. — Т. Х.). Бывают вопросы, которые следует заранее подготовить: к кому-то и куда-то обращаться, и все это — дело президиума. Необходимо принять меры к расширению кружка”.

[Б.Н.] Жукович также отметил, что конституция кружка предопределена и состав кружка следует расширить

Андреев выражает недоумение: зачем это нужно? Ведь написанная “конституция” лишит кружок гибкости и живости⁴⁵¹.

Дальнейших записей по этому вопросу в протоколе нет, но, видимо, дебаты продолжались “в закрытом режиме”, поскольку его обсуждение заканчивалось словами, что за поздним временем доклад Князева об архивной терминологии переносится на следующее собрание. Он раздает листки с переработанными определениями терминов и просит к следующему разу обдумать их и внести поправки.

Андреев, учитывая пожелания большинства, предлагает посвятить вопросу конституции особое заседание, протокол которого должен будет сыграть роль своего рода конституции⁴⁵².

Отметим, что именно этот важный, так называемый годичный, протокол отсутствует в комплекте, собранном в личном фонде Николаева. Нельзя исключить возможность того, что Андреев не счел целесообразным направить данный документ на его имя. В то же время он имеется в числе немногих в личном архиве заведующего организационно-инструкторским отделом Главархива М.С. Вишневого, исполнявшего в то время в Петрограде роль своеобразного представителя московского центра.

В черновых записях к будущим работам В.Н. Автократов выражал недоумение по поводу того, что “организация кружка за год не претерпела никаких изменений; кружок продолжает носить частный характер, не зарегистрировав себя ни при каком учреждении археографического характера. Вопрос о присоединении к ОРАД обсуждался, но был отвергнут большинством. Считая свои заседания открытыми для всех любителей архивного дела, кружок не прибегал ни к каким оповещениям и предпочитал расширять свой состав путем персональных приглашений”⁴⁵³.

Аналогичное мнение высказывает и Н.И. Химины в коллективном исследовании ВНИИДАД по истории архивного дела⁴⁵⁴.

По нашему мнению, внимательное изучение текстов протоколов кружка, принявшего имя А.С. Лаппо-Данилевского, и их сравнительный анализ с учетом конкретно-исторической обстановки, сложившейся под влиянием наступившей в начале 20-х годов “контрреформы” архивного дела в связи с приходом к власти группы М.Н. Покровского, дают возможность получить обоснованный ответ на причины такого поведения

А.И. Андреева: он хотел любой ценой сохранить обстановку научного свободомыслия, характерного для классического архивоведения. К сожалению, продлить жизнь кружка даже на этих условиях ему удалось только до декабря 1921 г.

Напомним, что одновременно А.И. Лебедев пытался безуспешно реанимировать деятельность возглавляемого им Общества российских архивных деятелей: за весь 1921 г. состоялось только одно заседание его совета, пленарных заседаний не было ни одного “в связи с отсутствием свободного помещения”, хотя общество в отличие от кружка было официально зарегистрировано в объединении археографических учреждений при Постоянной исторической комиссии РАН⁴⁵⁵.

Так закончился “героический”, по определению В.Н. Автократова, период развития архивоведческой мысли в первые три года после провозглашения всеобщей архивной реформы. Весь последующий период развития классического архивоведения будет отмечен сужением круга его создателей. Если после Февральской революции в дело строительства новой архивной системы на научной основе было вовлечено такое огромное число представителей всех культурных сил страны, что оно могло превратиться в объединяющую всех общенациональную идею, то во второй половине 20-х годов прошлого века оно постепенно стало делом жизни отдельных энтузиастов⁴⁵⁶, которые обеспечили преемственность научных традиций и вывели науку об архивах на новую ступень развития.

Заключение

На XII Международном конгрессе архивистов “Профессия архивиста в эпоху информатизации”, который состоялся в Монреале (Канада) в сентябре 1992 г., норвежский ученый Лив Микланд произнес слова, которые выражают императив современного архивоведения: “Нам, архивистам, жизненно необходимо развивать нашу собственную науку... Архивоведам необходимо добиться влияния и целостности, равных по степени значимости и целостности самих архивов. Нет сомнения в том, что только глубокое постижение органической целостности архивов может помочь созданию профессии, характеризующейся такой же целостностью. К этому мы стремимся”¹.

Современные историки, теоретики и практики архивного дела, в распоряжении которых находится богатейшее наследие отечественных ученых-архивоведов, не могут оставаться в стороне от изучения проблем мировой науки об архивах.

Наше исследование является одним из шагов в этом направлении. Мы стремились выполнить главную задачу, поставленную во введении, — обосновать плодотворность подхода к изучению такого уникального свойства архивов, как их всемирной, общечеловеческой ценности, независимо от того, являются ли они устными у бесписьменных племен или технотронными у цивилизованных социумов. Всегда и везде они составляют неотъемлемую часть совокупного многоуровневого мирового информационного пространства.

Исследование было проведено на основе формирующейся в наши дни фундаментальной науки об архивах, в рамках которой архивы разных государств представляют собой внутренне целостные метасистемы. Их можно охарактеризовать в онтологическом, гносеологическом и социально-культурном аспектах одновременно как:

- сложную информационную структуру, создаваемую Личностью, Обществом и Государством в целях саморазвития и самопознания;

- совокупный банк данных всего человечества, информационную сеть глобального масштаба, состоящую из отдельных ячеек, клеточек, элементов, каждая из которых занимает свое особое место в любой конкретной подсистеме и, следовательно, имеет свое неповторимое историко-культурное значение.

Такой комплексный подход, который с полным основанием можно назвать гуманитарным, формировался в отечественном архивоведении на протяжении столетий.

В первой главе “Историко-теоретический анализ ключевых архивоведческих понятий” показано, что инерция и излишняя терпимость к терминологической некорректности — одна из важных причин ослабления общественного интереса к истории архивоведческой мысли, включая научное наследие видных архивных деятелей: от Н.В. Калачова и его предшественников до блестящей плеяды ученых серебряного века и первых послереволюционных лет.

В главе приведены примеры произвольного либо целенаправленного искажения первоначального смысла самых распространенных ключевых понятий, в частности таких, как “архив” и “наука об архивах” (“архивоведение”), что в конечном счете привело к редуцированию архивоведения до первичной, эмпирической стадии развития архивного дела.

Глава вторая “От эмпирического архивоведения к основам науки об архивах” посвящена детальному анализу эволюционного процесса, в результате которого отечественная наука об архивах достигла следующих результатов:

к концу XIX в. был завершен период деления исследователей старины на антиквариистов (историков-археографов) и историописателей, вследствие чего архивы превратились в источник документальной базы для научно-исторических и историко-юридических исследований;

сложилось профессиональное сословие архивистов, активно занимавшихся разработкой теоретического фундамента для методов работы в архивах. Архивоведение все больше начало приобретать характер рефлексии (знания о знании);

в России отчетливо проявились признаки существования исторического сознания как субъективного аспекта научного мировидения, причем архивное сознание, т. е. понимание организационной целостности архивов и их самооценности, вошло в систему исторического сознания его неотъемлемой составной частью.

Таким образом, выявленные и проанализированные во второй главе документы по истории архивоведения показывают, что проведенная архивная реформа в России имела прочную историческую основу и во многом опиралась на преемственную связь с наукой об архивах, разработанной предыдущими поколениями отечественных архивистов и архивоведов.

В главе третьей “Классическое архивоведение” впервые в отечественной науке об архивах анализируется процесс ее интеграции в общую систему научного познания мира и самопо-

знания Человека. Особое внимание уделяется становлению теоретического ядра архивоведения — учению о фонде.

В этом учении, основы которого содержатся в работах А.С. Лаппо-Данилевского, А.С. Николаева, В.В. Снигирева и ставшего научной программой Союза российских архивных деятелей, нашла свое отражение гуманитарная парадигма нового архивоведения. Центр внимания исследователей постепенно начинает смещаться от анализа деятельности архивов как второстепенной части канцелярий официальных ведомств к изучению процесса свободного рождения и развития “живых”, органически целостных образований. Архивы предстают объективным следствием присущей человеку жизнедеятельности, а также результатом его стремления к самопознанию и увековечению памяти о себе в будущих поколениях.

В сущности, именно этот подход и определил нашу характеристику трех основных этапов в истории возникновения, становления и развития науки об архивах, отражающих динамику отношений к архивам государства и общества в разных исторических условиях:

1. На доисторическом (эмпирическом) этапе отношение к архивам можно сравнить, если воспользоваться словами О.А. Добиаш-Рождественской, “с наивным непониманием дикаря”, когда “архив не создается, а если он уже создан известной культурной силой, то, приходя в соприкосновение с силой некультурной, разрушается, причем разрушение это носит стихийный характер, напоминая по смыслу своему действие силы природы...”².

2. В традиционном архивоведении (второй этап) находит свое отражение сознательное, но одновременно и конъюнктурное отношение к архивам. В крайнем своем выражении на первый план здесь выходит праксеологическая полезность, а не аксиологическая ценность документа. Если прибегнуть к оценке О.А. Добиаш-Рождественской такого отношения, то речь идет о “корыстной практической оценке архива, ведущей к охране своего и разрушению чужого архива”³.

3. И наконец, на третьем этапе, который мы называем периодом возникновения классической науки об архивах, отношение к архивам можно определить как “бескорыстно-научный интерес к памятнику прошлого”, который является залогом “бережного отношения ко всякому документу, охраны всякого его хранилища”⁴.

Естественно, что именно на последнем, третьем, этапе особенно возрастает значение профессии архивиста и научных основ его деятельности. Выявление, отбор для хранения архивных материалов, обеспечение сохранности архивных фондов и

условий для их использования становятся важным критерием уровня цивилизованности государства и общества.

Сегодня, в условиях радикальных перемен в жизни России и существования разных форм собственности, вопросы формирования и передачи будущим поколениям внутренне целостного архивного фонда в национальном масштабе приобретают общегосударственную значимость. В этой ситуации вновь становится актуальной задача первых деятелей губернских ученых комиссий, участников археологических съездов и основателей Союза российских архивных деятелей поставить архивное дело на общенациональную основу.

В воспитании “архивной души” в каждом человеке, независимо от его места в социуме, важнейшая роль должна принадлежать современной отечественной науке об архивах, истории возникновения, становления и развития которой посвящено настоящее исследование.

Примечания

Введение

- ¹ *Ортега-и-Гассет Х.* Мысли о романе // Вопросы лит.-ры. 1991. Февр. С. 103–104.
- ² *Налимов В.В.* Канатоходец. М., 1994. С. 286.
- ³ См.: XIII Международный конгресс архивов: впечатления участников: В.П. Козлов // Отеч. архивы. 1996. С. 112; *Козлов В.П.* Историк и архивист: общее и особенное профессий // Историки и архивисты: сотрудничество в сохранении и познании прошлого в интересах настоящего и будущего: Материалы конф. 27–28 ноября 1997 г. М., 1998. С. 16.

Глава 1. Историко-теоретический анализ ключевых архивоведческих понятий

- ¹ См.: *Лосев А.Ф.* Самое само // Лосев А.Ф. Миф. Число. Сущность. М., 1994. С. 464.
- ² См.: *Михайлов И.А.* Вильгельм Дильтей // История философии. Запад – Россия – Восток: В 3 кн. М., 1998. Кн. 3. С. 145–150.
- ³ Цит. по: *Родин А.В.* К вопросу об определении у Платона // Архэ: Ежегодник культурологического семинара / Под ред. В.С. Библера. М., 1996. Вып. 2. С. 279.
- ⁴ *Лосев А.Ф.* Указ. соч. С. 300.
- ⁵ Например, работы во ВНИИДАД над госстандартами “Термины и определения”, а также над словарем-справочником “Делопроизводство и архивное дело” (см.: *Ларин М.В., Банасюкевич В.Д.* О направлениях НИР в области документоведения и управления документацией // Вестник архивиста. 1997. № 3 (39). С. 31.
- ⁶ См.: *Илизаров С.С.* О формировании термина “исторический источник” в русской научной литературе XVIII в. // Источниковедение отечественной истории. 1984. М., 1986. С. 199–210.
- ⁷ См.: *Кикнадзе М.Р.* О связи терминологических разысканий с интерпретацией источников // Источниковедческие разыскания. Тбилиси. 1988. С. 113–121.
- ⁸ См.: *Чирков С.В.* О применении термина “археография” в начале XX века // Археограф. ежегодник за 1981 год. М., 1982.
- ⁹ См.: *Козлов В.П.* Теоретические основы археографии с позиций современности // Отеч. архивы. 2001. № 1.
- ¹⁰ *Поздеева И.В.* Новая концепция эдиционного архивоведения // Там же. 2002. № 1. С. 62.
- ¹¹ См., например: *Илизаров Б.С.* Теоретические вопросы использования архивных документов. М., 1987. С. 9–14; *Он же.* О формировании терминов “архив”, “архивный документ” в их современной интерпретации // Архивы СССР. История и современность. М., 1989. С. 4–10.

- 12 См.: Ханнира Э.И. О дефиниции термина "архивный документ" // Научно-техническая терминология. 1984. № 8. С. 6–7; Он же. Архивоведческое терминоведение: Учеб. пособие по спецкурсу. М., 1990. С. 92–98.
- 13 Илизаров Б.С. О необходимости очеловечивания исторической науки, архивоведения и архивного дела // Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе: Докл. и тез. выступл. на третьей Всерос. конф. 25–26 февраля 1999 г. М., 1999. С. 38–39.
- 14 Курникова И.А. Готовится новый терминологический словарь // Отеч. архивы. 1997. № 2. С. 98.
- 15 См.: Князев Г.А. Теория и техника архивного дела. Л., 1935.
- 16 Там же. С. 5.
- 17 Цит. по: Старостин Е.В. Критики декрета "О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР" // Тр. ИАИ. М., 2000. Т. 35 (компьютерная версия).
- 18 См.: Булюлина Е.В. Образ архива в восприятии студентов старшекурсников отделения документоведения Волгоградского государственного университета // Вестник архивиста. 2001. № 4–5. С. 33.
- 19 Там же. С. 34.
- 20 Булюлина Е.В. Указ. соч. // Изменяющаяся Россия и российские архивы на рубеже веков: Материалы конф. 1–2 марта 2001 г. М., 2002. С. 192–197.
- 21 Там же. С. 194.
- 22 См.: Тонеев В.А. Архивный фонд России: реальность и абстракция // Вестник архивиста. 2001. № 4–5. С. 304.
- 23 Богословский М.М. Областная реформа Петра Великого. М., 1902. С. 20.
- 24 Подробнее см.: Попов Н.А. В.Н. Татищев и его время. М., 1861; Он же. Ученые и литературные труды В.Н. Татищева. М., 1887; Андреев А.И. Труды В.Н. Татищева по истории России // Татищев В.Н. История Российская. М.; Л., 1962. Т. 1; Аверьянова А.П. В.Н. Татищев как филолог // Вестник ЛГУ. 1950. № 7; Она же. Рукописный лексикон первой половины XVIII в. // Исторический архив. Л., 1964. Т. 6; Валк С.Н. О составе издания // Татищев В.Н. Избранные произведения. Л., 1979. С. 26–32.
- 25 Татищев В.Н. История Российская. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 90.
- 26 Цит. по: Лексикон российской, исторической, географической, политической и гражданской // Татищев В.Н. Избранные произведения / Под общ. ред. С.Н. Валка. Л., 1979. С. 168.
- 27 См.: Старостин Е.В. Архивы России: Методолог. аспекты архивоведческого знания. М., 2001. С. 9.
- 28 Илизаров Б.С. Роль документальных памятников в общественном развитии: Учеб. пособие. М., 1987. С. 10.
- 29 См., например: Оглавление и тексты первых двух разделов вышедшего в 1979 г. под ред. К.И. Рудельсон и сохраняющего свое научно-справочное значение двухтомника Н. В. Бржостовской и Б.С. Илизарова "Архивы с древнейших времен до 1917 г." (Труды ВНИИДАД. М., 1979. Т. 8, ч. 1, 2).
- 30 Loewe V. Das Deutsche Archivwesen. Breslau. 1929. Цит по: Старостин Е.В. Зарубежное архивоведение. М., 1997. С. 25.

- 31 См.: Справочный энциклопедический словарь. Т. 1–12. СПб., 1847–1855; статья “Архив” помещена: Т. 1. С. 472; Энциклопедический словарь, составленный русскими учеными и литераторами. Т. 1–5. СПб., 1861–1863. Т. 5. С. 538–551; Русский энциклопедический словарь, издаваемый проф. С.-Петербургского университета И.Н. Березиным. Отд. 1–4. Т. 2. С. 293–299 и др.
- 32 См.: Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона / Под ред. проф. И.Е. Андреевского. 1890–1907. Ч. 1–41, полут. 1–82.
- 33 См.: *Маяковский И.Л.* Архив // БСЭ. 1-е изд. 1926. Т. 3. Стб. 543–550.
- 34 См.: БСЭ. 2-е изд. 1950. Т. 3. С. 176–184.
- 35 См.: Словарь иностранных слов. 12-е изд. М., 1985. С. 55.
- 36 *Крайская З.В.* Организация архивного дела в СССР. М., 1980. С. 4.
- 37 *Ханцпра Э.И.* Архивоведческое терминоведение. С. 92–94.
- 38 Там же. С. 93.
- 39 Там же. С. 94.
- 40 *Хубова Д.Н.* К генезису понятия “устный архив” // Вестник архивиста. 1996. № 4 (34). С. 37.
- 41 *Старостин Е.В.* Архивы России. С. 21.
- 42 См.: Вестник архивиста. 1996. № 6 (36).
- 43 См., например, исследования: *Сидорова А.А.* “Искусство книги” и *Астуриас М.А.* “Рисованные манускрипты доколумбовой Америки” (Курьер ЮНЕСКО. 1972. Дек.).
- 44 *Рыбакова М.И.* Архивы и архивные материалы Древнего Египта // Архивное дело. 1941. № 2 (58). С. 75.
- 45 *Довлатов В., Смирнов А.* Сибирские Робинзоны // Родина: Российский ист.-публицист. журн. 1994. № 2. С. 121.
- 46 См.: Традиционное искусство Востока: Терминологический словарь. М., 1997. С. 133–134.
- 47 См.: *Старостин Е.В.* Архивы России. С. 9–12.
- 48 *Шмидт С.О.* Исторические корни профессии историка-архивиста: отечественный опыт // Вестник архивиста. 1996. № 4 (34). С. 21.
- 49 См.: *Смирнов Н.А.* Западное влияние на русский язык в петровскую эпоху // Сборник Отделения русского языка и словесности АН. СПб., 1910. Т. 88. № 2. С. 47, 109, 128, 131.
- 50 *Оглоблин Н.Н.* Провинциальные архивы в XVII в.: Очерк из истории архивного дела в России: Сб. ст. по архивоведению. СПб., 1910. Т. 1, ч. 1. С. 123.
- 51 *Ключевский В.О.* Соч.: В 9 т. Т. 6: Специальные курсы. М., 1989. С. 156.
- 52 Там же. С. 157.
- 53 *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1953. Т. 1. С. 25.
- 54 См.: Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук. СПб., 2-е изд. 1867. Т. 1. С. 27.
- 55 См.: *Русинов Н.В.* К технике архивоведения. М., 1918; *Он же.* Доклад на 1-й Всероссийской конференции архивных деятелей в 1921 г. // Архивное дело. 1923. Вып. 1. С. 119; *Он же.* Регистратура и архив: (По поводу современной делопроизводственной литературы) // Там же. 1926. Вып. 7. С. 10.

- 56 *Русинов Н.В.* Регистратура и архив // Там же. С. 13.
- 57 *Время.* 1923. № 5. С. 8.
- 58 *Русинов Н.В.* Регистратура и архив. С. 14.
- 59 *Еремченко В.А.* Как спасали документы Верховного Совета. // *Отеч. архивы.* 1994. № 1. С. 5.
- 60 *Филиппов С.Т.* Жизнь архивов и их значение. Ашхабад. 1930. С. 5.
- 61 *См.: Философский энциклопедический словарь.* М., 1983. С. 38; М., 1999. С. 29.
- 62 *Лосев А.Ф.* Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993. С. 42, 782.
- 63 *Философский энциклопедический словарь.* М., 1983. С. 38; М., 1989. С. 42; М., 1999. С. 29.
- 64 *См.: Николис Г., Пригожин И.* Самоорганизация в неравновесных системах. М., 1979. С. 17; *Эшби У.Р.* Принципы самоорганизации. М., 1966. С. 324–325, 327–329; *Хакен Г.* Синергетика: иерархия неустойчивости в самоорганизующихся системах и устройствах. М., 1985; *Казаринов М.Ю.* Детерминизм в сложных системах управления и самоорганизации. Л., 1990 и др.
- 65 *Хакен Г.* Синергетика: иерархия неустойчивости... С. 41.
- 66 *Цит. по:* Архэ: Ежегодник культурологического семинара. М., 1996. Вып. 2. С. 1.
- 67 *Цит. по: Топоров В.Н.* Письмена // Мифы народов мира: Энцикл.: В 2 т. 2-е изд. М., 1988. Т. 2. С. 314, 316.
- 68 *Философский энциклопедический словарь.* М., 1983. 2-е изд. С. 1003.
- 69 *Афанасьев Ю.Н.* Автономия Кентавра // *Вестник РГГУ.* 1996. № 1. С. 14–15.
- 70 *Цит. по: Культурология. XX век. Дайджест. Проблемно-темат. сб.* 1997. Ч. 2. С. 14.
- 71 *Маяковский И.Л.* Архив, библиотека и музей // *Архивное дело.* 1926. № 5–6. С. 46.
- 72 *См.: Старостин Е.В.* Архивы России. С. 42.
- 73 *Философский энциклопедический словарь.* С. 403; М., 1999. С. 287.
- 74 Там же. С. 405.
- 75 *Цит. по: Бромлей Ю.В., Подольный Р.Г.* Создано человеком. М., 1984. С. 147.
- 76 *См., например: Бернал Дж.* Наука в истории общества. М., 1956; *Копнин П.В.* Логические основы науки. Киев, 1968; *Гайденко П.П.* Эволюция понятия науки. М., 1980; *Старостин Б.А.* Параметры развития науки. М., 1980; *Ракитов А.И.* Статистическая интерпретация фактов и роль статистических методов в построении эмпирического знания: Проблемы логики научного познания. М., 1964; *Быков В.В.* О некоторых методах изучения науки // *Очерки истории и теории развития науки: Сб.* М., 1969; *Кузнецов В.И., Бургин М.С.* Мир теории и могущество разума. Киев, 1991 и др.
- 77 *Вестник РГГУ.* М., 1996. Вып. 1.
- 78 *Труды Комиссии составления законов.* 2-е изд. СПб., 1822. Т. 1. С. 203.
- 79 *См.: Шмидт С.О.* Исторические корни профессии историка-архивиста: отечественный опыт // *Вестник архивиста.* 1996. № 4 (34). С. 22.
- 80 *См.: Макаров А.Н.* Проект архивной реформы бар. Г.А. Розенкампа (1820 г.) // *Ист. архив.* Пг., 1919. Кн. 1. С. 101–142.

- 81 См.: *Воронов А.П.* Архивоведение: Конспекты лекций, чит. в Санкт-Петербургском археологическом институте. СПб., 1904. С. 16.
- 82 ГАРФ. Ф. 10018. Оп. 1. Д. 176.
- 83 *Лихачев Д.С.* Медитации на тему о старой, традиционной, освященной, исторической русской орфографии, поправленной и искаженной врагом церкви Христовой и народа Российского, изложенные в трех рассуждениях Дмитрием Лихачевым февраля 3 дни 1928 г. // Статьи разных лет. Тверь, 1993. С. 12, 14.
- 84 *Ильин И.А.* О наших орфографических ранах // Собр. соч.: В 10 т. М., 1993. Т. 2, кн. 2. С. 119.
- 85 *Попов В.* Архивоведение, или Наука об архивах // Известия Приморского губернского архивного бюро. Владивосток, 1923. Т. 1, вып. 1. С. 31–36.
- 86 *Степанский А.Д.* К вопросу о системе и структуре архивоведческих дисциплин // Вестник архивиста. 1997. № 6 (42); *Он же.* Наука об архивах // Труды ИАИ РГГУ. Т. 35. 2000 (компьютерная версия).
- 87 *Маяковский И.Л.* Указ. соч. С. 12, 15.
- 88 *Автократов В.Н.* Из истории советского архивоведения конца 20-х годов ("Теория археографии" Н.Ф. Бельчикова) // Сов. архивы. 1982. № 2. С. 22.
- 89 *Бельчиков Н.Ф.* Теория археографии. М.; Л., 1929. С. 17.
- 90 Там же. С. 11.
- 91 *Долгих Ф.И., Рудельсон К.И.* Введение // Теория и практика архивного дела в СССР. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1980.
- 92 Там же. С. 4.
- 93 *Богоявленский С.К.* Рецензия на "Теорию археографии" Н.Ф. Бельчикова // Архивное дело. 1929. № 20.
- 94 См.: *Селезнев М.С.* Предмет и вопросы советской археографии. М., 1959. С. 10–11.
- 95 См.: *Гелах Т.* Керченская археологическая конференция // Историк-марксист. 1927. № 3. С. 249.
- 96 См.: Архивное дело. 1923. Вып. 1. С. 1–25; 1925. Вып. 2. С. 17–41.
- 97 Там же. 1925. Вып. 2. С. 7.
- 98 См.: *Хорхордина Т.И.* История Отечества и архивы. М., 1994. С. 180–204.
- 99 *Покровский М.Н.* Политическое значение архивов // Архивное дело. 1925. Вып. 2. С. 4–5, 7.
- 100 *Покровский М.Н.* Указ. соч. // Там же. Вып. 3–4. С. 6, 10.
- 101 Там же. С. 10.
- 102 *Марков С.* К итогам научной работы архивных органов в 1940 // Там же. 1941. № 1 (57). С. 18–19.
- 103 См.: *Князев Г.А.* Указ. соч. С. 23.
- 104 *Фомин Н.А.* [Рец. на кн. Г.А. Князева "Теория и техника архивного дела"] // Там же. 1936. № 1 (38). С. 44.
- 105 *Колесников И.Ф.* Вспомогательные исторические дисциплины и их значение для истории и архивной работы // Там же. 1940. № 2 (54). С. 13.
- 106 РГАЭ. Хранилище личных фондов. Личный фонд В.В. Цаплина.
- 107 ЦМАМ. Ф. 3019. Оп. 1. Д. 294.
- 108 См.: *Цаплин В.В.* Конференция историков-марксистов СССР. 1–3 июня 1943 г. // Отеч. архивы. 1993. № 5.

- 109 ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 10. Д. 1231.
- 110 РГАЭ. Хранилище личных фондов: Личный фонд В.В. Цаплина. Л. 26.
- 111 См.: *Митяев К.Г.* Теория и практика архивного дела. М., 1946. Разд. первый: Общее документоведение. С. 21–83.
- 112 РГАЭ. Хранилище личных фондов: Личный фонд В.В. Цаплина. Л. 28.
- 113 См. подробнее: *Хорхордина Т.И.* Корни и крона: Штрихи к портрету Историко-архивного института. 1930–1991. М., 1997. С. 51–89.
- 114 РГАЭ. Хранилище личных фондов: Личный фонд В.В. Цаплина. Л. 29–30.
- 115 Там же. Л. 31.
- 116 Речь т. Сталина на приеме в Кремле работников высшей школы 17 мая 1938 г. М., 1938. С. 4.
- 117 РГАЭ. Хранилище личных фондов: Личный фонд В.В. Цаплина. Л. 41.
- 118 Там же. Л. 42.
- 119 Там же. Л. 44.
- 120 Там же. Л. 50.
- 121 См.: *Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л.* История кафедры ВИД. М., 1990; *Простоволосова Л.Н.* О несостоявшемся заседании памяти А.С. Лаппо-Данилевского в ИАИ (1944) // *Археограф. ежегодник за 1994 год.* М., 1996. С. 276–280.
- 122 РГАЭ. Хранилище личных фондов: Личный фонд В.В. Цаплина. Л. 52.
- 123 *Цаплин В.В.* Конференция историков-архивистов СССР 1–3 июня 1943 г. С. 51.
- 124 *Архивоведение: Элемент. учебник.* Харьков, 1932. Ч. 1. С. 8–9.
- 125 Там же. 10–12.
- 126 Там же. С. 144–145.
- 127 См.: *Гольназаров В.* Лекции по архивоведению. Баку, 1931.
- 128 *Домбровский В.А.* За марксистско-ленинскую выдержанность в основных проблемах советского архивоведения: Реф., чит. в Институте архивоведения в 1932 г. (Б-ка ИАИ РГГУ). С. 11.
- 129 *Чхетия Ш.К.* Архивоведение, его предмет, задачи и цели // *Научно-информ. бюл. АУ МВД ГрССР.* 1958. № 2. С. 24–25.
- 130 См.: *Черепнин Л.В.* Несколько слов о публикации А.А. Зимина // *Зимин А.А.* Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции. М., 1978. С. 3–8.
- 131 *Зимин А.А.* Вспомогательные исторические дисциплины и их роль в работе историков-архивистов // *Труды науч. конф. по вопросам архивного дела.* 26–30 мая 1964 г. М., 1965. Т. 1. С. 125, 131–132.
- 132 *Савин В.А.* Анализ структуры учебников по архивному делу // *Вестник архивиста.* 1999. № 4, 5 (52–53). С. 57.
- 133 *Банасюкевич В.Д., Елпатьевский А.В., Ларин М.В.* Российское и советское архивоведение: попытка сравнительного анализа // *Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе: Докл. и тез. выступл.* 25–26 февр. 1999 г. М., 1999. С. 8.
- 134 См.: *Старостин Е.В.* На каком языке мы говорим? // *Отеч. архивы.* 1999. № 3. С. 123.

- 135 См.: *Старостин Е.В.* Архивология // Реализм исторического мышления: проблемы отечественной истории периода феодализма: Чтения, посв. памяти А.Л. Станиславского: Тез. докл. М., 1991. С. 240.
- 136 [*Автократов В.Н., Кондратьев В.А., Кривошеев Л.Н.*] Некоторые вопросы развития советского архивоведения // Вопросы архивоведения. 1963. № 2. С. 4. (В публикации имена авторов опущены, она дается как редакционная статья. Авторство восстановлено В.Н. Автократовым. — Т. X.)
- 137 Цит. по: Теория и практика архивного дела в СССР / Под ред. Ф.И. Долгих и К.И. Рудельсон. М., 1980. С. 14.
- 138 Отчет о выполнении Основных направлений развития архивного дела в Российской Федерации на 2000–2001 годы // Информ. бюл. Федеральной архивной службы России. М., 2001. № 30–31. С. 62.
- 139 Цит. по: *Елпатьевский А.В.* Развитие научных исследований в области архивоведения и документоведения // Из опыта организации научно-исследовательской работы в архивных учреждениях страны: Сб. ст. / Главрхив СССР. М., 1980. С. 20.
- 140 *Лихачев Д.С.* Немного о Владимире Ивановиче Малышеве // Лихачев Д.С. Прошлое — будущее: Ст. и очерки. Л., 1985. С. 459.
- 141 *Автократов В.Н.* Теоретические проблемы отечественного архивоведения. М., 2001. С. 295–296.
- 142 Там же. С. 296.
- 143 Там же.
- 144 Там же. С. 49.
- 145 См.: *Хорхордина Т.И.* Открытие В.Н. Автократа: Предисл. // Автократов В.Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения. С. 18–19.
- 146 См.: *Колотов О.Б.* Ведомственные архивы напоминают о себе // Отеч. архивы. 1997. № 4; *Альбрехт Б.В.* О некоторых проблемах развития архивного дела в банковской системе // Там же; *Леонтьева О.Г.* Организация комплектования госархивов нуждается в обновлении // Там же. 1994. № 2 и др.
- 147 *Горяева Т.М.* Архивоведение. Новый этап: находки и потери // Труды ИАИ РГГУ. Т. 35. 2000 (компьютерная версия).
- 148 *Иноземцева З.П.* Как выйти из кризиса в комплектовании // Сов. архивы. 1991. № 4; *Иноземцева З.П., Курносов Н.Д.* Новое время — новые проблемы. Комплектование архивов документами общественных движений // Отеч. архивы. 1992. № 5. Особенно следует отметить выступление З.П. Иноземцевой на научно-практической конференции “Архивы России на службе личности, общества и государства” (Вестник архивиста. 1999. № 1).
- 149 *Горяева Т.М.* Принципы и методы архивоведения: Новые подходы и оценки // Архивоведение и источниковедение отечественной истории: Докл. и тез. выступл. на Всесоюз. конф. ВНИИДАД. 20–22. 12. 1994 г. М., 1995.
- 150 *Горяева Т.М.* Архивоведение. С. 230.
- 151 См.: *Степанский А.Д.* К вопросу о системе и структуре архивоведческих дисциплин // Вестник архивиста. 1997. № 6/42; *Он же.* Науки об архивах: о системе и структуре архивоведческих дисциплин // Труды ИАИ РГГУ. Т. 35. 2000 (компьютерная версия).

- 152 Проблемы научной ценности, использования и сохранности историко-биографических и генеалогических документов в составе Архивного фонда России: Материалы “круглого стола”, март 2000 г. и науч.-практ. конф. 30 мая 2001 г. М., 2001. С. 7–8.

*Глава 2. От эмпирического архивоведения
к основам науки об архивах*

- 1 *Автократов В.Н.* Теоретические проблемы отечественного архивоведения. М., 2001. С. 293.
- 2 См.: *Хорхордина Т.И.* От архивоведения к архивософии? // Труды ИАИ. 1996. Т. 33. С. 177–192.
- 3 См.: *Елпатьевский А.В.* [Рецензия] на Труды ИАИ. Т. 33. М., 1996 // Отеч. архивы. 1997. № 4. С. 97–98.
- 4 См.: *Соболевский А.И.* Славяно-русская палеография: Лекции. 2-е изд. СПб., 1908. С. 3.
- 5 *Иконников В.С.* Опыт русской историографии. Киев. 1891. Т. 1, кн. 1. С. 104–105.
- 6 Сборник статей по архивоведению / Под ред. И.И. Зубарева. СПб., 1910. Т. 1, кн.1. С. XVI, XXXV.
- 7 *Старостин Е.В.* Архивы России: методологические аспекты архивоведческого знания. М., 2001. С. 5.
- 8 *Маяковский И.Л.* Исторический очерк архивного дела в России. Пг., 1920. С. 39–40, 42.
- 9 Там же. С. 41.
- 10 *Карташев А.В.* Собр. соч.: В 2 т. Т. 1: Очерки по истории русской церкви. М., 1992. С. 74.
- 11 См.: *Романов Б.А.* Люди и нравы Древней Руси. М.; Л., 1966.
- 12 См.: *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. 2-е изд. Л., 1971.
- 13 См.: *Козлов В.П.* Российская археография конца XVIII – первой четверти XIX века. М., 1999.
- 14 *Срезневский В.И.* Поездка в Петрозаводск и Заонежье: Июнь 1903 г. // Известия отд-ния русского языка и словесности Академии наук. 1904. Т. 9, кн. 3. С. 20.
- 15 Обзор составлен по: Памятная книжка Московского архива Министерства юстиции. М., 1890; *Автократова М.И., Буганов В.И.* Сокровищница документов прошлого. М., 1986; *Дремина Г.А., Чернов А.В.* Государственные архивы СССР. Из истории Центрального государственного архива древних актов СССР. М., 1959; *Самошенко В.Н.* История архивного дела в дореволюционной России. М., 1989; *Он же.* Исторические архивы Москвы и Петербурга (XVII – начало XX в.). М., 1990.
- 16 Обзор составлен по: *Иконников В.С.* Опыт русской историографии. Киев, 1891. Т. 1, кн. 1; Сборник МГАМИД. Вып. 3, 4. М., 1883; *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. М., 1906; *Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV–XV веков. М.; Л., 1948. Ч. 1; *Кононов Ю.Ф.* Из истории организации и комплектования б. Государственного архива Российской империи. М., 1957; *Зимин А.А.* Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции / Под ред. и с предисл. академика Л.В. Черепнина. М., 1978.

- Т. 1–3; Описи Царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года / Под ред. С.О. Шмидта. М., 1960; *Шмидт С.О.* К истории составления описей Царского архива XVI в. // Археограф. ежегодник за 1958 год. М., 1960. С. 54–56; *Маяковский И.Л.* Очерки по истории архивного дела в СССР. М., 1960; *Дремينا Г.А., Чернов А.В.* Государственные архивы СССР.
- 17 См.: *Срезневский В.И.* Историко-географический обзор фондов новейших русских архивов. М., 1922. С. 5; *Маяковский И.Л.* Исторический очерк архивного дела в России. С. 124.
- 18 См., например: *Старостин Е.В.* Архивы России. С. 30. Здесь же содержится текст самой инструкции.
- 19 АВПр. Ф. Внутренние коллежские дела, 1757–1760 гг. Оп. 2/6. Д. 7008. Л. 137об; Цит. по: *Чуракова Л.Е.* Некоторые вопросы историографии истории... // Архивы СССР. История и современность: Межвуз. сб. науч. трудов. М., 1989. С. 57.
- 20 Обзор составлен по: Очерк деятельности Комиссии печатания грамот и договоров, состоящей при МГАМИД. М., 1877; *Долгова С.Р.* Древнейшее книгохранилище страны // Сов. архивы. 1971. № 6; *Автократова М.И., Бугагов В.И.* Сокровищница документов прошлого; *Маяковский И.Л.* Очерки по истории архивного дела в СССР. М., 1960; *Савелов Л.М.* Лекции по русской генеалогии. М., 1908 (переиздано в серии: “Справочники по русской истории” Вып. 3. М., 1994); *Самошенко В.Н.* История архивного дела в дореволюционной России. М., 1989.
- 21 *Маяковский И.Л.* Исторический очерк архивного дела в России. С. 53, 57.
- 22 Там же. С. 58–59.
- 23 Цит. по: *Самоковасов Д.Я.* Русские архивы и царский контроль приказной службы в XVII веке. М., 1902. С. 24.
- 24 *Гальцов В.И.* Архив Посольского приказа во второй половине XVI – начале XVII в. // Археограф. ежегодник за 1981 год. М., 1982. С. 139.
- 25 *Маяковский И.Л.* Исторический очерк архивного дела в России. С. 15.
- 26 Очерк составлен по: *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. М., 1906. С. 26; *Веселовский С.Б.* Ономастикон. М., 1974. С. 68; Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции / Подгот. текста и коммент. А.А. Зимины. Ч. 1–3. М., 1978. Ч. 1. С. 103–104; *Шмидт С.О.* К истории Царского архива середины XVI века // Труды МГИАИ. М., 1958. Т. 11. С. 364–407; *Он же.* Российское государство в середине XVI столетия. М., 1984. С. 206; Дьяки и подьячие Посольского приказа в XVI в.: Справ. / Сост. В.И. Савва. М., 1983. Вып. 1. С. 25–35, 38–64, 72–77, 82–87, 92–97; *Леонтьев А.К.* Образование приказной системы управления в Русском государстве. Из истории создания центрального государственного аппарата в конце XV – начале XVI века. М., 1961. С. 148 (примеч. 27), и др. При составлении доксграфического очерка мы в основном пользовались материалами исследования С.О. Шмидта (1958) и исторического очерка Н.М. Рогожина “Иван Михайлович Висковатый”, опубликованного им в главе “Посольских дел оберэгатели” в сборнике “Око всей России” (М., 1989. С. 54–71).
- 27 *Шмидт С.О.* К истории Царского архива середины XVI века // Труды МГИАИ. М., 1958. Т. 11. С. 304, 395.
- 28 Там же. С. 306.

- 29 Там же. С. 307.
- 30 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. Л. 208–212. Цит. по: “Око всей России”: Об истории русской дипломатической службы XVI–XVII веков. М., 1989. С. 55.
- 31 Шмидт С.О. К истории Царского архива... С. 397–398.
- 32 См.: “Око всей России” С. 54–179.
- 33 Шмидт С.О. К истории Царского архива... С. 390.
- 34 См.: О Москве Ивана Грозного: Записки немца-опричника. М., 1925. С. 84–85.
- 35 Гальцов В.И. Архив Посольского приказа во второй половине XVI — начале XVII в. С. 139.
- 36 См.: Старостин Е.В. Архивы России... С. 30.
- 37 См.: Белокуров С.А. О Посольском приказе. М., 1906.
- 38 См.: Гальцов В.И. Приказной архив XVII века (К вопросу о типологии архивов Российского централизованного государства) // Архивы СССР. История и современность М., 1989.
- 39 См.: Шмидт С.О. Российское государство в середине XVI столетия. Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного. М., 1984.
- 40 См.: Гальцов В.И. Описи Царского архива XVI в. в Архиве Посольского приказа 1614 г. / Под ред. С.О. Шмидта. М., 1960.
- 41 Маяковский И.Л. Исторический очерк архивного дела в России. С. 15.
- 42 См., например: Сборник статей по архивоведению; Маяковский И.Л. Исторический очерк архивного дела в России; Самошенко В.Н. История архивного дела в дореволюционной России; Митяев К.Г. Теория и практика архивного дела / Под ред. И.Л. Маяковского. М., 1946; К 250-летию архивного дела в нашей стране // Ист. архив. 1962. № 6; Цаплин В.В., Тюрина Е.А. От “Генерального регламента...” до РГАЭ // Отеч. архивы. 1994. № 4; Емышева Е.М. Генеральный регламент — начало законодательного регулирования системы организации управления и делопроизводства // Делопроизводство. 2003. №1; Кузнецова Т.В. С древнейших времен до XIX века // Секретарское дело. 2003. №1 и др.
- 43 Самошенко В.Н. История архивного дела в дореволюционной России. С. 54, 56.
- 44 См.: Шобухов М.Н. Описание документальных материалов в архивах дореволюционной России / Под ред. К.Г. Митяева. М., 1955. С. 11.
- 45 Маяковский И.Л. Исторический очерк архивного дела в России. С. 15–16.
- 46 См.: Памятники законодательства Петра Великого / Под ред. М.М. Богословского. М., 1910. С. 12–33; Генеральный регламент // Воскресенский Н.А. Законодательные памятники Петра I. М.; Л., 1945. Т. 1. С. 412.
- 47 Самошенко В.Н. История архивного дела в дореволюционной России. С. 38.
- 48 Маяковский И.Л. Исторический очерк архивного дела в России. С. 113.
- 49 Там же. С. 114.
- 50 Там же. С. 132–135.
- 51 Там же. С. 113.
- 52 Там же. С. 117.
- 53 ПСЗ. Вып. 6. № 3693 и 3908; Исполнительный указ Новгородской приказной палаты в новгородский митрополичий разряд // Москвитянин. 1855. № 5. № 17–20. С. 11–12. Цит. по: Иконников В.С. Указ. соч. С. 113.

- 54 Иконников В.С. Опыт русской историографии. С. 114.
- 55 РГАДА. Ф. 180 (Канцелярия МАКИД). Оп. 1 (дела вход. и исход.). Д. 3. Л. 86 и далее.
- 56 Дремина Г.А., Чернов А.В. Указ. соч. С. 38.
- 57 См.: Старостин Е.В. Происхождение фондового принципа классификации документов // Архивы России. С. 30.
- 58 Цит. по: Илизаров С.С. Московская интеллигенция XVIII века. М., 1999.
- 59 См.: Лобанов-Ростовский С. Русская родословная книга. 2-е изд. СПб., 1887. Т. 2. С. 228–230. Соответствующая выписка находится в личном фонде В.Н. Автократова (ГАРФ. Ф. 10018. Д. 158. Ч. 1).
- 60 РГАДА. Ф. 108. Оп. 1. Д. 32. Л. 65-А.
- 61 Там же. Л. 66.
- 62 Бюлер Ф.А. Московский Главный архив и его прежние посетители // Сб. трудов МГАМИД. М., 1883. Вып. 3, 4. С. 53–62.
- 63 См., например: Калайдович К.Ф. Записка о жизни Н.Н. Бантыш-Каменского, управляющего Московским архивом Коллегии иностранных дел // Вестник Европы. 1814. № 6. Отд. 3. С. 114–134; Бантыш-Каменский Д.Н. Жизнь Н.Н. Бантыш-Каменского. М., 1818; Белокуров С.А. Из записной книги Н.Н. Бантыш-Каменского. М., 1899; Словарь достопамятных людей Русской земли. СПб., 1847. Т. 1; Русский биографический словарь. СПб., 1900. Т. 2. С. 468–471; Советская историческая энциклопедия. М., 1962. Т. 2. С. 115; Кобленц И.Н. Н.Н. Бантыш-Каменский (1737–1814) и его материалы по русской библиографии // Теория и практика библиографии. М., 1969; Илизаров С.С. Московская интеллигенция XVIII века; Козлов В.П. Н.Н. Бантыш-Каменский и некоторые вопросы актов археографии второй половины XVIII в. // Археограф. ежегодник за 1977 год. М., 1978; Он же. Труды Н.Н. Бантыш-Каменского по истории России // Россия на путях централизации: Сб. ст. М., 1982. С. 287–293; Каменский А.Б. Архивное дело в России XVIII века: Историко-культурный аспект. М., 1991.
- 64 Иконников В.С. Указ. соч. С. 387.
- 65 ОР ГБЛ. Ф. 277. Д. 2. Л. 19. Цит. по: Долгова С.Р. Алексей Федорович Малиновский // Малиновский А.Ф. Обозрение Москвы. М., 1992. С. 179.
- 66 См.: Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России: В 4 т. М., 1894–1902.
- 67 Калачов Н.В. Архивы, их государственное значение, состав и устройство // Сборник статей по архивоведению. С. 39.
- 68 См.: Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. СПб., 1872. Т. 1; Цит. по: История исторической науки в дореволюционной России. М., МГИАИ. 1991. С. 28. На основе материалов, которые Стриттер присылал из Москвы, Российская академия наук издавала “Продолжение древней российской вивлиофики” (СПб., 1786–1801. Ч. 1–11).
- 69 Биографические сведения приведены нами по: Илизаров С.С. Указ. соч. С. 18.
- 70 Основные биографические данные и важнейшие сведения о научных взглядах Г.Ф. Миллера см.: Пекарский П.П. История императорской Академии наук в Петербурге: В 2 т. СПб., 1870. Т. 1. С. 317 и далее; Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история. СПб., 1872. Т. 1. Гл. 10: “Научная обработка исто-

- рии"; *Соловьев С.М.* Герард Фридрих Миллер (Фридрих Иванович Миллер) // *Современник*. 1854. № 10. С. 115–150; *Милюков П.Н.* Главные течения русской исторической мысли. М., 1898. С. 126; *Бахрушин С.В.* Г.Ф. Миллер как историк Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1; *Пештич С.Л.* Русская историография XVIII в. 1965. Ч. 2; *Князев Г.А.* Герард Фридрих Миллер. К 150-летию со дня смерти // *Вестник АН СССР*. 1933. № 11; [Джаксон Т.Н.] Герард Фридрих Миллер // *Историки России XVIII–XX вв.* М., 1995; *Архивно-информационный бюллетень*. № 9. Вып. 1. С. 16–21; *Шапиро А.Л.* Историография с древнейших времен до 1917 г. М., 1993. С. 191–194; *Каменский А.Б.* Архивное дело в России XVIII века...
- 71 *Пекарский П.П.* История императорской Академии наук в Петербурге: В 2 т. Т. 1. СПб., 1870. С. 317–318.
 - 72 См.: *Каменский А.Б.* Академик Г.-Ф. Миллер и русская историческая наука XVIII века // *История СССР*. 1989. № 1; *Илизаров С.С.* О формировании термина “исторический источник” в русской научной литературе XVIII в. // *Источниковедение отечественной истории*. М., 1986.
 - 73 *Шапиро А.Л.* Указ. соч. М., 1993. С. 191–192.
 - 74 См.: *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч.: В 10 т. М.; Л., 1952. Т. 6. С. 11, 541–543.
 - 75 См.: *Пекарский П.П.* Указ. соч. С. 381.
 - 76 РГАДА. Ф. 180. Оп. 3. Д. 43. Л. 1–4. Перевод (под текстом пометка – “Выписано из стола входящих и исходящих дел МГАМИД. 1766. Л. 2).
 - 77 См.: *Автократов В.Н.* Из истории формирования классификационных представлений в архивоведении XIX – начала XX в. // *Автократов В.Н.* Теоретические проблемы отечественного архивоведения. С. 309–310.
 - 78 *Каменский А.Б.* Академик Г.-Ф. Миллер и архивное дело в России XVIII века // *История СССР*. 1989. № 1. С. 44.
 - 79 См.: *Самошенко В.Н.* Исторические архивы дореволюционной России. М., 1986. С. 26.
 - 80 *Дремина Г.А., Чернов А.В.* Указ. соч. С. 51–52.
 - 81 РГАДА. Ф. 180. Оп. 7. Д. 164.
 - 82 Цит. по: *Пекарский П.П.* Указ. соч. С. 318.
 - 83 РГАДА. Ф. 180. Оп. 7. Д. 164. Цит. по: *Шохин Л.И.* Н.В. Калачов и Д.Я. Самоквасов как реформаторы архивного дела в России: Опыт характеристики по архивным документам // *Археографический ежегодник за 1992 год*. М., 1994. С. 190.
 - 84 *Автократов В.Н.* Из истории формирования классификационных представлений... С. 299.
 - 85 РГАДА. Ф. 31: Текущие дела. Д. 793. Л. 9об.–10. Цит. по: *Автократов В.Н.* Теоретические проблемы отечественного архивоведения. С. 307–308.
 - 86 *Коялович М.О.* История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. 3-е изд., без перемен. СПб., 1901. С. 135.
 - 87 Там же. С. 176.
 - 88 *Дремина Г.А., Чернов А.В.* Указ. соч. С. 67.
 - 89 *Рождественский С.В.* Историк – археограф – архивист // *Архивное дело*. 1923. Вып. 1. С. 1.

- 90 См.: Памятная книжка Сенатского архива. СПб., 1913.
- 91 Баранов П.И. Архив Правительствующего Сената: В 3 т. СПб., 1872–1878. Т. 1. С. 8.
- 92 См.: Шохин Л.И. Московский архив Министерства юстиции и русская историческая наука. М., 1999 (далее – МАМЮ).
- 93 Шереметевский В.В. Археографические работы по документам Разряда, хранящимся в б. Московском архиве Министерства юстиции // Истор. архив. 1919. Кн. 1. С. 69–70, 73.
- 94 Воспоминания П.П. Пекарского об его службе в Государственном архиве: Сообщ. И.А. Бычкова // Летопись занятий постоянной Историко-археографической комиссии за 1926 год. Л., 1927. Вып. 1 (34). С. 268–272.
- 95 Очерк составлен по: Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Биографии. Россия (мультимедийное издание); Шохин Л.И. МАМЮ и русская историческая наука. С. 60–63, 104, 127.
- 96 Маяковский И.Л. Исторический очерк архивного дела в России. С. 144–145.
- 97 Там же. С. 145.
- 98 Там же. С. 148.
- 99 Там же. С. 149.
- 100 Там же. С. 161.
- 101 Там же. С. 162.
- 102 См.: Макаров А.Н. Проект архивной реформы бар. Г.А. Розенкампа. 1820 // Ист. архив. Пг., 1919. Кн. 1. С. 101–141.
- 103 Зубарев И.И. Введение / Сборник статей по архивоведению. СПб., 1910. С. XIX.
- 104 Там же. С. XXI, XXIV.
- 105 Козлов В.П. Российская археография конца XVIII – первой четверти XIX века.
- 106 Митяев К.Г. Теория и практика архивного дела: Уч. пособие / Под ред. И.Л. Маяковского. М., 1946; Шобухов М.Н. Описание документальных материалов в архивах дореволюционной России.
- 107 См.: Автократов В.Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения. С. 295.
- 108 См.: Русский биографический словарь... СПб., 1913. С. 365.
- 109 См.: Майков П.М. Барон Густав Андреевич Розенкампф // Русская старина. 1904. Кн. 10. С. 140–185; Кн. 11. С. 371–429. (Отметим, что в указанной выше статье Макарова выходные данные статьи Майкова указаны неточно. – Т. Х.)
- 110 Розенкампф Г.А. План о приведении в лучшее устройство архивов вообще // Труды Комиссии составления Законов. 2-е изд. СПб., 1821. Т. 1. С. 182.
- 111 Там же. С. 183.
- 112 Там же. С. 182–203.
- 113 Шохин Л.И. Н.В. Калачов во главе МАМЮ: По неопубликованным документам // Археограф. ежегодник за 1987 год. М., 1988. С. 132.
- 114 Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. С. 574.
- 115 Пирогов Н.И. Избр. соч. М. 1953. С. 361; Цит. по: Высшее образование в России: Очерк истории до 1917 г. М., 1995. С. 92–93.
- 116 Шестаков П. Граф Д. Толстой // Русская старина. 1891. № 4. С. 207.
- 117 См.: Зайцев А.Д. Петр Иванович Бартенев. М., 1989. С. 63–64.

- 118 Очерк составлен по: *Бартенев П.И.* Воспоминания о С.М. Соловьеве // Русский архив. 1907. № 8. С. 553–556; *Цветаев Д.В.* К биографии С.М. Соловьева // Там же. 1909. № 12. С. 521–524; *Ключевский В.О.* Сергей Михайлович Соловьев // Ключевский В.О. Сочинения. Т. 7; *Он же.* С.М. Соловьев как преподаватель // Там же; *Цамутали А.Н.* Сергей Михайлович Соловьев // Историки России. XVIII – начало XX века. М., 1996; *Шаханов А.Н.* Архивный труженик С.М. Соловьев // Археограф. ежегодник за 1995 год. М., 1997.
- 119 *Пресняков А.Е.* Сергей Михайлович Соловьев и его влияние на развитие русской историографии: Речь на публичном заседании Союза архивных деятелей в память С.М. Соловьева 1 июня 1920 г. // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.; Л., 1963. С. 77.
- 120 *Соловьев С.М.* Избранные труды: Записки. М., 1983. С. 232.
- 121 Там же. С. 268.
- 122 *Пресняков А.Е.* Указ. соч. С. 80, 86.
- 123 Встречи с прошлым. М., 1987. Вып. 4. С. 327.
- 124 *Соловьев С.М.* Императорские советы в России в XVIII веке // Русская старина. 1870. Т. 2. № 11. С. 463.
- 125 *Ключевский В.О.* Сочинения. Т. 7. С. 322.
- 126 *Соловьев С.М.* Избранные труды. С. 326.
- 127 Очерк составлен по: *Семевский М.И.* Автобиографические наброски // Голос минувшего. 1917. № 9–10. С. 10–20; *Бильбасов В.А.* Памяти М.И. Семевского, основателя и редактора “Русской старины” // Русская старина. 1892. № 6. С. I–IV; *Тимошук В.В.* М.И. Семевский, основатель исторического журнала “Русская старина” Его жизнь и деятельность. 1837–1892. СПб., 1895; Русская старина / Предисл., подгот. текстов и коммент. Е. Бронниковой // Наше наследие. 1988. № 3; Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Биографии. Россия (мультимедийное издание).
- 128 *Семевский М.И.* Автобиографические наброски. С. 10.
- 129 Там же. С. 13.
- 130 Очерк составлен по: *Костомаров Н.И.* Князь Михаил Андреевич Оболенский. М., 1873; *Бухерт В.Г.* Археографическая деятельность князя М.А. Оболенского // Археограф. ежегодник за 1994 год. М., 1996.
- 131 Цит. по: *Бухерт В.Г.* Указ. соч. С. 163.
- 132 Цит. по: *Семевский М.И.* Знакомые. СПб., 1888. С. 288.
- 133 Очерк составлен по: *Андреевский И.В.* О Н.В. Калачове как юристе–археологе и учредителе Археологического института // Вестник археологии и истории. СПб., 1886, Вып. 5; *Львов А.Н.* Воспоминания о Н.В. Калачове как руководителе занятиями слушателей Археологического института // Там же. С. 25–31; *Багалей Д.И.* Памяти Н.В. Калачова. Харьков, 1886; *Востоков А.А.* Памяти Н.В. Калачова // Вестник археологии и истории. СПб., 1886. Вып. 5; *Колесников И.Ф.* Николай Васильевич Калачов как архивовед. М., 1911; *Оглоблин Н.Н.* Из воспоминаний слушателя Археологического института 1-го выпуска (1878–1880 гг.) // Вестник археологии и истории. СПб., 1903. Вып. 15; *Покровский Н.В.* Санкт-Петербургский Археологический институт. 1878–1903 гг. // Там же. 1904. Вып. 16; *Шохин Л.И.* Московский архив Министерства юстиции и русская историческая наука. М., 1999.

- 134 См.: *Багалея Д.И.* Памяти Н.В. Калачова. С. 4.
- 135 Цит. по: *Мохначева М.П.* Журналистика и историческая наука: В 2 кн. Кн. 2: Журналистика и историографическая традиция в России 30–70-х гг. XIX в. М., 1998. С. 298, 300.
- 136 Вестник археологии и истории. СПб., 1886. Вып. 5. С. 30.
- 137 Труды Московского Археологического общества. М., 1865. С. 2–3.
- 138 Труды I Археологического съезда. М., 1871. Т. 1. С. XIV.
- 139 См.: Труды II Археологического съезда. СПб., 1881. Вып. 2. С. XI.
- 140 См.: *Безобразов В.П.* Сборник государственных знаний. СПб., 1877. Т. 4. С. 191.
- 141 Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. Пг., 1917. Т. 1. С. 379.
- 142 См.: Вестник археологии и истории. 1886. Вып. 5. С. 63.
- 143 *Востоков А.А.* Памяти Н.В. Калачова // Вестник археологии и истории. 1911. Вып. 18. С. 52. Цит по: *Шохин Л.И.* МАМЮ и русская историческая наука. С. 124.
- 144 *Калачов Н.В.* Архивы, их государственное значение, состав и устройство С. 47.
- 145 *Лихачев Н.П.* Из истории дипломатики (XIX в.). СПб., 1905. С. 3–4.
- 146 *Зубарев И.И.* Введение. С. XVI.
- 147 Там же. С. XXXIX.
- 148 См.: *Калачов Н.В.* Архивы, их государственное значение... // Труды I-го археологического съезда в Москве. 1869. Т. 1. С. 207–218; Архивы в России // Голос. 1875. № 114; Вступительное слово, произнесенное при открытии С.-Петербург. Археолог. института // Сборник Археологического института. СПб., 1878. Кн. 1. С. 1–11; О первых занятиях и их направлении в С.-Петербург. Археологическом институте // Там же. 1879. Кн. 2, отд. 1. Прил. С. 1–18; Некоторые данные о разработке материалов в наших архивах и об изучении нашего народного быта // Труды 2-го археологического съезда. 1884. Т. 1; См. также тексты выступлений на заседаниях Комиссии по устройству архивов, опубликованные в “Журналах Высочайше учрежденной Комиссии об устройстве архивов” за период с 17 марта 1873 г. по 16 апреля 1876 г. (Сборник статей по архивоведению. С. 48–90).
- 149 *Калачов Н.В.* Архивы, их государственное значение... / Сборник статей по архивоведению. С. 1.
- 150 Там же. С. 3.
- 151 Там же. С. 2, 15, 19.
- 152 Там же. С. 3, 33.
- 153 Журналы Высочайше учрежденной Комиссии об устройстве архивов: Протокол заседания октября и 8 и 17 декабря 1875 г. // Сборник статей по архивоведению. С. 74.
- 154 *Калачов Н.В.* Архивы, их государственное значение... // Там же. С. 3–4.
- 155 Там же. С. 82.
- 156 Там же. С. 4–5.
- 157 Там же. С. 7.
- 158 Там же. С. 10.
- 159 Там же. С. 11.

- 160 Покровский Н.В. Санкт-Петербургский археологический институт. 1878–1903 // Вестник археологии и истории. СПб., 1904. Вып. 16.
- 161 Там же. С. XI–XIII.
- 162 См.: Сборник Археологического института. СПб., 1878. Кн. 1. С. 17–18; Там же. 1880. Кн. 4. Прил. С. 30.
- 163 См.: Оглоблин Н.Н. Из воспоминаний слушателя Археологического института первого выпуска (1878–1880) // Вестник археологии и истории. СПб., 1903. Вып. 15.
- 164 Там же. С. 403.
- 165 См.: Калачов Н.В. Архивы, их государственное значение... // Сборник статей по архивоведению. С. 31. Примечание.
- 166 Калачов Н.В. Фамильный архив князей Куракиных // Сборник Археологического института. СПб., 1886. Кн. 5. Прил. С. 3.
- 167 См.: Маяковский И.Л. Исторический очерк архивного дела в России. С. 162–169; Он же. Н.В. Калачов как историк-архивист // Труды МГИАИ. М., 1948. Т. 4. С. 161–181.
- 168 См.: Маяковский И.Л. Калачов как историк-архивист. С. 161–181.
- 169 Там же. С. 169.
- 170 Там же. С. 161–168.
- 171 Подробнее см.: Хорхордина Т.И. “Неизвестный” Маяковский. М., 2001. С. 82–84.
- 172 См.: Маяковский И.Л. Н.В. Калачов как историк-архивист. С. 176
- 173 См.: Шохин Л.И. МАМЮ и русская историческая наука. С. 13.
- 174 См.: Сборник статей по архивоведению. С. XLIX.
- 175 См.: Бржостовская Н.В., Илизаров Б.С. Развитие архивного дела с древнейших времен до наших дней. М., 1979 // Труды ВНИИДАД. Т. 8, ч. 1, 2.
- 176 Сборник статей по архивоведению. Т. 1, ч. 1. С. VII.
- 177 Там же. С. VIII–IX.
- 178 Там же. С. IX.
- 179 Там же. С. XI. (Напомним, что эти строки написаны в 1910 г. — Т. Х.)
- 180 Там же. С. XIV.
- 181 Там же. С. XV.
- 182 Там же. С. XVII.
- 183 Там же. С. XVIII.
- 184 Там же. С. XIX.
- 185 Там же. С. XXII, XXVI.
- 186 Там же. С. XXV.
- 187 Там же. С. XXX.
- 188 Там же. С. XXX, XXXI.
- 189 Там же. С. XXXV.
- 190 Там же.
- 191 Там же. С. XXXVI–XXXVII.
- 192 Там же. С. XLI.
- 193 Там же. С. XLII.
- 194 Там же. С. XLVIII. И.И. Зубаревым приведена цитата из статьи фон Легера “Баварские архивы”, написанной по заказу Н.В. Калачова.
- 195 Там же. С. XLIX–L.

- 196 Очерк составлен по: РГИА. Ф. 119. Оп. 1; *Половцев А. И. Е.* Андреевский как преподаватель и директор Археологического института. Речь... // Вестник археологии и истории. 1892. Вып. 9. С. 45–48; *Мазин К. А.* Проекты архивной реформы в России конца XIX – начала XX в.: Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1987. С. 66–82. Научный руководитель Е. В. Старостин (машинопись); *Мазин К. А.* Из истории отечественной архивоведческой мысли второй половины XIX в.: (Проект архивной реформы И. Е. Андреевского) // Археограф. ежегодник за 1989 год. М., 1990. С. 88–93; *Андреевский И. Е.* Наука об архивах: Лекции, чит. в СПб. Археологическом институте в 1885/6–1886/7 годах. СПб., литограф. изд. б. г.; *Он же.* О Парижской Ecole des Chartes. СПб., 1889; Ученые архивные комиссии в 1886 году // Русская старина. 1887. Т. LVI; *Он же.* Ученые архивные комиссии в 1887 году // Там же. 1888; *Он же.* Губернские Ученые Архивные комиссии в 1888 и 1889 гг. // Вестник археологии и истории. СПб., 1892. Вып. 9; *Он же.* О значении разработки архивов для успехов кодификации // Наблюдатель. 1882. № 7; *Он же.* Десятилетие Археологического института // Русская старина. 1887; *Он же.* О Калачове как юристе-археологе и учредителе Археологического института // Вестник археологии и истории. 1886. Вып. 5.
- 197 См.: *Калачов Н. В.* Разбор сочинения г. Андреевского “О наместниках, воеводах и губернаторах”, составленный по поручению Имп. Академии наук с приложением дополнительного исследования автора и обозрения проектов и бумаг комитета 6-го декабря 1826 г., относящихся к губернским учреждениям. СПб., 1867.
- 198 См.: *Андреевский И. Е.* Полицейское право. СПб., 1874–1876. Т. 1, 2.
- 199 *Мазин К. А.* Указ. соч. С. 71.
- 200 См.: *Андреевский И. Е.* О деятельности УАК в 1885 г. // Вестник археологии и истории. 1888. Вып. 7. С. 3.
- 201 РГИА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 48. Л. 3об.
- 202 *Андреевский И. Е.* Наука об архивах. СПб., 1887. С. V.
- 203 *Андреевский И. Е.* О Парижской Ecole des Chartes // “Наблюдатель” 1889. № 2. С. 246–247, 249.
- 204 *Андреевский И. Е.* Наука об архивах. С. III.
- 205 Там же. С. IV–V.
- 206 См.: *Воронов А. П.* Архивоведение: Конспект лекций, чит. в С.-Петербургском археологическом институте. СПб., 1902. (Мы располагали изданием 1904 г. – Т. X.)
- 207 *Самоковасов Д. Я.* Архивное дело в России. М., 1902. Кн. 1. С. 18. Примеч. 2.
- 208 РГИА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 483. Л. 9, 42об.–44.
- 209 См.: *Воронов А. П.* Архивоведение. С. 1.
- 210 Там же. С. 3.
- 211 Там же. С. 4.
- 212 Там же. С. 5.
- 213 См.: Древности: Труды Археограф. комиссии Имп. Археологического общества / Под ред. М. В. Довнар-Запольского. М., 1898. Т. 1. С. 130–138.
- 214 *Revue internationale des Archives et des Musées.* 1895. № 1.
- 215 Цит. по: *Харузин Н.* Взгляд Langlois на архивное дело // Труды Археографической комиссии... С. 133–134, 136.

- 216 См.: *Илизаров Б.С.* Актуальные теоретические и методологические проблемы советского архивоведения. М., 1984.
- 217 См.: *Воронов А.П.* Архивоведение. С. 2–3.
- 218 См.: *Воронов А.П.* Система расположения архивного материала // Архивоведение. С. 15–19; *Он же.* Французские областные архивы // Труды XI Археологического съезда в Киеве. 1899 / Под ред. гр. Уварова и С.С. Случко-го. М., 1902. Т. 2 ч. 1: Доклады по архивному делу. С. 43–47.
- 219 *Воронов А.П.* Французские областные архивы. С. 46–47.
- 220 См.: Труды XI Археологического съезда в Киеве. С. 74.
- 221 *Воронов А.П.* Архивоведение. С. 16.
- 222 См.: *Автократов В.Н.* Из истории формирования классификационных представлений в архивоведении XIX – начала XX в. // Автократов В.Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения. С. 308–309.
- 223 См.: *Старостин Е.В.* Происхождение фондового принципа классификации документов // Старостин Е.В. Архивы России. С. 26.
- 224 Там же. С. 34.
- 225 Там же.
- 226 Там же. С. 34–35.
- 227 Очерк составлен по: *Востоков А.Х.* Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842; Переписка А.Х. Востокова в современном порядке с объяснительными примечаниями И. Срезневского // Сб. статей, читанных в отделении русского языка и словесности Академии наук. Т. 5. Вып. 2. СПб., 1878; *Греч. Н.И.* Памяти А.Х. Востокова. СПб., 1864; *Грот Я. А.Х.* Востоков // Славянское обозрение. 1892. № 4. С. 451–460; *Шобухов М.Н.* Описание документальных материалов в архивах дореволюционной России; *Козлов В.П.* Российская археография конца XVIII – первой четверти XIX века.
- 228 Очерк составлен по: *Калайдович К.Ф.* Известие о древностях славяно-русских и об Игнатии Ферапонтовиче Ферапонтове, первом собирателе оных. М., 1812; *Он же.* Биографические сведения о жизни, ученых трудах и собрании российских древностей графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина // Записки и труды ОИДР. М., 1824. Ч. 2; Записки важные и мелочные К.Ф. Калайдовича // Летописи русской литературы и древности. М., 1861. Т. 3, кн. 6; *Калайдович К., Строев П.* Обстоятельное описание славяно-российских рукописей, хранящихся в Москве, в библиотеке графа Ф.А.Толстого. М., 1825. Привлекалась также литература: *Безсонов П.А.* Материалы для жизнеописания К.Ф. Калайдовича и особенно для жизнеописания ученой его деятельности // Чтение ОИДР. М., 1862. Кн. 3; *Он же.* Константин Федорович Калайдович. Биографический очерк. М., 1862; *Ширяев Н.Л.* Памяти К.Ф. Калайдовича // Ист. вестник. 1893. № 1. С. 257–261; *Шмидт С.О.* Малоизвестное письмо К.Ф. Калайдовича (Из истории вспомогательных исторических дисциплин) // Труды МГИАИ. 1954. Т. 7. С. 223–225; *Козлов В.П.* К.Ф. Калайдович и развитие историко-коловедения и вспомогательных (специальных) исторических дисциплин. Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1976; *Он же.* Колумбы российских древностей. 2-е изд. М., 1982; *Он же.* Кругок А.И. Мусина-Пушкина и “Слово о полку Игореве”: Новые страницы истории древнерусской поэ-

- мы в XVIII веке. М., 1988; *Он же*. Роль К.Ф. Калайдовича в разработке принципов научного описания исторических источников // Сов. архивы. 1975. № 2; *Он же*. Российская археография конца XVIII — первой четверти XIX века.
- 229 Цит. по: *Козлов В.П.* Роль К.Ф. Калайдовича в разработке принципов научного описания исторических источников. С. 67.
- 230 *Калайдович К., Строев П.* Указ. соч.
- 231 Переписка А.Х. Востокова в повременном порядке с объяснительными примечаниями И. Срезневского // Сб. статей, чит. в Отделении русского языка и словесности АН. СПб., 1873. Вып. 2. Т. 5. С. 148.
- 232 *Маяковский И.Л.* Н.В. Калачов как историк-архивист. С. 165. Поясним, что в данном случае речь идет о работе: *Калачов Н.В.* Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды. 1846. Отд. 3. С. 73—138.
- 233 *Маяковский И.Л.* Калачов как историк-архивист. С. 165.
- 234 См.: *Автократов В.Н.* Теоретические проблемы отечественного архивоведения. С. 306.
- 235 Там же. С. 307.
- 236 *Шохин Л.И.* МАМЮ и русская историческая наука. С. 106. (Автор приводит в завыченной цитате выдержку из письма Н.В. Калачова А.Ф. Бычкову от 23 марта 1867 г. — Т. X.).
- 237 РГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 373. Л. 34об.—35об. Цит. по: *Шохин Л.И.* МАМЮ и русская историческая наука. С. 128.
- 238 РГАДА. Д. 655. Л. 9—10. Цит. по: *Шохин Л.И.* МАМЮ и русская историческая наука. С. 230—231.
- 239 См.: *Маяковский И.Л.* Очерки по истории архивного дела в СССР. Глава 16: Попытка реорганизации архивного дела в дворянско-буржуазной России в 1860—1870-х гг. С. 251—271.
- 240 Там же. С. 329.
- 241 Там же. С. 330.
- 242 См.: *American Archivist*. 1982. Vol. 4 (45). P. 440.
- 243 *Калачов Н.В.* Фамильный архив князей Куракиных // Сборник Археологического института. СПб., 1886. Кн. 5. С. 5. Прил.
- 244 *Самокавасов Д.Я.* Заметки по истории русского государственного устройства и управления. СПб., 1870; *Он же*. Основания хронологической классификации и каталог коллекции древностей. Варшава, 1891; *Он же*. Архивный инвентарь. М., 1896; *Он же*. Централизация государственных архивов Западной Европы в связи с архивной реформой в России. М., 1899; *Он же*. Централизация государственных архивов: Архивное дело на Западе. М., 1900; *Он же*. Архивное дело в России; *Он же*. Проект оснований архивной реформы в России // Труды XI Археологического съезда в Киеве. М., 1902; *Он же*. Проект архивной реформы и современное состояние окончательных архивов в России. М., 1902; *Он же*. Русские архивы и царский контроль приказной службы в XVIII веке. М., 1902.
- 245 РГАДА. Ф. 1628. Оп. 1. Д. 28, 30, 37.
- 246 Там же. Д. 16, 25; Архив ЛО Института археологии РАН. Ф. 4. Оп. 1. Д. 219—253, 280—309; ЦИАМ. Ф. 454. Оп. 2. Д. 180, 200, 257, 266, 309, 557.

- 247 См.: *Мазин К.А.* Указ. соч. С. 30.
- 248 См.: *Шохин Л.И.* Письмо Д.Я. Самоквасова великому князю Сергею Александровичу о назначении директором Московского архива Министерства юстиции // *Вестник архивиста*. 2001. № 6 (66); *Хорхордина Т.И.* Д.Я. Самоквасов: консерватор-реформатор // *Отеч. архивы*. С. 26–42; *Автократов В.Н.* Из истории формирования классификационных представлений в архивоведении XIX – начала XX в. // *Археограф. ежегодник за 1981 год*. М., 1982; *Лебедев Б.Б.* Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности Д.Я. Самоквасова // *Вестник архивиста*. 1999. № 6 (54); 2000. № 1 (55); *Он же.* В.О. Ключевский и Д.Я. Самоквасов // *Вестник архивиста*. 2001. № 6 (66); *Маяковский И.Л.* Очерки по истории архивного дела в СССР; *Мазин К.А.* Указ. соч. С. 118–133; *Самошенко В.Н.* Д.Я. Самоквасов как историк-архивист // *Историография и источниковедение архивного дела в СССР*. М., 1984; *Он же.* Деятельность архивов дореволюционной России по изданию документов и справочников // *Сов. архивы*. 1975. № 2; *Шохин Л.И.* МАМЮ и русская историческая наука; *Щавелев С.П.* Д.Я. Самоквасов – историк, археолог, архивист // *Вопр. истории*. 1993. № 3, и др.
- 249 *Самоквасов Д.Я.* Проект студенческих учреждений. СПб., 1901. С. 101.
- 250 См.: *Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона*. Т. 27. С. 218.
- 251 См.: *Энциклопедический словарь библиографического института Гранат*. М., 1917. Т. 37. С. 178–179.
- 252 *Самоквасов Д.Я.* Заметки по истории русского государственного устройства и управления // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1869. № 11. С. 59.
- 253 *Маяковский И.Л.* Исторический очерк архивного дела в России. С. 158.
- 254 *Самоквасов Д.Я.* Современное состояние научной разработки древних архивных материалов // *Труды XIII Археологического съезда в Екатеринославе*. 1905 г. / Под ред. граф. Уваровой. М., 1908. Т. 2. С. 154, 157–158.
- 255 См.: *Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений XV–XVII столетий*. М., 1905–1909 гг.
- 256 Из дневника архивиста И.С. Беляева / Вступ. ст., коммент. и подгот. текста к публикации Л.И. Шохина // *Отеч. архивы*. 1997. № 4.
- 257 *Шобухов М.Н.* Описание документальных материалов в архивах дореволюционной России. С. 38–39.
- 258 См., например: *Шохин Л.И.* Н.В. Калачов и Д.Я. Самоквасов как реформаторы архивного дела в России (Опыт характеристики по архивным документам) // *Археограф. ежегодник за 1992 год*. М., 1994. С. 183–190.
- 259 *Шохин Л.И.* МАМЮ и русская историческая наука. С. 324.
- 260 Там же. С. 325.
- 261 См.: *Ефименко Р.Н., Ковш Л.А.* К определению объема дел и состава справочников в архивах России (конец XIX – начало XX века) // *Труды ВНИИДАД*. М., 1978. Т. 8.
- 262 См.: *Мазин К.А.* Указ. соч. С. 113–114, 122.
- 263 *Самоквасов Д.Я.* Архивный инвентарь // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1897. №8 (Часть CCCXII, отд. 4. “Современная летопись”) С. 59.

- 264 Там же. С. 66.
- 265 Там же. С. 68.
- 266 См.: *Калачов Н.В.* Описание документов и бумаг, хранящихся в МАМЮ. Т. 1. С. 4.
- 267 См.: *Самоковасов Д.Я.* Архивное дело в России. Кн. 1. С. 69 и примеч. 2 на с. 70.
- 268 Там же. С. 70.
- 269 Там же. С. 119.
- 270 Там же. С. 131.
- 271 Труды XI Археологического съезда в Киеве. 1899 г. Т. 2. С. 30–31.
- 272 Там же. С. 33.
- 273 См.: *Мазин К.А.* Указ. соч.; РГАДА. Ф. 1628. Оп. 1. Д. 30.
- 274 РГАДА. Ф. 180. Оп. 7. Д. 1494. Л. 42.
- 275 Русская мысль. 1899. № 92. С. 100.
- 276 См.: *Мазин К.А.* Указ. соч. С. 154.
- 277 Труды XI Археологического съезда в Киеве. 1899. Т. 2. С. 90.
- 278 *Самоковасов Д.Я.* Архивное дело в России. Кн. 1. С. 19–20.
- 279 *Львов А.Н.* Нужен ли нам Археологический институт и какой именно? СПб., 1899. С. 14.
- 280 *Самоковасов Д.Я.* Архивное дело в России. Кн. 1. С. 14.
- 281 Там же. С. 15.
- 282 Там же. С. 16.
- 283 Там же. С. 12.
- 284 Там же. С. 50–51.
- 285 Там же. С. 13, 18.
- 286 Там же. С. 13–14.
- 287 Там же. С. 41.
- 288 Там же. С. 14.
- 289 Там же. С. 54.
- 290 Там же. С. 60.
- 291 Там же. С. 61.
- 292 Там же. С. 37.
- 293 Очерк составлен по: Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Биографии. Россия (мультимедийное издание); *Чулков Н. И.С. Беляев* // Архивное дело. 1923. Вып. 1; Беляев Иван Степанович // История исторической науки в СССР. М., 1965; *Шохин Л.И.* МАМЮ и русская историческая наука.
- 294 См.: Исторический архив. 1993. № 2; Археограф. ежегодник за 1991 год. М., 1994; Архив русской истории. М., 1994. Вып. 5; Отеч. архивы. 1997. № 4.
- 295 Очерк составлен по: Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Биографии. Россия (мультимедийное издание); *Шохин Л.И.* МАМЮ и русская историческая наука.
- 296 Из дневника архивиста И.С. Беляева. С. 68–69.
- 297 Очерк составлен по: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Биографии. Россия (мультимедийное издание).

- 298 Очерк составлен по: ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 408; *Великий князь Николай Михайлович*. Русские портреты XVIII и XIX столетий. СПб., 1905–1909. Т. 1–5; Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра и Наполеона. 1808–1812. СПб., 1905–1914. Т. 1–7; *Он же*. Александр I: Опыт исторического исследования. СПб., 1912. Т. 1, 2; *Он же*. О подвигах русского солдата в XIX столетии и об его любви к Родине. Апрель 1917 г. / Подгот. к печ. Д.И. Исмаил-Заде // Родина. 1993. № 1; *Он же*. Письмо из заточения (Письмо Д.Б. Рязанову от 6 января 1919 г.) // Подгот. к печ. Н. Сидоровым // Наше наследие. 1992. № 25; Книга в России: Проблемы источниковедения и историографии: Сб. науч. тр. // Редкол. А.А. Зайцева (отв. ред.), Н.П. Копанева, М.П. Лепехин, В.А. Сомов. СПб., 1991; *Лобашкова Т.А.* Публикаторская деятельность великого князя Николая Михайловича // Отеч. архивы. 1994. № 2; *Соловьев Ю.* “Красный” князь // Родина. 1993. № 1; *Шмидт С.О.* К изданию сборника трудов БАН памяти великого князя Николая Михайловича // Археограф. ежегодник за 1992 год. М., 1994; *Цамутали А.Н.* Августейший историк: Великий князь Николай Михайлович // Историки России. XVIII – начало XX века. М., 1996.
- 299 *Лобашкова Т.А.* Указ. соч. С. 36.
- 300 *Шмидт С.О.* К изданию сборника трудов БАН памяти великого князя Николая Михайловича. С. 275–276.
- 301 Великий князь Николай Михайлович. Письмо из заточения. С. 86–87.
- 302 Книга в России: Предисл. Вып. 19. С. 3.
- 303 См.: ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 408. Л. 2–5. Машинопись.
- 304 Проект Министерства внутренних дел о мерах к сохранению памятников древности: Представление МВД в Государственную Думу от 29 октября 1911 г. № 27281. // Сб. материалов, относящихся до архивной части в России. Т. 1. С. 578.
- 305 Там же. С. 559.
- 306 Там же. С. 563.
- 307 Там же. С. 566.
- 308 Там же. С. 570.
- 309 Там же. С. 371.
- 310 Там же. С. 571.
- 311 Там же. С. 575.
- 312 Там же. С. 605.
- 313 Там же. С. 615.
- 314 Там же. С. 616.
- 315 Труды первого съезда представителей ГУАК и соответствующих им установлений. 6–8 мая 1914 г.: Стенограф. отчеты. СПб., 1914. С. 1.
- 316 Там же. С. 2.
- 317 Там же. С. 4, 5.
- 318 Там же. С. 27.
- 319 См.: *Гессен Ю. [Г.В.]*. Из жизни архивных комиссий // Сборник материалов и статей / Ред. журнала “Исторический архив” Вып. 1. Б.м. 1921. С. 7.
- 320 См.: *Гессен Ю.* Указ. соч. С. 14–16, 20.

- 321 Труды первого съезда представителей ГУАК и соответствующих им установлений. С. 73.
- 322 Иoffee Г. Читая "Архив русской революции" // Архив русской революции: В 22 т. М., 1991. Т. 1, 2. С. XI.
- 323 Труды первого съезда представителей ГУАК и соответствующих им установлений. С. 74.
- 324 См.: Императорское Русское историческое общество: Сб. материалов, относящихся до архивной части в России. 1917. Т. 2.
- 325 См.: Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и Российская академия наук // Источник. Историк. История: Сб. науч. работ / Европейский ун-т в Санкт-Петербурге. Факультет истории. СПб., 2001. Вып. 1. С. 228–229.
- 326 Ферро М. Кино и история // Вопр. истории. 1993. № 2. С. 47.
- 327 ГАРФ. Ф. 1628. Оп. 1. Д. 28. Л. 106.

Глава 3. Классическое архивоведение

- 1 Буравихин В.А., Егоров В.А., Идлис В.М. Биография электрона и его родословная. М., 1997. С. 146.
- 2 Цит. по: Идеи В.И. Вернадского и проблемы современности: Тез. докл. М., 1995. С. 5–6.
- 3 Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1940. С. 11.
- 4 Козлов В.П. Заключительное слово // Изменяющаяся Россия и российские архивы на рубеже веков: Материалы конф. 1–2 марта 2001 года. М., 2002. С. 208.
- 5 Автократов В.Н. Из истории централизации архивного дела в России. 1917–1918 // Автократов В.Н. Теоретические проблемы отечественного архивоведения. М., 2001. С. 313 (статья не окончена в связи со смертью автора. — Т. X).
- 6 Там же.
- 7 Там же. С. 296.
- 8 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 244. Л. 25–26. Цит. по: РЦХИДНИ. Науч.-информ. бюл. 1996. Вып. № 7. Публикация В. Шепелева.
- 9 Козлов В.П. Архивы России как показатель политических, социально-экономических и общественных перемен на рубеже тысячелетий // Изменяющаяся Россия и российские архивы на рубеже веков. С. 16.
- 10 Цит. по: Зимин А.А., Киреева Р.А. Из рукописного наследия В.О. Ключевского (новые материалы к курсу по русской историографии) // История и историки: Историограф. ежегодник за 1972 год. М., 1973. С. 316–317.
- 11 Цит. по: Архив русской революции: В 22 т. М., 1991. Т. 1, 2. С. 5.
- 12 Афанасьев Ю.Н. Образ интеллектуала устрашает // Русский журнал. М., 2001. С. 29.
- 13 См.: РГИА. Ф. 690; Дьяконов М.А. Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич: Некролог // Известия РАН. 1919. Т. 13. № 8/11. Ч. 1; Памяти А.С. Лаппо-Данилевского // Ист. архив. 1919. № 1; Валк С.Н. Воспоминания ученика // Русский ист. журнал. 1920. Кн. 6; Веретенников В.И. Памяти дорогого учителя // Там же; Гревс И.М. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский: (Опыт истолкования души) // Там же; Пресняков А.Е. Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский как ученый и мыслитель // Там же; Нечух-

- рин А.Н., Рамазанов С.П. Мир абсолютных ценностей: Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский // Историки России. XVIII – начало XX века. М., 1996.; Киреева Р.А. Неопубликованные труды А.С. Лаппо-Данилевского по русской историографии // История и историки: Историограф. ежегодник за 1978 год. М., 1981; Шмидт С.О. А.С. Лаппо-Данилевский на рубеже эпох // Археограф. ежегодник за 1994 год. М., 1996; Корзун В.П. Невостребованное наследие (Материалы по истории науки в архиве А.С. Лаппо-Данилевского) // Там же; Чирков С.В. А.С. Лаппо-Данилевский в Археографической комиссии // Там же; Александров А.А. Академик А.С. Лаппо-Данилевский – председатель комиссии по изданию сочинений, бумаг и писем графа М.М. Сперанского // Там же; Тараторкин Ф.Г. А.С. Лаппо-Данилевский и проект создания “Истории России” на английском языке (1915–1918 гг.) // Там же; Бельский И.Л. К проблеме изучения идейного контекста “Методологии истории” А.С. Лаппо-Данилевского // Там же; Простоволосова Л.Н. О несостоявшемся заседании памяти А.С. Лаппо-Данилевского в Историко-архивном институте (1944 г.) // Там же; Ростовцев Е.А. Деятельность А.С. Лаппо-Данилевского в Российской Академии наук // Источник. Историк. История: Сб. науч. работ. Вып. 1. СПб. 2001.
- Целый ряд специальных исследований посвятила анализу науковедческого и источниковедческого наследия Лаппо-Данилевского доктор исторических наук О.М. Медушевская (см., в частности: Медушевская О.М. Теория, история и метод источниковедения // И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. Источниковедение: Учеб. пособие для гуманитарных специальностей. М., 1998; Она же. Академическая наука и архивы: А.С. Лаппо-Данилевский и архивные курсы 1918 г. // Вестник архивиста. 1994. № 4 (22). С. 61–67; Она же. Методология истории А.С. Лаппо-Данилевского и современное гуманитарное познание // Археограф. ежегодник за 1994 год. М., 1996; Она же. Источниковедение и гуманитарная культура // Отеч. архивы. 1992. № 2. С. 9–16; Она же. Источниковедение. Теория, история и метод. М., 1996. Гл.: “Источниковедческая парадигма методологии истории и источниковедение в XX веке” С. 33–41.
- 14 Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. СПб., Вып. 1. 1910; Вып. 2. 1913.
 - 15 Лаппо-Данилевский А.С. Материалы для плана общеобразовательного курса по истории человечества // Памятная книжка Тенишевского училища в С.-Петербурге за 1900/1901 г. СПб., 1902; Он же. Основные принципы социологической доктрины О. Конта. М., 1902; Он же. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1918.
 - 16 ПФА РАН. Ф. 113. Оп. 1. Д. 180; Оп. 3. Д. 4; Лаппо-Данилевский А.С. Особая комиссия при Императорском РИО и ее деятельность по сохранению местных архивных материалов. 1911–1916 гг. Пг., 1916.
 - 17 Автократов В.Н. Из истории централизации архивного дела в России. 1917–1918. С. 318.
 - 18 Там же. С. 318–319.
 - 19 Там же. С. 318.
 - 20 См.: Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. СПб., 1910. Вып. 1. С. 66.

- 21 Там же. С. 239.
- 22 Там же. С. 117–118.
- 23 Там же. С. 238–239.
- 24 Там же. 1913. Вып. 2. С. 518.
- 25 Там же. С. 232. Краткий анализ методологических основ научного мировоззрения А.С. Лаппо-Данилевского приведен нами по результатам вышеперечисленных исследований О.М. Медушевской и М.Ф. Румянцевой.
- 26 *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и Российская академия наук // *Источник. Историк. История: Сб. науч. работ / Европейский ун-т в Санкт-Петербурге. Факультет истории. СПб., 2001. Вып. 1. С. 237.*
- 27 Там же. С. 233.
- 28 См.: *Ольденбург С.Ф.* Работа А.С. Лаппо-Данилевского в Академии наук // *Русский ист. журнал. 1920. Кн. 6. С. 178.*
- 29 Подробнее см.: *Автократов В.Н.* Теоретические проблемы отечественного архивоведения. С. 319, 337, 346, 348, 352–353 и др., а также соответствующие разделы монографии Т.И. Хорхординой “История Отечества и архивы” (М., 1994).
- 30 ПФА РАН. Ф. 113. Оп. 2. Д. 73. Л. 1–10б.
- 31 См.: *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и Российская академия наук. С. 238. См. также: *Цамутали А.Н.* Августейший историк: Великий князь Николай Михайлович // *Историки России. XVIII – начало XX века. М., 1996. С. 508–509.*
- 32 *Вернадский В.И.* Дневники. 1917–1921 гг. Киев, 1994. С. 252.
- 33 *Автократов В.Н.* Теоретические проблемы отечественного архивоведения. С. 327.
- 34 Там же. С. 380–381.
- 35 Там же. С. 317.
- 36 Там же.
- 37 Там же. С. 335.
- 38 Там же. С. 353.
- 39 Там же. С. 319.
- 40 *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и Российская академия наук. С. 136.
- 41 Подробнее см.: *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и С.Ф. Платонов (К истории личных и научных взаимоотношений) // *Проблемы социального и гуманитарного знания: Сб. науч. работ. СПб., 1999. Вып. 1. С. 128–165.*
- 42 *Чирков С.В.* А.Е. Пресняков и архивная реформа // *Археограф. ежегодник за 2000 год. М., 2001. С. 255.*
- 43 Там же. С. 254.
- 44 См.: *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и Российская академия наук. С. 172.
- 45 Там же. С. 172–173.
- 46 См.: *Добиаш-Рождественская О.* Архивный конфликт в Париже // *Научный ист. журнал. 1914. № 3. С. 139–143.*
- 47 *Самоковасов Д.Я.* Архивное дело в России. Кн. 1: Современное русское архивное нестроение. М., 1902. С. 82.

- 48 См.: *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и Российская академия наук. С. 176.
- 49 *Самоковасов Д.Я.* Архивное дело в России. Кн. 1. С. 90.
- 50 Там же.
- 51 Там же. С. 91.
- 52 Там же.
- 53 Там же.
- 54 Там же. С. 92.
- 55 Там же. С. 94.
- 56 Там же.
- 57 *Маяковский И.Л.* Исторический очерк архивного дела в России. Пг., 1920. С. 25–26.
- 58 См.: *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и Российская академия наук. С. 176.
- 59 *Валк С.Н.* Советская археография. М.; Л., 1948. С. 44.
- 60 *Хмылев Л.Н.* Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX – начала XX в. Томск, 1978.
- 61 Там же. С. 117–118. Цит. по: *Чирков С.В.* Археография в исторической науке России рубежа XIX и XX веков: Дисс. д-ра ист. наук. М., 2001. С. 382.
- 62 ПФА РАН. Д. 297. Л. 127. Цит. по: *Чирков С.В.* Археография в исторической науке России рубежа XIX и XX веков. С. 383.
- 63 См.: *Чирков С.В.* Археография в исторической науке России рубежа XIX и XX веков. С. 385.
- 64 См., например, наиболее глубокое исследование на эту тему: *Иванов А.Е.* Московский археологический институт – центр Российского исторического культуроведения // Археограф. ежегодник за 1994 год. М., 1996.
- 65 См.: *Зубарев И.И.* Прошлое и настоящее русских архивов: Крат. истор. очерк. СПб., 1911.
- 66 См.: Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. 1911. Т. 3. Стб. 854–855.
- 67 См.: Русская энциклопедия. 1912. Т. 2. С. 44.
- 68 См.: *Грачев В.И.* Смоленский городской историко-архивоведческий музей за 25 лет своего существования. 1888–1913 // Русский архив. 1915. Кн. 2, вып. 8. С. 498–500.
- 69 См.: Наука в России: Справ. М.; Пг., 1923. № 11. С. 133.
- 70 *Черепнин Н.П.* Летопись архивной жизни // Ист. архив. 1919. № 1. С. 482. Отметим, кстати, что эта статья, датированная 30.XII.1918 г., была помещена без подписи автора в разделе “Хроника” Ее авторство установлено Н.Ф. Бельчиковым в рец. “Литература по архивному делу. 1917–1923 // Архивное дело. 1925. Вып. 3, 4. С. 202.
- 71 См.: Список окончивших курс наук в Имп. С.-Петербургском археологическом институте. 1880–1911 // Яковлев П.С. Памятная книжка Императорского Археологического института в С.-Петербурге. СПб., 1911, № 59. С. 49.
- 72 См.: *Самоковасов Д.Я.* Указ. соч. Кн. 1. С. 16–20; Кн. 2. С. 78 (подстрочное примечание), а также Письма Константина Николаевича Бестужева-Рюми-

- на о Смутном времени. СПб., 1898. С. 23–24; *Львов А.Н.* Нужен ли Археологический институт в С.-Петербурге и какой именно. СПб., 1896, и др.
- 73 См.: *Черепнин Н.П.* Указ. соч. С. 482.
- 74 См.: *Добиаш-Рожdestвенская О.А.* История архивов романской Европы при старом порядке // Архивные курсы. Лекции, чит. слушателям Архивных курсов при ПАИ в 1918 г. Пг., 1920. С. 152.
- 75 Там же. С. 150, 152.
- 76 См.: *Изюмов А.Ф.* Главное управление архивным делом. 15 июня 1918–1920 гг. // Сборник декретов, циркуляров, инструкций и распоряжений по архивному делу за время с 15. VI. 1918 по 15. VI. 1921 г. М., 1921. С. 34.
- 77 См.: *Чернов А.В.* История и организация архивного дела в СССР: Крат. очерк. М., 1940. С. 74; *Максаков В.В.* Архивное дело в первые годы Советской власти. М., 1959. С. 115; *Он же.* История и организация архивного дела в СССР. 1917–1945 гг. М., 1969. С. 99; Теория и практика архивного дела в СССР. М., 1966. С. 14 и др.
- 78 См.: *Маяковский И.Л.* Очерки по истории архивного дела в СССР 1-е изд. М., 1941. Ч. 1. С. 300–302; 2-е изд. М., 1960. С. 291–293.
- 79 *Маяковский И.Л.* Очерки по истории архивного дела в СССР. 2-е изд. С. 293.
- 80 *Кондратьев В.А., Сивков К.В.* Архивное дело и публикация исторических источников // Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963. Т. 3. С. 579.
- 81 ЦИАМ. Ф. 376. Оп. 3. Д. 32. Л. 72об.
- 82 См.: *Зайцев В.А.* Московский археологический институт. Организация и деятельность в 1907–1917 гг. М., 1978 (дипломная работа, рукопись). С. 13.
- 83 См.: *Еромолаев И.П., Литвин А.Л.* Профессор Н.И. Фирсов: Очерк жизни и деятельности. Казань, 1976.
- 84 См.: *Зайцев В.А.* Указ. соч. С. 58–59.
- 85 См.: *Валк С.Н.* Регесты в их прошлом и настоящем // Археограф. ежегодник за 1968 год. М., 1970. С. 28 (подстрочное примеч. 18); *Бржостовская Н.В.* Архивы и архивное дело в зарубежных странах. История и современная организация. М., 1971. С. 74–75.
- 86 См.: *Колесников И.Ф.* Вспомогательные исторические дисциплины и их значение для истории и архивной работы // Архивное дело. 1940. № 2. С. 17.
- 87 См. о нем: *Закс А.Б.* К истории Государственной Оружейной палаты. 1917–1936 // Очерки музейного дела в СССР. М., 1968. Вып. 6. С. 184 (подстрочное примеч. 4); *Писаренко О.Э.* “Красный генерал” Маркс // Вопр. истории. 1974. № 12. С. 196–197.
- 88 ЦИАМ. Ф. 376. Оп. 3. Д. 43. Л. 190, а также Д. 79. Л. 4.
- 89 ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 56. Л. 44–86об.
- 90 *Ардашев Н.Н.* Теоретический курс по кафедре дипломатики // Программы лекций, читаемых в МАИ. [1908–09]. Курс 1. С. 71–72.
- 91 См., например: *Колесников И.Ф.* Исторический обзор архивного законодательства в связи с историей и современным состоянием архивов на Западе и в России: Пособие и лекции по архивоведению, чит. в Московском археологическом институте его директором А.И. Успенским в 1908–1909 акад. году. М., б.г. (литограф. издание).

- 92 См., например: Памяти И.Ф. Колесникова // Труды МГИАИ. 1954. Т. 7. С. 227–236. Автор мемориальной статьи не указан, но есть основания считать, что исходным материалом для нее послужил доклад И.Л. Маяковского “И.Ф. Колесников как архивист”, с которым он выступил в 1947 г. на заседании Ученого совета МГИАИ, посвященном 75-летию проф. Колесникова. См.: Список ученых трудов профессора И.Л. Маяковского // Труды МГИАИ. 1957. Т. 8. С. 367.
- 93 Колесников И.Ф. Указ. соч. С. 45–46.
- 94 Там же. С. 47.
- 95 ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 56. Л. 46; Ср.: Колесников И.Ф. Указ. соч. С. 5–7.
- 96 РГАДА. Ф. 1239. Оп. 36. Д. 27. Л. 37об.
- 97 См.: Александров А.А. Комиссия по изданию сочинений, бумаг и писем графа М.М. Сперанского // Археограф. ежегодник за 1993 год. М., 1995. С. 172–188; Он же. Академик А.С. Лаппо-Данилевский – председатель Комиссии по изданию сочинений, бумаг и писем гр. М.М. Сперанского // Археограф. ежегодник за 1994 год.
- 98 См.: Есаков В.Д. Неосуществленный проект АН // Вестник РАН. 1997. Т. 67. № 12. С. 1129–1139.
- 99 См.: Пресняков А.Е. Труды А.С. Лаппо-Данилевского по русской истории // Русский ист. журнал. 1920. Кн. 6. С. 109.
- 100 ПФА РАН. Ф. 113. Оп. 2. Д. 53; См.: Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. Пг., 1916. Т. 1. С. 675–692.
- 101 Ремизов А.М. Жизнь бессмертная // Огонек. 1989. № 31. Июль. С. 10–13.
- 102 Бельчиков Н.Ф. Отчет о деятельности Кубанско-Черноморского областного архивного управления за 1920 год // Сборник материалов и статей: Редакция журнала “Истор. архив” М., 1921. Вып. 1. С. 245.
- 103 Там же. С. 246.
- 104 См.: Смирнов А.И. Введение // Очерки по истории архивного дела. Ч. 1: Записи лекций автора, изданные студентами Ярославского отделения МАИ. Ярославль. 1922. Вып. 1. С. 3 (на правах рукописи).
- 105 Там же. С. 5.
- 106 Там же. С. 55.
- 107 Цит. по: Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и Российская академия наук. С. 245.
- 108 Там же. С. 232.
- 109 Вернадский В.И. Дневники. 1917–1921 гг. С. 252.
- 110 См.: Медушевская О.М. Методология истории А.С. Лаппо-Данилевского и современное гуманитарное знание. С. 245.
- 111 См.: Хорхордина Т.И. История Отечества и архивы. С. 6–67.
- 112 Очерк составлен по: ГАРФ. Ф. 7789; Там же. Ф. 7798; РГИА. Ф. 1686; Автократов В.Н. Из истории централизации архивного дела в России (1917–1918 гг.); Пресняков А.Е. Реформа архивного дела в России // Русский ист. журнал. 1918. Кн. 4; [Голицын Н.В.] Союз архивных деятелей // Ист. архив. 1919. Кн. 1; Иванова Л.В. Из истории Союза российских архивных деятелей в 1917–1924 гг. // Проблемы истории русского общественно-го движения и исторической науки. М., 1981; Шмидт С.О. К истории архивного строительства в первые годы Советской власти // Проблемы архи-

- воведения и истории архивных учреждений. Л., 1970; *Хорхордина Т.И.* Союз рыцарей архивного дела // Вестник архивиста. 1998. № 3 (45).
- 113 См.: Сообщение о 70-летнем юбилее Ф.А. Нинева // Пяевалехт. Таллинн. 1927. № 235; *Соом А.* Воспоминания: Ст. // Эстонский исторический архив. Тарту, 1996; *Хорхордина Т.И.* История Отечества и архивы. С. 16–18; ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2744. Л. 1–6.
- 114 ЭИА. Ф. 661. Оп. 1. Д. 1–800; Ф. 1421. Оп. 1. Д. 1–77; Ф. 2100. Оп. 4. Д. 460–470; Ф. 1618. Оп. 1. Д. 1–34.
- 115 ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2744. Л. 1–6.
- 116 ЭИА. Ф. 1421. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.
- 117 Цит. по: *Кустола А.* Нинева Фридрих Адович (1857–1929): Курс. работа студента ИАИ РГГУ Научн. руководитель – Т.И. Хорхордина. Нарва, 2001. С. 13 (рукопись).
- 118 *Лебедев А.И.* Делопроизводство в учреждениях как базис архивной работы // Морской сборник. 1913. № 2. С. 41–80.
- 119 ЭИА. Ф. 1421. Оп. 1. Д. 4. См., в частности, критику системы А.И. Лебедева Фридрихом Нинева, который возглавил экспертную комиссию из 17 человек, образованную для рассмотрения рекомендаций А.И. Лебедева, и дал отрицательное заключение. Цит. по: *Кустола А.* Указ. соч. С. 9–10.
- 120 *Лебедев А.И.* Указ. соч. С. 75.
- 121 *Мандельштам О.* Разговор о Данте. М., 1967. С. 28.
- 122 ГАРФ. Ф. 7789. Оп. 1. Д. 42. Л. 5.
- 123 Там же. Л. 6.
- 124 Очерк составлен по: ГАРФ. Ф. 7789; *Химица Н.И.* Отечественное архивное строительство: идея централизации на рубеже XIX–XX веков // Отеч. архивы. 1998. № 4; *Автократов В.Н.* Из истории централизации...; *Хорхордина Т.И.* История Отечества и архивы.
- 125 Очерк составлен по: РГАДА. Ф. 1287; *Алексеева А.И.* “На достоинствах нравственных, а не на силе...” // Человек. 1991. № 6; *Шмидт С.О.* Записка С.Ф. Платонова об учено-литературной деятельности С.Д. Шереметева: К 150-летию со дня рождения председателя Императорской Археографической комиссии графа С.Д. Шереметева // Археограф. ежегодник за 1994 год. М., 1996; *Шохин Л.И.* С.Д. Шереметев-историк в своих дневниковых записях // Там же.
- 126 Цит. по: *Алексеева А.И.* “На достоинствах нравственных, а не на силе...” С. 143.
- 127 Там же. С. 150.
- 128 Очерк составлен по: *Автократов В.Н.* Из истории централизации... С. 313–393; Об архивно-археологической деятельности Д.Я. Самоковасова, И.Я. Стеллецкого, В.К. Клейна / Подг. Л.И. Шохин // Археограф. ежегодник за 2000 год. М., 2001; *Клейн В.Б., Панова Т.Д.* Минувшее – не значит забытое. Владимир Карлович Клейн // Вестник архивиста. 2002. № 4–5. С. 327–341.
- 129 Очерк составлен по: *Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М.* “Дело славистов”: 30-е годы / Отв. ред. Н.И. Толстой. М., 1994; После обстрела Московского Кремля / Публ. В.О. Седельникова // Звенья: Ист. альманах. М., 1991. Вып. 1.
- 130 РГИА. Ф. 484. Оп. 1. Д. 1854. Л. 8–10.

- 131 ГАРФ. Ф. 7789. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.
- 132 Там же. Д. 18. Л. 13об.; Д. 1. Л. 250.
- 133 "...Будучи враждебно настроен установившемуся советскому строю..." (Из архивного следственного дела на Г.Н. Гарина-Михайловского): Вступ. ст., коммент. и подгот. текста Н.М. Перемысленниковой // Отеч. архивы. 1997. № 3.
- 134 Егоров Д.Н. Образование архивиста на Западе // Архивное дело. 1923. Вып. 1. С. 13, 15.
- 135 Там же. С. 16.
- 136 Там же. С. 18.
- 137 Там же. С. 20.
- 138 Там же. С. 22.
- 139 Там же. С. 25.
- 140 Там же. С. 12–25.
- 141 См.: Голицын Н.В. С.М. Горяинов: Некролог. // Ист. архив. Пг., 1919. Т. 1. С. 414–421.
- 142 Очерк составлен по: ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9; Там же. Ф. 130. Оп. 2; Крылов В.В. Человек огромной энергии и интеллекта // Сов. библиография. 1989. № 6; Шмидт С.О. К юбилею Д.Б. Рязанова // Археограф. ежегодник за 1995 год. М., 1997; Автократов В.Н. Из истории централизации...; Рокитянский Я.Г., Мюллер Р. Красный диссидент. М., 1996; Д.Б. Рязанов – ученый, государственный и общественный деятель. М., 2000.
- 143 На боевом посту: Сб. к шестидесятилетию Д.Б. Рязанова. М., 1930. С. 141.
- 144 Цит. по: Рокитянский Я.Г. Трагическая судьба академика Д.Б. Рязанова // Новая и новейшая история. 1992. № 2. С. 130.
- 145 VIII Всесоюзный съезд ВЛКСМ, 5–16 мая 1928 г.: Стеногр. М., 1928. С. 158.
- 146 Цит. по: Рокитянский Я.Г., Мюллер Р. Указ. соч. С. 76.
- 147 Там же. С. 144.
- 148 ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 25. Л. 12.
- 149 Шмидт С.О. К юбилею Д.Б. Рязанова // Археограф. ежегодник за 1995 год. М., 1997. С. 40.
- 150 Очерк составлен по: Академическое дело 1929–1930 гг. СПб., 1993. Вып. 1: Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова; Перченко Ф.Ф. Академия наук на "великом переломе" // Звенья: Ист. альманах. М., 1991. Вып. 1; Брачев В.С. "Дело" академика С.Ф. Платонова // Вопр. истории. 1989. № 5; Он же. Сергей Федорович Платонов // Отеч. история. 1993. № 1; Шмидт С.О. Сергей Федорович Платонов и "Дело Платонова" // Сов. историография. М., 1996; Цамутали А.Н. Сергей Федорович Платонов // Историки России. XVIII – начало XX века. М., 1996.
- 151 См.: Платонов С.Ф. Автобиографическая записка // Академическое дело 1929–1930 гг. СПб., 1993. Вып. 1. С. 265.
- 152 Там же. С. 35.
- 153 ГАРФ. Ф. 7789. Оп. 1. Д. 30. Л. 53–53об.
- 154 См.: Голицын Н.В. Союз архивных деятелей // Ист. архив. 1919. № 1. С. 516–520.
- 155 Там же. С. 517.
- 156 Там же. С. 518.

- 157 ГАРФ. Ф. 7789. Оп. 1. Д. 42. Л. 29–30об.; Цит. по: *Автократов В.Н.* Теоретические проблемы отечественного архивоведения. С. 381. Примеч. 15.
- 158 См.: *Автократов В.Н.* Теоретические проблемы отечественного архивоведения. С. 323.
- 159 Издания губернских ученых архивных комиссий 1884–1923 гг. / Сост. Л.Ф. Писарькова; Отв. ред. С.О. Шмидт. N.Y., 1994. Вып. 1.: Бессарабская, Витебская, Владимирская, Воронежская, Вятская, Екатеринославская, Иркутская, Калужская, Костромская и Курская архивные комиссии. (Norman Ross publishing.)
- 160 *Чирков С.В.* [Рец.] на “Издания губернских ученых архивных комиссий...” // Отеч. архивы. 1994. № 5. С. 127.
- 161 См.: *Бржостовская Н.В.* Деятельность ГУАК по созданию исторических архивов // Труды МГИАИ. М., 1954. Вып. 5. С. 79–116; *Шведова О.Н.* Указатели “Трудов” ГУАК и отдельных их изданий // Археограф. ежегодник за 1957 год. М., 1958. С. 377–433; *Писарькова Л.Ф.* ГУАК: организация, численность и условия деятельности // Археограф. ежегодник за 1989 год. М., 1990, и др.
- 162 *Языков С.Р.* К вопросу об архивном законодательстве // Вестник Имп. Обва ревнителей истории. Пг., 1916. Вып. 3. С. 191.
- 163 *Голицын Н.В.* Указ. соч. С. 518.
- 164 ГАРФ. Ф. 7789. Оп. 1. Д. 1. Л. 137об.; *Автократов В.Н.* Теоретические проблемы отечественного архивоведения. С. 323.
- 165 Там же. С. 324.
- 166 См.: *Голицын Н.В.* Указ. соч. С. 519–520.
- 167 Там же. С. 520.
- 168 *Автократов В.Н.* Теоретические проблемы отечественного архивоведения. С. 316.
- 169 Там же. С. 380.
- 170 Очерк составлен по: *Богоявленский С.К.* Некролог С.А. Белокурова // Ист. архив. 1919. Кн. 1; Белокуров Сергей Алексеевич // Русский ист. журнал. 1921. Кн. 7; Белокуров Сергей Алексеевич // История исторической науки; Историки и краеведы Москвы: Некрополь: Биобиблиограф. справ. М., 1996; *Шохин Л.И.* МАМЮ и русская историческая наука. М., 1999.
- 171 Цит. по: *Богоявленский С.К.* Указ. соч. С. 423.
- 172 *Белокуров С.А.* Библиотека и архив Соловецкого монастыря после осады 1676 года // Чтения Императорского общества истории и древностей российских. М., 1877. Кн. 1; *Он же.* О библиотеке Московских государей в XVI столетии. М., 1898; *Он же.* Русские летописи: В 3 т. М., 1897.
- 173 *Богоявленский С.К.* Указ. соч. С. 424.
- 174 Там же. С. 426.
- 175 Очерк составлен по: Архив РАН. Ф. 553; С.К. Богоявленский: (Некролог) // Славяне. 1947. № 9; *Функ М.К.* Разработка С.К. Богоявленским теории и методики архивного дела: (по неопубликованным статьям) // 40 лет научному студенческому кружку источниковедения истории СССР. М., 1990; Историки и краеведы Москвы; *Шохин Л.И.* С.К. Богоявленский в РГАДА // Археограф. ежегодник за 1995 год. М., 1997; *Акишин М.О.* К истории сибирской ссылки С.К. Богоявленского // Отеч. архивы. 1997. № 6.

- 176 Шохин Л.И. С.К. Богоявленский в РГАДА. С. 366.
- 177 Там же. С. 366–367.
- 178 Очерк составлен по: ГАРФ. Ф. АА. 1919 г. Д. 2а. Л. 25–27; Историки и краеведы Москвы; *Шапиро А.Л.* Русская историография с древнейших времен до 1917 г. СПб., 1993; С.Ф. Платонов: Неизданный некролог М.М. Богословскому / Подг. А.В. Мельников // Археограф. ежегодник за 1998 год. М., 1999. С. 388–397; *Мельников А.В.* М.М. Богословский в воспоминаниях современников / Археограф. ежегодник за 2000 год. М., 2002. С. 280–301.
- 179 РГАДА. Ф. АА. 1919 г. Д. 2а. Л. 25–27об.
- 180 Там же. Л. 26.
- 181 Там же. Л. 27–27об.
- 182 См. подробнее: *Хорхордина Т.И.* История Отечества и архивы. С. 95–102.
- 183 Очерк составлен по: *Вернадский Г.В.* 25-летие научно-литературной деятельности В.Н. Бенешевича // Сб. статей по археологии и византиноведению, издаваемый семинарием им. Н.П. Кондакова. Прага, 1927. Т. 1. С. 312–313; *Анциферов Н.П.* Из дум о былом. М., 1992; Из переписки О.А. Добиаш-Рождественской 1920–1930-х годов / Публ. Б.С. Кагановича // Отеч. история. 1992. № 3; Неполную библиографию трудов В.Н. Бенешевича см.: Дела и дни // Ист. журнал. 1920. Кн. 1. С. 381; Скорбная летопись // Русский ист. журнал. 1921. № 7.
- 184 1-я конференция архивных деятелей Петрограда // Дела и дни. 1920. Кн. 1. С. 379–380.
- 185 Там же. С. 380.
- 186 *Покровский М.Н.* Выступление на заседании Общества историков-марксистов при Коммунистической академии // Историк-марксист. 1929. № 4. С. 5, 9, 12.
- 187 ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 1. Д. 6. Л. 7. См. также: *Корнеев В.Е., Копылова О.Н.* Архивист в тоталитарном обществе: борьба за “чистоту” архивных кадров. 1920–1930-е годы // Отеч. архивы. 1993. № 5. С. 29–30.
- 188 См.: Указания и распоряжения по архивному делу // Архивное дело. 1925. Вып. 2. С. 101, 103.
- 189 РГАДА. Ф. АА. 1919 г. Д. 3. Л. 107, 107об.
- 190 Там же. Л. 108.
- 191 Там же. Л. 112.
- 192 ГАРФ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 120. Л. 22об (машиноп. копия с оригинала).
- 193 РГАДА. Ф. АА. 1919 г. Д. 3. Л. 112.
- 194 Там же. Д. 1. Л. 3–4.
- 195 ГАРФ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 75. Л. 90–91.
- 196 РГАДА. Ф. АА. 1919 г. Д. 1. Л. 3–4; Д. 2а; Д. 3. Л. 14–15об.; Д. 7. Л. 25.
- 197 Очерк составлен по: Первая Всебелорусская конференция архивных работников. 15–25 мая 1924 г.: Док. и материалы. Минск, 1999; *Гесь А.М.* Документы Национального архива о деятельности В.И. Пичеты // Ист. источники: проблемы классификации, изучения и преподавания: Материалы к Междунар. научн.-практ. конф., посвящ. 120-й годовщине со дня рождения В.И. Пичеты. Минск, 1998 (на белорусск. яз.); *Яновский А.А.* Первый ректор Белорусского университета (к вопросу об источниках для изучения истории образования и науки в Белоруссии) // Там

- же; *Перченко Ф.Ф.* Академия наук на “великом переломе”; СЭС. 2-е изд. М., 1983.
- 198 Первая Всебелорусская конференция архивных работников. С. 16.
- 199 Очерк составлен по: Съезд губернских уполномоченных Главархива. М., 1919; *Пашуто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992. С. 228–229; *Павлова Т.Ф.* А.Ф. Изюмов и РЗИА // *Отеч. архивы.* 1996. № 4; *Она же.* Русский заграничный исторический архив в Праге // *Вопр. истории.* 1990. № 11.
- 200 Съезд губернских уполномоченных Главархива. С. 45.
- 201 ГАРФ. Ф. Р-5962. Оп. 1. Д. 11. Л. 117.
- 202 Цит. по: *Павлова Т.Ф.* А.Ф. Изюмов и РЗИА. С. 35.
- 203 Очерк составлен по: Украинские архивисты: Биобиблиограф. справ. Киев, 1999 (на укр. яз.); *Матяш И.Б.* Архивоведение времен тоталитаризма: противоборство науки и политики // *Проблемы истории Украины.* Вып. 4. Киев, 1998 (на укр. яз.); *Он же.* Личность в украинской архивистике. Киев, 2001 (на укр. яз.).
- Избранная библиография работ В. Веретенникова: Из истории тайной канцелярии: Очерки. 1731–1762. Харьков, 1911; Очерки истории генерал-прокуратуры в России доекатерининского времени. Харьков, 1915; Заметки по архивному строительству: К вопросу о классификации архивного материала // *Архівна справа,* 1925. Кн. 1; К вопросу о подготовке архивных работников // *Там же.* 1927. Кн. 2, 3; Всеукраинские краткосрочные архивные курсы: Программа курса // *Там же;* О понятии “архивный фонд” // *Там же.* Кн. 4; Обзор основных систем классификации – упорядочивания архивных материалов // *Архивоведение /* Под ред. В.И. Веретенникова. Харьков, 1931.
- 204 Архивоведение: Элементар. учеб. / Под. ред. В. Веретенникова. Харьков, 1932. С. 13.
- 205 Там же. С. 14.
- 206 РГАДА. Ф. АА. 1919 г. Д. 3. Л. 96.
- 207 См.: 2-й съезд архивных работников РСФСР: Стенограф. отчет: В 2 т. М., 1929. Т. 2. С. 4–5.
- 208 РГАДА. Ф. АА. 1919 г. Д. 3. Л. 97–98.
- 209 Хроника // *Дела и дни.* 1920. Кн. 1. С. 496–497.
- 210 *Черепнин Н.П.* Указ. соч. С. 515.
- 211 РГАДА. Ф. АА. 1919. Д. 3. Л. 99.
- 212 См.: *Хими́на Н.И.* [Раздел] Развитие архивоведческой научной мысли. 1918–1921 // *История архивного дела в СССР.* Крат. очерки. М., 1991. СИФ ВНИИДАД. С. 32–33, 79–94.
- 213 Очерк составлен по: ГАРФ. Ф. 7789. Оп. 1. Д. 85. Л. 18; *Автократов В.Н.* Понятие “архивный фонд” в советском архивоведении 1920-х годов // *Археограф. ежегодник* за 1984 год. М., 1986; *Хими́на Н.И.* Отечественное архивное строительство: идея централизации на рубеже XIX–XX веков.
- 214 ГАРФ. Ф. 7789. Оп. 1. Д. 85. Л. 18.
- 215 Там же. Л. 18об.
- 216 См.: *Автократов В.Н.* Понятие “архивный фонд” в советском архивоведении 1920-х годов. С. 46–47.

- 217 Проект архивной терминологии И.В. Пузино. ГАРФ. Ф. 7789. Оп. 1. Д. 85. Л. 19.
- 218 См.: Пузино И.В. Западноевропейские периодические издания по архивному делу // Архивное дело. 1923. Вып. 1. С. 44.
- 219 Там же. С. 45.
- 220 Там же. С. 45–46.
- 221 Там же. С. 58.
- 222 См.: Пузино И.В. О принятых на Западе способах сохранения архивных документов. Пг., 1919 г.
- 223 См.: Курникова И.А. Проблема архивных кадров // История архивного дела в СССР. 1918–1980: Крат. очерки. СИФ ОЦНТИ ВНИИДАД. С. 96–97.
- 224 Там же. С. 109.
- 225 Там же. С. 111; 184–223.
- 226 См.: Черепнин Н.П. Указ. соч. С. 482–483.
- 227 Предисловие // История архивного дела классической древности, в Западной Европе и на мусульманском Востоке: Лекции, чит. слушателям Архивных курсов при Петроградском археологическом институте в 1918 году. Вып. 1. Пг., 1920.
- 228 Там же. С. 1.
- 229 Там же. С. 2.
- 230 Там же. С. 2–3.
- 231 Маяковский И.Л. Исторический очерк развития архивного дела в России. Пг., 1920. Вып. 2.
- 232 Платонов С.Ф. Речь, произнесенная при открытии Петроградских архивных курсов 31 августа 1918 года // Архивные курсы. История архивного дела: Лекции, чит. слушателям Архивных курсов при Петроградском археологическом институте в 1918 г. С. 4.
- 233 Там же. С. 4–5.
- 234 Там же. С. 5.
- 235 См.: Черепнин Н.П. Указ. соч. С. 509.
- 236 Там же. С. 510–511.
- 237 Борщаговский А. Обвиняется кровь. М., 1994. С. 12, а также о З.Г. Гринберге см. с. 43–45, 70.
- 238 ГАРФ. Ф. 7798. Оп. 1. Д. 1, 2, 5, 7, 8, 13, 32, 34, 40–42, 47, 51–52, 73, 76.
- 239 См.: Новая русская книга. Берлин, 1922. № 2.
- 240 См.: Ист. архив. 1919. Кн. 1. С. 513.
- 241 См., например: Максаков В.В. История и организация архивного дела. 1917–1945 гг. М., 1969. С. 54–55.
- 242 См.: Черепнин Н.П. Указ. соч. С. 511.
- 243 Там же. С. 512.
- 244 Там же. С. 513.
- 245 ГАРФ. Ф. 7798. Оп. 1. Д. 91. Л. 39–40.
- 246 Там же. Д. 82, 132.
- 247 Там же. Д. 53, 108.
- 248 Николаев А.С. Реформа архивного дела в России // Ист. архив. 1919. Кн. 1. С. 48–49.
- 249 Там же. С. 57.

- 250 Там же. С. 55.
251 ГАРФ. Ф. 7789. Оп. 1. Д. 84. Л. 1.
252 Там же. Д. 8. Л. 1–38.
253 *Николаев А.С.* Реформа архивного дела в России. С. 22–23.
254 Там же. С. 23.
255 Там же. С. 22.
256 *Полянская Л.И.* Первые шаги // Сов. архивы. 1968. № 1. С. 39.
257 ГАРФ. Ф. 7798. Оп. 1. Д. 23. Л. 4.
258 Там же. Л. 6.
259 *Николаев А.С.* Речь, произнесенная при открытии Петроградских архивных курсов 31 августа 1918 года // История архивного дела классической древности, в Западной Европе и на мусульманском Востоке: Лекции, чит. слушателям Архивных курсов при Петроградском археологическом институте в 1918 году. С. 22.
260 Там же. С. 23.
261 Там же. С. 24.
262 Там же. С. 25.
263 Там же.
264 Там же. С. 26.
265 ГАРФ. Ф. 7798. Оп. 1. Д. 8.
266 Там же. Л. 9.
267 Там же. Л. 11.
268 Там же. Л. 11об.
269 Там же. Л. 13.
270 Там же. Л. 14.
271 Там же. Л. 14об.
272 Там же. Л. 15.
273 Там же. Л. 17.
274 Там же. Л. 18.
275 Там же. Л. 18об.
276 Там же. Л. 20.
277 Там же. Л. 21.
278 См.: *Максаков В.В.* История и организация архивного дела в СССР. 1917–1945 гг. М., 1969. С. 58, 61–62.
279 См.: *Майер Н.* Служба в комиссариате юстиции и народном суде // Архив русской революции: В 22 т. М., 1991. Т. 8. С. 86–87.
280 Съезд губернских уполномоченных Главархива. М., 1919. Фонд редких книг библиотеки ИАИ РГГУ. С. 2–3.
281 ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 6. Л. 24.
282 Там же. Ф. 7789. Оп. 1. Д. 8. Л. 26об.
283 Там же. Л. 30.
284 Там же. Л. 34об.
285 Там же. Л. 37.
286 См.: *Аннинский С.А.* 1-я конференция архивных деятелей Петрограда // Дела и Дни. Ист. журнал. 1920. Кн. 1. С. 373.
287 ГАРФ. Ф. 7789. Оп. 1. Д. 8. Л. 37об.
288 См.: *Аннинский С.А.* Указ. соч. С. 374.

- 289 Там же. С. 372–373.
- 290 Там же. С. 373.
- 291 Там же. С. 384.
- 292 Очерк составлен по: ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9; *Артизов А.Н.* Критика М.Н. Покровского и его школы (К истории вопроса) // История СССР. 1991. № 1; *Он же.* Историографические семинары М.Н. Покровского // История и историки. М., 1995; *Чернобаев А.А.* “Профессор с пикой”, или Три жизни историка М.Н. Покровского. М., 1992; *Хорхордина Т.И.* История Отечества и архивы.
- 293 *Кобрин В.Б.* Кому ты опасен, историк? М., 1992. С. 142.
- 294 ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 284. Л. 92, 936.
- 295 I Всероссийская конференция архивных деятелей // Архивное дело. 1923. Вып. 1. С. 105.
- 296 Историк-марксист. 1929. Т. 14. С. 12.
- 297 2-й съезд архивных работников РСФСР: Стенограф. отчет: В 2 т. Т. 1. С. 95.
- 298 “Я себя считаю лично уже ушедшим”: Письма М.Н. Покровского. 1929–1931 // Ист. архив. 1993. № 4. С. 198.
- 299 *Пресняков А.Е.* Образование Великорусского государства: Речь перед защитой диссертации // Летопись занятий Археограф. комиссии. Пг., 1920. Вып. 30. С. 4–5.
- 300 *Изгоев А.С.* Петроград 1917–1918 гг. // Архив русской революции: В 22 т. М., 1991. Т. 10. С. 28.
- 301 Архивное дело. 1928. № 4. С. 74.
- 302 См.: *Чернов А.В.* История и организация архивного дела в СССР. М., 1940. С. 128.
- 303 *Максаков В.В.* Архивное дело в первые годы Советской власти. М., 1959. С. 119; *Он же.* История и организация архивного дела в СССР. С. 100.
- 304 Архивное дело. 1928. № 4. С. 75.
- 305 См.: *Хорхордина Т.И.* Корни и крона: Штрихи к портрету ИАИ РГГУ. М., 1997.
- 306 Очерк составлен по: *Емельянов Ю.Н.* Вступительная статья к работе С.П. Мельгунова “Осада Зимнего дворца” // Вопр. истории. 1993. № 1; *Он же.* С.П. Мельгунов: в России и в эмиграции. М., 1998; С.П. Мельгунов – пассажир “философского парохода (1922 г.) / Предисл. В.С. Христофорова // Новая и новейшая история. 2003. № 2. С. 119–141.
- 307 *Емельянов Ю.Н.* Вступительная статья... С. 112.
- 308 Очерк составлен по: *Крылов В.В.* Его страстью был архивизм // Отеч. архивы. 1995. № 3; Основные труды Б.И. Николаевского: История одного предателя. Террористы и политическая полиция. М., 1991; Архив Троцкого и ГПУ // Социалистический вестник. 1936. № 22; Power and Soviet Elite. L., 1965; Русские масоны и революция. М., 1990.
- 309 Цит. по: *Крылов В.В.* Его страстью был архивизм С. 27–28.
- 310 Там же. С. 28.
- 311 См.: *Николаевский Б.И.* Русские масоны и революция. М., 1990.
- 312 См.: Социал-демократическая меньшевистская литература: Библиограф. указ. Стэнфорд, 1968.

- 313 См.: *Хорхордина Т.И.* История Отечества и архивы. Разд.: "Макулатурная" кампания. С. 180–294; "Чистка" архивных кадров. С. 204–239.
- 314 Сборник документов, циркуляров, инструкций и распоряжений по архивному делу. М., 1921. Вып. 1. С. 111–112.
- 315 См.: *Курникова И.А.* Документы Первой конференции архивных деятелей по проблеме подготовки кадров исторических архивов // Архивы СССР. История и современность: Межвуз. сб. науч. тр. М., 1989; Ср.: *Она же.* Из истории первых архивных курсов // Сов. архивы. 1989. № 2. С. 19–25.
- 316 2-й съезд архивных работников РСФСР. Т. 1. С. 192, 193.
- 317 Подробнее см.: *Хорхордина Т.И.* История Отечества и архивы. С. 97–120.
- 318 См. написанный И.А. Курниковой раздел 2.5 в коллективной монографии "История архивного дела в СССР": Кр. очерки. / Под ред. В.Н. Автократова. М., 1991. СИФ ОЦНТИ ВНИИДАД. С. 184–223.
- 319 Подробнее см.: *Курникова И.А.* Проблема архивных кадров. С. 192–201.
- 320 См.: Протоколы 1-го съезда архивных работников РСФСР 14–19 марта 1925 года. М.; Л., 1926. С. 232, а также: Первое пятилетие деятельности ленинградских архивов // Борьба классов. 1924. № 1–2. С. 369.
- 321 См.: *Николаев А.С.* О состоянии и публикации каталогов, указателей и справочников по архивному делу // Архивное дело. 1925. Вып. 3–4. С. 47–58.
- 322 См.: *Николаев А.С.* Формуляр фонда // Там же. 1928. № 14. С. 14–23.
- 323 См.: Архивное дело. 1928. № 14. С. 18. Предисловие к статье "Формуляр фонда"
- 324 ГАРФ. Дело фонда Р–7798. Л. 14.
- 325 Там же. Ф. 7798. Оп. 1. Д. 131–А.
- 326 РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Д. 1271. Л. 3–7.
- 327 Список трудов В.К. Лукомского и работ о нем см.: *Каменцева Е.И., Наумов О.Н.* В.К. Лукомский. Жизнь и деятельность: Биобиблиограф. указ. М., 1994; *Борисов И.В.* В.К. Лукомский: Неизвестные работы. М., 2002.
- 328 См.: *Хожина И.А.* Вклад А.С. Николаева в отечественное архивное дело: Диплом. работа. Научн. руководитель – Т.И. Хорхордина. М., 2001; РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1, 3. Д. 1271, 1389.
- 329 РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 3. Д. 1389. Л. 17.
- 330 См.: Тверской областной объединенный музей. Фонд музея. Оп. 1. Отдельная папка под № 431.
- 331 РГИА. Ф. АА. Оп. 3. Д. 924. Л. 36–37 (рукопись); Л. 38–39 (машинопись).
- 332 См.: *Снигирев В.В.* Делопроизводство Комиссии об учреждении народных училищ. 1782–1803 гг. // Описание дел архива Министерства народного просвещения / Под ред. С.Ф. Платонова и А.С. Николаева. Пг., 1917. Т. 1.
- 333 РГИА. Ф. АА. Оп. 1. Д. 275, 385; См.: Сов. архивы. 1988. № 4. С. 27–32.
- 334 См.: *Черепнин Н.П.* Указ. соч. С. 483.
- 335 См.: Архивное дело. 1923. Вып. 1. С. 163.
- 336 История архивного дела в СССР: Очерки / Под ред. В.Н. Автократова. М., СИФ ОЦНТИ ВНИИДАД. 1991.

- 337 ЦМAM. Ф. 3019. Оп. 1. Д. 52. Л. 1–29; См. первое сообщение о нем и анализ: *Хорхордина Т.И.* История Отечества и архивы. С. 80–83; Она же. “Неизвестный” Маяковский. М., 2001. С. 21–23.
- 338 ЦМAM. Ф. 3019. Оп. 1. Д. 52. Л. 1–2.
- 339 Там же. Л. 3–4.
- 340 Там же. Л. 5.
- 341 Там же. Л. 6.
- 342 Там же. Л. 7.
- 343 Там же. Л. 8.
- 344 Там же. Л. 10.
- 345 Там же. Л. 11.
- 346 Там же. Л. 13.
- 347 Там же. Л. 14.
- 348 Там же. Л. 29.
- 349 См.: Дела и дни. 1922. № 3. С. 238–239.
- 350 См.: Петроградская брошюра об архивах (1919 г.) / Вступ. ст. В.Н. Автократова (при участии И.Е. Шуббе) // Сов. архивы. 1988. № 4; *Агафонова Е.А., Соминич Г.Е.* Материалы ЦГИА СССР о деятельности архивных учреждений в 1918–1922 гг. // Сов. архивы. 1988. № 3.
- 351 Петроградская брошюра об архивах. С. 31–32.
- 352 Там же. С. 32.
- 353 Там же. С. 31.
- 354 РГИА. Ф. AA. Оп. 3. Д. 924; Оп. 1. Д. 119.
- 355 Там же. Ф. 6900. Оп. 1. Д. 132. Л. 24об.
- 356 ГАРФ. Ф. 7789. Оп. 1. Д. 1. Л. 157об.
- 357 См.: Тверской областной объединенный музей. Ф. Р-1. Оп. 1. Папка № 431.
- 358 Там же. Л. 8–10.
- 359 Там же. Л. 11.
- 360 Там же. Л. 12.
- 361 Там же. Л. 12–13.
- 362 Там же. Л. 14.
- 363 *Автократов В.Н.* Теоретические проблемы отечественного архивоведения. С. 287–288.
- 364 Тверской областной объединенный музей. Ф. Р-1. Оп. 1. Папка № 431. Л. 15.
- 365 См., например: *Автократов В.Н.* Теоретические проблемы отечественного архивоведения. С. 108–175.
- 366 Тверской областной объединенный музей. Ф. Р-1. Оп. 1. Папка № 431. Л. 18.
- 367 Там же. Л. 47–48.
- 368 Там же. Л. 33.
- 369 В очерке использованы наблюдения И.И. Глебовой. См.: *Глебова И.И.* Историк – археограф – архивист: проблема диалога // Междунар. науч. конф.: Историки и архивисты: сотрудничество в сохранении и познании прошлого в интересах настоящего и будущего. М., 1998.
- 370 *Рождественский С.В.* Историк – археограф – архивист // Архивное дело. 1923. Вып. 1. С. 1.

- 371 Там же. С. 4.
372 Там же. С. 3.
373 Там же. С. 4.
374 Там же. С. 4–5.
375 Там же. С. 5.
376 Там же. С. 8.
377 Там же. С. 12.
378 Очерк составлен по: РГАЛИ. Ф. 2567; Из переписки Ю.Г. Оксмана / Вступ. и примеч. М.О. Чудаковой, Е. А. Тоддеса // Четвертые тыняновские чтения. Рига, 1998; *Богачевская К.П.* Возвращение // Лит. обозрение. 1990; “Человек жизнерадостный и деятельный...”: набросок портрета Ю.Г. Оксмана по материалам его архива // Встречи с прошлым. М., 1990. Вып. 7; *Лурье Ф.М.* Хранители прошлого. Л., 1990; Украинские архивисты: Библиограф. справ. Киев, 1999. Вып. 1 (на укр. яз.); *Эджертон В.* Первые и последние встречи с Ю.Г. Оксманом // Археограф. ежегодник за 1995 год. М., 1997.
379 Очерк составлен по: ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 480; РГИА. Ф. 6900. Оп. 1. Д. 127; *Чирков С.В.* Александр Евгеньевич Пресняков // Историки России. XVIII – начало XX века. М., 1996; *Он же.* А.Е. Пресняков – археограф и архивист (К 125-летию со дня рождения) // Археограф. ежегодник за 1995 год. М., 1997; *Он же.* А.Е. Пресняков и архивная реформа // Археограф. ежегодник за 2000 год. М., 2001; *Он же.* Археография в исторической науке России рубежа XIX–XX веков: Дис. д-ра ист. наук. М., 2001 (рукопись); *Брачев В.С.* Русский историк А.Е. Пресняков СПб., 2002.
380 См.: *Пресняков А.Е.* Исторические источники и подлинные документы в научной работе: Речь, произнесенная при открытии Петроградских архивных курсов 31 августа 1918 года // История архивного дела классической древности, в Западной Европе и на мусульманском Востоке: Лекции, чит. слушателям Архивных курсов при Петроградском археологическом институте в 1918 году.
381 Там же. С. 14–15.
382 Там же. С. 17.
383 Там же. С. 18.
384 ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 480. Л. 17–26. Другой, сокращенный вариант статьи опубликован в Русском ист. журнале (1918. № 5).
385 ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 480. Л. 19–20.
386 *Чирков С.В.* Археография в исторической науке России рубежа XIX–XX веков. С. 494.
387 Известия Наркомвоенна. 1919. № 96. С. 2.
388 ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 480. Л. 21–22.
389 См.: *Чирков С.В.* Археография в исторической науке России рубежа XIX–XX веков. С. 499–500.
390 РГИА. Ф. 6900. Оп. 1. Д. 129. Л. 1.
391 ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 480. Л. 23.
392 *Пресняков А.Е.* Реформа архивного дела // Русский ист. журнал. 1918. № 5. С. 220.
393 Там же. С. 221.

- 394 См.: Пресняков А.Е. [Рец. на: Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920 г.] // Дела и Дни. 1920. Кн. 1. С. 450.
- 395 Чирков С.В. А.Е. Пресняков и архивная реформа. С. 257.
- 396 Там же. С. 258.
- 397 Подробнее см.: Хорхордина Т.И. История Отечества и архивы. С. 95–96.
- 398 Архивоведческие труды Е.В. Тарле: Тарле Е.В. Национальный архив в Париже // Архивные курсы: Лекции, чит. слушателям Архивных курсов при Петроградском археологическом институте в 1918 году. Пг., 1920. Ч. 1; Он же. Значение архивных документов для истории / Подгот. к печ. А.Г. Черновым // Вопр. архивоведения. М., 1961. № 3.
- 399 Тарле Е.В. Национальный Архив в Париже. С. 174–175, 198.
- 400 См.: Любименко И.И. Архивы Великобритании в их прошлом и настоящем: Лекции, чит. на Архивных курсах при Петроградском археологическом институте в 1918 году. Ч. 1. С. 227.
- 401 Тарле Е.В. Значение архивных документов для истории. С. 16.
- 402 Очерк составлен по: Архив РАН. Ф. 491; Шапиро А.Л. Историография с древнейших времен до 1917 года; Избранная библиография Ю.В. Готье: Стокгольмский государственный архив // Древности: Тр. Археограф. комиссии Императорского Московского археологического об-ва. М., 1898. Т. 1; Сборник статей по архивоведению / Под ред. И. Зубарева. СПб., 1911. Т. 1, ч. 2; Готье Ю.В. Мои заметки // Вопр. истории. 1991. № 6–12; 1992. № 1–5, 11–12; 1993. № 1; Пичета В.И. Академик Юрий Владимирович Готье: (Некролог) // Ист. записки. 1945. Т. 15. С. 301–304; Готье Ю.В. // История исторической науки.
- 403 Готье Ю.В. Движение исторической науки в связи с развитием археографии: 1-я Всеросс. конф. архивных деятелей. Москва, 29 сентября – 3 октября 1921 года // Архивное дело. 1923. Вып. 1. С. 117–118.
- 404 ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 291. Л. 5; Цит. по: Автократов В.Н. Понятие “архивный фонд” в советском архивоведении 1920-х годов // Археограф. ежегодник за 1984 год. М., 1986. С. 48.
- 405 РГИА. Ф. 6900. Оп. 2. Д. 117. Л. 9–10; ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 130. Л. 41; Д. 127. Л. 57 и др.
- 406 См.: Хорхордина Т.И. История Отечества и архивы. С. 115.
- 407 Ростовцев Е.А. А.С. Лаппо-Данилевский и Российская академия наук. С. 178.
- 408 ГАРФ. Ф. 7798. Оп. 1. Д. 85; Ф. 5325. Д. 219; ЦМAM Ф. 3018. Д. 170.
- 409 Протокол № 27 годичного собрания кружка архивных работников от 16 июня 1921 г. ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 219. Л. 98.
- 410 См.: Копанев А.И. Археографическая деятельность А.С. Лаппо-Данилевского в освещении С.Н. Валка // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1978. Т. 9. С. 88–89.
- 411 РГА ВМФ. Ф. 749. Оп. 1. Д. 581. Л. 150б.
- 412 Автократов В.Н. Из истории централизации архивного дела в России... С. 49.
- 413 См.: Маяковский И.Л. Исторический очерк архивного дела в России. С. 14.
- 414 ГАРФ. Ф. 7798. Оп. 1. Д. 85. Л. 119об. Ср.: Князев Г.А. Об архивной терминологии // 1-я конференция архивных работников Петрограда (проспект). Пг., 1920. С. 4.

- 415 Очерк составлен по: *Автократов В.Н.* Из истории централизации архивного дела в России... *Левшин Б.В.* Георгий Алексеевич Князев: К 100-летию со дня рождения // Сов. архивы. 1987. № 4; *Адамович А.М., Гранин Д.А.* Блокадная книга. Ч. 2 // Подвиг: Прилож. к журн. "Сельская молодежь" М., 1987. Вып. 1.
- 416 *Кондратьев Н.Д.* Теория истории А.С. Лаппо-Данилевского: К 25-летию научно-литературной деятельности // Ист. обозрение. Пг., 1915. Т. 20. С. 114–115. Здесь и далее мы приводим выдержки по черновому варианту статьи В.Н. Автократа "Понятие "архивный фонд" в советском архивоведении 1920-х годов", опубликованной в сокращенном виде в Археографическом ежегоднике за 1984 год (М., 1986. Личный архив автора. Дар М.И. Автократовой).
- 417 Архивная терминология (в дискуссионном порядке) // Архивное дело. 1925. Вып. 2. С. 52.
- 418 Цит. по протокольной записи, хранящейся в ГАРФ (Ф. 5325. Оп. 9. Д. 288. Л. 99).
- 419 *Автократов В.Н.* Понятие "архивный фонд" в советском архивоведении 1920-х годов. С. 22.
- 420 Протоколы 1-го съезда архивных деятелей РСФСР. М.; Л., 1926. С. 236–237.
- 421 Там же. С. 258–259.
- 422 Там же. С. 254.
- 423 Там же. С. 258; *Шереметевский В.В.* Несколько замечаний по поводу ленинградского проекта архивной терминологии // Архивное дело. 1925. Вып. 2. С. 56.
- 424 ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 931. Л. 113.
- 425 *Автократов В.Н.* Из истории централизации архивного дела в России... С. 37–38.
- 426 Цит. по: *Адамович А.М., Гранин Д.А.* Блокадная книга. С. 168.
- 427 См.: *Князев Г.А.* Теория и техника архивного дела. Л., 1935. С. 15.
- 428 Очерк составлен по: Архив ИАИ РГГУ. Личный состав. Д. 13; РГИА. Ф. 6900. Оп. 2; *Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л.* А.И. Андреев и развитие кафедры в начале 1950-х гг. // Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л. История кафедры вспомогательных исторических дисциплин: Учеб. пособие. М., 1990.
- 429 См.: *Пичета В.* I Всероссийская конференция архивных деятелей. Москва. 29 сентября – 3 октября 1921 г. // Архивное дело. 1923. Вып. 1. С. 122.
- 430 Соответствующие выдержки и их сравнительные оценки см.: *Автократов В.Н.* Понятие "архивный фонд" в советском архивоведении 1920-х годов. С. 59–60.
- 431 ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 1. Д. 931. Л. 120.
- 432 См.: *Автократов В.Н.* Понятие "архивный фонд" в советском архивоведении 1920-х годов. С. 48.
- 433 ЦМАМ. Ф. 3018. Оп. 1. Д. 170. Л. 55–58об.
- 434 Там же. Л. 56.
- 435 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 244. Л. 24–24об. Цит. по: *Шепелев В.* Документы с комментариями: архивная реформа в первые годы Советской власти // НИИ РЦХИДНИ. М., 1996. Вып. 7. С. 48.
- 436 Там же. Л. 25–26. Цит. по: *Шепелев В.* Указ. соч. С. 50–51.

- 437 Подробнее о нем см.: *Автократов В.Н.* Жизнь и деятельность военного историка и архивиста Г.С. Габаева. 1877–1956 // Сов. архивы. 1990. № 1, 2.
- 438 ГАРФ. Ф. 7798. Оп. 1. Д. 85. Л. 133–133об. Символично, что именно этот протокол с ироничным, но достаточно точным пересказом А.И. Лебедевым выступления М.Н. Покровского является последним, который отложился в личном архиве Николаева.
- 439 ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 219. Л. 59.
- 440 Там же. Л. 59об.
- 441 Там же. Л. 60.
- 442 Там же. Л. 61об.
- 443 *Изгоев А.С.* 5 лет в Советской России // Архив русской революции, изданный Г.В. Гессеном: В 22 т. М., 1991. Т. 10. С. 27–29.
- 444 См.: *Автократов В.Н.* Понятие “архивный фонд” в советском архивоведении 1920-х годов. С. 40–62.
- 445 РГИА. Ф. 6900. Оп. 1. Д. 89. Л. 115–115об.
- 446 ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 219. Л. 82.
- 447 Там же. Ф. 7798. Оп. 1. Д. 85. Л. 3.
- 448 Там же. Л. 82об.
- 449 Там же. Л. 83.
- 450 Там же. Л. 97.
- 451 Там же. Л. 98.
- 452 Там же. Л. 98об.
- 453 Личный архив автора. Копии черновых заметок Автократа. Дар М.И. Автократовой.
- 454 См.: *Хими́на Н.И.* Развитие архивоведческой научной мысли. 1918–1925. С. 88–89.
- 455 ГАРФ. Ф. 7789. Оп. 1. Д. 30. Л. 53–53об. Отчет о деятельности ОРАД за 1920 и 1921 гг.
- 456 В первую очередь это относится к И.Л. Маяковскому и М.С. Вишневному. И.Л. Маяковский – последний представитель старшего, еще старорежимного поколения архивистов, деятельность которого пришлась на несколько десятилетий советского периода (см.: *Хорхордина Т.И.* “Неизвестный” Маяковский). М.С. Вишневному был первым из сформировавшегося уже в советское время поколения архивистов, всеми силами пытавшийся сохранить генетическую связь с наукой об архивах прошлых лет, создавая теорию архивного дела в новых условиях (см.: *Крылов В.В., Хорхордина Т.И.* Михаил Станиславович Вишневи́нский: судьба архивиста // Вестник архивиста. 2001. № 4–5 (70–71); № 6 (72); № 1 (73)).

Заключение

- ¹ Микланд Л. Профессия архивиста в эпоху информатизации // Вестник архивиста. 1992. № 5. С. 92.
- ² Добиаш-Рождественская О.А. История архивов романской Европы при старом порядке // Архивные курсы: Лекции, чит. слушателям архивных курсов при Петроградском археологическом институте в 1918 году. Пг., 1920. Ч. 1. С. 97.
- ³ Там же. С. 98.
- ⁴ Там же. С. 99.

- Хорхордина Т.И.**
Х 82 Российская наука об архивах: История. Теория. Люди.
М.: Российск. гос. гуманит. ун-т. 2003. 525 с.
ISBN 5-7281-0670-6

Впервые в истории отечественной науки анализируется целостный процесс возникновения, становления и развития архивоведения XVI – начала XX в. В научный оборот вводится обширный комплекс архивных документов и других источников, на основе которых воссоздается история развития архивоведческой мысли в России.

Для специалистов, аспирантов и студентов гуманитарных вузов, а также всех, кто любит и ценит историю России.

Научное издание

Хорхордина Татьяна Иннокентьевна

**РОССИЙСКАЯ
НАУКА
ОБ АРХИВАХ:
История. Теория. Люди**

**Редактор
Г.Н. Дюкова**

**Художественный редактор
М.К. Гуров**

**Технический редактор
Г.П. Каренина**

**Корректор
Т.М. Козлова**

**Компьютерная верстка
Н.Н. Аксенова**

ИД № 05992, выд. 05.10.2001 г.
Подписано в печать 03.09.2003 г.
Формат 60х90¹/₁₆.
Усл. печ. л. 33,0.
Уч.-изд. л. 34,0.
Тираж 1000 экз. Заказ № 8603

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125267 Москва, Миусская пл., 6.
(095) 972-4200

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»»
121099 Москва, Шубинский пер., 6.

Российская наука об архивах

Т.И. Хорхордина